

Р.ПОРТАЛЬ

УРАЛ В XVIII ВЕКЕ

ББК 63.3(2)46
П 60

Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle: Étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950.

Переводы с французского и немецкого Л.Ф.Сахибгареевой, С.А.Калугина, Н.Н.Реуцкой

© Institut d'études slaves, 1950.
© Л.Ф.Сахибгареева, Н.Н.Реуцкая,
С.А.Калугин, перевод, 2003.
© И.В.Кучумов, вступительная статья, 2003.

УРАЛ МОДЕРНИЗИРУЮЩИЙСЯ

Фариде

В середине XVIII в. высшей чиновничьей бюрократией России было осознано некое особое своеобразие огромной области на востоке империи – Урало-Поволжья. Выделение этого региона в единое целое не было умозрительной конструкцией. Впервые такую мысль высказал выдающийся русский ученый П.И.Рычков (1712-1777), опиравшийся на тогда еще очень немногочисленные данные комплексных исследований Оренбургской экспедицией 1734-1744 гг. земель так называемой Новой России. Несмотря на то, что в последующие годы в целях совершенствования административного управления первоначальная территория образованной в 1744 г. Оренбургской губернии была разделена на отдельные менее значительные образования, в научной и хозяйственно-экономической сфере нередко продолжали сохраняться прежние пространственные координаты¹.

В работах отечественных ученых XIX-XX вв. Урал также выделялся в отдельное образование². Подобного рода искания были и в западной науке. Правда, надо сказать, что региональная тематика не имеет на Западе достаточно продолжительной традиции и до сих пор занимает не столь уж большой сегмент зарубежного россиеведения. За границей историей областей и республик бывшего СССР стали заниматься относительно недавно, лет 25-35 назад. Конечно, отдельные региональные работы выходили там и раньше, но они были единичными и находились как бы в стороне от основных тенденций и путей развития западной историографии³.

* * *

К числу первых зарубежных работ, выделявших Урал в особое социокультурное образование⁴, относится и предлагаемая вниманию читателя книга. Ее автор, профессор Роже-Антонэн-Робер Порталь, родился 6 мая 1906 г. в маленьком французском городке Амбер (департамент Пюи-де-Дом в центральной Франции) в семье портного. В 1931 г. он окончил Страсбургский университет. Значительная часть жизни ученого прошла на северо-востоке Франции, где он преподавал литературу в колледже города Сен-Дье (в 1929-1930), историю и географию в колледже в Сарбуре (1930-1932). В 1932-1937 гг. Р.Порталь – преподаватель лицея в г. Кольмар, в 1937-1950 гг. – лицея им. Пастера (Нейи-сюр-Сен, западный пригород Парижа). В 1949 г. он являлся научным сотрудником Национального центра научных исследований Франции, в 1950-1955 гг. профессором (с 1956 г. – почетным профессором) кафедры современной истории и истории Центральной и Восточной Европы филологического факультета Лилльского университета. Он был одним из ведущих французских славистов⁵, возглавлял кафедру истории и цивилизации славянских народов Сорбонны, где преподавал в 1955-1975 гг.,

¹ Напомним, что в 1923-1934 гг. существовала даже административная Уральская область, образованная на базе Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской губерний.

² Подробнее см.: *Побережников И.В.* Урал в схемах научного районирования России XIX в. // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000.

³ Применительно к нашей теме, например: *Tunner P.R. von.* Russlands Montan-Industrie, insbesondere dessen Eisenwaren. Beleuchtet nach der Industrie-Ausstellung zu St. Petersburg und einer Bereisung der vorzüglichsten Hüttenwerke des Urals im Jahre 1870. Leipzig, 1871; *Verstraete M.* L'Oural. Paris, 1899.

⁴ Ср. критерии «естественных» границ в современной французской историографии: *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1994. Кн. 1. С.279 и сл.

⁵ *Бовуа Д.* О периодизации истории французской славистики // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С.180.

в 1953-1964 гг. являлся главным редактором авторитетного научного журнала «Revue d'histoire moderne et contemporaine», в 1959-1973 гг. – директором парижского Института славянских исследований. Ему принадлежат работы по социально-экономическому развитию России в XVIII – начале XX вв., неоднократно переиздававшаяся и переведенная на английский и немецкий языки фундаментальная монография «Славяне: Обзор истории и культуры славянских народов», охватившая огромный фактический материал периода VIII-XX вв., научная биография Петра Великого, многочисленные рецензии, историографические обзоры, статьи в энциклопедиях и руководство авторскими коллективами...⁶ Будучи председателем Славянской комиссии Международного комитета историков, Р.Порталь координировал славяноведческие исследования в международном масштабе⁷. Он неоднократно бывал в Москве, входил в руководство общества «Франция – СССР». «Молодой, смуглый, с тонкими чертами лица и быстрыми движениями, Р.Порталь производил впечатление несколько самоуверенного человека», – таким запомнился автор «Урала в XVIII веке» будущему академику Н.М.Дружину на Всемирном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 г.⁸ Скончался Р.Порталь 30 декабря 1994 г.

«L'Oural au XVIIIe siècle étude d'histoire économique et sociale» (Урал в XVIII веке: Экономическая и социальная история. Париж, 1950)⁹ – фундаментальный труд по генезису и раннему этапу истории металлургической промышленности огромного региона, расположенного в центре Евразии. Это исследование является частью диссертации Р.Порталья на соискание ученой степени доктора филологии, защищенной им в декабре 1949 г.¹⁰

Проблема, поставленная французским автором, была весьма актуальна для послевоенной зарубежной историографии России. Советская индустриализация времен первых пятилеток столь сильно походила на насильственное насаждение Петром I уральской металлургической промышленности, что соответствующие аналогии напрашивались у западных исследователей сами собой. Кроме того, советская промышленность обслуживала нужды обороны и способствовала победе СССР во второй мировой войне так же, как индустрия петровская сыграла огромную роль в ходе противостояния России и Швеции. Во второй половине 1940-х гг. мир узнал о масштабах принудительного труда в Советском Союзе, что заставило вспомнить о массовом распространении крепостничества на промышленных предприятиях петровской эпохи. Наконец, изучение начального этапа истории российской модернизации должно было дать ответ на «вечные» вопросы о «загадке России», которые давно волновали Запад.

Концептуально и композиционно «Урал в XVIII веке» восходит к VI и VII главам книги выдающегося русского юриста-эмигранта барона Бориса Эммануиловича Нольде (1876-1948) «Образование Русской империи»¹¹, в какой-то мере представляя собой их более развернутое изложение. Сам Р.Порталь не упоминает о теоретических установках, положенных в основу его монографии. Однако, судя по всему, он опирался на идеи Юбера Буржана, изложенные в его книге «Промышленность и рынок: Опыт о

⁶ См.: *Gervais-Francelle C. Bibliographie des travaux de Roger Portal // Russes, slaves et soviétiques: Pages d'histoire offertes à Roger Portal. Paris, 1992. P.453-459.*

⁷ Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т.11. С.417.

⁸ *Дружинин Н.М. Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С.360.*

⁹ Фрагмент, посвященный основанию Екатеринбурга, был давно уже опубликован на русском языке, см.: *Пензин Э.А., Самусенко С.Х. Французский историк Р.Порталь о горном правлении в городе Екатеринбурге первых лет существования (1723-1734) // Уральский археографический ежегодник за 1971 год. Свердловск, 1974.*

¹⁰ Краткую характеристику этой работы см.: *Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М., 1991. С.115-117.*

¹¹ Этот труд до сих пор, к сожалению, мало известен в отечественной историографии. Ко времени выхода книги Р.Порталья он еще не был опубликован и автор, вероятно, пользовался рукописью. Указанные главы книги Б.Э.Нольде публикуются в Addenda к нашей книге.

законах индустриального развития» (1924). Вот как оценил подход Ю.Буржена выдающийся французский историк Ф.Бродель:

«С его точки зрения, в любом реально наблюдаемом состоянии промышленности выделяются – как вчера, так и сегодня – три формы, различные по своему размеру и местоположению:

1) Семейные *мастерские*, в которых работает ремесленник — в одиночку либо с одним-двумя компаньонами, чаще всего членами своей семьи; такая крохотная группа почти во всех случаях способна выжить при ежедневной мобилизации всех своих сил. Само слово «мастерская», «atelier» (происходящее от старофранцузского *asstelle*, «деревяшка»), первоначально обозначало мастерскую плотника. В дальнейшем оно получило специфический смысл, применяясь равно и к деревенской кузнице, и к подвалу, где держит свой станок ткач, и к будке сапожника и т.д., – то есть обозначая в каждом случае некую элементарную единицу, которая уже не поддается расчленению каким-либо дополнительным разделением труда. И хотя в городах такие мастерские связаны друг с другом в цеха и товарищества, тем не менее их хозяева проживают отдельно и сохраняют автономию.

2) *Распределенные фабрики*, каждая из которых представляет собой ряд рассеянных элементарных единиц, не соприкасающихся прямо одна с другой, но труд и продукция которых зависят от «купца-фабриканта». Этот фабрикант как бы обеспечивает связь между ними: он выдает им авансом сырье, частично оплачивает их труд до его полного завершения, собирает выделанный или не до конца выделанный продукт (в последнем случае он сам занимается его «доделкой»); а главное, он один осуществляет его сбыт и распространение. Примеры такого рода неисчислимы...

Распространение *распределенных фабрик* ускорилося и словно удесятирилось благодаря общему развитию сельских промыслов в Европе XVIII в. Торговый капитализм не мог вполне развернуться внутри городов, где рабочие, пользовавшиеся относительно высокими заработками и объединенные цеховой солидарностью, были слишком строптивы; свободу рук он обрел в сельской местности. Со своей стороны, за пределами городов ремесленник обладал большей свободой (то есть не так зависел от надзора) и жил в большем достатке...

Подобная система существовала в Европе повсеместно – в Богемии и Силезии, в Кастилии вокруг Сеговии и во всей Франции...

3) Последняя из наблюдаемых форм – это *компактное предприятие*, сосредоточенное в определенном пункте (мануфактура, фабрика, завод).

Именно в связи, с этой последней категорией и приходится говорить о *концентрации* наемного труда, которая лишь постепенно входила в обиход, принося с собой свои строгие правила и свои революционные перевороты. Ее конечным результатом стало скопление на тесном пространстве разнопрофильных цехов-мастерских – тем самым размер предприятия вырос на целый этаж, на целый порядок. Яркий пример такого предприятия – Геньонский кузнечный завод, один из первых планов которого хранится в Национальном архиве: действительно, завод этот соединяет вместе доменные печи, кузницы, механические молоты (паровой молот еще не был изобретен), плавильные, литейные, волочильные, прокатные цеха и т. д. В дальнейшем эти составленные воедино мастерские еще больше разрастались, либо соединяясь в одном здании, либо оставаясь разделены (в Ле-Крезе, Геньоне, Айанже, Нидербронне), но в любом случае сохраняя взаимную связь и располагаясь близко друг от друга»¹².

В общетеоретическом плане Р.Порталь, как можно полагать, тяготел к так называемой «Школе “Анналов”», точнее, ее раннему этапу. На это указывает, в частности, постоянное внимание ученого к устройству и эволюции уральского общества, в чем чувствуется некоторое влияние исследовательских установок Марка Блока (1886-

¹² Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997. Кн. 2. Ч.2. С.264-268 (подробнее см. С.268 и сл.).

1944), в частности, его фундаментальной монографии «Феодальное общество» (Т.І-ІІ. 1939-1940). В какой-то степени Р.Порталь пользуется также идеями ближайшего друга и коллеги М.Блока Люсьена Февра (1876-1956) – одного из лидеров «Анналов» до середины 50-х г. – базовой категорией работ которого была «цивилизация» (в трактовке Т.Жуффруа и Ф.Гизо¹³).

В центре внимания Р.Порталья находятся многообразие этнического состава, динамика сложных социальных отношений уральского населения, формы его хозяйствования и их эволюция, влияние горнозаводской индустрии на развитие региона и специфика менталитета. Таким образом, исследуя Урал XVIII в., Р.Порталь руководствовался ведущим принципом школы «Анналов» – принципом «тотальной» («глобальной») истории. Суть такого подхода кратко и очень емко охарактеризовал А.Я.Гуревич: «...это история людей, живших в определенном пространстве и времени, рассматриваемая с максимально возможным числа точек наблюдения, в разных ракурсах, с тем чтобы восстановить все доступные историку стороны их жизнедеятельности, понять их поступки в переплетении самых разных обстоятельств и побудительных причин. “Тотальная” история отказывается от разделения жизни людей на политическую, хозяйственную, религиозную или какую-либо еще частичную историю»¹⁴.

В рамках «первых “Анналов”» историографы выделяют еще и переходный этап 1945-1956 гг.¹⁵ Его главным событием стала публикация в 1949 г. докторской диссертации Ф.Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II», ставшей одним из классических сочинений исторической науки XX столетия. Это монументальное исследование способствовало сосредоточению внимания французских ученых на изучении «медленной истории» структурных изменений в процессе развития цивилизаций как сложных систем¹⁶. Методологические установки Ф.Броделя разделяли многие крупные историки тогдашней Франции, такие как П.Шоню и учитель Р.Порталья Эрнест Лабрусс¹⁷. Не остался в стороне от них и сам Р.Порталь – своим локальным исследованием он подводит читателя к мысли о наличии некоей «уральской цивилизации», хотя «Урал в XVIII в.» нельзя все же отнести к «Школе “Анналов”» – он принадлежит к более традиционным историографическим направлениям.

На «Урале в XVIII веке» в какой-то мере также сказалось влияние такого направления французской научной мысли, как «география человека», получившего мощное развитие в конце XIX – первых десятилетиях XX в. и чаще всего практиковавшего региональные исследования (Ж.Брюн, Р.Капо-Рей, Д.Фоше, П.Жорж, Р.Мюссе и др.)¹⁸. В центре внимания указанных авторов были «образы жизни» (*genres de vie*), сплетение фактов природных явлений с явлениями быта, культуры, истории людей, населяющих изучаемую территорию¹⁹. Поэтому работу Р.Порталья нельзя сравнивать с отечественными историко-этнографическими исследованиями. Она – порождение совершенно иной исследовательской школы с другими, нежели у нас, методологическими принципами.

Труд Р.Порталья – это не только новаторская для зарубежной историографии работа. Попыток комплексного описания истории уральского региона на момент выхода монографии французского автора не было и в российской науке. Автор создавал

¹³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.272.

¹⁴ Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. С.522.

¹⁵ Русакова О.Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000. С.225-226.

¹⁶ Там же. С.226.

¹⁷ Там же. С.229.

¹⁸ См.: Александровская О.А. Французская географическая школа конца XIX – начала XX века. М., 1972. С.82, 85, 112.

¹⁹ Там же. С.112. Ярким примером такого рода исследований является: Vidal de la Blanche P. Tableau de la géographie de la France // Lavissee. Histoire de la France. Paris, 1903. Т.І (подробнее об этой работе см.: Александровская О.А. Указ. соч. С.89-90).

свой труд при отсутствии доступа к архивам, поскольку в сталинском СССР для зарубежного ученого это было просто невозможно. Позже он писал по этому поводу: «Находясь вдали от архивов и лишённые личного знакомства с изучаемой страной, немногочисленные историки-русисты послевоенной Франции могли осуществлять лишь научно-просветительную работу, знакомя читателя с трудами советских историков (да и то фактически только с немногими из этих трудов и с запозданием). Они могли также работать со сборниками документов, литературными текстами и рукописями»²⁰.

В силу этого Р.Порталь был ограничен в источниках²¹. Тем не менее, он использовал почти все основные документы, которые до сих пор привлекаются историками Урала. Их можно сгруппировать следующим образом:

1. Официальные указы царского правительства, касающиеся горных заводов, которые были опубликованы в «Полном собрании законов Российской империи».

2. Энциклопедическое описание горных заводов и горнозаводской промышленности вообще, принадлежащее перу В.Геннина²², а также пересказы в работах советских историков Н.Б.Бакланова и Б.Б.Кафенгауза сочинений И.И.Крамаренкова и Ф.Махотина.

3. Официальный реестр горных заводов Урала, пострадавших в результате Пугачевского восстания и воспроизведенный в книге Д.А.Кашинцева.

4. Записки путешественников XVIII в. П.С.Палласа, И.И.Лепехина, И.Г.Гмелина (на русский язык не переведен), И.Г.Георги. «Топография Оренбургская» П.И.Рычкова.

5. Первая часть «Материалов по истории Башкирской АССР» (1936) – один из лучших в советской историографии сборник документов по истории Южного Урала.

Что касается научных исследований, то Р.Порталь во многом опирался на концепции и достижения русской дореволюционной историографии. Это обстоятельство нельзя объяснять лишь тем, что советская литература была автору малодоступна. Часто основные проблемы истории русской промышленности XVIII в. в советской довоенной историографии решались на основе дореволюционных публикаций. Несмотря на усиленные попытки разработать «марксистскую» схему индустриального развития страны до 1917 г., тогдашние наши историки во многом повторяли постулаты своих предшественников. Поэтому Р.Порталь предпочитал пользоваться не поздними пересказами дореволюционных концепций, а непосредственно работать с их оригиналами. Насколько можно, в той или иной мере наработки историков XIX в. довольно долго сохранялись в трудах советских исследователей феодальной промышленности России. Из советской историографии французский автор в основном пользовался книгами Б.Б.Кафенгауза, П.Г.Любомирова, Д.А.Кашинцева, монографией А.П.Чулошникова, статьей Н.В.Устюгова – в то время самыми добротными исследованиями по теме.

В данной статье невозможно рассмотреть весь круг проблем истории уральской промышленности XVIII в., которой вот уже более двухсот лет занимаются исследователи. Да в этом и нет никакой нужды, поскольку недавно появился краткий, но ем-

²⁰ Порталь Р. Изучение истории СССР во Франции // История СССР. 1959. № 1. С.239. См. также настоящее издание.

²¹ Подробнее о методах работы зарубежных историков с источниками по истории Башкортостана см.: Кучумов И.В., Нафиков Ш.В., Раемгужина З.М., Реуцкая Н.Н., Сахибгареева Л.Ф. Использование источников по истории Башкортостана в зарубежной историографии 1940-1980 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана. Уфа, 2001.

²² Трудно сказать, знал ли Р.Порталь в чем-то близкую труду Геннина работу М.В.Ломоносова «Первые основания металлургии или горных дел» (1742, изд. 1763 г.), содержащую описание труда горняков, но в библиографии к «Уралу в XVIII в.» упомянуто собрание сочинений этого крупного русского ученого.

кий ее обзор²³. Поэтому мы остановимся лишь на сюжетах, затронутых в работах Р.Порталю, и при этом обозначим то положительное, что несут они для исторической науки.

Тезис об отсутствии в начале XVIII в. капиталов, рынка свободной рабочей силы, т.е. те самые постулаты, которые Р.Порталь постоянно эксплуатирует на страницах своего исследования, был впервые выдвинут А.Корсаком²⁴. Впоследствии эти положения получили широкое распространение в буржуазной (В.О.Ключевский, П.Н.Миллюков, А.Н.Митинский, С.П.Фармаковский) и либерально-народнической (В.В.Берви-Флеровский, И.С.Сигов, Е.И.Красноперов) историографии. Р.Порталь, вслед за своими русскими дореволюционными предшественниками постоянно подчеркивая дефицит рабочих рук для уральской индустрии, вместе с тем отвергал ее искусственный характер – тезис, доминировавший в русской науке XIX в. Автор приводит свидетельства того, что крупному промышленному производству на Урале предшествовал крестьянский промысел. Такая точка зрения, высказанная в известных Р.Порталю работах Д.А.Кашинцева и Б.Б.Кафенгауза, в 1950-1970-е гг. получила дополнительную аргументацию в трудах С.Г.Струмилина, Н.И.Павленко и А.А.Преображенского. Французский автор специально выделил в отдельный параграф рассмотрение Берг-привилегии 1719 г. Этот важнейший для истории России документ не только привел к резкой активизации ее промышленного и экономического развития, но и, по мнению современных исследователей, способствовал перераспределению миграционных потоков из европейской части страны в заводские центры Урала²⁵.

Традиционной для отечественной историографии темой является изучение социального облика заводчан. Конечно, недоступность всей имеющейся по этой теме литературы не позволила автору более детально разработать проблему. Дореволюционная историография располагала довольно подробными сведениями о числе дворов и населения в заводских поселках XVIII в., занятиях горнозаводчан ремеслом, торговлей, земледелием и скотоводством²⁶. Вынужденное незнание этих работ сильно обеднило соответствующие разделы книги Р.Порталю. Тем не менее, французский исследователь сумел заметить стабильность мастеровых и работных людей как социального слоя, что способствовало профессиональной преемственности поколений. Проведенный гораздо позже А.С.Черкасовой анализ материалов ревизий по Невьянскому, Нижне-Тагильскому, Выйскому и Егошихинскому заводам позволил подтвердить этот вывод²⁷.

Впервые в зарубежной историографии Р.Порталь предпринял попытку составления полного перечня уральских горных заводов с указанием времени их основания. Решением этой проблемы занимались несколько поколений российских историков и даже сегодня считать ее полностью закрытой нельзя. Для составления своего списка заводов Р.Порталь опирался на одну из самых надежнейших работ того времени – исследование П.Г.Любомирова, основанное на скрупулезном анализе всех данных.

Но можно ли сводить историю Урала XVIII в. лишь к горнозаводскому строительству, как это сделал Р.Порталь? Для большинства российских историков то гром-

²³ См.: Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000. С.9-102.

²⁴ Корсак А. О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М., 1861.

²⁵ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С.79.

²⁶ См., например: Максимович Л., Щекатов А. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго вида. М., 1801-1805; Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Пермь, 1804. Ч.II; Чупин Н.К. К истории города Екатеринбурга: Подворная опись Екатеринбурга 1736 г. // Пермские губернские ведомости. 1872. № 32, 33 (в этой работе изучен состав населения города в первое время его существования).

²⁷ Черкасова А.С. Указ. соч. С.139 и сл.

кое название, которое дал Р.Порталь своей работе, может показаться слишком амбициозным. Однако французская историография склонна рассматривать промышленность не как «замкнутый мир со своей собственной логикой», а как «один из видов деятельности, существующий внутри огромного целого экономической жизни»²⁸.

Отечественными исследователями роль промышленности, в первую очередь металлургической, в изменении первоначального облика уральского региона, оценена еще далеко не полностью. Только через много лет после выхода книги Р.Порталья в советской историографии был сделан вывод о том, что заводы стимулировали все процессы социально-экономического развития уральского региона. Было отмечено большое влияние горнозаводской промышленности на процесс горообразования в крае, установлено, что формирование значительного по численности (100000 душ обоего пола в 1765 г.) оказало глубокое воздействие на жизнь всего Урала²⁹.

В своих работах Р.Порталь постоянно обращает внимание на слабую заселенность края к началу российской колонизации и показывает, как увеличение численности населения Урала за счет притока небашкирских переселенцев привело к изменению хозяйства башкир. Позже об этом писал и Р.Г.Кузеев³⁰. Полностью справедливы и выводы французского ученого об уменьшении численности башкирского населения в XVIII в. в результате подавления восстаний³¹. В последнее время в российской историографии была высказана мысль о связи промышленного развития с причинами башкирских восстаний XVIII в.³² Многие положения, выдвинутые Р.Порталем относительно роли и места различных категорий феодалов в иерархической лестнице тогдашнего башкирского общества, нашли подтверждение в последующих исследованиях российских ученых³³. Разделяются современными этнографами его выводы о высокой степени родовой солидарности башкир в XVIII в., которая позволяла сохранять достаточно высокую сплоченность этноса вокруг своих лидеров в ходе восстаний³⁴. Сделав попытку выяснить размеры материального благосостояния башкирской элиты, Р.Порталь тем самым предвосхитил вывод Р.Г.Кузеева о том, что «положение личности на социальной лестнице определялось не званием и чином, а размерами ее собственности на основные средства производства и наличием феодально зависимых лиц»³⁵. Подобных примеров из книги Р.Порталья можно приводить еще немало.

Ряд вопросов, поставленных в книге Р.Порталья, пока не получили должного освещения в отечественной науке. До сих пор мало изучена ментальность заводских рабочих³⁶, о которой мы знаем, в основном, по исследованиям уральских фольклористов³⁷. Еще меньше нам известно о влиянии горнозаводской промышленности Урала на

²⁸ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч.2. С.267.

²⁹ Черкасова А.С. Указ. соч. С.78, 83.

³⁰ Ср.: «Население края... составляло в XVI в. сравнительно ничтожную цифру» (Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Ч.1. С.121, также см.: С.21-22).

³¹ См.: Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С.225-226.

³² Корепанов Н.С. Территориальная модель модернизации (горнозаводской Урал в 20-30- гг. XVIII в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6. С.207.

³³ См.: Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. С.130-131.

³⁴ Там же. С.80-81. А.П.Чулошников в духе своего времени пытался объяснять единство башкирских феодалов и простых общинников «классовой близорукостью» последних (Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР М.; Л., 1936. Ч. I. С.63).

³⁵ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. С.154.

³⁶ См.: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII вв.). Свердловск, 1987.

³⁷ Наиболее важные работы с указанием библиографии: Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972; Он же. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970; Он же. Рабочий фольклор Урала: Об основных этапах становления и развития нового типа художественного мышления народа. Иркутск, 1988. Блажес В.В. Сатира и юмор в дореволюционном

эволюцию менталитета нерусских народов региона³⁸, а оно, судя по всему, было очень значительным.

Со времени написания Р.Порталем труда по истории Урала и других сочинений по этой теме минуло уже полвека. За это время появилась целая библиотека работ, значительно углубивших наши знания по всем затронутым Р.Порталем проблемам. История уральской горнозаводской промышленности интенсивно изучалась в Москве, Ленинграде, Екатеринбурге, Перми, Уфе, Челябинске. Достаточно назвать имена Н.И.Павленко, Ф.Я.Полянского, А.М.Панкратовой, С.Г.Струмилина, Е.И.Заозерской, П.А.Вагиной, В.Я.Кривоногова, А.А.Преображенского, А.С.Орлова, С.В.Голиковой, А.С.Черкасовой и др. исследователей, работы которых полностью или частично посвящены уральской металлургии XVIII в. На Западе прямым последователем французского историка выступил Х.Хадсон-младший (США), защитивший, а затем опубликовавший докторскую диссертацию о первых представителях династии Демидовых³⁹. В XX в. к историкам подключились этнографы⁴⁰. Сегодня мы знаем об истории Урала гораздо больше, чем было известно к 1950 г., но было бы абсолютно неверно оценивать работы Р.Портала как полностью устаревшие.

«Историческое знание, как оно развивалось на протяжении XIX и XX столетий, – отмечает один видный российский медиевист, – при всей необходимости двигаться дальше от завоеванных им позиций, вместе с тем сохраняет свой творческий потенциал и никак не может быть отвергнуто»⁴¹. Еще более тридцати лет назад А.Доннелли на страницах первой в американской науке монографии по истории Башкортостана сетовал: «Хотя... в последние годы советские историки интенсивно изучают неславянские регионы, большинство этих работ, сознательно или нет, преследует определенные интересы. Таким образом, задача объективного освещения российской истории, по крайней мере на сегодняшний день, остается возложенной на иностранного ученого»⁴².

* * *

«Урал в XVIII веке» посвящен главным образом Среднему Уралу. О южной части Урала повествует неопубликованная рукопись Р.Портала «Russes et Baïkirs aux XVIIe et XVIIIe siècles (1662-1798)» («Русские и башкиры в XVII-XVIII веках (1662-1798 гг.)», 1949), являющаяся второй частью его диссертации. До настоящего времени

фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987; *Ахметшин Б.Г.* Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа, 2001.

³⁸ На материалах регионов, населенных обществами традиционного типа, аналогичные вопросы рассматривались Э.Хагеном, Л.Пайем, Д.Лернером: *Алексеев В.В., Побережников И.В.* Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6. С.16-19.

³⁹ *Hudson J. H.D.* The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the 18th Century. Newtonville, 1986 (подробнее см.: *Кучумов И.В.* История уральской горнозаводской промышленности XVIII в. в книге американского исследователя Х.Хадсона-младшего // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия: Материалы международной научной конференции 30 сентября – 2 октября 2002 г., г. Уфа. Уфа, 2002). В Addenda к нашему переводу Р.Портала помещен краткий очерк истории приписных крестьян Урала, написанный Х.Хадсоном-младшим, Б.Дехартом и Д.Гриффитсом, который знакомит читателя с новейшими западными подходами к данной теме.

⁴⁰ Список наиболее крупных работ, выпущенных после 1950 г., помещен в качестве дополнения к библиографии данной книги.

⁴¹ *Гуревич А.Я.* Историк конца XX века в поисках метода // *Одиссей* 1996. М., 1996. С.7.

⁴² *Доннелли А.* Завоевание Башкирии Россией, 1552-1740 / Пер. с англ. Уфа, 1995. С.32. При рассмотрении в своей монографии (вышедшей в ФРГ в 1993 г.) проблем завоевания, подчинения, включения в состав Российской империи нерусских народов, национальных движений и национальной политики А.Каппелер (*Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С.15) вообще отказался от привлечения советской научной литературы.

это исследование Р.Порталья хранилось в виде машинописного экземпляра в Национальном институте славянских исследований⁴³.

Интерес французского автора к башкирской теме⁴⁴ во многом объясняется международной ситуацией, сложившейся в послевоенный период. Новые задачи, вставшие перед «свободным» миром, и в первую очередь борьба с коммунизмом, ориентировали западную науку на объяснение советского многонационального феномена и поиск путей по его «размыванию». С другой стороны, продолжавшиеся столетиями особые отношения Парижа с Османской империей способствовали созданию во Франции достаточно мощной тюркологической школы⁴⁵. Р.Порталь прекрасно владел русским и турецким языками, и в своем творчестве продемонстрировал синтетический подход, увязав в единое целое славяноведение и тюркологию.

Следует заметить, что внимание французских, американских, английских, немецких историков к российскому колониализму во многом вызвано аналогичными проблемами прошлого их собственных стран: не зря в книге А.Доннелли неоднократно проводятся параллели между политикой царизма в Башкирии и действиями правительства США против североамериканских индейцев⁴⁶. В годы, когда Р.Порталь писал свою работу, французская колониальная империя вступала в финальную фазу своей истории. Поэтому, несмотря на казалось бы чисто научный и далекий от современности характер его исследования, тема русско-башкирских взаимоотношений была для французской науки весьма актуальной, да и колониальная политика Франции XIX – начала XX вв. по своим формам и методам была очень похожа на ту, которую проводила Россия на юго-востоке в XVIII столетии⁴⁷.

Не отставали от зарубежных историков и советские ученые, но последние не были свободны в своем творчестве. Принятое 27 января 1945 г. Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в

⁴³ Подробнее об этом учреждении см.: *Асланов С.Г.* Парижский институт славяноведения // Советская библиография. 1988. № 6.

⁴⁴ Р.Порталь не был пионером изучения истории Башкирии во Франции. В конце XIX в. ряд своих работ посвятил ей крупный востоковед Шарль Эжень де Ужфальви (Южвальви) де Мезо-Ковезд. В нашей литературе он известен как Уйфальви (*Уйфальви К.* Башкиры, мешеряки и тептяри // Известия Русского Географического общества. 1877. Вып. 2. Т.13. С.118-120; *Uifalvy C. de.* Bachkirs et Kirghizes // Bulletin de la Société de Géographie. 7-me série. 1881. No 2. P.387-391).

⁴⁵ *Лаумулин М.Т.* Развитие востоковедения во Франции и изучение Центральной Азии // Восток. 2000. № 3. С.169.

⁴⁶ *Доннелли А.* Указ. соч. С.28, 260-261, 265. Ср. также: *Зинуров Р.Н.* Башкирские восстания и индейские войны – феномен в мировой истории. Уфа, 2001. А.Каппелер полагает, что «элементы такого компаративного рассмотрения должны быть выявлены и выработаны. Они одновременно связаны с постановкой главных вопросов:

1. Какими методами и средствами осуществлялась экспансия и происходило включение в состав империи территорий с совершенно чужеродным – этнически и конфессионально – населением, с различными системами хозяйства, социального устройства и различными культурами?

2. Как реагировали на это подчиняемые, прежде всего их элиты? Встречали они экспансию вооруженным сопротивлением или готовностью к сотрудничеству? Какое воздействие оказывало чужое господство на систему управления, социальную структуру, экономику и культуру таких регионов?

3. Каков был характер полиэтнического государства? Какой была его социально-этническая, административная и экономическая структура? В каких сферах имело место межэтническое разделение труда и какие специфические функции переходили к отдельным этническим группам в границах империи? Как протекала встреча различных культур и религий?

4. Какие изменения претерпела старая, дореформенная суперэтническая империя и ее народы под воздействием модернизации, особенно посредством национальных движений? Как формировались взаимосвязи между национальной эмансипацией и социальной революцией?» (*Каппелер А.* Указ. соч. С.9, 35). Почти все эти вопросы в той или иной мере затронуты в исследовании Р.Порталья.

⁴⁷ Ср.: *Дьяков Н.Н.* Франция и Магриб: эволюция колониальной идеи в новое время // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике 22-25 апреля 1997 г.: Империи нового времени: Типология и эволюция (XV-XX вв.): Краткое содержание докладов. СПб., 1999.

Башкирской партийной организации» стало на долгие годы тормозом для изучения многих сторон прошлого Башкортостана.

И Р.Порталем, и А.Доннелли присоединение Башкирии к России трактуется как покорение, причем большое значение они придают процессу окончательной интеграции края в состав России, и в этом отношении стоят ближе к русской историографии XIX в.⁴⁸ В отечественной историографии считается, что впервые с концепцией насильственного покорения Башкирии выступил видный уральский историк В.Н.Витевский (1845-1906)⁴⁹ (на работу которого, кстати, Р.Порталь не раз ссылается в своей книге). Однако, судя по всему, под «завоеванием Башкирии» В.Н.Витевский понимал длительный процесс интеграции края в состав Российской империи: «Дорогой ценой приобрела себе этот край коренная Россия, много, даже очень много было пролито инородческой и русской крови на этом пространстве, прежде чем оно было включено в состав Русского государства. Более двух веков, с небольшим перерывами, продолжалась упорная борьба русского правительства с инородческим населением этого края, особенно с главными обитателями его – башкирами»⁵⁰. О характере же присоединения башкир к России он высказывался достаточно четко: «Башкиры сами *добровольно* (выделено нами. – *Авт.*) принимают русское подданство, обязавшись ежегодно вносить в казну небольшой ясак, состоящий из батмана меда в 90 коп., и лисицы в 80 коп., или куницы в 40 коп.»⁵¹. О *насильственном вхождении* края в состав России говорить стали позже, в первые годы Советской власти⁵² и объясняется это, скорее всего, влиянием вульгаризаторских построений «школы Покровского», огульно охаивавшей все стороны дореволюционной жизни России, включая ее внутреннюю и внешнюю политику.

С середины 1940-х гг. на смену концепции «насильственного завоевания» пришла идея «добровольного вхождения»⁵³. В это время ряд интересных положений,

⁴⁸ Подробный историографический обзор этого вопроса имеется в соответствующих работах историков региона. Несмотря на утверждение С.Х.Алишева, что «специальной работы по историографии о значении присоединения Среднего Поволжья нет» (*Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья: XVI – начало XIX в. М., 1990. С.17*), можно указать обширную статью (фактически небольшую монографию): *Kappeler A. Die Geschichte der Völker der Mittleren Wolga (vom 10. Jh. Bis die zweite Hälfte des 19. Jh) in der sowjetischen Forschung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1978. № 26. Н.1-2.*

⁴⁹ См.: *Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С.30.*

⁵⁰ *Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т.1. С.118.*

⁵¹ Там же. С.127.

⁵² *Тупеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930. С.20-21; Ищеригов П.Ф. Очерки по истории колонизации Башкирии. Уфа, 1933. Ч.I. С.4.* Тем не менее, А.Каппелер, оценивая в целом состояние советской историографии российского колониализма, больше доверяет именно советским публикациям 20-х – начала 30-х гг., считая их достаточно объективными (*Каппелер А. Указ. соч. С.15*). Комплексный анализ обстоятельств вхождения позволил Р.Г.Кузееву сделать вывод: «это было мирное присоединение, обусловленное... историческими обстоятельствами» (*Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М., 1999. С.164*). Тем не менее, сегодня отдельные исследователи, модернизируя старые подходы о завоевании, говорят о насильственном принуждении Россией башкир к подданству и наличии среди них промосковской группы (*Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С.338, 339; Зинуров Р.Н. Указ. соч. С.80*).

⁵³ Этот тезис был навязан сверху, получив научное обоснование в трудах башкирского историка А.Н.Усманова: *Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. В 1960 г., переиздавая книгу, А.Н.Усманов назовет ее «Присоединение Башкирии к Русскому государству», а в издании 1982 г. она стала называться «Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству». Сокращенный вариант этой монографии уже много лет спустя после смерти автора Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН включит в академическую «Историю Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» (Уфа, 1996. С.126-153), тем самым проигнорировав все что появилось в науке с того времени. Идентичные А.Н.Усманову идеи высказываются в башкирской историографии и поныне: *Асфандияров А.З. Еще раз о характере присоединения Башкортостана к России // Востоковед-**

касающихся характера отношений между Россией и башкирами, выдвинул крупный специалист по русскому феодализму, заслуженный деятель науки Башкирской АССР, доктор исторических наук, профессор Николай Васильевич Устюгов (1896-1963) Н.В.Устюгов. На них и обратил внимание Р.Порталь⁵⁴.

«В то время, когда башкиры переходили в подданство Русского централизованного государства, они по своему общественно-политическому развитию еще не вышли из стадии феодальной раздробленности. Феодал периода феодальной раздробленности – вольный слуга и может избирать себе государя по собственному усмотрению. Он служит только до тех пор, пока условия службы его удовлетворяют. Не понравилась служба – он вправе отъехать к другому государю»⁵⁵, – писал в одной из своих работ Н.В.Устюгов. Выдвигая свою концепцию свободного вассалитета башкир в составе России, он опирался в основном на труд академика Б.Я.Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934), являвшийся в то время настольной книгой для всех кочевниковедов⁵⁶. Б.Я.Владимирцов фактически придал монгольскому феодализму «классические» формы, хорошо знакомые по Франции XIII-XIV вв. Н.В.Устюгов, опираясь на эти идеи, приравнивал отношения между башкирами и Россией к отношениям вассала и сюзерена в Западной Европе. В этом проявилось характерное для советской историографии 1930 – 1950-х гг. стремление поставить знак равенства между историческим развитием России и Европы⁵⁷. Тем не менее, в отличие от Н.В.Устюгова, Р.Порталь в своем исследовании оперирует понятием не «подданство», а «протекторат», «вассалитет»⁵⁸. Это не совсем верно. Несмотря на особое поло-

ние в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Ч.III; Акманов И.Г. Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству // Ядкяр. 1996. № 1.

⁵⁴ Ср. в этой связи замечание Д.Н.Шанского: «...Порталь, как и всякий добросовестный зарубежный историк, был очень хорошо знаком с русской дореволюционной литературой, отдельные тезисы которой – и в силу своей яркости, и в силу точности и убедительности – не могли не оказать определенного влияния на его историческое мироощущение» (Шанский Д.Н. Указ. соч. С.115). К этому следует добавить, что Р.Порталь следил и за советской научной литературой, о чем свидетельствуют его постоянные историографические обзоры сочинений историков СССР (См.: *Gervais-Francelle C.* Op. cit). Советские ученые, общавшиеся с Р.Порталем на научных форумах, отмечают, что он неплохо знал факты и был объективен в их интерпретации (см.: *Дудзинская Е.А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978. С.178).

⁵⁵ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.; Л., 1950. С.5, 7. Так же поступали, например, калмыки, ногайцы, крымские татары (Канпелер А. Указ. соч. С.46).

⁵⁶ «Не будет преувеличением сказать, что мимо этой книги не пройдет ни один исследователь, который в какой-либо мере затронет так называемую монгольскую эпоху» (Якубовский А.Ю. Книга Б.Я.Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспектива дальнейшего изучения Золотой Орды // Исторический сборник. М.; Л., 1936. Вып.5. С.293).

⁵⁷ В последние годы наблюдается возрождение интереса к идеям Н.В.Устюгова, см.: Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.115, 137, 317-319; Он же. Демократия. Гражданственность. Этничность. С.60, 61, 69-70; Буканова Р.Г. Города и городское население Башкирии в XVI-XVII вв. С.14; Зинуров Р.Н. Указ. соч. С.55-56, 121-122 (к сожалению, здесь имя Н.В.Устюгова ни разу не упомянуто). См. также: Канпелер А. Указ. соч. С.36 («Клятвы в верности, которые давали кочевые вожди “белому царю”, интерпретировались сторонами по-разному. В то время как в глазах кочевников это означало временное подчинение, не обязательное для других вождей или кланов, Москва с ее патримониальным мышлением, характерным для оседлых народов, выводила из этого претензии на свое полное господство, на территории соседей, на их объединение под своим началом»).

⁵⁸ Достаточно емкую характеристику понятия «вассалитет», применяемого на Западе к феодальным обществам Европы, дал Р.Пайпс, попутно заметивший, что «вассалитета в истинном смысле слова» в России «нет и в помине» (Paine P. Россия при старом режиме. М., 1993. С.72-75). «Когда какая-то территория аннексировалась Москвой, ...и к какой бы нации или религии ни принадлежало ее коренное население, – продолжает он, – она немедленно присоединялась к “вотчине” правящего дома, и все последующие монархии относились к ней как к некоему священному неделимому фонду, отдавать который не полагалось ни при каких обстоятельствах» (Там же. С.110). Из современных башкирских исследователей термином «протекторат» пользуется только Р.Г.Буканова: Буканова Р.Г. Города и городское

жение Башкирии, Россия все же рассматривала ее как свою составную часть. Как можно думать, Р.Порталь рассматривал взаимоотношения русских и башкир в XVII-XVIII вв. как взаимодействие двух различных цивилизаций⁵⁹. Его всегда привлекало поведение родственных и неродственных этносов в зонах этнических и культурных контактов. Например, позже он посвятил специальную монографию истории взаимоотношений русских и украинцев на протяжении десяти веков⁶⁰.

Хронологически книга Р.Порталья охватывает период 1662-1798 гг. А.Доннелли придерживается других временных границ: 1552-1740 гг.⁶¹ По-видимому, у французского автора был иной, чем у американского коллеги, взгляд на время завершения процесса интеграции края в состав России – Р.Порталь датировал его введением кантонной системы управления башкирами. Этот достаточно спорный вопрос в отечественной науке фактически еще не рассматривался. В зарубежной же историографии данной проблемы к именам Р.Порталья и А.Доннелли недавно прибавилась точка зрения А.Каппелера, считающего, что башкиры не были «в социальном отношении интегрированы» вплоть до середины XIX в.⁶²

В первой половине XVIII в. царское правительство взяло курс на форсированную интеграцию в состав русского государства этносов бывшего Казанского ханства⁶³. «Воспринятая из Западной Европы цель и установка на превращение России в абсолютистское, регулируемое, систематизированное и нивелируемое государство не оставляла пространства для тех прав и традиций нерусского населения, с которыми до сих пор еще считались»⁶⁴.

Свою концепцию сюзеренитета Н.В.Устюгов применил преимущественно к истории башкирских восстаний 1662-1664 и 1735-1740 гг. Р.Порталь приложил ее к XVII-XVIII вв., тем самым придав указанной теории логическую завершенность и рассмотрев под ее углом целую эпоху в истории феодального Башкортостана. В итоге французским ученым была разработана периодизация истории феодального Башкортостана, в основе которой лежат вехи российской колониальной политики в регионе.

Как справедливо отмечает А.Каппелер, гигантскую многонациональную Россию, объединявшую пестрый конгломерат непохожих друг на друга территорий и обществ, скрепляла лояльность по отношению к царю и правящей династии. Если эта лояльность исчезала или ослабевала, вводились в действие инструменты насилия вплоть до военных операций⁶⁵. В книге Р.Порталья много места уделено башкирским восстаниям, без рассмотрения которых нельзя изучать историю этого региона. И в этом вопросе французский коллега опять полемизировал с современной ему советской историографией.

Послевоенные идеологические погромные кампании в СССР, затронувшие литературу, искусство, музыку, философию, языкознание, не прошли мимо историков. В тогдашней советской историографии активно возрождались концепции дворянских и буржуазных исследователей, а почти все национально-освободительные движения до-

население Башкирии в XVI-XVII вв. Уфа, 1993. С.37. Ср. также: *Агаджанов С.Г.* Историческое взаимодействие России и Востока: узловые проблемы и задачи изучения // *Россия и Восток: Проблемы взаимодействия.* М., 1993. Ч.I. С.11-16.

⁵⁹ Близкие подходы см.: *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. С.7. *Буканова Р.Г.* Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века // *Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII-XX веках.* Уфа, 1992. С.71.

⁶⁰ См.: *Portal R.* Russes et Ukrainiens: Questions d'histoire. Paris, 1970.

⁶¹ Тематика книг Р.Порталья и А.Доннелли во многом совпадает, но судя по всему, А.Доннелли почти не был знаком с творчеством своего французского коллеги – в своей книге он лишь один раз дает ссылку на «Урал в XVIII в.» и то чисто библиографически: *Доннелли А.* Указ. соч. С.241.

⁶² *Каппелер А.* Указ. соч. С.38.

⁶³ См.: *Kappeler A.* Russland Erste Nationalitäten. Köln; Wien, 1982. S.244-292, 370-373.

⁶⁴ *Каппелер А.* Указ. соч. С.29-30.

⁶⁵ См.: Там же. С.86.

революционной России были объявлены реакционными, возглавлявшимися узкой антинародной группой феодалов и инспирировавшимися зарубежными государствами (для башкирских восстаний таковым обычно называлась Турция).

Н.В.Устюгов, переживший страшные 30-е гг., окончательно выкосившие последние русские исторические школы, прекрасно понимал, к чему может привести неприятие новых партийных установок. В этом, по-видимому, и заключается причина конформизма этого выдающегося ученого, так много сделавшего для изучения истории нашей страны. В 1946 г. он еще признавал положительное значение башкирских восстаний⁶⁶, но в апреле 1952 г. вдруг объявил их абсолютно реакционными⁶⁷. В серии своих работ по истории Башкирии XVII-XVIII вв.⁶⁸ Н.В.Устюгов проводил мысль, что «...движение башкирских феодалов, поднятое в 1662-1664 гг., следует признать безусловно реакционным. Реакционны его задачи, программа и тактика, ...движение 1681-1683 гг., поднятое башкирским старшиной Сеитом, было столь же реакционно... Бесперспективность и реакционность феодально-монархического движения 1705-1711 гг. совершенно очевидны, ... башкирское феодальное движение 1735-1740 гг. должно быть признано реакционным без всяких оговорок. Никаких прогрессивных моментов в нем нет»⁶⁹. Эти заидеологизированные оценки продержались недолго и вскоре были пересмотрены⁷⁰.

Р.Порталь определяет башкирские восстания XVII-XVIII вв. как «национальные движения», что гораздо точнее отражает суть вопроса, чем нынешние попытки некоторых башкирских историков трактовать их как «национально-освободительные» войны. Национально-освободительным можно считать такое движение, в ходе которого ставится задача создания собственного государства. Преследовались ли подобные цели в ходе восстаний XVII-XVIII вв.? Р.Порталь отвечает на этот вопрос так: «В ходе указанного восстания (1662-1664 гг. – *Авт.*) башкирские предводители в первую очередь попытались разорвать вассальные узы, связывавшие их с царем, но не стремились к полной независимости – такое было попросту невозможно».

Р.Порталь почти не уделяет внимания фактологической стороне своего повествования, на страницах его исследования истории российско-башкирских отношений почти нет упоминания имен конкретных лиц. Но ведь все это можно было бы извлечь даже из того ограниченного круга источников, которыми располагал автор. Что же

⁶⁶ Гузаирова Т. Научная сессия, посвященная вопросам истории Башкирии и истории культуры башкирского народа // Вопросы истории. 1947. № 11. С.142.

⁶⁷ См.: Устюгов Н.В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С.88.

⁶⁸ Устюгов Н.В. Башкирия // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С.795-814; Васильев С.М., Устюгов Н.В. Башкирия // Очерки истории СССР: Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957. С.638-651; Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч.1. С.81-123, 169-186, 204-218 (эти разделы были написаны Н.В.Устюговым).

⁶⁹ Устюгов Н.В. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. С.118, 119, 122, 126. Его новые оценки о «реакционности» восстаний нашли тогда поддержку и у других специалистов, см.: Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735-1736 гг.: Автореферат дисс. ...канд. ист. наук. М., 1956.

⁷⁰ Сираев З.И. О характере башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв. // Из истории Башкирии. Уфа, 1963. Ч.2; Нигматуллин С.Н. О характере башкирского восстания 1735-1740 г. // Там же. Однако, критикуя Н.В.Устюгова, современный исследователь башкирских восстаний И.Г.Акманов длительное время не учитывал внутривосточную ситуацию в СССР в конце 40 – начала 50-х гг. и ее влияние на историческую науку (Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993. С.10-13) и лишь недавно признал влияние тоталитарной системы на эволюцию взглядов Н.В.Устюгова: Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: Взаимодействие в середине XVI – XVIII вв. (К историографии вопроса) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: III Международная научная конференция 29 мая – 4 июня 1995 г.: Тезисы докладов. Челябинск, 1995. Ч.II. С.10.

скрывается за таким подходом к материалу – небрежность, верхоглядство или какие-то методологические установки?

В период, когда Р.Порталь исследовал историю Башкирии, сторонники М.Блока и Л.Февра освобождались от событийных описаний и биографической истории «героев». Проблемные исторические исследования в то время оттесняют эмпирические и фактоописательные работы (девизом тогдашних «Анналов» был лозунг «Мыслить проблемами!»⁷¹). «Постановка проблемы – это и есть начало и конец всякого исторического повествования. Где нет проблем – там нет истории, только пустые разглагольствования и компиляции», – утверждал в 1941 г. Л.Февр⁷².

Такой «проблемой» для Р.Порталья стал показ характера отношений, «установившихся между русскими и башкирами (точнее, между их различными социальными категориями)» и оценка русского влияния на башкир, выявление того, что способствовало развитию региона, и что привело к его упадку в ходе интеграции в Россию.

На сегодняшний день наша историография создала богатую библиотеку работ по истории башкир, социальным отношениям в башкирском обществе, родоплеменному устройству, хозяйству, структуре семьи, поселениям и жилищам, одежде, обрядам, верованиям башкирского народа. Но пока еще не написан такой труд, который бы концептуально (а не компилятивно, как, например, это недавно было сделано в академической «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.») обобщил весь этот огромный материал, воссоздав таким образом портрет «башкирской цивилизации» во всем его многообразии. Уже существующие попытки обобщения (но в несколько ином ракурсе – этнотерриториальном), представленные А.Каппелером (1982), С.Х.Алишевым (1990) и, особенно, Р.Г.Кузеевым (1992), не являются пределами возможного. Между тем Р.Порталь, располагая крайне ограниченным исходным материалом, своей работой наметил путь создания такого рода синтетических конструкций, именуемых у нас «комплексными исследованиями».

Несмотря на то, что в работах Р.Порталья об Урале в какой-то степени чувствуется воздействие пропитанной псевдомарксистской трескотней советской литературы первой половины XX в.⁷³, автор все же старается не углубляться в теорию. Работа Р.Порталья над сочинениями по уральской истории совпала по времени с острыми дискуссиями советских ученых по проблемам генезиса российского капитализма, степени пролетаризации русских рабочих (в том числе и на Урале), особенностями российской модели колониализма. Они начались еще в начале 1930-х гг. и интенсивно продолжались до конца 1960-х гг. Сегодня эти публикации (особенно раннего этапа) воспринимаются как схоластические споры, призванные на фактическом материале подтвердить и конкретизировать сталинские теоретические постулаты⁷⁴.

Видимо прекрасно понимая крайне надуманный, ограниченный и политизированный характер тогдашних советских публикаций, Р.Порталь не принял активного

⁷¹ Русакова О.Ф. Указ. соч. С.219-220.

⁷² Февр Л. Указ. соч. С.28.

⁷³ Здесь необходимо напомнить, что характерной чертой для Франции первых послевоенных лет был небывалый подъем левых сил и рост влияния марксизма, связанный с победой Советского Союза в войне против фашизма, участием Французской коммунистической партии в движении Сопротивления и ее превращением в самую многочисленную партию страны. В то время марксистская терминология, в первую очередь такие понятия как «базис», «надстройка», «способ производства», «производственные отношения», «классовая борьба» прочно вошла в обиход даже немарксистских французских историков. «Французские историки становились все более восприимчивыми к расплывчатому "диффузному" марксизму, который побуждал их придавать особую ценность экономическому фактору в историческом объяснении; в то же время некоторые точные понятия воспринимались ими и проникали в их словарь» (La recherche historique en France de 1940 à 1965. Paris, 1965. P.XXII).

⁷⁴ Проблемы эти, кстати, не решены отечественной наукой и до сих пор. Они требуют применения более широких теоретических установок и методик, чем те, что давал догматизированный советский марксизм.

участия в той дискуссии, хотя позже, в 1960-1970-е гг., и опубликовал ряд работ на эту тему. Надо сказать, что французский исследователь очень осторожен с теоретическими обобщениями и даже в итоговом заключении к «Уралу в XVIII веке» и в работе о Башкирии он старается избегать громких заявлений и глобальных выводов⁷⁵.

Трактовка отдельных проблем у Р.Порталя значительно отличается от принятой в отечественной историографии, где, например, уже давно сложилась точка зрения на Пугачевщину как антифеодальное выступление трудящихся масс⁷⁶. При этом не учитывается ни специфика общественного сознания в тот или иной период, ни особенности «культуры безмолвствующего большинства» (А.Я.Гуревич), ни различия в менталитете этносов, ни исторические пути, приведшие нерусские народы в лагерь восстания, ни, наконец, различные религиозные верования повстанцев.

В отечественной историографии до сих пор остается слабо изученной идеология башкирских участников восстания Пугачева. Зарубежная же наука в этом вопросе идет примерно по тому же пути, что и Р.Порталь. Так, по мнению Д.Петерс (ФРГ)⁷⁷, в башкирском обществе того времени почти не было сильного социального расслоения, интересы старшинской верхушки и рядовых башкир в этом восстании совпадали, а классовый антагонизм заменяло чувство национальной вражды к русским. По ее мнению, башкиры не делали большой разницы между представителями русской власти и простым русским населением, одинаково уничтожая и тех и других. «Даже такой преданный Пугачеву старшина, как Салават Юлаев, – пишет исследовательница, – не мог полностью подавить в себе ненависть к русским переселенцам, несмотря на то, что понимал необходимость общей борьбы против русского правительства».

Д.Петерс отмечает, что роль башкир в Крестьянской войне была двойственной (поддержка Пугачева и одновременно нападения на русские деревни), их движение проходило под исламскими лозунгами (весьма спорный вывод) и будучи, по ее мнению, антирусской направленности, ослабляло эффективность действий Пугачева. Касаясь идеологических установок Салавата Юлаева, Д.Петерс подчеркивает, что, ненавидя в душе русских, Салават, стремившийся принести башкирскому народу освобождение от России, игнорировал это в своей практической деятельности, понимая, что успеха в этом деле можно достигнуть только опираясь на союз с русскими. Хотя выводы в работе Д.Петерс сформулированы гораздо четче, чем у Р.Порталя, нетрудно заметить, что у обоих этих авторов они в значительной степени совпадают. Во время Пугачевщины «впервые в истории образовался временный союз между русскими (правда, отдельными заводскими рабочими, а не крестьянским большинством) и башкирами. Но он имел военный оттенок. Всеобщей ненависти к помещикам, заводовладельцам и правительственным чиновникам было недостаточно для сближения русского и нерусского населения, чего так добивались руководители восстания, пытавшиеся ввести в него элементы дисциплины», – указывает Р.Порталь.

Концепция сюзеренитета Устюгова – Порталья позволяет объяснить причину активного участия башкир в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Башкиры нуждались в

⁷⁵ Нельзя сказать, что западная историография, в том числе и зарубежное руссиеведение, не склонны к этому. Многие западные историки в своих трудах не обошлись без хлестких характеристик прошлого, настоящего и будущего России, во многом сформировавших образ нашей страны в массовом сознании европейского и американского мира. Стоит назвать хотя бы достаточно одиозные сочинения Р.Пайпса и З.Бжезинского.

⁷⁶ Даже в новейшей работе по рассматриваемой проблеме подчеркивается, что ведущим фактором борьбы «был социальный момент, в основе которого лежало осознание восставшими классовой несправедливости политики феодально-крепостнического государства, всего привилегированного класса – дворянства» (Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа, 2000. С.495).

⁷⁷ См.: Peters D. Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev. Berlin, 1973.

защите сильной России, где верховным сувереном был царь. При этом им был безразличен являвшийся внутрироссийской проблемой вопрос о подлинности или самозванстве царя: во-первых, башкиры обладали иным менталитетом (самозванство у тюрков в традиционной русской форме отсутствовало: можно было объявить себя ханом и претендовать на власть, но присваивать себе имя какого-то ныне здравствующего правителя, делаясь таким «двойником» – такого не было), и, во-вторых, не ощущали себя российским народом. Е.И.Пугачев, объявивший о своей претензии на престол, в глазах башкир (как, впрочем, и низших слоев всего российского общества) обладал правами на верховную власть наравне с Екатериной II, которая заняла трон также нелегитимно.

Самозванец и его окружение хорошо представляли себе специфику положения башкир в России. Традиционные постулаты советской историографии о попытках Пугачева «решить вопросы равноправия народов как в социальном, так и в религиозном, этнических планах»⁷⁸ – это явная модернизация, следствие наших очень слабых знаний менталитета и мировоззрения низов тогдашнего российского общества. Обращаясь со своими указами к башкирам и другим мусульманам, Е.И.Пугачев обещал даровать им земли, воды, леса, и прочие угодья, денежное и хлебное жалованье, боеприпасы, соль, гарантировал свободу вероисповедания⁷⁹. Тем самым он провозглашал возврат к принципам российской политики времен Ивана Грозного, чего так настойчиво добивались участники всех предшествующих башкирских восстаний. Поэтому вряд ли можно согласиться с итоговым выводом Д.Петерс, явно не понимающей характера отношений между Россией и башкирами, что в случае победы Пугачева последние бы вновь повернули оружие против русских. Это могло произойти только в том случае, если бы Пугачев, став царем, вернулся к политике тех, кого он сверг и продолжил ограничение гарантированной ранее свободы башкирского народа.

Разумеется, полностью отрицать социальный аспект участия башкир в Крестьянской войне нельзя. Но насколько он согласуется с особым положением башкир в составе России? Как происходило преодоление фундаментальных цивилизационных различий этих двух этносов? Судя по всему, Р.Порталь также задумывался над этими вопросами, но в силу узости источниковой базы однозначного их решения дать не смог. Противоречивость его выводов не раз проявляется на страницах книги: «Политика русского правительства, – пишет он, – опиралась на два принципа: на покровительство малочисленным группам населения, противопоставлении их основной массе (башкирам и татарам), и опоре на аристократию. Поэтому социальные низы, вне зависимости от своей национальности, интуитивно ощущали общность своих интересов, расходившихся как с интересами собственной аристократии, так и с целями России. Это социальное единство ярко проявилось в ходе башкирских восстаний. Повстанческое движение, даже если оно являлось общенародным и затягивало в себя всю башкирскую аристократию, вскоре перерастало в настоящую гражданскую войну с захватом имущества батыров и тарханов. Это раскалывало ряды повстанцев и способствовало переходу части аристократии на сторону России. В результате национальная борьба перерастала в социальную, а элита добивалась у правительства новых привилегий для себя»⁸⁰.

* * *

Р.Порталь поставил еще одну проблему, которая пока остается недостаточно изученной в отечественной историографии – какое воздействие оказала российская

⁷⁸ См.: Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. С.303-304.

⁷⁹ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С.26-28.

⁸⁰ Ср. схожие выводы: Черных Е.Н. Каргалы: Забытый мир. М., 1997. С.129.

промышленность XVIII в. на жизнь коренного населения Урала⁸¹. Российские исследователи⁸² предпочитают до сих пор повторять штампы советской историографии о влиянии заводов на развитие производительных сил края, широкому использованию его природных и людских ресурсов (на чье благо?)⁸³, вовлечению башкир в сферу горнозаводской промышленности (а нужна ли она им была?), развитию у них земледелия (до сих пор никто не пытался объективно исследовать, был ли переход к нему прогрессивным для полукочевых скотоводов в экономическом и биологическом плане) и т.д.⁸⁴

Обратим внимание на то, что большинство башкирских и татарских рудознателей и рудопромышленников были выходцами с севера, северо-запада и северо-востока Башкирии (т.е. из Гайнинской волости), где главным образом и протекала их деятельность. После принятия русского подданства (или, пользуясь терминологией Р.Порталю, протектората) в формах традиционного хозяйства нерусского населения северной Башкирии происходят определенные изменения. Обязанность платить ясак натурой стимулировала развитие охоты и бортничества. Именно на северо-западе – в лесах низовьев Белой и Бельско-Уфимского междуречья – промысловая охота, добыча пушнины, бортничество являются основным, порой единственным занятием башкир.

Одновременно в этой зоне шел процесс перехода населения к полuosедлому скотоводству. Но на рубеже XVII-XVIII вв. в хозяйственном развитии северной Башкирии появляются новые тенденции: полукочевое скотоводство, охота и бортничество перестают обеспечивать даже внутренние потребности башкирского общества, не говоря уже о выплате достаточно легкого ясака. Причиной этого было истощение лесов в результате хищнической охоты. Появление в этот период на севере края лесных промыслов началось «с обычной продажи леса с родовых вотчин»⁸⁵. По-видимому, здешний башкирский социум оказался в то время уже готовым воспринять другие формы хозяйствования⁸⁶. С другой стороны, все рудопромышленники и рудознаты из башкир являлись старшинами, т.е. той средней прослойкой коренной аристократии, которая, согласно Р.Порталю, стала опорой российских властей в регионе и быстро адаптировалась к новым условиям жизни, составив пророссийскую часть башкирского общества.

«Многочисленные источники, как архивные, так и опубликованные, свидетельствуют о том, что заводы возникали на купленных или взятых в аренду у башкир землях»⁸⁷. Злоупотребления в этой сфере исходили не от правительства (которое, как справедливо отмечает Р.Порталь, на законодательном уровне запрещало нарушать права

⁸¹ Например, в одной из новейших работ, объединившей усилия историков и этнографов, основное внимание сосредоточено на проблемах взаимодействия горнозаводского и сельского крестьянского населения на Урале и на Алтае, а о нерусских народах этих территорий совершенно ничего не говорится (Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч.). В уже упоминавшейся академической «Истории Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» этому вопросу уделен только один абзац на с.280.

⁸² Например: Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане: XVIII век. Уфа, 2000. С.202-225.

⁸³ «Возникновение заводов... являлось крупным шагом вперед в развитии хозяйства края» (Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XVI – начало XX века). Уфа, 2000. С.17). Близкие Н.М.Кулбахтину и А.И.Акманову взгляды недавно высказал К.И.Зубков при сравнении экономической политики России на Урале и Великобритании в Индии: Зубков К.И. Пространственно-географический фактор российских модернизаций // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6. С.114.

⁸⁴ Кулбахтин Н.М. Указ. соч. С.220.

⁸⁵ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С.70-72.

⁸⁶ Кунгурский бургомистр Юхнев писал, что башкиры Осинской дороги (т.е. северные башкиры) «хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих, сена косят много» (Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. М.; Л., 1949. С.487).

⁸⁷ Шакурова Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XIX века. Уфа, 1992. С.87.

башкирского населения), а от конкретных чиновников и заводовладельцев. Другим моментом является то, что «у кочевых народов не существовало практики отчуждения земли. Институт купли-продажи земли проникает в кочевую среду лишь в процессе взаимодействия с теми земледельческими народами, у которых уже сложился взгляд на землю как товар. Сравнительно позднее приобщение к товарно-денежным отношениям привело к тому, что башкиры, высоко ценившие свое земельное богатство, не могли знать подлинного денежного эквивалента ее стоимости»⁸⁸. В условиях Башкирии это опять было столкновением двух мировоззрений, двух менталитетов, двух цивилизаций.

Железоделательное производство требовало больших запасов древесины. При этом общий вес сжигаемого топлива (а это был древесный уголь) значительно превышал вес перерабатываемой в домнах руды. Всего в XVIII в. по Уралу было выплавлено 8002587 пудов меди⁸⁹. Для выплавки и рафинирования одной тонны меди на Южном Урале нужно было пережечь от 300 до 500 кубометров березы или сосны. Это количество качественной древесины можно было добыть с 1,5 – 2 га лесных участков, причем под этим подразумевается полное уничтожение леса. Сюда не включалась древесина самых высоких сортов, шедшая на сооружение различных заводских конструкций. Нетрудно подсчитать, что для этого, даже если взять минимальные показатели, потребовалось бы уничтожить лес почти на 576186 кв. км.⁹⁰ Территория Исторического Башкортостана на рубеже XVII-XVIII вв. определяется Н.М.Кулбахтиным в 336000 кв. км.⁹¹ и, конечно, она меньше площади всего Урала да и лес покрывал не всю указанную территорию расселения башкирских племен. Так что для нормальной работы построенных в XVIII в. заводов пришлось бы ликвидировать лесные массивы на *всем* пространстве башкирской территории. Этого, однако, не произошло. Но в силу истощения лесных ресурсов (которые в большинстве своем истреблялись хищнически) в первой половине XIX в. снабжение некоторых заводов Урала древесным углем было затруднено, в ряде горных округов места выжига угля располагались на расстоянии 6-30 верст от самого завода⁹² (следовательно, лес заготавливался еще дальше).

⁸⁸ Там же. С.88. А.И.Акманов также считает (без ссылки на Ф.А.Шакурову), что башкиры не имели понятия о действительной цене своих угодий (Акманов А.И. Указ. соч. С.37-38): «в большинстве купчих грамот башкир границы проданных участков не указываются даже в верстах» (Там же. С.35). Очень жаль, что указанные исследователи не развили свою мысль, а ведь именно в этом, в менталитете, и заключается вся суть специфики земельных отношений в Башкирии. Башкирское землевладение XVIII-XIX вв., причины и характер башкирского национального движения 1917-1921 гг. невозможно будет понять до тех пор, пока мы коренным образом не перестроим метод анализа источников. В этой связи уместно будет привести обширную цитату А.Я.Гуревича, в свое время столкнувшегося с аналогичной проблемой: «Когда я, воспитанный на социально-экономической проблематике европейского Средневековья, пришел к древнескандинавским правовым и повествовательным памятникам со своим вопросником, выработанным в недрах школы аграрной истории, и стал искать в них “данные” о земельной и движимой собственности, о формах крестьянской зависимости и эксплуатации и т.п., эти памятники буквально отказались отвечать на подобную анкету. Крестьяне, фигурирующие в средневековых норвежских судебныхниках и в исландских сагах, были заняты совсем другими делами, нежели те, о коих я пытался их расспросить. Повернулись они ко мне лицом только тогда, когда я коренным образом перестроил свой вопросник, убедившись в том, что я смогу что-то узнать и о природе собственности, и о характере социальных отношений лишь при условии, что я сниму с глаз шоры и познакомлюсь с их жизнью, с их представлениями о человеческом достоинстве и о семье, о суде и праве, об устройстве космоса и о смерти, об их ритуалах и символах, которые регулировали все их социальное поведение. Уже не я “экзаменовал” людей далекой эпохи, а они учили меня своей мудрости» (Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. №2-3. С.27).

⁸⁹ Кулбахтин Н.М. Указ. соч. С.189. Табл. 13.

⁹⁰ Надо также учитывать и лес, использовавшийся для строительства домов, лодок и пр. (Черных Е.Н. Указ. соч. С.115).

⁹¹ Кулбахтин Н.М. Указ. соч. С.27.

⁹² Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч. С.32. Вот почему заводовладельцы, «покупая» (в свете вышесказанного это слово приходится брать в кавычки – башкиры вряд ли

Поэтому изъятие у башкир вотчинных земель под заводы⁹³ было обусловлено технологией литейного производства того времени. Оно привело к крупномасштабным изменениям в хозяйственно-экономическом укладе башкирского населения. Как справедливо заметил Е.Н.Черных, «экономика и система жизнеобеспечения сильнейшей из культур губительно действует на другую – слабейшую. И вот пример: стремительное развитие российской горнозаводской промышленности на Урале привела к массовой гибели лесов на обширных пространствах этой горной системы. Для лесных башкир и других народов Урала, во многом ориентированных в своем хозяйстве на охоту, бортничество и т.п., все это завершилось полной разрухой. И хотя башкирские старшины пытались старательно оговаривать в договорах с заводчиками, чтобы на проданных им степных землях "деревень не селить и пашню не пахать", а на лесных – "владеть нам, башкирцам, бортнями, которые зделаны в том лесу нами, башкирцами", из этого ничего не вышло»⁹⁴.

Можно, однако, полагать, что на севере Башкирии интеграция нерусских народов в горнозаводскую индустрию проходила более мягко, чем в центре и на юге рассматриваемого региона, где все еще господствовало полукочевое скотоводство, и, вероятно, тревога башкир за свои вотчинные права *часто* выливалась в борьбу с рудознатцами (Н.М.Кулбахтин в этой связи цитирует интересное и многозначительное замечание И.И.Лепехина: «рудоискатели не редко принуждены бывают от своих земляков разные сносить угрозы, а временами и побои»⁹⁵). Таким образом, деятельность рудознатцев в целом не отражала потребностей большинства коренного населения, а наоборот, способствовала в центре и на юге края разрушению традиционного образа жизни и, в конечном итоге, ухудшению экономического положения башкир, еще не готовых к резкой смене форм хозяйственной деятельности. Да и само число рудознатцев было совершенно незначительным⁹⁶.

Р.Порталь, рассматривая проблему колонизации Башкирии в достаточно широкой временной перспективе с учетом положительных и отрицательных сторон этого явления (до чего, кстати, не смог подняться А.Доннелли, увидевший в событиях XVI-XVIII вв. только один негатив⁹⁷), к числу несомненных ее достижений отнес интеграцию края в экономическую жизнь России и его индустриализацию. В то же время он показал, насколько губительной для традиционного хозяйства башкир была принесенная извне промышленная деятельность: «Горные заводы, основанные при Петре Великом, являлись инородным телом на уральских землях – они не были предназначены для удовлетворения местных потребностей. Эксплуатирующие богатые залежи железной руды и леса, ресурсы которого здесь поистине неисчерпаемы, промышленные предприятия работали на оборону государства или производили полуфабрикаты, которые затем перерабатывались на заводах Центральной России». Через двадцать лет к такому же выводу пришел и Б.Х.Юлдашбаев, заметивший, что заводы Южного Урала «были по-

понимали, о чем идет речь) различными законными и незаконными способами башкирские земли, старались ухватить их с излишком (Акманов А.И. Указ. соч. С.51).

⁹³ Некоторые цифры (очень впечатляющие своими масштабами) см.: Акманов А.И. Указ. соч. С.45-51.

⁹⁴ Черных Е.Н. Указ. соч. С.119. Ср. также: Кузеев Р.Г. Бассейн Агидели: Диалектика взаимосвязей и взаимозависимостей этноса, культуры и природы // Этнос и природа: Проблемы взаимодействия. Уфа, 1999.

⁹⁵ Кулбахтин Н.М. Указ. соч. С.211.

⁹⁶ См.: Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель. Казань, 1869. С.562.

⁹⁷ См.: Доннелли А. Указ. соч. С.29. Ср. более тонкий подход: «Экономическая гетерогенность дореформенной Российской империи, – пишет А.Каппелер, имея в виду различия в системах хозяйствования этносов, – не поддается таким общим и поверхностным объяснениям, как в принципе благотворное влияние России на национальные окраины или, напротив, формирование их хозяйственной отсталости из-за колониальной зависимости» (Каппелер А. Указ. соч. С.97).

строены отнюдь не в интересах местного края и местного населения»⁹⁸. Уральская промышленность, серьезно деформировав образ жизни башкир и значительно ухудшив их материальное положение, тем не менее не сделала башкирское общество индустриальным⁹⁹. В 1897 г. лишь 10% взрослого башкирского населения Уфимской и Оренбургской губернии были заняты в промышленности (точнее, в подсобных работах на предприятиях). Для русских эта цифра составляла 23,4%, для татар – 17,4%¹⁰⁰.

Если в целом оценивать работы Р.Порталю по Уралу, то, как нам кажется, он поставил ими очень важную проблему модернизации извне региона с традиционной культурой и экономикой, хотя «Урал в XVIII веке» вышел еще до того, как термин «модернизация» стал применяться общественными науками. Спустя несколько лет начался бурный всплеск исследований по этой теме. Одной из первых работ, где была сделана попытка на теоретическом уровне обосновать причины разрушительных последствий модернизации для традиционных обществ, а также изучить глубоко дестабилизирующее воздействие ее на развивающиеся общества, стал двухтомник Мариона Леви «Модернизация и структура общества: среда международных отношений» (1966), ряд идей которого затем развил Дэвид Эптер и др.¹⁰¹

Французский историк обращает внимание читателя на типологические различия между русским и европейским колониализмом. Если в колониях западноевропейских стран «все (курсив Р.Порталю. – Авт.) представители метрополии ощущали себя по отношению к туземцам хозяевами», то в феодальной России оба народа – и колонизируемый, и тот, который выступал в роли колонизатора, находились примерно в одинаковом положении¹⁰², и «поэтому русское господство над покоренными народами было одновременно и внутригосударственным, и колониальным»¹⁰³.

* * *

Р.Порталем был написан еще ряд работ по истории Урала. Статья «Башкиры и Россия в XVIII веке» органично дополняет книгу о русско-башкирских отношениях.

В рецензии на книгу Бернгарда Борисовича Кафенгауза (1894-1969) о хозяйстве Демидовых. Р.Порталь основное внимание уделил анализу маршрутов, по которым уральское железо перевозилось в европейскую часть России и далее на Запад. Этой теме он еще раз коснется позже, исследуя путешествие Палласа на Урал в 1770 г. Рецензия Р.Порталю была выдержана в конструктивном духе, чего никак нельзя сказать о вы-

⁹⁸ Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации: (Дооктябрьский период). Уфа, 1972. С.123. Ср. также: Каппелер А. Указ. соч. С.96.

⁹⁹ А.Н.Усманов в своей книге значительно преувеличил степень участия башкирского этноса в индустрии (Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. С.253 и сл.). Вероятно, возводя зарождение башкирского рабочего класса к XVIII в., он старался доказать высокую пролетаризацию башкир накануне Октябрьской революции – тезис, характерный для советской историографии того времени.

¹⁰⁰ Юлдашбаев Б.Х. Указ. соч. С.129. Башкиры до сих пор слабо представлены в промышленном производстве, см. статистические данные: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С.66, 68.

¹⁰¹ Подробнее см.: Алексеев В.В., Побережников И.В. Указ. соч. С.11.

¹⁰² Современная российская историография разделяет этот вывод. Так, академик РАН Л.В.Милов характеризует Российское государство как «некий "симбиоз" империи и деспотии, социально-политический организм, где центральное звено – Великороссия и ее крестьянство – не имело практически никаких привилегий» (Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С.563).

¹⁰³ С этим согласны современные российская (Милов Л.В. Указ. соч. С.564, 566-567; Бухаркин П.Е. Мифологема Империи и русская культура // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. С.50; Зубков К.И. Указ. соч. С.113-118) и зарубежная (Каппелер А. Указ. соч. С.48; Хоскинг Дж. Россия: Народ и империя (1552-1917) / Пер. с англ. Смоленск, 2000. С.55-56) историографии. Эти положения восходят к идеям, изложенным видными представителями русской общественной мысли еще в XIX в. (например, Н.Я.Данилевским): Зубков К.И. Указ. соч. С.113-114.

ступлении А.М.Панкратовой, которое упоминает ученый. Эта исследовательница, являвшаяся не только крупным специалистом по истории российского пролетариата, но и входившая в советскую элиту, в духе своего времени опубликовала разносный отзыв на труд Б.Б.Кафенгауза. Основным ее упреком было то, что автор не выработал марксистскую концепцию поднятой в исследовании проблемы. С другой стороны, А.М.Панкратову возмутил тот факт, что Б.Б.Кафенгауз отложил рассмотрение «священной коровы» советской историографии – социальной структуры заводских рабочих – на второй том (который, кстати, так и не вышел). Рецензия же Р.Порталья намечала новые горизонты изучения истории горнозаводского Урала¹⁰⁴.

В статье «Уральская металлургия в XVIII в.» Р.Порталь сформулировал положение о главенствующей роли государства в строительстве заводов на Урале, вызванной специфическими условиями здешней жизни (суровый климат, постоянная угроза нападения башкир). Французский ученый утверждал, что российская промышленность современного типа была позаимствована с Запада, а не порождена в России. В конечном итоге эти два вывода позволили Р.Порталю вплотную подойти к объяснению многих сторон жизни российского общества в целом, в частности, длительного сохранения внеэкономических форм эксплуатации населения. Уже в наши дни к сходным выводам пришел Л.В.Милов: «...форсированное строительство крупного производства путем заимствования "западных технологий" таким социумом, как Россия, дало вместе с тем суровый социальный эффект: были вызваны к жизни еще более жестокие, более грубые формы эксплуатации, чем самые "варварские" формы феодальной зависимости... Социум, в основе жизнедеятельности которого лежало земледелие и скотоводство, едва покрывающие потребности страны, обречен был выжимать совокупный прибавочный продукт жесточайшими политическими рычагами насилия, этот социум неизбежно "усвоил" (подмял) и новые технологии под господствующий уклад хозяйственных отношений. К такого рода процессам абсолютно неприменимы понятия "реакционный", "консервативный" и т.п., так как они были проявлением объективной необходимости, логикой развития данного общества»¹⁰⁵.

В отечественной историографии сложилось позитивистское отношение к сведениям об уральском регионе, опубликованным П.С.Палласом. В научно-популярной литературе, вышедшей в нашей стране, авторы ограничиваются простым пересказом, но отнюдь не анализом соответствующих страниц палласовского многотомника¹⁰⁶. Написанная уже зрелым и широко известным в научных кругах Запада исследователем, статья Р.Порталья «Паллас на Урале» представляет собой образец тщательного источниковедческого анализа. Конечный вывод Р.Порталья несколько неожиданный – по его мнению, сведения Палласа об Урале не представляют большой ценности для историка. Эти наблюдения французского историка очень полезны для отечественных авторов, зачастую идеализирующих сочинение Палласа и активно использующих его в качестве этнографического и исторического документа.

* * *

«Весь очарованный уникальностью промышленного Урала» (из авторского предисловия к «Уралу в XVIII веке»), Р.Порталь на страницах своей книги, вслед за работами многих дореволюционных русских исследователей, постоянно проводит мысль

¹⁰⁴ Мы, конечно, вовсе не собираемся преуменьшать заслуги академика Анны Михайловны Панкратовой (1897-1957), в чьем научном наследии имеются не менее крупные работы по истории рабочего класса России. Ее критическое выступление против Б.Б.Кафенгауза – это подчинение правилам игры, господствовавшим тогда не только в науке.

¹⁰⁵ Там же. С.525-526. Р.Порталь, как увидит читатель, ни разу не дает оценку заводского производства на Урале в этих столь привычных для советских историков терминах.

¹⁰⁶ См., например: *Сидоров В.В.* Исследователи башкирского края: Век XVIII. Уфа, 1997. С.86-156.

о неповторимости экономического и социального развития исследуемого им региона. Здесь не место повторять многочисленные факты и выводы, приводившиеся в отечественной историографии для обоснования этого тезиса. Но настолько ли был оригинален Урал в европейской истории, как принято до сих пор считать?

Попробуем рассмотреть некоторые черты развития Урала в сравнении с родиной самого Р.Порталю, Францией, на основе фундаментального труда Ф.Броделя.

Выше уже говорилось об особой роли государства в зарождении и развитии уральской промышленности, экономическом освоении этой территории. Отрицать это не приходится. Однако прав ли был Р.Порталь, когда всячески пытался убедить читателя в том, что именно примат государства в развитии Урала и создании его инфраструктуры в виде дорог и почтовых станций – действительно уникальное явление? Ведь те же самые тенденции наблюдались и во Франции, где государство «прибрало к рукам», как пишет Ф.Бродель, те процессы и обмены, которыми обеспечивалась жизнь на его территории. Именно государство создало монетные дворы, почту, проявляло заботу о крупных дорогах. Как и на Урале, во Франции осуществлялась мобилизация рабочей силы для осуществления «ручной» или «дорожной» повинности – на срок от 12 до 40 дней¹⁰⁷.

Не является чем-то уникальным и циклическое развитие уральской горнозаводской индустрии, а также ее миграция по территории региона, столь подробно рассмотренные Р.Порталем. Ф.Бродель образно назвал промышленность «дверью вовне», которая «при всех своих сбоях и провалах... всякий раз восстанавливается и движется вперед... Ослабевав в том или ином городе или регионе, промышленность поднималась с новой силой в другом месте. Здесь действует закон сообщающихся сосудов... Действительно, сколько здесь сломов, чередующихся с триумфальными взлетами, сколько задержек, отступлений назад! Если рассматривать промышленные предприятия поодиночке, может показаться, что они повинуются закону дискретности, недолговечности. Часто говорят об опустевших деревнях – а стоило бы вспомнить также и о заброшенных мануфактурах, целых заводах!»¹⁰⁸.

Р.Порталь не раз отмечает, что, столкнувшись с «современной» промышленностью, уральская ремесленная индустрия постепенно ушла в небытие, хотя и не без сопротивления. Но ведь и во Франции, по Ф.Броделю, ремесленная промышленность сохранялась очень долго. Как и ее собрат на Урале, французская крупная промышленность, «будучи в явном меньшинстве,.. фактически оставалась в окружении традиционных промыслов, охватывавших ее словно море острова»¹⁰⁹. Сходство между Францией и Уралом можно найти даже в отдельных социальных группах тогдашнего общества, в частности, русских «гулящих людях»¹¹⁰.

Р.Порталь, ссылаясь на источники, пишет о плохом состоянии уральских дорог, которое сильно затрудняло транспортировку производимой продукции за пределы региона¹¹¹. Однако, как свидетельствуют документы, даже в начале XIX в. большие (общегосударственные) французские дороги «были... ненадежны – они представляли

¹⁰⁷ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч.2. С.240-244, 274.

¹⁰⁸ Там же. С.289, 291, 293 (в этой связи интерес представляют соображения Ф.Броделя о 100-летнем периоде процветания промышленного предприятия; ср. также графики развития уральской металлургической индустрии в книге Р.Порталю и аналогичные данные Т.Ж.Марковича по французской промышленности: Там же. С.294).

¹⁰⁹ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч.2. С.297. См. также С.260, 267-268. Сравнительный материал о ремесленниках см.: Там же. Кн. 1. С.125.

¹¹⁰ Там же. Кн. 1. С.128-133.

¹¹¹ Само по себе внимание к путям сообщения – отличительный признак ранних «Анналов». Подробнее см.: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч.2. С.221 («разве бывает производство, которое не находило бы себе продолжение в сообщениях, в процессах распределения и потребления? Последнее замыкает собой всю цепь»).

собой узкую более или менее плотную полосу между двумя обочинами, на которых повозки увязали». Сообщения современников о дорогах Франции мало чем отличаются от приведенных Р.Порталем описаний П.Палласом ужасного состояния сухопутных транспортных артерий на Урале¹¹². Не менее примечательными являются сведения, приводимые Ф.Броделем о водных путях. Как и на Урале, они во Франции «обладали двумя преимуществами: отличались дешевизной, и по ним можно было перевозить тяжеловесные грузы»¹¹³. Подобно Уралу, французская промышленность нещадно уничтожала лес, что впоследствии отразилось на ней же самой¹¹⁴. При желании в далекой от Урала Франции можно увидеть даже нечто похожее на башкирскую тебеневку скота¹¹⁵. Так что сильно преувеличивать «уникальность» уральского региона, думается, вряд ли целесообразно...

* * *

Труд Р.Порталю об Урале был восторженно встречен западной научной общественностью. Так, один из его рецензентов, Эдуард Брюлей, писал: «Своей новизной и важностью поставленных проблем диссертация Порталю представляет первостепенный интерес»¹¹⁶. Другой рецензент, Альфред Фишель, уже тогда, полвека назад, уловил заложенный в книге своего соотечественника мощный концептуальный потенциал, отметив, что автор «столь прекрасной книги... смог, несмотря на недоступность ему архивных источников, выйти за рамки локального исследования и открыть перед специалистами новые горизонты изучения данной темы»¹¹⁷. Ему вторил еще один критик, Ж.Видаленк: «Диссертация г-на Порталю не только вносит новый и очень крупный вклад в изучение старой России, но и нередко во многом выходит за географические рамки Урала, и без того достаточно широкие, чтобы вместить в себя все основные вопросы всеобщей истории XVIII в.»¹¹⁸.

Положительно была оценена книга Р.Порталю и в СССР¹¹⁹, хотя на нее и не появилось тогда никаких развернутых рецензий. В книге В.Я.Кривоногова говорилось: «Безусловный интерес... представляют суждения о наемном труде на Урале французского историка Роже Порталю. Он указывает на то, что в I половине XVIII века вместе с государственными крестьянами приходили на Урал и беглые крепостные люди, нанимавшиеся на заводы по контракту. При этом они пользовались некоторой свободой, так как местный учет не превращал их в рабов. Начиная с 50-х годов XVIII века, Урал перестает быть убежищем для беглых. Они устремляются в Сибирь через Урал, представляя для заводов последнего текущую наемную рабочую силу, которая привлекалась по контрактам. Контракты не удерживали беглых, которые исчезали так же внезапно, как появлялись.

Такая постановка вопроса заслуживает внимания и исследования на основе фактов. Нужно только заметить, что наемная рабочая сила и в первой половине XVIII века не была представлена только беглыми. Социальное расслоение в деревне обусловило отход на заработки некоторой части государственных и даже крепостных крестьян. Имели место факты косвенного проникновения наемного труда через подряды и частный рудный промысел.

¹¹² Ср.: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч.2. С.227-229; Там же. Кн. 1. С.127-128.

¹¹³ Там же. С.238; Там же. Кн. 1. С.241 и сл.

¹¹⁴ Там же. С.280. Сравнительный материал о лесе см. еще: Там же. Кн. 1. С.120-123.

¹¹⁵ Там же. Кн. 2. Ч.2. С.73-74.

¹¹⁶ Bulletin de la Société des Professeurs d'Histoire et de Géographie de l'Enseignement public. Paris, 1951. № 128. P.78.

¹¹⁷ Revue historique. 1953. Juil – Sept. P.141.

¹¹⁸ L'Education nationale. 1951. P.13.

¹¹⁹ Дружинин Н.М. Указ соч. С.360.

Роже Порталь заметил для второй половины XVIII века проявления нового характера найма рабочей силы на Урале, заключавшегося в приходе крестьян с законными видами – паспортами.

Он относит появление оброчников к общей эволюции России и считает, что они еще не изменяют социального лица заводов Урала. Что касается вольнонаемных с паспортами, то он справедливо не считает их кабальными заводчика... Он так же правильно считает, что не юридический статус отходника по отношению к своему господину определяет его положение на заводе, а действительные экономические условия, в которые он поставлен как вольнонаемный рабочий.

Вполне понятно, что эти соображения нуждаются в исследовании и доказательствах, но их нельзя не иметь в виду при разработке проблемы наемного труда на Урале в крепостное время»¹²⁰.

* * *

...«Историк не тот, кто знает. Историк – тот, кто ищет», – заявил в 1942 г. Л.Февр¹²¹. Р.Порталь не дал (и не мог в то время дать!) окончательные ответы на сложнейшие проблемы уральской истории, но он наметил перспективные пути их разработки. Яркая и драматичная история Волго-Уральского региона, развертывавшаяся в самом сердце Евразии на стыке этносов и культур, заслуживает создания не менее «тоговых» трудов, чем, скажем, упомянутое исследование Ф.Броделя о Средиземноморье или труд «Филипп II и Франш-Конте» (1912) того же Л.Февра. Надеемся, что русское издание работ Р.Порталья об Урале в какой-то мере облегчит будущим исследователям эту задачу¹²².

Игорь КУЧУМОВ,
кандидат исторических наук.

2003 г.

¹²⁰ Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959. С.9.

¹²¹ Цит. по: Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра. С.507.

¹²² Сочинения профессора Р.Порталья публикуются нами с любезного разрешения парижского Национального института славянских исследований – этого крупнейшего в Европе учреждения, специализирующегося на изучении истории и культуры славянского мира и России, и вдовы ученого госпожи Моника Порталь. В процессе подготовки этой книги нам большую помощь оказывали сотрудники Научной библиотеки УНЦ РАН, Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Национальной библиотеки им. А.Валиди Республики Башкортостан, Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Центра этнологических исследований УНЦ РАН, Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, Уфимского филиала Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А.Шолохова, Института истории и археологии Уральского отделения РАН, исторического факультета Башкирского государственного университета. Мы приносим особую благодарность члену-корреспонденту РАН Р.Г.Кузееву (Уфа), С.Асланову (Париж), к.и.н. И.В.Побережникову (Екатеринбург), к.и.н. Ф.А.Шакуровой (Уфа), к.и.н. Б.А.Азнабаеву (Уфа), к.и.н. Р.Н.Рахимову (Уфа), к.г.н. А.В.Псянчину (Уфа), к.и.н. Р.З.Мударисову (Уфа), проф. Х.Хадсону (Атланта, штат Джорджия), к чьим консультациям не раз приходилось прибегать, и пожелания которых по возможности были учтены в этой книге. Примечания ответственного редактора книги даны в угловых скобках: <>.

УРАЛ В XVIII ВЕКЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ*

* Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle: Étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950. 435 p. Перевод с французского Л.Ф.Сахибгареевой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый, кто внимательно прочитает эту книгу, поймет, насколько грандиозна поднятая в ней проблема. Ведь для того, чтобы исследовать процесс зарождения и развития уральской промышленности, необходимо, в сущности, затронуть всю экономическую и социальную историю России в XVIII в. Но как сделать это, если СССР сегодня является полностью закрытой страной¹²³ и его архивохранилища практически недоступны для исследователей? К счастью, основные источники по данной теме находятся в парижских и пражских библиотеках и, кроме того, имеется немало опубликованных работ, в том числе советских историков¹²⁴. В целом же мой труд, хронологически ограниченный XVIII в., следует считать всего лишь постановкой данной проблемы. Мне бы хотелось, чтобы моя работа стимулировала во Франции интерес к истории России (которой у нас занимаются пока еще *garis nantes*¹²⁵) и появление новых аналогичных исследований.

Почему я выбрал эту тему? Первоначально меня заинтересовала история Сибири, но мысленно отправившись в златообильную Якутию, я остановился на полпути, весь очарованный уникальностью промышленного Урала. Узнав об этом, преподаватель Сорбонны г-н Лабри порекомендовал мне заняться историей уральской промышленности, и я ничуть не раскаиваюсь в том, что принял его предложение. Поэтому я признателен прежде всего ему, а также преподавателю Коллеж де Франс, члену Института Франции г-ну Андре Мазону и профессору Сорбонны г-ну С.-Е.Лабруссу. Я также благодарю г-на Пьера Паскаля, любезно предоставившего в мое распоряжение свою библиотеку. Консультации превосходного знатока фондов парижских книгохранилищ ныне покойного Бориса Нольде, скромного и отзывчивого человека, позволили мне сэкономить время при поиске рассредоточенных по разным местам источников. И, наконец, я выражаю благодарность работникам Национальной библиотеки Франции, библиотек Института славянских исследований, Школы восточных языков и Пражского университета, особенно – мадам Меврэ, г-ну Бутчику и г-ну Джапаридзе.

Париж, 1 июля 1950 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Горные заводы, построенные до 1762 г. и составляющие 4/5 от общего числа уральских заводов, отражены на Карте 3 и в Таблице 20. На этой же карте названия заводов, построенных в 1762-1796 гг., даны в скобках.

Обычно горные заводы носят названия рек, на которых они стоят. Этого названия в форме имени прилагательного бывает вполне достаточно для обозначения того или иного предприятия. Например, Сергинский – это завод, расположенный на р. Серге (напомню, что слово «завод» в русском языке является именем существительным мужского рода).

Если название завода приведено в форме имени существительного, то чаще всего это означает не отдельное предприятие, а промышленную агломерацию; так чаще всего обозначаются крупные центры: Невьянск (поселок и завод), Алапаевск и т.д.

¹²³ <Речь идет о конце 1940-х гг.>.

¹²⁴ <См.: Гурьев И.А., Усанов В.И. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Свердловск, 1982>.

¹²⁵ <Редкие пловцы. – Лат.>.

Если же на реке расположены два завода, то к их названию добавляются слова «Верхний» или «Верхне-» («Нижний» или «Нижне-»), которые указывают на месторасположение, например: Верхне-Тагильский, или Тагильский Верхний, Нижне-Тагильский или Тагильский Нижний.

Иногда два соседних завода, расположенные на одной реке, обозначаются множественным числом: Кыштымские, Юговские.

Из-за того, что *многие* горные заводы стоят на одной реке, или разные реки имеют одинаковые названия (например, Утка, Шайтанка), эта омонимия часто приводит к путанице.

Кроме того, одним слово может обозначать два разных завода, что осложняет подсчет численности предприятий. Так, «Авзяно-Петровский завод» может подразумевать и один завод, и два: Верхний Авзяно-Петровский и Нижний Авзяно-Петровский¹²⁶.

Соответствие используемые в моей книге единиц измерения метрическим см. в Таблице 1.

Таблица 1
Соответствие русских единиц измерения метрическим

Верста	1,067 км
Сажень	2,144 м
Десятина	1,092 га
Пуд	16,38 кг
Короб	Переменная величина

¹²⁶ <Названия всех горных заводов, упомянутых в этой книге, приводятся по: Металлургические заводы Урала XVII-XX вв.: Энциклопедия /Гл. ред. В.В.Алексеев. Екатеринбург, 2001. Все даты основания заводов, кроме особо оговоренных, даны по времени их пуска>.

Глава I

УРАЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДО XVIII В.

Урал представляет собой длинный горный хребет, растянувшийся на 2500 км от Северного Ледовитого океана до Приаралья. Он везде доступен для человека. «Невысокая гора»¹, Урал на севере почти нигде не превышает 1800 м, изобилуя многочисленными перевалами высотой до 500 м. Запад уральской гряды настолько пологий, что «путешественник, приехавший из России, едва ли поймет, что попал в горы, – до того эта местность кажется ему привычной»². В других местах ширина Урала составляет в среднем 80-100 км и только на юге его отроги, имеющие форму гусиной лапы, растянулись на 250 км. Наиболее пригоден для жизни человека Средний Урал, напоминающий Вогезы³ и имеющий среднюю высоту 600 м – это скорее возвышенности, чем горы, которые в районе Свердловска (Екатеринбурга) почти исчезают.

Уральский климат – резко континентальный, зима там длится 7-8 месяцев и особенно сурова за 60-й параллелью. На Среднем Урале среднегодовая температура очень низкая (+2 °С в Перми и Свердловске), и становится выше только южнее. Уральская зима относительно сухая, а летние осадки способствуют бурному росту лесов, напоминающих океан из елей и сосен, лиственниц и берез⁴, северным берегом которого является тундра, а южным – лесостепь и степь. Климат и леса не позволяют вести на большей части территории Урала земледелия, а выше 61 параллели люди практически не живут⁵.

Заселение, а затем и промышленное освоение коснулись только Среднего и Южного Урала. Несмотря на холодные зимы, на черноземном юге можно заниматься земледелием. Южнее лес постепенно исчезает, делая пространство удобным для скотоводства. Отсюда уже рукой подать до Средней Азии.

Вплоть до конца XVI в. Урал был для русских охотников на пушного зверя, торговавших им на рынках России (например, в Новгороде), всего лишь перевалочным пунктом на пути в Сибирь. Поскольку в самих русских лесах пушнины к тому времени уже почти не осталось, промысловики все дальше и дальше уходили на восток, охотясь на зверей и собирая дань с местного населения.

Важную роль в движении русских «встречь солнцу»⁶ играли дороги, пересекавшие Урал от Печоры до низовьев Оби.

Богатые солью земли между Солью Камской и устьем р. Чусовой царь Иван Грозный отдал Строгановым, за которыми сюда потянулись и другие люди. Севернее владений Строгановых возникла дорога, через Вишеру и Лысьву доходившая до Волжско-Камского бассейна и Оби. Стремясь увеличить добычу соли, Строгановы с 1568 г. начали прибирать к своим рукам земли, расположенные по Чусовой и ее притокам.

Знаменитый поход Ермака (1581 г.) на столицу Татарского ханства свидетельствовал о коренных изменениях политики русских царей на юго-востоке государства. Бывший до этого щитом России, защищавшим ее от степняков, Урал превратился теперь в плацдарм для ее продвижения в Среднюю Азию. Хотя Ермак служил Строгановым, его поддерживало правительство. «Строя здесь крепости, Москва тем самым переходила от политики отдельных походов к установлению здесь своего господства»⁷.

¹ George P. U.R.S.S, Haute-Asie. Paris, 1947. P.26.

² Jorré G. L'U.R.S.S: La terre et les hommes. Paris, 1946. P.268.

³ <Вогезы – горы на северо-востоке Франции. Высота до 1423 м>.

⁴ Jorré G. Op. cit. P.267.

⁵ Один автор удачно назвал это «лесной пустыней» (Ibid. P.459).

⁶ Kerner R.J. The urge to the sea: The curse of Russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs. Berkeley; Angeles, 1946.

⁷ Ibid. P.67.

Так возник путь с запада на восток через Каму – Чусовую и Туру, на долгие годы ставший почти единственной возможностью перехода через Уральский хребет; его разделяли два тракта, начинавшиеся на севере с мелких притоков Чусовой и заканчивавшиеся на востоке Урала реками Турой и Тагилом (этим путем шел Ермак), а на юге – Нейвой и Ницой (см. Карту 1).

Этот путь в XVII в. пришел на смену северному тракту, начинавшемуся в Соли Камской и проходившему через Верхнюю Туру под защитой Верхотурской крепости (основана в 1598 г.)⁸.

Наконец, третья дорога шла через Кунгур и верховья Чусовой в Пышму и Исеть; после основания в 1722 г. Екатеринбурга она стала на Урале главной.

Дороги проходили через леса, заселенные аборигенами – вогулами на севере и башкирами на юге. Башкирские земли начинались у истока Чусовой, юго-западнее Исети. Весьма многочисленные, компактно расселенные и хорошо организованные, башкиры оказались на пути продвижения русских на восток⁹. При Иване Грозном (1557 г.) они приняли русский сюзеренитет. Царь, чтобы показать свою силу, послал в «Башкирь» войско, дошедшее до истока Белой, но лишь введение ясака¹⁰ поставило башкир в зависимость от России. Северные границы региона не были четкими; скорее всего, на здешних скалах вдоль Чусовой и Исети никто не жил, лишь в мирное время сюда приходили с юга русские¹¹.

Между 1573 и 1586 гг. для облегчения сбора ясака русское правительство воздвигло в центре Башкирии крепость Уфу. С XVII в. на землях башкир стали самовольно селиться русские и пришедшие с Поволжья татары и марийцы, которых тогда еще было мало. Небезопасную для землепашцев территорию окружили с запада построенной в начале XVII в. Закамской оборонительной чертой, с юга ее защищали Самара и правый берег Камы, с севера – ряд крепостей, основанных во второй половине XVI в. (Елабуга, Каракулино, Сарапул, Оса), а с востока – Тюмень (основана в 1586 г. после похода Ермака). Города и слободы¹² подчинялись трем воеводам, сидевшим в Верхотурье, Тобольске и Кунгуре – тамошних уездных центрах.

Таким образом, от Верхотурья до Шадринска возник обширный коридор шириной 250 км, связавший Россию с Сибирью. Он существовал до тех пор, пока в XVIII в. горнозаводское строительство не охватило Башкирию. Пермь на западе, а Ирбит на востоке стали меридиональными границами края, где сначала появились рудоискатели, а позднее – заводостроители; он граничил с северной окраиной тогдашнего «военного лагеря» – Башкирии¹³.

* * *

Людской поток из Европейской России в Сибирь шел вдоль казачьих «острогов», что облегчало процесс заселения Урала, в первую очередь, самовольно переселявшимися сюда государственными крестьянами и, в меньшей степени, беглыми крепостными, а во-вторых, – правительственной колонизацией, шедшей одновременно со

⁸ О дате основания Верхотурской крепости см.: Работа историков и краеведов Свердловского областного краеведческого музея // Вопросы истории. 1947. № 11. С.150.

⁹ *Атнагулов С.* Башкирия. М.; Л., 1925. С.7.

¹⁰ Ясак – натуральный или денежный налог, выплачиваемый местным населением.

¹¹ Вогулы не были серьезным препятствием для русской экспансии и индустриализации. Мало-численные, они быстро были ассимилированы русскими. В 1770 г. Паллас писал о них: «... Образом жительства, строениями и одеянием подражают совсем россиянам, даже и говорят по-русски, а свой язык употреблять, наипаче пред рускими, стыдятся. Хотя они уже и давно обращены к грекороссийской церкви, однако суть невежествующие и легкомысленные христиане» (*Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1768. Ч.2. Кн.1. С.278.).

¹² Слобода – большое село, административный центр округа.

¹³ *Атнагулов С.* Указ. соч. С.9.

строительством крепостей и вызванной необходимостью защиты края от нападений кочевников.

Государственные крестьяне, обосновавшиеся на Урале, были людьми свободными. Беглые же крепостные получали свободу в двух случаях: если их не могли найти прежние хозяева (а такое в XVI-XVII вв. было частым явлением), или же если на них не обращало внимания государство. Что касается владений Строгановых (север Среднего Урала), то там царило крепостное право. Таким образом, Средний Урал в социальном плане был достаточно специфичной территорией. Переселенцы, обосновавшиеся на казенных землях, были «государевыми слободскими людьми». Из принадлежавших им 4-5 десятин (1 десятина = 1,09 га) земли они 1 десятину обрабатывали для государства. Кроме того, они платили натуральный оброк церкви, отработывали барщину на коллективных работах (содержание дорог и т.д.)¹⁴, но при этом были лично свободными.

Уральская металлургия, в отличие от промышленности Центральной России, развивалась в относительно однородной социальной среде и почти не была затронута крепостничеством.

В XVII в. предпринимались неоднократные попытки ограничить свободу уральских крестьян. Особенно это хотели сделать монастыри, такие как Невьянский Богоявленский, возникший в 1622 г., и Успенский, основанный в 1644 г. монахом Далматом (отсюда другое название монастыря – Далматов) на Исети. Они пытались прибрать к рукам уже заселенные уральские земли, ссылаясь при этом на свои уставы. В XVII в. имела место длительная тяжба между Невьянским монастырем и крестьянами Арамашевской слободы на р. Режь (приток Нейвы)¹⁵. Монастырь победил, но лишь на время: села и деревни – даже те, чья судьба еще была под вопросом, – в конце XVII в., когда сюда пришли горные заводы, взяла к себе казна. Но свободу люди так и не получили – правительство, забрав к себе монастырских крестьян, заставило их работать на заводах. Впрочем, таких людей на Среднем Урале в конце XVII в. было мало – его заселяли преимущественно свободные землепашцы.

* * *

Какова была численность тогдашнего уральского населения? Сведений об этом нет, но примерное представление можно получить из переписей «дворов», скажем, Верхотурского уезда. В 1624 г. в нем насчитывалось 2 слободы (Невьянская и Ямская) и 149 деревень, состоявших из 278 дворов, да еще 109 было в уездном центре Верхотурье, следовательно, всего – 387 дворов. В уезде проживало 1273 души мужского пола и 49 бобылей и половников, а если сюда прибавить женщин и детей, то выходит 4000-5000 человек. Эта цифра, разумеется, очень приблизительна. Тем не менее, она показывает, что уезд был мало заселен. Если принять его площадь за примерно 30000 кв. км, то средняя плотность жителей в нем составляла максимум 0,2 человека на 1 кв. км. Поселения почти всегда располагались вдоль трактов и рек, проходивших в меридиональном направлении между горными отрогами. Уральцы в начале XVII в. проживали в маленьких деревнях, разделенных огромными безлюдными пространствами.

Так было в течение всего XVII в., несмотря на то, что край заселялся довольно интенсивно. В 1624-1645 гг. в Верхотурском уезде возникло 10 новых слобод, а затем поток колонизации перекинулся на Чусовую и Исеть, где в конце XVII в. образовалось около 20 населенных пунктов¹⁶. В 1680 г. в уезде имелось 6218 душ мужского пола, т.е. в 5 раз больше, чем в 1624 г. Тем не менее, все население уезда не превышало 15000-

¹⁴ Эти повинности были увеличены при Петре Великом: *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1946. Т.I. С.27-28.

¹⁵ *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т.I. С.47.

¹⁶ Там же.

20000 человек, а его плотность была примерно 1 человек на 1 кв. км. (вокруг Кунгура и во владениях Строгановых она была выше). Достаточно быстрый прирост населения в этом районе объясняется легкостью связей с центром России через Каму и низовья Чусовой и его относительной безопасностью.

Последнее обстоятельство было очень важным, поскольку с юга и востока колонистам постоянно угрожали башкиры, не раз вынуждавшие переселенцев покидать эти места. Кроме того, крестьян притесняли власти, больше благоволившие к правительственной колонизации. К концу XVII столетия Москву стало беспокоить увеличение числа здешних беглых крепостных и свободных крестьян, скрывавшихся от закрепощения. В 1683 г. правительство потребовало от пермского, чердынского и соликамского воевод перекрыть пути бегства людей, приносившего казне и помещикам огромные убытки¹⁷. Но сделать этого тогда не удалось. Но когда казна приступила к строительству здесь горных заводов, беглые оказались ей кстати.

В XVII в. о богатстве уральских недр уже слагались легенды, а некоторые месторождения стали известны даже веком ранее. Открытие на Урале сначала залежей золота и серебра, а затем железной и медной руды стимулировалось, во-первых, развитием местной кустарной промышленности и, во-вторых, экономической и финансовой политикой государства.

О добыче металлов на Урале до XVII в. известно немного. Сохранились сведения, что Иван III отправил на поиски серебра экспедицию, но вместо этого она нашла медь на реке Цыльме¹⁸, где и был основан небольшой заводик. В XVI в. поисками драгметаллов в крае занимались Строгановы. Именно жажда золота (которое удалось найти только в 1749 г.) и серебра манила сюда людей. Удаленность и почти полная необитаемость Урала создавали определенные трудности, но охота за желтым металлом привела к открытию богатейших залежей меди и железа. Золотоискатели разведали множество месторождений, проложили к ним удобные пути и разбудили, таким образом, в переселенцах дух поиска.

Нужда в орудиях труда и потребности соляных промыслов Строгановых способствовали развитию ремесла, наиболее ранние сообщения о котором относятся к XVII в. В 1628 г. тобольский воевода узнал от «татарина» (собирательное обозначение в русских источниках всего местного нерусского населения) о наличии железа на р. Нице¹⁹ и поручил кузнецу из Невьянского острога²⁰ в сопровождении мастерового из «гулящих людей»²¹ провести опытную плавку найденной руды. Ее выплавили в Верхотурье и Тобольске, а образцы отослали в Москву. После этого правительство приказало провести новые поиски, а воеводам предписало прислать кузнецов для будущего завода.

Незадолго до этого власти направили мастеровых из Устюжны Железопольской²² опробовать руду в Тобольске. Однако начать производство здесь металла тогда не удалось, ведь рабочую силу приходилось привозить из России. Поэтому правительство, узнав о находке в 1628 г. руды в районе Ницы, распорядилось прислать в Верхотурье опытных людей из Сибири, чтобы они своими советами помогли местным кузнецам «... железо плавить и в том железе... пушки и всякое железное дело делати»²³. Так

¹⁷ Белов В. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896 (по: Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М.: Л., 1947. Ч. I. С.63).

¹⁸ Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т.I. С.25.

¹⁹ Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. Екатеринбург, 1810. Ч.I. С.3; Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.49.

²⁰ Острог – крепость.

²¹ Гулящий человек – бродяга.

²² Один из первых центров железной металлургии на западе России.

²³ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.49-50.

возник Ницынский железоделательный завод – прадед всей уральской металлургии²⁴. Построенный в 1631 г., он сгорел через 6 лет. Позже его восстановили, но о дальнейшей судьбе и даже точном местонахождении этого завода ничего неизвестно²⁵. В 1740 г. Г.Ф.Миллер²⁶ еще видел его остатки²⁷, но в 1777 г. Берг-коллегия уже не могла их найти. Тем не менее, эти попытки заводостроительства на несколько лет опередили возникновение Тульско-Каширского очага металлургии²⁸.

В 1635 г. рудознатцы царя Михаила Федоровича нашли медь на р. Кузгорке, небольшом притоке Яйвы. Ее перевозили по Яйве и Каме и выплавляли в Пыскорском монастыре. Вероятно, это производство существовало еще до постройки Ницынского завода, но оно было кустарным. В 1640 г. с помощью присланных на Урал иностранных мастеровых (англичан) близ упомянутого монастыря, на речке Камгорке, был построен Пыскорский завод, принадлежавший Александру Тумашеву и его сыновьям, который действовал до 1657 г., когда «за пресечением руды» вынужден был закрыться²⁹. Кроме того, он располагался на севере (рядом с Солью Камской), за пределами будущей промышленной зоны Урала. Столь же недолго функционировали железоделательный Красноборский завод (1640-е гг., юго-западнее Чердыни), доживший до эпохи Петра Великого³⁰, и маленький Саралинский медеплавильный заводик близ Елабуги, восстановленный государством в 1697 г.

После закрытия Пыскорского завода Тумашев получил разрешение искать руду в Верхотурском уезде; обнаружив в 1669 г. железо у р. Нейвы, что в Башкирии, он построил там Федьковский завод, который действовал до 1680 г., а затем пришел в упадок, и хотя упоминался еще в 1727 г., закрылся в самом конце XVII в.³¹

В 1682 г. монахи Далматова монастыря обратились к властям с просьбой отдать им земли, где они нашли руду. Речь шла о правом берегу верховьев Исети, в 15 верстах от Колчеданской крепости, который «...никому русским людям и иноземцам не вдаче...»³². Что им ответили – неизвестно, но вскоре здесь заработал маленький железный заводик, ставший предшественником Каменского.

Таковы были единичные попытки строительства уральских горных заводов в допетровское время. Все они окончились неудачно. Однако без их изучения истории этой кустарной промышленности, успешное развитие которой во второй половине XVII и даже в первой четверти XVIII столетия влияло на заселение Урала, понять после-

²⁴ <Вершинин Е.В. Источники по истории организации первого железоделательного предприятия на Урале (XVII в.) // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992; Коновалов Ю.В. Ницынский железоделательный завод и крестьяне рудного дела // Четвертые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002; Курлаев Е.А. Невьянское рудное железное дело или Ницынский завод? Взгляд на историю первого железоделательного предприятия // Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. [Вып.] II>.

²⁵ <Ницынский завод функционировал в 1629-1699 гг., располагался в 140 км к северо-востоку от Екатеринбурга>.

²⁶ <Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2001. Т. II. С.91>. Г.Ф.Миллер <(1705-1783)> – профессор из Лейпцига, историк и географ. В 1725 г. приехал в Россию, со следующего года являлся членом Петербургской Академии наук, в 1733 г. вместе с И.Г.Гмелиным участвовал во Второй Камчатской экспедиции, проводя десять лет в Сибири.

²⁷ Н.Б.Бакланов (Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935. С.13) полагает, что он находился рядом с нынешним селением Ницынским, на р. Нице. <В настоящее время его остатки находятся у с. Рудное Ирбитского района Свердловской области>.

²⁸ В 1631 г. первые заводы Тульско-Каширского региона, основанные иностранцами Виниусом и Марселисом, стали применять западную технику.

²⁹ Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.4; Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.13; Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. М., 1937. С.19-20.

³⁰ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.50.

³¹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.14.

³² Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.48.

дующее промышленное развитие этого региона нельзя. Кустарная промышленность процветала, а начать строительство горных заводов не удавалось. В конце XVII в. только в Кунгурском уезде насчитывалось более 40 крестьянских заводиков, производивших до 50 пудов (800 кг) железа в год. В начале XVIII в. здесь появляются и первые заводы по переработке медной руды³³. Металл в этих краях плавил с глубокой древности, о чем свидетельствовали «чудские копища» под Екатеринбургом, за право владеть которыми вели в 1702 г. ожесточенный спор башкиры и русские заводчики³⁴.

Кустари-ремесленники помогали строить первые уральские горные заводы. Они находили руду, подыскивали месторасположение будущих заводов и даже сами работали на них. Некоторые кустари под руководством мастеровых, вывезенных из России, овладевали современной технологией получения металла. К 1700 г. в крае сложились все условия для возникновения металлургической промышленности³⁵.

Теперь выясним, что следует понимать под «ремесленной промышленностью» и «заводом». Число ремесленных металлургических центров в течение XVII в. быстро увеличивалось³⁶, т.к. выплавка руды и ее дальнейшая обработка производились в разных цехах: крестьяне плавил руду в маленьких печах, и слитки железа, полученного прямым способом, отправлялись кузнецам, которые ковали из него сельхозинвентарь. Таким образом, разделение промышленных операций являлось, наряду с малыми объемами производства³⁷, одним из основных отличительных признаков кустарной металлургии. Но надо иметь в виду, что эти «предприятия» появлялись спонтанно, по местной инициативе, и служили здешнему населению. Имея нескольких работников, они не затрагивали местный социум и полностью удовлетворяли уральцев.

Выросшие здесь позже горные заводы, также напоминавшие кустарные заведения, принесли сюда не новую технику, а вызвали социальные изменения. В то время как в Швеции, Франции, Германии из руды уже выплавляли чугун и использовали движимые водой воздухоудные меха и молоты, на Урале в XVII в. все еще обходились железодельными печами и ручными мехами. Вододействующих молотов было очень мало³⁸. О том, как получали железо в Далматовом монастыре, сообщал монах Черницын (1691 или 1692 г.³⁹). Железо производили прямым способом в 2 «домницах»⁴⁰, расположенных в особом и имевшем различные инструменты («...кузница с наковальнею, клещами и мехами»..., «сарай угольный прирубной, ступа и пест, чтоб железная руда толчи») помещении, и, видимо, не применяли гидравлическую энергию.

Такой завод отличался от ремесленного цеха в первую очередь тем, что строился по инициативе государства, а не местных жителей. Кроме того, он объединял все

³³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.15.

³⁴ Там же. С.83.

³⁵ П.Г.Любомиров (*Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. [М.,] 1947. С.201*) утверждает, что все месторождения, эксплуатируемые в XVIII в., были разведаны и даже частично разрабатывались еще до Петра Великого. Однако это не так. Железная руда имела в изобилии на Урале почти везде, но наиболее богатые месторождения были еще не найдены. Например, открытие Благодати в 1735 г. стало настоящей революцией в истории уральской металлургии.

³⁶ Такая ситуация, как мы видели, была в Кунгурском уезде.

³⁷ Ср.: домна Невьянского завода в 1701 г. выплавляла 124 пуда (около 2 тонн) чугуна в сутки (*Злотников М.Ф. Указ. соч. С.61*).

³⁸ Н.Б.Бакланов (Указ. соч. С.15) приводит пример крестьянина Сысоева, который на реке Суксун (где в 1724 г. Демидов построит Суксунский завод) имел «домницу» с сыродутными печами и вододействующий молот.

³⁹ 1691 г. – по Б.Б.Кафенгаузу (Указ. соч. С.50), 1692 г. – по Н.Б.Бакланову (*Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.14*), который воспроизводит текст документа: *Шишонко В.* Пермская летопись 1263-1881 гг. Пермь, 1885. V период. С.515.

⁴⁰ Согласно Н.Б.Бакланову (Указ. соч. С.14), «домница» – это не сыродутная печь, как принято считать в технической литературе, а помещение (изба, иногда мазанка), где стоят печи или горны для выделывания, выдувания железа (ср. у Черницына: «... домница – плавят железо; в ней две печки...»).

производственные операции в единый цикл, в свою очередь, вызвавший дефицит рабочей силы. Горный завод был чужеродным наростом на Урале, он не предназначался для удовлетворения местных потребностей и требовал наличия многих мастеров, которых найти здесь было трудно. Сперва заставив работать, а затем и прикрепив к себе местных ремесленников, завод изменил социальную структуру и экономику региона. Будучи не нужен Уралу, он вызывал ненависть у местных жителей, поскольку воспринимался ими как новая форма крепостного труда.

Соппротивление крестьян стало одной из причин провала первых попыток горнозаводского строительства на Урале. Кроме того, Урал лежал далеко от центра страны: возы, увязавшие в грязи, баржи, разбивавшиеся о каменистое дно мелких речек – все это было бичом раннего этапа промышленного освоения края. Строительство дорог, подъем уровня рек с помощью плотин со шлюзами требовали огромных расходов и избытка рабочей силы. Предприятиям приходилось набирать своих работников среди местных государственных «пашенных крестьян», но когда воеводы попытались превратить их «к железному делу в деловые люди» (т.е. сделать металлургами), крестьяне ударились в бег. Вслед за ними потянулись и вольные землепашцы. Как только на Урале появились горные заводы, численность населения вокруг них стала быстро таять. Заводы изгоняли людей, и с 1630-х гг. началось массовое бегство крестьян⁴¹, поскольку власти заставляли крестьян принудительно отрабатывать на заводах оброк. Нанимать свободных людей было невыгодно. Таким образом, начиная с XVII в. принудительный труд стал основой существования здешней промышленности. Отсутствие рабочих рук, надежно скрытых на огромных пространствах Урала, во многом объясняет неудачу попыток строительства тогда здесь промышленных объектов.

Но подлинная причина краха горнозаводского строительства в то время заключается в том, что у государства, инициировавшего эти попытки, тогда еще хватало металла: в XVII в. железо импортировалось и производилось на тульских заводах. Финансы России были расстроены, поэтому казна не могла строить малорентабельные предприятия где-то на окраинах страны. На Урал в основном смотрели как на поставщика драгоценных металлов. Все рудоискатели искали здесь не столько железо, сколько медь, серебро или золото. В XVII в. железа на Урале добывали мало, да и затраты на его производство довольно быстро остудили рвение предпринимателей. Тогда правительство обратилось за помощью к иностранцам, ранее способствовавшим промышленному развитию тульского региона. В 1640 г. 15 заморских специалистов прибыли на Пыскорский завод⁴², однако вскоре его передали русским ремесленникам Тумашевым, после чего тот пришел в упадок. Иностранцы не рвались на Урал, поскольку им неплохо жилось и в Москве, и в Туле. Таким образом, надеяться на то, что кто-то возьмется строить на Урале горные заводы, было бесполезно. Вот почему и тогда, и при Петре Великом этим занималось государство⁴³.

⁴¹ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.18-19.

⁴² Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.4.

⁴³ <О проблемах, рассмотренных в этой главе, см. также: Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков. М., 1970; Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; Манькова И.Л. У истоков российской модернизации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6; Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. М., 1959. Вып. 8; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII в. и первой половине XVIII в. М., 1956; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – XVIII века. М.; Л., 1946>.

Глава II

ПЕРВЫЕ ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ НОВОГО ТИПА И ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

1. Новые условия

В царствование Петра Великого России потребовался уральский металл и лес; поэтому через горный хребет был проложен путь из Сибири в Европу, облегчивший заселение региона и его связь с Востоком, а также построены крепости по рекам и перевалам.

Но Урал по-прежнему отпугивал частных предпринимателей по причине своей удаленности и малонаселенности. Поэтому строить здесь горные заводы, на которые в любой момент могли напасть с юга кочевники, могло только государство.

Петр Великий стремился освоить Урал. Но было ли это намерение частью торговой политики русского царя? Какое место горные заводы занимали в экономике страны? Попытаюсь ответить на эти вопросы. Импульс для индустриализации первоначально дала Северная война⁴⁴. Вызванный главным образом экономическими причинами, этот конфликт поглощал все силы Русского государства, претендовавшего на Эстонию и Ливонию, стремившегося стать гегемоном на Балтике (где хозяйничали шведы) и установить прямые торговые и морские связи с Европой. В XVII в. Россия активно торговала со Швецией⁴⁵. Россия, согласно П.Г.Любомирову, потребляла соответственно 25 и 29% всего шведского экспорта железа и меди⁴⁶. Это объясняет, почему Швеция поставляла их России вплоть до самого начала войны (1699 г.). В разрыве *in extremis*⁴⁷ торговли России с ее северным соседом часто видят хитрость Петра, стремившегося с помощью шведского железа лучше подготовиться к войне. Швеция, конечно же, была осведомлена о планах царя, но жажда прибыли и уверенность шведов в своем военном превосходстве взяли верх. В.Н.Татищев писал, что «шведы в 1699-м году, совершенно ведая, что с Россией война готовится, но, надеясь на людей искусных в воинстве, пушки и ружья по подрядам в Россию отпустили и тем себе во время войны никакого вреда не нанесли; противно же тому немалое число из России денег к ним перешло»⁴⁸.

Если бы царь не начал войну с Карлом XII, то русско-шведская торговля, наверное, продолжалась и дальше. Однако Петра встревожил рост цен на металл, вызванный кануном войны и заказами, размещенными в то время в Швеции англичанами и голландцами⁴⁹. Но несмотря на свою почти полную зависимость от поставок шведского железа, Россия вступила в Северную войну не с целью освободиться от этой зависимости, а чтобы дать своим купцам выход в Прибалтику. Следовательно, Северная война была частью торговой политики Петра Великого.

Промышленное освоение Урала началось сразу после начала войны, когда шведы прекратили поставки своего железа в Россию и в 1699 г. ей пришлось приступить к созданию собственной военной индустрии, а неудачное боевое крещение Петра придало этой проблеме первостепенную важность.

⁴⁴ <Этот тезис заимствован Р.Порталем у В.О.Ключевского. См.: *Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований.* М., 1985. С.35, 77>.

⁴⁵ *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // Ученые записки Московского университета. М., 1940. Вып.41: История. Т.1.

⁴⁶ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). М., 1937. С.45.

⁴⁷ <В последний момент. – *Лат.*>.

⁴⁸ Цит. по: *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.316 (сноска 1).

⁴⁹ Там же.

В 1700 г. русский царь потерпел под Нарвой поражение, выявившее отставание России в военной области: пушечных ядер не хватало, их калибр не подходил к орудиям, порох был плохого качества, лафеты разрушались от стрельбы... Короче говоря, у царя не было того оружия, с помощью которого он мог бы реализовать свои политические планы. О кошмаре нарвской катастрофы Петр помнил всю жизнь. Именно разрыв отношений со Швецией и, следовательно, прекращение импорта железа, создали российскую металлургию. Однако потребность иметь хорошо оснащенную армию побуждала государство вести активную индустриальную политику даже в триумфальном конце петровского царствования.

Решив создать собственную металлургию, Петр Великий, крайне ограниченный во времени, в 1699 г. не мог рассчитывать на частную инициативу. Осваивать Урал пришлось государству; именно «для нужд государственных, прежде всего и главнейшим образом военных, возникали и множились казенные предприятия»⁵⁰. «Нужда государственная» – таков был главный принцип петровской политики в этой области.

Война ускорила промышленное развитие страны, но его предпосылки были заложены ранее. Мечта о собственном морском флоте и оснащенной своими силами армии вынашивалась русскими царями еще до Петра. Русские правители, начиная с Алексея Михайловича, не раз пытались реализовать эти планы, но только чрезвычайные обстоятельства и железная воля Петра Великого породили то, чего в XVII в. сделать не удалось⁵¹.

2. Возникновение казенной металлургии и первые уральские горные заводы

Хотя у Петра Великого не было собственной концепции развития производительных сил страны⁵², какие-то соображения на этот счет у него все же имелись, да и внешние обстоятельства заставляли царя действовать решительно. Таким образом, индустриализация Урала, если ее рассматривать в контексте развития всей российской металлургии, была обычным явлением внутренней жизни страны.

Северная война активизировала деятельность старых центров металлургии (Тула) и потребовала строительства новых заводов вблизи театра военных действий, особенно в районе озер⁵³. Вокруг Петербурга выросли металлургические предприятия. В 1702 г. рядом с Устюжной Железнопольской (старый центр русской кустарной индустрии на р. Ижина) и Белоозером появились заводы, которые с 1703 г. поставляли боеприпасы флоту⁵⁴. В 1701-1702 гг. Петр приказал построить 5 Олонецких заводов на Ладоге. В 1703 г. на р. Лососинка он основал Петровский завод, где отливали крупнокалиберные пушки, мортиры и ядра, и на котором трудилось около 1000 человек (с учетом лесорубов, углежогов, возчиков). Кончезерский завод, построенный в 1707 г., и, особенно, Пушечный двор, реконструированный из старых московских цехов, где к 1720-1725 гг. работало, согласно И.К.Кирилову, 218 мастеров, дополняют картину развития металлургии на западе России при Петре Великом.

Итак, в первом десятилетии XVIII в. русская промышленность находилась преимущественно на западе страны. Но истощение запасов руды и леса замедлили развитие тамошних заводов. Нужно также отметить, что новые северо-западные не всегда выживали в породивших их условиях. Конечно, Сестрорецкий и Олонецкие заводы

⁵⁰ Там же. С.520.

⁵¹ *Базилевич К.В.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки Московского университета. М., 1940. Вып.41: История. Т.1; *Gittermann V.* Geschichte Russlands. Zürich, 1945. Bd. II. S.15.

⁵² <Этот тезис заимствован Р.Порталем у П.Н.Милюкова и В.О.Ключевского. См.: *Баггер Х.* Указ. соч. С.31-32>.

⁵³ <Речь идет о северо-западе России>.

⁵⁴ *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. С.65-66.

продолжали удовлетворять военные нужды вплоть до середины XVIII в., несмотря на то, что работали не вполне эффективно. Начиная с 1703 г. приписные крестьяне, взятые ранее на строительство заводов, возвращались соседним монастырям. Но большинство тогдашних заводов закрылось. Война породила категорию «гулящих людей», тесно связанных с заводом. Предприятия же центра России выжили потому, что здесь были развитая речная сеть, необходимая для транспортировки грузов, много населения, традиции крестьянского ремесленничества. В итоге, на территории площадью 150х50 км между Малоярославцем и Тулой к концу царствования Петра Великого функционировало 15 заводов (из них 5 новой постройки), а на северо-западе страны часть предприятий в годы Северной войны закрылась. Наряду с этим в Подмосковье была развита и кустарная металлургия, которая к 1725 г. была представлена 51 «ручной домной» только в одном Тульском уезде⁵⁵. Таким образом, можно сделать вывод об устойчивом функционировании московского промышленного центра и той важной роли, которую он сыграл для экономики страны до начала стремительного развития Урала.

Правда, Урал не сразу выбился в промышленные лидеры. О его легкоплавких и дающих высококачественное железо рудах, поистине неистощимых лесах было известно давно, но этот регион был так далек от центра страны, что мог производить только полуфабрикат. Весь транспорт тогдашней России был задействован в войнах на западе – сначала против Турции, а затем и Швеции. В 1696 г. Петр приказал верхотурскому воеводе Дмитрию Протасову организовать поиски руды и вскоре найденные в Тагиле и Нейве образцы руды были отосланы царю. Их изучение в Риге и Амстердаме показало, что тагильская руда содержит 45% железа, а нейвянская – 30%. Нейвянскую руду признал годной для плавки и Никита Антуфьев⁵⁶.

После этого царским указом от 10 июня 1697 г.⁵⁷ воеводе Кузьме Петровичу Кизлову было поручено подыскать место для строительства литейного завода и фабрики по производству пушек и ядер. В 1700 г. началось возведение Невьянского завода на р. Нейве, а 15 декабря 1701 г. он выдал свой первый чугун. В 1701 г. возник Каменский завод, пуск которого, видимо, предшествовал началу работы Невьянского завода⁵⁸. Оба они были основаны недалеко от старых исчезнувших предприятий: Невьянский – рядом с Федьковским⁵⁹, Каменский – рядом с маленьким заводиком Далматова монастыря. В 1704 г. были построены медеплавильный Уктусский Нижний завод и железоделательный Алапаевский Нижний завод. Наконец, в 1724 г. заработал медеплавильный Полевской завод.

Как показал Б.Б.Кафенгауз, руду искали и нанятые воеводами отряды местных кузнецов: один отряд состоял из 44 человек, второй – из 14, третий – из 16. Впрочем, их роль ограничивалась простой помощью.

Найденную руду отослали в столицу, а Приказ Рудокопных дел сразу же стал набирать мастеров для отправки их на Урал. Следовательно, на Урале тогда еще не было своих знатоков рудного и плавильного дела. Петр Великий, 11 сентября 1698 г. предписавший строить горные заводы «...где пристойнее и к железным рудам ближе и дров больше не в дальном расстоянии от магнитной руды...», приказал собрать людей, знающих толк в строительстве и работе доменных печей, кузниц, изготовлении воздуховых мехов и умеющих отливать пушки и ядра. Их можно было найти лишь на

⁵⁵ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.319.

⁵⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.16.

⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.III. № 1588.

⁵⁸ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.55 и сл.

⁵⁹ <Федьковский завод – не самостоятельное предприятие, а одно из названий Невьянского завода>.

старых заводах Тулы, Каширы, Ярославля, а также на северо-западе (Олонецкий край)⁶⁰.

Набранных рабочих сначала допросили в Сибирском приказе об их происхождении. Некоторые из них были шведами, или же потомками шведов, издавна осевших в России. Но большинство являлись русскими, умевшими работать с железом и делать древесный уголь. В конце концов удалось набрать 34 человека, среди которых были мастера различных профессий, а также рабочие средней или низкой квалификации – подмастерья.

Они начали уезжать из Москвы с женами и детьми партиями⁶¹.

Кроме того, московский промышленный центр передал новым заводам часть своего оборудования. Без этого уральские ремесленники не смогли бы выплавить даже 200-300 пудов железа, необходимого для изготовления некоторых инструментов. Партия рабочих, выехавшая 2 марта 1700 г., привезла с собой молот весом свыше 20 пудов, «пятник» для молота в 8 пудов, 6 подшипников и 6 шипов, 3 пары труб, 11 лопат и т.д., в общей сложности 150 пудов (около 2,5 т) «снастей». На Урал также привезли 300 пудов пруткового железа на оковку валов. Это говорит о том, что уральские кузнецы были низкой квалификации и не могли работать на новых заводах.

Москва отправляла людей и оборудование в Сибирь весь 1701 г. Годом ранее отсутствие плотника отрицательно сказалось на ходе строительства Невьянского завода. В феврале 1701 г. 12 мастеров (среди них 2 угольных мастера и 4 шахтера) и свыше 500 пудов (около 8 т) различных материалов отправились в Верхотурье. В состав груза входило 28 пудов конопляных веревок разной толщины, общей длиной 28 сажень (450 м). Все это везли на 28 санях.

Прибывших на место людей и материалы распределили по строившимся Невьянскому и Каслинскому заводам. В 1700-1701 гг. туда было отправлено 43 рабочих и мастеров – именно столько людей требовалось горному заводу в то время; в их числе были, в частности, 1 доменный мастер и 4 доменных подмастерья, 2 плотинных мастера и 1 плотинный подмастерье, 1 меховой мастер и 1 меховой подмастерье, 1 прокатчик, 3 кузнеца, 1 засыпщик (сыпал в домну уголь), 7 шахтеров, 2 помощников засыпщика, 4 угольных мастера, 3 молотовых мастера и т.д.

То, что кадров для новых заводов на местах не было, подтверждается тем, что в 1702 г. Каменскому заводу не хватало 54 мастеровых и 39 работных людей. Московский центр, видимо, направил туда добрую половину своих работников и, что более важно, доменных и меховых мастеров. Именно они научили местных ремесленников и крестьян работать «по-московски».

Домны уральских горных заводов выплавляли значительное для того времени количество металла. С 1701 г. Невьянский завод мог в три выпуска выдавать около 2 т чугуна в сутки⁶². Каменский завод в 1701 г. изготовил 2 мортиры и 3 пушки, а в 1702 г. – уже около 300 пушек⁶³. В 1704 г. на нем построили вторую домну. Большая часть железных слитков отправлялась на дальнейшую переработку в московский Пушечный двор и в Воронеж – поближе к театру военных действий с Турцией; эту роль поставщика сырья для перерабатывающих заводов Центральной России Урал сохранит в течение всего XVIII в.

Таким образом, правительство за какие-то 4 года разбудило Урал⁶⁴. Его планы были рассчитаны на длительную перспективу. К концу царствования Петра Никита

⁶⁰ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.58-59.

⁶¹ Там же. С.63.

⁶² Злотников М.Ф. Указ. соч. С.21.

⁶³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.16.

⁶⁴ Строительство первых горных заводов на Урале при Петре Великом осуществлялось Сибирским приказом, во главе которого с 1694 г. стоял Андрей Вinius (сын основателя Тульского завода). После битвы под Нарвой он возглавил и Артиллерийский приказ. В 1703 г. он впал в немилость – царь

Антуфьев Демидов, получивший в 1702 г. Невьянский завод, стал крупнейшим российским заводовладельцем. Следовательно, государство старалось перекладывать управление горными заводами на плечи частных лиц.

Власти объясняли передачу Невьянского завода Н.А.Демидову его неэффективностью. Так это было на самом деле или нет, сказать трудно, но государство выдало Демидовым еще и денежную ссуду. 6 декабря 1702 г., учитывая большую прибыль Никиты Антуфьева, от него потребовали возвратить кредит⁶⁵.

3. Упадок первых казенных горных заводов

После 1710 г. российская металлургия, особенно казенные предприятия, пришла в упадок. Партикулярных же заводов, за исключением демидовских, хозяин которых был профессионалом своего дела и имел поддержку в столице, было еще очень мало. Получив горные заводы Верхотурского уезда, Н.А.Демидов приобрел и право вести добычу железной руды в Тагиле и на Магнитной горе. В 1701 г. ему разрешили строить горные заводы на казенных землях Кунгурского уезда. Но даже после этого Демидов развернулся в полную силу лишь несколько лет спустя.

К 1716 г. интерес государства к Уралу угас. Только Н.А.Демидов продолжал строить здесь заводы. В 1720 г. правительство направило на Урал В.Н.Татищева, поручив ему реорганизовать старые и построить новые казенные предприятия. Временный застой уральской промышленности был вызван в основном тем, что страна пока не очень нуждалась в уральском железе; его производство было дорогим: руда добывалась в Зауралье, вблизи Невьянского и Уктусского заводов (первый находился в 150 верстах от Чусовой, второй – в 50), следовательно, выплавлявшееся здесь для московских и воронежских предприятий брусковое железо необходимо было доставлять к находившейся на значительном расстоянии Чусовой. Это сказывалось на деятельности первых уральских горных заводов. Они, конечно, продолжали работать, но государство, всецело поглощенное Северной войной, больше не строило здесь промышленных предприятий – ему вполне хватало находившихся рядом с полями сражений. Частные же лица почти не интересовались этой российской окраиной и стали промышленно осваивать ее лишь после 1710 г., точнее – после 1720 г.⁶⁶. Наконец, башкирские восстания, не прекращавшиеся здесь с 1705 г. (наибольший размах в 1705, 1708, и особенно в 1709 гг.⁶⁷), нарушали политическую стабильность в регионе и даже приводили к временным остановкам Каменского и Уктусского заводов. Нельзя забывать и то, что Н.А.Демидов, к тому времени крепко вросший в Урал, стал его полновластным хозяином: он переманивал к себе рабочих с казенных заводов, тайно разрабатывал казенные рудники и постепенно вытеснял государство.

Слабое развитие тогдашней уральской промышленности свидетельствует о том, что первые заводы были преемниками допотопных предприятий XVII в. и опирались на опыт местных ремесленников и металлургов Центральной России.

Связь между уральскими кустарями и новой промышленностью, появившейся на заре XVIII в., была очень тесной. И если новые горные заводы были созданы не на пустом месте, как многие другие нововведения Петра Великого, они от этого не стали хуже.

посчитал, что производство пушек и боеприпасов ведется слишком вяло. Но в 1697-1703 гг. А.Виниус построил Невьянский и Каменский заводы. Об А.Виниусе см.: *Козловский И.П.* А.Виниус: Сотрудник Петра Великого: (1641-1717). СПб., 1911.

⁶⁵ *Рубцов Н.Н.* Указ. соч. С.64-65.

⁶⁶ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.343. Впрочем, мы еще увидим, что роль частного капитала в деле строительства горных заводов была незначительной.

⁶⁷ См.: *Порталь Р.* Башкиры и Россия в XVIII в. <Наст. изд.>.

Уральская металлургия возникла в малозаселенном регионе, где господствовало примитивное хозяйство. Конечно, люди догадывались о природных богатствах Урала, а многие месторождения руды были разведаны там еще в XVII в., но огромные запасы магнита, сделавшие возможным здесь промышленное производство, были открыты только в самом конце XVII столетия (гора Высокая) или гораздо позже (гора Благодать – в 1735 г.). Кустарной металлургией занималось крайне мало людей, да и существовала она в основном на западе Урала – вокруг Кунгура, и у Строгановых, около Соли Камской, т.е. в хорошо освоенных человеком местах.

Строгановы строго оберегали свои земли от проникновения рудознатцев и вербовщиков рабочей силы для заводов. Их солеварни способствовали развитию кустарной металлургии, в частности, накоплению опыта изготовления из листового металла печей для выпаривания соли. Но эти крепостные кустари и беглые, скрывавшиеся у Строгановых, не участвовали в индустриализации Среднего Урала. Современную промышленность Строгановы завели только в 1726 г., когда построили Таманский завод. Конечно, навыки кунгурских и верхотурских ремесленников позволяли им работать на горных заводах, но таких людей было очень мало. Домны и другие технические новшества требовали соответствующих специалистов, и вскоре на Урале появились русские и иностранные мастера, прибывшие из европейской части страны. Поскольку уральская промышленность начиналась не с нуля, она почти не была связана с промышленностью XVII в., в отличие от индустрии запада России, где ремесло не сразу уступило место заводам.

Наконец, следует отметить, что в начале XVIII в. наиболее заселенным был лишь богатый рудой север Урала. В целом же, демографические и индустриальные условия региона осложняли строительство здесь горных заводов, и были одной из причин стагнации и даже закрытия казенных предприятий в 1703-1716 гг.

Но с 1716 г. (а особенно после 1720 г.) на Урале начался стремительный индустриальный подъем, преимущественно в медеплавильной отрасли. К 1725 г. Урал, вероятно, стал одним из лидеров в производстве железа, а в выплавке меди у него почти не было конкурентов в России⁶⁸. Таким образом, 1716-1724 гг. стали переломным рубежом в истории уральской металлургии. Но 1724 г. – это всего лишь финал царствования Петра и начало нового этапа горнозаводского строительства. Вот почему строительство партикулярных горных заводов после 1716 г. и казенных заводов после 1722 г. я рассмотрю в главе, посвященной периоду 1716-1745 гг. Однако промышленное законодательство и форма организации металлургии, разработанные в конце эпохи Петра Великого, необходимо рассмотреть особо. Именно после своей второй поездки за границу Петр провел реформы, повлиявшие на развитие российской металлургии в XVIII в.⁶⁹

⁶⁸ Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.347. Исключительная роль Урала в производстве железа по сравнению с центральными регионами в это время тем не менее стоит под вопросом.

⁶⁹ <См. также: Анисимов Е.В. Государственные преобразования Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; Бабурин Д.С. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М., 1939; Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Заозерская Е.И. Ведомость 1727 г. «О состоянии промышленных предприятий» // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5; Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре Великом. М.; Л., 1947; Кашин В.Н. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII – первой половины XIX в. М.; Л., 1935; Курлаев Е.А. К истории основания первенца уральской металлургии – Невьянска // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001; Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948; Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М., 1953; Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII в. и первой половине XVIII в. М., 1956; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972; Струмилин С.Г.

4. Законодательство Петра Великого в области металлургии

Едва вступив на престол, Петр сразу же стал заниматься разработкой правовой базы металлургии, но законодательство тогда еще не имело системы, было противоречивым и оформилось только к концу жизни царя. Первоначально Петр по традиции уделял внимание не столько строительству металлургических заводов, сколько поискам руды, преимущественно железа. Основывая на Урале первые металлургические заводы, царь стремился закрепить за государством права на недра⁷⁰ и организовать поиск полезных ископаемых.

До Петра рудниками управляли разные учреждения. Так, иноземные мастера подчинялись Посольскому приказу, самими заводами ведали Пушкарский приказ, Приказ Большой казны, Пушечный двор и Оружейная палата. Наконец, огромными правами в отношении рудников и заводов обладали местные власти – воеводы⁷¹. 24 августа 1700 г. Петр создал Приказ Рудокопных дел, которому передавались разведка руды и разработка всех рудников⁷². Тем не менее, ему не подчинялись заводы, что свело всю деятельность этого органа к приглашениям отдельных иноземных мастеров, отправке на учебу в Европу нескольких человек (причем из 10 обратно вернулись только 3⁷³) и освоению ряда рудников. Но рудники и заводы были столь тесно связаны друг с другом, что Приказ, занимавшийся лишь поисками руды, а не ее переплавкой, оказался недееспособным учреждением.

8 июня 1711 г. его упразднили, а разработку рудников вновь передали местным властям⁷⁴. В 1715 г. Приказ Рудокопных дел на некоторое время был восстановлен⁷⁵.

Воеводы и землевладельцы, игнорируя суровые царские указы, продолжали чинить препятствия поискам руды и строительству горных заводов. Царские наместники чувствовали себя полновластными хозяевами в своих землях и враждебно относились к поискам руды и строительству заводов. Так, в 1715 г. царский чиновник В.Ладыгин, которому Петр поручил искать руду в Сибири, сообщал, что в Воронеже, как и в Тобольске, препятствуют строительству горных заводов, вплоть до разгона набранных работников, плохо обращаются с людьми и запрещают им идти на завод. Автор жаловался на свое бессилие перед воеводами и землевладельцами и просил у царя помощи⁷⁶.

История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т.1; *Юркин И.Н.* Металлургическая Тула и Урал в XVIII веке: преемственность или обмен? // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001>.

⁷⁰ На практике это положение, установленное на Западе довольно рано (во Франции – в XVI в.), касалось только редких или драгоценных металлов.

⁷¹ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.17. О Пушкарском приказе см.: *Лебедевская А.* Архив Пушкарского приказа // Вопросы истории. 1946. № 1. С.122; *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1884. С.119-120. Архивы Пушкарского приказа особенно многочисленны за 1625/1627-1701 гг. По всей видимости, тульские заводы тоже зависели от этого учреждения (Введение // Крепостная мануфактура в России. Л., 1930. Т.I: Тульские и Каширские железные заводы. С.XXXII-XXXIV).

⁷² Полное собрание законов Российской империи. Т.IV. № 1812.

⁷³ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.17.

⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.IV. № 2370.

⁷⁵ Указ Сената от 8 февраля 1715 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.IV. № 2992).

⁷⁶ Н.Б.Бакланов (Указ. соч. С.18-19) использует рукописную работу В.Крамаренкова «Ведомость коликое число с 731 по 766 год в отпуску было за море и за границы железа и меди от всех портовых и пограничных таможен» (1777 г.), хранящуюся в библиотеке Уральского областного музея в Свердловске.

Владельцы рудоносных земель стремились разрабатывать недра самостоятельно, извлекая оттуда преимущественно драгоценные металлы. Там, где уже функционировали металлургические заводы – на Урале это была вотчина Демидовых – деятельность царских рудознатцев могла вызвать строительство новых казенных предприятий, а с этим будущие партикулярные заводчики мириться никак не могли. Владельцы земель и частных заводов подстрекали местную власть всячески противодействовать усилиям правительства. Нравственные принципы местных чиновников, нередко зависимых от здешних влиятельных людей и использовавших свое положение для личного обогащения, сильно отличались от таковых у царских посланцев, исполнявших приказы царя и радевших за государство. Местные чиновники, хорошо ориентировавшиеся в ситуации и обладавшие огромной властью над горными заводами, могли под различными предлогами препятствовать поискам руды и, следовательно, строительству металлургических предприятий. Поскольку закона, оговаривавшего права рудоискателей и заводовладельцев, не было, последние могли нормально работать, лишь обманывая государство.

О чем же больше всего спорили центральные и местные власти? Конечно, о наборе рабочей силы. Только с помощью государственных крестьян можно было разрабатывать рудники, строить плотины и заводы. Именно это и вызвало разногласия воевод с представителями правительства. Заводские работы не были указаны в перечне оброков государственных крестьян – в первую очередь, на транспорт и строительство дорог⁷⁷. Апеллируя к традициям и прикрываясь царскими указами, воеводы, негласно поддерживаемые местными землевладельцами и горнозаводчиками, привлекали крестьян к привычным работам. Это противостояние частных лиц и государства приобрело масштаб крупного социального конфликта и вышло за рамки обычной чиновничьей склоки. Чтобы разрубить этот гордиев узел, Петр Великий 10 декабря 1719 г. создал Берг-коллегию и определил права и обязанности горнозаводчиков⁷⁸.

5. Указ от 10 декабря 1719 г.

10 декабря 1719 г. царь объявил о создании Берг-мануфактур-коллегии⁷⁹, перечислил льготы («берг-привилегия») для рудознатцев и частных предпринимателей, а также установил соответствующие налоги.

В преамбуле указа констатировалось, что «наше Российское государство перед многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть»⁸⁰, но они были «до нынешнего времени без всякого прилежания исканы; паче же не так употреблены были как принадлежат, тако что многая польза и прибыток, который бы нам и подданным нашим из оного произойти мог, пренебрежен».

Отныне Берг-мануфактур-коллегия (с 1722 г. – Берг-коллегия) становилась высшей и единственной инстанцией, ведавшей металлургией. Указ объединил рудники и заводы в единый комплекс и изъял промышленную и рудокопную деятельность из компетенции местных властей, «чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешались...». Таким образом, указ был направлен на дальнейшую централизацию власти, напрямую подчиняя Берг-коллегии промышленных чиновников. Однако, прямого управления всеми

⁷⁷ Подробнее об оброках см.: *Дружинин Н.М.* Указ. соч.; *Семевский В.И.* Казенные крестьяне при Екатерине II (Половники) // *Русская старина*. 1879. Т.24.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3464.

⁷⁹ В период Генерал-берг-директориума (1736-1742 гг.) Берг-коллегия была упразднена. Функционировала в 1742-1784, 1796 гг. Окончательно ликвидирована в 1807 г., а заводы переданы Горному департаменту Министерства финансов.

⁸⁰ Металлы: золото, серебро, медь, олово, железо, свинец. Минералы: сера, селитра, квасцы, купорос (сульфат железа или меди).

предприятиями, кроме казенных, не вводилось. Берг-коллегия должна была разработать правовую базу для разведки полезных ископаемых и горнозаводского строительства, а также разрешать возникавшие при этом конфликты.

Отстранив местную власть от управления рудниками и горными заводами, правительство тем не менее разрешило Берг-коллегии и ее сотрудникам обращаться к местным властям за помощью. Документ негласно закрепил определенную подчиненность последних первым.

Однако правительство хотело не только ликвидировать сопротивление на местах, но и поощрить разведку природных богатств и строительство горных заводов, а также устранить все препятствия для частной инициативы.

Первый пункт второй части указа давал каждому, «какого бы чина и достоинства ни был», право «во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы». Это значительно ограничило права землевладельцев. Тем не менее, им разрешалось «наперед» использовать рудники и строить заводы (п. 6).

В случае находки месторождения руды требовалось обязательно сообщить об этом либо в саму Берг-коллегию, либо ее местным представителям, которые должны были дать рудоискателям рекомендации. Если дело обещало прибыль, будущий заводчик должен был получить у властей письменное разрешение на проведение работ, приложив к нему образец найденной руды (пп. 2 и 3). В свою очередь Берг-коллегия была обязана «не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою рудою и минералами наилучше поступать, и в доброе и неубыточное состояние произвести» (п. 4).

Если предприниматель получал положительный ответ на свою просьбу, то он начинал строить завод. Пункт 5 разрешал заводчику арендовать 250 кв. саженей (525 кв. м⁸¹) земли. Заводчик должен был отдавать землевладельцу 1/32 часть своей прибыли, компенсировать использование леса и земель, необходимых для работы предприятия. Если возникал спор, или требования землевладельца были завышены, то Берг-коллегия назначала свое «определение» (п. 7).

Если же землевладелец отказывался от своего права на рудоносный участок или запаздывал с подачей заявки, завод мог быть построен и без его согласия. Наконец, заводовладелец имел право передать свое предприятие по наследству, но при условии, что оно будет хорошо управляться (п. 16).

Государство выплачивало предпринимателям компенсацию (п. 9) и денежную ссуду (п. 8) за находку и последующую разработку ценных металлов, каковыми считались золото, серебро и медь; кроме того, оно освободило от «поборов денежных» (налогов) и рекрутчины мастеров, которым заводовладелец должен был платить жалованье (п. 10).

В указе были закреплены и обязанности заводчиков. Пункт 11 предписывал им отдавать в казну 1/10 часть произведенной продукции, ибо так «во иных государствах есть»⁸². Тем не менее, первое время предприятия могли на нескольких лет освободиться от уплаты налогов.

Государство имело привилегии на покупку золота, серебра, меди и селитры (п. 12); заводовладелец мог продавать их, если казна не воспользовалась своим правом в течение месяца (п. 14). Правительство установило фиксированные цены на драгметаллы таким образом, чтобы обеспечить прибыль и для частных и для казны (п. 13). Другие металлы, в частности, железо, заводовладельцы могли реализовывать по своему ра-

⁸¹ Около 28 га.

⁸² Например, во Франции.

зумению (п. 15)⁸³. Пункт 17 указа, стремясь поощрить строительство металлургических заводов, грозил суровыми карами вплоть до смертной казни и конфискации имущества тем, кто будет утаивать месторождения или препятствовать их поискам, а также мешать заводам.

Эти 17 пунктов, очевидно, должны были поощрить разведку металлов преимущественно на Урале. Поскольку здесь большинство земель были казенными, правительство закрепило за собой и право добывать руду⁸⁴, но предоставило частным заводладельцам ряд материальных привилегий (ссуды, аренду земель и лесов). Демидов уже в 1702 г. стал извлекать из этого выгоду. Теперь искать руду и строить заводы могли даже купцы и зажиточные ремесленники.

Что касается помещичьих земель, то на Урале это были прежде всего огромные владения Строгановых. Разрешив всем желающим искать руду, правительство понимало, что это вызовет – а так и произошло – неприятие со стороны землевладельцев. Но указ позволял, по крайней мере, их контролировать. Конечно, таким владельцам, как Строгановы, было трудно уследить за своими обширными владениями. Они могли помешать проникновению рудоискателей только одним способом – сами начав поиск руды и строительство горных заводов. Указ 1719 г. не ограничивал частную собственность. И хотя он пытался привлечь (правда, безуспешно) в промышленность равнодушное к ней дворянство, главной идеей этого документа было признание того факта, что недра, или, точнее, рудники, принадлежат государству. Лишь при Екатерине II рудники перейдут в руки землевладельцев.

6. Нехватка рабочих кадров

Нехватка рабочей силы в XVII в. препятствовала промышленному развитию региона. Первые горные заводы, основанные на Урале в начале XVIII в., существовали благодаря медленному, но неуклонному росту здешнего населения⁸⁵. Специальными указами целые деревни государственных крестьян приписывались к заводам, работа на которых засчитывалась им за уплату оброка. Но приписка давала только вспомогательных работников – лесорубов, углежогов, возчиков. Найти рабочих-металлургов оказалось труднее; правда, и требовалось их не так уж много. Благодаря иноземным мастерам, и работным людям, вывезенным из Центральной России, а также добровольному или подневольному привлечению местных ремесленников уральские заводы на первых порах могли худо-бедно функционировать. Но рост численности и размеров горных заводов (многие из них имели по 2 домны) после 1716 г. остро поставили вопрос не только о квалификации работников, но и о их количестве.

К тому времени набирать работников стало чуть-чуть легче. Постоянный приток крестьян (беглых крепостных и самовольно переселившихся сюда государственных крестьян) был на руку заводчикам. Завод притягивал крестьян как магнит, поскольку они не нашли на Урале той земли, которая бы, по их мнению, могла дать им свободу и пропитание. Таким образом, завод отталкивал от себя уральских государственных крестьян, которые опасались закрепощения и приписки, и в то же время притягивал беглых и бродяг, скитавшихся в поисках работы. Следовательно, завод определял направление миграционных потоков в регионе и создавал вокруг себя новые поселения. Одновременно заводы вызвали постепенный уход людей отсюда, в частности, на юг, где государственные крестьяне поселялись у пока еще спокойно воспринимавших это башкир. Именно благодаря этим двум потокам миграций населения, вызванным промыш-

⁸³ На практике эту свободу ограничат соглашениями с государством о продаже металлов по ценам ниже рыночных.

⁸⁴ Так удалось построить множество казенных заводов во владениях Строгановых.

⁸⁵ Рубцов Н.Н. Указ. соч. С.63.

ленным развитием Урала в начале XVIII в., создались условия для набора рабочей силы в более плотно заселенном центре страны, и сложилась такая демографическая ситуация, которая в дальнейшем должна была облегчить индустриализацию Южного Урала.

Постоянные перемещения населения затрудняли определение его юридического статуса. Беглых разыскивали помещики, но как только бывшие крепостные обучались заводскому делу, на их защиту грудью вставали владельцы предприятий. Правительство смотрело на «вольных и гулящих» работных людей, только на Урале насчитывавших 5000 душ мужского пола⁸⁶, сквозь пальцы. Тем не менее, указ от 15 марта 1722 г.⁸⁷ обязал возвращать их помещикам, а выполненную беглыми работу засчитывать в счет их подушной подати. Но заводовладелец мог и оставить у себя овладевших ремеслом беглых крепостных, заплатив небольшую сумму их бывшим владельцам. Заводчики также не могли высылать беглых против их желания, «...дабы тех заводов не опустошить и тем промыслов оных не остановить»⁸⁸, и приписывали их к заводу. Из раба земли человек превращался в раба завода.

Но с беглыми рекрутами государство на компромисс не шло. Указ от 20 сентября 1723 г.⁸⁹, принятый по рапорту полковника Сонцова-Засекина, обнаружившего на горных заводах Н.А.Демидова 250 человек, укрывавшихся от армейской службы, предписал их схватить, направить в Тобольский гарнизон и впредь штрафовать тех заводовладельцев, которые будут принимать на работу рекрутов. Вряд ли это принесло пользу. Сонцов-Засекин сообщал о протестах Н.А.Демидова, ссылавшегося на прошлогодний указ, и утверждавшего, что его беглые имеют заводские профессии. В указе 1723 г. претензии Н.А.Демидова отвергались. Но применялся ли этот правовой акт на практике? Мне это неизвестно, но уступки заводовладельцам, сделанные правительством позднее⁹⁰, свидетельствуют, что о беглых рекрутах, по-видимому, вскоре забыли: завод оказался для казны важнее.

Что касается государственных крестьян, в ходе первой ревизии (1718 г.) отнесенных к податному сословию, то по указу от 3 февраля 1722 г.⁹¹ они обязаны были платить еще и оброк⁹² – правительство пыталось найти новые источники для пополнения казны и загнать свободное крестьянство в рамки феодальной системы. Лично свободные казенные крестьяне постепенно стали превращаться в крепостных.

Итак, государственные крестьяне составляли, как мы видели, весьма значительную часть уральского населения. Они были резервом рабочей силы для промышленности. Правительство начало закабалять их для работы на заводах косвенно, не затрагивая юридический статус этих людей. Крестьян приписывали к заводу, ссылаясь на «нужду государственную» (т.е. промышленное развитие) и необходимость наведения порядка в уплате оброка (теоретически крестьянин должен был отрабатывать лишь размер своего оброка). Но вскоре приписка резко ограничила свободу людей: уже при строительстве Невьянска было разрешено заставлять крестьян работать сверх размера их оброка. Приписка превращала ранее свободных крестьян в подневольных людей⁹³.

Государство стремилось вернуть уральских крестьян, укrywшихся от заводских работ у башкир. Отказ последних от выдачи беглых послужил одной из причин начавшейся в 1705 г. войны между русским правительством и башкирами; в итоге, в 1720-

⁸⁶ По данным переписи Сонцова-Засекина (1722 г.).

⁸⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3919.

⁸⁸ Там же; *Попов Р. С.* Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. Т. 36. № 2.

⁸⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4305.

⁹⁰ См. гл. III настоящей книги. Владелец завода мог сдать одного из своих крепостных на службу в армию вместо рабочего, который окончательно прикреплялся теперь к заводу.

⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3894.

⁹² «Плакат» 26 июня 1724 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 4533) пересчитывает те категории населения, которые были обязаны платить оброк, а также подушную подать.

⁹³ *Савич А. А.* Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII-XX в. М., 1931.

1722 гг. башкиры вынуждены были выдать России около 20000 русских крестьян (5000 семей), но после завершения башкирского восстания их миграция на юг возобновилась.

7. Посессионные горные заводы

Стремление наладить работу заводов вынудило Петра Великого издать 18 января 1721 г. указ⁹⁴, разрешавший купечеству покупать крепостных. До этого таким правом обладало только дворянство. В Центральной России, где крепостные составляли большинство крестьянства, занявшиеся заводским делом дворяне располагали необходимой для этого рабочей силой⁹⁵.

Итак, в начале XVIII в. и особенно после 1710 г. торговый капитал увеличил свои инвестиции в промышленность. Конечно, купеческие мануфактуры и заводы могли использовать как государственных (в том числе приписных), так и крепостных крестьян, работавших по найму вне своих деревень. Однако указ 1721 г. способствовал тому, что принадлежавшие купцам заводы и мануфактуры стали частью феодальной системы. Таким образом, он во многом узаконил существовавшее и ранее положение: еще с конца XVII в. купеческим мануфактурам разрешалось использовать труд крепостных; Демидов набирал для себя целые деревни.

Но на Урале указ 1721 г. не имел большого значения, т.к. помещичьих крепостных (в частности, у Строгановых) и монастырских крестьян были здесь мало. Однако, даже на Урале этот указ позволял влиять на те категории крестьян, юридическое положение которых было неопределенным. Определить где крепостные, а где государственные крестьяне, здесь было очень сложно. Крестьяне, стремясь избежать закрепощения, переходили из одной категории в другую так ловко, что не всегда было возможным установить, принадлежала ли ранее та или иная семья или деревня помещику или государству. Это приводило к многочисленным тяжбам. В архивах Берг-коллегии сохранилась потрясающая история многолетнего конфликта деревни Маскиной (или, точнее, ее бывших жителей) с помещиками, которые доказывали, что здешние крестьяне являются их крепостными. Эти крестьяне давно уже тут не жили; их потомки в начале XVIII столетия утверждали, что раньше здесь было много всяких властей, но они никогда не принадлежали ни татарским князьям, ни русским помещикам, следовательно, их нельзя считать беглыми. Власти признали их правоту, но каждый новый хозяин этой деревни вновь пускался в тяжбу⁹⁶. Все это свидетельствовало о неопределенном статусе уральского населения. Не желая своего закрепощения, люди бежали отсюда⁹⁷.

Демидовым указ 1721 г. был бы особенно полезен. Ведь теперь они могли не только приобретать крепостные деревни, но и использовать труд приписных крестьян и гулящих людей (последние были прикреплены к заводам в 1722 г.). Однако в 1720 г. Никиту Демидова пожаловали дворянским титулом, а его семья в 1725 г. получила потомственное дворянство. Следовательно, указ 1721 г. им был уже не нужен. В нем были заинтересованы купцы, захотевшие попробовать себя в горнозаводском деле.

В указе 1721 г. говорилось, что купленные купцами деревни принадлежат заводу, а не заводовладельцу, и потому не могут быть проданы отдельно от предприятия. Так появились посессионные крепостные.

В обмен на государственную поддержку в наборе кадров, выдаче кредитов, праве на владение землей и постройками заводовладелец должен был разрешить вла-

⁹⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3711.

⁹⁵ См.: Portal R. Manufactures et classes sociales en Russie au XVIII siècle // *Revue historique*. 1949. T. CCI. Fasc. 2. P. 161-185; T. CCII. Fasc. 1. P. 1-23.

⁹⁶ Заозерская Е. И. Приписные крестьяне и крепостные на частных железных заводах в первой четверти XVIII в. // *Исторические записки*. М., 1941. Т. 12. С. 139-143.

⁹⁷ Деревня, о которой идет речь, находилась в Казанской губернии, где этническая пестрота населения была очень высокой; подобные процессы типичны для западных и пограничных регионов Урала.

стям осуществлять контроль над его продукцией и условиями труда заводчан. Горнозаводчик не мог ни продать, ни поделить свой завод с кем-то без разрешения на то Берг-коллегии. Тем самым правительство хотело избежать спекуляции и обеспечить длительную и нормальную работу предприятия. Все это позже получит название «посессионной» собственности⁹⁸. Указ 1797 г., кодифицируя этот институт, назвал «посессионными» те заводы, что принадлежали дворянам, получившим от казны льготы на пользование рудниками, лесами, землями, людьми, а также владельцам неблагородного происхождения, которые имели право на крепостных. В «Грамоте», выданной Н.А.Демидову взамен огромных льгот, полученных им в 1702 г., и указе 1721 г. обозначены все отличительные черты посессионного завода, которые будут еще уточняться на протяжении всего XVIII в.

Таким образом, при Петре Великом возникли три категории уральских заводов: 1) вотчинные (в начале XVIII в. их владельцы не играли большой роли – промышленное могущество Строгановых возникает лишь с 1750-х гг.), 2) заводы, позже получившие название посессионных (их владельцы не были дворянами), и, наконец, 3) казенные заводы.

Ряд функций (как мы увидим далее, больше на словах, чем на деле), возложенных на демидовские горные заводы, были обусловлены потребностями казны в железе, которые не могли удовлетворить госпредприятия. Уральские горные заводы *при Петре Великом* почти не выпускали продукцию массового спроса: объем выпускавшихся ими железной проволоки и листового железа несопоставим с количеством пушек, ядер и особенно брускового железа, поставляемого в Москву, Петербург и Воронеж. Таким образом, у заводов не было никаких проблем с реализацией своей продукции.

8. Таможенная протекция

Стремясь поддержать металлургию, правительство включило железо в протекционистский Таможенный тариф 1724 г.⁹⁹. Железо теперь входило в перечень товаров (шелк, поташ, парусина), которые облагались ввозной пошлиной в 75 % от стоимости. Это было сделано для защиты отечественного производителя. Протекционистская политика в совокупности с мерами по поддержке металлургии положили конец былой зависимости России от шведского железа. Более того, в конце царствования Петра Великого Россия сама стала экспортировать этот металл. В 1726 г., вскоре после смерти императора, железо составляло около 25 % всего российского экспорта¹⁰⁰.

* * *

Эпоха Петра Великого была яркой вехой в истории уральской металлургии. Именно в это время началось строительство казенных горных заводов и на исторической арене появился Н.А.Демидов. Уральская горнозаводская промышленность целиком была личной инициативой Петра Великого. Им также было разработано законодательство, позволившее нормально разрешать проблемы, возникавшие в ходе индустриализации.

Объединение рудников и заводов в единый комплекс и передача их Берг-коллегии, создание обширного внутреннего рынка, защита интересов российских производителей, привилегии для горнозаводчиков, передача заводоладельцам ранее лич-

⁹⁸ Слово «посессия» впервые упомянуто в указе 1797 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. № 18211) и узаконено в 1825 г. в развитие указа министра финансов 1811 г., который применялся только к металлургической промышленности: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т.I. С.406.

⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4345 и 4452.

¹⁰⁰ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т.I: Докапиталистические формации. С.375.

но свободных крестьян, создание посессионных заводов – все это свидетельствовало об адаптации законодательства к новым экономическим явлениям в жизни страны, стремлении правительства создать самые выгодные условия для дальнейшего развития российской металлургии.

Петр Великий не был здесь революционером. Обстоятельства, а не идеи заставили его создать российскую промышленность. Некоторые исследователи склонны приписывать ему намерение отменить крепостное право¹⁰¹, что в условиях тогдашней России, где крепостничество было лишь одной из форм жизни социума, к тому же доминировавшей только в центре страны, выглядит весьма правдоподобно.

Однако освобождение крестьян могло нанести ущерб промышленности, особенно на Урале, где дефицит работников и невозможность привлечь на завод свободное население (для этого потребовалось бы платить ему высокие зарплаты) вызывал к жизни различные формы принудительного труда и, как следствие, способствовал развитию крепостного права.

¹⁰¹ Это утверждение П.И.Лященко (*Лященко П.И.* Указ. соч. С.368) было подвергнуто критике Ф.М.Морозовым (см.: Советская книга. 1948. № 5. С.83). <О якобы попытках Петра Великого ограничить крепостное право см. также: *Сыромятников Б.И.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч.I>.

Глава III

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕГО УРАЛА (1716-1745 гг.)

1. Эпоха первопроходцев

1716-1745 гг. были временем промышленного расцвета Среднего Урала. Если в 1716 г. на Урале имелось всего лишь 4 горных завода (2 железоделательных и 2 медеплавильных), то в 1745 г. – их насчитывалось почти полсотни (35 железоделательных и 19 медеплавильных) и большинство являлись одновременно железоделательными и медеплавильными. После 1745 г. заводы начинают строиться на Южном и Северном Урале. Тяготы начального этапа закончились, на смену уральским «первопроходцам» пришли «администраторы». В 1716-1745 гг. строительством горных заводов занимались Демидовы, В.Н.Татищев и В.Геннин. Демидовых поддерживало государство, Татищев и Геннин действовали самостоятельно, но трудности, которые пришлось преодолевать и тем и другим, позволяют считать их «первопроходцами». Урал осваивали талантливые люди: гений Петра проявился не только в его замыслах, но и в выборе соратников.

Смерть Петра Великого никак не отразилась на обстановке в этой глуши, столь далекой от дворцовых интриг и государственных переворотов. Лишь события 1730 г. и «правление немцев» сказались на развитии Урала.

Преемники Петра хотели развивать на Урале только частную индустрию. Однако петровские традиции в стране были настолько сильны, а позиции казенных горных заводов столь прочными, что государственная промышленность выстояла. Татищев управлял казенными уральскими заводами в 1720-1722 и 1734-1737 гг., Геннин – в 1722-1734 гг., следовательно, они оба работали бок о бок с Н.А.Демидовым почти четверть века. Эти люди олицетворяли подъем металлургии на Среднем Урале.

Была ли связана активность России на Урале после 1719 г. с ее новыми политическими планами? Конечно, обширные замыслы Петра относительно Средней Азии, вылившиеся в закончившуюся в 1717 г. трагедией экспедицию А.Бековича-Черкасского, подразумевали и развитие уральской металлургии. Постоянные конфликты казаков и башкир вынуждали держать на южноуральских границах военные гарнизоны и строить там военные заводы. Другими словами, уральский металл стал нужен теперь не только европейской части страны, но и на местах. И не так уж важно, что это произошло не сразу – не все реформы Петра были успешными, но они, тем не менее, вошли в историю.

Еще одной причиной начала индустриализации Урала стала потребность в медной монете, возникшая к концу царствования Петра и вызванная развитием торговли, и, особенно, податной реформой 1718-1722 гг.; именно тогда на Урале были открыты богатые залежи меди.

Могло ли правительство рассчитывать на помощь частных лиц в освоении Урала? Укрепление царской власти и внешнеполитические успехи России к концу эпохи Петра ослабили экономические функции государства, но создать металлургическую промышленность без участия государства было невозможно и царь, правда, не без колебаний – вспомним, передачу Невьянска Демидову, вынужден был это признать. Тем не менее, упадок казенных заводов и одновременный взлет Демидова, казалось бы, свидетельствовали о триумфе частных лиц. Однако это было не так. Демидов – это исключение из общего правила. Частный капитал в то время интересовался не металлургией, а мануфактурами. Отсутствие опыта у горнозаводчиков, недостаток у них средств (точнее, нежелание вкладывать их в малознакомое тогда заводское дело) образовали вакуум¹, который и заполнило государство.

¹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.19.

После второй поездки царя за границу (1716-1717 гг.) правительство активизировало строительство горных заводов на Урале. Побывав в Европе, Петр Великий убедился в отставании России и обратил взор на огромные лесные и рудные богатства своей страны.

Частная индустрия, представленная до 1730-х гг. одними Демидовыми, играла немаловажную роль в экономике страны. Ее предприятия в 1740-е гг. превосходили по значимости казенные.

Н.А.Демидов, В.Н.Татищев, В.Геннин... В суровых природных и социальных условиях они, преодолевая огромные трудности, бескорыстно служили на благо государства и общества, сыграв огромную роль в героический период освоения Урала, завершившийся в 1745 г.

1.1. Горнозаводчики Демидовы²

О юности крупнейшего заводовладельца Российской империи Никиты Демидова известно мало. В XVII в. в Туле проживал кузнец Демид Григорьевич Антуфьев, у которого в 1656 г. родился сын Никита. Никита познакомился с Петром Великим в Туле. На одном из живописных полотен Петр изображен в кузнице Никиты Демидова: коренастый широкогрудый детина с мускулистыми руками демонстрирует царю только что выкованный клинок; где-то сзади, в темноте, пылает печь.

Был ли Никита Демидов «тульским кузнецом»? Трудно сказать... Слово «кузнец» не следует понимать здесь буквально. Скорее всего, он торговал железом и владел кузницей³. В середине XVII в. кое-где в России – в частности, в Серпухове – появились кузнецы, которые торговали железом, пшеницей, рыбой или каким-нибудь побочным товаром⁴.

Так что Никита Демидов скорее всего был купцом. Но слыл ли он заправским кузнецом и рачительным хозяином? Разумеется, ведь как потомственный ремесленник, он знал множество секретов своей профессии, и, обладая смекалкой, разбогател на торговле.

Стремительному взлету Н.А.Демидова способствовала Северная война. В 1700 г. Никита подарил царю 6 ружей собственного производства. Восхищенный их качеством, Петр дал ему 100 руб. и участок земли под Тулой для расширения производства. Никита построил там завод и стал подрядчиком Артиллерийского приказа. В 1701 г. царь даровал Демидову много земли с лесами и рудниками. Никита стал лить пушки, проникся доверием государя и стал своим человеком при дворе.

Благодаря своей дружбе с царем он в 1702 г. получил Невьянский завод на Урале, построенный казной 3 годами ранее, что переместило его деятельность на восток страны. В центре России сокращение лесов и истощение месторождений привело к постепенному упадку заводов, а на Урале управлять горными заводами государству было непросто. Поэтому в 1702 г. Невьянский завод передали Никите Демидову⁵. Демидов должен был за 5 лет возместить расходы по строительству завода. Он также получил право покупать крепостных (другим купцам разрешат это только в 1722 г.) и привлекать к работе казенных крестьян.

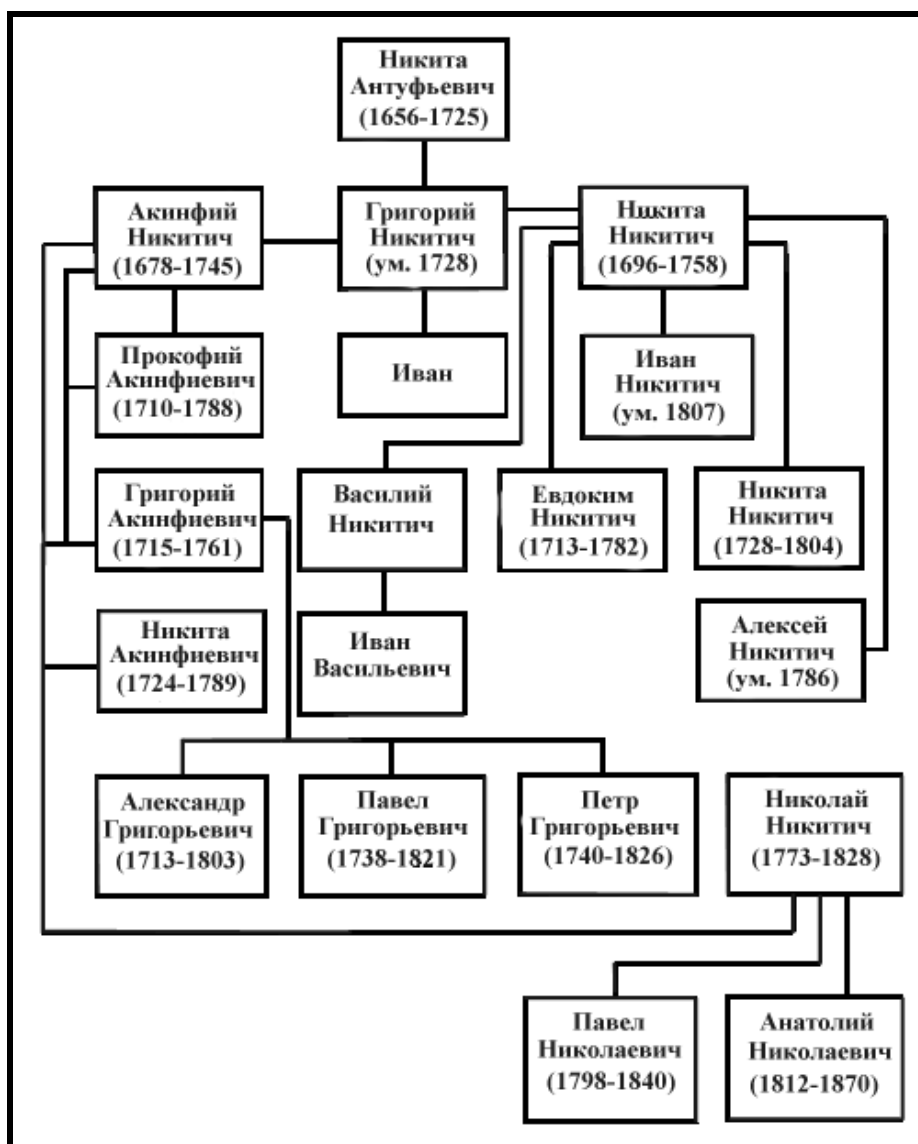
² <См. также: *Шакинко И.* Демидовы: Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000; *Юркин И.Н.* Демидовы. М., 2001; *Hudson J. H.D.* The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the 18th Century. Newtonville, 1986>.

³ См.: *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С.83.

⁴ См.: *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.543.

⁵ Сенатский указ от 3 декабря 1713 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 2746.

Таблица 2
Родословная Демидовых

В период Северной войны Невьянский завод поставлял железо на предприятия центра. Благодаря хорошей организации дела и использованию практически бесплатного труда Никита Демидов имел прибыль, даже если продавал железо в два раза дешевле соседей. Власти восхищались заводчиком, что впоследствии не раз выручало его из трудных ситуаций.

Расцвет демидовских предприятий пришелся на вторую половину царствования Петра Великого. В 1717-1735 гг. Никита и его сын Акинфий (1678-1745) построили на Урале 8 горных заводов, став основными поставщиками оружия и железа для Адмиралтейства⁶.

В 1715 г. по случаю рождения наследника престола Никита подарил царю 100000 руб. и золотые изделия⁷. В 1725 г. ежегодный доход Н.А.Демидова составлял 100000 руб.⁸

⁶ Указом от 14 апреля 1715 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 2904) Демидову предоставлялись всевозможные льготы, потому что он продавал железо по низким ценам.

⁷ <Это была так называемая Сибирская коллекция – собрание археологических находок, найденных при различных обстоятельствах в древних курганах>.

Акинфий расширил владения семьи на востоке, построив в районе Кузнецка и на Алтае первые сибирские заводы⁹. За свою жизнь он добавил к 12 заводам, которыми владела династия в 1725 г., 17 новых. Большинство их возникли в 1726-1740 гг. на Среднем Урале. К 1745 г. горные заводы Демидовых превзошли по своей производительности казенные предприятия.

Именно это способствовало влиянию и могуществу Демидовых. Но поколение Никиты отличалось от поколения Акинфия. Никита Акинфиевич Демидов, изображенный на известной картине в образе старца¹⁰ с бельмом на правом глазу, с короткой бородкой, в наброшенной на плечи красной шали восточного покроя, был прост в быту и общении. Он так и не выучился грамоте, и все бумаги «по его велению» за него подписывал заводской подьячий. Но он был бережливым и трудолюбивым, знал бухгалтерское дело, тогда как большинство тогдашних горнозаводчиков этими качествами не обладали. Даже среди русских купцов далеко не все могли потягаться в этом со своими заморскими коллегами. Никита Демидов был не просто организатором, но еще и опытным управленцем. Конечно, он занимался, в основном, отдачей устных распоряжений по простым делам – подсчете расходов и прибыли – и лично следил за своим хозяйством.

Никита Акинфиевич Демидов был самоучкой, но его старший сын, давший мощный импульс развитию горных заводов династии и расширивший их до Сибири, получил прекрасное по тем временам образование. На портрете Акинфия Демидова, также находящемся в Горном институте, изображен зрелый мужчина, очень похожий на придворного: подобно французу, он облачен в шелковое платье и напудренный парик¹¹. Обладатель четвертого чина Табели о рангах, знатный вельможа, он жил в больших каменных дворцах, устраивая в них великолепные приемы. Его четкий, но неровный почерк говорит, что ему чаще приходилось орудовать молотом, чем пером.

Обучив Акинфия на своих заводах, отец отправил его в саксонский город Фрайберг, бывший тогда *в какой-то мере промышленным университетом всей Европы*¹². Именно там Петр Великий нанимал для России металлургов, французских ткачей и присылал туда русскую молодежь обучаться горному делу. Демидов учился у одного из саксонских мастеров, приобрел там минералогический кабинет, который привез в Россию и пополнил его сибирскими минералами; в 1759 г. эта коллекция была передана в дар Московскому университету.

Хотя отец и сын принадлежали к разным поколениям, они были представителями одного класса и жили примерно в одно и то же время.

Оба они понимали свое могущество и не почитались властям.

Демидовы были типичными людьми своего времени. Жестокие и беспощадные крепостники, они породили дожившую до конца XIX в. зловещую легенду о шестидесятиметровой каменной башне Невьянского завода, в подземельях которой якобы сгинуло много рабочих. Крутой нрав Демидовых был известен всем и когда в 1760 г. они решили купить Авзяно-Петровский завод, его жители в знак протеста взбунтовались.

⁸ Демидов Акинфий // Русский биографический словарь. СПб., 1905. С.211.

⁹ <Казанцев Ю.И. Металлургические предприятия уральских заводчиков Демидовых в Сибири // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860-х годах. Новосибирск, 1963>.

¹⁰ Находится в Горном институте, см.: Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Кн. VI. С.448.

¹¹ Там же.

¹² В действительности, Инженерная школа во Фрайбурге была основана гораздо позже (в 1764 г.). В начале XVIII в. Саксония как центр металлургии приходит в упадок, эта роль переходит к Богемии; вместо того, чтобы принимать мастеров, Саксония начинает теперь их поставлять.

Наконец, отец и сын Демидовы ни в грош не ставили государство, захватывая казенные рудники и леса, и не платили налоги. Всю первую половину XVIII в. Никита Акинфиевич, а затем и Акинфий тайно боролись с царскими посланцами. Не раз над Акинфием нависал меч правосудия, но Бог его всегда миловал.

Демидовы нарушали самые грозные царские указы – например, обязанность всегда сообщать властям об открытии залежей серебра и меди. Обнаружив серебряную руду вблизи своих алтайских заводов, Акинфий Демидов тайно разрабатывал их до тех пор, пока, выданный одним из работников, не был лишен (впрочем, временно) собственных предприятий.

При Акинфий Никитиче Демидове состояние династии увеличилось еще больше. Сын Никиты ежегодно выплачивал в казну 200000 руб. налогов. На его заводах работало более 30000 крепостных и горнозаводских крестьян, причем только в одном Невьянске их насчитывалось более 4000 душ¹³. В 1720 г. царь пожаловал Никите, не любившему чинов и наград, дворянство. Акинфий же, после смерти в 1725 г. своего отца, не стал особо возражать против возведения в наследные дворяне. Демидовы освежили кровь старых помещиков. Экономический подъем, таким образом, выдвигал на вершину социальной иерархии лучших представителей купечества; аналогичные процессы происходили тогда во всем мире¹⁴.

После смерти в 1745 г. Акинфия Демидова раздел его наследства между тремя сыновьями шел тяжело¹⁵, завершившись только в 1757 г. Старший сын Акинфия, Прокофий, получил недвижимость в нескольких городах страны, 3 завода в районе Нижнего Новгорода и невянские предприятия; младший, Никита Акинфиевич, – Ревдинский завод, предприятия возле Тулы и Казани, а также солеварни Соли Камской; среднему сыну, Григорию, досталось 5 уральских горных заводов, в том числе Нижне-Тагильский¹⁶. Все три доли наследства были равными и включали по 10000 крестьян. Одни только горные заводы Прокофия Демидова, проданные в 1769 г. Савве Яковлеву, оценивались в 800000 руб. Но апогей могущества Демидовых, связанный с Акинфием, пришелся на самый конец рассматриваемого мною периода.

Во второй половине царствования Петра Великого деловая активность в регионе возросла. Невьянский завод перестал быть монополистом здешней металлургии. На Среднем Урале начали строиться заводы, распределенные по двум секторам: частном, представленном 4 демидовскими горными заводами, и казенном, который старался не отставать от первого. Но казенные горные заводы зачастую управлялись хуже частных и поэтому приходили в упадок; на них плохо влияло соседство с лучше организованными и более прибыльными демидовскими предприятиями. Никита Демидов стал подлинным железным королем Урала. Он смело пользовался казенными рудниками, переманивал к себе с государственных заводов работников, укрывал у себя сбежавших с казенных предприятий крестьян, короче говоря, пользовался слабостью своих соседей.

Все это не могло продолжаться бесконечно, и царь решил послать на Урал своего человека, чтобы тот реорганизовал старые и построил новые казенные горные заводы, а также положил конец самоуправству Никиты.

1.2. Выдающийся русский чиновник: первое пребывание Василия Никитича Татищева (1685-1750) на Урале

Василий Никитич Татищев был одной из самых ярких личностей российского XVIII столетия. Видимо, он происходил из бояр, ведших свою родословную от смолен-

¹³ Включая и приписных крестьян, занятых на вспомогательных работах.

¹⁴ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.163-164.

¹⁵ См. жалобу Никиты Антуфьева Демидова графу М.Л.Воронцову 29 июня 1748 г. о выполнении завещания его отца (Архив князя Воронцова. Т.IV. С.193).

¹⁶ См. Таблицу 2.

ских князей¹⁷. Окончив артиллерийскую и инженерную школы, основанные Петром Великим, он в 1703 г. поступил на службу в армию и участвовал во взятии Нарвы, в Полтавской битве (1709 г.) и Прутской кампании (1711 г.). Его интересовало буквально все; умный, жаждущий знаний, он все время учился. Служа в Польше в 1710 г., он изучил польский язык. В 1713, 1714 и 1717 гг. Татищев часто бывал в Германии, подолгу жил в Берлине, Бреслау, Дрездене, где пополнял знания, совершенствовал свой немецкий и покупал книги – в тогдашней России их было мало, несмотря на все старания Петра, выписывавшего из-за границы много литературы, особенно научной. Татищев приобретал в Германии книги по математике, истории и географии; тогда же он начал собирать библиотеку, ставшую впоследствии самой богатой частной книжной коллекцией того времени.

Человек широкого кругозора, Петр Великий придавал большое значение изучению истории России и славян, столь важному для молодого, испытывавшего подъем своего национального самосознания государства. Петр догадывался об огромных природных ресурсах своей страны, и поэтому стремился организовать их исследование, поручив это дело Татищеву, служившему тогда у президента Берг-коллегии Я.В.Брюса и, следовательно, обладавшему знанием рудных богатств России.

Полагая, что до составления географического описания России следует узнать ее прошлое, Татищев стал собирать старинные рукописи, на основе которых написал «Историю Российскую с самых древнейших времен», доведенную до периода Смуты.

Но в 1720 г. ему пришлось временно отложить поиски древних манускриптов и отправиться (вероятно, по предложению Брюса) на Урал. Татищеву поручалось построить в Сибирской губернии, в Кунгуре и других местах горные заводы. 39-летний полный сил мужчина, он был властным, самоуверенным чиновником, как, впрочем, все люди его круга. К положительным качествам Татищева следует отнести его прекрасное для того времени образование и широту интересов. Будучи не столько знатоком техники, сколько организатором производства, он, взяв с собой в 1720 г. на Урал команду мастеров и несколько учеников Московской инженерной школы во главе с саксонцем И.Блиером, фактически не имел представления о рудном деле. Прибыв на место, Татищев назначил своим советником одного пленного шведа.

В 1720-1722 гг. Татищев развил на Урале бурную деятельность. Он начал приводить в порядок казенные горные заводы, и хотя за столь короткий отрезок времени ему не удалось построить новые предприятия, его детищем, по крайней мере, был Екатеринбург – крупный промышленный центр, ставший впоследствии столицей Урала.

Сделав своей ставкой Уктусский завод, Татищев нашел недалеко от него удобное место для строительства города и провел по этому поводу совещание с пленными шведами и иностранными специалистами, привезенными им из Кунгура и Соли Камской (в частности, среди них был швед Шульц, которому было поручено составить ландкарту региона). Еще до получения указа Берг-коллегии Татищев начал строительство нового населенного пункта¹⁸.

Город, названный Татищевым в честь императрицы Екатерины I, первоначально был обычным горным заводом. Выбор места под него оказался удачным. Екатерин-

¹⁷ По крайней мере, так гласит семейное предание. <Биографические данные о В.Н.Татищеве см.: Дейч Г.М. В.Н. Татищев: историк и государственный деятель. 1686-1750. Свердловск, 1962; Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987; Материалы к биографии В.Н.Татищева. Свердловск, 1964; Шакинко И. М. Василий Татищев. Свердловск, 1986; Юхм А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985; Blanc S. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIII-e siècle V.N. Tatischev (1686-1750). Lille, 1972; Daniels R. V.N.Tatishchev: Guardian of the Petrine revolution. Philadelphia, 1973; Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N.Tatischev, 1686-1750. Berlin, 1963>.

¹⁸ Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В.Н.Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. Кн. VII-VIII.

бург лежал на самой южной окраине пути, соединявшем Сибирь с европейской частью России, который шел от Перми, Чусовой (по ней заводы Урала отправляли свою продукцию), пересекал по суше порог-волок, разделявший на востоке Волгу и Урал, и по Исети достигал Тобола и Оби.

Екатеринбург, таким образом, находился на пересечении важных путей вблизи от горных заводов. Вскоре Татищев решил разместить в нем (произошло это уже при Геннине) Главное правление Сибирских горных заводов, возглавлявшее всю казенную металлургию Урала.

Значение деятельности Татищева на Урале в 1720-1722 гг. состояло не только в активизации работы казенных горных заводов, и не в выборе места под строительство Екатеринбурга. Этот первопроходец-просветитель, открывая при горных заводах словесные (где учили читать и писать) и арифметические (где преподавали основы счета) школы, попытался создать в крае собственных мастеровых. Конечно, в полном объеме осуществить эту идею ему не удалось; в заводских школах, которые владели жалкое существование, преподавали случайные люди. Внедрение на Урале школ стало реализацией замыслов царя распространить на этих окраинах империи основы технических знаний¹⁹.

Кроме этого, Татищев пытался хоть как-то узаконить отношения между заводууправляющими, хозяевами и работниками. С этой целью он издал инструкции, обязывавшие заводчиков относиться к своим работникам гуманно, но это касалось только казенных заводов: в работу демидовских предприятий государство не вмешивалось. Татищев, пытаясь реформировать местное правосудие, создал заводские суды для рассмотрения челобитных уральских крестьян. Теперь крестьянам больше не нужно было жаловаться в далекий Тобольск, который находился столь далеко, что люди теряли всякое желание искать правду.

Все это очень не понравилось Никите Демидову, которому пришлось умерить свои аппетиты. При Татищеве между партикулярными и казенными уральскими заводами началась тайная война. Никита Демидов, имевший высоких покровителей при дворе (в частности, генерал-адмирала Апраксина, с которым постоянно общался по линии Адмиралтейства), потребовал отзыва Татищева, обвинив его во взяточничестве. В итоге в 1722 г. Татищев вынужден был вернуться в столицу и предстать перед царем²⁰.

Изучение имеющихся материалов по этому делу позволяет понять, в каких условиях приходилось действовать царским чиновникам, оценить трудности, с которыми сталкивалась на Урале царская администрация, и определить размеры полномочий, имевшихся у здешних правительственных наместников, фактически являвшихся проконсулами.

Татищев отверг все обвинения во взяточничестве²¹, пояснив, что взятка взятке рознь: «Я должен за получаемое жалованье сидеть только до полудня, в которое мне, конечно, времени неостанет». Таким образом, неоплачиваемое послеобеденное время вполне законно могло использоваться для других дел. Но каких? Теперь доводы Татищева становятся более изощренными: «...дела в канцеляриях должны решаться по регистрам порядком, и случается то, что несколько дел, весьма нужных впереди, а по-

¹⁹ <См.: Демидова Н.Ф. Инструкция В.Н.Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. 5; Нечаев В.Н. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944; Сафронова А.М. В.Н.Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е г.). // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2; Юхт А.И. Указ. соч.>.

²⁰ <Об этом конфликте см.: Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987; Черкасова А.С. История одного конфликта: Из переписки В.Н.Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Вып. 1; Юхт А.И. Указ. соч.>.

²¹ Попов Н.А. В.Н.Татищев и его время. СПб., 1861. С.39-40; Берх В. Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева // Горный журнал. 1828. Кн. I. С.100-102.

следнему по регистру такая нужда, что если ему дни два решение продолжится, то может несколько тысяч убытка понести... А если я вижу, что мой труд не туне будет, то я не только после обеда, и ночью тружуся... и несмотря на регистр, нужнейшее прежде ненужного решу, чем как себе, так и просителям пользу принесу».

Иначе говоря, если чиновнику запрещено получать подарки, он будет, таким образом, не спеша работать только полдня, рассматривая дела в порядке их поступления, что, в конечном итоге, принесет государству огромные убытки.

Царь, допросив Татищева, оправдал его. Это показывает, что взяточничество в то время не являлось преступлением, как мы понимаем его сегодня, а было нормой жизни. Именно поэтому Татищев и не считал себя виновным.

Пока Татищев объяснялся с царем, на Урал прибыл новый наместник. Преемник Татищева В.Геннин сильно отличался от своего предшественника.

1.3. Саксонец на царской службе: Геннин на Урале

Голландец по происхождению, В.Геннин (1676-1750) был родом из Саксонии. Когда Петр Великий впервые путешествовал по Западной Европе (1697-1698 гг.), Геннин жил в Амстердаме. Царь пригласил его в Россию в качестве инженера и артиллериста. Зная точные науки, иностранцы были квалифицированными специалистами. Вначале Геннин занимался строительством укреплений, принимал участие в войне со Швецией, в 1701 г. возводил оборонительные сооружения Новгорода. Затем ему поручили строительство военных заводов в Петербурге. В 1713 г. его назначили начальником всех горных заводов Олонецкого края, которые находились тогда в упадке. Геннин энергично взялся за реорганизацию Петровского, Повенецкого, Устьерецкого и Кончезерского заводов²², снабжавших Балтийский флот. Эти предприятия до середины XVIII в. играли большое значение для оснащения армии²³.

Обладал ли в то время Геннин хорошими техническими знаниями? Вряд ли. Судите сами. Вернувшись из-за границы, он в 1719 г. проинформировал генерал-адмирала Апраксина, что теперь «мехи будут дуть водою без людей», чего якобы раньше в России не было²⁴. Но в Подмосковье водяные мехи использовались уже давно и Геннин, живший в Москве в 1698-1706 гг., должен был об этом знать²⁵. Поэтому считать, что на русской службе состояли лишь опытные профессионалы, было бы неверно. Зачастую в Россию приезжали молодые люди (Геннину было тогда 22 года), стремившиеся к легкой наживе. Их знания, столь удивлявшие русских, в действительности были слабыми. Лишь обращаясь за помощью к знатокам того или иного дела и часто выезжая на родину, они смогли приобрести необходимые профессиональные навыки.

Металлургические предприятия Олонецкого края, как и более старые Тульско-Каширские, стали, по ряду причин, образцами при строительстве первых уральских горных заводов, а также дали им людей и оборудование. Регламент Олонецких заводов был установлен Адмиралтейством. После 1722 г. он, с некоторыми изменениями, был применен Генниным на уральских казенных горных заводах²⁶. Геннин дважды (в 1716 и 1719 гг.) выезжал за границу с целью приглашения в Россию саксонских мастеров по

²² Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. II. С. 51-68.

²³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С. 102.

²⁴ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. III. С. 101 и сл.

²⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С. 61.

²⁶ Регламент, принятый 5 апреля 1722 г., установил продолжительность работы на заводах Адмиралтейства; это был первый правительственный акт о нормах рабочего дня (Пажитнов К. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 19).

выпуску уклада, проволоки и клинков. В 1721 г. ему поручили построить оружейный завод в Сестрорецке²⁷. Но его деятельность не ограничивалась металлургией. Он разработал проект строительства канала Москва – Волга, о чем мечтал Петр²⁸.

Принимая во внимание опыт Геннина в металлургии, правительство, стремившееся ускорить рост казенных заводов и защитить их от Демидова, в 1722 г. направило его на Урал. В указе, назначавшем Геннина управляющим уральскими горными заводами, не содержалось никаких конкретных поручений, но уже сразу было ясно, что борьба с местными властями и частными горнозаводчиками будет трудной. Поэтому Геннин многократно запрашивал у Петра подробные инструкции и лишь 29 апреля 1722 г. сумел их получить.

Присланный Геннину царский документ предписывал:

«I. Ехать ему в Кунгурской, Верхотурской и Тобольской уезды, где есть наши железные и медные заводы.

И железные заводы во всем исправить, а имянно пушечным литьем.

Также велеть там делать уклад, сталь, жечь и дощатое кровельное железо. И сделать для резания железа и для проволочного дела машины.

А которые похотят тому делу от партикулярных заводов учиться – и таких учить.

II. Медные заводы также во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение.

III. Розыскать между Демидовым и Татищевым, также по всем делам Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в берг-коллегию и к нам.

IV. Что надобно будет ко обоим заводам, каких деревень и земель, о том писать в сенат, откуда велели мы ко удовольствию тех заводов чинить немедленно резолюцию.

V. На первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и от воевод, о чем к ним даны вам послушные указы.

VI. На дачю жалованья мастеровым людям, которых велено тебе с собой взять, отпускается с вами денег на два года две тысячи восемьсот шестьдесят два рубля сорок восемь копеек да сверх того на чрезвычайные расходы тысяча рублей»²⁹.

22 июля 1722 г. Геннин выехал из Москвы и отправился на восток страны. Из Олонца он выслал на Урал партию людей на 49 подводах. Долгий путь длился более 2 месяцев и только 2 октября Геннин прибыл в Кунгур.

* * *

В 46 лет Геннин стал главой уральских казенных заводов. В 1722-1734 гг. он реорганизовал несколько уже существовавших горных заводов, построил 9 новых и когда покидал этот край, оставил после себя 12 металлургических предприятий. Что же представлял собой этот человек, огромная организаторская и созидательная деятельность которого, сравнимая с заслугами Никиты и Акинфия Демидовых, способствовала освоению Урала? Сведения о нем содержатся в документах, носящих официальный или полуофициальный характер. С их страниц встает образ честного чиновника, ведшего подробные отчеты о своей работе, составившего, в частности, описание уральских горных заводов³⁰. Последнее содержит, помимо чисто технических сведений, данные по

²⁷ Под Санкт-Петербургом.

²⁸ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.16.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3986.

³⁰ Принадлежащее перу В.Геннина «Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г.» было издано в 1937 г. с введением М.Ф.Злотникова, который объясняет задержку этой публикации тем, что «для феодально-дворянского правительства Анны и Бирона работа оказалась неподходящей. Автор

зарплате, о количестве и номенклатуре готовой продукции, короче говоря, является отчетом о деятельности Геннина, и в то же время свидетельствует о его педантичности – редком по тем временам качестве. Геннинское «Описание» – это уникальный документ, без которого невозможно исследовать развитие уральской металлургии в первой половине XVIII в.

Трудности, с которыми столкнулся Геннин, порождали у него чувство пессимизма, отражавшееся в его переписке с царем и Берг-коллегией³¹. Он всегда на что-то жаловался, постоянно себя оправдывал, а после 1730 г. его письма превратились в откровенные стенания. Устав отстаивать права казенных предприятий, постоянно попрекаемый за свое иностранное происхождение, он попросил отставки и в 1734 г. ее получил³².

* * *

По прибытии в Кунгур Геннин осмотрел казенные Каменский, Уктусский и Алапаевский горные заводы. Он установил, что «рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно», однако они «первое – не в удобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе – припасов мало, третье – мастера самые бездельные и необученные». Короче говоря, они находились в плачевном состоянии и не могли выполнять задачи, поставленные перед ними Берг-коллегией.

Заводы же Демидова, по наблюдениям Геннина, «в хорошем весьма порядке и в самых лучших местах построены». Несмотря на чрезмерное осуждение деятельности своего предшественника, замечания Геннина, в основном, были справедливыми. Татищев многое не успел сделать.

Геннин немедленно приступил к работе. Конфликт между Демидовым и Татищевым я рассмотрю чуть ниже, потому что он затрагивает проблему конкуренции частной и казенной промышленности. Но один вопрос следует осветить уже сейчас, поскольку от него во многом зависел успех Геннина. Геннину было поручено реализовать Берг-привилегию и, таким образом, продемонстрировать силу государства, которую владельцы уральской земли игнорировали. К Геннину стали поступать жалобы рудоискателей на Строгановых, не пускавших их на свои земли. Найти рудоискателей, промышлявших в их вотчине, Строгановым было трудно. Зная о Берг-привилегии, разведчики полезных ископаемых не боялись заходить в строгановские владения, но если их обнаруживали тамошние приказчики, то избежать наказания было невозможно³³. Вряд ли Геннин мог положить конец этим безобразиям. Власть государства заканчивалась у феодальных владений.

Лишь на казенных землях деятельность Геннина в какой-то мере была полезной. Он объявил, что будет жестоко наказывать всех, кто чинит препятствия поискам медной руды. За ее добычу Геннин обещал деньги, а за утайку – битье кнутом; образцы найденной руды должны были сразу же высылаться ему.

Организовав розыск руды, особенно меди, Геннин занялся поиском мастеровых. Поскольку Кунгурский завод был старым центром кустарной металлургии и там вполне хватало людей для заводских работ, Геннин приказал переписать всех потенци-

весьма обстоятельно доказывал, что уральские казенные заводы приносят прибыль» (Злотников М.Ф. Указ. соч. С.11).

³¹ <См.: Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995>.

³² Де Геннин (дворянскую приставку «де», создававшую видимость его принадлежности к иностранной знати, он добавил к своей фамилии в 1731 г.) после своего возвращения в Петербург вновь принял «в дирекцию и смотрение» Сестрорецкий завод, и в то же время был вынужден заниматься выделкой фейерверков для придворных празднеств. Отставка Геннина и возвращение на Урал В.Н.Татищева были вызваны плохой финансовой отчетностью, практиковавшейся тогда Генеральным обербергамтом (см.: Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.145).

³³ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.41.

альных работников в Кунгурском уезде. В итоге было выявлено 239 лиц, что «руды копают и железо плавят», и 13 укладных мастеров³⁴. Геннин обязал их работать на казенных горных заводах. Указ Геннина, касавшийся железных промышленников-«мужиков», запрещал им «в малых печах крицы делать».

Геннин отмечал, что «мужики», занимавшиеся кустарной промышленностью «не мало руды и лесов тратят и весьма сожалеательно на леса смотреть». Он велел им «железную руду копать и нам к заводам продавать по указной (т.е. фиксированной. – *Р.П.*) цене». Геннин предписал свой указ «всенародно» объявить и прибить его текст у церквей³⁵. Конечно, ликвидация кустарного железного промысла способствовала сохранению для казенных горных заводов лесных массивов, но тогда еще леса на Урале было много. Меры, предпринятые Генниным по ограничению вырубki леса на Урале, соответствовали планам правительства создать единое для всей империи лесное законодательство.

Геннин обвинил кустарную металлургию в истреблении уральских лесов и начал наступление на кустарей. Кустарные металлурги не шли работать на предприятия из-за низкой зарплаты и жестокой эксплуатации³⁶. Запрет на кустарную плавку вынуждал теперь ремесленников устраиваться на казенные горные заводы. Рабочих набирали не только добровольно, но и принудительно. Геннин приказал собрать по 2 человека с каждой казенной деревни «для рудных дел» (вероятно, речь шла о простых кузнецах)³⁷.

* * *

Одновременно Геннин начал строительство новых горных заводов и занимался этим все годы своего пребывания на Урале³⁸.

В октябре 1722 г. он предписал построить 2 горных завода на реках Ягошиха и Иргина; первый должен был стать железоделательным, второй – медеплавильным³⁹. В мае 1723 г. в присутствии пленного шведского капитана Берглина и мастера Циммермана состоялась закладка Егошинского завода. Для его строительства привлекли крестьян Кунгурского уезда и вольнонаемных людей, а в качестве работников приписали 2 села «з деревнями», в общей сложности 735 душ мужского пола⁴⁰. В январе 1724 г. завод был пущен в строй.

В ноябре 1722 г., осматривая рудники и заброшенный медеплавильный завод около деревни Григоровой, Геннин заметил, что здесь «медного шифера имеетца довольно» и приказал начать строительство Пыскорского завода. Но воевода Соликамской провинции отказался прислать строителей и заготовить лес⁴¹. Тогда Геннин пожаловался в Петербург, но это ничего не дало – указ, грозивший наказаниями местным властям за отказ от помощи в строительстве горных заводов, не выполнялся. Тогда Геннин был вынужден в 1724 г. построить с помощью 300 военных, вызванных из Тобольска, 2 завода на Пыскоре, один на старой плотине, другой – рядом, на р. Камгорке⁴². Как только работы были закончены, к заводам приписали 4070 крестьян.

В мае 1723 г. Геннин приказал вехотурскому воеводе построить по указаниям шведского пленника плотину и медеплавильный завод на Ляле. Крестьяне Верхотур-

³⁴ Там же. С.42-43. Уклад – мягкая сталь.

³⁵ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.42.

³⁶ Там же. С.44.

³⁷ Там же. С.40.

³⁸ М.Ф.Злотников (Указ. соч. С.44-51) собрал все сведения, касающиеся деятельности де Геннина на Урале и изложил их в хронологическом порядке.

³⁹ Там же. С.41; Геннин В. Указ. соч. С.565 и сл.

⁴⁰ Геннин В. Указ. соч. С.567.

⁴¹ Там же. С.541.

⁴² Злотников М.Ф. Указ. соч. С.44-45; Переписка Геннина // Горный журнал. 1826. Кн.IV. С.106-107.

ского уезда участвовали в работах, завершённых в 1724 г., и 412 из них были приписаны к заводу, который, впрочем, из-за «пресечения» руды остановился в 1727 г. Его пытались перепрофилировать на производство купороса, затем стекла, и, наконец, поташа, и восстановили первоначальную специализацию только в 1729 г., когда по соседству вновь была найдена медь⁴³.

В декабре 1723 г. в 10 верстах от Алапаевска Геннин нашёл удобное место для строительства Нижне-Синячихинского завода, который начал функционировать в 1727 г. Этот завод перерабатывал чугун, поступавший из Алапаевска. Его построили приписные крестьяне и вольные работники Алапаевского дистрикта⁴⁴.

Строительство в 1724-1727 гг. Полевского завода было вызвано поисками меди, предназначенной для екатеринбургских и уктусских горных заводов⁴⁵. Изобилие руды и желание избежать её дальней транспортировки навели на мысль построить здесь завод, тем более что лес вокруг Екатеринбурга постепенно истощался. Полевской завод был медеплавильным, но на нём имелась кричная печь для плавки железа в случае нехватки меди.

В 1724 г. сильная засуха чуть было не остановила работу екатеринбургских горных заводов, но Геннин немедленно предписал построить вверх по течению Исети, в 4 верстах от Екатеринбурга, новую плотину, образовавшую огромное озеро. Затем рядом с плотиной построили 3 цеха Верхисетского завода с 6 молотами. В 1726-1728 гг. там начали производить железо⁴⁶. Верхисетский завод получал чугун из Екатеринбурга и Уктусска, но на случай остановки екатеринбургской домны на нём построили в 1734 г. собственный плавильный агрегат.

В 1724 г. Геннин начал строить 4 верстами выше Уктусского завода, рядом с возведённой ранее плотиной, Верхне-Уктусский завод, введённый в эксплуатацию в апреле 1726 г.⁴⁷

Таким образом, первые годы пребывания Геннина на Урале были очень плодотворными. Планы строительства большинства горных заводов были разработаны при Петре Великом, а их реализация началась уже после смерти царя. Гораздо позже, в 1732 г., началось строительство железоделательного Сысертского завода на р. Сысерть; для защиты от «набегов беспокойного народа башкирского» его обнесли «палисадной крепостью». Строили и затем стали работать на нём приписные крестьяне Крутихинского дистрикта. Сысертский завод дал первую продукцию в 1733 г.⁴⁸

* * *

Но самым замечательным из всех деяний Геннина является, конечно, строительство Екатеринбурга, наиболее ярко высветившее трудности, с которыми сталкивались начальники казенных заводов.

1.3.1. Екатеринбург

В 1723 г. Геннин начал строительство завода-крепости, который позже получит известность как Екатеринбург. Названный в честь Екатерины I, жены Петра Великого и будущей российской императрицы, он строился на месте, подобранном Татищевым. Разработанный Генниным план строительства завода, который должен был одновременно стать и экономической столицей края, был реализован в рекордно короткие сро-

⁴³ Геннин В. Указ. соч. С.527 и сл.

⁴⁴ Там же. С.501-502.

⁴⁵ Там же. С.507 и сл.

⁴⁶ Там же. С.404.

⁴⁷ Там же. С.457 и сл.

⁴⁸ Там же. С.464; Злотников М.Ф. Указ. соч. С.51.

ки. История его возведения позволяет охарактеризовать атмосферу индустриализации Урала. Завод задумывался больших размеров: 4 домны с несколькими «фабриками»⁴⁹; смету составили к концу 1722 г., а в марте 1723 г. началось строительство.

Строителей набрали среди местных приписных крестьян, по 1 работнику от 3 дворов; был также привлечен полк солдат, присланный из Tobольска – в основном для обеспечения порядка и безопасности, т.к. рядом проходила северная граница Башкирии. Для защиты от башкир построили крепость. В июне 1723 г. на строительстве завода трудились более 1000 крестьян, около 500 плотников, более 200 конных работников. В июле пригнали еще 1500 пеших и 500 конных крестьян, к которым добавилось 900 солдат из Tobольска. Надо иметь в виду, что набрать столько людей в этом малонаселенном крае было крайне трудно. Геннин хотел закончить стройку примерно за год и резко ускорил работу. Крестьяне, крайне недовольные неожиданно свалившейся на них обузой, нередко открыто протестовали⁵⁰ и использовали любую возможность, чтобы бежать в Сибирь или к башкирам. Суровая дисциплина, поддерживаемая солдатами, была призвана увеличить производительность труда и помешать побегам. Строителей Екатеринбурга косили непосильный труд и болезни. В своих донесениях в Петербург Геннин жаловался, что «хотя жалования дается каждый месяц порядочно и безволочитно, также и провиант, однакоже бежало много ныне на воровство на Волгу».

Жалованье строителей, однако, было мизерным. Солдаты получали свои обычные 33 коп. в месяц, и Геннин не смог добиться от царя увеличения этой платы. Крестьянам выдавалось питание и 2 гроша в день⁵¹. Но даже если бы крестьянам платили серебром, это вряд ли бы их обрадовало, поскольку строительство Екатеринбурга отрывало людей от полевых работ. В результате на тех, кто остался в деревнях, в первую очередь на крестьянских жен и детей, легла вся тяжесть пахоты, сенокоса и жатвы, что породило многочисленные жалобы.

Однако в апреле 1724 г., точно в установленный им срок, Геннин докладывал: «Екатеринбургские заводы и все фабрики в действе, а имянно: две домны, две молотовые, три досчатых молота, два беложестяных молота, укладная, стальная, железорезная, проволоочная, пыльная мельница, и еще скоро две молотовые поспеют в действо»⁵².

В 1725 г. на Екатеринбургском заводе были построены новые «фабрики»: медеплавильня с 3 печами, 3 горнами и 1 толчеей, в 1734 г. – лаборатория, платный двор с механизмами для печатания и резания платов⁵³. В Екатеринбурге возник Монетный двор.

В 1723 г. город стал административным центром Урала. До этого Сибирское высшее горное начальство размещалось на Уктусском заводе. Геннин перевел этот орган в Екатеринбург и переименовал его в Сибирский обербергамт⁵⁴. Он выписал для оснащения новых горных заводов оборудование из Олонца и Саксонии. Установив плющильный и железорезный станы, Геннин снабдил их саксонскими верстаками, доселе неизвестными на Урале⁵⁵. Он также внедрил специальный станок (якобы собственного изобретения) для сверления жерл пушек⁵⁶. Екатеринбург, обладавший много-

⁴⁹ Там же. С.45.

⁵⁰ Крестьяне Китайского острога отказались повиноваться члену обербергамта Венедикту Томилову и прогнали его дубинами. В.Геннин приказал высечь их кнутом (Злотников М.Ф. Указ. соч. С.55).

⁵¹ Там же. С.47-48 (2 гроша = 1 медная коп.).

⁵² Переписка Геннина // Горный журнал. 1826. Кн.IV. С.114-120.

⁵³ Платы – четырехугольные куски меди, употреблявшиеся вместо денег. 1 пуд платов составлял 10 рублей. Этот цех начал работать только при Татищеве.

⁵⁴ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.48.

⁵⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.106.

⁵⁶ Там же. С.122.

профильным и современным промышленным комплексом, стал образцом для остальных уральских горных заводов⁵⁷.

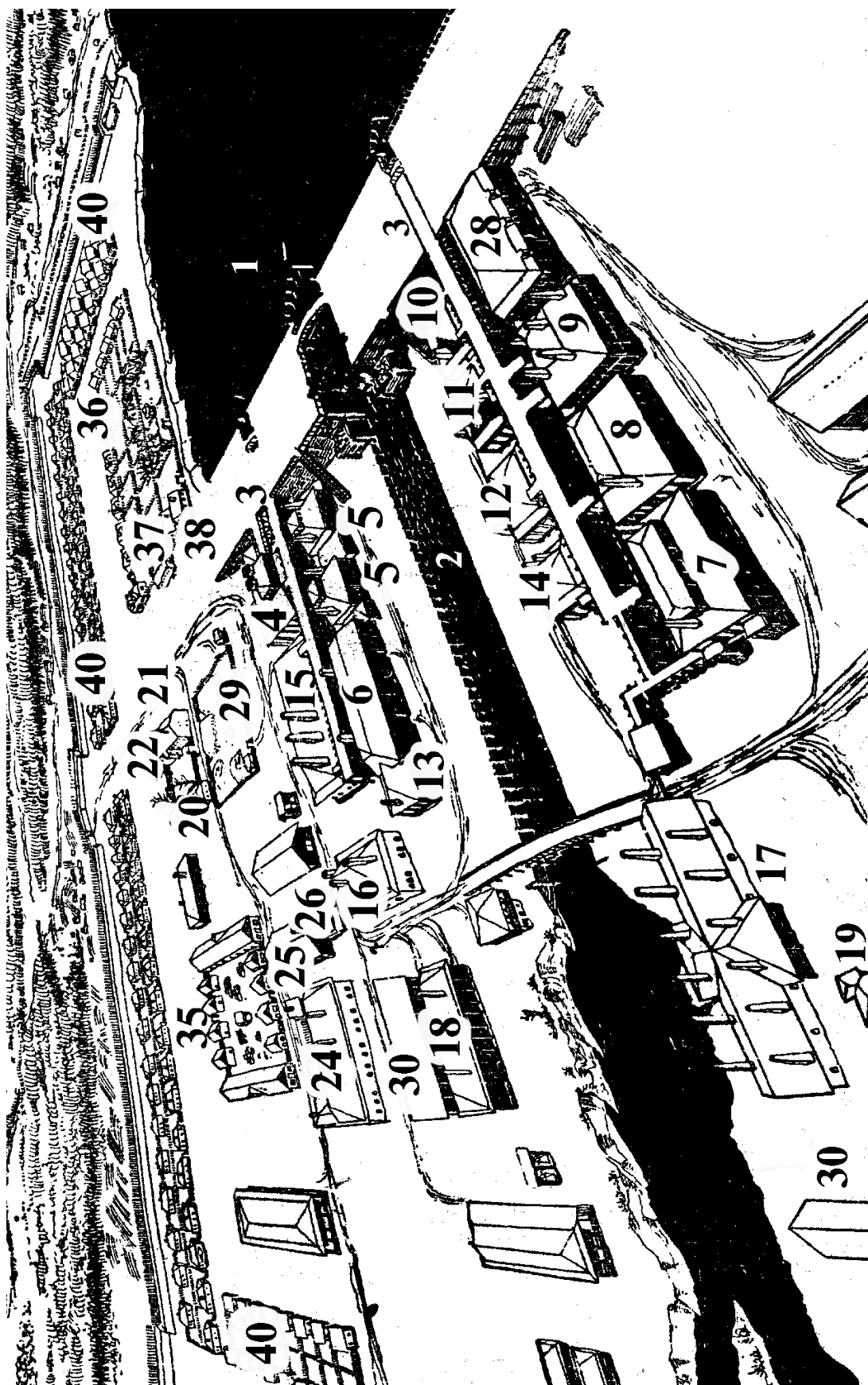
В Екатеринбурге Геннин реализовал план Татищева: он открыл там 2 школы – словесную, где учили читать и писать, и арифметическую, где преподавались арифметика, геометрия, тригонометрия и рисование⁵⁸. Они должны были, по словам Геннина, комплектовать «ко всем горным и заводским делам в мастеровые люди и в прочие чины, також и в подьячие». Согласно инструкции Геннина, школы должны были начинать с обучения учеников «страха Божия и всякого благочиния». В них учились сыновья священнослужителей, мастеров, подмастерьев и всех заводских жителей. Занятия продолжались круглый год, с перерывом лишь на один месяц в самое темное время: декабрь – январь. Посещение школы было обязательным и за каждый день отсутствия ученика родителей штрафовали. «Оплошным» и пьянствующим учителям инструкция Геннина угрожала «вычетом денег, кованьем, работою и тому подобным»⁵⁹.

Геннин приказал открыть школы и на других казенных заводах. Но там не нашлось учителей и учеников. Только школа в Екатеринбурге функционировала более или менее нормально, поскольку находилась под непосредственным надзором оберберг-амта. Отсутствие школ при уральских горных заводах отрицательно сказывалось не столько на производстве, сколько на управлении им: заводчики постоянно жаловались на отсутствие и некомпетентность своих секретарей. Это была одна из проблем, осложнявшая управление горными заводами.

⁵⁷ <О раннем Екатеринбурге см. также: *Горловский М.А.* К истории основания Екатеринбурга // Исторические записки. 1952. Т.3; *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 1998; *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Город Екатеринбург: Исторический очерк // Седой Урал. М., 1983>.

⁵⁸ *Геннин В.* Указ. соч. С.99-101; *Злотников М.Ф.* Указ. соч. С.49.

⁵⁹ *Злотников М.Ф.* Указ. соч. С.49.

План Екатеринбургского завода 1730 г. по Геннину (Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.37-38).

1. Плотина фабрики.
2. Вешняк.
3. Лари.
4. Доменная и литейная с формовой и сверильной.
5. Молотовая (кричная).
6. Жестяная.
7. Дощатая.
8. Колотушечная.
9. Якорная.
10. Укладная.
11. Стальная.
12. Плющильная.
13. Прорезная.
14. Проволочная.
15. Медеплавильная.
16. Лудильная (для жести).
17. Кузница мелкого дела, слесарная и штикарная с машинной при ней.
18. Меховая, столярная и токарная.
19. Пробирная изба, при ней весы.
20. Лаборатория.
21. Обербергамт, при нем во дворе:
22. Архив.
23. Тюрьма (на рис. без №).
24. Монетный двор (с 1735 г.).
25. Сарай для извести и при нем:
26. Печь для обжига извести и весы.
27. Рудный сарай, при нем весы.
28. Хлебная и пильная мельницы.
29. Рудный двор, при нем весы.
30. Магазины, при них весы.
31. Лесные сараи.
32. Изба для сушки леса.
33. Госпиталь.
34. Скотобойни.
35. Гостиный двор. Молочные ряды, баня и корчма.
36. Школа.
37. Цейхгауз.
38. Дворы «командиров».
39. Церковь.
40. Жилые дворы.
41. Припасная контора.

1.3.2. Рабочая сила

Я уже писал о дефиците рабочей силы на горных заводах Урала. Когда в 1723-1725 гг. число промышленных предприятий увеличилось, положение приписных крестьян ухудшилось. Поэтому в 1726-1727 гг. крестьяне массами бежали с заводов.

Хотя этот вопрос изучен пока слабо, о масштабах бегства можно судить по «Описанию» Геннина, где в отдельной графе «О зачете денег за крестьянские работы» указана денежная сумма, которую засчитывали приписным крестьянам в уплату подушной подати за работу, произведенную в течение лета по заводу. Эта цифра в 1726-1727 гг. резко снизилась (см. Таблицу 3), а для некоторых горных заводов в 1727 г. она совсем не указана – там приписные крестьяне вообще не явились на работу. Но в 1728 г., когда масштабы бегства сократились, цифры стали быстро расти. Документы из архивов Сибирского обербергамта и Военной коллегии, а также письма Геннина⁶⁰ дают представление о побегах – этой защитной реакции уральского населения на усиление

⁶⁰ Там же. С.56-58.

эксплуатации. Крестьяне либо отказывались работать на заводах и оставались в своих деревнях, либо бежали в Западную Сибирь и Башкирию. В 1726 г. появились вооруженные отряды крестьян, которые, «оставя свой скот и хлеб, ...стояли в сборе близ башкирских вотчин... с намерением бежать, но куда – о том было неизвестно». Чтобы остановить это массовое бегство, Геннин разрешил башкирам грабить беглых. Однако, несмотря на принятые меры, в 1727 г. побегі приобрели еще больший размах и были поддержаны русским населением Башкирии.

Так, возглавлявший беглых русских переселенцев, осевших на Сакмаре в 1724 г., выходец из Шадринска Иван Гореванов, ставший казаком, дружил с башкирами, каракалпаками и киргизами и не подчинялся властям. Яицкий станичный атаман Арапов в 1727 г. пожаловался на Гореванова в Военную коллегию.

Обербергамт и Уфимская провинциальная канцелярия потребовали от уральских военных властей задержать двинувшихся к Сакмарскому городку крестьян. Но власти были бессильны. Арапов доносил в Уфу, что основным препятствием для этого была «противность» Гореванова, который укрыл беглых у себя. Поскольку русское правительство тогда почти не контролировало Башкирию, то прежде чем направить за беглецами военную экспедицию, нужно было попытаться решить этот вопрос миром, что дважды старался, но безуспешно, атаман Арапов. Видя это, Геннин обратился в Петербург.

1 ноября 1727 г. Верховный тайный совет решил выслать против Гореванова и беглецов с уральских заводов военный отряд. Командиру отряда предписывалось забрать приписных крестьян и доставить их Геннину, который должен был вновь вернуть «их в прежние места, ...и того над ними смотреть и накрепко предостерегать, чтоб они из тех мест никуда не бегали». Гореванова планировалось схватить и передать сибирскому губернатору, чтобы как следует наказать.

Итак, потребовалось применить войска, чтобы вернуть приписных крестьян обратно. Тем не менее, они по-прежнему продолжали уклоняться от заводских работ. Если тщательно проанализировать суммы, внесенные в качестве подушной подати после 1727 г., то можно увидеть, что они ежегодно варьировались. Следовательно, число приписных крестьян, работавших на заводе, не было постоянным. Неужели же менялись потребности заводов в рабочей силе? Наверное, нет. Были другие факторы, влиявшие на производство. Уменьшение числа приписных крестьян на горном заводе свидетельствует о его упадке. У казенных горных заводов был надежный рынок сбыта готовой продукции – государственный. От них постоянно требовали наращивать производство. Таким образом, объем выработки продукции обуславливался не спросом, а различными трудностями, в частности, дефицитом рабочей силы на местах. Приписные крестьяне не горели желанием работать на заводе, а у властей не было возможностей заставить их делать это силой.

С другой стороны, история с Горевановым ставит одну интересную проблему. Крестьяне, бежавшие с заводов Среднего Урала, вряд ли смогли бы добраться до Яика и присоединиться к Гореванову, если бы не помощь башкир. Путь, по которому шли беглые, проходил через башкирские земли. Классовая солидарность, отмеченная выше, удваивалось, таким образом, негласным соглашением между башкирами и русскими крестьянами, – двумя силами, которые традиционно противостояли друг другу и периодически вели ожесточенную борьбу экономического и религиозного характера. К сожалению, из-за отсутствия источников трудно сказать, насколько тесно сотрудничали башкиры и русские, но именно неизученность этого вопроса привела к тому, что проект «Истории Башкирской АССР», представленный в 1946 г. советскими учеными на рассмотрение специальной комиссии, не получил в СССР одобрения. Авторы проекта упрекнули в том, что они чрезмерно сосредоточились на конфликтах, разъединявших в прошлом русских и башкир, и недостаточно показали причины сближения этих двух

народов, полтора века спустя приведшего к вхождению Башкирской Республики в состав РСФСР⁶¹.

Таблица 3
Подушная подать, выплачиваемая приписными крестьянами казенных заводов в 1724-1733 гг. (в руб.)

ЗАВОДЫ	ГОДЫ											
	1724	1725	1726	1727	1728	1729	1730	1731	1732	1733		
1. Екатеринбургский	10248 (9316)	6902 (6273)	3647 (3315)		7422 (6747)	7532 (6847)	2915 (2650)	10877 (9888)	6451 (5864)	6265 (5695)		
2. Исетский Верхний		1294	325		762	1644	От 2 до 72	От 35 до 2	178	902		
3. Уктусский Нижний	1971	1021	38		1935	2404	1550	2480	433	2647		
4. Уктусский Верхний		1326	283		98	от 7 до 2	736	709	1800	1026		
5. Полевской	2476	1312	2108		4417	4437	3043		1468	2924		
6. Пыскорский	1297	2505	1819			3186	3025	3458	2295	3039		
7. Каменский	2593	2437	689	348	689	99		255	3321	2479		
8. Синячихинский Нижний		2953	685	427	808	1419	439	1015	938	727		
9. Алапаевский	3806	1415	168	2	2125	900	697	2220	1958	1275		
Итого:	22391 (20355)	21164 (19240)	9762 (8874)	777 (706)	19126 (17837)	22373 (20339)	14977 (13615)	24566 (22333)	18942 (17222)	21284 (19276)		

Примечание к Таблице 3. В скобках указано приблизительное число приписных крестьян (подушная подать с каждого составляла 1 руб. 10 коп.).

⁶¹ Устюгов Н.В. В Институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. №№ 8-9. С.151-154.

Таблица 4
Число приписных крестьян на казенных горных заводах

Завод	Год	Кол-во чело- век	Год	Кол-во чело- век
Невьянский	1701	1600	1703	2500
Каменский	1722	7051		
Уктусский	1719	6525		
Алапаевский	1719	5112		
Пыскорский	1724	4070		
Екатеринбургский	1724	4774		
Ягошихинский	1724	735		
Лялинский	1723/1727	412		

Источник: Геннин В. Указ. соч.

Примечание: 1. Даты, за исключением Каменского завода, соответствуют периоду строительства предприятий. Этим и объясняются завышенные цифры приписных крестьян. К 1720-1724 гг. на них насчитывалось 28679 человек (сюда не включен Невьянский завод). Кроме того, здесь речь идет только о казенных горных заводах. А.А.Савич (*Савич А.А.* Указ. соч. С.14) оценивает число приписных рабочих на казенных и партикулярных заводах по состоянию на 1719 г. более чем в 31000 человек, М.Ф.Злотников (к концу царствования Петра Великого) – в 25000. 2. Трудно оценить количество населения на Урале в то время. Ревизская перепись 1710 г. (указ от 29 мая 1719 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3380) дала следующие данные:

Кунгурская провинция	3202 двора
Пермь – Чердынь	1421 двор
Верхотурский уезд	3483 двора

Если предположить, что в 1 дворе проживало 5 человек, то общая численность населения указанных территорий составляла примерно 40000 человек. Таким образом, значение подневольного труда в жизни уральского населения было довольно большим.

Побеги 1726-1727 гг. охватили казенные горные заводы. Но была и другая категория беглых (в основном это крепостные из центра страны), которые шли на Урал, чтобы обосноваться здесь или найти работу. Правительство, как это хорошо видно по указам от 15 марта 1722 и 20 сентября 1723 г., не имело четкого представления о том, какую политику следует проводить по отношению к этим людям. Государство не хотело лишать частных заводоладельцев и казенные предприятия необходимой рабочей силы, но оно не могло игнорировать и мнения помещиков. Более того, «гулящие люди» оседали преимущественно на частных предприятиях, надеясь тем самым избежать военной службы и даже уплаты подушной подати. Поэтому среди них было немало государственных крестьян: правительство не могло постоянно контролировать частные предприятия; в период между ревизиями частные заводчики не всегда платили подушную подать. Частникам было выгодно иметь рабочих, трудившихся за мизерное жалование, и поэтому они предпочитали укрывать беглых как можно дольше, избавляя их от рекрутчины или других тягот. Все это наносило ущерб казне.

В указе от 20 апреля 1725 г., со ссылкой на перепись Сонцова-Засекина, говорилось о наличии на соляных предприятиях Соликамской провинции и на серебряных, медеплавильных и железоделательных заводах Тобольской провинции лиц, не платящих подать⁶². Они брались за любую работу, не задерживались долго на каком-то одном заводе и жили «по заводским избам». Этот указ вновь потребовал крепостных «отсылать в те провинции, кто где в подушном окладе написан, на сроки по третям года», но «будет же кто из таких пришедших на которых заводах обучались какому искусству, и

⁶² Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4699.

с заводов своих заводчики отлучить не похотят, за таковых тем, чьи они, платить деньги по пятидесят рублей за человека». Наконец, чтобы обеспечить выплату государственными крестьянами подушной подати, указ предписал приписать их к казенным заводам.

Сенатский указ от 14 июня 1725 г., адресованный генерал-майору Геннину, вновь призвав возвращать крепостных их хозяевам, разрешил заводовладельцам оставлять у себя тех, кто обучился работать на заводе, но уплатив за это помещикам 50 руб.⁶³

Понятно, что эта оговорка позволяла заводчикам оставлять у себя людей. Никакие указы не могли повернуть вспять поток миграции, который гнал множество крестьян на восток. Администрация завода была согласна платить компенсацию, но замечала, что точное число беглых ей неизвестно. Поэтому в 1734 г. правительство вновь провело перепись, поручив ее шадринскому воеводе Толбузину, которая выявила у Демидова 2604 души заводских крестьян – государственных, помещичьих и др. – задолжавших в казну в 1724-1733 гг. 23000 руб. (с учетом переписи Солнцева-Засекина 1722 г.). Но по просьбе Демидова, опасавшегося ухода рабочих к башкирам и калмыкам, правительство ограничилось требованием уплаты подати⁶⁴; о воинской обязанности ничего не говорилось. Теперь оставалось договориться с владельцами крепостных. После долгих переговоров сошлись на следующем: если выявленные беглые были государственными или монастырскими крестьянами, и если, обучившись ремеслу, они были «навечно» закреплены за предприятиями, то Демидов был обязан выплачивать за них подушную подать. Эта мера уже предусматривалась указами 1722 и 1725 гг. Если речь шла о помещичьих крепостных, то Демидов обязывался обменять их на своих крепостных⁶⁵; он возвращал, таким образом, крестьянина помещику, оставляя у себя лишь обученных заводскому ремеслу. К сожалению, неизвестно, в какой мере Демидов выполнил свои обещания. Можно лишь констатировать, что к моменту отъезда Геннина с Урала законодательство, касавшееся беглых, в основе своей уже сложилось. Судьба новых заводских крепостных для всех промышленных предприятий будет окончательно решена при Татищеве указом 1736 г., окончательно закрепившем их на заводах⁶⁶.

1.3.2. Вклад Геннина

«Генерал Геннин был не только творцом оных (заводов), но и законодателем. По сие время заводы руководствуются его утверждениями, которые хотя во многих случаях и делах уже совсем по нынешним обстоятельствам и не соответствуют пользе казны, но тем не меньше они были тогда полезны и важны», – гласил Высочайше утвержденный доклад о новом образовании Горного начальства (1807 г.)⁶⁷.

Геннин действительно был творцом горных заводов, потому что к 3 казенным заводам, которые функционировали до него, он прибавил еще 9 (из которых один, Уктусский, закрылся в 1721 г.). Однако, являясь преемником Татищева, он во многом

⁶³ Там же. Т.VII. № 4736.

⁶⁴ Там же. Т.IX. № 6440.

⁶⁵ Там же. Т.X. № 7548.

⁶⁶ <См. также: Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000; Государственная деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблемы взаимодействия: Сб. ст. Свердловск, 1986; Металлургические заводы и крестьянство: Сб. ст. Екатеринбург, 1992; Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII-XVIII вв.) М., 1963>.

⁶⁷ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. II-IV; Корсакова В. Геннин // Русский биографический словарь. М., 1914. [Т.] Гааг – Гербель. С.421.

лишь реализовал программу, намеченную его предшественником; это относится и к школам для будущих мастеровых, и к строительству самих горных заводов. Хотя Екатеринбург построил Геннин, замысел его восходит к Татищеву. Первые годы пребывания Геннина на Урале ознаменовались ростом заводского строительства, но до этого здесь уже поработали государство и Татищев. Это, конечно, не принижает заслуг Геннина, но нужно сказать, что он все же был больше исполнителем, чем организатором.

Урал обязан ему строительством медеплавильных заводов, план которого разработал Татищев на основе правительственных решений. Если в 1721 г. с Урала отправили в Москву 707 пудов (немного более 11 т) меди, то в 1723-1734 гг. Геннин отгрузил 81437 пудов (1300 т), т.е. ежегодно в среднем 6700 пудов (более 107 т)⁶⁸. Надо отдать должное Геннину и в технической области. Он, конечно, не создал новую технологию получения металла – на Урал было перенесено производство, уже применявшееся в Подмоскovie и Олонецком крае, но она была упорядочена и модернизирована именно Генниным⁶⁹.

Большое значение Геннин придавал иностранному опыту. В частности, он написал инструменты и техников для медеплавильной промышленности из Саксонии. Однако он использовал и местные традиции – например, добавку во флюс «варнишного песку» для отделения меди от железа⁷⁰. Внедренная Генниным технология выплавки меди просуществовала до конца XIX в.⁷¹

Геннин модернизировал прежние казенные заводы, построив более вместительные домны и улучшив конструкцию мехов. В XVIII в. производительность уральских домен по сравнению с тульскими выросла в два раза. Прогресс в этой сфере стал во многом возможен благодаря строительству им различных установок, в частности, домен, что прекрасно показано в технической части «Описания» Геннина.

Именно поэтому казенные горные заводы, построенные Генниным, стали образцом для частных предприятий региона. Энергичное управление Демидовых превратило Невьянский и другие горные заводы в процветающие промышленные центры, рядом с которыми находившиеся в упадке казенные предприятия выглядели довольно бледно. Но отсутствие всякой конкуренции и привилегии, выданные Демидовым, не способствовали технической модернизации производства. Поэтому деятельность Геннина на Урале была настоящей революцией, заставившей партикулярных заводчиков присматриваться к казенным предприятиям.

Домна Невьянского завода, построенная в 1701 г., выплавляла 124 пудов (2 т) чугуна в сутки⁷². Но это не было связано с переходом завода в руки Демидовых. Дело в том, что Геннин в 1716 г. послал на Невьянский завод мастера, которому было поручено построить домну «по английской пропорции» и с более совершенными мехами⁷³. Туда же отправили и мастера по плавке железа. Через год оба они вернулись в Олонец. Что касается домен, построенных позже, то они имели огромную по тем временам производительность: екатеринбургские давали 270 пудов (более 4 т) чугуна в сутки⁷⁴.

Но главной заслугой Геннина было то, что он регламентировал деятельность уральской промышленности, или, точнее, изменил организацию ее работы. Геннин взял за образец олонецкие заводы Адмиралтейства. Он положил конец всему, что было «случайным»⁷⁵ в жизни казенных заводов. «Варварская» эксплуатация, отсутствие пер-

⁶⁸ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.62.

⁶⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.62.

⁷⁰ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.62.

⁷¹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.93.

⁷² Злотников М.Ф. Указ. соч. С.61.

⁷³ Там же. С.16; Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов.

⁷⁴ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.61.

⁷⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.22.

спективных планов в заводском деле имели место в начале XVIII в., когда государство заботилось лишь о получении продукции любой ценой. Позже, когда Демидовы ввели на своих предприятиях строгую дисциплину, прежние методы работы, сохранившиеся на казенных горных заводах, показали свою несостоятельность. Геннин провел экономические расчеты и положил в основу производства финансовое планирование. С прежним хаосом было покончено, и теперь казенные заводы должны были стать рентабельными. В этом Геннин показал себя прекрасным администратором, что в то время было редкостью. Конечно, нельзя полностью доверять его великолепному «Описанию Уральских и Сибирских заводов», где помещены подробные отчеты о финансовом положении каждого казенного предприятия. Этот ценный документ, созданный в эпоху, отличавшуюся анархией управления, отчасти был самооправданием Геннина. Но «Описание» не оценили при жизни его автора, приложив к многочисленным бумагам, завалившим канцелярию Адмиралтейства, а появление этой рукописи в момент обострения конфликта между казенной и частной промышленностью стало бы для правительства Анны Иоанновны и Бирона ненужным подтверждением успешной работы государственных предприятий.

* * *

Заслуги Геннина становятся еще тем более значимыми, когда узнаешь о ситуации, сложившейся накануне его отъезда. Урал лишал людей всяких сил. После 1730 г. Геннин все больше и больше увязал в болоте бюрократических дрязг, борьбе с местными воротилами, что стало косвенным следствием перемен во внутренней политике⁷⁶, но в основном было связано с обстановкой в этой глуши.

Геннину противостоял клан Демидовых, боровшийся с казенными заводами. Личные отношения между Генниным и Демидовыми нельзя назвать хорошими. Традиция представляет Геннина как большого любителя пива, который был не прочь во время своих инспекторских проверок пропустить кружку-другую этого напитка с могущественным Никитой. Не было ли в этом некоторого потворства Геннина Демидовым? Был ли глава казенных заводов взяточником, как большинство чиновников региона? Его преемник Татищев в марте 1735 г. пытался убедить кабинет-министров А.И.Остермана и Черкасского именно в этом⁷⁷. Он упомянул о просьбе Геннина к приказчику Демидова в 1729 г.: «генерал-поручик Геннин, приехав последний раз с Москвы, объявил мне, что он весьма разорился и якобы ему более 10000 убытка стало...». Остерман вызвал в Петербург упомянутого приказчика, некоего Степана Егорова, который и подтвердил этот факт, добавив, что Демидов передал 4000 руб. Геннину. Егоров заявил, что, кроме этих денег Демидов одарил начальника Уральских и Сибирских казенных заводов медной посудой и другой мелочью. Геннин узнал об этом расследовании и написал Остерману, что в течение 37 лет службы он «ни от кого ни корыстовался», и попросил очной ставки с Егоровым. Чем закончилось это дело, возможно, изначально построенное на обычном оговоре честного человека, неизвестно.

Впрочем, личные отношения не помешали скрытой борьбе, в которой участвовали местные власти. Они, конечно, больше симпатизировали партикулярным заводчикам, прочно закрепившимся в регионе, чем царскому посланнику, полномочия которого сильно зависели от политических интриг. Кроме того, у воевод и губернаторов на первом плане была оборона, организация тыла, обслуживание дорог, не всегда ведущих к казенным заводам, строительство мостов и военных судов. К этим работам они привлекали крестьян, отнимая их у горных заводов. Соперничество местных властей с частными заводчиками в этом регионе было источником постоянных конфликтов, отразившихся в переписке Геннина: «...если такой воеводский порядок допустить, —

⁷⁶ См. конфликт между казенной и частной индустрией, описанный ниже.

⁷⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1851-1880. Т. XX. С. 1430.

писал он в 1732 г., – то и вся Пермь, отбывая от работ, станет говорить, что все – лодейные плотники и их свойственники, к заводам от воеводы радения нет: всех заводских крестьян желает взять под свой приказ и власть»⁷⁸.

Петр Великий благоволил к Геннину, которому в 1723-1724 гг. особенно мешали местные власти. Он писал царю: «Пожалуй, послушай меня и не реши в горных здешних делах и положи на меня, как я прикажу. Я тебе желаю добра, а не себе, и хочу прежде все убытки тебе возратить, что в двадцать пять лет издержано на горное дело..., а коли положишь сие дело на Берг-коллегию рассмотреть, то они истинно здешнего дела не знают каково, и никто, кроме самовидца и кто трудится здесь»⁷⁹. Прямо и резко Геннин жаловался на нерегулярную выплату ему жалованья⁸⁰.

Конечно, Геннин мог жить за счет поборов, как нередко делали военные чины. Но он не встал на этот путь: «Видно ис того, что я с начала службы моей не мог я получить жалованья без противности и великие доступы... ты сам знаешь, что я здесь нажить не хочу, а занять не у кого...»⁸¹.

После 1730 г. Геннин постоянно жаловался на отсутствие у предприятий опытных кадров⁸². В 1734 г. он писал: «По возможности труждаюсь при казенных заводах, чтоб к государственной славе и интересу привести, и того ради на все стороны ссориться понужден, чтоб губернатор и провинциальные воеводы вымышленно помешательства не чинили... Что мне, чужестранцу, делать, когда меня оставляют и на меня гnevаются? Я живу воистину в великой печали». «Припадая к ногам вашим, прошу, чтоб я отсюды был уволен, а быть бы мне при артиллерии, понеже мне такие великие дела одному боле управить несносно, и вижу, что я в делах оставлен и никакой помощи нет, но боле помешательства, дабы мне здесь от того напрасно, будто за неисправление, в чем я не виноват, не пропасть за мои верные в России чрез тридцать три года службы».

Однако не следует принимать пессимизм Геннина слишком близко к сердцу: такие же проблемы были характерны тогда для всей России. После 1730 г. он не раз сталкивался с враждебным отношением к себе на казенных предприятиях⁸³. Иностранное происхождение, сама личность Геннина, хотя и не столь яркого деятеля, как Татищев, не позволяли ему всецело защищать государственные интересы. Именно поэтому Берг-коллегия заменила Геннина пользовавшимся авторитетом Татищевым, второе пребывание которого на Урале вновь активизировало промышленное развитие региона.

1.4. Второе пребывание В.Н.Татищева на Урале (1734-1737 гг.)

Татищев отбыл на Урал, имея на руках подробную инструкцию из 22 пунктов, утвержденную 23 марта 1734 г. Она давала ему огромные полномочия, позволяя почти не прибегать к помощи Сената и Кабинета. Новый глава уральской промышленности должен был советоваться лишь с казанским и сибирским воеводами. Татищеву было поручено строительство новых горных заводов не только в районе Перми и Екатеринбургa, но и вокруг Томска и Кузнецка, т.е. в Западной Сибири; ему также подчинялись Нерчинский и иркутские заводы; таким образом, он руководил всей промышленностью Сибири.

⁷⁸ Там же. С.1427. Цитируемые мною письма Геннина впервые были опубликованы в «Горном журнале» (1826. Кн.IV-V, IX). С.М.Соловьев и Н.А.Попов часто используют это издание.

⁷⁹ Письмо от 4 апреля 1724: *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн.IV.

⁸⁰ Там же; *Попов Н.А.* Указ. соч. С.48.

⁸¹ Письмо царю 22 октября 1723: *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн.IV.

⁸² Сравни цитировавшееся выше письмо 1723 г.

⁸³ См. гл. III настоящей книги.

Татищеву также предписывалось провести на Южном Урале, еще не знавшем промышленности, разведку недр, и составить географическое описание этого края для уточнения прежних карт.

Приезд Татищева на Урал, таким образом, свидетельствовал о начале нового этапа истории казенных предприятий. Строительство горных заводов, работы по их оснащению и защите (строительство крепостей, дорог и т.д.) значили слишком много, чтобы можно было легко относиться к требованию увеличения числа заводов, содержащимся в инструкции.

Впрочем, инструкция не ограничивалась строительством новых промышленных предприятий. Она давала Татищеву четкие директивы по уже существовавшим заводам. При этом отношение к партикулярным и казенным заводам было различным. Первые Татищев мог проверять; это, в частности, касалось заводов, позже получивших название «посессионных». Татищев должен был следить за тем, чтобы заводчики производили железо и медь хорошего качества, справедливо обращались со своими работниками, не переманивали их друг у друга, не укрывали беглых и не посягали на владения казны.

Что касается рудников и казенных горных заводов, то Татищев должен был реформировать управление ими, упростить бумажную волокиту, и, главное, ввести строгий учет расходов и доходов. Вероятно, Геннин уже многое сделал для этого, но до правительства эта информация еще не дошла. Конечно, организация казенных заводов не была идеальной. Но, судя по всему, заслуги Геннина не были оценены тогда должным образом. Именно тогда в кругах, враждебно настроенных к государственной промышленности, получает распространение идея, что управление казенными заводами ведется из рук вон плохо; Татищеву поручили его улучшить. Кроме того, данная ему инструкция отмечала факт, не красящий казенные учреждения, – демидовские горные заводы производят железа в 2 раза больше, чем госпредприятия, используя при этом в 4 раза меньше приписных крестьян. 14-й пункт инструкции предписывал Татищеву изучить эффективность крепостного и свободного труда и в дальнейшем привлекать преимущественно вольнонаемных рабочих. Малые доходы и убытки казенных заводов были вызваны, видимо, не столько плохим управлением ими, сколько неэффективным использованием рабочей силы.

* * *

В начале октября 1734 г. Татищев принял от Геннина дела и тут же выехал осматривать свои владения. 12 декабря он собрал в Екатеринбурге заводчиков и огласил им Горный устав⁸⁴. Во введении к нему Татищев вкратце осветил историю горного дела на Урале; затем его секретарь Иван Зорин, обращаясь главным образом к частным заводчикам, напомнил, что заводы привели к конфликтам различных группировок, что всем не хватает «знания законов божеского и естественного», и призвал срочно навести порядок, приспособив имеющиеся законы к местным условиям.

Горный устав⁸⁵ развивал ряд положений инструкции, данной Татищеву, и опирался на «Уложение» Алексея Михайловича, указы Петра Великого, зарубежное горное законодательство⁸⁶, уставы русского флота и армии. Но Горный устав учитывал и специфику Урала. Именно своими инновациями этот документ вызвал недовольство у Бирона и не был одобрен правительством. Устав послали в Петербург в 1735 г. одновременно с Заводским уставом и «Наказом шихтмейстеру». Два последних документа правительство одобрило в 1737 г.⁸⁷. Что касается Горного устава, то затронутые им про-

⁸⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. № 7350. Текст устава см.: Горный журнал. 1831. Кн. IV. С. 1-3, 5-10. Его краткое изложение см.: Попов Н.А. Указ. соч. С. 544-548.

⁸⁵ Попов Н.А. Указ. соч. С. 144.

⁸⁶ В частности, Саксонии.

⁸⁷ Попов Н.А. Указ. соч. С. 149.

блемы оказались слишком не к месту. Чтобы оценить место этого документа в административной системе XVIII в., надо вспомнить, что его автор принадлежал к «птенцам гнезда петрова», группировке, которая к 1735 г. почти исчерпала свое влияние. Конечно, соратников Петра еще ценили – и тому пример Татищев – но в стране сложилась уже иная обстановка.

Татищев преобразовывал Сибирский обербергамт в Канцелярию главного правления сибирскими горными заводами, которая напоминала петровские коллегии и была ближе к традициям Петра, чем Бирона. Но это стало поводом для отказа от принятия Горного устава. В том же 1737 г. Татищева перевели на Южный Урал. Однако многие положения его Горного устава, особенно те, что усиливали контроль государства за частными предприятиями, были воплощены в жизнь и вызвали активный протест заводчиков. Их беспокоило то, что Татищев настойчиво пытался возродить принцип строгой отчетности горных заводов, сделав контроль над предприятиями более эффективным. Но заводчики боялись не столько призывов к порядку, сколько самого Татищева. Последний, как мы увидим далее, требовал беспрекословного подчинения.

Татищев обязал каждый завод содержать собственную школу, куда поступали дети с 6 лет (сыновья крестьян туда не допускались). Это вызвало ожесточенное сопротивление заводчиков.

Поскольку Горный устав Татищева не был официально одобрен, он интересен лишь в той мере, в какой Татищев начал его применять. В 1739 г. был принят новый закон о рудниках, который, впрочем, лишь закрепил существовавшие ранее нормы.

* * *

Возвращение Татищева на Урал стало реваншем для этого чиновника. Он хорошо помнил, кому был обязан своей опале. Тогда ему удалось заложить лишь основы дальнейшего развития региона. С тех пор на Урале произошли большие изменения. Но Татищев везде видел только плохое. 9 октября 1734 г. он пожаловался своему сотруднику Андрею Федоровичу Хрущову на состояние дорог, напомнив, что еще в период своего первого пребывания на Урале давал соответствующие распоряжения, которые так и остались без внимания⁸⁸. В результате своих решительных действий второе (1734-1737 гг.) пребывание Татищева на Урале ознаменовалось созданием новых казенных заводов: за 3 года он построил их 8⁸⁹.

В этот период был принят ряд законов о рабочей силе. При этом действия государства шли вразрез с инициативами Татищева.

В 1734-1736 гг. приписка к заводам усилилась. Указом от 23 марта 1734 г.⁹⁰ все желающие заниматься металлургией получали на домну 100-150 «дворов» государственных крестьян, а на молот – 30 «дворов», но при условии, что будут платить в казну подушную подать за приписных крестьян и расплачиваться с ними по тарифу, утвержденному 13 января 1724 г. Для поощрения развития медеплавильной металлургии этот указ разрешал приписку 50 дворов или 200 душ мужского пола за выпуск 1000 пудов очищенной меди; таким образом, льготы зависели от производительности завода. Отныне приписка не была привилегией частных лиц; она постепенно охватила промышленным трудом все уральское население.

Судьбу беглых решил указ от 7 января 1736 г.⁹¹, создавший категорию «вечноотданных». Теперь всякий, обучившийся заводскому делу, мог остаться на предприятии, расплатившись со своим помещиком (сумма варьировалась в зависимости от семейного положения работника). Дети вечноотданных, приписанные отныне к заводам,

⁸⁸ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1828. Кн.V. С.95.

⁸⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.24.

⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559; Савич А.А. Указ. соч. С.13.

⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6858.

должны были обязательно овладеть отцовской профессией. Напротив, простые работники подлежали возврату к своим хозяевам. «Непомнящие родства» также были прикреплены к заводам, но заводовладельцы не должны были платить за них компенсацию. Наконец, этот указ прикреплял к заводу на 5 лет нищих, а также женщин, осужденных за различные правонарушения. Два последних положения на Урале не применялись (женщины в основном работали в текстильной промышленности). Закрепив на заводе нищих, значительное число обедневших государственных крестьян и тех, чей статус оставался неясным, указ ввел на горных заводах крепостное право.

На практике этот закон частично нарушался. Татищев вернул крестьян казенных заводов, пришедших сюда после переписи Толбузина, но, не желая лишать Урал ценной рабочей силы, не стал подавать в Кабинет сведения о беглых⁹². Он лишь сообщил, что отослал всех обратно, кроме небольшого количества дворцовых и монастырских крестьян, а также староверов.

Если Татищев мог игнорировать упомянутый указ, ставивший под угрозу функционирование горных заводов, то частные заводчики так поступать не могли. Их интересы столкнулись с интересами помещиков. Большинство частных заводчиков были одновременно и теми, и другими, и поэтому с пониманием относились к хозяевам беглых крепостных. Помещики, апеллируя к указу 1722 г., требовали выплаты 50 руб. за каждого беглого, который, получив профессию, захотел остаться на заводе. Эта сумма представляла собой остаток подушной подати и возмещала помещику потерю крепостного⁹³. Но это не было выкупом крепостного, тем более что сам крестьянин не мог заплатить за себя такие деньги. Выплата этой суммы лишь позволяла передать крепостных заводчикам.

Таким образом, указ, прикрепивший рабочих к заводам, на деле превратил вечноотданных, ранее надеявшихся, что между переписями они получают свободу, в обычных крепостных. Итак, одна из главных забот правительства, кроме сбора налогов, заключалась в ликвидации дефицита рабочей силы; горнозаводчики также пытались удержать у себя на предприятиях как можно больше людей.

Отсюда становятся понятными действия Татищева, продолжавшего дело Геннина. Последний предлагал направлять на Урал каторжан, чтобы таким образом ликвидировать дефицит рабочих рук⁹⁴. Поэтому Татищев и заводчики были единомышленниками по вопросу о староверах⁹⁵. Именно эти преследуемые властями российские «пуритане» своей энергией, аскетизмом и строгостью нравов сыграли в экономическом развитии Урала выдающуюся роль. Судя по отчету Сибирской канцелярии, на Урале в 1727 г. староверов не было, но в 1735 г. их имелось уже достаточно много. Староверов учили при переписи, о чем Татищев написал в марте 1735 г. кабинет-министрам Остерману и Черкасскому⁹⁶: «...и хотя я думал, что их душ 1000 либо наберется, однако слышу от них самих, что их более 3000 будет⁹⁷. От оных приходил ко мне первый здешний купец Осенев и приносил 1000 рублей, и хотя при том никакой просьбы не представлял, однако ж я мог выразуметь, чтоб я с ними так же поступил, как и прежде; я ему отрекся, что мне, не видя дела и не зная за что, принять сумнительно. Назавтра пришел паки да с ним Осокиных приказчик Набатов и принес другую тысячу, но я

⁹² Попов Н.А. Указ. соч. С.155.

⁹³ Н.А.Попов (Указ. соч. С.155) отмечает дешевизну (конечно же, с точки зрения помещика) крепостного.

⁹⁴ Там же. С.150; Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6830, 6841, 6857. Т.X. № 7186.

⁹⁵ Попов Н.А. Указ. соч. С.153; Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6835. Т.X. № 7663; Сибирский вестник. 1821. № 15. С.7.

⁹⁶ Я уже цитировал это письмо В.Н.Татищева о взяточничестве Геннина.

⁹⁷ В действительности перепись дала 1250 душ староверов мужского пола и 611 – женского, плативших в общей сложности 2540 руб. особого налога на раскол.

им сказал, что ни десяти не возьму, понеже то было против моей присяги, но как они прилежно просили и представляли, что ежели я от них не приму, то они будут все в страхе и будут искать других мест... Те раскольники... спрашивали, надобно ль их переписать, а о податях обещал донести ее в-ству, чтоб брать с возможных... Другое: весьма они опасаются, чтоб в школах детей их не принуждали по новым книгам учиться, но я им обещал токмо обучать арифметике и геометрии, а до прочего якобы мне дела нет. Третье: просили, чтоб на заводах кабакам не быть, опасаясь, чтоб чрез то многия учения их не отстали⁹⁸..., но я им весьма отказал, показуя данную мне инструкцию, где написано точно: на казенных и партикулярных заводах кабаки учредить»⁹⁹.

Ознакомившись с итогами переписи, правительство приказало арестовать раскольников и отправить их партиями по 2-3 человека в сибирские монастыри. Крестьян-староверов планировалось выманить из лесов и приписать к заводам¹⁰⁰. Татищев, желавший с корнем вырвать раскол, тем не менее не стал строго придерживаться требований указа – он пощадил староверов из практических соображений. Дело в том, что на Урале, где рабочих рук было мало, раскольники, численность которых возросла в 1730-е гг., представляли большую ценность. Неприхотливые в быту, выносливые, строгие в отношении к себе и окружающим, они стали играть важную роль в промышленности. В октябре 1736 г. Татищев писал, что на казенных заводах вся торговля продуктами питания находится в их руках. Большинство демидовских приказчиков были раскольниками¹⁰¹. Вот почему без них многие заводы просто-напросто остановились бы. Староверы нашли на Урале пусть и не столь надежное, но вполне подходящее убежище. Они спокойно жили здесь, вызвав в 1770 г. восхищение у Палласа. Несмотря на свои угрозы, сделанные в 1735 г., Татищев открыл школы для детей раскольников, чтобы благодаря этому и действию «искусных» православных священников отвратить их от старой веры¹⁰². Это не дало никакого результата, но т.к. указ 1736 г. разрешал Татищеву привлекать на завод раскольников, их роль в металлургическом развитии Урала еще больше возросла.

Терпимое отношение к староверам было практически единственным пунктом, где Татищев договорился с горнозаводчиками. По всем другим вопросам у них шла война, но Татищев был гибким и не раз шел на компромисс, если это служило интересам государства.

Первая стычка царского наместника с заводчиками произошла из-за проверки отчетности на частных предприятиях, куда Татищев направил 12 бухгалтеров для обучения заводских контор основам бухгалтерского дела. Строгановы и Демидовы тут же пожаловались в Кабинет, который призвал Татищева не докучать заводчикам и довольствоваться поверхностным просмотром их документации¹⁰³.

Конфликтом закончились и попытки Татищева открыть на всех горных заводах школы. Заводчики выступили против этого, поскольку дети добывали руду¹⁰⁴. Школьное дело заводчики считали пустой тратой средств: они полагали, что дети должны знать лишь ремесло своих отцов.

Кабинет, поддержав горнозаводчиков, предписал Татищеву не «принуждать к учению неволею»¹⁰⁵. Таким образом, школы больше не были источником формирова-

⁹⁸ О психологии староверов см.: *Pascal P. Avvakum et le début du rascol*. Paris, 1938. P.XIX et passim.

⁹⁹ *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. XX. С. 1430.

¹⁰⁰ *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 153.

¹⁰¹ Паллас в 1770 г. объяснил это тем, что они были строги по отношению к подчиненным.

¹⁰² *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 153.

¹⁰³ Там же. С. 150.

¹⁰⁴ <См.: *Томсинский С.М.* Новые материалы об эксплуатации детского труда на заводах Урала в XVIII в. // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1970>.

¹⁰⁵ *Попов Н.А.* Указ. соч. С. 150-151.

ния рабочих кадров и низшего административного звена, о чем мечтали Татищев и Геннин. Выпускники школ не имели возможности продвижения по службе. Однако не нужно преувеличивать правительственные запреты в этой области. В нескольких школах, имевшихся тогда на Урале, обучалось очень мало детей. Следовательно, школа с самого начала была предназначена для отпрысков приказчиков, священников, управляющих. Спор Татищева с заводчиками о школах был конфликтом между теми, кто считал человека лишь орудием труда, и теми, кто намного опережал свое время.

Прогрессивный характер деятельности Татищева проявился и в предписаниях, данных им заводчикам на случай вынужденного простоя рабочих и их болезни, где он настаивал на полной денежной компенсации работникам¹⁰⁶. Однако Кабинет решил, что если работники не жалуются, то не следует вмешиваться в это дело.

Татищев не мог развернуться в полную силу, поскольку правительство всегда выступало на стороне частных заводчиков. Все еще действовавший указ 1719 г. о свободе поиска руды порождал сильное противодействие сильных мира сего на местах. После того как Строганов запретил вести рудную разведку в своих имениях, Татищев пригрозил наказать его приказчиков кнутом, а его самого – допросить. Демидов и Строганов в начале 1736 г. пожаловались на Татищева, упрекнув его в злоупотреблении властью, а также в строительстве «совершенно бесполезных» мостов и дорог. Это привело к тому, что императрица отобрала у Берг-коллегии право контроля над крестьянами частных заводов, передав его в ведение Коммерц-коллегии¹⁰⁷.

В столице и так были недовольны Татищевым и указанная жалоба только подлила масло в огонь: в 1736 г. Шёмберг и К^о стали притеснять казенные заводы и приступили к разделу природных богатств Урала¹⁰⁸. Татищева, препятствовавшего этим планам, перевели на Южный Урал, поручив умирять восставший регион¹⁰⁹.

Промелькнувший как метеор, познавший наряду с высшими почестями ссылку и немилость¹¹⁰, Татищев вызывает как восторг, так и разочарование. Историк XIX в. Р.Г.Игнатьев писал о нем: «В короткое время своего управления Оренбургским краем Татищев успел сделать немало добра, но вместе с тем, успел наделать и зла. Татищев был лихоимец, взяточник и, приняв начальство над краем, ознаменовал себя казнокрадством, брал деньгами и подарками с купцов, привлеченных в край данными правительством привилегиями. Брал Татищев везде и всюду, со всех и всякого, где только было можно взять... От природы человек неуживчивый, Татищев в Петербурге ссорился с сильными мира, в Сибири – с воеводами, купцами, чиновниками и заводчиком Демидовым. На Татищева доносили и он на других доносил...»¹¹¹.

Признавая правоту этих слов, нельзя все же отрицать огромные заслуги Татищева перед Уралом. Он был первопроходцем, не только строившим горные заводы, но и смотревшим далеко вперед, что свидетельствовало о широте его культуры и осознании им социальных проблем, порожденных индустриализацией. И если в этом далеком краю он постоянно ввязывался в конфликты, что свидетельствовало об отсутствии у него гибкости, то это было вызвано не его личными качествами, а спецификой колониального управления, когда каждый администратор проводил собственную политику, и любая проблема разрешалась полюбовно путем негласного дележа прибыли. С этой точки зрения Татищев принадлежал к новому поколению чиновников, сформировав-

¹⁰⁶ Там же. С.152.

¹⁰⁷ Попов Н.А. Указ. соч. С.151-153. О конфликте с заводчиками см.: Герман И.Б. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797. Т.I. С.326; Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6840, 6938, 6939.

¹⁰⁸ См. гл. III настоящей книги.

¹⁰⁹ См. гл. IV настоящей книги.

¹¹⁰ После своего возвращения на Урал в качестве главы Оренбургской экспедиции.

¹¹¹ Цит. по: Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т.I. С.162-163.

шихся при Петре Великом, которые, принимая взятки, приносили в свою деятельность динамизм, творческий дух и заботу об общем благе; на этом фоне их злоупотребления становились еще ярче.

Наконец, Татищев олицетворял собой новую ментальность, очень не похожую на идеи меркантилизма начала XVIII в. Его экономические сочинения показывают, что он видел в Урале не источник прибыли, а стремился к развитию его производительных сил¹¹². Вот почему Татищев все время настаивал на необходимости механизации промышленности¹¹³ и обучения этому русских людей. Находясь в Швеции, он направил 17 октября 1726 г. Екатерине I доклад¹¹⁴, в котором сравнивал условия существования российской и шведской металлургии. В этом документе Татищев отмечал, что несмотря на высокий уровень зарплат, нехватку лесов и большую глубину залегания руды шведская продукция имеет меньшую себестоимость, поскольку на предприятиях используется гораздо больше, чем в России, вододействующих механизмов. Он хотел, чтобы русских обучали шведские мастера, а россияне ездили в Швецию учиться. Эти признания Татищева сильно расходятся с его экономическими взглядами, имевшими патриотическую и антинемецкую направленность¹¹⁵. Татищев видел промышленную колонизацию России иностранцами, начавшуюся еще при Петре Великом, упрекал немцев в стремлении воспрепятствовать экономическому росту России, сопротивлялся иностранному влиянию, старался защитить русскую промышленность от немецкого засилья. Он обвинял А.И.Остермана в провале проекта создания Академии ремесел в 1730 г., а в период своего второго пребывания на Урале попытался бороться с немецкой технической терминологией, «усмотря, что от бывших некоторых саксонцев в строении заводов все чины и работы, якоже и снасти, по-немецки названы, которых многие не знали и правильно выговорить или написать не умели...»¹¹⁶. Это вовлекло Татищева в крупные конфликты, которые свидетельствовали о масштабе его личности, выходявшей далеко за рамки деятельности начальника сибирских горных заводов.

* * *

Никита и Акинфий Демидовы, Татищев и Геннин были последними первопроходцами Среднего Урала. Около 50 частных и казенных заводов, построенных ими, коренным образом преобразовали этот регион и во многом способствовали его экономическому развитию.

В ходе строительства горных заводов приходилось преодолевать многочисленные трудности. Этим занимались люди, очень отличавшиеся друг от друга по складу характера и темпераменту: Никита Демидов – малокультурный, суровый, беспощадный к своим подчиненным, опиравшийся на природную смекалку и строго следивший за порядком; Акинфий Демидов – инженер с широким кругозором, распространивший индустриализацию в Западную Сибирь; Геннин – скромный служака, кристально честный, благоразумный и дисциплинированный, всегда отстаивавший в непростых условиях интересы государства; наконец, Татищев – «птенец гнезда петрова», гордый, богатый, образованный аристократ, нарушающий традиции и конфликтующий с окружающими, обладающий обширными познаниями, видевший за чисто техническими и про-

¹¹² <Подробнее см.: Кузьмина М.П. Экономические воззрения В.Н.Татищева. Свердловск, 1966>.

¹¹³ Алефиренко П.К. Экономические взгляды В.Н.Татищева // Вопросы истории. 1948. № 12. С.89.

¹¹⁴ Там же. С.91.

¹¹⁵ Хорошая организация шведской металлургической промышленности могла повлиять на представления В.Н.Татищева. Его сопротивление засилью «немцев» после 1730 г. было продиктовано национальными соображениями.

¹¹⁶ Попов Н.А. Указ. соч. С.149.

изводственными вопросами гуманитарные, социальные, и даже общенациональные проблемы.

2. Казенная и партикулярная промышленность

Партикулярные горные заводы двух первых Демидовых и казенные предприятия Геннина и Татищева стремительно развивались вплоть до 1730-х гг. почти независимо друг от друга. Успехи частной промышленности после 1716 г. были связаны с Н.А.Демидовым. Но горные заводы, построенные старшим Никитой и его сыном Акинфием, не отвечали потребностям государства. Поэтому существование казенной промышленности было вполне оправдано.

Конечно, нельзя сказать, что казенные и партикулярные горные заводы сосуществовали мирно, но до 1730 г. их противостояние не носило всеобъемлющего характера. В бескрайнем уральском регионе, изобиловавшем рудой, лесом и реками, обе категории заводов имели обширный рынок сбыта и не конкурировали друг с другом. Казенные заводы благодаря иностранным мастерам и новейшему оборудованию стимулировали развитие демидовских предприятий, а те, в свою очередь, лучше управлялись, бережно использовали людские ресурсы и строже следили за расходами.

До 1716 г. Никите Акинфиевичу Демидову принадлежал лишь Невьянский завод. Казенная промышленность тогда во всем превосходила партикулярную. Но в 1716-1720 гг. благодаря энергичным действиям Никиты имел место резкий подъем частной промышленности и упадок казенных заводов. К концу этого периода разразился конфликт между Н.А.Демидовым и Татищевым, о котором я уже говорил.

Никита уклонялся от уплаты налогов на железо и медь, а иногда и от налога, который должны были платить его крестьяне; он переманивал к себе работных людей с казенных заводов, присваивал государственные руду и лес. Несмотря на необъятные просторы Урала и изобилие его природных богатств, строить тот или иной горный завод надо было так, чтобы он мог общаться с внешним миром и не затеряться в глуши. Позже, когда на Урале увеличится население, больше станет разведанных месторождений и будут проложены новые дороги, заводы начнут строить и в глубине региона. Но в первой четверти XVIII в. казенные и партикулярные заводы располагались вблизи друг от друга на Нижнем Тагиле и на Верхней Нейве и вынуждены были поддерживать ежедневные связи.

То, что Демидов плохо платил налоги, никак не отражалось на его отношениях с управляющими казенных горных заводов. Но увидев, что царские чиновники были нерадивыми хозяевами, он немедленно обратил это себе на пользу. Демидову стали содействовать сами государственные чиновники, оказавшиеся под влиянием местных нравов. Бороться за рабочие руки Демидов начал позже казенных заводов, но он вовсе не был «хорошим хозяином». Являя собой тип «нового феодала»¹¹⁷, он был чрезвычайно жесток к подчиненным. В то время правительство Петра Великого пыталось еще сильнее закабалить российское население, провести его перепись, пресечь бегство крестьян из центра на Урал и в Сибирь. На частных горных заводах, куда власти почти не совали свой нос, можно было временно укрыться от взоров царских чиновников. Ну, а поскольку правительство плохо эксплуатировало рудники, Никита Демидов стал рассматривать обширные владения казны как *res nullius*¹¹⁸ и попытался воспользоваться ими. Однако в этом нельзя видеть конфликт казенной и партикулярной промышленности, скорее всего это была просто-напросто извечная борьба между частником и казной за право использования общественной собственности.

¹¹⁷ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.25.

¹¹⁸ <Ничья вещь. – Лат.>.

Татищев, в 1720 г. прибыв на Урал, выявил хищения Н.А.Демидова и попытался положить им конец. Не сумев подкупить царского наместника, Демидов перешел к активным действиям. Ему удалось добиться в 1722 г. отзыва царского эмиссара¹¹⁹. Расследовать сложившуюся на Урале ситуацию и найти выход из нее поручили Геннину – пункт 3 выданной ему 29 апреля 1722 г. инструкции гласил: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также по всем делам Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в берг-коллегию и к нам»¹²⁰. Изучив этот вопрос, Геннин признал, что демидовские заводы «в хорошем весьма порядке и в самых лучших местах построены»; напротив, казенные предприятия «первое – не в удобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе – припасов мало, третье – мастера самые бездельные и необученные»¹²¹. Геннин хотел получить от Демидова «письменное известие» на Татищева. Но Демидов не стал этого делать, поскольку понимал нелепость своих обвинений: «Я де писать не могу, – отвечал он, – и как писать, не знаю, и не ябедник, и на капитана Татищева не истец, и взять мне с него нечего»¹²². В конце концов, он согласился представить жалобу по второстепенным сюжетам. Геннин продолжил трудоемкое расследование, постоянно сталкиваясь с проблемой поиска свидетелей и их запуганностью. Он пообещал Демидову предоставить государственную поддержку его предприятиям при условии, что тот не будет препятствовать казне¹²³.

Отчет, высланный новым наместником Урала в Берг-коллегию, полностью оправдывал Татищева. Демидову, писал Геннин, «не очень мило», что казенные заводы «станут здесь цвесть». Строительство государственных предприятий потребовало «по горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевать рудные места порядочно» и привлекло внимание к беглым, скрывавшимся у Демидова. На своих предприятиях «Демидов делал, что он желал». По словам Геннина, Демидов «не залюбил с таким соседом жить и искал, как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить»¹²⁴. Каковы были результаты этого расследования, неизвестно, однако деятельность Татищева на Урале получила одобрение в 1723 г., и хотя он тогда не вернулся на Урал, ему дали важное поручение¹²⁵. Сам он писал по этому поводу: «... в исходе 1721-го по доносу на меня железных заводов содержателя Никиты Демидова позван я в Москву, а июлии 1722-го послан паки в Сибирь с генералом-майором Генниным, которому велено по тому доносу изследовать. Сие следствие в вышнем суде в присутствии его величества решено, я оправдан и доправлено мне с Демидова 6000 рублев...»¹²⁶.

Таким образом, до 1730-1735 гг. между казенными и партикулярными заводами был мир. При Геннине эти две категории предприятий даже сотрудничали друг с другом. «Дело» Татищева не подорвало казенную промышленность, но показало всю мощь частных заводоладельцев – то, что влияло на активность центральной власти и ее представителей на местах.

* * *

В 1730-1735 гг. правительство начало наступление на казенные заводы, частично увенчавшееся успехом. Причиной этого стало не производство, т.е. не стремле-

¹¹⁹ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн.IV. С.86-87.

¹²⁰ Письмо графу Апраксину от 17 декабря 1722 г.: Переписка Геннина // Горный журнал. 1826. Кн.IV. С.109.

¹²¹ Там же.

¹²² Попов Н.А. Указ. соч. С.42

¹²³ Там же.

¹²⁴ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.39.

¹²⁵ Он был назначен советником Берг-коллегии в Сибирском обербергамте, а затем направлен в Швецию для найма там специалистов горного дела.

¹²⁶ Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. М., 1769. Кн.I. Ч.2. С.507-508.

ние иметь мощный военный потенциал, как было при Петре Великом, а коммерческие соображения. Берг-коллегия видела в уральской промышленности всего лишь источник дохода. Петр Великий умел ждать, когда средства, вложенные в производство, начнут приносить прибыль, но его преемников раздражали большая стоимость строительства горных заводов и время, необходимое для их окупаемости¹²⁷. Вот почему это был конфликт двух сил: с одной стороны, богатых купцов и дворян, желавших дешево купить казенные заводы, а с другой – чиновников, верных традициям Петра Великого, в частности, членов Берг-коллегии. Правительство, видевшее в промышленности лишь источник поступления налогов, сдержанно относилось к казенным заводам. Его в первую очередь интересовало, будут ли налоги с партикулярных заводов превышать прибыль с казенных предприятий.

Смена царствования в 1730 г. с дальнейшими кадровыми перестановками стала началом довольно сложного процесса, который необходимо подробно рассмотреть, чтобы понять, как казенная промышленность, уже почти отданная в частные руки, смогла все же дожить до 1745 г.

22 мая 1730 г. Правительствующий Сенат решил выяснить, насколько полезна государству казенная промышленность и потребовал изучить деятельность уральских горных заводов после 1720 г. Тщательное обследование установило, что 7 медеплавильных заводов, принадлежавших казне, произвели за 10 лет продукции на 1334870 руб., а их расходы составили 484283 руб. 87 коп. + 67769 руб. 20 коп. – затраты на провоз железа в обе столицы. Таким образом, за 10 лет прибыль казенных заводов составила 782817 руб., т.е. почти 100000 руб. в год (с учетом простоя некоторых заводов)¹²⁸.

Другое обследование, предпринятое в 1730 г. по поручению Камер-коллегии, дало более точные сведения (см. Таблицу 5).

*Таблица 5
Производство железа и меди на Урале в 1730 г.*

	Производство	Расходы	Продажа	Прибыль
Железо	184000 пудов	68337 руб. 52 коп. (вместе с провозом до Петербурга)	99820 руб. (56 коп. за пуд)	31482 руб. 48 коп.
Медь	7768 пудов	30002 руб. 70 коп. (вместе с провозом до Москвы)	68200 руб. (4 руб. за пуд)	38257 руб. 30 коп.

Таким образом, в 1730 г. прибыль составила приблизительно 70000 руб., но правительство сочло ее недостаточной.

Сенат запросил также мнение Геннина и Берг-коллегии. Коллегия высказалась за сохранение казенных заводов, напомнив, что они содержали войска, школы, платили высокие зарплаты иностранным мастерам, а партикулярные предприятия были от этого освобождены. Берг-коллегия также отметила, что экономические связи казенных заводов могут разрушиться в случае передачи их партикулярным людям. Поддержка казенных заводов дорого обошлась Берг-коллегии: 8 октября 1731 г. ее слили с Коммерц-коллегией.

Однако позиция Берг-коллегии по отношению к казенной промышленности не была твердой. В отчете этого учреждения чувствуются некоторые сомнения. Коллегия рекомендовала обязать новых владельцев госпредприятий поддерживать их производство на прежнем уровне и продавать всю выплавленную медь из расчета 6 руб. за пуд (в Москву и Петербург – по 6 руб. 50 коп.). Таким же было мнение Геннина. 29 марта

¹²⁷ Попов Н.А. Указ. соч. С.136.

¹²⁸ Рожков В. Указ. соч. С.129 и сл.

1731 г. он предложил образовать 8 заводских групп (8 промышленных секторов) для продажи каждой из них различным компаниям, но с сохранением над ними контроля Главного правления сибирских и казанских заводов в Екатеринбурге. Сенат же сослался на «Мануфактур-регламент» и «Плакат» Петра Великого 1724 г., рекомендовавших передачу частным компаниям казенных мануфактур¹²⁹ и Полевского завода с Гумёшевскими рудниками.

Окончательное решение вопроса о судьбе казенной промышленности было поручено специальной Монетной комиссии, которая в целом разрешила его в пользу частных. Но императрица не согласилась с этим и создала в мае 1733 г. «Комиссию о казенных заводах» (в 1733-1738 гг. таких комиссий будет еще три)¹³⁰.

* * *

Причиной возникновения длительных дискуссий вокруг казенной промышленности была не только неповоротливость государственной бюрократической машины, создававшей различные комиссии по этому делу, проводившей бесконечные и малоэффективные проверки, в результатах которых правительство вполне справедливо сомневалось, но и невысокая эффективность казенного производства¹³¹. Напомню читателю, что споры велись лишь вокруг уральской металлургии, где сохранялся последний очаг реформ Петра Великого. В эпоху первопроходцев одного стремления к наживе для успеха уральских предприятий было недостаточно – требовались еще энергия и риск. Если прибыль действующего завода была постоянной, то предприятие, постоянно сталкивавшееся с различными проблемами, доход никак не гарантировало. Вот почему в конфликте 1730-х гг. между казенной и частной промышленностью речь для потенциальных покупателей государственных заводов шла не об устранении конкурентов или расширении возможностей для личной инициативы, а просто о приобретении уже существующих и прибыльных предприятий по низкой цене. Однако приобретать казенные заводы пока никто не торопился. Покупателей отпугивала слишком малая прибыль от выпуска металла. Торговать в Москве и Петербурге были гораздо выгоднее. Первопроходцами промышленности на Урале были местные предприниматели – либо Строгановы, прочно осевшие в бассейне Чусовой (ими в 1734 г. был построен Билимбаевский завод), либо балахонские купцы братья Петр и Гавриил Осокины (они основали в 1730 г. Иргинский Нижний завод, а в 1732 г. – Юговский). Таким образом, судьба казенных заводов решалась в столице.

Комиссия 1733 г., во главе которой стоял тайный советник М.Головкин, получила от Коммерц-коллегии следующую информацию:

1. Дата постройки, расходы на строительство, численность приписных крестьян на том или ином казенном заводе;
2. Их продукция, расходы на производство и транспорт, прибыль;
3. Сколько налогов собиралось казной от предприятий, переданных в частные руки.

Таким образом, впервые было признано, что передача казенных заводов частникам принесла государству прибыль. Но это было пока исключением: с начала века патрикулярным людям передали только Невьянский и Саралинский¹³² заводы¹³³.

¹²⁹ В.Рожков справедливо указывает, что горные заводы не подпадали под этот указ, поскольку речь в нем шла о предприятиях, бывших в ведении Мануфактур-коллегии, а не Берг-коллегии.

¹³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6411.

¹³¹ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. С.134.

¹³² Маленький медеплавильный заводик в Казанской губернии.

¹³³ Однако некоторые переговоры о продаже того или иного предприятия закончились неудачно. В декабре 1721 г. один зажиточный строгановский крестьянин предложил казне купить Алапаевский завод на достаточно выгодных для нее условиях, но после долгой волокиты получил отказ: Рожков В.

20 января 1734 г. на своем заседании Комиссия о казенных заводах констатировала, что доходы казенных предприятий нерегулярные, реализация выпущенной за год продукции растягивается на 5 лет¹³⁴, что значительно снижает прибыль, наконец, управленческий штат рудников и заводов сильно раздут. Уступка казенных предприятий частным компаниям была бы полезна, т.к. позволила бы сократить администрацию и избавить заводы от мелочной опеки центра¹³⁵. Комиссия поручила изучить эти вопросы человеку, наделенному большими полномочиями. Так на Урале во второй раз появился Татищев.

Таким образом, тогдашняя правительственная политика была противоречивой: с одной стороны, планировалось передать казенные заводы партикулярным людям, а с другой – на Урал для разработки Горного устава и строительства новых казенных предприятий направлялся Татищев. В Петербурге продолжали придерживаться курса Петра Великого на создание мощной уральской казенной металлургии и в то же время думали о передаче партикулярным людям старых горных заводов. Но никакого противоречия здесь не было: просто некоторые фавориты из окружения императрицы хотели с помощью заводов получать прибыль, а для этого приобрести их на выгодных для себя условиях. Что касается правительства, то его в первую очередь интересовал сбор налогов.

* * *

Именно налоговые проблемы станут тормозить принятие решений по развитию частной промышленности. Казенные же заводы, переданные в частные руки, могли бы приносить государству прибыль. 10 лет правительство безуспешно пыталось заставить частных заводчиков, таких как Демидовы, платить налоги. Металлургию в 1720 г. обложили 10% налогом на прибыль, не разъяснив, платить ли его натурой или деньгами¹³⁶. Введение десятины создало, таким образом, проблемы для самого государства. Кроме того, горнозаводчики платили налоги лишь под угрозой наказания и после многочисленных предупреждений.

Когда Татищев потребовал в декабре 1721 г. от Никиты Демидова выплатить десятину, ему поднесли 15000 пудов железа, как раз и составлявших 1/10 часть всей годовой продукции (по крайней мере, так утверждал сам Демидов). Татищев принял этот дар. Но в то же время два сына Никиты категорически отказались платить натуральный налог за тульские заводы. Тогда 22 января 1723 г. Берг-коллегия определила размер налога в 1,5 коп. за пуд железа для Урала и 1 коп. – для московского региона, а на следующий год Сенат установил единый налоговый сбор в 1 коп. для всех заводов.

После 1721 г. правительство ужесточило меры по сбору налогов; оно стало награждать тех, кто сообщит о неплательщиках налогов, и возложило ответственность за их сбор не только на хозяев, но и на приказчиков. В столицу посыпались доносы на заводчиков. В одном из них, анонимном, Акинфий Демидов уличался в тайной продаже вогулам, татарам и башкирам оружия, изготовленного в Невьянске¹³⁷. В августе 1733 г.

Деятельность артиллерии капитана В.Н.Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. Июль. С.124-125.

¹³⁴ Позже были высказаны претензии по поводу вывоза готовой продукции. Видимо, железо, полученное на казенных предприятиях, долго лежало на складах. Причиной плохой организации его сбыта были бюрократизм и некоторые другие проблемы.

¹³⁵ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. №№ 6-8.

¹³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3487 (указ от 16 января 1720 г.), Т.VI. № 3582 (указ Берг-коллегии от 14 мая 1720 г.). Для чугуна было проще – сенатский указ в 1720 г. ввел налог в 1 коп. за пуд. Для меди выплата налога производилась натурой.

¹³⁷ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны. С.245.

для проверки этого на Урал был послан гвардии капитан-поручик Кожухов, а другие проверяющие работали в Москве и Туле. Акинфий Демидов, живший тогда в Москве, был временно задержан. Приезд Кожухова вызвал панику среди его приказчиков; управляющий Невьянским заводом, являвшийся родственником Демидова, скрылся, но его нашли и допросили с пристрастием. Бухгалтерия у Демидова велась плохо, поэтому проверяющим приходилось пользоваться заводскими книгами, найденными в конторах, и расспрашивать рабочих людей. Проверка установила, что Демидовы задолжали казне примерно 85000 руб.

Расследование продолжалось весь 1734 г. Лишь 15 апреля 1735 г. императрица, получив результаты проверки, создала «Комиссию о партикулярных заводах» во главе с президентом Коммерц-коллегии М.Шафировым, которая должна была окончательно решить вопрос о Демидовых. Пространный и скучный отчет Комиссии, практически полностью опубликованный В.Рожковым¹³⁸ и малоинтересный для современного читателя, предписывал Демидову выплатить штраф и десятину за период с 1720 г. 29 марта 1738 г. Сенат поставил в этом деле последнюю точку. 26 сентября 1738 г. Демидову разрешили не только окружать свои заводы крепостными стенами, но и содержать там за свой счет гарнизоны. Суровые угрозы нерадивым налогоплательщикам остались лишь на бумаге. Нужно добавить, что когда в 1735-1740 гг. в Башкирии бушевало восстание, над уральскими горными заводами нависла серьезная опасность и присутствие там человека такого масштаба, каким был Акинфий Демидов, было крайне необходимо. Кроме того, Акинфий Демидов сумел найти общий язык с немцами из окружения императрицы.

* * *

Отказ Демидова от уплаты налогов ослабил позиции тех, кто мечтал приватизировать казенные заводы. Комиссию 1735 г., конечно, нельзя рассматривать как бастион, созданный защитниками казенных заводов, да и эффект от нее был не таким, как от комиссии 1733 г. Однако она нанесла не меньший удар по противникам казенной промышленности, чем ее предшественница, поскольку в 1735 г. дебаты о преимуществах каждой из двух категорий предприятий уже не возобновлялись.

До сих пор спор о судьбе промышленности был внутренней российской проблемой. Но в 1730-1740 гг. Россией правили немцы. В этот период всю политику страны определял Бирон. Интересы вельмож, жаждавших наживы, вышли на первый план. Обогащаться стало возможным любым способом: взятками, таможенными поборами, контролем над экспортом и импортом. Столица России стала центром интриг, в которых участвовали и англичане.

До 1735 г. Бирон и его окружение, по-видимому, не вмешивались в промышленность. Но в 1735 г. произошло два события, которые резко изменили их тактику: в районе Архангельска были открыты залежи серебра, а на горе Благодать (рядом с Верхней Турой) – богатые месторождения железа.

Открытие серебра было тесно взаимосвязано с находкой железа в Благодати, ставшей выдающимся событием в истории индустриализации Урала. Железо в Благодати открыли два вогула, один из которых сообщил новость Демидову, а другой – чиновнику, занимавшемуся межеванием лесов. Последний немедленно выехал в Екатеринбург, чтобы предупредить Главное правление сибирских и казанских заводов о находке; путь в Екатеринбург шел через Невьянский завод и Демидов, догадываясь, что чиновник спешит с каким-то важным сообщением, попытался задержать его у себя, но безуспешно. В Екатеринбурге Татищев составил официальный документ о праве казны на новые заводы. Спустя 2 часа к нему прибыл управляющий Демидова, проинформированный первым вогулом. Демидовы предложили Татищеву взятку 3000 руб., чтобы

¹³⁸ То же // Горный журнал. 1885. Май.

тот отдал им Благодать; аналогичные предложения сделали другие заводчики, в частности, братья Осокины. Но Главное правление встало на защиту интересов казны, и отвело Демидовым и Осокиным лишь несколько участков на вновь открытых рудниках¹³⁹.

Рядом с Благодатью вскоре появились Кушвинский и Верхне-Туринский горные заводы. В 1738 г. Татищев (к тому времени уже покинувший Урал) сообщал, что Кушвинский завод производит 290000, а Верхне-Туринский – 140000 пудов железа. На обоих предприятиях работало более 600 человек, и, таким образом, они сразу же стали лидерами уральской промышленности. Прибыли, приносимые ими государству, Татищев оценивал в 50000 руб. в год¹⁴⁰.

Но в это время упомянутыми заводами заинтересовалась камарилья Бирона. Вероятно, последний захотел прибрать к своим рукам доходы этих предприятий, а также серебряных рудников на севере. В 1736 г. он принял на русскую службу 50 мастеров во главе с выходцем из Фрайберга (Саксония) оберберггауптманом А.Шёмбергом, который несколько лет будет оказывать огромное влияние на развитие металлургии Урала. Если верить В.Рожкову, Бирон хотел использовать Шёмберга (тут требовался только иностранец), чтобы реализовать свой тайный замысел создания частной компании по эксплуатации серебряных рудников и Гороблагодатских заводов. Я лишь замечу, что если Шёмбергу сразу же после прибытия в Россию был присвоен чин генерал-берг-директора, то Берг-компания, прибравшая себе Гороблагодатские заводы, была создана только 3 года спустя (1739 г.). Ясно, что приезд Шёмберга планировался заранее. Как известно, в 1735-1740 гг. на Урале происходил новый подъем промышленности. Иностранные специалисты требовались по-прежнему и приезд в Россию целой группы саксонцев¹⁴¹, возглавлявшейся человеком, почти равным по должности начальнику канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов, был вызван необходимостью промышленного развития региона.

Став генерал-берг-директором, Шёмберг 31 августа 1736 г. возглавил так называемый Генерал-берг-директориум¹⁴², который получил права «как прежде Берг-коллегия была». Начальник канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов Татищев оказался у него в подчинении.

В действительности же Генерал-берг-директориумом командовал Бирон. Немцы стремились выжать из России деньги и глубоко презирали русских. Правительство ждало от директориума реорганизации всей русской промышленности. Но этого не случилось. Вначале Шёмберг, чтобы получить информацию о горном деле России, разослал по всей стране «особливые пункты» – вопросник из 17 параграфов, который свидетельствовал о полном незнании генерал-берг-директором истории российской ин-

¹³⁹ Описание Благодати и ее железных богатств дано в письме Татищева императрице (сентябрь 1735 г.): «Сего сентября 5 числа [1735 г.] ездил я отсюда [Екатеринбурга] на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: она гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более; руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажень, поперек на полдень сажень на 60; раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная одним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие горы дна не дойдем. Для такого обстоятельства называли мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славится имеет» (Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XX. С. 1429).

¹⁴⁰ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Апрель. С. 457.

¹⁴¹ Это станет последним обращением за широкомасштабной помощью к иностранным мастерам.

¹⁴² Указ Сената от 4 сентября 1736 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 7047.

дустрии¹⁴³. Затем, поддержав жалобы Демидова и Строгановых на Татищева¹⁴⁴, Шёмберг сумел добиться его отзыва¹⁴⁵.

31 мая 1738 г. императрица создала третью по счету «Комиссия о заводах» во главе с бароном Петром Шафировым, которая должна была разработать принцип передачи казенных заводов партикулярным людям и рассмотреть возможность уступки Благодати и серебряных рудников Шёмбергу.

Ожидалось, что комиссия примет решения, угодные Бирону. Но этого не произошло из-за усиливавшихся антинемецких настроений в русском обществе, возникших задолго до 1740-х гг. Комиссия поддержала предложения о приватизации казенных заводов, но в отношении Благодати она усмотрела личный интерес Шёмберга и запросила дополнительную информацию. Данные, предоставленные комиссии Татищевым, свидетельствовали, что казенные заводы являются рентабельными. Напротив, екатеринбургская канцелярия Шёмберга сообщала, что от Благодати нет никакой пользы, а цифры Татищева проверить невозможно.

Однако комиссия стояла на своем. Она полагала, что «отдавать Гороблагодатские заводы барону Шёмбергу неудобно, так как он будет радеть об одной своей партикулярной пользе, а не о государственной прибыли»¹⁴⁶. Кабинет, стремясь переубедить членов комиссии, решил ограничиться определением лишь общих условий уступки казенных заводов, за исключением серебряных рудников и Благодати, и заслушать мнение Шёмберга. Последний сам поднял вопрос о судьбе Благодати, и комиссия не осмелилась возражать в присутствии генерал-ober-бергамта. Окончательное решение вопроса теперь зависело от императрицы, а фактически – от Бирона. Директориум в новом указе не сделал исключения для серебряных рудников и Благодати под предлогом того, что «может оное у простых и незнающих людей (под ними подразумевались русские. – Р.П.) толкование причинить, которое главному учреждению горных дел может быть противность и предосуждение»¹⁴⁷.

3 марта 1739 г. был опубликован Берг-регламент, в котором определялись привилегии предприятий Берг-компании во главе с Шёмбергом, и задачи Генерал-берг-директориума как органа управления русской промышленностью¹⁴⁸.

Напомню, что Татищев в свое время разработал проект Горного устава, который не был одобрен властями. Берг-регламент 1739 г. мало чем отличался от устава Татищева. Новый правительственный документ, конечно же, признавал, что казенные заводы «не толь прибыточны и государству нашему полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся, ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики¹⁴⁹ в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобовозможным образом те заводы и фабрики распространять, и на заво-

¹⁴³ Рожков В. Деятельность артиллерии капитана В.Н.Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. С.160.

¹⁴⁴ Демидов предоставил Шёмбергу один из своих домов.

¹⁴⁵ Татищев, назначенный главным командиром Оренбургской комиссии, на некоторое время сохранил, однако, должность начальника канцелярии Главного правления сибирских и казанских заводов.

¹⁴⁶ Так было сказано в сенатском указе от 25 июня 1742 г., отстранявшем Шёмберга, и задним числом это было приписано комиссии 1738 г. Однако у меня нет сведений, что члены той комиссии высказывались именно так.

¹⁴⁷ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июнь. С.458 (извлечения из горных архивов).

¹⁴⁸ Текст документа см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. № 7766.

¹⁴⁹ Там же; Попов Н.А. Указ. соч. С.161. Выражение «заводы и фабрики» означало заводы и вспомогательные (или расположенные на некотором расстоянии от главного завода) предприятия (цеха). На заводе всегда имелась доменная печь. Под словом «фабрика» скорее подразумевалась мануфактура.

дах заводят разные фабрики и делают всякие вещи ко употреблению домашнему, от чего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят».

Берг-регламент оставил почти без изменений организацию промышленности и во многом повторял (вводя лишь некоторые привилегии для партикулярных заводчиков) соответствующие указы Петра Великого, в частности, его указ от 10 декабря 1719 г. Так, владелец земли получал теперь от горнозаводчика 2% прибыли натурой или деньгами вместо 1/32, как определяла Берг-привилегия; заводчики могли покупать крепостных не целыми деревнями, а отдельными семьями¹⁵⁰; наконец, за неуплату налогов предприятие больше не отбирали и заводчики могли передавать заводы своим наследникам с выплатой налогов в рассрочку.

В итоге Шёмберг и Бирон добились привилегий только для Гороблагодатских заводов и серебряных рудников. Берг-компания получила заводы с приписанными к ним крестьянами, а также все предприятия, которые предполагалось построить в будущем в районе Верхотурья. В соответствии с тогдашней практикой Шёмберг должен был возместить расходы на строительство горных заводов и регулярно выплачивать налоги на железо и медь¹⁵¹. Несмотря на охватившую этого саксонца после его назначения на должность генерал-берг-директора страсть к учету и реорганизациям, он занимался лишь торговлей, прибрав к рукам Гороблагодатские заводы. Так, например, выразив желание самолично отправиться на Урал для осмотра своих заводов, он все же послал туда своих людей, а сам занялся новым, очень прибыльным делом: ему дали право на экспорт казенного железа¹⁵².

* * *

Перенесемся теперь на Урал, куда Шёмберг послал с инспекцией немцев Карла Готлиба Фохта и Вилима Бланкенгагена. К.Г.Фохт, прибывший в Россию вместе с Шёмбергом из Фрайберга, рассчитывал отработать здесь 3 года, оговорив себе жалованье в 300 руб. и различные льготы в виде надбавок и натуральных выплат. Что касается В.Бланкенгагена, то этот немец на шведской службе, попавший к русским в плен, по причине знания им металлургии был в качестве мастера направлен на Олонецкие заводы, а затем по протекции Шафирова стал членом Коммерц-коллегии. Занимаясь продажей железа и меди, он проворовался, но Сенат учел его знания и отправил Бланкенгагена на сибирские рудники в качестве «вечноотданного». Когда императрица, смилостивившись, приговорила его к лишению всех титулов, наказанию палками и уплате штрафа, в дело вмешался Шёмберг. Он добился отмены наказания, объясняя это тем, что «без Бланкенгагена во всех делах и работах он препятствия встречать будет, и что другого, который бы в горных делах искусством был подобен Бланкенгагену, найти никого не может»¹⁵³. Таким образом, Бланкенгаген, получив широкие полномочия, отбыл на Урал.

Одновременно с двумя агентами Шёмберга около 40 саксонцев 11 марта 1739 г. отправили в Екатеринбург, куда те прибыли 30 июля. 6 лет (1739-1745 гг.) пребыва-

¹⁵⁰ Указ 1721 г., позволявший заводовладельцам покупать деревни крепостных, имел лишь ограниченное применение, т.к. это влекло за собой покупку земельных угодий и было слишком дорого.

¹⁵¹ Еще до принятия Берг-регламента представитель одной из английских компаний предложил русскому правительству выкупить все казенные заводы. Похоже, что англичане внимательно следили за ситуацией вокруг казенной промышленности, см.: Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. С.119-141.

¹⁵² Шёмбергу разрешили покупать по 58 коп. за пуд казенное железо и свободно продавать его; таким образом, он стал посредником между Адмиралтейством и заморскими купцами.

¹⁵³ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июнь. С.115.

ния этой последней команды иностранных мастеров на Урале¹⁵⁴ представляют для исследователя определенный интерес. Я уже говорил о реакции местных властей на засилье иноземцев; она была особенно ярко выражена у Татищева и касалась производственной терминологии. До 1736 г. саксонские мастера подчинялись русским управленцам; конечно, Геннин тоже был немцем¹⁵⁵, но он обрусел и всю свою жизнь посвятил России. Ситуация изменилась после появления саксонцев. Фохт и Бланкенгаген подчинялись не канцелярии Главного правления заводов в Екатеринбурге, а непосредственно Шёмбергу. Они развернули деятельность, которая не будучи регламентированной юридически, постоянно приводила к конфликтам с местными властями. Естественно, что когда в 1740 г. под началом Сибирского обербергамта был создан Пермский бергамт, саксонцы отдали лучшие места в нем немцам.

Немцы, заручившись поддержкой Шёмберга, почувствовали себя хозяевами положения. Екатеринбургская канцелярия в декабре 1740 г. направила в Генерал-берг-директориум пространный отчет по этому поводу, содержащий многочисленные жалобы на произвол немцев. В документе говорилось, что иноземцы распоряжаются работниками по своему усмотрению, чиновники из немцев постоянно находятся в разъездах, на что тратятся большие средства, в огромных количествах расходуются лес, свечи, бумага. Они жестоки по отношению к работным людям и подмастерьям, игнорируют канцелярию Главного правления заводов, в некоторых цехах введена система трех рабочих команд вместо традиционных двух¹⁵⁶. При этом немцы ссылаются на распоряжения, написанные по-немецки Фохтом и Бланкенгагеном. Наконец, один из них, «саксонский плавильщик Рихтер очищать медь от черной на чистую не умеет»¹⁵⁷.

Однако Берг-директориум ограничился тем, что потребовал объяснений от людей Шёмберга, которые жестоко обращались с заводскими работниками.

Период власти саксонцев на Урале оставил тяжелые воспоминания у русских. В.Рожков был уверен, что немцы нанесли уральской промышленности только вред. Это, конечно, было не так. Саксонцы действовали в обстановке подозрительного отношения к иноземцам, но и сами презирали окружающих и игнорировали местные традиции. Но они, вероятно, стремились поднять промышленность, чего так хотел Шёмберг, наживавшийся на экспорте железа.

Я уже писал, что Шёмберг получил право вывозить за границу железо, произведенное казенными заводами. В действительности же он просто выбросил с рынка англичан, контракт с которыми был аннулирован с уплатой им компенсации в 20000 руб.¹⁵⁸ В результате, в 1739-1742 гг. российский экспорт значительно вырос по сравнению с предшествующим временем¹⁵⁹. Но что особенно интересно – отъезд из страны

¹⁵⁴ Они отбыли с Урала лишь через 3 года после падения Бирона.

¹⁵⁵ <В.Геннин был голландцем>.

¹⁵⁶ См. гл. V настоящей книги.

¹⁵⁷ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. С.118. Напомню, что Берг-компания, как всякий частный собственник, получивший от государства промышленные привилегии (таким, например, был Демидов), контролировалась правительством. Только дворяне, которые строили горные заводы на своих землях и использовали труд собственных крепостных, были абсолютно независимыми (такowymi являлись Строгановы).

¹⁵⁸ *Рожков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. С.105.

¹⁵⁹ Данные об экспорте железа требуют критического подхода: *Рожков В.* Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Горный журнал. 1890. Ноябрь. С.350, 353.

Таможенные регистры, составленные в 1742 г по данным обследования порта Санкт-Петербурга Коммерц-коллегией, дают следующие сведения:

Год	Экспорт железа в пудах
-----	------------------------

Шёмберга и упразднение Берг-компании в 1742 г. совпали с новым снижением (правда, весьма непродолжительным) экспорта российского железа. Можно предположить, что пребывание саксонцев на Урале увеличило производительность заводов и подмочило их репутацию. Бесспорным остается тот факт, что Кушвинский и Верхне-Туринский заводы к моменту приезда немцев динамично развивались, а некомпетентные и корыстные действия этих людей в конечном счете снизили производительность указанных предприятий.

* * *

Смерть Анны Иоанновны привела к крупным внутривластным изменениям в стране. Падение Бирона, арест Шёмберга и высылка его обратно в Саксонию (1742 г.), упразднение Генерал-берг-директориума и восстановление Берг-коллегии были событиями российской истории. Но краткое существование Берг-компании не прошло бесследно для уральской казенной промышленности. Подъем патриотизма, вначале почти незаметный, а затем открыто выплеснувшийся наружу в 1740 г., отеснил на второй план конфликт между казенными и частными заводами. С другой стороны, прибрав к рукам самые передовые промышленные предприятия Среднего Урала, Шёмберг устранил всех потенциальных конкурентов. После изгнания немцев в 1740 г. государство вновь вернуло себе эти заводы. Таким образом, казенной промышленности была сохранена жизнь, но даже в 1745 г. ей все еще угрожал приговор, вынесенный в 1739 г. Берг-регламентом. Вероятно, продукция казенных заводов имела очень высокую себестоимость. Правда, обследование 1730 г. показало, что при цене продажи железа 56 коп. за

1731	600 (9,6 т)
1735	2142 (34,3 т)
1741	12709 (203,4 т)
1742	15847 (253,6 т)
1743	4670 (74,7 т)
1744	218763 (3500 т)
1745	195464 (3127,5 т)

Но за это железо была уплачена таможенная пошлина. В документах комиссии по ликвидации Берг-компании и проверке деятельности Шёмберга приводятся совершенно иные цифры:

Год	Экспорт железа в пудах
1738	140983 (2255,8 т), экспортированных английскими компаниями
1739	224821 (3597,2 т), экспортированных Шёмбергом
1740	126904 (2030,5 т), экспортированных Шёмбергом
1741	154184 (2467 т), экспортированных Шёмбергом

В целом же, за 3 года существования Берг-компании Шёмберг продал на внешний рынок 505910 пудов железа, а за тот же период иностранные (английские) комиссионеры – менее 40000 пудов (в 1741 г. – 12500 пудов). Шёмберг был освобожден от уплаты пошлины.

Синтезируя данные обеих таблиц, получаем следующие сведения об экспорте железа в 1738-1745 гг.:

Год	Экспорт железа (в пудах)	
	Шёмберг	Английские комиссионеры
1738		140983 (2255,8 т)
1739	224821 (3698 т)	≈15000 (240 т)
1740	126904 (2030,5 т)	≈15000 (240 т)
1741	154184 (2467 т)	12500 (200 т)
1742		15847 (253,6 т)
1743		4670 (747,2 т)

пуд и меди 4 руб. за пуд, средняя прибыль железоделательных предприятий составляла 30%, а медеплавильных – 50%. Но насколько точны эти цифры, сказать трудно: Геннина упрекали (и весьма справедливо), что он не учитывал расходы на управленческий аппарат¹⁶⁰. Когда Татищев в 1738 г. послал третьей «Комиссии о заводах» статистические сведения о предприятиях Благодати – кстати, достаточно оптимистичные – в них ничего не говорилось о прибыли в 30%. Татищев оценил себестоимость выплавки одного пуда железа в 40 коп.; прибавляя к этому стоимость перевозок, 17 коп., получим себестоимость 57 коп. На рынке железо шло по 60 коп. за пуд. Так что если полностью принять цифры Татищева, разницы в прибыли от госпоставок и свободной продажи практически не было.

Именно этим и объясняется то обстоятельство, что после изгнания в 1740 г. немцев из казенной промышленности, русские дворяне и купцы не бросились приобретать горные заводы: прибыль от них была невелика – новый хозяин завода должен был возместить государству стоимость его строительства, а это могли позволить себе немногие. На постройку двух заводов – Верхне-Туринского и Кушвинского, приобретенных Берг-компанией, было затрачено более 42000 руб.¹⁶¹. На строительство среднего железоделательного завода (1 домна, 2-3 молота) уходило около 20000 руб. Вот почему Шёмберг так торопился завладеть Гороблагодатскими заводами.

Несомненно, саксонцы хотели снизить себестоимость уральской продукции, увеличивая объем производства; это для российской промышленности было выгодно. Но главу Берг-компании Шёмберга¹⁶² интересовали лишь собственные доходы, складывавшиеся из продукции Гороблагодатских заводов и экспортных льгот. Стремясь к наживе, он пытался скрыть свои доходы, не возмещать расходы на строительство заводов Берг-компании и не платить таможенных пошлин. Другими словами, Шёмберг продавал казенную собственность, а деньги клал в свой карман, не платил таможенных пошлин и налогов. Поэтому его заводы были столь прибыльными, несмотря на то, что – если сюда еще добавить жалованье в 6000 руб., которое установил себе Шёмберг – фактически являлись убыточными¹⁶³.

Но такое положение могло быть лишь при определенных политических условиях. События, последовавшие после 1740 г., на время спасли казенные заводы. Это, конечно, не было возвратом к временам Петра Великого. И после 1740 г. природные богатства Урала и его казенная промышленность привлекали корыстных фаворитов, теперь уже русских. После изгнания немцев ситуация напоминала начало 1730-х гг. Однако опыт Шёмберга вызвал у властей недоверие к потенциальным покупателям уральских горных заводов, столь неуважительно относившихся к государству. Поскольку казенные предприятия не приносили большой прибыли, их в принципе могли приватизировать, но уже не столь решительным образом.

Наконец, нужно добавить, что большинство казенных предприятий являлись железоделательными. Медеплавильные заводы были более стабильными и более прибыльными, а потому привлекли в 1745 г. внимание партикулярных людей. Русские

¹⁶⁰ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.23.

¹⁶¹ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. С.117.

¹⁶² Его поделщиком был «польский купец» Иероним Мейер, проходимец, объявившийся в России в 1724 г. и сначала занимавшийся торговлей с границей, а затем ставший поставщиком императорского двора; в 1733 г. расследование его деятельности вела специальная комиссия, но сенатским указом от 27 апреля 1734 г. он был оправдан. И.Мейер уехал из России, но через 3 года вернулся обратно, чтобы работать вместе с Шёмбергом. В России тогда властвовала иностранная камарилья, расхищавшая ресурсы страны и пригревшаяся при русском дворе.

¹⁶³ По данным доклада Сената 1741 г.: Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. С.122.

дворяне и купцы не торопились уходить в горнозаводское производство. Они предпочитали более выгодные дела. Поэтому казенная промышленность просуществовала еще 10 лет.

3. Металлургия Урала в 1740-е гг.

В трудные для казенных заводов дни их число, благодаря Татищеву, даже после его отъезда с Урала, продолжало увеличиваться.

Читатель уже понял значимость двух Гороблагодатских заводов (Кушвинского и Верхне-Туринского), которые со своими 4 домнами и 8 молотами были лидерами уральской металлургии, сравнявшись с Невьянским и двумя Тагильскими (Верхним и Нижним) предприятиями. К ним нужно еще добавить Сусанский Нижний железодельный завод, пущенный в 1737 г. и получавший чугун с Алапаевского завода. Эти предприятия были расположены восточнее уральской гряды и, следовательно, находились в старой промышленной зоне. Здесь Акинфий Демидов построил в 1742 г. Лайский Верхний завод, добавив его к своим ранее существовавшим предприятиям (Черноисточинский, Лайский Нижний, Шуралинский, Выйский, Нижне-Синячихинский заводы). Все они получали чугун с Невьянского, Верхне- и Нижне-Тагильских заводов.

Между тем индустриализация все больше и больше продвигалась на запад. После создания чугунолитейного Полевского завода казна построила Северский завод (1739 г.), оснащенный 4 молотами, и Новоуткинский чугуноплавильный (1749 г.). Чуть севернее Акинфий Демидов основал Висимо-Шайтанский железодельный завод (пущен в 1744 г.), а Иван Никитич Демидов возвел на границах с Башкирией Сергинские Верхний (1743 г.) и Нижний (1744 г.) заводы.

Если из этой зоны, центром которой является Чусовая (за исключением двух Сергинских заводов, расположенных в нижнем бассейне Белой), мысленно перенестись в бассейн Сылвы, то там можно было увидеть новый казенный Сылвинский Верхний железодельный завод, построенный в 1738 г. и получавший чугун с Полевского (позднее с Новоуткинского) завода. Но гораздо интереснее будет проследить промышленное развитие территории, пересекаемой с юга на север нижним течением Сылвы и ее притоками Бабка и Саква. Здесь преобладала медеплавильная металлургия. Казенными являлись Юговский Нижний (1736 г.) и Юговский Верхний заводы (1740 г.), частными – Шаквинский (1743 г.) и Ашапский (1744 г.), принадлежавшие Акинфию Демидову, и Курашимский (1742 г.) Петра Осокина. Здесь, в 100 км к западу от Невьянска, зародился новый промышленный центр.

Указанные предприятия доходили до Камы, где были построены Висимский (1736 г.) и Мотовилихинский (1738 г.) казенные медеплавильные заводы. Наконец, в районе Осы Акинфий Демидов построил в 1740 г. железодельный Рождественский Нижний завод, который получал чугун с Гороблагодатских заводов, расположенных более чем в 300 верстах восточнее¹⁶⁴.

Большинство этих заводов были построены в 1735-1740 гг., позднее темпы строительства замедлились, но и здесь казенные заводы лидировали не только численно, но и по своим размерам.

Что значили те 50 горных заводов, что появились на Среднем Урале в 1745 г., для промышленности России? И каковы данные об объемах выпуска российской продукции?

Для первой четверти XVIII столетия привести точные цифры на этот счет невозможно. 6,6 млн. пудов (105600 т) якобы выплавленного в тот период чугуна, о которых пишет современник Петра Великого Голиков, славословивший свою эпоху, – это

¹⁶⁴ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.361-368.

либо опечатка источника, либо, что вероятнее, цифра «штатной» (проектной) выработки заводов. Вряд ли в это время производство чугуна в России превышало 1,6 млн. пудов (25600 т)¹⁶⁵. Какова же при этом была доля Урала? Б.Б.Кафенгауз приводит весьма интересное письмо А.Виниуса Петру Великому, датированное 8 декабря 1702 г., в котором глава Сибирского приказа изъявлял намерение построить на Урале 10 домен производительностью не менее 1400000 пудов чугуна в год¹⁶⁶. Эта цифра, как указывает историк, близка той, что приводит Д.А.Кашинцев для всей страны. Но поставленная А.Виниусом цель не была достигнута даже в 1720 г., к моменту отправки Татищева на Урал. Ко времени же смерти Петра Великого производство железа, а может быть и меди на западе России превосходило уральское.

В 1730-е гг. ситуация изменилась. В Таблице 6 показана выплавка металла в России в 1731-1740 гг.

*Таблица 6
Производство металла в России в 1731-1740 гг.*

Металл	Среднегодовое производство в пудах
Чугун	3100000 (49600 т)
Железо	2000000 (32000 т)
Медь	40000 (640 т)

Источник: Злотников М.Ф. Указ. соч. С.63.

Итак, в это время, благодаря Геннину и Татищеву, Урал стал выходить на экономическую арену. В Таблицах 7-10 приведен перечень казенных и частных заводов в 1734-1736 гг. и их характеристика, на основе чего можно примерно оценить их производительность. В Таблице 7 приведены цифры из «Описания» В.Геннина. Таблица 10 включает заводы, построенные в 1734-1745 гг.; хотя для большинства из них нет точных сведений, более поздние данные позволяют утверждать, что все они являлись средними предприятиями (за исключением нескольких казенных заводов, Гороблагодатских и медеплавильных заводов Прикамья) с 2-4 молотами (лишь один из новых частных заводов имел домну), или 5-6 медеплавильными печами.

8 казенных и 12 частных заводов (11 – Демидова, и Билимбаевский – Строганова), о которых Геннин дал точные сведения (см. Таблицу 7), – это не все тогдашние железоделательные предприятия Урала. Геннин упомянул еще несколько частных заводов северо-западного района, но не привел их производственных показателей. Однако, данные Геннина позволяют установить примерный объем продукции партикулярных предприятий по количеству домен и молотов и путем сравнения с казенными заводами. Таким образом, сведения Геннина об объемах годовой выплавки металла отражают реалии казенных заводов. Представляется, однако, что производительность госпредприятий была ниже, чем на частных заводах; интересно отметить, что на партикулярном Билимбаевском заводе – единственном предприятии, для которого Геннин приводит точные сведения, полученные от приказчика – «железа под одним молотом в год зделается... 10000 пуд», т.е. на 2000 пудов выше нормы¹⁶⁷. Следовательно, если предположить, что на Урале выплавлялось ежегодно 1500000 пудов чугуна и 800000 пудов железа, то эти цифры будут недалеко от истины.

Итак, средние цифры производства металла в России, приведенные М.Ф.Злотниковым (3100000 пудов чугуна и 2000000 железа), которые и так несколько завышены, после 1734 г. еще больше возросли благодаря новым уральским горным за-

¹⁶⁵ Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.56-58; Лященко П.И. Указ. соч. С.404-405.

¹⁶⁶ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.53.

¹⁶⁷ Геннин В. Указ. соч. С.631.

водам. Следовательно, можно полагать, что к концу миссии Геннина Урал производил уже больше половины всего российского чугуна и железа. Т.к. индустриализация проходила здесь гораздо быстрее, чем на западе страны, то доля уральской промышленности в общероссийском масштабе к 1770-м гг. постепенно возрастала¹⁶⁸.

Урал практически монополизировал выплавку меди¹⁶⁹. Судя по данным Геннина, в 1734 г. казенные заводы производили ее 8500 пудов (Алапаевский завод, выпускавший в 1732 г. 15000 пудов меди, в 1734 г. не работал). Но сюда же нужно добавить продукцию многочисленных частных заводов (в частности, Выйского, Суксунского, Сылвенского, Юговского и др.). В 1734 г. на Урале было выплавлено примерно 20000-30000 пудов меди¹⁷⁰.

Кажущаяся завышенной цифра в 40000 пудов, приведенная М.Ф.Злотниковым¹⁷¹, также отражает реальную производительность заводов, построенных на Урале в 1734-1740 гг. Но если медеплавильные заводы Западной России находились в то время в застое (работали только несколько заводов на Ладого), то аналогичные предприятия Камско-Вятского региона, построенные после 1732 г., а также заводы Акинфия Демидова на Алтае (1736-1746 гг.) поддерживали – конечно, довольно слабо – развитие производства. Этим в какой-то мере и объясняется значительное отличие среднегодовой цифры производства в 40000 пудов по России в целом от 20000-30000 пудов, выплавленных в 1734 г. на Урале.

* * *

В 1745 г. завершился первый этап индустриализации Среднего Урала.

Действия первопроходцев уральской промышленности коренным образом изменили этот край. В горных долинах практически безлюдного в начале XVIII столетия региона возникли очаги промышленности, численность которых постоянно росла. Разделенные огромными, почти необитаемыми лесными массивами, металлургические предприятия подчинили себе все водные и сухопутные пути, что способствовало притоку сюда населения, и через Каму и Волгу связало Урал с европейской частью России.

Интеграция в экономику страны столь удаленного региона, до этого бывшего лишь транзитным пунктом на пути в Сибирь и граничащего с народами Центральной Азии, стало, несомненно, одним из самых значительных событий в истории России XVIII в.

Таблица 7
Уральские горные заводы и их производительность в 1734 г.

Заводы	Примерный объем продукции (в пудах)	
	Чугун	Железо
Екатеринбургский	180000 (2880 т)	16000 (256 т)
Верхне-Исетский		48000 (768 т)

¹⁶⁸ П.Г.Любомиров (Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.382) полагает, что Урал давал свыше 9/10 всей выплавляемой в России меди, а его домны составляли около 2/3 всех доменных печей страны.

¹⁶⁹ Кроме Кончезерского завода на Ладожском озере, имелось 3 медеплавильных завода Акинфия Демидова на Алтае (построены в 1736, 1739-1740 и 1744 гг. в верховьях Оби и Иртыша). Но эти весьма крупные предприятия (так, на Колыванском заводе было 11 плавильных печей) в 1746 г. были отобраны казной, т.к. в используемой ими руде было обнаружено серебро. Выплавку меди сразу же прекратили и 2 завода из трех (третий, расположенный на границе, был закрыт) начали плавить серебро. В Прикамье также функционировало несколько медеплавильных заводов (5 было построено в 1732 и 1745 гг.), но производительность их была низкой.

¹⁷⁰ Как и для железа, эти цифры весьма приблизительные. В новейших работах приводятся данные, представленные ниже; всего в России в 1732-1733 гг. было выплавлено 19500 пудов меди (Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.190).

¹⁷¹ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.63.

Уктусский	90000 (1440 т)	
Верхне-Уктусский		16000
Сысертский	82000 (1312 т)	48000
Каменский	65000 (1040 т)	8000 (128 т)
Алапаевский	84000 (1344 т)	24000 (784 т)
Синячихинский		24000
Партикулярные		
Невьянск	180000	24000
Шуралинский		32000 (512 т)
Бунговский		112000 (1792 т)
Верхне-Тагильский	190000 (3040 т)	32000
Выйский	220000	8000
Нижне-Тагильский	238000 (3808 т)	16000
Шайтанский (2 завода, принадлежащие разным владельцам)		32000
Черноисточинский		32000
Ревдинский		16000
Уткинский		32000
Билимбаевский	73000 (1168 т)	10000 (160 т)
Итого:	1402000 (22432 т)	530000 (8480 т)

Источник: Геннин В. Указ. соч. Passim.

Таблица 8
Казенные горные заводы Урала в 1734 г.

Название	Число домен	Число молотов (большая кузница)	Медеплавильные печи
Екатеринбургский	2	2	
Верхне-Исетский		6	
Ухтинский	1		
Верхне-Ухтинский		2	
Сысертский	1	6	
Каменский	1	1	
Алапаевский	1	3	
Синячихинский		3	
Полевский			9
Пыскорский			6
Ягошихинский			2
Лялинский (не сохранился)			2

Источник: Геннин В. Указ. соч. Passim.

Таблица 9
Партикулярные горные заводы на Урале по отчету В.Н.Татищева (1736 г.)

Название	Владелец	Домны	Молоты	Медеплавильные печи
Невьянский (Федьковский)	А.Н.Демидов	4 (2)	3 (3)	
Шуралинский	—//—		4 (4)	
Бунговский	—//—		10 (14)	
Нижне-Тагильский	—//—	4 (2)	3 (2)	
Выйский	—//—	2 (2)	0 (1)	3
Шайтанский	—//—		3 (2)	
Верхне-Тагильский	—//—	2 (2)	4 (4)	
Черноисточинский	—//—		6 (4)	

Уткинский	–//–	1 (0)	6 (4)	
Ревдинский	–//–	2 (0)	3 (2)	
Суксунский	–//–			6
Бымовский	–//–			?
Давыдовский	Н.Н.Демидов			3
Шайтанский	–//–	1 (1)	3 (2)	
Баранчинский	–//–		Строится	
Билимбаевский	А.Г., Н.Г. и С.Г.Строгановы	1 (1)	1 (1)	
Таманский	–//–			4
Троицкий (Соликамский)	М.Ф.Турчанинов			2
Иргинский нижний (Шур-тан)	П.И.Осокин	1	2	2
Юговский (Кнауфский)	Г.П.Осокин			3

Источник: Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С. 157. В скобках – данные 1734 г. по: Геннин В. Указ. соч. С.611-632.

В отчете Татищева упомянуто и несколько мелких медеплавильных заводиков западнее уральского региона. Они не всегда функционировали (на всех заводах имелись молоты, а и иногда и запасные домны); в Нижне-Тагильске и Невьянске действовали только 2 домны. Нормы, установленные В.Генниным, дают очень приблизительные сведения о производительности этих заводов (8000 пудов железа для одного молота в молотовой, 60000-90000 пудов чугуна для домны, менее 1000 пудов очищенной меди для плавильной печи).

Таблица 10

Казенные (построены в 1734-1745 гг.) и партикулярные (1736-1745 гг.) горные заводы

Название и дата пуска	Владелец	Число домен	Число молотов	Число медеплавильных печей
Кушвинский (1735-1738) (Гороблагодатский)	Казна (временно Шёмберг)	4	–	2
Верхне-Туринский (1736)	–//–		8	
Верхне-Сусанский (1737)	Казна		–	
Северский (1735)	–//–		4	
Ново-Уткинский (1740)	–//–	1	–	
Сылвенский (1739)	–//–		–	
Висимский (1736)	–//–			6
Мотовилихинский (1737)	–//–			12
Юговский Нижний (1736)	–//–			–
Юговский Верхний (1740)	–//–			
Лайский Верхний (1742)	А.Н.Демидов		–	
Висимо-Шайтанский (1741)	–//–		–	
Рождественский Нижний (1740)	–//–		–	
Ашапский (1744)	–//–			–
Шаквинский (1740)	–//–			–
Сергинский Верхний (1742)	Н.Демидов		–	
Сергинский Нижний (1744)	–//–	1	–	
Курашимский (1742)	П.И.Осокин			–
Бизярский (1740)	–//–			–

Источник: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.338 и сл.

Таблицы 7-10 взаимно дополняют друг друга.

Глава IV ВЕЛИКИЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОДЪЕМ НА УРАЛЕ (1745-1762 гг.)

1. Экономическое развитие Среднего Урала

1745-1762 гг. – это период расцвета уральской промышленности¹. Росла численность заводов на Среднем Урале, расширялся старый промышленный сектор, и, главное, началась индустриализация южноуральского региона. За эти 27 лет количество уральских заводов увеличилось с 50 до 100, во многом удалось решить проблему набора квалифицированных работников, а постройка Оренбурга и укрепленной линии вдоль Яика ликвидировала угрозу башкирских восстаний. Таким образом, 1740-е гг. стали поворотным этапом в истории уральской промышленности, а 1762 г. ознаменовал не только смену царствования, но и положил начало периоду стагнации металлургии на Урале. Именно в 1745-1762 гг. окончательно сформировался самобытный облик промышленного Урала.

Демидовы уже не были единственными частными заводчиками в регионе. По их стопам пошли Строгановы, ранее не игравшие заметной роли в индустрии. От них не отставали и купцы (хотя Демидовы тоже были из их среды), новое поколение которых пришло на Южный Урал в конце 1750-х гг.

В рассматриваемый период казенная промышленность, отданная на откуп все сильным фаворитам, потерпела крах. Причиной его были не успехи партикулярных лиц, а правительственная политика предоставления льгот землевладельцам и отказ государства от промышленной деятельности на Урале. Экономическая мощь династий частных заводчиков стала стремительно расти.

Запад Урала развивался тогда особенно стремительно, но не путем создания новых заводов, а через распространение их деятельности на север и юг и разделении предприятий на 2 группы.

Рядом с Сусанским Нижним Демидовыми был построен Сусанский Верхний завод (1755-1756); на обоих предприятиях имелись мощные молоты, но не было домен. Салдинский завод (1760) ковал нижнетагильский чугун с помощью 8 молотов².

Заводы проникали на север и юг. Купец и владелец винокурен И. Походяшин осваивал дремучие леса от верховьев Ляли до истока Сосьвы, выше старой дороги Соль Камская – Верхотурье. В 1758 г. он основал Петропавловский медеплавильный и железоделательный завод – самое северное уральское предприятие (на нем сначала имелась 1 домна, а после 1760 г. добавилось 17 медеплавильных печей). Через 2 года Походяшин вместе со своим тульским компаньоном В. Ливенцевым построил вблизи разрушенного Лялинского завода медеплавильный Николае-Павдинский завод с 2 домнами и 3 молотами. Их строительство шло медленно из-за их удаленности и отсутствия людей, поскольку приписных крестьян нужно было везти с Чердыни за 200 верст. Но эти были перспективными: в Западной Сибири росло население и, соответственно, ширился потребительский рынок. По рекам продукцию указанных заводов можно было отправлять на восток, а не в Центральную Россию.

Три завода появились на Южном Урале: Каслинский (1749) тульского купца Я.Р. Коробкова, и 2 Кыштымских – Верхний (1757) и Нижний (1757), построенные Никитой Никитичем Демидовым. Кыштымские заводы образовывали небольшую про-

¹ Этот подъем, безусловно, был вызван развитием внутреннего российского рынка, но главная причина его состояла в порожденном европейскими войнами дефиците железа. Строительство заводов на Южном Урале в 1745-1754 гг. было вызвано увеличением денежного обращения и спроса на медь в самой России (отныне она почти не экспортировалась). Но в 1754-1762 гг. процветание железоделательной отрасли зависело от государственных заказов и английских закупок.

² Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.357.

мышленную агломерацию: на Верхнем имелись 2 домны, а чугун перерабатывался в железо на обоих предприятиях³. Возникновение новых заводов стало возможным в результате усмирения края, а вовсе не в силу его близости к Средней Азии, торговля с которой тогда только-только начиналась⁴. Продукция Кыштымских заводов отправлялась на запад через Уфу, причем осуществлялось это в 2 этапа: с истоков рек баржи шли полупустые, и лишь в устьях их загружали полностью.

Наконец, к гороблагодатским предприятиям добавились 2 крупных завода – Баранчинский Нижний (1749) с 2 домнами, и Серебрянский (1755), 12 кричных молотов которого перерабатывали чугун с Кушвинского завода.

* * *

На западе региона промышленность развивалась быстрее, поскольку магнитные горы располагались на крайнем востоке Урала, где имелись лишь доменные заводы. Передельные предприятия строились поближе к рекам, чтобы перерабатывать чугун, получаемый восточнее. В середине XVIII в. на Среднем Урале уже существовали дороги с почтовыми станциями, а на Чусовой, сохранявшей значение главной транспортной артерии региона, увеличилось число пристаней. Здесь жили много людей⁵ и было гораздо спокойнее⁶.

К доменному Шайтанскому Нижнему заводу Никиты Никитича Демидова добавился Шайтанский Верхний (1760), которому первый поставлял чугун⁷. Но особенно следует сказать о Кузье-Александровском (1752) и Кыновском (1761) доменных заводах Строгановых. До сих пор у этих могущественных солепромышленников был лишь Билимбаевский завод (1734). Строгановы занялись металлургией только в 1750-е гг.; впервые крупный помещичий капитал (дворяне Демидовы были выходцами из ремесленно-торгового сословия) пошел в индустрию. Отныне доходы от металлургии стали для Строгановых основными.

В бассейне Сыльвы появились медеплавильные предприятия, работавшие на местном сырье: Уинский завод (1749) купца Т.И.Шавкунова и Аннинский (Бабкинский) (1760) графа И.Г.Чернышева, перерабатывавший сырье, скопившееся на складах Верхне- и Нижне-Юговского заводов⁸.

Но, несомненно, расцвет как медной, так и железной металлургии ярче всего проявился в Прикамье благодаря Строгановым. Здесь возникли: Пожевской железнорудный и медеплавильный завод (1754), оснащенный 1 домной и 6 молотами, аналогичный ему Домрянский (Добрянский) (1752) с 7 медеплавильными печами и 6 молотами, на которых ковали чугун с предыдущего завода, Хохловский (1757) с 6 плавильными печами и 9 молотами, Очерский (1761), обрабатывавший чугун с Билимбаевского завода (удаленного от него более чем на 300 верст; сырье транспортировалось по Чусовой – Каме), и, наконец, медеплавильный Юго-Камский заводы (1746).

³ Там же. С.360.

⁴ Сообщение, установившееся тогда, проходило гораздо юго-западнее, через Оренбург.

⁵ По данным третьей ревизии, в Пермской провинции (также, как и на обширной территории Тобольской) насчитывалось 130000 приписных душ.

⁶ Эта безопасность, конечно, была чисто условной, поскольку восстание Пугачева дошло до пермских границ. В конечном счете, самое упорное сопротивление Пугачеву было оказано на востоке Среднего Урала, в то время как его войска смогли вклиниться на севере за Кунгур. Но если это явление можно объяснить социальными причинами, в то время едва заметными, то само географическое размещение предприятий могло породить иллюзию стабильности: заводы бассейна Чусовая – Сыльва – Кама находились в глубине региона, а заводы восточных отрогов располагались на его границе.

⁷ При разделе заводов Акинфия Демидова в 1745 г. южные заводы (Ревдинские) перешли к Григорию, центральные (Невьянские) к Прокофию, северные (Нижне-Тагильские) к Никите (см. гл. III настоящей книги). Не путать Шайтанские (Верхне- и Нижне-) заводы Никиты, и Шайтанский Прокофия, расположенный в низовьях Чусовой.

⁸ Они были тогда уступлены Чернышевым государству.

Небольшой Шермяитский (Ольгинский № 2) медеплавильный завод (1761) А.И.Глебова имел 6 печей.

Петр Шувалов к своим Гороблагодатским заводам добавил еще Воткинский (1759) и Ижевский (1763) заводы, на каждом из которых имелось по 12 молотов, что сделало их лидерами уральской металлургии⁹.

* * *

Промышленность распространялась и на юг. Однако не надо путать заводское строительство на южной окраине Среднего Урала по соседству с башкирскими землями с индустриализацией собственно южноуральского региона. В верховьях Уфы и ее притоках Серги, Бисерти, а также в Исетской провинции было неспокойно, поэтому до 1755 г. здесь имелся лишь Нязе-Петровский (1749) завод купца Петра Осокина. В 1760 г. он построил южнее Красноуфимска Саранинский Нижний завод, который перерабатывал чугун Сергинского завода, Г.А.Демидов – Бисертский (1761), получавший сырье с Ревдинского завода, а купец Иван Масалов – Верхне-Уфалейский доменный (1761). Никита Никитич Демидов начал в 1760 г. строительство Азяш-Уфимского завода, куда должен был поступать чугун с Кыштыма или Касли, но его возведение затянулось из-за восстаний приписных крестьян и в 1762 г. это предприятие еще не действовало¹⁰.

К 1762 г. на Среднем Урале имелось уже примерно 75 заводов, что сделало его промышленнообразующим регионом: как правило, крупный чугунолитейный завод объединял вокруг себя группы мелких предприятий.

Вначале металлургические заводы располагались вблизи домен. Так, Верхне-Исетский и Верхне-Уктусский при Геннине располагались рядом с Екатеринбургом. Чугун поставлялся им с Уктусского завода, что в 7 км от Екатеринбурга¹¹.

До 1745 г. на Урале лидировали заводы Акинфия Демидова. Чугун производился на Невьянском, Верхне- и Нижне-Тагильском заводах. Кроме того, чугун получали еще на 8 заводах: Шуралинском, Бунговском, Выйском, Синячихинском, Уткинском. При Геннине там насчитывалось в совокупности 30 молотов; на Бынговском заводе было 15, а на обоих Лайских и Черноточинским заводе¹² к 1745 г. – примерно 12 молотов. Все эти заводы располагались на территории диаметром 80 верст.

После раздела в 1745 г. состояния Акинфия к Прокофию Демидову отошли чугунолитейный Невьянский, Бынговские (7 верст от Невьянска) и Шуралинский (5 верст) заводы. Он также приобрел Шайтанский завод (70/90 верст от Невьянска – в зависимости от летней/зимней дороги), что свидетельствует о связи всех этих предприятий с Чусовой¹³. С пристаней Шайтанского завода на Шайтанке, небольшом притоке Чусовой, железо вывозилось в Европейскую Россию; будучи и складом, и переделным заводом, он составлял с невянскими предприятиями единый комплекс.

Со временем промышленные агломерации, начиная с доменных печей, построенных вблизи железных рудников (Высокая, Благодать), стали продвигаться на запад, где промышленному подъему способствовало плотная заселенность этой зоны и ее близость к бассейну Чусовой – Камы. Слабая водоносность мелких речек восточного Урала не позволяла здешним крупным предприятиям иметь домны и молоты. Послед-

⁹ Они составляли западную границу промышленного Среднего Урала.

¹⁰ <См.: Свистунов В.М. Краткая история Азяш-Уфимского завода (1759-1775) // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000>.

¹¹ Верхне-Уктусский завод закрылся в 1754 г. В середине XVIII в. экономика екатеринбургского региона вновь стала испытывать подъем благодаря началу разработке здесь золотых приисков.

¹² Шайтанский и Ревдинский заводы, расположенные гораздо южнее, не были связаны с ними.

¹³ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.300. Этот Шайтанский Нижний завод расположен в среднем течении Чусовой; не путать с Шайтанским Верхним!

ние приходилось строить на небольших речушках¹⁴. Эти заводы строились не по меридианам, а по параллелям.

Самым ярким примером такого рода предприятий являются Гороблагодатские заводы. Я уже говорил, что к Кушвинскому и Туринскому заводам (на первом было 4 домны, на втором – 2, затем добавилось еще 3¹⁵) прибавились сначала Баранчинский, а затем и Серебрянский заводы с 12 молотами. Последний, находившийся в 50-60 верстах на юго-запад от Благодати, был не только передельным, тесно связанным с Серебрянским, но и перевалочным пунктом, поскольку гороблагодатский чугун, сплавлявшийся по р. Серебрянке на Ижевский и Воткинский заводы, расположенные в 300 верстах (расстояние по течению реки) западнее, грузился на Ослянской пристани недалеко от завода¹⁶. Именно здесь стояли наиболее мощные уральские заводы, в совокупности имевшие 8-9 домен и более 40 молотов¹⁷. Связи между заводами, очень удаленными друг от друга (на 400-500 верст с востока на запад – как расстояние от Парижа до Страсбурга), изменили весь Урал.

В медной металлургии таких комплексов не было: весь процесс за редким исключением¹⁸, осуществлялся в одном месте. Связь между медеплавильными предприятиями в отличие от их железных собратьев была не органической, а чисто торговой, когда продукция речным или сухопутным путем доставлялась к потребителю.

¹⁴ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.357.

¹⁵ Паллас П.С. Указ. соч. С.262, 272.

¹⁶ Там же. С.263.

¹⁷ Следовательно, они производили более 500000 пудов (8000 т) чугуна и более 300000 пудов (4800 т) железа.

¹⁸ «Черная» медь Полевского завода очищалась в Екатеринбурге: *Gmelin G. Voyages en Sibérie. Paris, 1767. Vol.I. P.46.* Чеканка денег осуществлялась исключительно на Монетном дворе в Екатеринбурге.

Турчанинова¹⁹. В 1760 г. у казны оставались только Екатеринбургские и Каменский заводы.

Таблица 11
Казенные горные заводы Урала (1699-1760 гг.)

№ п/п	Название завода	Дата основания	Владелец	Дата продажи партикулярным людям
1.	Невьянский	1699	Н.А.Демидов	1702
2.	Каменский Нижний	1701	Казна	
3.	Алапаевский Нижний	1703	А.Г.Гурьев, затем С.Я.Яковлев	1758
4.	Пыскорский	1723	М.И.Воронцов	1758
5.	Ягошихинский (Егошихинский)	1724	М.И.Воронцов	1758
6.	Екатеринбургский	1724	Казна	
7.	Синячихинский Нижний	1724	А.Г.Гурьев	1758
8.	Полевской	1724	А.Ф.Турчанинов	1755
9.	Верх-Исетский	1726	Р.И.Воронцов	1758
10.	Верхне-Уктусский	1726	Ликвидирован в 1754	
11.	Сысертский	1731	А.Ф.Турчанинов	1758
12.	Висимский	1736	М.И.Воронцов	1758
13.	Юговский Нижний	1735	И.Г.Чернышев	1757
14.	Кушвинский	1738	П.И.Шувалов	1754-1755
15.	Туринский	1735-1738	П.И.Шувалов	1754-1755
16.	Сусанский Нижний	1737	А.Г.Гурьев	1758
17.	Мотовилихинский	1736-1738	М.И.Воронцов	1758
18.	Северский	1735	А.Ф.Турчанинов	1755
19.	Сылвенский	1739	С.П.Ягужинский	1759
20.	Уткинский	1740	С.П.Ягужинский	1759
21.	Юговский Верхний	1740	И.Г.Чернышев	1757
22.	Баранчинский	1749	П.И.Шувалов	1754-1755
23.	Сусанский Верхний	1756	А.Г.Гурьев	1758
24.	Серебрянский	1755	П.И.Шувалов	1754-1755

Как свидетельствует Таблица 11, при продаже предприятий частным лицам промышленные комплексы сохранялись. Но казенные заводы управлялись хуже партикулярных, нерационально использовали сырье и человеческий труд; однако так было не только на Урале. Приватизация казенных заводов прошла очень быстро (в течение 1755-1760 гг.), потому что поощрялась государством, поддерживавшим разорявшееся дворянство.

«Дворянин, проматывающий свои земли, по уши погрязший в долгах, – типичнейший герой публицистических и художественных произведений XVIII в.»²⁰. А.Болотов писал: «Роскошь и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведут то, что большая часть наших сел и деревень принадлежать будут фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям, и не мы, а они господами и владельцами будут»²¹. Дворянство, опасаясь разорения, создало банки. Неспроста Дворянский заемный (1754 г.) и особенно Медный (1758 г.) банк, а также банк Артиллерийского и инженерного корпусов были созданы в период ликвидации казенных заводов. Характерно, что первые льготы получил Турчанинов; фавориты добились их лишь

¹⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.26. См. Таблицу 11.

²⁰ Боровой С. К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 5. С.72.

²¹ Там же.

в 1757-1758 гг. Создание банков и продажа казенных заводов дворянам стали еще одной приметой эпохи.

Правительство кредитовало дворян и предоставляло им льготы. Тем не менее, это было на руку лишь узкому кругу фаворитов Анны Иоанновны, главным образом Петру Шувалову. Последний руководил экономической политикой правительства в 1750-е гг., стоял у истоков создания Дворянского заемного банка и сам являлся его главным клиентом. Таким образом, первые русские банки, концентрируя капитал из различных источников²², помогали не обедневшим дворянам, а высокопоставленным вельможам. Позже такая практика была резко осуждена. Екатерина II писала по этому поводу в своем дневнике: «Щедрость Сената тогда до того доходила, что Медного банка трехмиллионный капитал почти весь роздал заводчикам²³, кои, умножая заводских крестьян работы, платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая из казны взятые деньги в столицах»²⁴. По словам Екатерины, деньги, полученные фаворитами Анны Иоанновны, пропали зря.

Однако тщательный анализ имеющихся фактов показывает, что это было не совсем так. Во-первых, казенные заводы продавались по столь низким ценам и на таких условиях, что в большинстве случаев это напоминало не продажу, а дарение. Новый владелец Алапаевского завода А.Гурьев был на 7 лет освобожден от уплаты налогов²⁵. Благодатские заводы были проданы Петру Шувалову за 90000 руб. (для сравнения – Прокофий Демидов в 1767 г. продал свои заводы, уступавшие по производительности Гороблагодатским в 4-5 раз, за 800000 руб.)²⁶. Наконец, следует помнить, что казенные заводы обладали огромными преимуществами в приписке рабочей силе. Были ли связаны между собой продажа предприятий за бесценок и выдача Петру Шувалову банковских ссуд?

Банковские ссуды могли, пусть частично, обеспечить нормальное функционирование и развитие приобретенных партикулярными людьми заводов. Замечу, что Медный банк был создан в 1758 г., т.е. накануне возведения Воткинского (1759 г.) и Ижевского (1763 г.) заводов. Таким образом, если признать, что банковский капитал в какой-то мере все же содействовал развитию заводского дела (что, разумеется, требует дополнительных исследований), нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что все получатели щедрых даров от императрицы были лишь «временщиками» в промышленности²⁷. К моменту приобретения Гороблагодатских заводов Петр Шувалов уже владел обширными охотничьими и рыбными угодьями на Каспийском и Белом морях, и напоминал крупного капиталиста. Сенат полагал, что и своим заводам Шувалов обеспечит такое же процветание.

Почти полный уход государства из промышленной сферы на Среднем Урале привел лишь к изменению формы собственности предприятий. Правительство определило свою позицию в данном вопросе, все земли были уже заняты, а наиболее крупные месторождения железной руды активно осваивались. Вновь построенные медеплавильные заводы использовали мелкие местные рудники, а передельные предприятия обходились уже имевшимися домнами. В этот период частные заводы начинают постепенно проникать на Южный Урал.

²² Банки Артиллерийского и инженерного корпусов существовали на средства, вырученные от переплавки старых медных пушек: Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11307.

²³ Здесь подразумеваются, видимо, заводоладельцы, имевшие государственные льготы – Шувалов, Воронцов. Некоторые из них при новой власти попали в немилость.

²⁴ Цит. по: *Боровой С.* Указ. соч. С.70.

²⁵ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. Июль. Заводские долги выплатил новый хозяин предприятия Савва Яковлевич Собакин.

²⁶ *Лященко П.И.* Указ. соч. С.417.

²⁷ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.25.

2. Индустриализация Южного Урала (1745-1762 гг.)

В 1745-1762 гг. медеплавильная, а затем и железоделательная металлургия стремительно осваивала Южный Урал. Уральская промышленность в 1745 г. доходила до горных склонов, отделяющих район Чусовой – Сылвы от бассейна реки Уфы, за которыми лежала Башкирия, нестабильная ситуация в которой надолго задержала строительство там заводов.

Тем не менее, Южный Урал по сравнению с дремучими лесными массивами среднеуральской полосы был более открытым и, следовательно, более живописным. Башкирия вызывала у людей искреннее восхищение. С.Т.Аксаков (1791-1859) в своей «Семейной хронике» (начало XIX в.) писал, что Башкирия – «чудесный край, благоденственный». «Светлы и прозрачны, как глубокие, огромные чаши, стоят озера твои... Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки... Чудесной растительностью блистают твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля, то белеющие весной молочным цветом вишенника, клубничника и дикого персика, то покрытые летом, как красным сукном, ягодами ароматной полевой клубники и мелко вишнею, зреющею позднее и темнеющею к осени. Обильною жатвой награждается ленивый и невежественный труд пахаря, кое-как и кое-где всковырявшего жалкою сохою или неуклюжим сабаном твою плодоносную почву! Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные серные леса, и рои диких пчел шумно населяют нерукотворные борти твои, заноса их душистым липовым медом. И уфимская куница, более всех уважаемая, не перевелась еще в лесистых верховьях рек Уфы и Белой!»²⁸. Вот почему Южный Урал привлекал переселенцев из России, к которым башкиры, населявшие эту обширную территорию, первое время относились равнодушно.

Колонизация края шла в основном с севера и в первой четверти XVIII в. ее осуществляли уральские крестьяне, бежавшие от заводских работ. Позднее правительство ограничило заселение региона, требуя от башкир выдачи беглых: иметь работников вокруг заводов было важнее колонизации края. Власти раздавали башкирские земли царским фаворитам и местным чиновникам, переводившим сюда своих крепостных из Центральной России и с Поволжья. После подавления башкирских восстаний, особенно движения 1735-1740 гг., русским дворянам были переданы огромные территории коренного населения. Но даже в 1742 г. в оренбургском крае насчитывалось всего лишь 82000 русских, плативших подушную подать.

Постоянная угроза со стороны башкир ограничивала приток сюда русского населения (однако, отсюда вовсе не следует, что русские и башкиры постоянно враждовали друг с другом). Южный Урал, это своеобразное Эльдorado и край свободы, мог стать для русских братской могилой в случае обострения их отношений с башкирами. Тем не менее, с начала XVIII в. интерес России к Башкирии постоянно возрастал. В первую очередь это было вызвано политическими причинами: край был дверью в Среднюю Азию, куда манило Петра Великого, а башкиры составляли авангард мусульман на Волге и Урале. Вот почему еще при жизни Петра возникла мысль отделить башкир от их южных единоверцев – казахов – и окружить Башкирию укрепленной линией вдоль Яика, разрубив, таким образом, надвое этот постоянно угрожавший России бастион ислама²⁹. Строительство крепостей внутри Башкирии и возведение Яицкой линии обозначили вехи подлинной интеграции региона в состав России, завершившейся в 1739 г. С тех пор в защищенную «засечными линиями» Башкирию потянулись переселенцы и началось ее промышленное освоение.

²⁸ Аксаков С.Т. Семейная хроника <// Собрание сочинений. М., 1986. Т.I. С.42-43>.

²⁹ Подробнее см.: Порталь Р. Башкиры и Россия в XVIII в. <Наст. изд.>.

Вскоре Россия стала проявлять и экономический интерес к Башкирии. Поиски железа и, особенно, меди привели в XVII в. рудознатцев на берега Белой, где еще сохранялись остатки древних и давно заброшенных «чудских» рудников³⁰. Начальнику Оренбургской экспедиции Кирилову было поручено построить в 1735 г. город, найти в крае руду и основать горные заводы³¹. Первый Оренбург возводили в условиях башкирского восстания; Башкирия в 1735-1740 гг. практически непрерывно бунтовала. Однако Кирилов, строго следуя данным ему инструкциям, начал строить на р. Белой (севернее Стерлитамака, рядом с будущим Богоявленским заводом) Воскресенский медеплавильный завод, который должен был выдавать ежегодно 5000 пудов (80 т) продукции³², но из-за восстания все работы на нем были остановлены, а сам Кирилов вскоре умер (14 апреля 1737 г.).

Спустя 10 лет попытки горнозаводского строительства здесь возобновились. Правда, Сергинские Верхний и Нижний заводы пустили соответственно в 1742 и 1744 гг., но они были расположены на р. Серге (правый приток Уфы) и скорее находились на южной окраине Среднего Урала, чем на собственно Южном Урале. Поэтому позднее они оказались подчинены не Оренбургскому горному начальству в Уфе (создано в 1754 г.), а Канцелярии Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов в Екатеринбурге.

Подлинная индустриализация Южного Урала началась в 1745 г. К этому времени обстановка там несколько стабилизировалась, а восстание башкир было подавлено. 14 марта 1744 г. была создана Оренбургская губерния, в которую вошли Оренбург, Яицкая и Сакмарская укрепленные линии, Бирск, Мензелинск, Самара, Уфа, Табынск, Оса, Красноуфимск и Челябинск. Столицей ее стал Оренбург, а первым губернатором – И.И.Неплюев³³. Отныне Башкирия являлась административной частью Российской империи.

К новой ситуации проявили интерес русские купцы. Постройка южноуральской засечной черты обеспечила относительную безопасность региона и позволяла торговать со Средней Азией. В 1740-е гг. сюда приезжали купцы со Среднего Поволжья, в частности, из Симбирска, и даже из Тулы. Замечу, что купцы приняли участие и в индустриализации Южного Урала.

Позже Башкирия была отдана на откуп партикулярным людям. Казенная промышленность там отсутствовала. После жестокого подавления башкирского восстания 1735-1740 гг. ситуация в регионе вызывала у Неплюева озабоченность. В своих первых донесениях в столицу он писал о злоупотреблениях воевод, недовольстве башкир, упадке торговли и значительных разрушениях, вызванных народной войной³⁴. Даже учитывая то, что царедворец Неплюев, считавший себя спасителем края, где-то и сгустил краски, нарисованная им картина скорее всего была близка к истине. Неплюев быстро разработал план восстановления экономики края путем строительства здесь заводов.

Чтобы не допустить массовый захват башкирских земель заводчиками в качестве мести за бунт, Неплюев предлагал строить казенные заводы только в усмирённых районах и строго контролировать продажу башкирами своих земель. При этом он руко-

³⁰ На Южном Урале и на восток до Алтая, вдоль степи, были найдены тумулы (курганы), и остатки рудников, приписываемые «чуди», предшественникам башкир. Чудь не умела обрабатывать железо. После прихода на Урал башкир чудь исчезла и в крае наступил регресс, в XIII-XVIII вв. большинство прежних месторождений было заброшено. Однако башкиры занимались кустарной обработкой железа и меди, вполне удовлетворявшей их нужды (см.: Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.396-398; Флоринский В. Указ. соч. С.722 и сл.).

³¹ Витевский В.Н. Указ. соч. С.644.

³² Там же. С.391-392.

³³ Алекторов А. Указ. соч. С.35.

³⁴ Витевский В.Н. Указ. соч. С.180.

водствовался, конечно, не интересами башкир, а чисто экономическими соображениями: не дав первым заводчикам захватить все башкирские земли, Неплюев хотел сохранить их для следующего поколения заводовладельцев³⁵. Новая промышленная политика правительства характеризовалась отказом от выдачи заводчикам огромных льгот, как это было у их собратьев на Среднем Урале.

Неплюева поддержал Сенат³⁶ и с 1745 г. строительством в Башкирии заводов, преимущественно медеплавильных, занимались лишь частники. Тем не менее, в 1753 г. Берг-коллегия попыталась создать на Южном Урале казенную промышленность, для чего поручила екатеринбургской Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов послать в Башкирию лиц для изучения на месте этого вопроса. Но Неплюев посчитал, что иметь партикулярную промышленность здесь выгоднее, а создание казенной может вызвать в регионе волнения. В итоге сенатским указом от 13 октября 1753 г. строительство казенных заводов в Оренбургской губернии было запрещено³⁷. При этом руководствовались не столько принципами Берг-регламента 1739 г., сколько мнением некоторых влиятельных фаворитов, в частности, Шуваловых, которые стремились к неограниченной эксплуатации природных богатств Южного Урала. Вот каким стало горнозаводское строительство после смерти Петра Великого. Изначально государство являлось инициатором промышленного развития и покровителем (впрочем, не имевшим ясной идеи) всей экономики. Представления соратников Петра, исходивших из соображений общественного блага и веры в то, что государство должно участвовать в промышленности, иначе уральская индустрия придет в упадок, пережили царя. В попытках Берг-коллегии в 1753 г. создать в Башкирии казенную промышленность просматриваются отголоски идей начала XVIII в.

Таким образом, после 1745 г. в Башкирию потянулись заводчики. В 1745-1753 гг. ее промышленным освоением занимались купцы, особенно Твердышев и его компаньон Мясников, что хорошо видно из Таблицы 12.

Таблица 12
Горные заводы Южного Урала (1745-1759 гг.)

Дата пуска	Название	Специализация	Владелец
1745	Воскресенский	медеплавильный	И.Б.Твердышев и И.С.Мясников, симбирские купцы
1749	Каслинский	железоделательный	Я.Коробков, тульский купец
1747	Нязе-Петровский	железоделательный	П.Осокин, фабрикант и соляной купец
1750	Преображенский	железоделательный	И.Б.Твердышев и И.С.Мясников
1758	Богоявленский	медеплавильный	И.Б.Твердышев и И.С.Мясников
1751	Кано-Никольский	медеплавильный	И.А.Масалов (Мосолов), тульский заводчик
1757	Благовещенский	медеплавильный	М.С.Мясников, симбирский купец
1761	Златоустовский	железоделательный	И. и В.Масаловы
1752	Архангельский	медеплавильный	И.Б.Твердышев и И.С.Мясников
1754	Архангельский (Шаранский)	медеплавильный	Г., И. и П.Красильниковы, тульские купцы

³⁵ Там же. С.649.

³⁶ По указу от 20 августа 1739 г. заводовладельцам разрешалось либо покупать у башкир землю, либо временно арендовать ее. Но заводчики скупали башкирские земли почти даром, а башкиры все равно были бесправны. При строительстве Авзяно-Петровского и Кагинского заводов 180000 десятин лесов было взято в вечную аренду с ежегодной выплатой башкирам 20 руб., Преображенский завод платил на тех же условиях 100 руб. за 10000 десятин леса, Белорецкий купил 300000 десятин леса за 300 руб. Еще в начале XIX в. башкиры продавали десятки тысяч десятин земли за несколько фунтов чая или несколько ведер (1 ведро=12 л) водки (Флоринский В. Указ. соч. С.750).

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.XIV. № 10244.

1759	Верхоторский	медеплавильный	И.Б.Твердышев и И.С.Мясников
------	--------------	----------------	------------------------------

Из этих 11 предприятий только 3 являлись железоделательными и располагались на северо-восточной окраине региона. Все остальные заводы были медеплавильными, работавшими на сырье с Каргалинских рудников, находившихся в самом центре Башкирии. Родоначальником заводского строительства здесь был симбирский купец И.Б.Твердышев (о его компаньоне и одновременно зяте известно мало). Иван Борисович Твердышев, энергичный предприниматель, кристально честный, что было чрезвычайной редкостью в то время³⁸, занимался заготовкой провианта, и Неплюев, познакомившись с ним вскоре после своего приезда в край, поручил ему поставлять продовольствие в Оренбург. Постоянно разъезжая по губернии, этот предприимчивый человек вскоре понял, какие выгоды сулит промышленность, и предложил губернатору построить заброшенный в 1736 г. Табынский завод на новом месте.

Но у Твердышева были и конкуренты: Акинфий Демидов в 1742 г. направил Неплюеву аналогичный запрос, затем то же самое сделали богатый солепромышленник Петр Осокин и ряд других лиц. Берг-коллегия, вняв рекомендации Неплюева, остановилась на кандидатуре И.Б.Твердышева, и 14 апреля 1744 г. был издан соответствующий сенатский указ³⁹. Условия строительства Твердышевым завода были вполне выгодными для местной власти. Кроме того, он обязан был возместить стоимость строительства Табынского завода (565 руб. 79 коп.)⁴⁰. Правда, взамен ему передали столько лесных площадей, что новый завод был обеспечен древесиной на 50 лет. Кроме того, апеллируя к указу 1734 г. он добился приписки к предприятию 50 дворов (1 двор состоял примерно из 4 душ). Деятельный Твердышев пустил Воскресенский завод уже 1746 г.

И.Б.Твердышев – это разбогатевший мелкий буржуа. Вероятно, это был хваткий человек, стоявший в одном ряду с такими первопроходцами, как первые Демидовы, Геннин и Татищев. Но в Башкирии все еще было неспокойно, а в 1755 г. она восстала. Дефицит рабочей силы усугублялся здесь политической напряженностью, что отпугивало и без того робких предпринимателей. Тем не менее, указ от 14 апреля 1744 г. не давал особых привилегий Твердышеву. Напротив, он позволял Демидову, Осокину и всем другим «медные и железные руды и минералы сыскивать в протчих той Уфимской провинции»⁴¹.

Но указ, отдавший бассейн Белой партикулярным людям, не сразу стал претворяться в жизнь. Только несколько купцов и предпринимателей, уже закрепившиеся в Башкирии, такие как Петр Осокин и Масаловы, рискнули построить здесь новые горные заводы. Твердышев, вскоре ставший лидером металлургии Южного Урала, был исключением из правил. Причина его успеха кроется не только в его энергии, но и в доверии, которое он завоевал у башкир. Последние считали его человеком честным. Вот почему они сотрудничали с ним, в чем, впрочем, и сами были заинтересованы. Заложить это сотрудничество попытался за 10 лет до этого Кирилов: вспомним рудознатцев, участие башкир в перевозке грузов, в результате чего «дикой и легкомысленной» башкирский народ⁴² стал вместе с Твердышевым промышленно осваивать свой край. Вероятно, у первых заводчиков Башкирии не было таких проблем с набором приписной рабочей силы, как на Среднем Урале – потерпев поражение в восстаниях, башкиры шли работать на заводы не только принудительно, но и по вольному найму, получая при

³⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. С.646.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.ХII. № 8921.

⁴⁰ В 1744 г., борясь с группой казанских купцов за право поставки продовольствия Оренбургской комиссии (речь шла, вероятно, о поставке для всего города, учитывая огромную сумму), он одержал победу, снизив свои цены на 21000 руб.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.ХII. № 8921.

⁴² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.395.

этом пусть мизерную, но плату, что привлекало на предприятия население, которое до этого практически знало только натуральный обмен.

* * *

Инициативы Твердышева заинтересовали других предпринимателей. После 1753 г. в Башкирию пришла вторая волна заводчиков, среди которых были и дворяне. В то время промышленное развитие Башкирии зависело от петербургской политики. Возвышение при дворе Шуваловых и Воронцовых привело к триумфу экономического либерализма – государство, отказавшись от участия в промышленном развитии, стало лоббировать в этой сфере интересы дворянства, распродавая казенные заводы по всей России. Упомянутые фавориты, которые приобрели бывшие казенные предприятия Среднего Урала, получили разрешение строить новые заводы и на Южном Урале. В 1754 г. граф А.И.Шувалов построил Покровский медеплавильный завод, а его брат, П.И.Шувалов, – 2 Авзяно-Петровских завода; обер-прокурор Сената генерал А.И.Глебов также получил разрешение на строительство нескольких заводов; граф К. фон Сиверс ввел в эксплуатацию Вознесенский завод. Некоторые из этих предприятий просуществовали недолго, другие вообще остались на бумаге. Но теперь к первому потоку предпринимателей-купцов добавился второй, дворянский.

Однако льготы, предоставленные помещикам, больше основывались на их желании получить крупную прибыль. Привилегии выдавались конкретному лицу, и в случае, если их обладатель впадал в немилость, заводы у него отбирались (как это, например, произошло в 1762 г. с Шуваловыми). Напротив, первый, купеческий, поток заводчиков усиливался. И.Б.Твердышев и И.С.Мясников, проявившие интерес к железу, построили в 1757-1758 гг. заводы, имевшие большое будущее – Катав-Ивановский и Юрюзанский, в 1759 г. – Симский, а в 1761-1762 гг. – Белорецкий⁴³.

И тем не менее, дворянство наступало купцам на пятки. Граф А.С.Строганов построил в 1758 г. Троицко-Саткинский, а в 1759 г. Артинский (Саралинский) железные заводы, расположенные достаточно близко к его уже существовавшим предприятиям. Никита Акинфиевич Демидов купил Каслинский (основан купцом Я.Коробковым в 1749 г.) и Нязе-Петровский (основатель – П.Осокин), а после 1760 г. выкупил у Шувалова Авзяно-Петровский завод. Тот факт, что завод, построенный купцом, приобрел Демидов, не означает, однако, что дворянские заводовладельцы Среднего Урала поглощали купеческие предприятия: например, Троицко-Саткинский завод был продан графом А.С.Строгановым тульскому купцу Лариону Лугинину. Таким образом, на примере индустриализации Башкирии можно сравнить дух предпринимательства у двух социальных категорий. Если во второй половине XVIII в. дворянство почти не принимало участия в промышленном развитии Среднего Урала, то на Южном Урале, еще не тронутом индустрией, оно могло развернуться во всю ширь. Однако промышленным развитием южноуральского региона, видимо, занимался все же торговый капитал. Купцы не вытесняли дворян, если не считать Демидовых, получивших дворянство недавно и лишь немного расширивших свои предприятия на юг (А.С.Строганов является исключением). Небольшой вклад дворянства в развитие южноуральской металлургии объясняется двумя взаимосвязанными причинами: географической удаленностью этих мест и отсутствием крупных вложений капитала в земли и крепостную рабочую силу. Исключение, которое составляли Строгановы, издавна поселившиеся на Урале (они, впрочем, достаточно поздно заявили о себе в промышленной сфере), лишь подтверждает этот вывод.

⁴³ Витевский В.Н. Указ. соч. С.650 и сл.

Всего в 1762 г. на Южном Урале, согласно П.И.Рычкову, насчитывалось 28 заводов (из них 15 медеплавильных)⁴⁴. Только Иван Твердышев и Иван Мясников имели 9 (5 медеплавильных и 4 железоделательных) заводов, а Благовещенский принадлежал М.С.Мясникову⁴⁵.

3. Промышленный Урал в 1762 г. и крупнейшие династии заводоладельцев

К 1762 г. сложились границы промышленного Урала, которые не совпадали с административными. 18 декабря 1708 г. Урал был разделен между Сибирской (той ее частью, которая включала Верхотурье, Пермь, Чердынь, Соль Камскую) и Казанской губернией (с Уфой и почти всей Башкирией)⁴⁶. В 1737 г. западную часть Сибирской губернии присоединили к Казанской⁴⁷ в качестве Пермской «провинции» со столицей сначала в Соли Камской, а затем в Перми⁴⁸. Одновременно зауральская Башкирия, также входившая в Сибирскую губернию, стала Исетской провинцией. Что касается собственно Башкирии, которая в 1728 г. перешла в подчинение непосредственно Сенату, то в 1730 г. ее вновь включили в состав Казанской губернии. В 1734-1744 гг. (на исходе политического и промышленного проникновения России на Южный Урал) Башкирия управлялась Оренбургской экспедицией, после чего вошла в состав новой Оренбургской губернии.

Таким образом, Сибирскую губернию отделили от региона, расположенного к западу от Урала, и даже от части Зауралья (Исетская провинция). Тем не менее, в ее составе остались восточные отроги Урала; позже была создана Екатеринбургская провинция, выделенная из Тобольской.

Изменение границ региона на юге и севере (например, перевод столицы Пермской провинции из Соли Камской южнее – в Кунгур) было больше связано с политическими, чем экономическими соображениями. Оренбургская губерния, в частности, должна была способствовать окончательному подчинению России местных народов.

Эти реформы способствовали сближению границ промышленной зоны с административными. В целом территория промышленного Урала совпадала с землями Пермской и Екатеринбургской провинций и Оренбургской губернии. Лишь незначительно (Воткинским и Ижевским заводами) она вторгалась в пределы Вятской губернии, а запад Оренбургской губернии (Самара) выходил за ее пределы.

Таким образом, имевшая вид прямоугольника промышленная зона протянулась на север, запад и юг. Ее восточные границы проходили теперь через челябинский, а западные – через мензелинский меридиан; два притока Камы, Иж и Ик, отделили от Ура-

⁴⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии, *passim*. Эти подсчеты весьма приблизительные. Например, Богословский завод расположен за пределами Урала (он находился в составе Оренбургской губернии, протянувшейся до Самары). Некоторые из предприятий существовали очень недолго. Наконец, отдельные учитывались то как 1, то как 2 завода – например, Авзяно-Петровские Нижний и Верхний.

⁴⁵ <См. также об индустриализации Южного Урала: Асфандияров А.З. Башкирские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период). Уфа, 1988; Вагина П.А. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50-60-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1954. Т.47; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX веков: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985-1993. Ч. 1-2; Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане: XVIII в. Уфа, 2000; Тарасов Ю.Н. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984>.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.IV. № 2218.

⁴⁷ Там же. Т.X. № 7347.

⁴⁸ Пермь получила свое нынешнее название лишь в 1781 г. (первоначально это был Егошихинский завод), став столицей новой губернии.

ла Прикамье, где действовало несколько мелких медеплавильных заводиков, продукция которых никуда не вывозилась⁴⁹. На севере и юге границы распространения промышленности проходили по Петропавловскому и Преображенскому заводам, на севере – по Верхней Сосьве, а на юге – через среднее течение Сакмары. Уральская промышленность занимала территорию 425000 кв. км, что составляет пол-Франции и состояла из около 100 заводов, особенно плотно сосредоточенных на Среднем Урале. На площади менее 90000 кв. км (250 км с севера на юг и 350 км с востока на запад), ограниченной с севера Койвой (приток Чусовой), с запада – Камой (ее участком к северу от Осы), с юга – рекой Ай (приток Уфы), а с востока – средним течением Нейвы, имелось свыше 60 заводов. Эта территория составляет 1/5 часть Франции, весь ее северо-восток, ограниченный Уазой, Сеной – Ионей, Рейном и Верхним Ду.

Нигде в России нет столь ярко выраженной промышленной зоны. Заводы, тем не менее, продолжали распространяться и за пределы Урала, поэтому постараемся выяснить, что же представлял собой этот регион в 1762 г. Уральские металлургические заводы (речь идет о железоделательном производстве, поскольку в выплавке меди регион являлся монополистом) составляли половину всех российских предприятий этого профиля, с той лишь разницей, что на Урале они были сконцентрированы на ограниченном пространстве. В европейской части России⁵⁰ к 1763 г. насчитывалось 54 металлургических завода, а на Урале их было 63, из них 12 являлись одновременно и медеплавильными, и железоделательными⁵¹. Но в целом производительность уральских заводов была выше любых российских. Два из них (Кушвинский и Нижне-Тагильский) в 1766-1767 гг. выплавляли более 300000 пудов чугуна, а в России его нигде не производилось свыше 200000 пудов в год. Половина заводов Европейской России выдавали ежегодно не более 10000 пудов чугуна, а на Урале не было ни одного завода с производительностью его меньше 15000 пудов⁵². Кроме того, большинство заводов России не использовали гидравлическую энергию, кое-где железо все еще получали прямым способом. Большинство заводов Европейской России сохраняли ремесленный характер.

Особо следует остановиться на назначении продукции уральской промышленности. В то время как большая часть заводов Европейской России работала на местный рынок, уральские предприятия обеспечивали своей продукцией всю страну. Большая часть ее поступала в Центральную Россию в виде полуфабриката, листового железа и проволоки. Наконец, уральское железо доминировало в российском экспорте этого продукта. К 1760 г. Россия экспортировала 15000-16000 т, а в 1767 г. – свыше 30000 т железа. Вся Россия производила 54000 т. железа, а Урал – около 30000 т⁵³. Следовательно, в то время на экспорт шло 2/3 уральского железа.

Именно поэтому уральская металлургия процветала. Кроме того, внутренний российский рынок был защищен от иностранных конкурентов, и если в таможенном тарифе 1731 г. им были даны некоторые привилегии, то тариф, принятый в 1757 г., восстановил нормы 1724 г. (а в некоторых случаях даже ужесточил их)⁵⁴. Однако росту уральской металлургии способствовал не таможенный барьер, а увеличение спроса на

⁴⁹ В 1762 г. их насчитывалось 9. Производительность, оцениваемая в 8000 пудов, не превышала производительности одного завода Твердышева на Южном Урале.

⁵⁰ В Сибири заводов практически не было, если не считать нескольких небольших предприятий, расположенных вдоль Енисея и работавших на очень небольшой рынок Восточной Сибири.

⁵¹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.432.

⁵² Там же. С.382.

⁵³ По Д.А.Кашинцеву (Указ. соч. С.56-58), в 1767 г. общее производство чугуна в России составляло 4865000 пудов (78000 тонн), железа – 3200000 пудов (51200 тонн). Данные Б.Б.Кафенгауза несколько иные: согласно ему, в 1767 г. было произведено 82000 т чугуна и 54000 т железа (Указ. соч. С.456). См. Таблицу 22.

⁵⁴ Кулишер И. История русской торговли до XIX века включительно. Пг., 1923. С.234.

железо за рубежом (особенно в Англии) к середине века. В самой же России потребность в нем была невелика. В 1750 г. вывоз железа за пределы России вновь вырос, и повлек за собой строительство новых заводов; нестабильность темпов их роста в 1750-1760 гг. была связана не столько с временным сокращением экспорта железа, сколько с обострением социальной напряженности на Урале.

Укажу на появление и других благоприятных для металлургии обстоятельств. Во-первых, 20 декабря 1753 г. были отменены все внутренние таможи, что облегчило торговлю металлом и увеличило прибыль от его продажи⁵⁵. Во-вторых, несмотря на медленный рост производства, увеличившийся внутренний спрос на металл привел к стабилизации его стоимости. Свободный рынок тогда еще отсутствовал. Концентрация заводов в руках нескольких лиц сохраняла стоимость железа на одном уровне и способствовала выгодному для заводчиков сочетанию цен на внешнем и на внутреннем рынках.

В России пуд сибирского брускового железа стоил в 1750-1760 гг. примерно 50 коп., за границей – 40 коп⁵⁶.

Экспорт способствовал развитию заводов и массового производства металла. Продажа готовой продукции внутри страны приносила прибыль. Вот почему даже тогда, когда экспорт железа несколько сократился⁵⁷, заводы продолжали строить. Другими словами, несмотря на медленный рост потребностей внутреннего рынка в железе, спрос на него за рубежом был велик.

Отсюда становится понятным вроде бы парадоксальный вывод К.А.Скальковского⁵⁸ о том, что 1731-1760 гг. были «одним из самых неблагоприятных периодов для металлургической промышленности». Этот автор считал, что с экономической точки зрения так называемая «монополия», которой обладали царские вельможи и заводчики, тормозила снижение цен и ограничивала внутренние закупки, а процветание уральской промышленности в значительной степени основывалось на экспорте, который лишь косвенно удовлетворял потребности страны.

Сбыт продукции сразу на двух рынках (внутреннем и внешнем) и низкая себестоимость железа привели к быстрому обогащению некоторых династий заводоладельцев.

3.1. Крупнейшие династии заводоладельцев

Несмотря на то, что заводы Урала занимали огромную территорию, ими владел узкий круг лиц. Развитие металлургии привело к появлению нескольких могущественных семей, апогей расцвета которых пришелся как раз на 1760-е гг.

После кончины в 1745 г. Акинфия Демидова его огромное состояние (см. Таблицу 13) было поделено (этот процесс затянулся на 12 лет, до 1757 гг.) на 3 части.

Таблица 13
Заводы Демидовых в 1762 г.

№ п/п	Наименование завода	Куплен или построен	Время покупки или пуска	Специализация
-------	---------------------	---------------------	-------------------------	---------------

⁵⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 10614 (указ вступил в силу в апреле 1754 г.).

⁵⁶ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.215. Здесь мы наблюдаем новую ситуацию, которая заслуживает особого внимания. В 1730-е гг. английские купцы предлагали покупать железо по ценам внутреннего рынка, от 60 до 65 коп. за пуд.

⁵⁷ По П.Г.Любомирову, это были 1755-1760 гг.: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.215.

⁵⁸ Скальковский К.А. Колебание цен на русское железо в XVIII и XIX ст. // Горный журнал. 1865. № 8.

1	Невьянск	Куплен	1702	Железо
2	Шуралинский	Построен	1716	Железо
3	Верхне-Тагильский	– // –	1716	Железо
4	Бунговский	– // –	1718	Железо
5	Выйский	– // –	1721	Железо и медь
6	Синячихинский	– // –	1724	Железо
7	Нижне-Тагильский	– // –	1725	Железо
8	Уткинский	– // –	1725	Железо
9	Нижне-Лайский	– // –	1726	Железо
10	Шайтанский	– // –	1727	Железо
11	Черноисточнинский	– // –	1727-1728	Железо
12	Суксунский	– // –	1729	Медь
13	Нижне-Шайтанский	– // –	1723-1733	Железо
14	Бымовский	– // –	1733	Медь
15	Ревдинский	– // –	1734	Железо
16	Шахвинский	– // –	1740	Медь и железо
17	Рождественский Нижний	– // –	1740	Железо
18	Висимо-Шайтанский	– // –	1741	Железо
19	Верхне-Лайский	– // –	1742	Железо
20	Верхне-Сергинский ⁵⁹	– // –	1742	
21	Нижне-Сергинский ⁶⁰	– // –	1743	Железо
22	Ашапский	– // –	1744	Медь
Раздел наследства Акинфия Демидова (1745-1757 гг.)				
23	Верхне-Кыштымский	Построен	1757 ⁶¹	Железо
24	Верхне-Шайтанский	– // –	1759	Железо
25	Нижне-Кыштымский ⁶²	– // –	1760	Железо
26	Салдинский	– // –	1760	Железо
27	Висертский	– // –	1760	Железо
28	Азяш-Уфимский	– // –	1760	Железо

Но каждая часть некогда единого целого не стала от этого менее значительной. Т.к. после раздела каждый из трех наследников получил равную долю (в том числе и приписных крестьян – по 10000 душ на каждого), то по какой-то одной из них можно узнать о состоянии каждого заводчика в середине XVIII в. Анализ реестра, составленного в 1767 г. управляющим Прокофием Демидовым Махотиным, показывает, что только стоимость зданий 6 заводов старшего сына Акинфия составляла примерно 174000 руб.⁶³, причем сюда не входит стоимость земли, леса и рабочих. Все это в 1767 г. было продано за 800000 руб. купцу Яковлеву. Примерно таким же было и состояние Акинфия Демидова в 1745 г., т.к. доля Прокофия в 1757-1767 гг. (т.е. с момента завершения раздела до продажи Яковлеву) не увеличилась, и ее можно считать 1/3 от единого наследства. Капитал Акинфия, вложенный в строения, леса и людей, в 1754 г. составлял примерно 3-4 млн. руб. Но он был не просто миллионером, а крупнейший собственником. Прокофий Демидов, крайний расточитель и в то же время великодушный меценат⁶⁴, почти не занимался своими заводами и никогда не появлялся там после смерти

⁵⁹ Принадлежавший не Акинфию Демидову, а одному из его племянников, Ивану Никитичу Демидову.

⁶⁰ Принадлежавший не Акинфию Демидову, а одному из его племянников, Ивану Никитичу Демидову.

⁶¹ Принадлежавший не Акинфию Демидову, а одному из его племянников, Ивану Никитичу Демидову.

⁶² Принадлежал Никите Никитичу Демидову

⁶³ См. Таблицы 14-15.

⁶⁴ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.267. Прокофий Демидов с другим капиталистом того времени смог выдать Екатерине II накануне первой турецкой войны кредит в 4000000 руб. и потратить 500000 руб. для различных нужд в Москве. Президиум Академии Наук СССР располагался сейчас в одном из его бывших особняков.

своего отца. Другие наследники, напротив, построили новые заводы (см. Таблицу 14), пользуясь тогдашними благоприятными для металлургической промышленности условиями.

Таблица 14
Стоимость заводов Прокофия Демидова в 1767 г. (подробнее см. Таблицу 15)

№ п/п	Заводы	Общая стоимость завода
1	Невьянский	73423 руб.
2	Бынгровский	33883
3	Шуралинский	10650
4	Верхне-Тагильский	20542
5	Шайтанский с пристанью	12879
6	Верхнейвинский ⁶⁵	22464
	Итого:	173841 руб. ⁶⁶

Источник: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.302-303.

Таблица 15
Стоимость строений и оборудования Невьянского завода в 1767 г.

№ п/п	Строения, оборудование и имущество	Стоимость	
		Руб.	%
1	Двор господский, острог и заводская контора	23399	30,5
2	Плотина	10200	13,8
3	Лари водяные	2856	3,8
4	Доменный корпус с домнами и рудобойными молотами	8000	10,8
5	Кричные мастерские (4)	6700	9,2
6	Молотовые фабрики и кузницы (18)	9219	12,6
7	Слесарная, меховая и столярная фабрики	225	0,3
8	Канатно-прядильный сарай и т.п.	1859	2,5
9	Строения и инструменты на рудниках	591	0,7
10	Пожарное оборудование	3424	4,6
11	Весы	1263	1,7
12	Магазины, амбары, бани, людские, сады, огороды и пр.	6687	9,0
	Итого:	73423	100

Источник: Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.298.

* * *

Уральские заводовладельцы являлись крупными капиталистами не только благодаря значительным средствам, вложенным ими в производство, но и благодаря своей, иногда весьма значительной, прибыли.

Это особенно сильно проявилось в медеплавильной промышленности. Заводчики продавали государству 2/3 своей продукции (она отправлялась в Екатеринбург) по твердым ценам, которые были ниже рыночных. В 1735 г. казна закупила медь по 6 руб. за пуд (по такой цене Демидов годом ранее продал медь за границу)⁶⁷. Но вскоре

⁶⁵ Построен в 1764 г.

⁶⁶ Здесь не был учтен дубильный цех Бынговского завода, сумма инвестированного капитала которого (строения и оборудования) составляла 3100 руб. Что означала бы эта сумма сегодня, сказать трудно. Но можно представить себе состояние заводчиков, сравнив эти цифры с годовой зарплатой квалифицированного рабочего (в среднем 24 руб. в год), с ценой мяса (около 2 руб. за 100 кг.) и с ценой ржи (30-40 коп. за 100 кг.).

⁶⁷ Указ от 25 апреля и 3 мая 1735 г.: Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.162-165. Берг-регламент 1739 г. подтвердил это соглашение (3 июля 1739 г.): Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.214.

разница между государственными и рыночными ценами резко выросла. Заводчики смогли продавать на рынке лишь 3 пуда готовой продукции из 10, что казалось, поставило их в трудную ситуацию.

Себестоимость продукции была очень низкой: в середине XVIII в. – от 1 руб. до 2 руб. 25 коп. за пуд (в среднем – около 1 руб. 70 коп.). Что касается 1/3 готовой меди, отправлявшейся в обе столицы, то ее отпускная цена постоянно росла и к 1760 г. достигла 11-12 руб. за пуд. Государство покупало свою часть металла по 5 руб. 50 коп. за пуд⁶⁸. Но в обоих случаях рентабельность составляла 400-500%.

В течение XVIII в. положение владельцев медеплавильных заводов из-за ослабления государственного контроля над ними постоянно улучшалось. Право преимущественной покупки 2/3 продукции почти не соблюдалось, для регулярного обеспечения монетных цехов сырьем в 1750-е гг. оно исполнялось лишь на 1/3⁶⁹. Расширение внутреннего рынка, высокий спрос на котором подстегивал рост цен, превратило медеплавильную металлургию в настоящий Клондайк⁷⁰.

Самыми крупными медеплавильщиками являлись И.Б.Твердышев и И.С.Мясников. Но т.к. их предприятия включали как медеплавильные, так и железодельные заводы, они являли, кроме того, превосходный пример промышленного синтеза капиталистического типа. Состояние в 1760-е гг. этих двух медных королей Южного Урала можно оценить по списку заводов Оренбургской губернии⁷¹, составленным Новиковым для 1780-1782 гг. Разумеется, что все южноуральские заводы пережили кризис 1773-1775 гг., но с 1780 г. многие из них стали возрождаться, поэтому их производственные показатели не очень отличаются от данных 1760-х гг.

Таблица 16
Характеристика горных заводов Южного Урала (1780 г.)

Название	Специализация	Домны	Молоты	Печи	Производительность в 1780 г. (в пудах)
Катав-Ивановский	Железодельный	2	15		Чугун: 152186 Железо: 74219
Юрюзанский	Железодельный	2	9		Чугун: 129353 Железо: 73816
Симский	Железодельный	2	12		Чугун: 133929 Железо: 73342
Белорецкий ⁷²	Железодельный	2	10		Чугун: 105546 Железо: 83834
Преображенский	Медеплавильный			6	8500
Богоявленский	Медеплавильный			8	11690
Архангельский	Медеплавильный			4	630
Верхоторский	Медеплавильный			3	4500
Воскресенский	Медеплавильный			7	10625

⁶⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. С.656 и сл.

⁶⁹ Там же. С.657.

⁷⁰ В отличие от железа медь редко и в меньших количествах шла на экспорт. Растущие потребности внутреннего рынка ярко свидетельствовали о росте торговли и подъеме уровня жизни населения.

⁷¹ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. 1791. Ч.ХI. С.10-250.

⁷² Нужно отметить, что лишь Белорецкий завод был построен в 1762 г. Все другие заводы основаны в 1750-1759 гг., кроме Воскресенского (1745 г.).

Для 1769-1773 гг. в распоряжении исследователя имеются различные данные, которые можно сравнивать. Дело в том, что в реестрах убытков, составленных после подавления восстания, иногда даются цифры средней производительности заводов накануне Пугачевщины.

Наконец, в 1770 г. Паллас сообщил сведения по Катав-Ивановскому и Симскому заводам; первый производил 50000-60000 пудов железа, второй – примерно 80000 пудов (в 1780 г. – соответственно 74000 и 73000 пудов, см. Таблицу 16).

Вместе с Белорецким заводом, построенным в самом конце рассматриваемого периода (1762 гг.)⁷³, предприятия Твердышева – Мясникова накануне восшествия на престол Екатерины II производили 20000-30000 пудов (320-480 т) меди, более 500000 пудов (8000 т) чугуна и более 300000 пудов (4800 т) железа.

Таблица 17

Выпуск продукции на горных заводах Южного Урала в 1769-1773 гг. (в пудах)

Завод	Специализация	Средняя производительность ⁷⁴
Юрюзанский	Железо	Чугун: 118000
Белорецкий	Железо	Чугун: 122000
Преображенский	Медь	6324
Воскресенский	Медь	11738
Верхоторский	Медь	3873
Архангельский	Медь	4392

В 1762 г. Твердышев и Мясников еще только начинали свою деятельность. Но, забегаая вперед, кратко расскажу о них. В 1780-е гг. князю М.М.Щербатову довелось быть посредником в споре Твердышева со своими племянницами (урожденными Мясниковыми)⁷⁵. В этом качестве он «принужден был разсматривать их счетные по заводам книги». Щербатов выяснил, что себестоимость пуда меди составляла «полтора рубли», и у Твердышева «в 1756 году, при начале их заводов, было на них долгу до пяти сот тысяч рублей, а в 1784 году, когда Иван Борисыч Твердышев умер, уже были заводы заведены, восемь тысяч душ куплено, и по дву миллионов с половиною чистаго капитала было»⁷⁶.

Князь М.М.Щербатов был одним из тех русских экономистов второй половины XVIII в., которые, опасаясь усиления роли купцов в экономике, предлагали ограничить их хозяйственную деятельность. Презируя разбогатевших купчишек, Щербатов несколько преувеличивал их богатство. Тем не менее, все говорило о том, что заводладельцы быстро обогащались. М.М.Щербатов упомянул еще одного заводчика: «Я так же помню Турчанинова, что он ничего не имел, но лет в тридцать миллионщиком стал»⁷⁷.

Выше я уже писал о заводчиках, для которых промышленность стала основным занятием. Шувалов, и без того имевший огромное богатство, таким, конечно, не был⁷⁸.

⁷³ <Белорецкий завод пущен в строй в 1767 г.>.

⁷⁴ *Кашицев Д.А.* Указ. соч., *passim*.

⁷⁵ Иван Твердышев имел брата, Якова, но оба они не оставили потомства. Все их богатство перешло к четырем дочерям И.С.Мясникова.

⁷⁶ *Заблоцкий М.П.* Неизданное сочинение князя Щербатова «Состояние России в разсуждении денег и хлеба, в начале 1788 г., при начале Турецкой войны» // Отечественные записки. 1859. Декабрь. С.424 (в статье анализируются причины возникновения голода на западе России и критикуется финансовая политика правительства).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Петр Шувалов, осыпанный всевозможными милостями, умер в расцвете сил 4 января 1762 г., в царствование Петра III, а его заводы были переданы государству уже при Екатерине II.

Другое дело – Строгановы, в середине XVIII в. представленные тремя сыновьями Григория Димитриевича (1656-1715) – Николаем (1700-1758), Александром (1698-1754) и Сергеем (1707-1756). К моменту раздела их состояния в 1749 г. металлургии там почти не было: на своих обширных землях Строгановы построили всего-навсего 3 завода – Таманский, Билимбаевский и Юго-Камский⁷⁹. Вероятно, усиление интереса Строгановых к металлургии было вызвано кризисом их солеварен в результате поражения в конкурентной борьбе после 1742 г.⁸⁰ Воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, когда вследствие войны⁸¹ потребности в железе возросли и в России, и в Англии, они построили в 1751-1761 гг. 8 новых заводов (из которых правда, один, Хохловский, принадлежал третьей жене Александра).

Таким образом, Строгановы стали одними из первых промышленных магнатов Урала. Я подробнее расскажу о них, поскольку история заводов Строгановых до сих пор, к сожалению, мало привлекала внимание исследователей. Это были крупные помещики, пытавшейся – по крайней мере, теоретически – взять под свой контроль большинство посессионных предприятий Урала. По приблизительным оценкам, на 11 упомянутых выше заводах Строгановых имелось 6 домен, более 40 молотов и свыше 30 медных печей⁸². Правда, поделенные наследниками на 3 приблизительно равные части, они, взятые по отдельности, не были столь велики, как у наследников Акинфия Демидова. Это лишний раз подтверждает достаточно скромную роль помещичьей аристократии в развитии металлургии.

Таблица 18
Горные заводы Строгановых в 1762 г.

Название	Дата пуска	Число домен	Число молотов	Число медных печей
Таманский	1726			7
Билимбаевский	1734	1	2	
Юго-Камский	1746			2
Кусье-Александровский	1752	1	–	–
Добрянский	1752		–	–
Пожевской	1756	1	6	3
Хохловский	1757			3
Саткинский	1758	2	9	
Нытвенский	1760		9	6
Очерский	1761		–	
Кыновский	1761	1	–	

Составлено по: Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.363, 366, 367, 378.

В 1777 г. Билимбаевский завод насчитывал 2 молота и 2 медных печи, Добрянский – 6, Очерский – 12, Кусье-Александровский – 2, Кыновский – 2 молота; в 1770 г. эти показатели, вероятно, были примерно такими же, что было учтено мною в упомянутой выше цифре 40-50 молотов.

⁷⁹ См. Таблицу 18. На их землях имелось множество казенных заводов, в 1757 г. переданных Р.И.Воронцову и Чернышеву. Поэтому у Строгановых были с казной такие же отношения, как у собственника с арендатором, в целом довольно неплохие. Все стало иначе, когда заводы перешли в частные руки. Теперь Строгановым стало несладко, и возникли проблемы, подобные тем, что (по другим, естественно, причинам) поссорили трех сыновей Акинфия Демидова.

⁸⁰ Строганов Александр Дмитриевич // Русский биографический словарь. СПб., 1909. [Т.] Сметловский – Суворина. С.481. В этой статье содержится обширная информация о соляном промысле династии в XVIII в. См. также: Соловьев С.М. Указ. соч. Т.IV-V.

⁸¹ <Семилетняя война России с Пруссией (1756-1763 гг.)>.

⁸² См. Таблицу 18.

Для того чтобы выяснить механизмы обогащения заводовладельцев, требуется ответить на ряд вопросов. В какой мере государство поддерживало металлургию? Был ли вызван подъем уральской промышленности льготами, предоставленными государством владельцам частных заводов, или он был связан с чисто экономическими явлениями? Говоря другими словами, не являются ли сами заводовладельцы в какой-то степени порождением промышленной политики царизма?

Средства, вкладываемые в промышленность, почти не затронули металлургию. Никита Демидов, получив в начале XVIII в. кредит, вернул его через несколько лет; заводчики типа Твердышевых, сколотившие свое состояние на торговле, не нуждались в деньгах.

Как уже говорилось выше, государство поддерживало заводы путем освобождения от налогов в первые годы строительства заводов, и, особенно, сдачей в аренду казенных лесов и приписной рабочей силы. Это приводило к удешевлению готовой продукции несмотря на весьма плохую организацию производства, большой процент брака и высокие транспортные затраты, вызванные удаленностью Урала. Труд приписных вспомогательных работников оплачивался в пределах размера подушной подати по твердым ценам 1724 г. (они были повышены лишь после 1762 г.). Низкие зарплаты также способствовали снижению себестоимости продукции.

Наконец, большинство заводчиков постоянно уклонялись от уплаты налогов, сообщали искаженные сведения о своем производстве или беглых рабочих. Утаивание налогов и их низкий уровень способствовали высоким прибылям заводовладельцев.

Но в конечном счете благосостояние предпринимателей основывалось на исключительно благоприятных условиях, которые не всегда зависели от ситуации на рынке, а были обусловлены человеческим фактором. Раздел лесных и людских богатств Урала между несколькими заводовладельцами, имевшими поддержку властей, привел к высоким и регулярным прибылям заводчиков. Поэтому металлургическая промышленность долгое время была ограждена от каких-либо внешних проблем.

Именно в этом, видимо, и состоит проблема зарождения капитализма (или, точнее, промышленного капитала) в металлургии. Тезис о доминировании торгового капитала в XVIII в. и его ведущей роли в промышленности, по мнению нынешних советских историков, устарел⁸³. Правда, владельцы заводов являлись одновременно и помещиками, и промышленниками (каково бы ни было их социальное происхождение). Их экономическое могущество основывалось прежде всего на предоставленных государством льготах на владение землей и приобретение рабочей силы. Таким образом, они обладали чем-то вроде персональной монополии на природные и людские ресурсы и не имели в этом конкурентов.

Однако на первых порах торговый капитал играл важную роль. Красильниковы, Лугинин, Походяшин, Яковлев были купцами. Особый случай – Демидовы: доходы Никиты Антуфьевича от торговли сначала были небольшими, а его сын Акинфий стоял ближе к дворянству, чем к буржуа. А кем были Строгановы, и можно ли не учитывать прибыль от их солеварен? Доходы Строгановых, несомненно, объясняются привилегиями, которые они имели как помещики.

Накопление капитала в металлургии, таким образом, носило двоякий характер. Промышленностью занимались в основном купцы (Строгановы здесь исключение). Но в обоих случаях быстрое обогащение заводчиков объясняется данными им государством привилегиями, а именно почти монопольным феодальным правом на лес и рабочую силу. Торговый капитал не получил развитие в России в силу ее экономической отсталости. Тем не менее, совсем отрицать его роль было бы неверно, она возростала на

⁸³ Гайсинович А. Как пишется история уральских заводов // История заводов. М., 1933. Сборник 7. С.91. Автор подверг острой критике ряд монографий о заводах за то, что их создатели сохраняют верность старым идеям.

протяжении всего XVIII в., поскольку именно после 1745 г. в промышленность пришли купцы, сколотившие свои состояния на перепродаже товаров в Сибирь, аренде таможен и поставках оружия армии.

Подобная ситуация могла иметь место лишь при феодализме. Анализ технических и социальных условий на предприятиях в 1755-1760 гг., который я попытаюсь сделать в следующей главе, должен определить формы людской эксплуатации, приведшие к обогащению заводовладельцев, а также установить причины начала в 1760 г. нового и сложного периода развития для уральской металлургии⁸⁴.

Таблица 19
Численность уральских горных заводов в 1699-1762 гг.

По периодам царствований	Петр Великий (1699-1725)	12
	Екатерина I (1725-1727) и Петр II (1727-1730)	10
	Анна Иоанновна (1730-1740)	21
	Елизавета Петровна (1740-1762)	54
ИТОГО		97
По периодам пазвития	Ранний период (1699-1716)	4
	Индустриализация Среднего Урала (1716-1745)	44
	Расцвет Среднего Урала, индустриализация Южного Урала	49
ИТОГО		97

Таблица 20
Уральские горные заводы в 1762 г.

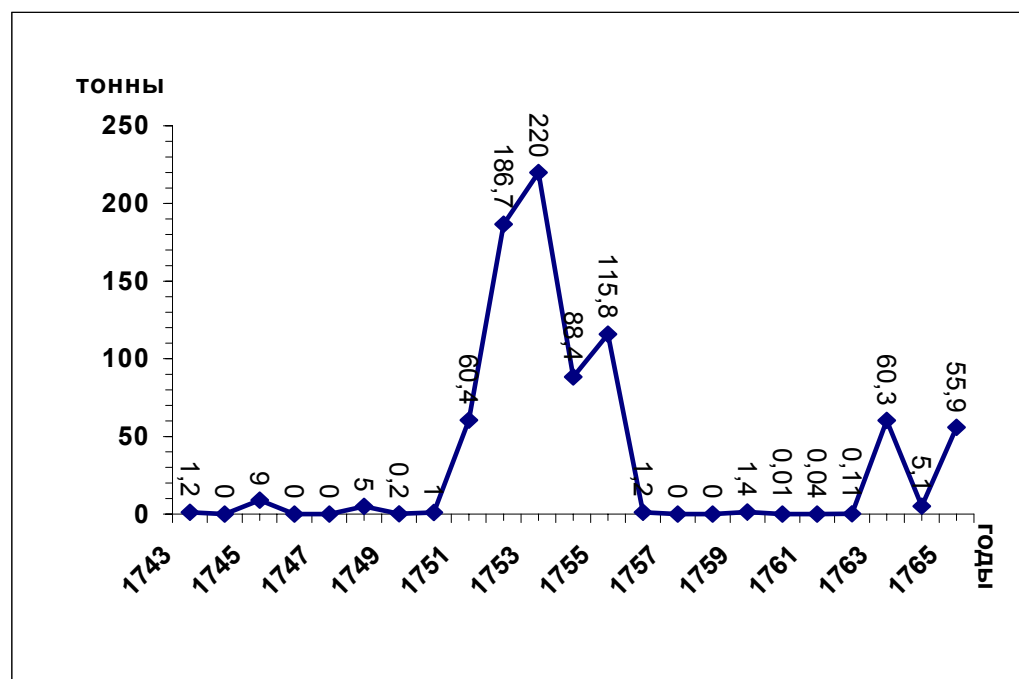
№ на Карте 2	Завод	Специальность	Дата пуска
1	Невьянский	железоделательный	1701
2	Каменский		1704
3	Уктуский		
4	Алапаевский Нижний		1716
5	Шуралинский		1718
6	Быньговский		1720
7	Верхне-Тагильский		1722
8	Выйский		1723
9	Лайский Нижний		медеплавильный
10	Екатеринбургский		
11	Егошихинский		
12	Пыскорский	железоделательный	1725
13	Нижне-Синячихинский		
14	Нижне-Тагильский	железоделательный, медепла- вильный	1724-1727
15	Полевской		
16	Верх-Исетский		
17	Таманский	железоделательный	1726
		медеплавильный	

⁸⁴ <См. также: *Дашкевич Л.А.* Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половины XIX вв.: опыт социальной политики в промышленности // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001; *Павленко Н.И.* История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962; *Редин Д.А.* Власть, заводовладельцы, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии): Автореферат дисс. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995>.

18	Шайтанский Нижний	железоделательный	1727
19	Верхне-Шайтанский		1728
20	Черноисточинский		
21	Иргинский	железоделательный, медепла- вильный	1729
22	Суксунский	медеплавильный	
23	Староуткинский	железоделательный	
24	Троицкий (Соликамский, Талиц- кий)	медеплавильный	1731
25	Юговский		1732
26	Сысертский	железоделательный	1733
27	Бизярский	медеплавильный	1741
28	Ревдинский	железоделательный	1734
29	Билимбаевский		
30	Висимский	медеплавильный	1734-1735
31	Бымовский		1736
32	Юговский Нижний		1736
33	Сусанский Нижний	железоделательный	1737
34	Сылвинский Верхний		1738
35	Мотовилихинский	медеплавильный	1739
36	Кушвинский	железоделательный, медепла- вильный	
37	Верхне-Туринский	железоделательный	
38	Северский		
39	Юговский Верхний	медеплавильный	1740
40	Курашимский		1742
41	Лайский Верхний	железоделательный	1740
42	Рождественский		
43	Шаквинский	железоделательный, медепла- вильный	1743
44	Верхне-Сергинский	железоделательный	1744
45	Нижне-Сергинский		
46	Висимо-Шайтанский		
47	Ашапский	медеплавильный	1745
48	Воскресенский		
49	Юго-Камский		
50	Каслинский	железоделательный	1749
51	Новоуткинский		
52	Нязе-Петровский		
53	Баранчинский		
54	Уинский	медеплавильный	1750
55	Преображенский		
56	Иштерьяковский		
57	Добрянский		
58	Богоявленский	железоделательный	1751
59	Кусье-Александровский		
60	Кано-Никольский		
61	Архангельский		
62	Архангельский (Шаранский)	медеплавильный	1754
63	Троицкий Верхний		
64	Авзяно-Петровский		
65	Серебрянский	железоделательный	1755-1756
66	Покровский	медеплавильный	1755
67	Пожевской		1756
68	Вознесенский		
69	Верхне-Сусанский	железоделательный	1757
70	Хохловский	медеплавильный	
71	Благовещенский		
72	Кыштымский Верхний	железоделательный	

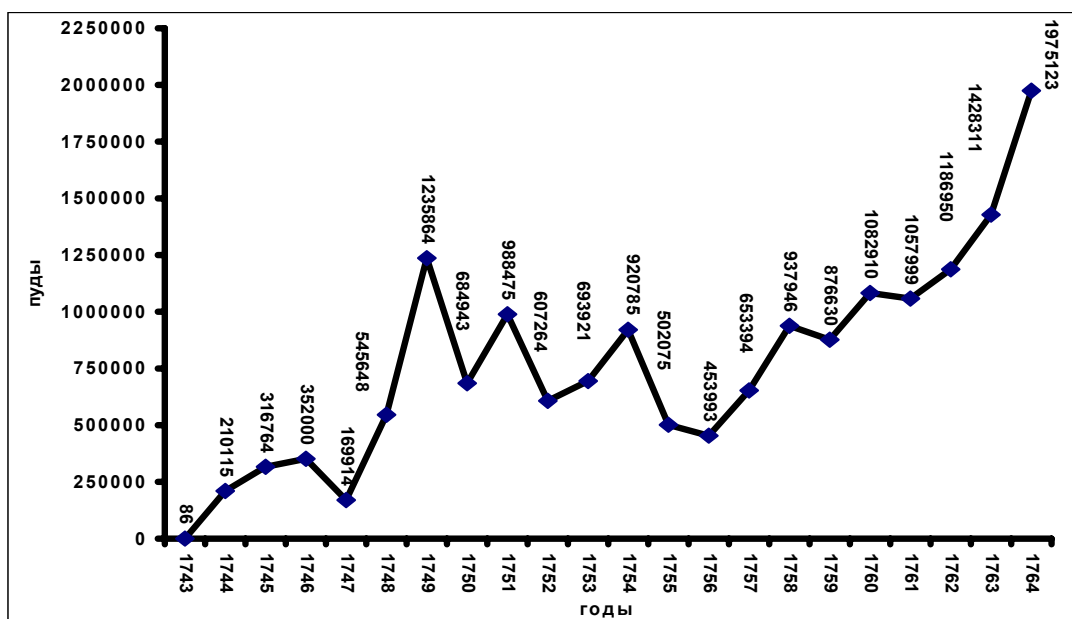
73	Нижне-Кыштымский		
74	Катав-Ивановский		
75	Саткинский		1758
76	Верхоторский	медеплавильный	1759
77	Воткинский	железодельательный	
78	Верхне-Шайтанский		1759 (1760?)
79	Аннинский	медеплавильный	1760
80	Троицкий Нижний		
81	Петропавловский	медеплавильный, железодела- тельный	
82	Нытвенский		
83	Азяш-Уфимский	железодельательный	
84	Салдинский		
85	Саранинский		1761
86	Очерский		
87	Бисертский		
88	Кыновский		
89	Златоустовский	железодельательный, медепла- вильный	
90	Верхне-Уфалейский	железодельательный	
91	Шермяитский	медеплавильный	
92	Симский		1763
93	Тисовский	железодельательный	
94	Юрюзань-Ивановский		
95	Ижевский		
96	Николае-Павдинский	железодельательный, медепла- вильный	
97	Белорецкий	железодельательный	1767
98	Кагинский		1769

Таблица 21
Экспорт российской меди с 1743 по 1765 гг.
(по рукописи Крамаренкова)

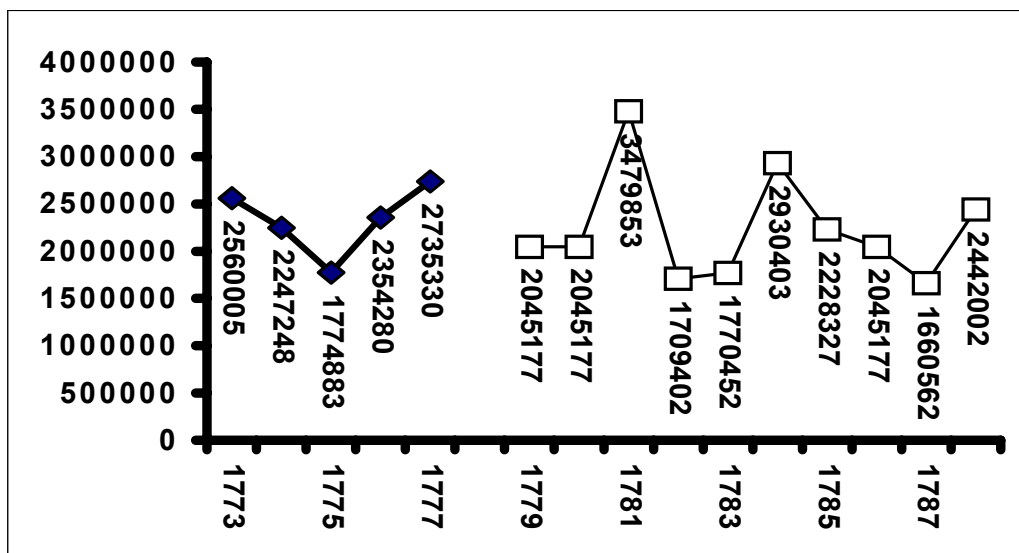
Кривая внизу представлена лишь в качестве примера почти полного отсутствия экспорта меди. В начале XIX в. он составлял в среднем 30-50 т. и увеличился только после 1807 г.

Таблица 22
Экспорт российского железа в XVIII в.⁸⁵

Составлено по: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.184-185.

Таблица 22 (продолжение)

Составлено по: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.184-185; Сведения И.Ф.Германа (*Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebirges. Berlin und Stettin, 1789*, дополнительная таблица) воспроизводятся здесь в качестве примера; вероятно, его цифры округленные и, например, для 1782 г. не столь точны, как у П.Г.Любомирова.

Таблица 22 (продолжение)

⁸⁵ <Все цифровые данные, представленные Р.Порталом в тоннах, переведены в пуды>.

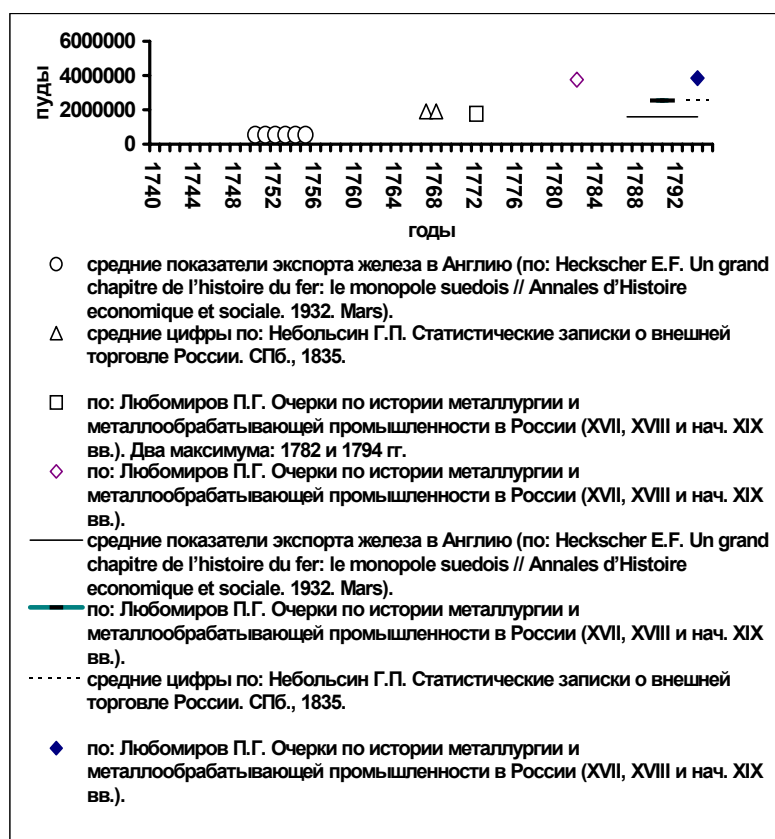
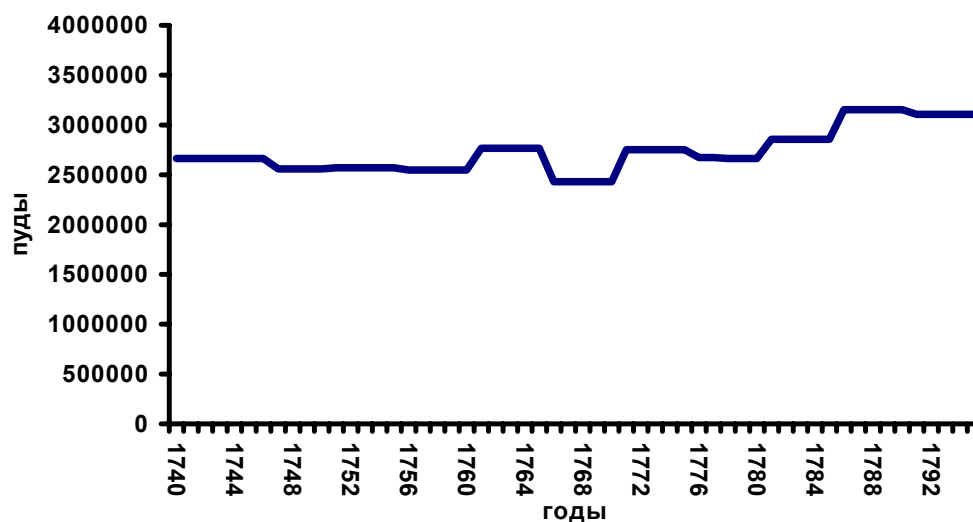
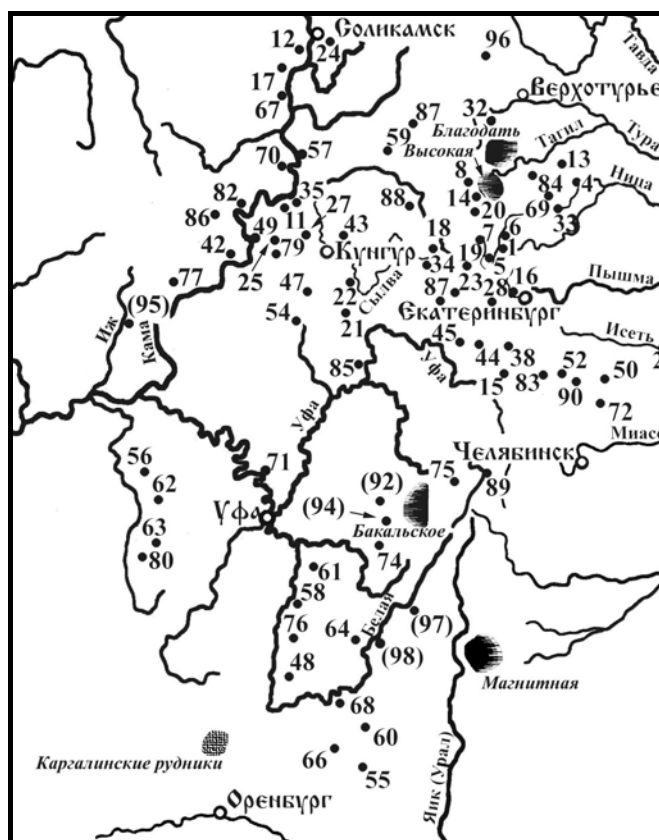

Таблица 23
Средние показатели экспорта шведского железа

Источник: Heckscher E.F. Un grand chapitre de l'histoire du fer: le monopole suédois // Annales d'Histoire économique et sociale. 1932. Mars. Экспорт русского железа в Англию составлял 50% от всего российского экспорта. Российский экспорт достиг уровня шведского в 1770-е гг. (без учета падения, вызванного Пугачевщиной).

Карта 2
Промышленный Урал в 1762 г.

Глава V ЖИЗНЬ ЗАВОДА В 1755-1760 ГГ.

1. Завод, его месторасположение, техническое оснащение и работники. Промышленные центры Урала

Горный завод всегда строили рядом с залежами руды и рекой, приводившей в движение механизмы и служащей средством для транспортировки груза. Что касается леса, то его запасы на Урале были практически неисчерпаемы¹, за исключением юга, лесостепи и бассейна Сакмары и Яика². Железная руда имелаась везде, а на востоке Урала ее можно было добывать даже открытым способом. Для добычи меди требовались шахты. Петропавловский (1758 г.)³ и Преображенский (1750 г.) заводы, которые являлись северной и южной границами промышленной зоны, разделяли 850 км – это расстояние от Парижа до Марселя. Но между этими предприятиями промышленность размещалась неравномерно. Она концентрировалась в центре и редела на юге. Связь с внешним миром, близость дорог, связывавших Тагил, Нейву и Исеть с сибирскими реками и Чусовую – с Камой и Волгой, а также доступность руды способствовали ускоренной индустриализации Среднего Урала.

Связь востока Урала с Прикамьем через Ирень и Сылву вызвала строительство горных заводов в районе Кунгура. На Южном Урале малочисленность рудников и ограниченные запасы леса определили слабую концентрацию промышленности, которая располагалась по притокам Белой, входящей в Волго-Камский бассейн. Уральские горные заводы отправляли свою продукцию в основном за пределы края, в Подмосковье, и поэтому остро нуждались в речной сети.

Насколько далек был Урал от Европейской России, говорит тот факт, что Геннин добирался из Москвы до Кунгура 4 месяца (22 июня – 2 октября 1722 г.); олонечские мастера выехали туда же в начале лета, а прибыли на место только осенью⁴.

Итак, горные заводы располагались вблизи рек и рудных месторождений. Иногда предприятия строились на берегах озер – как, например, Черноисточинский (1729 г.), Каслинский (1752 г.), Кыштымский (1755 г.), Бисертский (1761 г.) заводы, но чаще всего они имели искусственную запруду, нередко весьма значительных размеров: например, ее площадь в Верхне-Исетском заводе составляла 15х30 верст⁵. Запруды позволяла получать энергию падающей воды, а в засуху каскад заводских плотин обеспечивал проход судов-коломенок⁶. Кроме того, запруда частично защищала завод от вылазок туземцев. Большинство таких крупных горных заводов, как, например, Катав-Ивановский (1757 г.), были защищены «прудом..., деревянным оплотом, изрядными наугольными раскатами и рогатками...»⁷.

¹ Упадок чугунолитейных и железоделательных заводов в Центральной России стал скорее следствием истощения запасов леса, а не месторождений руды. Эти заводы работали главным образом на уральском железе. Однако запасы леса на Урале не были безграничны, и там, где промышленная деятельность велась активно, его приходилось теперь беречь. В 1733 г. на Уктусском заводе «за маловодием и для бережения лесовковки железа не производитца» (Геннин В. Указ. соч. С.451). После 1730 г. лес вокруг Каменского завода полностью исчез (Там же. С.479).

² На Южном Урале по причине дефицита леса вблизи богатых Каргалинских медных залежей размещение горных заводов определялось исключительно близостью водных источников.

³ Богословский завод, расположенный в 50 км севернее, был основан в 1770 г.; Паллас побывал на обоих этих предприятиях.

⁴ Злотников И.Ф. Указ. соч. С.31.

⁵ Геннин В. Указ. соч. С.440.

⁶ Каскады порождали многочисленные конфликты: отсутствие согласованности между их владельцами приводило иногда к посадке судов на мель.

⁷ Паллас П.С. Указ. соч. С.42.

Заводы подчиняли себе не только реки. Тесно связанные с рудником, чуть меньше – с каменными и известковыми карьерами⁸ и лесами, предприятия вовлекали в производственный процесс всю округу. Удаленность завода от карьеров обычно не препятствовала доставке камня⁹. Известняк всегда добывали рядом¹⁰. Лес на Среднем Урале имелся примерно в 10 верстах от завода, а на западе и юге региона, где его было меньше – чуть дальше. Каменский завод вынужден был прекратить в 1725 г. производство чугуна, а в 1730 г. железа по причине истощения запасов близлежащих лесов. Когда в 1732 г. он вновь начал работать, в дело пошла береза, росшая в 16 верстах от него. Геннин, однако, полагал, что это расстояние слишком велико и увеличивает транспортные расходы Каменского завода¹¹. На севере Урала таких проблем не было¹². Что касается рудников, то они обычно располагались в 3-40 верстах от предприятия¹³. В первой половине XVIII в. на Урале обнаружили крупные залежи магнитного железа – горы Благодать (открыта в 1735 г.) и Высокая (1702 г.) к востоку от Тагила. На Южном Урале Бакальское и Магнитная разрабатывались с 1757-1760 гг., но Магнитная, расположенная далеко на востоке, обеспечивала рудой только Белорецкий завод. Вблизи магнитных гор заводов было больше, однако изобилие богатых месторождений привело к разбросу, а не концентрации заводов.

Если на Среднем Урале медь обычно добывалась вблизи горных заводов, то на юге края дело обстояло иначе: около Каргалинских рудников, поставлявших сырье для предприятий бассейна Белой, не было леса, что не позволяло построить здесь завод. Горные заводы бассейна Белой располагались в 100-300 верстах от месторождений. Преображенский завод Твердышева и Мясникова ярко демонстрирует взаимосвязь различных факторов, определявших месторасположение предприятия. Он использовал энергию Зилаира (приток Сакмары), лес и огнеупорная глина располагались в 15-20, песок – в 20, камень – в 7, а известняк – в 45 верстах от него. Это сполна компенсировало значительную удаленность завода от Каргалов (200 верст) и несудоходность Зилаира, вынуждавшую везти готовую медь 100 верст по суше до Белой¹⁴.

1.1. Рудники

Вероятно, добыча руды мало интересовала современников – Геннин, подробно описавший горнозаводское дело, о рудниках сообщил крайне мало. Причина этого бы-

⁸ Известняк использовался в качестве флюса для очистки от пустой породы.

⁹ Алапаевский завод использовал карьеры, расположенные в 56 верстах от него (Геннин В. Указ. соч. С.492), Уктусский завод – в 87 верстах (Там же. С.451), Сысертский – в 125 верстах (Там же. С.466), Каменский – в 132 верстах (Там же. С.479).

¹⁰ В одной версте от Каменского (Там же. С.479), 10 верстах от Сысертского (Там же. С.466), 24 верстах от Уктусского (Там же. С.451) заводов.

¹¹ Геннин В. Указ. соч. С.479.

¹² Например, Синячихинский завод располагался в 3 верстах от леса: Геннин В. Указ. соч. С.503.

¹³ При этом имелись большие различия между металлургическими заводами центра и заводами северо-востока. Олонецкие заводы (например, Александровский и Кончезерский) были вынуждены добывать руду все дальше и дальше: от 25 до 130 верст в 1800 г. (Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.34). Уральский Ревдинский завод, расположенный в 250 верстах от Высокой горы, являлся исключением (см.: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.362). Близость к полноводной и судоходной реке (при слиянии Ревды и Чусовой) имела и недостаток: удаленность от рудника. Железо, добываемое Каменским заводом, находилось в 3 верстах от него (Геннин В. Указ. соч. С.479), Алапаевским – в 5 и 17 верстах (Геннин В. Указ. соч. С.492), Сысертским – в 6, 8 и 18 верстах (Геннин В. Указ. соч. С.466), Уктусским и Верхне-Исетским – в 7, 16 и 24 верстах (Геннин В. Указ. соч. С.450); Уктусский, кроме того, добывал медь в 18 и 43 верстах от себя (Геннин В. Указ. соч. С.450).

¹⁴ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.372-373.

ла достаточно простой: до середины XIX в. руду добывали на Урале без особых проблем.

Когда местные рудознатцы и русские разведчики начали в XVI в. свои изыскания на Урале, они обнаружили там остатки «чудских» рудников¹⁵. «Все работы велись здесь в породах рыхлых, глинистых; в дело шли только окисленные руды, как то: малахит, куприт и др., сернистые же руды, как, например, медный колчедан, не обрабатывались вследствие, вероятно, трудности извлечения из них меди. Для добывания руды делали узкие шахты, или дудки, в тех местах, где руда выходила на дневную поверхность; глубина шахт доходила до 14-15 сажен [30-32 м]; затем на различной глубине делали горизонтальные ходы по направлению рудной жилы и устраивали в них крепи...; для выламывания руды употребляли медные инструменты, как то: кайлы, ломки и молотки... Находимая в древних рудниках крепь состояла обыкновенно из тонких жердей или расколотых надвое толстых полен; крепление производилось только в горизонтальных выработках, в шахтах же крепей ни разу не найдено... Непрочность крепления выработок нередко имела печальные последствия для рудокопов: выработки обваливались»¹⁶.

В XVII в. «стольник Фонвизин дает нам описание добычи руды в Дедиловских рудниках Тульской губернии¹⁷, причем картина работы очень близка к вышеприведенной и отличается лишь отсутствием креплений, т.е. технически даже отстает. XVII век на Урале использует те же “чудские копи”, поскольку время сохранило их; но обладая более твердым железным инструментом, добывали металл там, где первые рудокопы еще не могли его добыть. После приезда Геннина на Урал рудное дело принимает иной характер. То, что не могли, а, может быть, и не стремились сделать русские мелкие рудопромышленники и даже Демидовы, еще не побуждаемые конкуренцией, для Геннина с его саксонскими “рудознатцами” оказалось возможным»¹⁸. Что значит «иной характер»? Оказывается, прибывшие с Генниным саксонские мастера ввели некоторые технические новшества, построив здесь, например, первые водяные насосы.

До Геннина на Урале добывали лишь легкоплавкую руду; внедрение импортной техники позволило расширить номенклатуру добываемых пород¹⁹, возобновить эксплуатацию старых шахт и создать новые. Геннин приступил к тщательному изучению здешних месторождений, предварительно попытавшись увеличить добычу руды путем улучшения организации работ, в частности, установкой водяных насосов и подъемников для руды²⁰. Ни Геннин, ни позднейшие авторы ничего не сообщают об искусственной вентиляции рудников²¹: небольшая глубина прокладки шурфов этого не требовала. Водяные механизмы (рудоподъемники и насосы), внедренные Генниным, использовались редко, т.к. руда обычно залежала выше уровня воды. Об устройстве водяных насосов ничего неизвестно, но вероятно, они походили на те, что использовались в Европе и были описаны Агриколой²². В глубоких шахтах применялось множество промежуточных ручных помп; последняя помпа приводилась в действие либо человеком, либо лошадьми. Геннин приводит рисунок одной из таких машин («вассеркуншт»), применявшейся на меднорудных шахтах Полевского завода. У нее имелись колесо с лопастями, передаточные механизмы и сток для отвода воды, но данный механизм

¹⁵ См.: *Флоринский В.М.* Указ. соч.

¹⁶ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.44.

¹⁷ Крепостная мануфактура. Л., 1930. Ч.I. С.29. Здесь речь идет о прадеде известного русского писателя.

¹⁸ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.44.

¹⁹ В частности, сульфаты меди.

²⁰ См.: *Геннин В.* Указ. соч. С.92.

²¹ Н.Б.Бакланов (Указ. соч. С.50) ссылается на упоминание М.В.Ломоносовым естественной вентиляции шахт в его сочинении «О вольном движении воздуха в рудниках примеченном».

²² *Agricola G. De re metqllica.* Bâle, 1561. P.135-147.

нельзя назвать насосом²³. Заводов с такими машинами было мало. Главным итогом деятельности Геннина на Урале стала, таким образом, не техническая модернизация предприятий, а усовершенствование системы организации труда. Геннин привез в Россию мастеров-саксонцев и немецкую техническую терминологию²⁴.

Добычей руды руководили обербергмейстер (старший горный чиновник, руководивший рудничным делом) или бергмейстер (горный чиновник)²⁵. Последний выполнял обязанности инженера и директора рудника – осуществлял контроль и наблюдал за тем, чтобы «иноземцы штейгеры» «российской нации в горной работе, как надлежит к лутчему, где шахты опущать и штольнями и ортами итти и крепить, и в каких местах ширфовать, и где есть вода в шахтах, дабы чрез машины выливать, и протчей всякой вред исправлять обучали... Такожде дабы при рудниках шихтмейстеры, штейгеры и берггауры и другие горные люди всяк свою должность исполнял радетельно, а колторые исполнять не будут пьянством или леностию, тех штрафовать и содержать их под доброю командою». Ему подчинялся берггешворен (присяжный надзиратель за рудником), который составлял регулярные отчеты о ходе работ. Берггешворен «прямо..., а не по чюжим речам»²⁶ следил за производственным процессом²⁷ и начислением зарплаты (в случае ее неверных подсчетов он сообщал бергмейстеру, «чтоб таких плутов штрафовать и излишно выданные деньги возвратить»)²⁸.

Шихтмейстер (низший горный чин)²⁹ отвечал за шахту. Он должен был проверять ее не менее одного раза в неделю, а желательно ежедневно³⁰, иначе его наказывали штрафом. За этим присматривал берггешворен, и если шихтмейстер халатно относился к своим обязанностям, берггешворена также штрафовали. Шихтмейстер отвечал за материалы, присматривал за работниками, подсчитывал количество добытой руды, чтобы начислить рабочим зарплату и посылал в Сибирский обербергамт ежеквартальный отчет. Для отлучки даже на один день он должен был спрашивать разрешение у бергмейстера³¹. Впрочем, то же касалось штейгера и берггауров (горнорабочих), которые являлись единой командой. Наконец «механикус» следил за рудоподъемными машинами и водоотливными насосами, а землемер (маркшейдер) составлял план шахт, штолен и штреков и обмерял заводские земли и леса³².

Бурштейгер делал пробное бурение пластов. Берггауры, возглавлявшиеся унтерштейгером (помощник горного мастера), штейгером (горный мастер) и оберштейгером (главный горный мастер), добывали руду кайлом и кирками, а иногда с помощью пороховых мин. Везде использовалась немецкая горная терминология. Руда транспор-

²³ Репродукцию см.: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.46.

²⁴ Геннин, определяя обязанности персонала, часто называет источник заимствования новой организации труда. О шихтмейстере он пишет, что «в Германии шихтмейстер всегда за поруками к делу принимаетца» (Геннин В. Указ. соч. С.92), по поводу берггешворена говорит: «протчая же их должность, как в Германии на них положено, здесь не означена, для того что здесь компанейщиков имеетца малое число» (Геннин В. Указ. соч. С.91); см. описанные мною выше усилия Татищева по русификации технической лексики во время своего второго пребывания на Урале.

²⁵ Геннин В. Указ. соч. С.86-87.

²⁶ Там же. С.90.

²⁷ Там же. С.91. В зависимости от значимости месторождения эти высшие чиновники периодически посылались в Екатеринбург или были закреплены за заводами.

²⁸ Геннин В. Указ. соч. С.91.

²⁹ Шихтмейстер – самая низшая управленческая должность. В переводе означает ‘тот, кто готовит слои или пласты’ (schicht – ‘пласт слоя’). Во времена Геннина имелся шихтмейстер, который на медеплавильных заводах (например, на Полевском: Геннин В. Указ. соч. С.513) занимался составлением шахты. В данном случае он выполнял функции ее директора. В других случаях шихтмейстер следил за процессом углежжения (например, на Каменском заводе: Геннин В. Указ. соч. С.485).

³⁰ Геннин В. Указ. соч. С.92.

³¹ Там же. С.93.

³² Там же. С.91, 92.

тировалась на штирцплац (шахтный двор) катальщиками, работавшими вместе с берггаурами. И тем, и другим помогали ученики, дети и женщины³³.

Увеличили ли эти геннинские нововведения, слившиеся с крестьянскими традициями, производительность труда? К сожалению, я не могу сравнить хорошо известные производственные показатели казенных заводов в 1735 г., и первых предприятий начала столетия (о горных заводах XVII в. почти нет никаких сведений), данные по которым отсутствуют. Контроль за производством, использование постоянной рабочей силы, знание минералов предполагали наличие опытного персонала, которого у Геннина не было. Он беспокоился за судьбу своего детища. В инструкции шихтмейстерам Геннин писал: «Понеже российской нации горному делу искусных еще мало, и когда иноземцы, данных учеников выуча, отъедут во отечество, и с тех выученных кто умрет или куда послан будет и искусных горному делу не останетца, то дабы затем горная работа не остановилась, должен шихтмейстер с великим радением и охотою обучатца горному делу, дабы он горное дело мог править и русской нации людям показывать так, как и иноземцы, и за то имел получить повышение чина»³⁴. Саксонским мастерам, которых Геннин привез с собой, работы хватало. Они, несомненно, приохотили крестьян к промышленности, и в середине XVIII в. на Урале уже существовало горнозаводское население (впрочем, остававшееся наполовину крестьянским), но старые привычки работать кое-как, воровство и лень еще сохранялись. Угрозы, которыми Геннин осыпал рабочих и подчиненных, свидетельствуют о наличии серьезных проблем³⁵.

Технология разработки уральских месторождений практически не менялась до конца XIX в., в частности, на открытых карьерах. Руду на «магнитных горах» (Высокая, Благодать) начинали добывать с подошвы (основания)³⁶, либо постепенно срезая склон горы, либо проникая в ее толщу; гора, таким образом, превращалась в широкие уступы, связанные между собой лестницами, по которым руду доставляли на шахтный двор. Здесь ее просеивали. Шурфы были не глубокими, и все путешественники отмечали легкость, с которой можно было спуститься в шахту. Гмелин, посетив медный рудник Полевского завода в 1733 г., использовал, правда, специальную лестницу, однако он тоже заметил, что «спускаться туда было гораздо легче, чем в шахты в Германии»³⁷.

1.2. Горный завод

Уральский горный завод, в отличие от рассредоточенных цехов в Центральной России, представлял собой единый комплекс сооружений³⁸. Враждебно и одиноко возвышался он над местностью, окруженный ненавистными ему башкирами и крестьянами, олицетворяя для последних крепостную неволю. Его крепкие стены поддерживались сторожевыми башнями³⁹, особенно грозными на Южном Урале. Инструкции Татищеву и Геннину постоянно напоминали о необходимости хорошей защиты горных заводов, и когда индустриализация достигла Южного Урала, она принесла сюда оборонительную промышленную архитектуру.

³³ Там же. С.520-522. В отличие от частных заводов, на казенных женщины не использовались.

³⁴ Там же. С.93.

³⁵ См., например: *Геннин В.* Указ. соч. С.90-94.

³⁶ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.51. См. фото шахт в Высокогорске, рядом с Нижне-Тагильском, в начале XX в.: *Семенов П.П.* Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье. С.306.

³⁷ *Gmelin G.G.* Op. cit. P.45.

³⁸ Например, оружейная мануфактура в Туле. О напрасных усилиях Петра Великого по концентрации производства на одной мануфактуре см.: *Кулишер И.* Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в исторической литературе // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1. С.18-19.

³⁹ См. описания Генниным Екатеринбургского (*Геннин В.* Указ. соч. С.69), Каменского (Там же. С.476), Сысертского (Там же. С.464), Уктусского (Там же. С.447) заводов.

Заводы-крепости просуществовали вплоть до XIX в., когда обороняться уже было не от кого. Внутри завода жила лишь часть рабочих, остальные ютились рядом, готовые в любой момент укрыться за его стенами. Один из спутников Палласа, Николай Рычков, в своем путевом дневнике 1769-1770 гг. так описывал Троицкий Верхний завод, расположенный на Южном Урале недалеко от Белебея: «сей завод укреплением своим превосходит многие уездные города, ибо вокруг его обнесена крепкая деревянная стена, где находится несколько башен и довольно число пушек, на них поставленных, а вне заводского строения есть порядочно построенные батареи и также снабженные артиллериею»⁴⁰. Рычков побывал на нем через 4 года после крупных волнений; чуть ранее, в 1755-1762 г., на Урале полыхало еще одно восстание. Судя по красочному описанию А.С.Пушкиным почти беззащитной Белогорской крепости, где юный Петруша Гринев нашел свою любовь, в последней трети XVIII в. южноуральские горные заводы были защищены лучше специальных военных укреплений.

На Среднем Урале мощные стены имели только самые крупные предприятия. При Геннине центром обороны края стал Екатеринбург. Будучи ставкой обербергамта, он имел артиллеристов, роту пехоты и роту драгун, причем последние располагались в крепости Горный Щит (19 верст от города), откуда наблюдали за башкирской границей⁴¹. Эти 2 роты обеспечивали безопасность Екатеринбурга и всех заводов Сибирского обербергамта, сопровождали обозы с грузом к пристаням, использовались для подавления волнений на предприятиях и в приписных селах. Этих сил было явно недостаточно, поэтому оборона Урала всегда страдала. Если в России границы охраняли крупные армейские подразделения, то уральская окраина, расположенная рядом со степью, была почти беззащитна.

Вооружение местных туземцев было примитивным. Гмелин писал, что «угроза здесь исходит лишь от башкир, калмыков и казаков (автор ведет речь об окрестностях Екатеринбурга. – *Р.П.*). Военные действия всех этих народов представляют собой обычные разбойные набеги конницы; чтобы защититься от нее, достаточно воздвигнуть укрепление, неприступное для лошадей; обычным оружием нападавших являются лук и стрелы»⁴².

Вот почему казенных заводов-крепостей с собственными гарнизонами, таких как, например, Полевский завод с его 6 артиллеристами и капралом, было мало⁴³; еще реже солдаты имелись на частных заводах (некоторые из них не имели даже крепостных стен, как, например, Уткинский завод Демидова⁴⁴). Но южнее укрепленных заводов было больше, и их защищали (главным образом от башкир) сами рабочие. В середине XVIII в. гарнизоны уральских предприятий увеличились, но их все равно не хватало. Индустриализация уфимского сектора отодвинула опасную зону на юг, но одновременно увеличила угрозу нападения башкир, поэтому все южноуральские горные заводы походили на крепости⁴⁵.

Завод располагался на берегу озера или пруда, оснащенного плотиной, строившейся по немецкой технологии и приспособленной Генниным к холодным уральским зимам⁴⁶. Плотины возводили несколько месяцев усилиями многих рабочих⁴⁷. В

⁴⁰ «Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году» цит. по: *Тхоржевский С.* Указ. соч. С.99.

⁴¹ *Геннин В.* Указ. соч. С.435-436.

⁴² *Gmelin G.G.* Op. cit. P.48.

⁴³ *Геннин В.* Указ. соч. С.513.

⁴⁴ Воспроизведен Н.Б.Баклановым (Указ. соч. С.42).

⁴⁵ Единственным исключением являлся Преображенский завод, самый южный на Урале, который был окружен крутыми скалами, образующими естественную защиту (*Gmelin G.G.* Op. cit. P.373).

⁴⁶ *Геннин В.* Указ. соч. С.127-128. Вопросы строительной технологии выходят за рамки моей книги. Я рассматриваю заводские сооружения лишь в связи с занятиями рабочих людей.

Таблице 24 приведены размеры плотин крупнейших казенных заводов при Геннине. На партикулярных предприятиях они были аналогичными.

Таблица 24

Размеры плотин крупнейших казенных заводов Урала во времена В.Геннина

Заводы	Размеры плотины		
	Длина (в метрах)	Высота в верхней части	Ширина в верхней части
Верхне-Исетский	320	56	8,4
Уктусский	157	25	7
Верхне-Уктусский	304	33	7
Сысертский	252	38	7
Каменский	105	33	6,5
Алапаевский	178	33	7,7
Синячихинский	70	16	2,2
Полевский	128	31	8,4

Плотины Невьянска и Верхне-Тагильска, о которых писал в 1767 г. приказчик Прокофия Демидова Махотин, были построены в «давних годах» (и поэтому их характеристики вполне применимы к 1750-м гг.), их длина была соответственно 215 и 190 м. Исключение составляла плотина Быньговского завода – она растянулась на 695 м⁴⁸.

Плотины были приспособлены к климатическим условиям Урала. Геннин отмечал, что плотины, применявшиеся в Германии (крепкие каменные плотины, полностью перекрывавшие реку и направлявшие воду в боковой отводной канал-ларь, откуда она поступала к механизмам, либо обычный ларь, использовавший естественный уклон), не могли применяться в России. Геннин совершенствовал тогдашние технологии и обращал особое внимание на мелочи⁴⁹. Холодные зимы и мелководность рек летом требовали больших запасов воды, которая в сильный мороз не промерзала. Таким образом, не нужно было разводить костры под мельничными лопастями, дабы уберечь их от замерзания. В целях защиты от весеннего паводка, который мог снести плотину, строился вешняк – канал для отвода лишней воды (см. план Екатеринбурга). Спецификой Урала было и то, что плотина строилась из дерева, укреплялась глиной и усиливалась по углам чугуном⁵⁰.

Плотина давала энергию для доменных мехов и молотов. Литье чугуна иковка железа не всегда производились в одном помещении. Трудности транспортировки угля, вынуждавшие, насколько это было возможно, располагать углехранилища рядом с заводом, вызывали рассредоточение производства; это, в свою очередь, увеличивало количество предприятий.

1.3. Железная металлургия

Почти на всех уральских горных заводах XVIII в. было 1-2 домны. Однако на некоторых предприятиях (например, на Кушвинском заводе (1735 г.), который Паллас посетил в 1770 г.) число домен со временем достигло 4⁵¹. Но такие заводы были исключением.

При изучении горных заводов XVII в. мы сталкиваемся с многочисленными трудностями. Дело в том, что в XVII в. специальное оборудование в российской (и

⁴⁷ Строительство плотин Верхне-Уктусского и Верхне-Исетского заводов, начатое соответственно 1 июня 1722 г. и 1 июня 1725 г., было закончено осенью (Геннин В. Указ. соч. С.439 и 457).

⁴⁸ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.296-300.

⁴⁹ Геннин В. Указ. соч. С.131-132.

⁵⁰ Там же. С.131. Геннин критикует технологию строительства плотин в России.

⁵¹ Паллас П.С. Указ. соч. С.262.

уральской) металлургии почти не использовалось. Когда появились первые домны и когда стала применяться энергия воды – неизвестно. Возможно, домны возникли на Тульских заводах Виниуса и Марселиса в 1632 г., но в точности установить это пока невозможно⁵². Первые современные заводы появились в России лишь во второй половине XVII в. До начала XVIII в. немногочисленные уральские металлургические «заводы», как мы видели, являлись ремесленными цехами, просто более крупными и производившими железо в небольших печах. Воздух подавался в них с помощью кожаных ручных мехов; получаемый в процессе плавки губчатый ком железа весил около 1 пуда и подвергался затем ковке и обжигу. Получаемое в итоге железо было неодинакового качества, и иногда становилось «кропким», т.е. хрупким и непригодным для обработки.

В то время еще не умели получать металл хорошего качества путем правильного подбора исходных компонентов. Воду, возможно, стали использовать для приведения в движение молотов в конце XVII в., а о печах никаких сведений в источниках нет. Можно предполагать, что они походили на те, что использовались тогда в Европе и были описаны Агриколой в XVI в.⁵³ Аналогичные сыродутные печи были обнаружены в 1932 г. экспедицией Академии наук СССР у горных таджиков⁵⁴.

В начале XVIII в. западная металлургическая техника, уже известная в Центральной России, была внедрена государством на Урале. Пионерами этого дела были иноземные и русские мастеровые Тульских и Олонецких заводов, основавшие первые казенные предприятия. Таким образом, за четверть века, но особенно при Татищеве и Геннине, кустарная металлургия исчезла; более того, развитие казенных заводов после 1720 г. сказалось на росте их партикулярных соседей. Модернизация была быстрой и всеобщей, ремесленное производство играло лишь вспомогательную роль на новых предприятиях с домнами и вододействующими механизмами. На всех горных заводах техническое оборудование и производственная технология были едиными. «Описание» Геннина, таким образом, применимо ко всем уральским заводам 1735 г. и более позднего времени, поскольку до конца XVIII столетия в этой сфере никаких изменений почти не произошло⁵⁵. В 1750-е гг. наряду с расширением старых промышленных центров появились новые, следовательно, изменился географический ландшафт и произошла полная трансформация социально-экономического облика Урала.

Завод, являвшийся составной частью этого процесса, в основном сохранил прежний облик. Первичную обработку сырье проходило на руднике – для XVIII в. это было новшеством – затем его перевозили на завод и складировали вместе с древесным углем и известняком. Прием руды, при котором присутствовал целовальник (кладовщик)⁵⁶, сопровождался ее экспертизой, осуществлявшейся рабочим рудника и молотовым мастером. Одновременно различные виды руды смешивались для получения желаемого сорта чугуна. Другое новшество того периода – проведение «лабораторного» анализа готовой продукции, о чем часто упоминает Геннин⁵⁷.

Раздробленная руда, известняк и древесный уголь двумя засыпщиками загружалась в баки (колочи) домны. Уральские доменные печи напоминали русские домны

⁵² Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.57. П.Г.Любомиров (Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.271) допускает применение А.Виниусом в 1630-х гг. гидравлической силы на доменном заводе. Описание завода с 4 плотинами, 4 домнами, 2 мастерскими для сверления пушек водою, и 4 (потом 5) молотовыми, датируется, однако, не началом века, а «периодом напряженного использования» (1640-е гг.).

⁵³ Agricola G. De re metallica (1-е издание, 1546-1557 гг.), см.: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.57 (используется третье базельское издание 1561 г.).

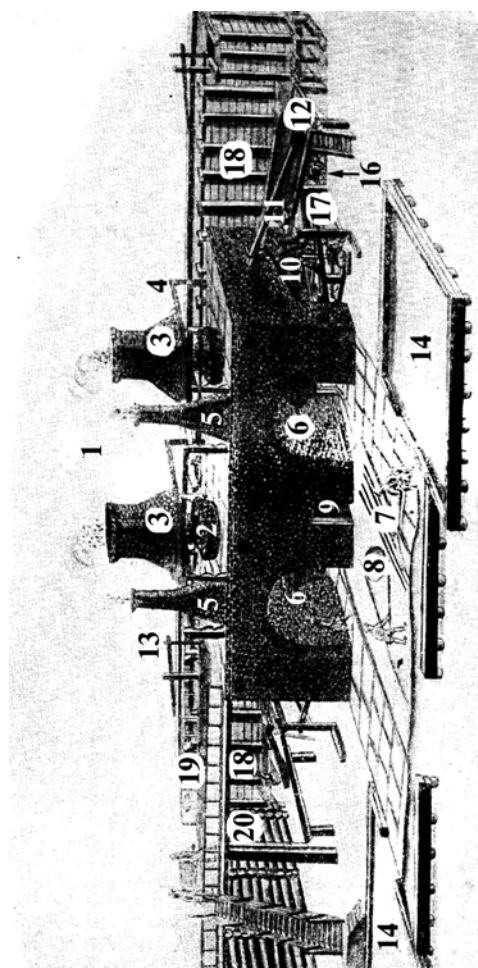
⁵⁴ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.59.

⁵⁵ Тринадцатиметровая домна в Невьянске, ежедневно выдававшая несколько тонн литья, была исключением.

⁵⁶ Целовальник – поклявшийся на кресте честно исполнять свои обязанности.

⁵⁷ Геннин В. Указ. соч., passim; Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.63.

XVII в., но были больше: их средняя высота в начале XVIII в. возросла с 4 до 5 сажен (с 8 до 10 м)⁵⁸.

Доменная фабрика

1. Элевация и прошект доменной фабрике с ларем и с мехами и с фурмовыми и протчими принадлежащими при ней строениями.

2. Колоши, в которые руда и уголь сыплютца.

3. Над ними трубы, которые надлежит делать ис крышечных досок, а не ис кирпича, дабы связи чугунные, что означены №-м 4-м, на которых оные трубы стоят, не могли подломитца.

5. Трубы, в которые происходящие из доменных горнов и искры и жар, что бывают при выпуске чугуна и принятии и вытаскивании из горну соку, проход имеют.

6. Где чугун выпускаетца из горну.

7. Борозды из песку, в которые чугун выпускаетца.

8. Тчан, в которой фурмы пущечные ставятца при литье.

9. Проход между домнами и где доменные работники при работе живут.

10. Мех.

11. Очепы, которыми меха поднимает.

12. Постеля под очепами.

13. Подъем запорный из ларя.

14. Место, где фурмовые.

15. Связи железные сквозные (на рисунке не обозначены. – Р.П.).

16. Водяное колесо, которым меха действуют.

17. Вал.

18. Ларь.

19. Мост – уголь носят к колошам.

20. Плотина.

⁵⁸ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.63.

Размеры домны на Екатеринбургском заводе (см.: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.191) являются средними для Урала:

Высота доменной печи	7,4 м
Высота труб над колошами	4 м
Длина мехового стана	4,95 м
Диаметр водяного колеса к мехам	3,29 м

Примечание. Трубы доменной печи на Екатеринбургском заводе были изготовлены из кирпича.

Построенная Акинфием Демидовым в 1743 г. на Невьянском заводе 13-метровая домна была уникальным сооружением⁵⁹. В 1767 г. там же возвели вторую домну высотой 19 м⁶⁰. Домны казенных заводов были не выше 8,5 м, и либо соответствовали по размерам европейским аналогам, либо превосходили их. Домну обычно обслуживали мастер, 2 подмастерья и ученик, выполнявший главным образом роль сменщика (для «упалых мест»)⁶¹.

Производительность домны зависела от ее размеров, устройства мехов и патрубков (фурма). На каждом заводе размеры домны были свои, но в течение столетия они, по крайней мере, на некоторых предприятиях, увеличились. Доменные печи казенных заводов во времена Геннина давали в среднем 4-5 т чугуна в сутки⁶², иногда 3-4 т. Когда Демидов в 1743 г. построил новую домну, она была оснащена фурмой, что стало настоящим техническим переворотом⁶³, позволившим удвоить ее производительность⁶⁴.

Готовый чугун отправлялся на кричную фабрику, где изготавливались железные крицы, производился и чинился мелкий металлический инструмент. На меньших предприятиях кричная фабрика имела 2 молота, обслуживавших 4 простые или 2 двойные печи (например, в 1735 г. на Верхне-Уктусском заводе)⁶⁵. Но в других местах в одном или нескольких смежных зданиях могли применяться 3 (Синячихинский), 4 (Каменский, Шуралинский, Верхне-Тагильский – два последних принадлежали Демидову), 6 (Верхне-Исетский, Сысертский) и даже 8 молотов (Екатеринбург). Алапаевский чугунолитейный завод, игравший важную роль в уральской металлургии, имел лишь 2 молота. В XVIII в. число молотов достигало на самых крупных предприятиях 8-13. Например, на Катав-Ивановском заводе в 1762 г. было 12 молотов, из них 4 – запасные⁶⁶, Симском (1750 г.) – 12, Юрюзанском (1758 г.) и Нытвенском – по 9. Обычно же молотов было 4-6.

Один молот обслуживали 12 работников: 4 мастера, 4 подмастерья и 4 рабочих. Для работы с крицей требовалась большая физическая сила. Геннин требовал контролировать качество и количество выпускаемого чугуна; кричный мастер должен был посвящать этому все воскресные полудни, чтобы работа велась непрерывно⁶⁷. Один мастер с подмастерьем и работником ежедневно производили 1 крицу железа весом в 10-12 пудов (160-200 кг)⁶⁸; таким образом, 4 команды, работавшие с 1 молотом, выдавали за

⁵⁹ Павлов М. Предисловие // Геннин В. Указ. соч. С.9.

⁶⁰ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.296.

⁶¹ См. Приложение к настоящей книге. Выражения «мастер» и «подмастерье» означают не корпорацию, а различный уровень квалификации.

⁶² Невьянская домна в 1701 г. выдавала 2, Екатеринбургская в 1734 г. – 4 т чугуна в сутки.

⁶³ Павлов М. Указ. соч. С.9.

⁶⁴ Лишь после 1780 г. применение новых фурм, заимствованных из Англии, позволило удвоить производительность чугунолитейных заводов.

⁶⁵ В конце XVIII в. на 1 молот приходилась 1 печь.

⁶⁶ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.400. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. Passim.

⁶⁷ Геннин В. Указ. соч. С.396.

⁶⁸ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.69.

день 40-50 пудов (приблизительно 650-800 кг) железа. Согласно Геннину, годовая производительность 1 молота составляла 8000 пудов, что соответствовало 200 рабочим дням.

Конструкция печей оставалась очень простой⁶⁹. Устройство молота почти не изменилось по сравнению с предыдущим веком. Однако у молотов появились сменные «головы» различной формы, да и сам этот механизм усложнился. После 5-6 плавов получали либо полосовое железо в виде толстых брусьев длиной примерно 4 м, либо связное или брусковое железо длиной около 3 м⁷⁰. 90 пудов чугуна давали 60 пудов железа. Прежде чем приступить к дальнейшей переработке, железо подвергали пробе «по адмиралтейскому регламенту»⁷¹.

Экспертизу производили по образцам и нормам, установленными обербергам-том. Геннин советовал оставлять допуск на ширину и толщину в связи с тем, что «никакой мастер из имеющихся на свете как в Швеции, так и в прочих государствах, где давно искусные люди имеютца и в тех делах великое тщание имеют, не может все железо привести в сходность прямо окуротно и нельзя, для того на оное есть многие резоны, а отчего пущая притчина объявляю при сем: 1) такие мастера есть, что глаза имеют худые и сами они стары, а другие имеют дрожжачие руки; 2) механической резон, что молот на полосу в том месте, где железо больше разогрето, падает глубже, а где не очень и не докрасна розогрето, то в том месте не так глубоко падает и от того полоса неравна. Сверх того, железо – не дерево и так полосы, якобы стругом строганные из дерева, сделать не можно»⁷². На опробованных брусках ставилось клеймо частного завода (на казенных заводах – царский герб).

Связное и полосовое железо вытягивалось обычно не из всей крицы, а из ее «передней» части, которая в горне попадала под форму и лежала в угле. Другой конец крицы («хвост») оставался снаружи, за него ее переворачивали или держали клещами при разрезке; из него изготавливали прутья длиной 1-2 м, которые продавались казне по сниженным ценам и не экспортировались за границу⁷³.

Теперь отходы железа не выбрасывали. Брак, обсежки и обломки металла, старые инструменты и выборки из горнового кричного шлака (после их истолчения и промывки), «треска железная» (осколки, получавшиеся при ковке железа, окалина с крицы, и т.д.) шли на переплавку. Из «трески», кроме того, выделявали уклад и сталь. Будучи европейцем, Геннин учитывал каждую мелочь, на которую непривычные к аккуратной работе русские мастера не обращали никакого внимания⁷⁴.

Из брускового железа изготавливали сортовое железо, жость, уклад и сталь. На горных заводах Урала все операции по переработке железа в уклад и затем уклада в сталь производились в отдельных цехах⁷⁵. В послегеннинское время число молотов сравнялось с числом горнов; кроме того, один вал стал теперь приводить в действие сразу несколько молотов, что ускорило ковку⁷⁶. Уклад получали в специальных печах, имевших в большинстве случаев 2 горна, и стоявших рядами друг против друга. Ук-

⁶⁹ Геннин В. Указ. соч. С.639; см.: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.70.

⁷⁰ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.72. Брусья весили в среднем около 30 кг.

⁷¹ Геннин В. Указ. соч. С.203 и сл.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С.208.

⁷⁴ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.75.

⁷⁵ См. план завода в Екатеринбурге; Геннин В. Указ. соч. С.265, 278.

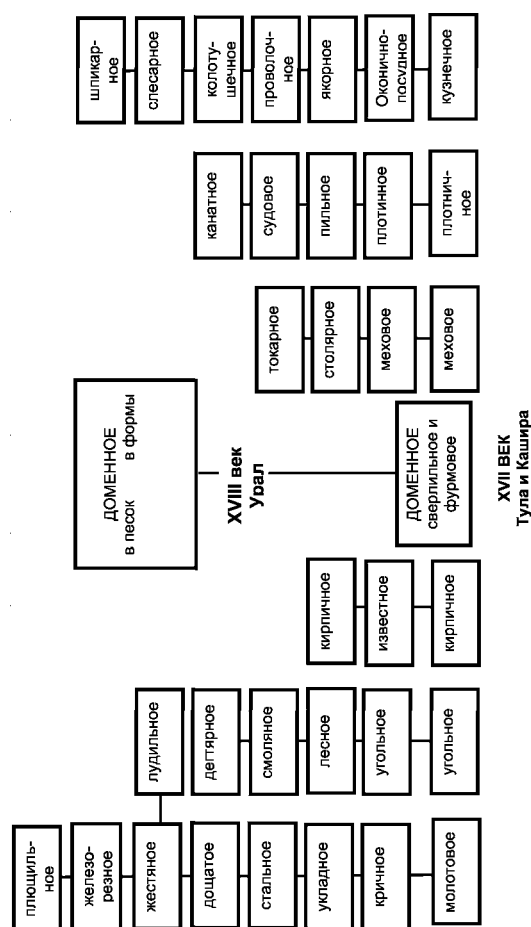
⁷⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.80-82. Лишь в 1798 г. на уральских казенных заводах попытались изготовить цементированную сталь. До сих пор сверхтвердые стали для изготовления чеканов, матриц и т.д. покупались во Франции или Англии. Войны затрудняли торговлю России с Европой, поэтому однажды начальник Уральских горных заводов Н.С.Ярцев вызвал из Сибири немецкого каторжника Гумпрехта, которому поручил делать в Екатеринбурге сталь, но из этого ничего не вышло. Возможно, что печи для цементации были построены в Нижнем Тагиле Демидова на несколько лет раньше.

ладная фабрика в Екатеринбурге имела 2 ряда таких печей с 5 горнами; позади каждого ряда находились меха, причем все 20 мехов работали от одного водяного колеса.

Сталь вырабатывалась из уклада в особой «фабрике», для которой не требовалась очень высокая температура⁷⁷ и, следовательно, не нужно было много мехов; в Екатеринбурге такая «фабрика» имела 3 горна с мехами, движимыми одним водяным колесом. Однако строгой специализации цехов еще не было: в одной «фабрике» можно было увидеть и тяжелый молот, и легкий, предназначавшийся для вытяжки шпажных и сабельных клинков.

Уклад, сталь и брусковое железо проверялись на прочность⁷⁸.

Таблица 25
Диаграмма дробления производственных мастерских на Урале XVIII в.

1.3.1. Увеличение количества цехов

Первые уральские металлургические заводы изготавливали главным образом оружие. Но уже во второй половине царствования Петра Великого⁷⁹, когда Никита Ан-

⁷⁷ Чем больше угля в железно-угольной смеси, тем легче ее плавить. Температура плавления для чугуна составляет 1050 градусов, для стали – 1500 градусов, для железа – 1600 градусов.

⁷⁸ Геннин В. Указ. соч. С.270-271 и 281.

⁷⁹ См. именной указ Геннину от 16 ноября 1723 г. «О неделании на Уктусских, Алапаевских и Каменских железных заводах оружия, о присылании на оное дело железа на Сестрорецкие заводы»: «Письмо Ваше октября от 7 числа (от Геннина. – Р.П.), в котором пишете о совершении меднаго завода,

туфьевич Демидов инициировал бурное строительство партикулярных и казенных предприятий, военное производство сосредоточилось на северо-западе (Олонецк, Сестрорецк⁸⁰) и в центре (Тула) страны⁸¹. Урал же остался поставщиком чугуна и особенно железной крицы. Вплоть до 1740-х гг. вооружение выпускали на Урале лишь несколько цехов, где лили пушки и ковали холодное оружие (например, в Екатеринбурге).

Но после 1736 г. и особенно начиная с середины века, когда усилилась индустриализация Среднего и началось промышленное освоение Южного Урала, с одной стороны, возобновилось военное производство на специально построенных для этого Мотовилихинском (1736 г.), Воткинском (1759 г.) и Ижевском (1760 г.) заводах⁸², а с другой – предприятия края приступили к выпуску бытовой продукции. Наконец, горные заводы, до этого оснащавшиеся оборудованием, привезенным из центра страны, перешли с изготовления и починки мелких инструментов на выпуск прокатных и плющильных станков, молотов, мехов, наковален, и т.д.

Из-за отсутствия источников этот процесс проследить трудно⁸³. При Геннине (1722-1734 гг.) на заводах уже изготавливались молоты и меха. Труднее датировать начало производства предметов обихода. Демидов построил в 1731 г. на Быньговском заводе цех по изготовлению кос и серпов, продававшихся по всей России и даже шедших на экспорт⁸⁴. Все это усложнило структуру большинства уральских горных заводов и к середине века выпуск такого рода продукции сосредоточился преимущественно на предприятиях Южного Урала⁸⁵.

Екатеринбург поставлял как железо, так и медь, снабжал сырьем другие казенные заводы. Некоторые частные предприятия (например, Невьянские и Нижне-Тагильский заводы) походил на него, но чаще всего имели узкую специализацию.

* * *

Заводское оборудование тоже производилось на месте. Большинство массивных металлических деталей (валки плющильных и прорезных станков, молоты, наковальни и т.д.) делались на «якорной фабрике». Такое название сохранялось у нее вплоть до начала XIX в.⁸⁶, хотя на ней выпускались преимущественно запчасти. В екатерин-

названного Екатеринбург, також о строениях медных же заводов, одного в Кунгуре близ Камы реки по реке Ягушихе (речь идет о Ягошихинском заводе, предшественнике Перми. – *Р.П.*), другаго на реке Ляле близ Верхотурья (Лялинский завод. – *Р.П.*), третьяго при Пыскорском монастыре, и то изрядно учинено: только надлежит того смотреть, дабы был водяной ход как для привозу материалов на заводы, так и для отвозу сделанных вещей на заводах, чтоб без водяного ходу не учинилось дороговизны, что Вы заводы железные Уктусские, Алапаевские и Каменские исправили и железо доброе на них делают и зачете по указу пушки и мортиры лить, то хорошо; а что Вы зачали делать фузеи и шпаги, и то по получении сего вели отставить и впредь там ружья делать не надобно; а железо, потребное на оружейное дело, присылайте сюда на Сестрорецкие заводы, которые уже совсем сделаны; а что пишете о указах, чтоб воеводы вятской, соликамской и верхотурской чинили в строении заводов вспоможение: и такие указы к тем воеводам и прочим тех городов управителям при сем к Вам за подписанием Нашей руки посылаем, жалованье, определенное Вам заслуженное, берите из тамошних доходов» (Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4369).

⁸⁰ Новый завод, расположенный на берегу Финского залива, к северо-западу от Санкт-Петербурга.

⁸¹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.102.

⁸² Там же. Некоторые старые заводы (например, Каменский) возобновили в небольшом количестве производство пушек: Рубцов Н.Н. Указ. соч. С.119 (о пушках, отливавшихся на Каменском заводе).

⁸³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.131.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Тем не менее, правительство очень рано позаботилось о производстве бытовой продукции на казенных заводах. Указ от 4 июня 1724 г. (следствие рапорта Татищева) упоминает о желательном обучении крестьян региона, которые могли бы изготавливать ножи, бритвы и другие железные изделия (Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4529).

⁸⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.132.

бургском цехе с 4 печами⁸⁷, водяными мехами, молотом и наковальнями трудилось в 1735 г. около 40 рабочих (среди которых было 16 отбывавших срок наказания преступников⁸⁸).

Мелкие детали изготавливались на колотушечной и кузнечной фабриках. Первая, производившая также «сортовое железо», отличалась от второй меньшими размерами печей и молотов и их формой.

В Екатеринбурге колотушечная фабрика имела 2 печи и 1 молот, на ней работали 3 человека, которым помогали рабочие кузницы; изготавливала она 75 видов продукции⁸⁹.

«Кузнечная, мелкого дела, фабрика» в Екатеринбурге (ее 12 печей обслуживали почти 20 рабочих) состояла из кузницы, слесарного и шпикарного цехов и производила до 217 видов предметов. В слесарном цехе чинили оружие и мелкие детали. В шпикарном цехе под руководством «шпикарни по выделке гвоздя мастера» трудилось несколько рабочих, которые в остальное время работали на кричной фабрике или в молотовой. Они же приводили в действие и меха. Шпикарня не только удовлетворяла потребности завода в гвоздях, изготавливая 23 вида их⁹⁰, но и подвергала часть «связного железа» последнему волочению (протяжке), превращая его в «прутовое железо» или «гвоздевое железо» квадратного или круглого сечения⁹¹.

* * *

Завод выпускал несколько видов железа. «Брусковое железо», уклад и сталь сначала получали в виде полуфабриката. Затем с помощью протяжки, проката иковки из него изготавливали «сортовое железо»: «обручное», «полосовое», «связное» или «брусковое» разной толщины, куда следует добавить «подковное железо» – квадратного («прутовое», «гвоздевое») или круглого («прутовое») сечений.

Все железо, поступавшее с колотушечной фабрики, проходило через плющильный и железорезный цеха. Их оборудование было заимствовано казенными заводами в 1724 г. у саксонцев и позволило ускорить выпуск лучше откалиброванных брусьев. На екатеринбургской плющильне, имевшей 2 печи и 2 стана, трудилось 7 работников и 2 сторожа⁹². То же самое было и на Невьянском заводе⁹³.

Наконец, на третьем этапе из брусьев делали листовое железо или железную проволоку. Дощатая фабрика очень походила на молотовую или колотушечную, но ее молоты были меньших размеров. В Екатеринбурге на дощатой фабрике имелось 4 печи и 4 молота, которые обслуживали свыше 30 человек⁹⁴.

Большинство уральских перерабатывающих заводов выпускали лишь листовое железо. Но Геннин построил в Екатеринбурге и Олонце жестяную и лудильную фабрики, которые вплоть до середины XVIII в. не имели конкурентов и лишь когда немецкие мастера обучили этому русских, производить жесть начали и на частных заводах⁹⁵, в частности в Невьянске⁹⁶.

⁸⁷ Там же. С.198 (инвентарь Екатеринбургского завода, по В.Геннину); Приложение к настоящей книге.

⁸⁸ Там же. С.246-248; *Геннин В.* Указ. соч. С.336-338.

⁸⁹ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.242-245.

⁹⁰ Там же. С.266.

⁹¹ *Геннин В.* Указ. соч. С.312.

⁹² *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.104.

⁹³ См. «Список работников казенных заводов в 1734 г.» в Приложении к настоящей книге; *Геннин В.* Указ. соч. С.306.

⁹⁴ См. «Список работников казенных заводов в 1734 г.» в Приложении к настоящей книге; *Геннин В.* Указ. соч. С.218.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С.296.

Проволочный цех в Екатеринбурге занимал трехэтажное здание⁹⁷, на первом этаже которого находился вал лопастного колеса, а на втором стояли волокни. Печные меха были не деревянными, а медными, «голландской модели»⁹⁸. Там трудилось около 15 человек⁹⁹, среди которых были мастер и колотушечный подмастерье.

* * *

Уральские металлургические заводы в основном производили полуфабрикат, но в середине века они начали выпускать предметы обихода, ставшие для южноуральских предприятий одним из основных видов продукции. Оружия на Урале производилось мало, этим занимались сестрорецкие и тульские предприятия, а после 1760 г. производство вооружений возобновилось на новых заводах северо-запада страны. Только в Екатеринбурге продолжали лить пушки, изготавливать шпаги и кинжалы, но в ограниченном количестве – в 1722-1733 гг. было сделано 378 шпаг с ножнами из кости и меди¹⁰⁰. Пушечная фабрика состояла из 2 цехов (в одном изготавливались литейные формы, в другом сверлили жерла), где под руководством мастера-сверлильщика работали 5-6 рабочих и каторжники¹⁰¹.

Что касается литья якорей, то для этого требовалось специальное оборудование; учитывая массивность изделия, цех работал над ним несколько недель, но из-за отсутствия постоянных заказов «якорная фабрика», как я уже отмечал, занималась другими делами. Якоря изготавливали лишь несколько крупных горных заводов, в частности, Екатеринбург.

Завод выпускал и предметы повседневного спроса. Этим занимались те же самые цеха (шпикарные и т.д.). Увеличение на заводах в середине XVIII в. числа мелких кузниц было обусловлено развитием регионального рынка, породившего спрос на железные изделия – стаканы, горшки, тарелки, блюда, лампы, измерительные инструменты, предметы культа. Но и теперь они потреблялись внутри Урала. Поэтому изготовление посуды, хотя она и была ходовым товаром, лишь дополняло основное производство. В частности, на южноуральских горных заводах посудных цехов было мало. На Екатеринбургском заводе в 1735 г. посуду делали 7-8 рабочих¹⁰², к которым, правда, нужно добавить людей, временно привлекавшихся для выполнения крупных заказов.

* * *

Завод того времени был самодостаточным заведением. Возведение зданий, печей и их обслуживание требовало наличия каменщиков. Основным строительным материалом тогда был лес, следовательно, нельзя было обойтись без плотницких и столярных цехов. Наконец, крупнейшие горные заводы строили на своих верфях баржи (коломенки) – суда длиной 32-35 м и шириной более 6 м¹⁰³, на которых весной сплавляли по уральским рекам металл. Такая верфь была в Екатеринбурге, а Шайтанский завод обеспечивал баржами все невяньские предприятия¹⁰⁴. С середины XVIII в. баржи строили Усть-Катавский и Юрюзанский заводы. Судостроение породило производство гудрона, и даже прядение конопли: Геннин считал, что корабельные канаты следует изготавливать на местах; по его данным, в 1734 г. для 30 коломенок требовалось 919

⁹⁷ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.113; Геннин В. Указ. соч. С.288.

⁹⁸ Геннин В. Указ. соч. С.292.

⁹⁹ Там же. С.295.

¹⁰⁰ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.123.

¹⁰¹ Геннин В. Указ. соч. С.184.

¹⁰² Там же. С.340.

¹⁰³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.296.

¹⁰⁴ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.300.

пудов конопляных канатов, 91 пуд – для Екатеринбургского и Полевского заводов¹⁰⁵, т.е. всего 16 т.

Эти отрасли производства (особенно судостроение и прядение конопли) имелись не везде. Для ремонта коломенок требовалось много людей. Поэтому такие работы обычно велись вне цехов. Канаты изготавливались летом во дворах прядильщиками под руководством спускальщика¹⁰⁶. Для постройки судов были возведены новые здания, в первую очередь водяные пильные мельницы. 2 пильные мельницы имелись на Шайтанском заводе¹⁰⁷. В Екатеринбурге была 1 мельница, на которой в 1734 г. работали 5 рабочих, в том числе 1 кузнец. Меха и деревянные детали, напротив, изготавливались в стенах завода. В Екатеринбурге этим занимались примерно 12 человек¹⁰⁸. Но все эти люди были прикреплены к заводам. Столяры, каретники, бочары, кирпичных дел мастера, каменщики и землекопы в 1734 г. составляли примерно 1/6 часть екатеринбургских рабочих¹⁰⁹.

Наличие большого числа работников, непосредственно занятых в металлургии – это характерная особенность всех железоделательных заводов. Ремесло уходило своими корнями в крестьянскую жизнь. Столяр, каменщик, кирпичных дел мастер были ближе к крестьянам и, в конечном счете, ощущали себя не столь тесно связанными с заводом, как рабочий-металлург¹¹⁰.

1.4. Медная металлургия

Редкие упоминания о медной металлургии в XVII в. позволяют предположить, что она была не столь развита, как железная¹¹¹. Я уже упоминал о робких попытках разработки уральских месторождений, расположенных на северо-востоке региона (Кунгур, Соль Камская). Уральскую медеплавильную промышленность создал Геннин, вероятно, на основе иностранного опыта. Замечу, что в железоделательной промышленности немецкая терминология применялась в сфере организации производства, а в медной – в технической области: ср. «гармахерский» горн, «штыкофен», названия печей, и т.д.¹¹²

Получение меди из руды требует более сложного производственного цикла, чем при производстве железа. Для очистки медной руды был необходим ряд операций. Шлак обрабатывали с помощью специальных механизмов¹¹³. Хотя качество медной руды на Урале было лучше, чем в Германии¹¹⁴, ее, тем не менее, подвергали тщательной обработке, строго контролируя этот процесс. Этим занимался берг-пробирер, находившийся «под ведением обербергамта». Пробирщика проверяли шихтмейстер (составитель шихты)¹¹⁵ и гитенмейстер (старший плавильный мастер).

Предварительный обжиг руды в кучах производился рядом с шахтой. Это была долгая и непрерывная операция, занимавшая 2-3 месяца. Выделявшиеся при этом газы

¹⁰⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.153; Геннин В. Указ. соч. С.343.

¹⁰⁶ Геннин В. Указ. соч. С.340.

¹⁰⁷ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.300.

¹⁰⁸ Геннин В. Указ. соч. С.372-382.

¹⁰⁹ Там же. С.330.

¹¹⁰ Там же. С.136; Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.285. Речь идет, конечно, о постоянном персонале, занимавшемся эксплуатацией и ремонтом оборудования.

¹¹¹ <Подробнее см.: Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVIII-XIX вв. Свердловск, 1988>.

¹¹² Эти заимствования не распространялись на сами операции. Специфика Урала требовала усовершенствовать заимствованные процессы экспериментальным путем (Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.178-179).

¹¹³ Там же. С.99-100.

¹¹⁴ Геннин В. Указ. соч. С.403.

¹¹⁵ Там же. С.392.

отражались на здоровье рабочих и наносили ущерб окружающей среде; сернистые пары, исходившие из кучи, образовывали серную кислоту, которая обычно выжигала окружающую растительность в направлении потоков ветра¹¹⁶.

Плавкой руководил гитенмейстер, чаще всего иностранец, управлявший заводом¹¹⁷. Ему подчинялись гитеншрейбер (плавильный подъячий), ведущий учет количества и состав сырья, пробирщик и шихтмейстер. Последний был основной фигурой производственного процесса и являлся русским¹¹⁸. Геннин замечает, что в Саксонии при плавильных печах шихтмейстеров «не имеетца». Но на Урале, где рабочие «люди простые, ис крестьян, и грамоте неученые», нельзя обойтись без помощи окончивших школу и обученных «арифметики и рисованию» шихтмейстеров¹¹⁹. Обычно один шихтмейстер обслуживал несколько печей¹²⁰.

Первую плавку руды осуществляли в крумофене (нем. Krumöfen – ‘косая печь’), обслуживаемом обершмельцером (старший плавильщик)¹²¹, чаще всего русским (он один управлялся с 1-2 печами¹²²), шмельцером (рабочий-плавильщик), ауфтрайгером (подносчик руды, плавней и угля) и фарлауфером (засыпщик руды и флюса). Получаемая при этом неочищенная медь – роштейн – содержала серу и различные примеси и подвергалась дальнейшей обработке¹²³. Ее проводили в простых печах, или в кальценирах (печи для обжига или для просеивания), опробованных в Пермском дистрикте¹²⁴. И те, и другие были закрыты кожухом, чтобы защитить людей от воздействия серных испарений. Эти печи обслуживались обжигальщиками и давали черную медь, содержащую остатки серы и примеси металлов. Чтобы их удалить, нужно было вновь производить плавки¹²⁵. С помощью достаточно сложных операций, осуществлявшихся в гармахерском горне, а иногда в шплейзофене (самодувной печи) или штыкофене¹²⁶, получали очищенную медь в виде «штыка» – бруска медного «хлеба», который штамповали и отправляли на продажу или на дальнейшую переработку. На этих печах работали гармахер (штыковой плавильщик) и отделители, которым помогал гейнштепбухер (дробильщик древесного угля и шлака).

Весь процесс получения меди, в отличие от выделки железа, обычно происходил в одном помещении¹²⁷. Плавильные и очистительные печи были расположены в один или несколько рядов, в конце которых находились гармахерский горн и шплейзофен. Екатеринбургский завод во времена Геннина имел 2 печи и 1 гармахерский горн, Полевской завод – 8 печей и 2 гармахерских горна, более крупный Пыскорский завод имел 2 здания, 5-6 печей и 2 гармахерских горна¹²⁸. Обычно 1 гармахерский горн обслуживал 2-4 плавильных и 7-8 обжигательных печей¹²⁹. Таким образом, медеплавильный завод представлял собой большой цех с множеством работников, осуществлявших 7-10 операций; на 12 работников, обслуживавших домну и кузнечный молот,

¹¹⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.87.

¹¹⁷ Геннин В. Указ. соч. С.387-388.

¹¹⁸ См. выше. Шихтмастер – русское искажение термина.

¹¹⁹ Геннин В. Указ. соч. С.389. Шихтмастер составлял проекты строительства печей.

¹²⁰ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.101.

¹²¹ Геннин В. Указ. соч. С.399 и сл.

¹²² Там же. С.395.

¹²³ Иногда бесполезную для некоторых руд.

¹²⁴ Геннин В. Указ. соч. С.408.

¹²⁵ В XVIII в. еще не умели извлекать из меди примесь серебра: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.86.

¹²⁶ Геннин В. Указ. соч. С.411 и сл. Таким образом получали очищенную или «розеточную»

медь.

¹²⁷ См.: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.92-100.

¹²⁸ Геннин В. Указ. соч. С.542.

¹²⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.95.

приходилось примерно 15 рабочих по очистке меди¹³⁰. Обработкой меди занимались квалифицированные мастера, технология ее получения вполне соответствовала западным стандартам, но вплоть до конца XIX в. медеплавильная промышленность России сохраняла те же архаичные черты, что и железоделательное производство.

Готовая медь шла на дальнейшую переработку или перерабатывалась на местах в предметы обихода. Первоначально ее поставляли в виде штыков (слитков), затем в виде листов «красной» или «желтой» меди (латунь); тогда же научились получать латунь путем выплавки штыков с очищенным цинком (шпиаутером) или цинковой рудой (галмеей) в шплейзофене.

Медные листы в основном шли на обшивку подводной части корпусов судов, на кровлю петербургских дворцов¹³¹. Их ковали на колотушечных фабриках, аналогичных тем, что были на железоделательных заводах (если завод был одновременно медеплавильным и железоделательным, как Екатеринбург¹³², то один и тот же цех обрабатывал и медь и железо).

Изготовление крицы и листовой меди, продававшихся в крупные города, было основным видом деятельности медеплавильных заводов в течение всего XVIII в. Значительная часть штыков отправлялась на екатеринбургский Монетный двор¹³³, а также на Московский монетный двор.

Заводы постепенно переходили с выпуска медных листов на производство бытовых предметов, например, посуды. В начале XVIII в., кроме штыков, почти полностью шедших на чеканку монеты, горные заводы выпускали только колокола. Затем колокольное производство на казенных заводах было прекращено, а на частных велось только на заказ¹³⁴. Что касается изделий из меди, то их изготавливали на ряде специализированных заводов (в 1756 г. их насчитывалось 3)¹³⁵. Несомненно, на выпуск предметов обихода шла лишь небольшая часть выплавленной меди, но в отличие от железа, медная посуда не вывозилась за пределы Урала, а реализовывалась на месте. Техника изготовления медной посуды была совершенно иной, чем жестяной из-за вязкости материала. На колотушечной фабрике изготавливали медные чаши. Геннин вкратце рассказал об этом ремесле¹³⁶. Его список из 54 изделий, изготавливавшихся на казенных заводах, явно неполный, поскольку в нынешних советских музеях их храниться гораздо больше¹³⁷. После отъезда Геннина на Урале стали производить новые предметы быта, например, самовары.

На медеплавильном заводе, таким образом, трудилось столько же людей, сколько на среднем железоделательном предприятии – 60-100 человек. Но вот мастеров на медеплавильном заводе было больше, а вспомогательных работников – меньше. Оборудование для него поставлялось с железоделательных заводов. Меди производи-

¹³⁰ Геннин назначил 2 шмельцеров, 2 аутфрайгеров, число основных квалифицированных рабочих для плавильной печи: *Геннин В.* Указ. соч. С.391.

¹³¹ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.118.

¹³² *Геннин В.* Указ. соч. С.420-422.

¹³³ Монетный двор начал работать в 1735 г. при Татищеве; Геннин не упоминает о нем, хотя начинал его строительство. С 1726 г. Монетный двор имелся в Санкт-Петербурге и чеканил золото, серебро и платину. В 1765 г. в Сибири, на Оби, было создано еще одно предприятие по чеканке меди – Сусунский завод. Проект Монетного двора в Екатеринбурге был разработан давно: еще указом от 14 июня 1725 г. (Полное собрание законов Российской империи. № 4736) Сенат предписывал Геннину чеканить деньги на уральских горных заводах.

¹³⁴ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.242.

¹³⁵ Там же. С.222. В частности, Суксунский Демидова: Там же. С.364.

¹³⁶ *Геннин В.* Указ. соч. С.429-434. На этих страницах описывается процесс лужения меди.

¹³⁷ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.127.

лось немного и для ее транспортировки требовалось мало судов¹³⁸, поэтому на медеплавильных заводах было мало плотников.

1.5. Техническое развитие в целом

Знакомство с историей уральских горных заводов подтверждает вывод о том, что запоздалое промышленное развитие России в миниатюре повторяло западное. Уральский завод, объединявший ряд операций по выработке готового продукта, можно назвать органической мануфактурой. Кроме того, он являлся сложноорганизованным предприятием, т.к., пытаясь быть самодостаточным, порождал новые виды деятельности. Таким образом, завод являлся крупным и многофункциональным центром. По мере своего развития он, с одной стороны, объединял небольшие группы мастеровых в единое целое, а с другой – противопоставлял им лиц, являвшихся носителями ремесленных традиций в лесозаготовках и плавке металла.

Это сочетание старого и нового отразилось на технике производства. Использование энергии воды потребовало усовершенствовать техническое устройство плотин и каналов. Необходимость получения высоких температур привела к увеличению количества мехов, появлению различных видов печей, механизмов, приводивших в движение несколько установок с помощью одного колеса¹³⁹. Большое значение имело определение оптимальных размеров печей и угла установки фурмы в печь. То, что за 100 лет своего существования заводы увеличили свою производительность, свидетельствовало об их техническом прогрессе. Но в какой мере это было результатом собственного опыта и в какой – подражанием Западу? Из «Описания» Геннина это понять невозможно. Нужно учитывать как профессиональный опыт, накопленный Генниным на Урале, так и адаптацию зарубежной техники и местных процессов, еще несовершенных, к геологическим (особенности залегания руды) и географическим (рельеф местности и режим рек) условиям края.

Настоящий прогресс в технологии начался в первой четверти XVIII в. Он коснулся, в основном, производства железных и медных слитков в значительных для того времени количествах. Домна, плавильная печь, механизмы, новые цеха, получившие распространение с 1724 г., – все это было заимствовано с Запада, и отсутствовало в местной крестьянской промышленности. То, что кустари использовали водяной молот, предполагавший наличие плотины, ничего не значит. Иначе обстояло дело с изготовлением предметов повседневного спроса, для чего пришлось привлекать местных ремесленников, адаптировавшихся к промышленной работе.

С другой стороны, умелое использование в условиях Урала заимствованных за рубежом технологий придало уральской промышленности определенное своеобразие. Расцвет Урала связан с именем Геннина. Опыт строительства плотин показывает, что крестьянская рутина была здесь побеждена. Еще большее значение имели некоторые частные улучшения (пробная плавка руды, сложное устройство фурмы, мехов, передаточных механизмов и т.д.), позволившие Геннину за 12 лет своего пребывания на Урале значительно увеличить производительность горных заводов. До Геннина металл выплавляли с большими сырьевыми затратами, но при нем ситуация существенно изменилась: если в 1723 г. на производство 1 единицы объема железа шло 2,14 единиц чугуна и 6,42 единиц древесного угля, то в 1734 г. – соответственно 1; 1,5; 5 единиц¹⁴⁰. Эти пропорции в целом сохранялись до середины XVIII в.¹⁴¹ Согласно Геннину, домна

¹³⁸ О соотношениях между количествами обрабатываемой руды и весом полученного металла см. ниже.

¹³⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.178.

¹⁴⁰ Павлов М. Указ. соч. С.8-9.

¹⁴¹ Прогресс в области экономии топлива продолжался, особенно усилившись в 1780-е гг.; в начале XIX в. для производства 1 пуда железа уходило всего 2,4-5 пудов древесного угля (*Любомиров*

тогда производила в год 70000-90000 пудов чугуна (1100-1500 т), кузнечный молот в среднем выковывал 8000 пудов железа (128 т). Однако нельзя забывать, что это нормативные, а не реальные цифры, и что внедрению новой техники препятствовала низкая квалификация (особенно на первых порах) крестьянской рабочей силы.

После Геннина техника уральской промышленности развивалась вплоть до 1780-х гг. без влияния извне, но и без видимого прогресса. Вода использовалась не везде, ее практически не применяли на мелких заводах. Но и на больших предприятиях, таких, как Невьянск, даже в 1760 г. плющильня и резальная машина были все еще оснащены ручными мехами¹⁴². Техническая отсталость заметно сказывалась на производстве.

Мы с удивлением читаем в указе 1766 г. следующее: «Ныне литье происходит на Каменских сибирских казенных заводах пушкам, коих литье вылито апреля с 7-го 1763 году июля по 15 число 1765-го году – 349, из оных явилось негодных 294, затем годных 45»¹⁴³. Прежняя технология производства, восходящая к XV в. и требовавшая, например, изготовления для каждой пушки специальной литейной формы, затем уничтожавшейся, начала уходить в прошлое лишь при Геннине¹⁴⁴.

Однако железный брак был все еще велик. Из 220 пудов железной проволоки, выпускавшейся за лето в Екатеринбурге, только 112 пудов были годными¹⁴⁵. В молотовой мастерам-плавильщикам предусматривали 3 разных тарифа оплаты труда, 2 из которых применялись при выпуске некачественного или совсем непригодного железа¹⁴⁶. Поощрение качественной работы свидетельствовало о проблемах, с которыми сталкивалась администрация горных заводов, боровшаяся с выпуском брака¹⁴⁷.

1.6. Мелкие промышленные центры

Горный завод порождал агломерацию, т.к. все жившее вокруг него население было связано с промышленностью, а землепашество для большинства рабочих являлось вспомогательным занятием. Замечательные рисунки Геннина¹⁴⁸ дают нам представление о топографии этих промышленных центров. Вблизи заводских стен, по обе стороны широкой улицы располагались избы; каждый двор имел тщательно возделанный участок земли. Часть рабочих проживала на территории завода¹⁴⁹.

Во времена Геннина эти агломерации были очень похожи друг на друга. Даже Екатеринбургский завод со своими 180 рабочими почти не отличался от остальных предприятий. Еще в середине XVIII в. на нем трудилось всего 100-200 рабочих. Многие

П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.36).

¹⁴² Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.296.

¹⁴³ Цит. по: Рубцов Н.Н. Указ. соч. С.119.

¹⁴⁴ В 1783 г. на Онежских заводах (бывшие Александровские заводы) из 459 отлитых пушек 189 оказались бракованными; в 1798 г. из 467 выпущенных пушек годной была только 1.

¹⁴⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.118.

¹⁴⁶ Геннин В. Указ. соч. С.205.

¹⁴⁷ <См. также: Гаврилов Д.В. Техносфера уральской черной металлургии в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6; Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч.; Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале: Сб. ст. Екатеринбург, 1997; Мальцева Е.С. Развитие технико-технологических систем в промышленности России и Урала в XVIII – начала XIX вв. (на примере черной металлургии) // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001; Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.: Горное дело. Металлургия. Энергетика. Машиностроение. М., 1978.>

¹⁴⁸ Геннин В. Указ. соч. С.613-623 (партикулярные заводы).

¹⁴⁹ <Подробнее см.: Лотарева Р.М. Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993>.

предприятия обходились гораздо меньшим числом работников, что показывает Таблица 26, составленная на основе «Описания» Геннина.

Таблица 26

Производительность и численность работных людей уральских заводов в 1734 г.

Казенные заводы	Производство чугуна	Производство железа	Число рабочих (без приказчиков)
	(округленные цифры в пудах)		
Верхне-Исетский	176000	48000	100
Уктуский			30
Верхне-Уктуский		16000	35
Сысертский	82000	48000	140
Каменский	65000	8000	45
Алапаевский	84000	16000	60
Синячихинский		24000	50
Производство меди			
Полевский		4000	110
Лялинский		1700	25
Пыскорский		4500	80
Ягошихинский		1900	32

Геннин сообщает сведения о количестве сельских дворов вблизи горных заводов. Например, вокруг Алапаевского завода (число его рабочих и служащих достигало 82) в 1734 г. имелось 79 дворов¹⁵⁰, т.е. агломерация составляла не более 400-500 жителей, что было типичным для казенных заводов в 1730-е гг. Для партикулярных предприятий того времени цифры были примерно те же. Из книги Геннина можно получить общее представление о производительности и специализации (чугун, железо) частных заводов, а на основе этого рассчитать численность их рабочих и вспомогательных работников. Невьянск производил 180000 пудов чугуна – столько же, сколько и Уктусский завод, и изготавливал 24000 пудов железа – как Синячихинский. Таким образом, на нем трудились 100 рабочих и, следовательно, проживало примерно 600 человек. Нижне-Тагильский завод с помощью 150 рабочих производил 200000 пудов чугуна и 32000 пудов железа, поэтому его агломерация, вероятно, составляла 800 человек. Конечно, строгого соответствия между объемом производства и численностью рабочих нет. Следует, например, учитывать, что вспомогательные работы на каждом заводе имели определенную специфику.

Тем не менее, когда в 1745 г. началась индустриализация Южного Урала, новые горные заводы, имевшие большую производительность, создали более крупные, но все же не столь значительные агломерации. П.И.Рычков, почти ничего не сообщивший о производительности горных заводов Оренбургской губернии, приводит данные о числе дворов на 14 заводах (Таблица 27).

Таблица 27

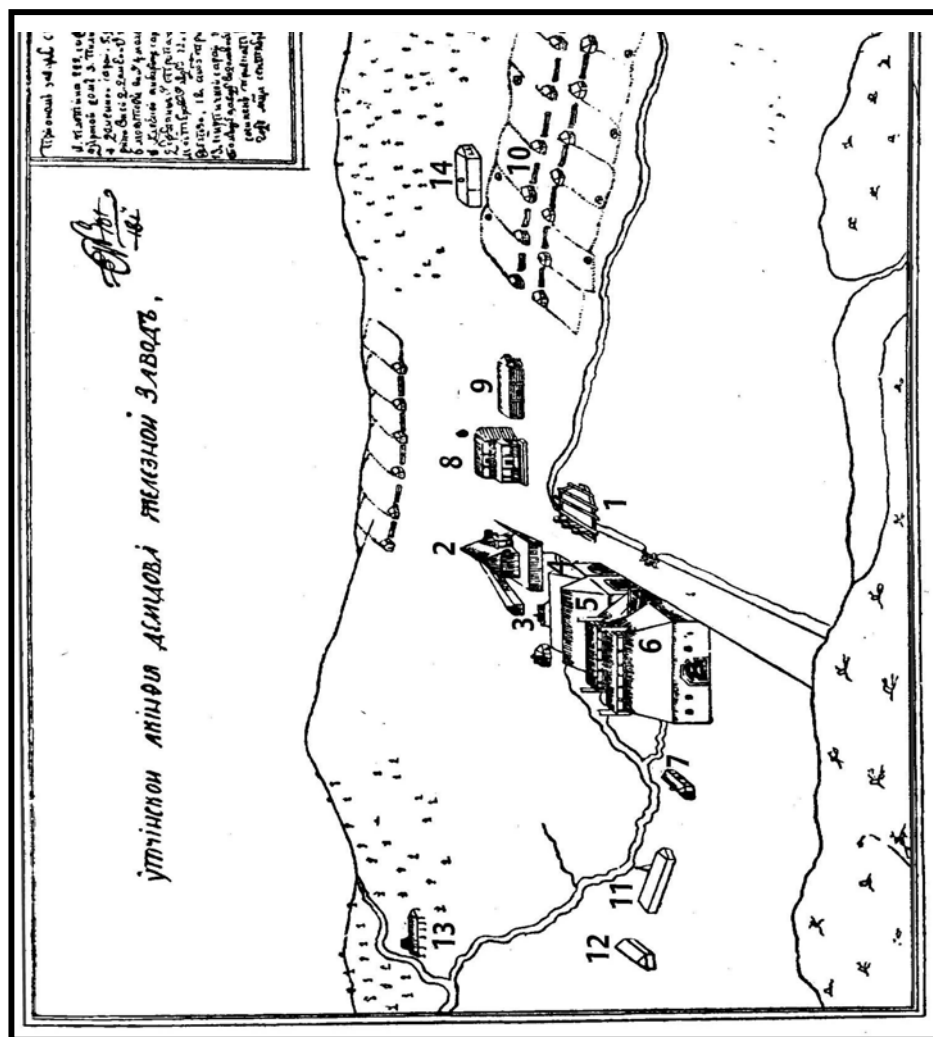
Сведения П.И.Рыčkова о 14 заводах Оренбургской губернии (1742-1759 гг.)

Название завода	Дата постройки	Специализация	Число дворов в 1762 г.
Верхне-Сергинский	1742	железоделательный	150
Нижне-Сергинский	1743	железоделательный	150
Воскресенский	1745	медеплавильный	320
Нязе-Петровский	1747	железоделательный	150
Преображенский	1750	медеплавильный	130
Кано-Никольский	1751	медеплавильный	60

¹⁵⁰ Геннин В. Указ. соч. С.490.

Каслинский	1752	железодельный	150
Богоявленский	1752	медеплавильный	200
Архангельский	1753	медеплавильный	130
Вознесенский	1755	медеплавильный	150
Авзяно-Петровский	1756	железодельный	50
Катав-Ивановский	1757	железодельный	370
Юрюзанский	1758	железодельный	160
Покровский	1759	медеплавильный	100

Источник: Рычков П.И. Топография Оренбургская. Гл. 12.

Уткинский завод Акинфия Демидова (по В.Геннину)

1. Плотина
2. Командирной дом.
3. Пильная мельница.
4. Доменной сарай.
5. Домны (в 1734 г. еще строился: Геннин В. Указ. соч. С.622).
6. Молотовые, в них 4 молота.
7. Кузница.
8. Хлебной анбар.
9. Склады для леса.
10. Дома рабочих с оградой.

11. Запасы руды.
12. Получение руды (прибывающей с рудника).
13. Кирпичной сарай.
14. Меховая.

В целом же, увеличение спроса на металл повлекло за собой создание новых горных заводов. Так возникли небольшие городишки, но их было мало. Для таких заводов, как, например, Екатеринбургский, а также самых старых (в частности, Нижне-Тагильский и Невьянский) промышленная агломерация уже в 1750-е гг. составляла 800-1000 жителей. Эти данные свидетельствуют о быстром росте населения, полностью изменившем облик региона.

1.7. Невьянск – партикулярный горный завод

Завод не только образовывал агломерацию, то и являлся ее экономическим, административным и религиозным центром¹⁵¹. Возьмем, к примеру, Невьянск, подробное описание которого (правда, датируемое 9 годами позже рассматриваемого мною периода) дал приказчик Григорий Махотин¹⁵². Со времен Геннина¹⁵³ он лишь разросся вширь. Невьянск стоял на р. Нейве, имел запруду, с трех сторон был защищен 600-метровой крепостной стеной с 7 деревянными башнями на каменном фундаменте. Внутри заводских стен находились церковь Преображения и зловещая каменная башня высотой почти 60 м, в подземелье-тюрьме которой, по слухам, сгинуло немало рабочих¹⁵⁴.

На господском дворе стояли 3 каменные палаты и каменные «связи», где помещались заводская контора на 7 покоев, «апартаменты», кладовая, конюшни, каретный сарай, погреб, «шваленная», бани и т.п. Наконец, на той же улице имелся рынок с «городскими весами», магазин для продажи изделий, 4 продовольственные лавки, 2 кабака¹⁵⁵ и постоялый двор. Рядом располагался сад с оранжереей. Кроме этого, внутри завода находились конюшни, бани, хлебные склады, людские, птичий двор, выкопанные рыбные сажалки, овчарни.

Пильная и хлебная мельницы находились рядом с плотиной. Большой ларь (канал) длиной 166 и шириной 2-4 м, от которого отводились поперечные лари, снабжал энергией 16 фабрик (цехов) по его обеим сторонам. Прежде всего, надо назвать доменный корпус (высота одной домны была 13, другой – 19 м)¹⁵⁶, с сараем для 2 «рудобойных молотов» и 3 каменными палатами для рабочих. Затем шли 4 молотовые фабрики, 14 кричных и 12 большекричных молотов¹⁵⁷, которые располагались в 2 зданиях, одно размером 85х13 м, другое – 122х17 м. Наконец, «дощатая» фабрика с 4 горнами и 4 молотами, «плющильная и резная фабрика», «укладная фабрика», «колотушечная фабрика» и кузница, «молотобойная» фабрика, меховая, слесарные и 7 кузниц.

¹⁵¹ В большинстве промышленных центров, где население жило вместе с работниками завода, это само собой разумеется. Но даже если завод являлся градообразующим центром, местная власть и администрация предприятия тесно взаимодействовали друг с другом. Екатеринбургские выборные ратсгеры становились главами завода: *Попов Н.* Татищев и его время. С.157.

¹⁵² *Кафенгауз Б.Б.* Указ. соч. С.295-298. Описание относится к 1760-м гг. Крупное расширение завода произошло после смерти Ак.Демидова (1745 г.), но раздел его наследства (1745-1757) остановил его рост.

¹⁵³ Рисунок внешнего вида завода в 1734 г. см.: *Геннин В.* Указ. соч. С.613.

¹⁵⁴ На башне имелись английские куранты и звонница из 9 колоколов.

¹⁵⁵ П.С.Паллас (Указ. соч. С.228) пишет, что продажа крепких спиртных напитков на Невьянском заводе в 1770 г. была запрещена. <В тексте Палласа речь идет о том, что несмотря на запрет, спиртное все же на заводе продавалось>.

¹⁵⁶ В 1734 г. имелись 2 домны обычных размеров – 8 и 9 м.

¹⁵⁷ В 1734 г. – 3 молота.

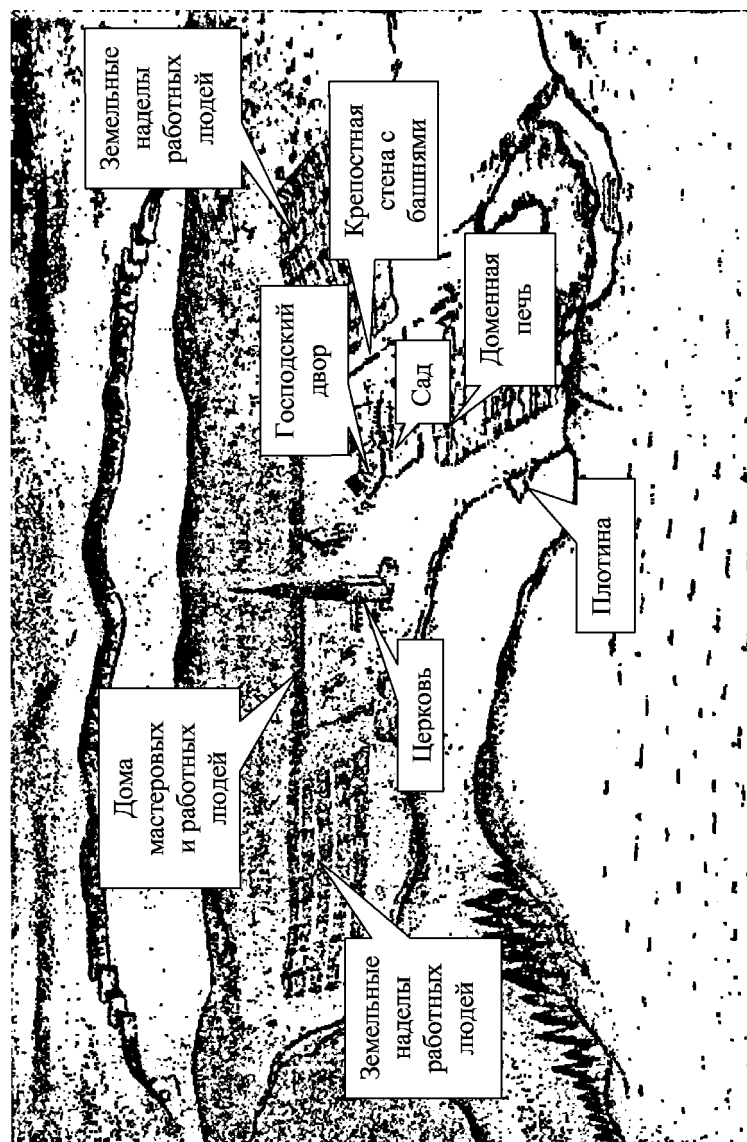
На Невьянском заводе действовал цех, изготавливавший колокола и медную посуду. Махотин упомянул, что теперь там куят железо, но Паллас в 1770 г. еще застал медное производство¹⁵⁸. На заводе имелось 2 домны, 96 горнов и печей, 22 молотов и 10 станок; его население составляло 3000-4000 человек.

Сведения Палласа о некоторых горных заводах Южного и Среднего Урала, относятся к более позднему времени – 1770 г., но соотношение между численностью населения и количеством выпускаемой заводом продукции на них сохранялось. Паллас говорит о 160 избах вокруг Симского завода (построен 1759 г.), производившего ежегодно 50000-60000 пудов железа, 470 изб имелось в Катав-Ивановском заводе (1757 г.)¹⁵⁹, выплавлявшем до 200000 пудов металла; в первом случае в поселке проживало примерно 800 жителей, во втором – 2000. Нижне-Тагильск, также насчитывавший 2000 душ, за время, прошедшее после поездки в него П.И.Рычкова, сильно разросся¹⁶⁰, но, тем не менее, так и не стал городом.

¹⁵⁸ Паллас П.С. Указ. соч. С.230.

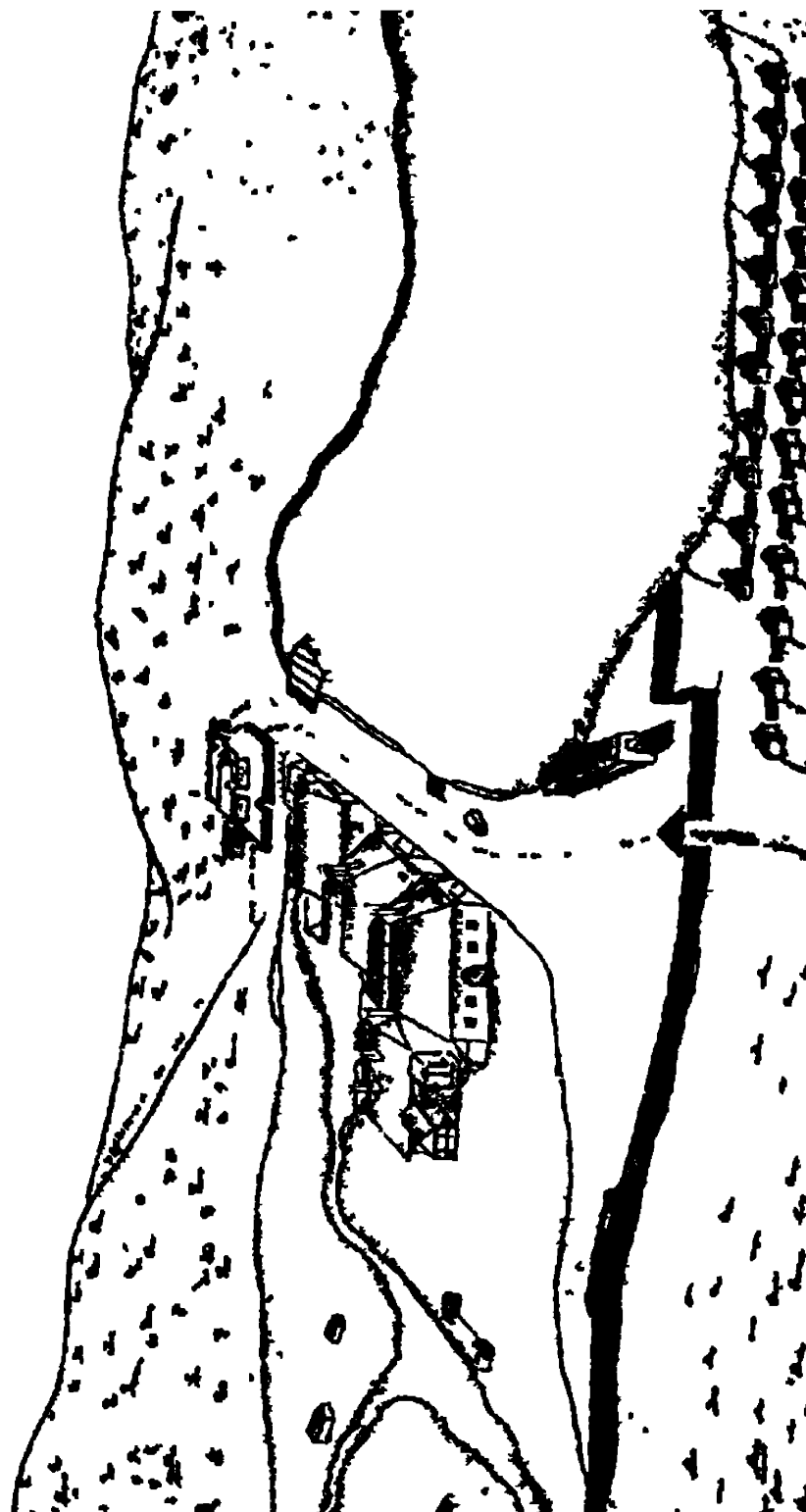
¹⁵⁹ Там же. С.34, 42.

¹⁶⁰ Около 800 жителей в 1762 г.; столько же было и в 1734 г. (см. выше).

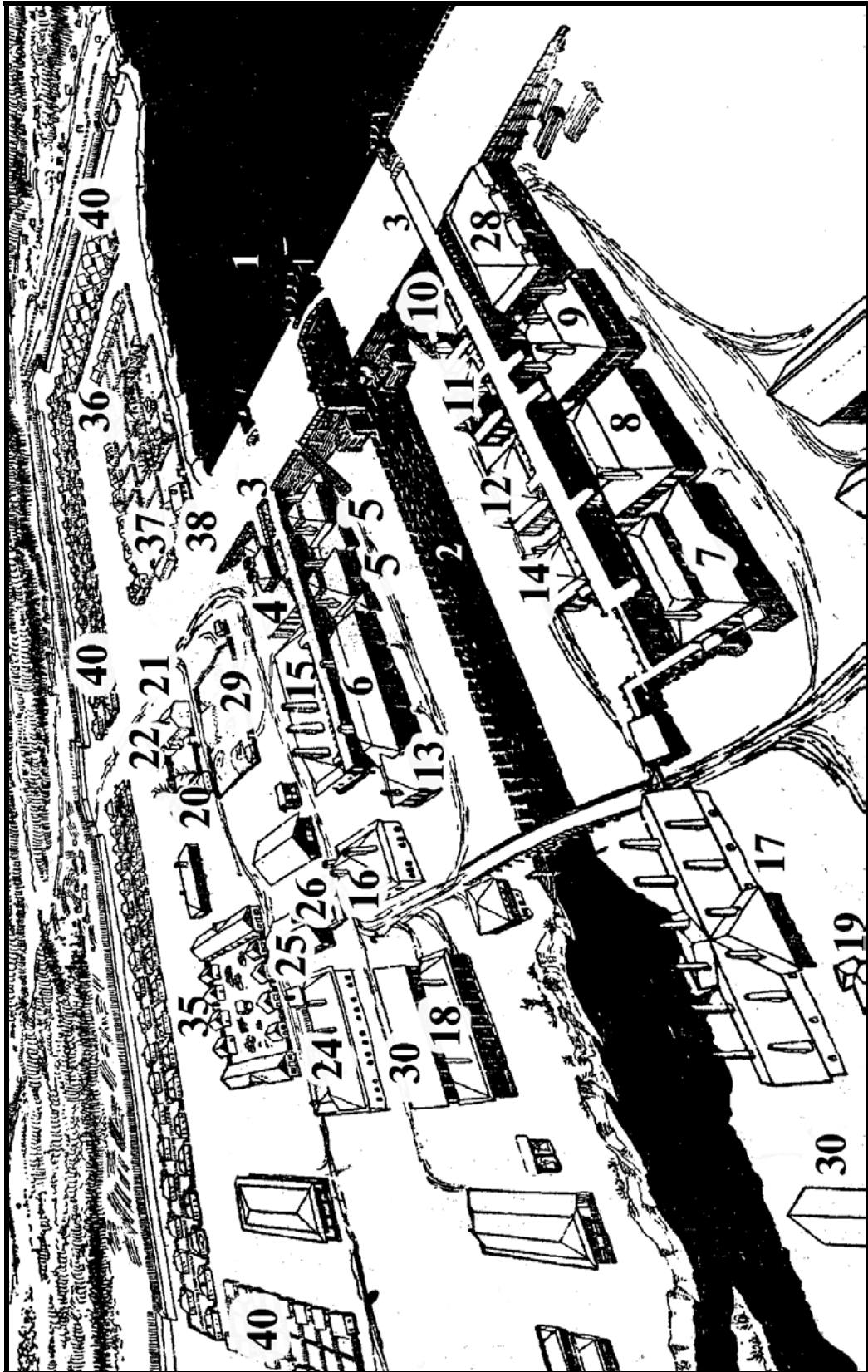

Невьянский завод Акинфия Демидова (по В.Геннину)

В РЖНБ ТАГИЛЬСКИИ ЗАВОД А.Н.ДЕМИДОВА

Верхне-Тагильский завод А.Н.Демидова (Геннин В. Указ. соч. С.616)

*План Екатеринбургского завода 1730 г. из книги Геннина
(воспроизводится по: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.37-38).*

1. Плотина фабрики.
2. Вешняк.
3. Лари.
4. Доменная и литейная с формовой и сверлильной.
5. Молотовая (кричная).
6. Жестяная.
7. Доцатая.
8. Колотушечная.
9. Якорная.
10. Укладная.
11. Стальная.
12. Плющильная.
13. Прорезная.
14. Проволочная.
15. Медеплавильная.
16. Лудильная (для жести).
17. Кузница мелкого дела, слесарная и шпикарная с машинной при ней.
18. Меховая, столярная и токарная.
19. Пробирная изба, при ней весы.
20. Лаборатория.
21. Обербергамт, при нем во дворе:
22. Архив.
23. Тюрьма (на рис. без №).
24. Монетный двор (с 1735 г.).
25. Сарай для извести и при нем:
26. Печь для обжига извести и весы.
27. Рудный сарай, при нем весы.
28. Хлебная и пильная мельницы.
29. Рудный двор, при нем весы.
30. Магазины, при них весы.
31. Лесные сараи.
32. Изба для сушки леса.
33. Госпиталь.
34. Скотобойни.
35. Гостиный двор. Молочные ряды, баня и корчма.
36. Школа.
37. Цейхгауз.
38. Дворы «командиров».
39. Церковь.
40. Жилые дворы.
41. Припасная контора.

1.8. Порожденный государством: Екатеринбург – административный и промышленный центр Урала

Екатеринбург несколько отличался от вышеупомянутых заводов, будучи одновременно и промышленным центром и экономической столицей края. Являясь ставкой Канцелярии Главного правления рудников Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов, узловым пунктом на пути к сибирскому рынку в Ирбите, в 1755 г. он был фактически единственным уральским городом. Окруженный крепостной стеной от башкир,

застроенный в немецком стиле¹, Екатеринбург раскинулся на живописном берегу Исети.

Его жители в основном состояли из мастеровых и работных людей. Занимая площадь приблизительно 700х600 м, он имел плотину², от которой отводились 2 ларя (№ 3), вдоль которых стояли большинство цехов, и большой отводной канал – вешняк (№ 2). Екатеринбургский завод не был лидером в производстве продукции, но такой комплекс разнообразных цехов³ отсутствовал даже на самых крупных (Невьянск или Нижне-Тагильск) предприятиях. Чуть ниже плотины, на одном из ларей (№ 4), высились 2 домны. Напротив, с другой стороны того же ларя имелись 3 молотовые, каждая с 2 молотами (№ 5); рядом с домнами располагалась медеплавильная (№ 15). Другой ларь поставлял энергию колотушечной (№ 8), дощатой (№ 7), укладной (№ 10), стальной (№ 11) и якорной (№ 9) фабрикам.

Здесь же находились плющильная (№ 12), а с другой стороны вешняка – прорезная (№ 13). На обеих имелись «2 курioзные машины, одну прорезывает, а другую плющит железо разной ширины и толстоты»⁴. За плющильной находилась проволочная (№ 14), напротив нее, окруженная прорезной и молотовой (кричной), – жестяная. Наконец, чуть ниже располагались кузница мелкого дела, слесарная и шпикарная (№ 17).

Другие цеха (лудильная – № 16, меховая, столярная и токарная – № 18) обходились без энергии воды, а хлебная и пильная мельницы соседствовали с якорной фабрикой (№ 28). Имелись также сараи для извести (№ 25, с печью для обжига извести и весы – № 26), руды (№ 27), леса (№ 31), рудный двор (№ 29), изба для сушки леса (№ 32), магазины (№ 30), скотобойни (№ 34), гостинный двор, к которому примыкали молочные ряды, баня и корчма (№ 35), дворы «командиров» (№ 38), и, наконец, по окраинам завода стояли избы рабочих – на Екатеринбургском заводе трудились в 1734 г. около 180 человек. Последующее развитие Екатеринбурга не было столь бурным, как у крупных заводов на востоке края. Вероятно, в 1750-е гг. на нем работало не более 100 человек.

В Екатеринбурге было много административных зданий. Там имелся большой цейхгауз (№ 37), поскольку заводской гарнизон включал 2 роты и артиллерийский полк. Крупными размерами отличалась и припасная контора (№ 41), где находился весь персонал, в том числе обергиттенфервальтер (старший плавильный мастер), чин 10-го класса⁵, 1-2 шихтмейстера и 8 целовальников, которые, как мы уже видели, выполняли функции казначеев и экономов: 3 человека занимались получением и выдачей железа, 2 – руды и известкового камня, 2 – складами в общем, 1 – продажей металлургической продукции. Канцелярия конторы Екатеринбургского завода состояла из 13 человек⁶; у конторы была своя конюшня.

Наконец, Екатеринбург был лидером по части школ и госпиталей, поскольку за этим следил сам обербергамт. Местная школа (№ 36) готовила технические кадры средней квалификации, обучение которых затем продолжалось на самом заводе (отмечу, что однажды среди обслуживающего домну персонала оказались двое «учеников из

¹ Паллас, проезжавший через Екатеринбург в 1770 г., кратко воспроизвел (*Паллас П.С.* Указ. соч. С.206) описание Гмелина 1733 г. (*Gmelin G.G.* Op. cit. P.43-45). Общий облик города за эти 38 лет практически не изменился. Паллас, однако, сообщает о нем на основе сведений Лепехина.

² На плане – № 1; ее размеры в верхней части – 90 саженой (190 м) в длину, 3 (6 м) – в высоту, 20 (4,5 м) – в ширину.

³ Монетный двор, располагавшийся тогда вне территории завода, в 1770 г. состоял из 5 цехов с 12 молотами, причем на каждом работали по 6 рабочих (Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1822. Т.IV. Ч.III. С.221).

⁴ Геннин В. Указ. соч. С.76.

⁵ На небольших заводах это был просто гиттенфервальтер.

⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.158.

школы, которые б умели рисовать при домне»⁷). В двух классах насчитывалось 100 учеников. Старший класс был поделен на 3 группы: арифметики (25 человек), геометрии (15), рисунка (10). Преподавание вели 2 учителя-шихтмейстера. Стало ли после Геннина учеников в школе больше или специалистов теперь готовили на самом заводе? Вероятно, что и в 1750-е гг. в екатеринбургской школе учились дети мастеровых и приказчиков, и поэтому ее роль была невелика.

Завод также имел «госпиталь для лечения больных и от работы раненых»⁸, где при Геннине имелось 2 лекаря (старший и младший) и 3 гейзеля (помощники или ученики лекарей, выполнявшие функции фельдшеров). Старший лекарь, или, в его отсутствие, младший, должны были объезжать округу «на своих лошадях по всем заводам и рудникам ближним к Екатеринбург»⁹.

Над заводом возвышалась церковь (№ 39). На правом берегу реки находился обербергамт (№ 21), руководивший всеми уральскими заводами¹⁰. Именно здесь собиралась его коллегия¹¹, состоящая из 3 человек – «презуса», т.е. председателя (чин 5-го класса; первое время он являлся коммерц-советником, затем берг-советником, и, наконец, оберберггауптманом), обербергмейстера (чин 7-го класса; ведал техническими вопросами) и оберцегентнера (чин 7-го класса; отвечал за сбор казенных пошлин).

Коллегии помогали лица, о некоторых из них нам уже известно; они разъезжали по предприятиям, давали советы и распоряжения, привозили в Екатеринбург отчеты с предприятий. Здесь следует назвать берггешворена (горного присяжного), выполнявшего обязанности инструктора, 2 маркшейдеров («подземных геометров») для съемки «грунд- и зенгер-рисов», т.е. планов и разрезов рудников, а также для наземных топографических работ, 1 старшего «механикуса», ответственного за различные механизмы на рудниках и заводах, 1 обербергпробирера (что-то вроде заведующего лабораторией), 2 бергмейстеров (старший бергмейстер – главный инженер рудников, и младший бергмейстер – его заместитель), помогавших берггешворену, наконец, 1 унтервальдмейстера (помощник лесничего, инспектирующий лесозаготовительные работы и углежжение).

Обербергамт состоял из 6 повытий (отделов): приказной стол (решал общие вопросы), горное повытье (эксплуатация рудников), заводское повытье (деятельность заводов), земское повытье (приписные крестьяне, рекрутский набор), судебных и розыскных дел повытье, крепостных дел повытье. Обербергамт заседал в припасной конторе (№ 41)¹².

Итак, Екатеринбург являлся промышленной столицей края. Его продукция служила эталоном, его учреждения, отсутствовавшие на остальном Урале, неизбежно делали его центром края, чему способствовало и удобное месторасположение города на пути в Сибирь. После открытия в 1752 г. поблизости месторождения золота были построены 2 завода: первый – на месте заброшенного Уктусского завода, второй – на Верхней Пышме. Несмотря на то, что первоначально золота добывали не более 2 пудов в год¹³, у Екатеринбурга появился новый вид деятельности. Наконец, большим событием в жизни города стало открытие в 1735 г. Монетного двора (№ 24), который частично

⁷ Геннин В. Указ. соч. С.166.

⁸ Там же. С.76.

⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.156.

¹⁰ Обербергамт управлял заводами Сибирской, Пермской и Оренбургской губерний с помощью Казанского, Пермского (с 1740 г.) и Оренбургского (с 1755 г. находилось в Уфе) горных начальств (Продолжение путешествия академика Лепехина. Т.IV. Ч.III. С.220).

¹¹ О составе обербергамта и обязанностях его членов см.: Геннин В. Указ. соч. С.82-94; Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.155-156.

¹² Геннин В. Указ. соч. С.95.

¹³ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.354.

работал на меди казенных заводов; можно сказать, что теперь Екатеринбург, объединив производственный процесс с этими заводами, превратился в своеобразный промышленный комбинат.

Однако, несмотря на все условия, возможности для роста агломерации были ограничены. Екатеринбург, в отличие от других заводов, привлек внимание торговцев. В 1734 г. в нем насчитывалось (по Гмелину) 338 купцов, а в 1770 г. (по Лепехину) – 1370¹⁴. Эти цифры, конечно, требуют уточнения (Герман¹⁵ в 1788 г. насчитал в нем лишь 1000 человек), но они свидетельствуют о больших размерах данного города¹⁶.

2. Горнозаводское население

Заводские кадры имели различное социальное происхождение, но промышленность его нивелировала.

Однако имелась одна группа работников, о которой следует сказать особо. На первых порах важную роль в промышленности России играли иностранцы; в основном это были либо пленные шведы, либо приглашенные русским правительством саксонцы. На всех уральских предприятиях, построенных до 1730 г., имелись мастерские, рабочие и даже плотники с немецкими или скандинавскими фамилиями, приехавшие из Центральной России.

Рядом с голландцами Миллерами трудились ганноверцы Кайзеры и саксонцы Георги, Ваплеры, Готтфриды, Беренты, Циммерманы, Михаэлисы, Ланги, Корсы, Дрибелли, Вееры и т.д.¹⁷ До заключения Ништадтского мира на Урале было очень много шведских военнопленных. В 1711 г. 267 шведов отправили на Алапаевский завод, многие из них имели семьи; 37 человек позже сбежали оттуда и завербовались к Никите Антуфьевичу Демидову, компактно поселившись около Невьянска¹⁸. Почти все шведы и немцы позже вернулись к себе на родину. Впрочем, их роль в уральской промышленности пошла на убыль, как только возросло число русских мастеровых. После окончания войны первыми отсюда уехали шведы¹⁹. Швеция, тогдашний лидер железнотельной индустрии, почти не участвовала в промышленном развитии России в силу политических и демографических условий. А вот саксонских мастеров на Урале, напротив, было много. Впрочем, когда в 1730-1740 гг. у власти в России находились немцы, число саксонцев значительно сократилось. Высокооплачиваемые иностранцы обычно руководили производством меди, в остальном хватало русских кадров, поэтому саксонцы, отправленные Шёмбергом на Урал, были встречены там враждебно. Но именно иностранцы, особенно немцы, заложили основы уральской промышленности.

Привлечение к заводским работам местных ремесленников и приписных крестьян вначале позволило наладить работу; ремесленники, в отличие от беглых, были свободными людьми. Екатеринбургская школа дала многим мастеровым начальное образование, но лишь труд на самом заводе привел к появлению среди уральского насе-

¹⁴ Чаще всего под «купцами» подразумевались крестьяне, занимавшиеся торговлей, которые могли привлекаться к заводским работам. Лепехин, посетив Кунгур, насчитал там 2000 «купцов», занимающихся продажей хлеба, большинство которых работали на заводе, «отправляя должность прикащиков и надзирателей над рудниками» (Продолжение путешествия академика Лепехина. Т.IV. Ч.III. С.253).

¹⁵ *Hermann B.-F.-Joh.* Statistische Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Länderbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufaktur und Handel. S.-Petersbourg, 1790. S.17.

¹⁶ <См. также: *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 1998>.

¹⁷ *Попов Н.* Татищев и его время. С.4.

¹⁸ *Рожков В.* Деятельность В.Н.Татищева на уральских заводах // Горный журнал. 1884. Июль. С.110. Прим.

¹⁹ Некоторые из них, тем не менее, остались на Урале, обзавелись семьями и пополнили кадры мастеров и специалистов (*Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.171). Но их особое вероисповедание, по-видимому, препятствовало им прочно осесть в крае.

ления промышленной традиции. Начиная с середины XVIII в. мастеровые набирались из всех категорий работников.

На дворянских заводах (например, у Строгановых) хозяева использовали своих крепостных. Но дворянство до середины XVIII в. почти не участвовало в промышленности, а на Урале все еще преобладало свободное крестьянство. Более того, юридический статус работника зависел не только от социальной принадлежности его хозяина. Конечно, дворяне получили льготы на приобретение земли, леса и т.д., но рабочие принадлежали не им, а заводу. Это были так называемые «посессионные» крепостные, статус которых отличался от крепостных крестьян, в первой половине XVIII в. почти не представленных на уральских горных заводах.

Крепостные, однако, играли важную роль, особенно на заре промышленного развития. То, что в крае, заселенном в основном государственными крестьянами, рабочих набирали главным образом из среды крепостных, выглядит парадоксально. Но на это были свои причины.

В 1721 г. купцам разрешили покупать деревни и переводить их на Урал, и хотя постепенно эти льготы исчезли²⁰, тем не менее, до 1762 г. крепостных еще можно было приобретать. Но имелся и другой, более выгодный источник рабочей силы. В то время в состав государственных крестьян стали активно вливаться беглые крепостные. Часть из них устраивалась на заводы по вольному найму. Они считались свободными до ближайшей ревизии. Государство шло по пятам за стихийной колонизацией востока России, но до поры до времени Урал укрывал беглых, хозяева которых находились столь далеко, что не могли их искать.

Итак, государство преследовало беглых. Но возвращало ли оно их обратно? Это могло бы создать для уральской промышленности серьезные трудности. Мы уже знаем, что в 1736 г. была образована категория вечноотданных²¹. Ее численность резко возросла после 1755 г.²², поскольку теперь все беглые крепостные, поселившиеся на Урале с 1732 г., были навечно прикреплены к заводу. Можно сказать, что тогда – по крайней мере, на Среднем Урале, экономическое развитие которого достигло апогея – крепостные, обязанные обучать своих детей рабочим профессиям²³, вполне обеспечивали заводскую деятельность. Кроме того, вечноотданными стали «не помнящие родства», солдатские дети, гулящие люди. Всех их передали на мануфактуры и заводы, главным образом в густонаселенном центре страны. Появление дополнительных рабочих рук имело немалое значение и для уральского завода, где персонал редко превышал 200-300 человек. Наконец, значительную часть рабочей силы на крупнейших казенных заводах составляли каторжники – объект постоянного внимания Геннина и Татищева. На якорной фабрике в Екатеринбурге при Геннине их насчитывалось 16 человек (всего на ней трудились 38 работников)²⁴. О них следует сказать особо, поскольку каторжники прославились не столько в промышленном освоении края, сколько в народных восстаниях. Приписных крестьян, т.е. свободных, на Урале было гораздо больше; по указу от 14 июня 1725 г. уральские приписные крестьяне не подлежали рекрутскому набору, но крестьяне, обучившиеся заводскому делу и имевшие оружие для защиты предприятия, состояли на особом учете.

Численность заводских крепостных увеличилась за счет беглых, вынужденных идти работать на завод после того, как они были разоблачены. Вместе с крепостными, вывезенными из Центральной России, они стали «посессионными крепостными». Бу-

²⁰ См. указы 1736 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6858), 1744 г. (Там же. Т.XII. № 9004) и от 12 марта 1752 г. (Там же. Т.XIII. № 9954).

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6858.

²² Там же. Т.XIV. № 10494.

²³ Там же. Т.IX. № 6858.

²⁴ Там же. Т.VII. № 4736.

дучи крестьянами, они занимались не только промышленным трудом; незначительная численность ограничивала их участие в индустрии. Вторая ревизия (1742 г.) насчитала в Казанской и Сибирской губерниях (куда входил Урал) 11182 души посессионных крестьян. Напомню, что в то время индустриализацией был охвачен только Средний Урал. Но вот что характерно – численность посессионных крепостных после второй ревизии росла медленно и на фоне быстрого промышленного подъема края в 1742-1762 гг. составила всего 18890 душ²⁵. Это говорит о том, что к 1750-м гг. появились новые источники рабочей силы.

Урал больше не спасал беглых, и теперь они уходили в Сибирь²⁶. Царская власть на Урале олицетворялась почтовыми трактами²⁷. Распространяя промышленность в глубь края, власти одновременно начали отлов беглых. Колонизация региона стала отныне официальной. Каждая новая волна беглых была на руку заводам, но это были временные и неквалифицированные работники. Вскоре правительство положило этому конец²⁸.

Отныне на Урале стали селиться не столько беглые, сколько крепостные, переведенные сюда своими хозяевами или получившие от них разрешение работать на заводах.

Роль помещичьих крепостных на заводах, как мы уже видели, была достаточно скромной. Однако она стала возрастать с середины века, когда в промышленность пришло дворянство. Перевод сюда из центра страны целых деревень решил, в частности, на Южном Урале, проблему рабочих рук. Тогда же хозяева разрешили своим крепостным работать на заводе. Имея «паспорта», они – и в этом заключается их особенность – оставаясь крепостными (поскольку платили оброк помещику), являлись для заводчика свободными работниками. К сожалению, численность их неизвестна, однако можно предположить, что на Южном Урале их было немало: на Троицко-Саткинском заводе, где проживало 2300 человек (конечно, не все они были заняты промышленным трудом), они, по данным Палласа, составляли 500 душ²⁹.

Таким образом, на уральских горных заводах использовался главным образом труд крепостных – помещичьих, заводских, посессионных и оброчных. Численность свободной рабочей силы в течении всего XVIII в. уменьшалась, поскольку власти старались закрепить на предприятии всех его работников, и, в частности, ремесленников, ставших в первой четверти столетия заводчанами.

Но условия труда заводского крепостного, прикрепленного к заводу, и оброчного крестьянина, находившегося далеко от своего господина, существенно отличались друг от друга. Первый был жестко связан с предприятием, получал мизерную зарплату и не имел права требовать ее повышения. Второй был мобильнее, хотя в его паспорте указывалось место работы; он вряд ли мог оспаривать размер своей зарплаты, однако, обладая относительной свободой, имел определенные преимущества. Таким образом, в период укрепления крепостничества появилась новая категория людей, узаконенная не

²⁵ Савич А.А. Указ. соч. С.18.

²⁶ Уже в 1725 г., основываясь на донесении Геннина о постоянном движении беглых через горные заводы в Башкирию, Сенат приказал арестовать их и отправить обратно (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4736).

²⁷ Назначение «земских комиссаров» – представителей казны, обязанности которых были определены указом от января 1719 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3295) – было осуществлено на Урале Генниным в соответствии с указом от 4 июня 1724 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4529).

²⁸ Правительство запрещало использовать рабочую силу, не учтенную ревизиями и, следовательно, не распределенную по категориям; но указы, принимаемые по этому поводу, заводчиками никогда не соблюдались.

²⁹ Паллас П.С. Указ. соч. С.85.

юридически, а фактически, и ставшая результатом компромисса между феодальной традицией и новыми экономическими потребностями.

Труд оброчных крестьян широко применялся на мануфактурах (в частности, текстильных) Центральной России. В металлургии, наоборот, сохранялся крепостной труд; появление оброчных крестьян на уральских горных заводах было новым, общероссийским явлением, но это, однако, почти не сказалось на социальном облике уральской промышленности.

Благодаря Геннину мы знаем о продолжительности рабочего дня, обеспечении дисциплины, уровне зарплаты на казенных заводах в 1730-е гг. Что касается частных заводов, то посессионный статус большинства из них обязывал придерживаться нормативов, принятых на казенных предприятиях, но заводчики часто игнорировали их, и поэтому вряд ли можно экстраполировать на демидовские заводы сведения по государственным предприятиям.

В целом же, если судить по жалобам рабочих, на частных заводах дисциплина была строже, интенсивность труда больше, а рабочий день длиннее. Но и зарплаты там были выше, чем на казенных предприятиях. Беглые могли укрыться на частных заводах от рекрутчины, и, на какое-то время, от закрепощения. Частные заводчики старались не интересоваться социальным происхождением своих работников. На казенных заводах всего этого не было, на них все зависело от воли управляющего: вспомним, как Татищев вольно трактовал указ о беглых. В целом же, условия работы и зарплата на обоих типах горных заводов были одинаковы. К тому же надо учитывать, что до 1750 г. казенные предприятия оказывали большое влияние на своих партикулярных собратьев.

* * *

Организация работы на горном заводе напоминала военную службу. В первой четверти XVIII в. солдаты вместе с приписными крестьянами участвовали в строительстве промышленных предприятий. Военная дисциплина была необходима для обеспечения непрерывной работы, а, кроме того, нужно было присматривать за крепостными, среди которых было немало каторжников; и те, и другие имели тесные связи с крайне ненадежной массой приписных крестьян, живших вокруг завода. Угроза со стороны башкир также требовала суровой дисциплины и милитаризации завода.

Рабочая смена на заводе начиналась с ударов в колокол³⁰. Распорядок рабочего дня устанавливался администрацией, но государство пыталось его упорядочить. 5 апреля 1722 г. вышел сенатский «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи», который позже был распространен на Урал³¹. Согласно ему, рабочий день начинался за час до восхода солнца и заканчивался спустя час после заката в зимний период (с 10 сентября по 10 марта); в летний сезон (с 10 марта по 10 сентября) работа начиналась в 4 ч. 30 мин. утра и заканчивалась в 19 ч. вечера, а в июне-июле рабочий день длился до 20 ч. Обеденный перерыв был с 11 до 12 ч. зимой, с 11 до 12 ч. 30 мин. в марте-мае, с 11 ч. до 13 ч. 30 мин. в июне-июле, и с 11 до 13 ч. в августе. Геннин внедрил эти нормативы на казенных заводах³², а затем их стали применять и партикулярные предприятия. Теперь продолжительность работы составляла 10 ч. зимой и 13 ч. летом, в среднем – 11 ч. 30 мин. (см. Таблицу 28).

³⁰ Указ Берг-коллегии от 23 февраля 1725 г. (текст см.: *Герман И.Ф.* Историческое начертание горного производства Российской империи. С.89-90) предписывал в определенное время, определяемое по часам и солнцу, звонить в колокола, чтобы извещать о начале и конце рабочего дня: 50 ударов утром и вечером, 25 и 50 в середине дня для обозначения начала и конца отдыха.

³¹ *Пажитнов К.* Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.19. Автор, таким образом, опровергает утверждение Туган-Барановского, датирующего 1741 г. первый регламент работ. Регламенты казенных заводов базировались на директивах, исходящих от правительства.

³² *Геннин В.* Указ соч. С.108-110.

Таблица 28

Продолжительность рабочего дня на уральских горных заводах в 1735 г.

Период	Время работы
10 марта – 1 июня	С 4.30 до 19 час
1 июня – 1 августа	С 4.30 до 20 час
1 августа – 20 августа	С 4.30 до 20 час
20 августа – 10 сентября	С 4.30 до 19 час
10 сентября – 1 октября	С 5 до 19 час
1 октября – 1 ноября	С 6 до 17 час
1 ноября – 1 декабря	С 7 до 16 час
1 декабря – 1 февраля	С 7.30 до 16.30 час
1 февраля – 1 марта	С 6 до 17 час
1 марта – 10 марта	С 5 до 18 час

Примечание. «Наказ» Геннина для заводов Екатеринбурга, являвшийся образцом для всех уральских заводов, определял продолжительность рабочего дня по восходу и заходу солнца, 10 часов на 10 дней. В сентябре – марте рабочий день начинался за час до восхода и заканчивался через час после захода солнца. Н.Б.Бакланов (Указ. соч. С.169) приводит для зимнего периода распорядок, который несколько отличается от данных В.Геннина округлением чисел на полчаса.

Составлено по: Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3957; Геннин В. Указ. соч.

В связи с этим возникает вопрос, на который трудно дать точный ответ: был ли производственный цикл металлургических заводов непрерывным? Домны останавливать было нельзя, поэтому люди работали на них в 2 смены³³. По другим цехам у меня нет надежных сведений. Однако все источники упоминают о системе двухсменных команд³⁴, введенной Берг-коллегией 25 февраля 1725 г., которая установила время работы с 4 ч. утра до 16 ч., и перерыв с 11 до 13 ч.; таким образом, рабочий день составлял 11 часов для каждой команды. Конечно, вряд ли эти нормативы применялись везде. Основным препятствием для их внедрения являлась дороговизна освещения цехов свечами. Поэтому ночные работы старались вести летом. Именно таким образом в Екатеринбурге в мае-сентябре изготавливали молотовое железо, которое затем отправлялось в проволочный цех³⁵.

Металлургическое производство носило сезонный характер. Во времена Геннина завод редко работал круглый год. В морозные зимы и в летнюю засуху он мог остановиться из-за отсутствия воды. Были случаи перебоев с поставками руды и угля, поэтому заранее создавали их запасы на складах. Массовое бегство крестьян в 1726-1727 гг. не отразилось на работе казенных заводов, но природа оказалась сильнее: несмотря на плотины, воды не хватало, и ее выпускали лишь для облегчения сплава перегруженных барж.

Чаще всего цеха работали циклично. Рабочие, если того требовало дело, переходили из цеха в цех (например, в Екатеринбург – из молотовой на кузнечную фабрику, оттуда – в гвоздильный цех и обратно³⁶). Конечно, при этом им требовалось какое-то время, чтобы овладеть новой специальностью; поэтому если цех закрывался, вольнонаемные работники предпочитали уходить на другой завод и заниматься там своей

³³ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.169.

³⁴ Пажитнов К. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

³⁵ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.118. Попытку внедрить трехкомандную систему для обеспечения бесперебойной работы сделали саксонцы, посланные на Урал в 1739 г., но она встретила решительный протест (Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны).

³⁶ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С. 267.

профессией, а не менять ее на своем предприятии. Люди редко переходили из одного цеха в другой, в основном лишь тогда, когда новая работа мало отличалась от прежней (например, выпуск листового железа и изготовление жести).

Рабочих дней в году было не так уж много: согласно Геннину, их насчитывалось 200, остальное время составляли выходные, праздники, ремонт и сенокос. К 46 выходным, не совпадавшим с праздниками, добавлялся 61 праздничный день. Только на Пост и Пасху отдыхали 21, в Рождество – 14, на день рождения государя (государские ангелы) – 10 дней; православные праздники составляли всего лишь 9 дней³⁷. Ежегодно выделялось 20 дней на сенокос³⁸. Так что почти 1/3 года выпадала из промышленной деятельности. Часть остальных 248 рабочих дней уходила на ремонт оборудования. Почему Геннин упомянул 200 рабочих дней – неясно. Вероятно, он учитывал прогулы, с которыми всегда, но безуспешно боролись. На следующий день после праздника люди не могли выйти на работу³⁹. Геннин осуждал лень и пьянство среди рабочих⁴⁰, однако, будучи педантом, он не учитывал того, что в России принято работать неравномерно, урывками. Поэтому он попытался отменить слишком многочисленные, на его взгляд, неофициальные праздники⁴¹ (более 30 в году) и предпринял суровые, но так и не давшие никакого эффекта антиалкогольные меры.

Рабочие должны были получать зарплату один раз в год, но, как я покажу далее, труд большинства из них оплачивался поденно или сдельно. С другой стороны, «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи» предусматривал в случае остановки завода (в частности, в холодное время года: 10 ноября – 10 января) предоставление рабочим отпусков без содержания. Это широко практиковалось на Урале, хотя Татищев пытался (правда, безуспешно) заставить заводовладельцев оплачивать людям время вынужденного простоя производства⁴². Неоплачиваемый отпуск предоставлялся и на время сенокоса (10 дней в году). Однако в это время завод работал в полную силу, и поэтому домой отпускали лишь часть его работников.

За прогулы людей наказывали штрафами и поркой. На заводе трудились люди, веками привыкшие все делать не спеша, с долгими и частыми перерывами. Они тяжело привыкали к специфике промышленных работ. Однако заводские власти не церемонились с подчиненными. Геннин тщательно разработал – не делая исключений даже для мастеровых – целую систему наказаний за малейший проступок: от штрафа до битья палками, розгами и кнутом⁴³. Штрафы оказались более действенными, чем телесные наказания. Гибкая система оплаты труда, учитывавшая качество выполненной работы, в целом была невыгодна для большинства рабочих: строгое применение инструкций Геннина увеличивало вычеты из зарплаты.

Мастерство уральских ремесленников стоит выше всяких похвал. Они довольно быстро научились работать на новых заводах. Большинство же рабочих – вчерашних крестьян – не были приучены к порядку. Они так и не отказались от крестьянских привычек. Поэтому суровое обращение с ними приказчиков и заводчиков было не просто символом жестокого времени: в первой половине XVIII в. только с помощью кулака и кнута можно было заставить людей хорошо работать.

Накопившаяся у рабочих агрессия, вызванная многочисленными наказаниями, проявилась в ходе волнений 1750-х гг. Конечно, Геннин рекомендовал приказчикам

³⁷ Геннин В. Указ. соч. С.110.

³⁸ Там же.

³⁹ Характерно, что таблицы заводского персонала, которые поместил в своем сочинении Геннин, свидетельствуют о наличии почти в каждом цехе учеников-сменщиков (Геннин В. *Passim*).

⁴⁰ Геннин В. Указ. соч. С.110.

⁴¹ Там же. Комментарий см.: Пажитнов К. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.97.

⁴² См. гл. III настоящей книги.

⁴³ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.54.

мягко обращаться с рабочими, но, как отмечалось выше, это было вызвано дефицитом квалифицированных кадров⁴⁴. К середине века, когда людей стало больше, об этих советах забыли, сохранив лишь статьи инструкций, касавшиеся дисциплины и наказаний.

На каждом крупном горном заводе имелась тюрьма. Конечно, это в какой-то степени было связано с тем, что завод являлся и административным центром. Но в уральские тюрьмы, некоторые из которых (например, Невьянская башня) пользовались дурной славой, сажали не только пьяниц и хулиганов, но и лентяев и бракоделов. Рабочие были связаны круговой порукой – они отвечали за каторжников, занятых вспомогательными работами, и сурово наказывались, если помогали им бежать⁴⁵.

Заводские работы не обходились без травм, и если несчастный случай на время выводил человека из строя, об этом сразу становилось известно начальству. Но в то время и в России, и в мире медицинское обслуживание практически отсутствовало. Тем не менее, «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи» предписывал иметь в каждом порту госпиталь на 200 больных с 1 лекарем и 2 фельдшерами. «Регламент» не касался горных заводов, но т.к. Сестрорецкий завод (на Балтике) подчинялся Адмиралтейству, по инициативе последнего 27 января 1724 г. к этому предприятию был прикреплен лекарь. Затем настала очередь Урала. В одном из своих донесений 1725 г. Геннин настоятельно просил, чтобы ему «...для отправления... дел и для лечения будущих при мне нужнейших мастеровых людей, которые заскорбят, дать лекаря с лекарством, ибо ежели оные в скорбях без лекаря внезапно умрут, то будет великая во всех делах остановка»⁴⁶. Жалобы Геннина были удовлетворены и в Екатеринбурге возник госпиталь. Позже фельдшеры появились и на других крупнейших заводах. Но обслуживание в госпиталях было плохим. Гмелин хвалит Екатеринбург за организацию лечения заводчан⁴⁷, но вот по поводу Лузанского завода, правда, весьма удаленного от Урала (он стоял на Енисее), замечает: «В тамошнем госпитале есть лекарь, но чтобы он не принес вреда, ему не дают никаких лекарств»⁴⁸.

Что касается инвалидов, то о них никак не заботились до конца XVIII в. Горный устав Татищева предписывал создание приюта для стариков и калек, которых не могли содержать их семьи. Но этот устав, как я уже отмечал, не был принят. Заводы использовали на легких работах (например, на разборе руды) труд стариков и инвалидов; полные калеки были на содержании у своих семей, или жили милостыней. В этом Урал ничем не отличался от остальной России.

Заводская работа требовала строгого соблюдения дисциплины. Уровень жизни рабочих зависел от их зарплаты и доходов с участка земли (как при ее обработке, так и при сдаче в аренду).

Зарплату рабочим платили деньгами, гораздо реже – натурой (иногда с этой целью заводская администрация открывала лавки)⁴⁹. О размерах и форме ее выплаты точных сведений нет. Геннин подробно сообщает о зарплатах работников казенных заводов в 1734 г., которые соответствовали нормам, ранее установленным Сибирским обербергамтом⁵⁰. Однако рабочие волнения охватили и казенные предприятия.

⁴⁴ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.171.

⁴⁵ Злотников М.Ф. Указ. соч. С.54.

⁴⁶ Цит. по: Пажитнов К. Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. С.22-24.

⁴⁷ Gmelin G.G. Op. cit. P.44.

⁴⁸ Ibid. P. 297.

⁴⁹ Она практиковалась в начале индустриализации. Рабочие могли получать часть зарплаты пшеницей (Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.69).

⁵⁰ Текст см.: Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. С.49-70. Он почти без изменений воспроизведен в «Описании» В.Геннина (в связи с каждым заводом).

О ситуации на партикулярных заводах, на которых в 1755 г. было занято большинство рабочих, известно мало. Ведь даже на «посессионных» предприятиях, где государство пыталось строго контролировать оплату и условия труда, заводоладельцы не всегда придерживались официально утвержденных тарифов⁵¹. Так что об истинных размерах жалования на частных заводах можно лишь догадываться.

На большинстве заводов зарплата выплачивалась ежедневно или раз в год: так было в 28 из 34 цехов (т.е. в 4/5) Екатеринбургского завода⁵². Из 28 цехов в 5 (кузница мелкого дела, проволочная, стальная, шпикарная, лудильная) использовалась одновременно поденная, годовая и сдельная системы оплаты труда. В остальных 6 цехах рабочим платили сдельно (например, в молотовой (кричной), в плющильной и жестяной), при этом на размер зарплаты влияло качество продукции (см. Таблицу 29).

Таблица 29
Годовой оклад различных категорий работников

Технические руководители, ведущие дело	60-144 руб.
Мастера	20-60
Подмастерья	20-24
Квалифицированные рабочие	12-18
Ученики	12
Сторожа	6-12

Представленные в Таблице 29 цифры не дают представления о реальном положении дел. Прежде всего, здесь не учтены члены Сибирского обербергамта, его презус (зарплата в 1730 г. – 381 руб.), обербергмейстер и оберцегентнер (200 руб.), «старшей» лекарь Екатеринбурга (220 руб. – огромное по тем временам жалование, подчеркивавшее важность этой нелегкой профессии) и даже бергсекретарь (150 руб. – это зарплата бергмейстера).

Более того, 144 руб. являлись максимальной суммой, которую получали «молотчий» лекарь Екатеринбургского завода, горные и доменные десятники, но так платили только *иностранцам* (русские десятники получали 40 руб.). Зарплата большинства высших горных чинов составляла 100-120 руб. 120 руб. получали маркшейдер (землемер), старший «механикус», гитенфервальтер (управитель завода), 100 руб. зарабатывал берггешворен.

60 руб. в год полагалось главному мастеру-плавильщику домны и якорной фабрики (должность, существовавшая лишь на крупных горных заводах). Лишь мастеровой-каменщик получал 90 руб.

Большинство же зарплат были в пределах 12-36 руб. (см. Таблицу 30).

Таблица 30
Зарплата различных категорий работников

	Производство железа	Производство меди
Мастер	30	30-36, иногда 40
Подмастерье	20	24
Квалифицированный рабочий	18	18
Ученик	12	12

⁵¹ Контроль стал строгим только в XIX в., когда законодательство точно определило права и обязанности «посессионных» заводов.

⁵² Бакланов Н.Б. Указ. соч. С 166-167.

В Таблице 30 представлены зарплаты основных категорий работников, более подробные сведения см. в Приложении к данной книге. Но зарплаты в 36 руб. (младший мастер), 24 (подмастерье), 15 (помощник каменщика) были все же редкими. Что касается зарплат, которые превышали 150 руб., представляя весьма значительные для того времени суммы, то они намного превосходили средний уровень жизни⁵³.

На Екатеринбургском заводе насчитывалось примерно 180 рабочих, 45 мастеров, 30 подмастерьев, свыше 100 квалифицированных рабочих и учеников; таким образом, больше половины людей получали зарплату 12-18 руб.

Рассмотрим теперь сдельные зарплаты. В молотовой оценка крицы происходила по ее весу и качеству. Если железо было плохим и ломалось на куски при испытаниях, то за 1 пуд мастер получал 1 коп.; если непригодное железо ломалось на 2 куска при испытаниях, то 2 коп.; наконец, за железо хорошего качества ему платили 3 коп. Подмастерье всегда получал по 1,5 коп. за пуд – за работу отвечал только мастер; ученику платили 3/4 коп. за 1 пуд.

Согласно Геннину, команда из 3 человек (1 мастер, 1 подмастерье, 1 ученик) молотовой фабрики Екатеринбурга производила 60 пудов железа за 6 дней. Мастер получал, таким образом, в зависимости от качества металла 60-180 коп. еженедельно, подмастерье – 90 коп., ученик – 45 коп. Можно предположить, что зарплаты за 50 рабочих недель выглядели следующим образом:

Таблица 31
Зарплата рабочих людей Екатеринбургского завода за 50 дней

Мастер	30-90 руб.
Подмастерье	45 руб.
Ученик	22,5 руб.

Но поскольку рабочих дней было 200, то зарплата была такой, как в Таблице 32.

Таблица 32
Зарплата рабочих людей Екатеринбургского завода

Мастер	18-54 (в среднем – 36) руб.
Подмастерье	27 руб.
Ученик	13,5 руб.

По этим цифрам видно, что зарплата, по крайней мере, двух первых категорий, мало отличалась от зарплаты рабочих высшей квалификации (36-24-18 руб.).

Заводские чиновники имели достаточно высокие оклады. В Сибирском обербергамте главы 7 повытий (канцеляристы) получали 70, их секретари (подканцеляристы) – 35, копиисты – 18 руб. Два последних жалованья – это зарплата служащих во всех приписных конторах казенных уральских заводов⁵⁴.

Что же представляли эти суммы в натуральном исчислении? Те фрагментарные сведения о стоимости пищевых продуктов в Екатеринбурге в 1730-е гг.⁵⁵, которыми я располагаю, не позволяют судить о покупательной способности рабочих. Тем не менее, даже по ним можно сделать интересные выводы, не забывая, однако, что существовали локальные различия. В 1734 г. в Екатеринбурге, являвшемся центром небольшого, давно освоенного и плодородного района, «где хлеб родитца довольной,.. и без навоза», 1 пуд ржи продавали по 4-5 коп., ячменя – по 4 коп., овса – по 3 коп., пшеничной муки –

⁵³ Каторжники, используемые в основном на Екатеринбургском заводе, получали поденную зарплату в 3 коп. на якорной фабрике. Она была немного ниже той, которую получали ученики (5 коп.).

⁵⁴ Геннин В. Указ. соч. С.96-97.

⁵⁵ Там же. С.72.

по 10 коп., т.е. соответственно 25-30, 25, 18 и 62 коп. за центнер. 1 пуд мяса стоил 20-30 коп. (1-1,87 руб. за центнер). Соотношение зарплат и стоимости основных продуктов питания в тогдашнем Екатеринбурге показано в Таблице 33.

Таблица 33

Зарплаты и стоимость основных продуктов питания в Екатеринбурге в 1730-е гг.

	Годовая зарплата	Поденная зарплата	Объемы, соответствующие поденной зарплате		
			Рожь	Ячмень	Овес
Ученик	12 руб.	3 коп. 1/3	10-12 кг	5 кг	2-3 кг
Квалифицированный рабочий	18 руб.	5 коп.	16-20 кг	8 кг	3-4 кг
Подмастерье	20 руб.	5 коп. 2/3	Цифры чуть-чуть выше приведенных для ученика и квалифицированного рабочего		
Мастер	30 руб.	8 коп. 1/3	27-32 кг	13 кг	4-6 кг

На первый взгляд, эти зарплаты выглядят не столь уж и низкими. Но необходимо иметь в виду (хотя Геннин умалчивает об этом), что они являются оптовыми, а не розничными, которые были несколько выше. Кроме того, большинство рабочих имели свое хозяйство, поэтому деньги у них шли на покупку инструментов и одежды, которые нельзя было изготовить дома.

В источниках можно обнаружить упоминания о цене топоров или лопат. Первые стоили на фабрике 50-70 коп., вторые, в зависимости от формы и размеров, – 20-30 коп., что примерно соответствовало 2 и 1 неделям работы квалифицированного рабочего. Здесь также почти нет существенной разницы между покупательной способностью и ценами.

Впрочем, заводская администрация пыталась предоставлять или продавать своим рабочим продукцию по минимальной цене. Устав Татищева (1735 г.) дает на этот счет точные инструкции: «Нужно при заводах смотреть, чтобы харчъ и одежда и к тому принадлежащие потребности для рабочих людей были с довольством и продаваны были добрые настоящей ценой, правдивыми мерами и весом, а особливо при новостроющихся заводах, где в так пустые места люди из других мест к поселению перевозятся, чтобы продажей потребного харча и одежд мастера и работники отягчены не были. Каждый завод, вновь строящийся, ежели от другого торгового места не ближе пяти верст, на оном от начатия строения давать волю от 5 до 7 лет всякие для работников нужные харчи и одежды продавать беспошлинно; при заводах же, где торгующие довольства таких припасов заготовить на все лето не могут, а привоз летом есть неспособный, там закупать управителем в удобные времена. Нашими (т.е. казенными) деньгами и в нужде мастерам и работникам продавать по покупной же цене, с приложением токмо на расходы по десяти, а не боле двадцати на сто, как то до днесь чинено было»⁵⁶.

Но чем ниже стояли рабочие на ступенях социальной лестницы, тем ниже была их зарплата. Инструкция Геннина уточняла, что «за работы платить поденшиком по прошествии каждого месяца, а окладным по прошествии трети [года]»⁵⁷. И хотя Геннин требовал, «чтоб никто обиды, и в зарплате волокиты, не терпел», на практике зарплата выплачивалась с перебоями, в том числе и руководству: вспомним письма Геннина по этому поводу. Вспомогательные работники также постоянно жаловались на это. О ситуации на частных заводах мне ничего неизвестно. Для выяснения уровня жизни рабочих на казенных заводах (и, конечно, их собратьев на частных предприятиях) и, следовательно, степени их недовольства своим положением, надо иметь в виду, что в то вре-

⁵⁶ Цит. по.: *Пажитнов К.* Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве // *Архив истории труда в России*. Пг., 1922. Кн. 3. С.11.

⁵⁷ *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.168.

мя зарплата выплачивалась нерегулярно и часто менялась. Недовольство вызывалось не столько ее низким уровнем, сколько нерегулярной выплатой.

* * *

Рассмотренная выше система зарплат была эффективна, если у рабочих были дополнительные источники дохода, прежде всего, если остальные члены семьи также были заняты в промышленности. О женском труде на частных заводах известно мало; дети, как я уже писал, работали на рудниках⁵⁸. Но даже если рабочий не имел клочка земли и жил в заводском бараке, он все равно оставался крестьянином. Уровень его жизни определялся доходами от земли и размером зарплаты.

Не все рабочие имели землю; некоторые, особенно на крупных предприятиях Среднего Урала, жили в избах для беглых. В период остановки производства или на время сельскохозяйственных работ нанимались в окрестные села: перевозка грузов зимой и сенокос летом приносили им небольшую прибыль.

Мастеровые и работные люди жили рядом с заводом в своих избах и владели землей; в лесах они пасли скот. Положение заводских помещичьих крепостных было схоже с горнозаводскими крепостными. И те, и другие получали зарплату на заводе и возделывали свое поле.

Поэтому положение рабочих имело локальные различия. Севернее, где климат был более суровым, а земля не столь плодородной, рабочие жили плохо. Паллас отмечал, что на заводах, построенных рядом с Сосьвой к 1760 г., и на соседних рудниках население вымирает от цинги, отсутствия овощей и свежего мяса. В лучше заселенном центре края (особенно на черноземном Южном Урале), имевшем хорошее снабжение продуктами и обширные, очищенные от леса участки земли, рабочий имел лучшую участь. Похвалив в 1735 г. «удобное расположение» Екатеринбургского завода, Гмелин добавлял: «Там совсем нет пьяниц; вино разрешено продавать лишь по воскресеньям и то в малом количестве; за этим строго следят, правда не всегда успешно. Люди всем довольны; зарплату им платят вовремя, цены здесь низкие, а всех хворых лечат в госпитале»⁵⁹.

Но Екатеринбургский завод был исключением из правил и нужно очень осторожно относиться к описаниям посетивших его путешественников. Тем не менее, вполне возможно, что материальное положение заводчан было довольно сносным⁶⁰, поскольку они занимались еще и земледелием, охотой, пчеловодством и рыболовством. Н.П.Рычков, описывая в 1760-е гг. Троицкий завод Осокина, замечал, что у здешних крепостных хорошая зарплата, кроме того, они держат домашний скот и пчел, и покупают готовый хлеб⁶¹. Паллас, в свою очередь, отмечал, что рабочие Симского завода, подобно староверам Невьянска и Нижнего Тагила⁶², «живут не убого»⁶³.

Однако эти отдельные замечания необъективны. Свидетельствам путешественников, особенно их голословным утверждениям, что зарплата выплачивалась вовремя, нельзя доверять. Относительное благополучие населения, которое предстает со страниц этих сочинений, объясняется не только успехами промышленности, но и дополнительными доходами людей от охоты, собирательства, рыболовства и земледелия.

⁵⁸ «К разбору руд употребляются те служители, которые горных и заводских работ за престарелостью, увечьем и болезнями сносить не могут; а большая часть оных составляется из служительских детей, которые из всех заводов к маю месяцу в рудники высылаются, а в октябре паки в дома к отцам своим возвращаются...» (Герман И.Б. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. С.269-270).

⁵⁹ Gmelin G.G. Op. cit. P.44.

⁶⁰ Для приписных крестьян дело обстояло по-другому, см. об этом ниже.

⁶¹ Тхоржевский С. Указ. соч. С.99.

⁶² Паллас П.С. Указ. соч. С.227, 253.

⁶³ Там же. С.34.

Сложная система зарплат и льгот порождала многообразие конкретных ситуаций. Кроме того, среди рабочих горных заводов наблюдалось социальное расслоение, вызванное не только промышленностью. Возьмем, например, крепостную «интеллигенцию», из которой происходили приказчики частных заводов. К сожалению, социальная дифференциация заводских работников до сих пор еще не была предметом специального изучения. К таким крепостным приказчикам-интеллигентам, имевшим практически абсолютную власть над подчиненными, принадлежал Григорий Махотин, составивший ценнейший список заводов Прокофия Демидова. Такие люди, как Махотин, заслуживают внимания исследователя не меньше, чем знаменитые крепостные художники, музыканты, актеры⁶⁴. Крепостные приказчики часто были выходцами из раскольников, «поскольку они меньше предавались пьянству и строго следили за православными»⁶⁵.

Повышение социального статуса человека никак не сопровождалось, как можно было бы предполагать, его быстрым обогащением. К 1780 г., когда зарплата сильно возросла (как, прочем, и цены), приказчикам платили 40-100 руб. в год⁶⁶. В этом опять проявилось отличие металлургии от текстильной промышленности: приказчик был наемным работником и не являлся хозяином предприятия. Можно сделать вывод, что металлургия не освобождала, а наоборот, закабаляла человека. Почти повальное распространение на заводах крепостничества, с одной стороны, и разница в уровне жизни и социальных функциях рабочих, обусловленная промышленностью – с другой, составляли одно из тех противоречий, которые разрешатся лишь в 1861 г. Но это противоречие было почти незаметным. Незначительное число оброчных крестьян к середине XVIII в. свидетельствовало о медленном социальном развитии.

Таким образом, рабочие Урала представляли собой группы людей, различавшиеся по уровню жизни. В целом сносные условия существования, вызванные доходами от земледелия и промышленности, находились в противоречии с подневольным характером заводского труда. Все это нужно учитывать при анализе психологического фона социальных движений.

* * *

Можно ли понять всю сложность тогдашней ситуации на Урале? Как изменились условия труда рабочих со времен Петра Великого до середины XVIII в.? Из-за чего произошли волнения рабочих?

Источники не позволяют установить изменение размера зарплат. Сведения Геннина и реестры зарплат Камских и Гороблагодатских заводов в 1766 г. (казенные предприятия) отделяют 30 лет. В тоже время, у меня мало сведений и по частным заводам⁶⁷. Однако казенная промышленность с ее утвержденными государством тарифами зарплат, мало изменившимися за это время, несомненно, способствовала относительной стабильности жалования рабочих партикулярных заводов. Следует отметить, что реестры 1766 г. (возникшие после первых социальных волнений) свидетельствуют о некоторых изменениях по сравнению с тарифами 1730-х гг. (см. Таблицу 34).

Таблица 34
Зарплаты работных людей Камских и Гороблагодатских заводов в 1766 г.

Домна	1724-1737	1766
Мастер	30	36 руб.
Подмастерье	20	24

⁶⁴ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.295.

⁶⁵ Storch H. Op. cit. S.393.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Работа Б.Б.Кафенгауза позволяет в настоящее время частично заполнить эту лакуну.

Рабочий	18	16
Ученик	12	15 ⁶⁸

Но нельзя забывать, что в 1750-е гг. рабочие волнения и большая потребность в специалистах, вызванная стремительным промышленным развитием, привели к увеличению размеров зарплат; поэтому для выявления их эволюции за 30 лет данные 1766 г. с известными оговорками можно принять за основу.

Цифры 1766 г. показывают, что работные люди (набор которых облегчился по причине возросшей плотности населения Урала) зарабатывали мало, почти как ученики. И те, и другие составляли, как мы уже знаем, большую (разумеется, относительно) часть вольнонаемных рабочих. Надо также отметить, что высокие зарплаты иностранцев практически исчезли после отъезда их на родину или ассимиляции на Урале. Основываясь на этих отрывочных данных, я позволю себе предположить, что разноряд в оплате труда постепенно исчезал, и к середине века почти полностью ушел в прошлое.

Вряд ли в то время размер зарплаты сокращался, как это утверждает, вслед за С.Г.Струмилиным⁶⁹, Н.Н.Рубцов⁷⁰; скорее всего, в середине века зарплата снизилась ненамного, а ее значительный рост (вероятно, это случилось незадолго до 1766 г.) затронул лишь наиболее квалифицированных рабочих.

При более тщательном рассмотрении проблемы выявляются некоторые различия в размерах зарплат⁷¹. В Таблице 34 были приведены средние зарплаты, касающиеся рабочих домны. Зарплата учеников (и чернорабочих) снизилась на одних (якорная фабрика, проволочный цех), осталась без изменений на других (укладная), и заметно повысилась на жестяной фабриках. Вероятно, зарплаты резко упали на старых производствах, где выпускались заводское оборудование и продукция, вывозившаяся на отдаленные рынки. Напротив, зарплата стала расти в цехах, работавших на внутренний, особенно на местный, рынки. Но это не сказывалось на общей стабильности зарплат.

* * *

Теперь обратимся к ценам. Здесь мне также придется оперировать приближенными расчетами. Изменения курса рубля, неоднократно исследовавшиеся специалистами, были вызваны изменениями цен. Исходя из данных таблицы, составленной И.И.Кауфманном и использованной С.Г.Струмилиным⁷², можно сделать вывод, что рубль, сильно обесценившись в первой половине царствования Петра Великого, сохранял относительную стабильность до 1763 г. В целом же, в первой четверти XVIII – конце XIX в. его курс падал медленно и постоянно⁷³. Попробуем выяснить колебания

⁶⁸ Пажитнов К. Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.8-9.

⁶⁹ По С.Г.Струмилину, доменный мастер зарабатывал в 1723 г. 60 руб., в 1773 г. – 26 руб. В действительности зарплата в 60 руб. – это зарплата главного мастера-плавильщика; мастер во времена Геннина получал не больше 30 руб.; зарплата в 26 руб. в 1773 г. – это, скорее всего, зарплата рабочего средней квалификации.

⁷⁰ Рубцов Н.Н. Указ. соч. С.74.

⁷¹ Пажитнов К. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

⁷² Кауфман И.И. Русский вес, его развитие и происхождение. СПб., 1906; Струмилин С. Оплата труда в России // Плановое хозяйство. 1930. № 4.

⁷³ Ключевский В.О. Русский рубль XVI-XVIII вв. в его отношении к нынешнему: Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1884. Кн.1. Ключевский замечает, что в конце XIX в. чеканили всего в 3 2/3 раза больше рублей серебром, чем в XVI в., и девальвация рубля в большой степени стала следствием не столько обесценивания, сколько уменьшения стоимости серебра. Но пока невозможно проследить колебания цен на серебро в XVIII в.

покупательной способности рубля. В.О.Ключевский, стоявший у истоков подобного рода исследований, пришел к следующим выводам.

Стоимость хлеба, почти стабильная в начале царствования Петра Великого, ощутимо возросла в последние годы его жизни; с одной стороны, это было вызвано обесцениванием рубля (последствия чего проявились гораздо позже), а с другой – потребностью в рабочей силе на заводах, мануфактурах и общественно полезных работах.

Для периода 1730-1750 гг. В.О.Ключевский использовал донесения провинциальных и уездных канцелярий или городских ратуш; их сведения крайне фрагментарны, и особенно полны лишь для 1737 г. В целом цены 1740-х гг., близкие к показателям 1737 г., увеличились по сравнению с предыдущим периодом. Определяя по мерам хлеба меновое отношение старого московского, потом всероссийского рубля XVIII в., к рублю конца XIX в., В.О.Ключевский предложил следующие цифры:

Таблица 35
Стоимость рубля в ценах конца XIX в.

1651-1700 гг.	17 руб.
1701-1715 гг.	9 руб.
1730-1740 гг.	10 руб.
1741-1750 гг.	9 руб.

К сожалению, этот историк довел свое исследование до 1750 г., и не рассмотрел ценовой рост в 1750-1760-е гг., накануне его резкого подъема. Из-за отсутствия соответствующих исследований, а, точнее сказать, необходимых источников, приходится лишь признать этот факт, отказавшись от анализа его социального эффекта. Можно только отметить, что после достаточно долгого периода стабильных цен в первой половине столетия, в 1750-1770 гг. произошло их повышение, усилившееся при Екатерине II.

Но так было в России. А как обстояло дело на Урале? Прежде всего, замечу, что стоимость хлеба, поставляемого властями Перми, которую условно можно распространить на весь уральский регион, была в целом ниже, чем в других местах⁷⁴. Кроме того, стоимость хлеба не везде была одинаковой. Например, завоз хлеба на самые северные заводы был нерегулярным и поэтому там он стоил выше, а там, где сельское хозяйство могло удовлетворить потребности предприятий в продуктах, цены на хлеб более или менее оставались стабильными.

Наконец, большинство рабочих имели свое хозяйство и поэтому почти не тратились на покупку продуктов. Кроме того, людей выручали охота и пчеловодство. И если хлеб выращивался исключительно для нужд семьи, то мед, воск и пушнина в основном шли на продажу, принося ощутимую прибыль.

Тем не менее, нужно отметить, что к 1750-м гг. число рабочих людей, чье существование почти полностью зависело от завода, увеличилось. Развитие промышленности и рост потребности в людских ресурсах делали невозможным наделение всех рабочих земель. Таким образом, рыночные цены на продукты питания приобрели для рабочих большое значение.

Но если даже допустить, что цены на хлеб в 1750-е гг. возросли, это вряд ли сильно сказалось на уровне жизни рабочих. Любопытно, что в 1754 г. восставшие горнозаводские рабочие почти не поднимали вопроса о зарплате, будучи больше обеспокоенными разницей в оплате труда различных категорий работников. Необходимо, однако, отметить начавшийся с этого времени разрыв между ростом цен и уровнем зар-

⁷⁴ Там же.

платы, что стало одной из причин рабочих волнений и их связи с крупным восстанием 1773-1774 гг.⁷⁵

3. Вспомогательные заводские работы. Приписные крестьяне

На Урале имелаась резкая диспропорция численности заводских рабочих, и тех, кто занимался вспомогательными работами. Конечно, отдельно взятый завод производил не так уж много продукции. Его персонал в середине XVIII в. практически не превышал нескольких сот человек. Но для получения 30000-40000 пудов чугуна, железа или меди нужно было заготавливать много руды, известняка и древесного угля.

В 1720-1740 гг. руда давала 25-30%, реже 50% чугуна⁷⁶; для меди эта цифра составляла 2-5%. Так, Каменский завод в 1734 г. выплавил из 165000 пудов руды 65000 пудов чугуна⁷⁷. Геннин распространял эту пропорцию на все казенные заводы, но она явно завышена. Пример медеплавильного Полевского завода, где для получения 5000 пудов черной нерафинированной меди нужно было выплавить 460000 пудов руды⁷⁸, показывает, сколько природного сырья требовалось, чтобы обеспечить нормальную деятельность предприятия.

Поэтому персонал рудников состоял из 2 команд. Ученики и подростки-откатчики, почти еще дети, чей труд был очень дешев, переносили в корзинах или ящиках руду из шахты на шахтный двор, а затем грузили ее в телеги и доставляли на завод. По данным Геннина для екатеринбургских рудников, на 12 мастеровых (бергмейстер, механикус и т.д.) и 20 квалифицированных рабочих (бергауры, катальщики) приходилось 50 учеников и 50 грубенюнов (подростков-откатчиков)⁷⁹. На рудниках Пыскорского завода число чернорабочих было еще большим: на 20 шихтмейстеров, их помощников и т.д. приходилось 72 ученика и 72 грубенюна, всего около 150 человек⁸⁰. На рудниках Лялинского завода на 30 учеников и 20 грубенюнов приходилось 4-5 рабочих людей (20 катальщиков можно в крайнем случае отнести к обеим категориям)⁸¹. С ростом числа горных заводов численность малолетних работников на них значитель-

⁷⁵ <См. также: Вагина П.А. Личное хозяйство и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последней четверти XVIII в. // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1968. № 72; Вагина П.А. Материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классовой борьбы на Урале второй половины XVIII в. для студентов исторического факультета. Свердловск, 1962. Вып. 1: Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Урала второй половины XVIII в.; Вагина П.А. Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Южного Урала во второй половине XVIII в. // Научная конференция, посвященная истории рабочего класса Урала. Пермь, 1960; Козлов А. Г. К вопросу о составе и численности рабочих кадров казенных предприятий Урала в середине XVIII в. // Уч. записки Уральского ун-та. Серия историческая. Вып. 9. Свердловск, 1969; Козлов А.Г. К вопросу о формировании, численности и составе рабочих кадров казенных заводов Урала на рубеже XVIII-XIX вв. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963; Козлов А.Г. О продолжительности рабочего дня на казенных заводах Урала в XVIII – начале XIX вв. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1963. Вып. 4; Черкасова А.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985; Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600-1900. Oxford, 1998>.

⁷⁶ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.304. В своем «Путешествии по Сибири» Гмелин говорит по поводу Каменского завода следующее: «это завод, где производят лучшее железо; оно очень волокнистое и упругое, его отливают из превосходной крицы; почти вся она выдерживает испытания, чего не скажешь о крице с других плавильен» (Gmelin G.G. Op. cit. P.48).

⁷⁷ Геннин В. Указ. соч. С.483.

⁷⁸ Там же. С.515.

⁷⁹ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.300.

⁸⁰ Геннин В. Указ. соч. С.563.

⁸¹ Там же. С.534.

но выросла; в 1770 г. на горе Магнитной (Высокой) (Нижне-Тагильские рудники) Паллас видел 300-400 работавших детей⁸².

Зимой руду обычно перевозили на телегах, запряженных лошадьми. Хотя расстояние от рудника до завода было не столь большим, состояние дорог, особенно летом, оставляло желать лучшего. Дороги, построенные Демидовым под Невьянском, восхитили Палласа, но они были исключением из правил; тот же Паллас во время своего путешествия постоянно жаловался на уральские тракты⁸³. Грузоподъемность подводы при обычной одноконной запряжке составляла 20-25 пудов (300-400 кг) руды зимой, и 15 пудов (250 кг) летом, а скорость передвижения – 3 версты в час⁸⁴. Можно представить, сколько повозок требовалось для перевозки сотен тысяч пудов руды. Самым крупным горным заводам к 1750-м гг. нужно было 10000-15000 повозок и 1000-3000 извозчиков. В силу тогдашней технологии большая часть руды уходила в отходы, и хотя положение в этой области постепенно улучшалось⁸⁵, расширение производства требовало увеличения добычи сырья, а, следовательно, и числа чернорабочих.

О работе на руднике и о технологии переработки руды известно немало, гораздо больше, чем об использовании известняка, который применялся в качестве плавня (флюс) и в строительстве. Его требовалось много. Уктусский завод перерабатывал около 180000 пудов руды и добывал 14800 пудов известняка. Столько же известняка потреблял и Сысертский завод, который выплавлял 148000 пудов руды. Для переплавки 140000-180000 пудов руды и для других целей было необходимо примерно 15000 пудов известняка.

Еще больше рабочих были заняты на заготовке леса. Его рубили весной, используя и как строительный материал, и как сырье для углежжения. Геннин сообщает, сколько каждому заводу требовалось ежегодно досок, брусьев, реек на ремонт, а ведь древесина была нужна для нового строительства. Еще больше ее уходило на производство угля. В те времена древесный уголь получали не в кирпичных печах (они были редкостью даже в конце XIX в.), а прямо в скирдах на местах, преимущественно осенью, чтобы не случилось пожара. Скирды, согласно Геннину, имели несколько метров в высоту, а радиус их основания составлял более 50 м; они давали 50-70 коробов⁸⁶ древесного угля из березовых стволов, и 90 коробов – из сосновых⁸⁷. Таблицы 36 и 37 показывают расход угля при выплавке чугуна и железа.

Таблица 36
Производство чугуна и расход заводов

⁸² Паллас П.С. Указ. соч. С.255.

⁸³ Там же. С.243. Уральские дороги мало изменились даже спустя век: «Как и в прошлом столетии, сегодня на Урале большинство перевозок осуществляется на лошадях. Его дороги, которые никогда не мостят камнем, покрыты выбоинами и рытвинами, и в период осенних дождей или весенней распутицы превращаются в болота. Когда трасса становится полностью непригодной для езды, повозки направляют в объезд, и таким образом слева и справа от основного пути образуются новые дороги, которые постепенно расширяются и захватывают край соседнего поля или леса. Именно по этим пыльным и ухабистым дорогам вынуждены трястись почтовые тарантасы, что делает невозможным использование рессор; несмотря на сено или подушки, которыми он обкладывает себя в повозке, путешественник скоро начинает испытывать адские мучения и проклинать свою судьбу, забывая о девственном очаровании этой страны и веселом перезвоне упряжных колокольчиков» (*Verstraete M. L'Oural. Paris, 1899. P.19*).

⁸⁴ Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.34.

⁸⁵ К 1800 г. руда давала 30-60% своего веса, вместо 25-50.

⁸⁶ Размеры короба на каждом заводе были свои. П.Г.Любомиров полагает, что в среднем 1 короб = 25 пудам (400 кг): Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.37 (сведения, почерпнутые у Лепехина: Продолжение путешествия академика Лепехина. Т.IV. Ч.III. С.145).

⁸⁷ Геннин В. Указ. соч. С.361 (об углежжении – С.354-359).

Заводы	Количество выплавленной руды, пуды	Количество использованного древесного угля, коробы	Количество полученного чугуна
Уктусский	176000	7391	89425
Сысертский	160000	7000	81470
Каменский	164250	7605	65700
Алапаевский	160000	8395	83314

Таблица 37
Производство железа и расход угля

Заводы	Обработанный чугун, пуды	Количество использованного древесного угля, коробы	Полученное железо (в крице), пуды
Верхне-Уктусский	24000	3600	16000
Сысертский	72000	10800	48000
Каменский	12000	1800	8000
Алапаевский	24000	3600	16000
Синячихинский	36000	5400	24000
Верхне-Исетский	72000	10800	48000

Примечание. Вес угля составлял 2/3 от веса выплавленного чугуна⁸⁸.

По сравнению с пропорциями Геннина 1735 г., данные Германа для конца XVIII в. свидетельствуют о больших изменениях в использовании топлива. Но в 1750-е гг. это почти не ощущалось, а потребности заводов, теперь более многочисленных и более крупных, чем при Геннине, значительно увеличились. Для получения 1 пуда железа во времена Геннина в среднем уходило 8 пудов древесного угля, а для 1 пуда чистой меди – 50-100 пудов. Согласно В.Н.Татищеву, в 1737 г. екатеринбургские заводы (без учета домен) для получения железа, уклада и стали (на что затрачивалось 81000 пудов чугуна) потребляли 20500 коробов древесного угля (= 6420 куб. сажень⁸⁹ соснового, или более 9300 куб. сажень березового леса), т.е. 65000-93000 кубометров древесины (в зависимости от вида топлива).

Именно поэтому наряду с мастеровыми и чернорабочими, число которых не превышало 200-300 человек, на заводе работали тысячи крестьян, которые трудились на руднике, лесозаготовках, углежжении и извозе; их приходилось отрывать от земледелия, поскольку, по крайней мере, на первых порах, вольнонаемная рабочая сила стоила очень дорого. Далее мы увидим, что дешевизна перевозки руды на завод, которая осуществлялась на Южном Урале в 1760 г. свободными людьми, была обусловлена участием в этом деле башкир.

Кроме того, даже высокие зарплаты практически не решали проблему дефицита рабочих рук. Уральская промышленность возникла в слабозаселенном регионе, а местное население было к ней настроено совершенно равнодушно, если не сказать враждебно. Людей можно было привлечь только отработкой ими своего оброка, ибо они были свободными.

Те, кто не имел собственных крепостных, в первой половине XVIII столетия не играли значительной роли в уральской промышленности: Строгановы построили Билимбаевский завод лишь в 1733 г. Строительство горных заводов, в основном, было инициативой казны и Демидовых. Поэтому строительные и вспомогательные работы на первых казенных предприятиях выполнялись уральским населением как общественные занятия: тогда целые деревни были приписаны к тому или иному промышленному объекту.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ 1 куб. сажень ≈ 10 куб. м.

Никита Демидов, приобретя в 1702 г. Невьянск, получил и все льготы, полагавшиеся заводам, в том числе и права на приписных крестьян. Казенные и частные заводы, позже названные посессионными, также использовали труд приписных. В первой трети XVIII столетия приписка крестьян к горным заводам не была юридически оформлена, но после 1734 г. ее узаконили⁹⁰. Отныне все уральское население было обязано участвовать в заводских работах. Было установлено строгое соотношение между величиной завода и числом рабочих, которое должны были предоставить деревни. Известно, что по указу 1734 г. хозяин железоделательного завода мог иметь для 1 домны 100-1150, а для 1 молота – 30 крестьянских дворов; владелец медеплавильного завода получал для выплавки 1000 пудов чистой меди 50 крестьянских дворов (т.е. 200 душ мужского пола).

Даже допуская, что в этом недавно заселенном крае женщин было гораздо меньше, чем мужчин, на 200 душ мужского пола должно было приходиться примерно 100 женщин. Итого было 300 душ обоего пола, приблизительно по 6 человек на двор⁹¹.

Если применить эту пропорцию к железоделательным заводам, то получится, что для обслуживания 1 домны требовалось 600-900, а 1 молота в молотовой – около 200 человек. Так, средний железоделательный завод (1 домна и 4 молота) должен был иметь, согласно указу 1734 г., около 2000 крестьян; завод, производивший 2000 пудов чистой меди, задействовал около 1000 человек.

Но нужно учесть, что указ 1734 г., предоставляя заводчикам соответствующие льготы, гарантировал им лишь *минимум* рабочей силы. Из текста указа нельзя узнать, как соотносились количество готовой продукции завода и численность его вспомогательных работников. На деле заводу требовалось гораздо большее число крестьян, чем разрешалось по указу 1734 г. Поэтому во второй половине XVIII в. к вспомогательным работам стали привлекаться не только приписные крестьяне, но и заводские крепостные (вечноотданные) и вольнонаемные работники. Однако, и тех и других в 1755 г. было мало.

С другой стороны, соотношение числа приписных и свободных рабочих было на частных и казенных заводах различным. Государственные предприятия, за спиной которых стояло правительство, широко применяли труд приписных крестьян. Поэтому разница в численности приписных крестьян на казенных и частных заводах постепенно возрастала. Если на первых, постепенно терявших свое значение, было немало приписных, то на вторых, намного более производительных, они увеличивались медленно (см. Таблицу 38).

Таблица 38

Численность приписных крестьян на казенных и партикулярных заводах Урала (душ мужского пола)

Дата ревизии	Казенные заводы	Партикулярные заводы
1719		31383 ⁹²
1741-1743	63054	24199
1762	99330	43187
1781-1783	209917	54345
1794-1796	241253	70965

Источник: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С.305.

⁹⁰ См. гл. III настоящей книги.

⁹¹ Это очень приблизительный подсчет. Чтобы уточнить нагрузку крестьян, указ от 13 марта 1744 г. подтвердил норму приписки – 50 дворов для выпуска 1000 пудов меди, с учетом того, что в каждом дворе должно было быть 4 работника. Эти же цифры в 1759 г. были распространены на железоделательные заводы (указ Правительствующего Сената).

⁹² В сенатском указе Геннину от 14 июня 1725 г. приводится цифра около 25000 (*Злотников М.Ф.* Указ. соч. С.55)

Эти цифры охватывают всю Россию (без Сибири и Сестрорецких заводов), но большинство приписных крестьян или жили на Урале, или были связаны с уральскими заводами. Точность этих цифр можно проверить путем привлечения дополнительных статистических данных за 1782 г., основанных на сведениях 1762 г.⁹³ Из 104185 крестьян, приписанных к казенным заводам (эта цифра очень близка к 99330 душ, учтенных по третьей ревизии), только в Пермской губернии их имелось 59129, а на 2 заводах – Воткинском и Ижевском (в юго-восточной части Вятской губернии) – 18006, т.е. всего более 77000 человек (3/4 от общего числа).

Сюда еще нужно добавить крестьян, приписанных к Оренбургской губернии и Тобольской провинции (где находились самые старые уральские заводы).

В целом четвертая ревизия показала наличие 209917 приписных крестьян. В Пермской губернии их имелось 99917, на Воткинском и Ижевском заводах – 23215, т.е. в общей сложности более 123000 человек (это без Оренбургской губернии и Тобольской провинции)⁹⁴. Анализ данных Таблицы 38 наводит на мысль, что количество приписанных к казенным заводам крестьян либо превосходило потребности этих предприятий⁹⁵, либо свидетельствовало о плохой организации труда, в силу чего партикулярные заводы все чаще и чаще вынуждены были использовать крепостных или вольнонаемных работников. Далее я покажу, что увеличение вольнонаемных рабочих свидетельствовало о появлении новой, капиталистической, организации труда, а пока отмечу, что влияние приписки на уральское население можно установить, выяснив соотношение, с одной стороны, численности приписных крестьян и всего населения, а с другой – заводских крестьян и приписных.

К сожалению, данные о численности уральского населения фрагментарны⁹⁶ и поэтому я буду вынужден опираться на крайне неполные сведения пяти ревизий XVIII в.⁹⁷

Рассмотрим ситуацию в Пермской провинции, Тобольской (имеется в виду ее западная, наиболее плотно заселенная часть), и Оренбургской губерниях, в которые входила промышленная зона Урала. По третьей ревизии (1762 г.) и в Пермской провинции, и в Оренбургской губернии насчитывалось примерно по 130000 душ⁹⁸. В Оренбургской губернии во время второй ревизии (1742 г.) проживало лишь 82000 плативших подать русских⁹⁹. В 1755 г. русских насчитывалось в Башкирии 110000-200000

⁹³ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С.305.

⁹⁴ Там же. Нужно, тем не менее, добавить, что восточная окраина Пермской губернии далеко выходит за пределы Урала.

⁹⁵ Когда Вознесенский завод после 1762 г. перешел от графа Сиверса в казну, число приписных крестьян резко возросло: со 1000 (из которых одна треть уже была прикреплена к заводу) до 2300 душ.

⁹⁶ Сводные данные о результатах первой, второй и пятой ревизий на Урале приведены в кн.: *Белов В.* Указ. соч. С.42. Эта работа, к сожалению, оказалась мне недоступна, поэтому я вынужден был использовать сведения из других сочинений.

⁹⁷ Как отмечал Герман (*Hermann B.-F.-Joh.* Statistische Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Länderbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufaktur und Handel. S.7), «первая ревизия была проведена по указу Петра Великого в 1722 г., и затем повторялась через каждые двадцать лет, но ни одна из них так никогда и не была полностью закончена».

⁹⁸ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.370. О слабой заселенности Урала свидетельствует факт, что в 1762-1764 гг. (третья ревизия) Верхотурский уезд насчитывал всего чуть более 8000 душ, которые проживали в основном на юге, где имелись казенный Благодатский завод и несколько предприятий Демидова (*Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.359). Север же региона был практически пустынным.

⁹⁹ *Hermann B.-F.-Joh.* Statistische Schilderung von Russland in Rücksicht auf Bevölkerung, Länderbeschaffenheit, Naturprodukte, Landwirtschaft, Bergbau, Manufaktur und Handel. S.7.

человек, а остальное ее население (185000-340000 человек) составляли башкиры, мордва, татары, чуваша и марийцы¹⁰⁰.

Согласно Герману, в 1788 г. в Пермской и Уфимской губерниях проживало соответственно 900000 и 600000 жителей (соотношение 3:2). Несмотря на колонизацию Южного Урала, эта пропорция после 1742 г. почти не изменилась. Вот почему численность населения Пермской провинции по ревизии 1762 г. – 130000 человек – скорее всего является заниженной. Конечно, это всего лишь мое предположение. И тем не менее, я считаю, что численность русских в промышленной зоне Урала составляла в середине XVIII в. примерно 500000-600000 человек.

Численность русского горнозаводского населения на Урале трудно определить потому, что припиской были охвачены не только соседние от заводов деревни, но и поселения, находившиеся на расстоянии 300, 400 и даже 500 верст от предприятий, т.е. уже за пределами промышленного Урала. Исходя из численности населения края к середине XVIII в. в 500000-600000 человек и допуская, что приписных было порядка 150000, можно увидеть, как завод подчинил себе уральского крестьянина.

* * *

Конечно, не все 150000 приписных крестьян работали на заводе. Поэтому сейчас нам предстоит выяснить, как была организована заводская работа и сколько она занимала времени.

Вплоть до начала XX в. заводские работы были на Урале сезонными¹⁰¹. Зимой грузы перевозили по суше. Крестьяне использовали для этого своих маленьких выносливых лошадок, которые летом паслись без пастухов; в XVIII в. крестьянин, привлеченный к извозу, приходил на завод вместе со своей лошастью. Реки, на которых стояли горные заводы, были судоходны лишь весной: полгода они были покрыты льдом, а летом мелели от засухи. Тем не менее, по рекам вывозились брусковое железо и готовая продукция; отправку тяжело нагруженных коломенок (барж) ежегодно приурочивали к паводку. Плотины увеличили срок навигации, но это произошло лишь во второй половине XVIII в. Во времена Геннина речные караваны отправлялись 1 апреля с Чусовой¹⁰², ориентация которой с юго-запада на северо-восток сделала ее транспортным узлом всех горных заводов Среднего Урала. Поэтому весной требовалось достаточно много вспомогательных работников, ведь одновременно с загрузкой барж шла заготовка леса. Камень и руда добывались, в основном, летом и осенью; здесь время работ накладывалось друг на друга и требовало много рабочих. Этот график имел на различных заводах и в разных климатических зонах небольшие локальные различия.

Таким образом, вспомогательные занятия отнимали у людей большую часть года и приводили к многочисленным жалобам приписных. В 1708 г. крестьяне Алапавского завода писали: «Угольные дрова рубим и в кучи сваживаем и кладем, и уголь жжем и из куч к домне возим, и руду копаем и жжем, и к домне на завод возим, и всякие деревянные припасы на завод припасаем¹⁰³, из лесу на завод возим... и с заводу на Тагиль и во все Верхотурского уезду слободы подводы гоняем, и с заводу железо и всякие военные припасы на Чюсовскую реку на пристань возим, и на Чюсовой реке дощаники под то железо и под припасы делаем, и железо к великому государю к Москве на них, дощаниках, проводим без жалованья. А в посылке бывает у нас по 20 человек, наймующи дорогою ценою. Да мы же работаем на Невьянских железных заводах Акин-

¹⁰⁰ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С.7 (сводка на основе сведений, рассеянных по работам П.И.Рычкова и В.Н.Витевского).

¹⁰¹ См. прилагаемую схему; сведения, касающиеся лесных работ в конце XIX в. взяты из кн.: Verstraete M. Op. cit.

¹⁰² Геннин В. Указ. соч. С.436.

¹⁰³ Лес для строительства и отопления.

фея Никитча, угольные дрова рубим с 500 человек по 5 сажен на человека и железо и всякие военные припасы от него, Акинфея, с заводу на Чюсовую реку на пристань возим по вся годы, наймучи дорогою ценою... И держит он, Акинфей, у себя на заводе, для перевозки и сечки угольных дров недели по 4 и больше; и, принимая к себе от него, Акинфея, всякую бедность, и голод терпим, потому что дровяная сечка бывает у него нам не во-время, зимнею порою по снегу»¹⁰⁴.

Из процитированного документа видно, что сроки работ целиком определялись заводчиком. Первоначально приписные крестьяне должны были отрабатывать на заводе свою подать, которую теперь государство переложило с них на заводовладельца или приказчика: такого рода отработка занимала не более 3-4 недель. Но вскоре крестьян стали заставлять работать сверхурочно, исходя теперь из потребностей завода. Уже в 1702 г., когда Невьянский завод только-только перешел к Никите Демидову, государство разрешило ему оставлять у себя крестьян сверх указанного срока, выплачивая им зарплату¹⁰⁵. То, что ранее являлось привилегией для одного лица, указами от 29 мая 1724 г.¹⁰⁶ и от 8 апреля 1740 г. было распространено на всех.

Именным указом 29 мая 1724 г. Геннину предписывалось «...к заводам для работ приписать слободы *без которых обойтись не можно* (курсив мой. – Р.П.), и с тех слобод подушных как осьми-гривенных, так и четырех-гривенных денег с них не брать¹⁰⁷; а те подушные деньги на тех заводах зарабатывать, за которую работу зачитать им по указу, состоявшемуся генваря 13 дня 1724 году¹⁰⁸... а как тех приписных слобод жители подушные деньги платить по вышеписанному ж указу, а без платежа денег, в работу их не употреблять». Судя по тексту документа, заводчики часто принуждали приписных крестьян работать бесплатно. Заставляя заводовладельцев платить крестьянам зарплату, этот указ узаконивал практику удержания крестьян на предприятии до завершения заводских работ.

Таблица 39
Вспомогательные работы на горных заводах

Заводы	Операции	Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
I	Лес и уголь	Перевозка		Рубка леса			Рубка леса			Углежжение		Перевозка	
	Руда, известь и горный камень		Перевозка					Добыча					Перевозка
	Погрузка на суда					Погрузка на суда							

¹⁰⁴ Савич А.А. Указ. соч. С.14-15. Заводская администрация, кроме того, имела право наказывать приписных крестьян наравне с крепостными, что действительно сближало положение обеих категорий этих работников. Заводовладельцы приняли это право, но указ, давший им эту возможность, мне неизвестен.

¹⁰⁵ Савич А.А. Указ. соч. С.16.

¹⁰⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4518.

¹⁰⁷ 1 гривна = 10 копеек. Здесь речь идет о подати государству (8 гривен) и помещику (4 гривны).

¹⁰⁸ Положения которого повторены в указе от 20 января 1724 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4425).

II	Лес и уголь		Рубка леса, углежжение (окончание)				Углежжение (начало)			
	Руда	Перевозка						Добыча		
III	Лес и уголь	Перевозка		Рубка леса, углежжение				Рубка леса, углежжение		

I – Екатеринбург (Геннин В. Указ. соч. С.437-438).

II – Авзяно-Петровск, середина XVIII в. (Савич А.А. Указ. соч. С.27-28).

III – Verstraete M. Op. cit. P.6-10.

Примечание. После волнений 1754-1764 гг. и вследствие действий Вяземского большинство горных заводов не привлекали приписных крестьян к промышленным занятиям на период сельскохозяйственных работ (май-июль).

Государству было выгодно обеспечить регулярную выплату подати, но это были экономические соображения, в результате чего приписные крестьяне стали работать для нужд завода. Поэтому в обязанности приписных крестьян постепенно были вменены рубка леса, углежжение, извоз, добыча руды и множество других занятий. Геннин в этом вопросе был непреклонен: он считал, что приписных крестьян можно использовать «*по потребности работ*», и они не могут жаловаться¹⁰⁹. Таким образом, завод применял труд приписных крестьян везде, и эта постепенно порабощавшая людей связь с предприятием становилась все прочнее, поскольку со временем им пришлось отрабатывать подать не только за себя, но и за всех приписных своей деревни, в том числе убогих, беглых и взятых по рекрутскому набору в армию¹¹⁰. Отрабатывая подать и выполняя волю заводовладельца, они теперь большую часть года проводили на заводе.

Тем не менее, и во время заводских работ крестьяне занимались сельским хозяйством. Геннин определил, что приписные крестьяне Екатеринбургского завода в марте-апреле должны рубить лес и готовить его к углежжению. Если эту работу вовремя завершить не удастся, ее возобновляют в июне и ведут до середины июля¹¹¹. Углежжение начинают в конце сентября, а перевозят уголь зимой. В связи с тем, что в июле-сентябре в разгаре была полевая страда, которая прерывалась добычей руды и камня между жатвой и сенокосом, уголь возили в декабре-марте¹¹².

Т.к. все приписные крестьяне были заняты в промышленности, у них почти не оставалось времени на свое хозяйство. Расстояние от деревень до заводов было небольшим. 4774 крестьянина, приписанных к Екатеринбургу в 1734 г., проживали в 5 слободах, расположенных соответственно в 128, 150, 160, 170 и 200 верстах от него¹¹³. В течение XVIII в. эта ситуация, в частности на Южном Урале, где рост численности населения отставал от темпов индустриализации, лишь ухудшилась. Когда были построены Верхне- и Нижне-Авзяно-Петровский заводы (1755 и 1756 г.), к ним пришлось приписать крестьян, живших в 400, 500 и даже 650 верстах отсюда¹¹⁴. Естественно, что у крестьян, добравшихся до горных заводов пешком, на это уходило много времени.

Вот почему крестьяне постоянно пытались сбежать с завода. Массовый уход людей с них имел место в 1726-1727 гг.; после 1730 г. это стало делать труднее. С другой стороны, крестьяне пытались облегчить себе жизнь путем улучшения организации работы и практикой подмены себя другими.

¹⁰⁹ Геннин В. Указ. соч. С.438.

¹¹⁰ Считалось, что крестьянин работал в среднем за двоих или троих (Савич А.А. Указ. соч. С.27). На Камских заводах, где было приписано 13000 крестьян, реально работали 4560 (Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.I. С.365-366).

¹¹¹ Перерыв обусловлен таянием снега, что затрудняло работы в лесу.

¹¹² Геннин В. Указ. соч. С.437.

¹¹³ Там же. С.436-437.

¹¹⁴ Савич А.А. Указ. соч. С.16. В конце XVIII в. ареал приписки к южно-уральским горным заводам выходил далеко за пределы Оренбургской губернии и охватывал Казанскую губернию.

С согласия администрации завода крестьяне создавали сменные команды. В течение века регламент команды в целом и каждого ее члена в отдельности уточнялся, пока не был кодифицирован в заводских уставах. После восстаний 1755-1762 гг., в которых активную роль играли Авзяно-Петровские заводы, князь Вяземский¹¹⁵ прикрепил к горным заводам всех приписных крестьян, но это следовало сделать раньше. Анализируя результаты деятельности Вяземского, можно получить более полное представление об обязанностях приписных крестьян в середине XVIII в. Так, крестьяне, прикрепленные к Авзяно-Петровскому заводу, должны были заготовить 8000 куб. саженой леса (около 88000 кубометров) для получения угля, собрать и разобрать 602 поленицы по 20 куб. саженой каждая и измельчить древесный уголь, наконец, добыть и перевезти на завод на своих лошадях 3330 короба (около 2 т) железной руды¹¹⁶.

Для всего этого требовалось 3 команды крестьян, по 500 человек в каждой¹¹⁷. Первая команда уходила в лес в марте и должна была заготовить по 17-18 куб. саженой древесины на человека. Вторая команда начинала жечь уголь в августе, но ей не всегда удавалось завершить это до начала зимы. Она возвращалась домой в мае следующего года; кроме того, крестьяне должны были возить воду, необходимую для углежжения, что вынуждало их брать с собой лошадей (однако это было редко). Что касается третьей команды, занимавшейся наиболее тяжелым делом – добычей и перевозкой руды, то она приступала к работе в сентябре. Таким образом, если расстояние между деревнями и промышленным предприятием было не очень большим, приписным крестьянам худобно удавалось сочетать полевые работы с заводскими занятиями.

Второй формой протеста крестьян была практика подмены себя на работе другими людьми за определенную плату. Очевидно, приписным крестьянам это было выгодно. Подмена себя другим человеком была вызвана малочисленностью здешнего населения, из-за чего приходилось приписывать крестьян издалека. Вот почему практика подмены себя получила распространение в середине XVIII в. лишь на Южном Урале, где башкирское население, не затронутое припиской, соглашалось заменять собой крестьян.

Но за эту услугу крестьянам приходилось дорого платить. Чтобы выяснить, была ли выгодна для них замена, рассмотрим положение приписных крестьян в 1750-е гг.

До 1724 г. российское законодательство не определяло форму оплаты труда приписных крестьян. Все строилось на взаимной договоренности между крестьянами и горнозаводчиками; за принудительный труд платили зарплату, которая, конечно, взаимно не обговаривалась, но была относительно высокой по причине дефицита рабочей силы. Об этих зарплатах имеются крайне отрывочные сведения. На Урале приписные крестьяне в начале XVIII в. получали в среднем 12 коп. в день, если имели лошадь, и 6 коп., если лошади у них не было¹¹⁸. Лишь в финале царствования Петра Великого была введена единая по всей стране зарплата для приписных крестьян, сохранявшаяся до 1769 г., хотя и значительно меньшая, чем раньше. Указ от 13 января 1724 г. унифицировал размеры зарплат: отныне летом приписному крестьянину, имевшему лошадь, полагалось платить по 10 коп. в день, крестьянину без лошади – 5 коп.; зимой – соответ-

¹¹⁵ О нем см. гл. VI настоящей книги.

¹¹⁶ Савич А.А. Указ. соч. С.27-28; Продолжение путешествия академика Лепехина. Т.IV. Ч.III. С.141.

¹¹⁷ Нужно отметить, что приписные крестьяне заготавливали лишь часть (примерно 2/3) леса, необходимого для углежжения; остальная часть на партикулярных заводах заготавливалась вспомогательными работниками.

¹¹⁸ Герман И.Ф. Указ. соч. С.4-19.

ственно 6 и 4 коп¹¹⁹. Летнее время было определено с 1 апреля по 1 октября, когда перевозки были затруднены, и наступали полевые работы; поэтому летняя зарплата была выше зимней. Во времена Геннина зарплата не выдавалась крестьянам на руки, а засчитывалась им в счет подати, которая тогда составляла 1 руб. 20 коп. Чтобы выплатить ее, имевший лошадь крестьянин должен был отработать летом 12, а зимой 20 рабочих дней, а безлошадный – 24 (30) дня.

Но к середине века в результате дальнейшего промышленного развития в этом вопросе произошли значительные изменения. С одной стороны, приписные крестьяне лично платили свою подать, и, следовательно, получали зарплату полностью, а с другой – поденная оплата труда применялась теперь лишь к тем, кто по роду деятельности не мог составить команды. Уже при Геннине повсюду была установлена сдельная зарплата, которая распространилась даже на перевозчиков руды и угля. Причиной этого нововведения стала низкая трудовая отдача крестьян, ранее оплачиваемых поденно. Кроме того, сдельная зарплата еще больше привязывала рабочих друг к другу, устанавливая круговую поруку за выполнение работы. Введение системы рабочих команд позволило сократить затраты времени на промышленные работы, следовательно, крестьянин теперь мог больше внимания уделять домашнему хозяйству. Однако расширение и увеличение числа горных заводов обрекло его на еще большие тяготы. Строительство домны или молотового цеха не только увеличивало масштаб приписки, но и удлиняло сроки заводских работ.

Теперь возникает вопрос: были ли крестьяне приписаны к заводу пожизненно или временно? Это было неизвестно, по крайней мере, до волнений 1750-х гг.¹²⁰ Иногда в документах говорится о временной приписке, но без каких-либо уточнений. Тогдашнее законодательство, таким образом, полностью развязывало руки государству и заводладельцам. Приписка фактически навечно прикрепляла крестьянина к заводу, но даже если ее срок был ограничен (он иногда мог составлять 10 лет), она вновь продлевалась, вызывая тем самым резкие протесты, правда, не имевшие никаких последствий.

Таким образом, после повсеместного введения сдельной оплаты труда приписной крестьянин, проводивший теперь на заводе почти все свое время, постепенно превращался в полупролетария. Каково же было его положение? Если определить размер дохода крестьян от использования своего участка земли затруднительно, то о зарплате заводского рабочего мы, благодаря Геннину и Татищеву, знаем немало. «За рубку угольных дров» платили «по 25 копеек за сажень» (около 10 кубометров)¹²¹, «за кладку дров в кучи, дернение и осыпку куч, зжение и разломку угля» – по 3 руб. 52 коп. «с кучи», «за воску угля и головень с куреней на завод по числу верст, как ныне в разстоянии курени от заводов в [8] верстах, по 3 копейки с короба, а когда будут отдалятца, тогда и цены за воску будет прибавлятца по числу верст»¹²². Горный устав Татищева уточнял, что крестьянин получает за перевозку на каждую версту 25 пудов по полкопейки (1 деньгу) зимой, 1 коп. за 20 пудов летом и 1 коп. за 15 пудов весной и осенью (в распутицу, когда извозом не занимались)¹²³.

¹¹⁹ Указ от 20 января 1724 г. во многом повторяет положения указа от 13 января 1724 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4425): «...Объявить дворянам, чтоб платили со всякой мужской души по осми гривен, а более того с них никаких податей, подвод и протчего не будет».

¹²⁰ См. гл. VI настоящей книги.

¹²¹ По Уставу Татищева в 1737 г. платили за это по 20 коп., в 1752-1769 гг. – вновь 25 коп.

¹²² Геннин В. Указ. соч. С. 437. Пример Екатеринбургского завода характерен для всех казенных заводов.

¹²³ Нормы были следующими: «В каждую поездку на одну лошадь положено вывезть 25 пуд; на каждый час для проезда кладутся 3 версты; на насыпку и свалку по одному часу, на каждый день по 12 часов работных», «за возку платится плакатная плата, когда место не далее 30 верст отстоит от завода, а сверх тридцативерстного разстояния уже не по плакатной плате ставится, но по ямскому учреждению, то есть по деньге на версту» (Продолжение путешествия академика Лепехина. Т. IV. Ч. III. С. 145).

С некоторыми изменениями эти тарифы сохранялись до 1760-х гг.¹²⁴ Покупательная способность этих зарплат была рассмотрена мною выше на примере работных людей. В любом случае зарплат последних были ниже зарплат вольнонаемных работников. Использование приписных не исключало набора «свободных» работников, значение которых постепенно возрастало. Вольнонаемные были либо государственными крестьянами, не подлежавшими приписке (их становилось все меньше и меньше по мере того, как приписка ширилась), либо гулящими людьми.

Зарплата свободных и приписных работников на каждом горном заводе была различной; скорее всего она постепенно росла. Во время строительства Уктусского завода (1718-1720 гг.) приписные крестьяне оплачивались из расчета 6 и 4 коп. в зависимости от наличия лошади или ее отсутствия; для вольнонаемных крестьян эти цифры составляли соответственно 6 и 5 коп.¹²⁵ В том случае, когда крестьяне не хотели или не могли сами работать, они платили тем, кто их заменял, более высокую плату. Крестьяне говорили, что из-за больших расстояний, отделявших их деревни от завода, они не могли заниматься заводским трудом. Женщины и мужчины оставались дома и были вынуждены соглашаться с условиями нанятых ими для заводских работ людей.

На Среднем Урале, вполне заселенном к середине века, плата за подмену была небольшой, по крайней мере, равнялась зарплате вольнонаемных работников. В 1741 г. несколько приписных крестьян Бымовского завода жаловались, что они получали по 24 коп. за сажень, а если находили себе замену, то платили нанятым по 26 коп.¹²⁶ Разница между оплатой труда приписного и вольнонаемного крестьянина была значительной. Если приписному лесорубу платили, как мы видели, 24 или 25 коп. за сажень, то вольнонаемный получал за это до 35 коп. За пережигание кучи дров в 20 сажений приписному платили от 3 руб. 40 коп. до 3 руб. 50 коп., а вольнонаемному – до 9 руб. Что касается крестьян, оплачиваемых по денно, то приписным платили по тарифу 1724 г. (действовавшему до 1769 г.) 4 (6) коп. зимой, 5 (10) коп. летом (соответственно, для пеших и конных работников), а вольнонаемным – по 5 (9) и 7 (10) коп.¹²⁷ Как видим, оплата труда при рубке леса или углежжении, предполагавших наличие некоторого мастерства, могла в 3 раза превышать официальный тариф.

К 1750-м гг. положение приписных крестьян ухудшилось. Некоторые работы можно было выполнять, только прибегая к подмене себя. Так, приписные крестьяне Ягошихинского и Мотовилихинского заводов должны были перевозить медную руду с Ягошихинского на Висимский завод по Каме, но поскольку у них не было своих барж, они вынуждены были нанимать их за весьма высокую цену. К официальному тарифу в 5 руб. 73,5 коп. за 1000 пудов руды им приходилось добавлять еще 5 руб. 37 коп. из своего кармана¹²⁸.

На Южном Урале крестьяне нанимали башкир. Малочисленность здешнего русского населения расширила институт приписки далеко на восток. Самые дальние деревни беглых полностью зависели от башкир. Поэтому крестьяне были вынуждены принимать кабальные условия последних. Приписные работники Авзяно-Петровского завода получали 25 коп. за заготовку 1 куб. сажени леса, а если нанимали для этого башкир, то платили им по 70-80 коп. с сажени; за «кучковую» работу (кладка дров в 20-саженную кучу, одернение, жжение угля и разломка его) они получали 6 руб., а в слу-

¹²⁴ *Семевский В.И.* (Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.437-443), используя указы, переданные крестьянами своим депутатам в Комиссию 1767 г., приводит многочисленные данные о зарплатах Кунгурского и Невьянского регионов.

¹²⁵ *Геннин В.* Указ. соч. С.448. Размер этих зарплат, по сравнению с данными И.Ф.Германа и цифрами, определенными указом 1724 г. очень низкий, особенно для крестьян с лошадьми, (см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.I. С.427).

¹²⁶ *Савич А.А.* Указ. соч. С.15-16.

¹²⁷ Там же. С.25.

¹²⁸ Там же. С.26.

чае замены себя платили 15-18 руб. с кучи; наконец, за добычу 1 ящика руды они получали 35 коп., а если нанимали замену, то платили за это 60-70 коп.¹²⁹. Все это стало одной из причин восстания авзянских крестьян в 1754 г.

* * *

То, что крестьяне соглашались дорого платить, лишь бы не работать на заводе, ярко свидетельствует об их отвращении к промышленности. Земледелие было им ближе к сердцу, поскольку денег на заводе платили мало и нерегулярно, заводская работа отнимала много времени и до домашнего хозяйства руки уже не доходили. Были и материальные причины. Здешнее крестьянство в целом не испытывало дефицита земли. Несмотря на сходство природных условий в России, условия жизни русских крестьян в разных частях страны сильно различались. В конечном счете, она зависела от численности населения той или иной местности. Если в Центральной России с середины XVIII в. возник дефицит земли, усиливший бегство людей на Урал, то численность населения, осевшего на границах с Азией, была настолько низкой, что переселенцы не чувствовали себя здесь спокойно. Природные условия усиливали это разнообразие, поскольку на Южном Урале проходит граница между степью и лесом. В то время как на Среднем Урале возможности для ведения земледелия были весьма скромными, и, следовательно, доходы сельских жителей невелики, в черноземной лесостепи государственные крестьяне жили весьма привольно.

Однако, несмотря на плодородие башкирских земель, крестьяне боялись селиться в «дикой» Башкирии, предпочитая для этого окрестности Казани. Казанская провинция в то время была «перенаселена»¹³⁰. По третьей ревизии (1762 г.) там насчитывалось 325000 душ, т.е. в 2,5 раза больше, чем в Пермской провинции, равной ей по площади¹³¹. Путешественники (например, Н.П.Рычков) встречали здесь множество людей, готовых работать за гроши.

Таким образом, перенаселенность ряда районов страны могла свести на нет благодатные географические условия. Именно в Казанской провинции, за 400-500 верст от Южного Урала, некоторые заводчики набирали приписных крестьян. Но стремились ли крестьяне покидать свою родину? Отнюдь нет, ведь от перенаселения страдали немногие, а приписки боялись все. И приписной крестьянин должен был выбирать: либо на несколько месяцев покинуть свою деревню и пойти на завод, либо, откупившись немалой суммой, остаться дома.

Крестьяне получали доход не только от обработки земли, но и от мелкой торговли. О крестьянской нелегальной торговле известно достаточно хорошо. Купечество постоянно боролось с ней, но на Урале, где купцов было мало, крестьянская торговля была очень выгодна. Промышленный рост, связи с постепенно заселяемой Сибирью и Средней Азией расширили рынок мелкой торговли, приносившей большинству крестьян ощутимую прибыль.

Хотя о ценах на продовольствие известно мало, в середине XVIII в., вероятно, они медленно росли. Конечно, крестьяне не могли продавать много выращенных ими

¹²⁹ Там же. С.27-28. Кроме того, горные заводы непосредственно привлекали на работу башкир, т.к. предприятий, имевших приписных работников, было мало. Заводы Твердышева и Мясникова приписных не использовали (*Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.373). Паллас сообщает об использовании нерусских народов на некоторых заводах: Косотурский (Златоустовский) завод использовал чувашей и пермяков, «кои, – пишет Паллас, – нередко взяв на руку деньги, уходят безизвестно» (*Паллас П.С.* Указ. соч. С.117).

¹³⁰ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.395.

¹³¹ Тем не менее, как мы знаем, население Пермской губернии было более многочисленным, чем показала ревизия.

продуктов земледелия, но если урожай был неплохим, они могли чуть-чуть разбогатеть, поскольку деньги тогда были редкостью и имели очень большую стоимость.

Приписка, которую крестьяне всегда ненавидели, к 1750-м гг. приобрела большой размах. Поэтому приписные, особенно жители Черноземья, были согласны заплатить много, но откупиться от заводских работ.

Крестьяне вели борьбу с припиской весь XVIII в. Уже при жизни Петра Великого приписка показала свою неэффективность. В представлении иностранца Блиэра, поданном им Сенату в 1712 г., сообщается: «Сие (т.е. горное. – *Р.П.*) дело до того времени по большей части исправлялось крестьянами, которым не токмо достойной платы не учинено, но часто еще наряжаемо было по 100 человек на такую работу, которую 20 или 30 человеками сработать было можно, а сие и бывает причиною, что крестьяне, оставя свои дома, другие же будучи посильнее, приходили в непослушание. ...А дабы сие препятствие предварить, за лучший способ почитаю, чтобы во всякой губернии столько молодых людей выбрать из мужиков или из рекрут, сколько их по рассмотрению управителя потребно будет, и сим определяя известное жалование оставить их навсегда при заводской работе»¹³².

Правительство старалось прикрепить работников к предприятию. Но до начала XIX в. к приписным крестьянам не применялись меры, на которых настаивал Блиэр, хотя институт приписки, несмотря на видимое благополучие, находился в упадке и был ликвидирован в начале XIX столетия.

Мы видели, что на испытывавших кризис казенных заводах работало множество приписных крестьян, а на динамично развивавшихся партикулярных предприятиях их было немного¹³³. Причиной этого было то, что социальная структура уральского населения под влиянием промышленности значительно изменилась. Для заводовладельцев приписка больше не была единственным способом обеспечения вспомогательных работ. Кроме хорошо оплачиваемой и высокопроизводительной вольнонаемной рабочей силы у них теперь было много крепостных. В 1750-е гг. государственные крестьяне перестали доминировать среди других категорий населения Урала. Разрешение купцам покупать деревни (его отменили в 1762 г.) и, следовательно, переводить на Урал крепостных, раздача казенных земель дворянам, которые заселяли их, особенно на Южном Урале, своими крепостными, позволили шире привлекать на завод наиболее бесправные категории населения. Получение дворянства разбогатевшими купцами (такими, как Демидов) и переход к середине XVIII в. большинства казенных заводов в частные руки также способствовали этому. Наконец, указы, прикрепившие людей к заводам, не только решили проблему квалифицированных рабочих кадров, но и сделали вспомогательными работниками множество заводских крепостных (в частности, посессионных крестьян).

Положение приписных на партикулярных заводах было гораздо тяжелее, хотя и трудились они там более производительнее, чем на казенных, где дисциплина была помягче¹³⁴. И крестьяне чувствовали эту разницу! Восстания 1750-1760-х гг. зачастую начинались с отказа работы на партикулярного заводчика, недавно купившего казенное предприятие.

В то время как партикулярные заводчики относились к приписным крестьянам почти как к крепостным, их казенные собратья, не испытывавшие дефицита работников, были менее требовательными к своим кадрам. Частные предприятия рационально

¹³² Цит. по: *Пажитнов К.* Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.7.

¹³³ В инструкциях, данных Татищеву в 1734 г. (см. гл. III настоящей книги), отмечалось, что горные заводы Акинфия Демидова, имея гораздо меньшее число приписных крестьян, производили намного больше железа, чем казенные предприятия.

¹³⁴ См.: *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.358.

использовали людские ресурсы, благодаря чему добивались высокой производительности, а казенные, с их меньшей степенью эксплуатации людей, в этом проигрывали.

В силу ряда обстоятельств, и, несмотря на то, что отчет Близера остался без внимания, в течение века численность удаленных от завода приписных крестьян постепенно сокращалась, и все больше и больше становилось тех, кто проживал рядом с предприятием. Больше полугода занятые на вспомогательных работах, они постепенно становились заводчанами; те, кто не имел своей земли, в свободное от работы время нанимались убирать хлеб или косить сено. Этим в основном занимались одинокие мужчины. Все это привело к тому, что с 1750-х гг. в заводском поселке проживали не только работные люди, но и вспомогательные работники. Однако, несмотря на это, большинство приписных крестьян (если не находили себе замены) продолжали ходить из своей деревни на далекий завод. Чаще всего это было, в силу вышеуказанных причин, на партикулярных заводах. Но люди всегда сохраняли свою связь с землей. Вспомогательный работник, даже живя на заводе или вблизи него, оставался крестьянином.

То, что положение приписных крестьян на казенных заводах было несколько легче, чем на частных, не нарушало их связи с предприятием: подневольный заводской труд и сезонные работы навсегда привязывали крестьян к промышленности. Но если вокруг горного завода поселялись вспомогательные работники, то тогда эти связи несколько ослаблялись.

В целом же, по мере роста уральского населения, приписка постепенно становилась анахронизмом. Введенная в начале века, она обеспечила завод вспомогательными работниками. Почему же приписка просуществовала так долго? Поскольку эффективность труда приписных крестьян была низкой, им платили меньше, чем вольнонаемным¹³⁵.

Приписка не приносила казне ожидаемой выгоды. Но заводовладельцам, все чаще применявшим труд крепостных, она давала вспомогательных работников. К приписке прибегали и при строительстве новых предприятий в безлюдных районах севера и, особенно, юга Урала. Наконец, установленный государством тариф зарплаты приписных крестьян влиял на оплату их труда на заводе и за его пределами. Таким образом, институт, который вначале имел характер общественных работ, превратился теперь в феодальную обязанность, которую государство сохраняло в целях развития партикулярной металлургии.

Но крестьяне ненавидели приписку. Все больше и больше времени они вынуждены были посвящать заводу. Строгий контроль, принудительный труд, жестокость приказчиков, нередко бывших крепостных и потому особенно беспощадных к подчиненным, уже не напоминали барщину начала столетия. Феодальный институт приписки пришел в противоречие с потребностями промышленности, что привело к социальному кризису на уральских заводах в 1750-е гг.¹³⁶

4. Первые социальные волнения (1754-1762 гг.)

В 1750-е гг. на Урале прошли первые социальные волнения, ставшие прелюдией к восстанию 1773-1774 гг. Конечно, и раньше заводы не вызывали у крестьян радости, но тогда протест ограничивался отдельными мелкими выступлениями. Малочис-

¹³⁵ Впрочем, к 1755 г. о малочисленной вольнонаемной рабочей силе в металлургии говорить что-либо трудно из-за отсутствия сведений.

¹³⁶ <См. также: Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Указ. соч.; Козлов А.Г. Приписные крестьяне на казенных заводах Урала // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961; Миненко Н.А. Организация управления и самоуправления приписными крестьянами Урала и Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3; Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994>.

ленность заводов, и, особенно, их работников, а также постоянная угроза нападения со стороны нерусских соседей не могли вызвать крупное восстание.

Но к середине века ситуация изменилась. Численность горных заводов за 15 лет удвоилась. На ряде предприятий трудились сотни рабочих и тысячи вспомогательных работников. Заводские крестьяне подвергались жестокой эксплуатации, людей не хватало, а промышленная зона значительно расширилась. По уральским дорогам брели на завод или возвращались с него домой крепостные и приписные крестьяне. Эти вечные странники были полупролетариатом и осуществляли связь между заводами. Урал теперь был уже частью России. Среди его населения быстро распространялись различные слухи и постепенно зрело недовольство.

Приписные и крепостные крестьяне ненавидели завод. Именно в 1750-е гг. приписка стала для них особенно тяжелой, тем более что в 1761 г., подушная подать возросла с 1 руб. 12,5 коп. до 1 руб. 73,5 коп.¹³⁷ Но теперь крестьянам угрожало полное прикрепление к заводу. Конечно, заводчики не могли заставлять работать людей после отработки ими своей подати, за исключением тех, кто добровольно остался на заводе. Хотя Берг-регламент 1739 г. разрешал в случае особой нужды оставлять на предприятии часть крестьян, к этому прибегли лишь однажды (это были Петр Шувалов и граф Чернышев), да и то во время рабочих волнений¹³⁸.

Граф Чернышев попросил пополнить перешедшие ему от государства Юговские заводы приписными, и Сенат, посоветовавшись с Берг-коллегией, 27 июля 1760 г.¹³⁹ разрешил ему приписать туда временно 224 крестьян: графу было рекомендовано все же приобрести себе крепостных. Приписанных к заводу крестьян обязали заниматься только заводской работой¹⁴⁰. Юридически они стали «посессионными крепостными».

Это решение коснулось незначительного числа крестьян, но оно было глубоко символичным и, кроме того, стало провозвестником грядущих катаклизмов. Не зная, как теперь быть, приказчики продолжали требовать от крестьян отработки прежней подушной подати, и последние, ставшие теперь рабочими, вынуждены были платить ее из своей зарплаты. Так продолжалось до 1763 г.

Положение некоторых категорий работных людей ухудшилось в связи с постепенным прикреплением их к предприятию. В 1750-е гг. на заводе, кроме вольнонаемных рабочих (крепостных или свободных) имелось 3 категории работников, о которых я уже говорил: купленные заводчиками крепостные; «вечноотданные» – в основном беглые, переданные заводам по указу 1736 г.; государственные крестьяне, временно переданные предприятию.

Указ от 12 марта 1752 г. ограничил право купцов покупать крепостных, а в 1762 г. вообще отменил его¹⁴¹. Но т.к. большинство уральских заводов принадлежало дворянам, эти указы здесь почти не применялись, да и сами заводчики редко прибегали к покупке крепостных.

Рабочие кадры в основном воспроизводились наследственным путем (от отца к сыну) и обучением заводскому делу беглых или приписных крестьян. Закона о беглых по-прежнему не было; было неясно, возвращать ли их прежним хозяевам, или оставлять у горнозаводчиков? Два указа 1744 г. разрубили этот gordiev узел в пользу последних: беглым запретили возвращаться в свои родные деревни, а обучившиеся заво-

¹³⁷ Савич А.А. Указ. соч. С.25.

¹³⁸ После восстаний приписные крестьяне были насильно прикреплены к заводу.

¹³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11087.

¹⁴⁰ Документы см.: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.I. С.437; Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11087.

¹⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XIII. № 9954; Т.XV. № 11490; Т.XVI. № 11638.

дскому делу были прикреплены к заводам¹⁴². Но указ от 13 мая 1754 г., напротив, обязал вернуть обратно всех рабочих (даже если они получили профессию), юридический статус которых не был определен ранее¹⁴³. На заводах могли оставаться только те, кто попал туда между 1736 г. (указ о вечноотданных) и 1744 г. (вторая ревизия), и то если в них нуждалась промышленность. Несмотря на эту оговорку, указ сильно обеспокоил заводовладельцев. Канцелярия Главного правления заводов должна была вернуть свыше 6000 человек как с казенных, так и с частных заводов¹⁴⁴. Вот почему новый указ, изданный 30 декабря 1754 г., уточнил, что все лица, обучившиеся промышленному делу и пришедшие на завод после 1732 г. (т.е. после переписи Толбузина), остаются на нем навсегда¹⁴⁵. Они уравнивались с помещичьими крепостными и купленными заводчиками крестьянами. В конечном счете, только рабочие (или их потомки), учтенные в 1722-1732 гг. как приписные, сохраняли статус государственных крестьян и должны были выплачивать заводу лишь свою подать.

Заводовладельцы сохранили свои кадры, сумев договориться с прежними хозяевами крестьян, да и приказчики казенных заводов очень часто закрывали глаза на происхождение своих работников. Сами беглые не хотели возвращаться назад, но и не желали стать крепостными и отрабатывать подать. Итак, указы 1754 г. с одной стороны, окончательно закрепили на заводе большинство его работников, а с другой – породили сегрегацию между старыми заводскими кадрами, сохранившими свои традиционные права, и теми, кто появился на предприятии недавно.

Но старых категорий рабочих было мало, за исключением первых горных заводов (таких, как Невьянск). Несмотря на многочисленные протесты, заводовладельцы уравнивали статус всех категорий работников, кроме вольнонаемных, тогда еще малочисленных; они сделали посессионными тех крепостных рабочих, которые отрабатывали лишь подушную подать. Последние не протестовали против существования завода, но, будучи прикрепленными к нему, получали зарплату меньше, чем вольнонаемные. Таким образом, с ростом численности вольнонаемных работников законодательство пыталось, как и раньше, закрепить на горных заводах тех, чье юридическое положение было неизвестно, т.е. максимальное количество людей. Не удивительно, что это привело к кризису.

Но еще большее значение имел переход после 1754 г. казенных заводов в частные руки. Первоначально он сопровождался передачей отдельным царским фаворитам значительного контингента государственных крестьян, ставших посессионными. Но когда заводовладелец желал расширить свое предприятие или построить новое, он просил, как я уже отмечал выше, дать ему дополнительную рабочую силу. Именно так в 1764 г. П.Шувалов получил в Оренбургской губернии 1920 душ, а затем еще 640 душ в 1754 г.¹⁴⁶

Кроме того, передача приписных крестьян и работных людей частникам имела ряд последствий. Во-первых, усиливалась эксплуатация работников, ужесточался контроль, более эффективно использовались рабочие команды. А поскольку, как известно, на казенных заводах приписных было гораздо больше, чем на партикулярных, то приватизация государственных предприятий, таким образом, привела к резкому ухудшению положения тысяч крестьян (только на Благодатских заводах их насчитывалось 25000 душ).

¹⁴² Там же. Т. XII. № 8969 и № 9004.

¹⁴³ Там же. Т. XIV. № 10233.

¹⁴⁴ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. С. 443. В 1763 г. на Урале было учтено 12183 «беглых и лиц неопределенного происхождения» (по данным Берг-коллегии).

¹⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIV. № 10494.

¹⁴⁶ *Савич А.А.* Указ. соч. С. 13.

Во-вторых, рабочие, жившие рядом с заводом, издавна пользовались казенными лесными угодьями, а после передачи их частникам лишились (хотя это следует еще изучить) этого права¹⁴⁷.

Все это привело к возникновению на Урале после 1754 г. мощных социальных движений. На фоне роста цен зарплаты, являвшиеся основным источником существования для большинства рабочих, оставались на прежнем уровне. Наряду с тем, что заводской труд отвлекал от земледелия все больше и больше крестьян и расширял прикрепление к предприятиям рабочих, это также способствовало нагнетанию напряженности.

Кроме того, после 1754 г. расширилась сфера использования промышленного труда, что было вызвано строительством новых горных заводов и переходом казенных предприятий в руки партикулярных лиц. Таким образом, люди были недовольны скорее системой подневольных работ, чем своим нищенским существованием. Завод больше всего ненавидели крестьяне, чем кадровые рабочие, которые, тем не менее, в ряде случаев сыграли определенную роль в восстаниях. Однако волнения заводских работников не приняли массового характера; эти движения ограничивались стенами завода.

Наконец, принудительный труд породил в умах крестьян и уральских рабочих мотив горькой доли, выраженный в народных песнях и «секретах», которые передавались из поколения в поколение:

*У Демидова в заводе
Работушка тяжела
Ах, работушка тяжела...
Ах, спинушки болят!
В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают.*

В середине XVIII в. надежда избавиться от издевательств и подневольного труда была уже несбыточной:

*Уж вы, горы, да горы высокие,
Уж леса на горах да дремучие!
Добрых молодцев, людей беглых,
Вы укройте разбойничков бедных,
Ах, людей да Демидовых...¹⁴⁸*

Несмотря на то, что индустриализация Урала коснулась всех категорий работников, с заводов бежали только самые отчаянные, часть которых впоследствии перешла к Пугачеву. Но у всех них ностальгия по прежней жизни станет источником формирования менталитета протеста, который открыто проявится в новых социальных условиях 1750-х гг.

* * *

Сначала в волнениях¹⁴⁹ участвовали крестьяне Авзяно-Петровских заводов Шувалова (Авзяно-Петровский Верхний имел 2 домны и 12 молотов, Авзяно-

¹⁴⁷ Позднейшие свидетельства, связанные с приписными крестьянами (их с успехом можно распространить и на заводских работников), неоднократно показывают, что власти казенных заводов строго оберегали свою собственность. В 1760-е гг. приписные крестьяне из соседней с Сысертским заводом деревни жаловались, что после перехода завода в 1759 г. из казны к заводчику Турчанинову им запретили заготавливать для себя лес и бесплатно пользоваться лугами (Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С. 447).

¹⁴⁸ Цит. по: Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М., 1938. С. 437.

Петровский Нижний – 12 молотов). Они находились в самой глубине края, который на следующий год будет охвачен башкирским восстанием¹⁵⁰. Из-за отсутствия местной рабочей силы Шувалов приписал на эти заводы крестьян, живших в 600 верстах отсюда, по границам Вятской и Казанской провинций. В 1754 г. они отказались идти на работу, и для их усмирения пришлось применить солдат. Это случилось очень далеко от завода. Но меры, принятые после подавления бунта, отозвались эхом и на предприятии: 30 крестьян с семьями прикрепили к нему, чтобы «употреблять их без очереди в само- нужные и тягчайшие заводские работы»¹⁵¹.

Это должно было запугать приписных крестьян и, одновременно, увеличить их численность на Авзяно-Петровских заводах, чтобы затем превратить в заводских рабочих. Однако перевод 30 семей на завод был символическим событием. Приписные крестьяне, приходившие издалека и не получавшие никакой платы за это, обеспечивали большинство вспомогательных работ на заводе, и до 1758 г. составляли 2 годовые команды, что лишало деревни половины трудоспособного населения. Новое восстание 1758 г. заставило заводовладельца перейти к трехкомандной системе, описанной выше.

Этот пример показывает, что волнения возникали среди вспомогательных работников-крестьян, недовольных подневольным трудом. Но в 1760 г. завод приобрел Евдоким Демидов. Одного этого было достаточно, чтобы на предприятии вспыхнул бунт. В те времена, когда законодательство не могло воспрепятствовать открытому произволу, отдельный человек мог игнорировать закон и даже нормы обычного права. Феодализм проявился здесь в том, что личность заводчика значила тогда больше, чем все акты по защите прав заводского населения. Однако, причиной бунта крестьян стал не только страх перед демидовскими приказчиками, славившимися суровым обращением с людьми. Заводчане справедливо полагали, что теперь работать придется как следует, контроль над ними усилится, а лень или выпуск брака станут беспощадно караться. Демидовских приказчиков – самых компетентных заводчиков на Урале – интересовала лишь прибыль. Металлургическая промышленность стремилась феодальными методами приучить крестьян к новым занятиям. Поэтому личность заводчика имела большое значение. А репутация Демидовых была всем известна.

Когда весть о появлении нового хозяина распространилась по деревням, рабочие молотовой, якорной фабрики и углежоги прекратили работу. Их поддержали не все, но остановка нескольких цехов вскоре парализовала весь завод. На основе последующих показаний приказчика Кульнеева можно узнать, как все было. Толпы рабочих протестовали днем и ночью; над приказчиками и надсмотрщиками нависла угроза расправы. Кроме того, более 100 рабочих, вооруженных вилами, луками и палками, выгнали с завода всех, кто не хотел уходить с предприятия добровольно. Забастовка вскоре приняла тот двуликий характер, который вновь проявится в Пугачевщину: наряду с прекращением работ и последующим захватом завода (ведь часть рабочих жила на предприятии) одновременно имел место и уход приписных крестьян в свои деревни.

Бунт был подавлен с помощью солдат. 250 крестьянских семей прикрепили к заводу, не заплатив им за оставшиеся в родных местах земли, скот и имущество. Но это еще больше сплотило людей. Через 2 года работные люди вновь взбунтовались, а крестьяне, недавно прикрепленные к заводу, покинули его. Именно тогда Берг-коллегия, наконец-то, решила начать собственное расследование.

¹⁴⁹ Историю волнений 1755-1762 гг. см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II; Он же. Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. // Вестник Европы. 1877. Т.1. № 2. Первое сочинение освещает историю восстания, второе описывает действия Вяземского и Бибикова в 1763-1764 гг. по усмирению волнений. Общий очерк этих событий см.: *Савич А.А.* Указ. соч.

¹⁵⁰ Восстание башкир по своей природе отличалось от социальных волнений на горных заводах, но играло на руку этим движениям, поскольку поддерживало дух сопротивления и отвлекало правительственные войска от взбунтовавшихся заводчан.

¹⁵¹ *Савич А.А.* Указ. соч. С.19.

Данное решение Берг-коллегии было вызвано не только волнениями в Авзяно-Петровске. В 1759-1760 гг. среди приписных крестьян Кыштымского и Каслинского заводов Н.Демидова, живших неподалеку от Шадринска и Камышлова, произошел еще более крупный бунт. 5582 приписных крестьянина, жалующься на размер подушной подати и жестокость приказчиков, в 1759 г. отказались работать. Они направили к властям своих делегатов. Но тех сразу же схватили, избили, а самых активных посадили в тюрьму; 12 крестьян заporоли насмерть, около 300 сурово наказали¹⁵².

Однако на следующий год крестьяне соседних с Шадринском Масленского острога и Барневской слободы, принудительно отправленные на строительство Азяш-Уфимского завода, отказались туда идти, заявив, что уже отработали 3 года на демидовских предприятиях. Бунтовщики захватили Масленский острог. На их усмирение власти послали около 1000 солдат и взяли острог штурмом, а с марта 1761 г. 500 казаков и солдат стояли в деревнях, поддерживая там спокойствие. В 1762 г. крестьян усмирили, и в качестве наказания конфисковали у них сено.

Следует заметить, что сами работники Азяш-Уфимского завода, в отличие от Авзяно-Петровска, не участвовали в восстании.

В бунтах принимали участие крестьяне, а не рабочие. Так, в 1759 г. бросили работу приписные заводы Турчанинова, Аннинского завода графа Чернышева, Петропавловского и Туринского заводов Походяшина, в 1761 г. бунтовали крестьяне Ижевского и Воткинского заводов графа Шувалова, которые, кроме всего прочего, были недовольны размером подушной подати, выросшим незадолго до этого.

В 1762 г. волнения на заводах достигли апогея. Но наказания восставших, как это было на Авзяно-Петровских, Кыштымских и Азяш-Уфимских заводах, не были суровыми. Отказ крестьян от работ получил новый импульс при Петре III. Манифест о вольности дворянству, изданный 18 февраля 1762 г. и отменявший обязательную службу дворян, был сразу же воспринят крестьянами как упразднение крепостного права. Он породил у них радужные мечты и появился тогда, когда жалобы крестьян попали в столицу, и не просто в Сенат, а к самому царю. Неверно понятый крестьянами, манифест спровоцировал новые восстания, чему также способствовало запрещение с 27 февраля 1762 г. покупать крестьян к заводам.

Крестьяне Вознесенского завода, бунтовавшие в 1760, 1761 г., опять восстали. 13 марта 1762 г. примерно 200 человек, «посаждая на шесты ножи и копыя», бежали с предприятия. В том же году восстание распространилось на восток, с Кунгура на Невьянские заводы. Позже приписные крестьяне М.И.Воронцова, И.Г.Чернышева, А.Демидова, П. и И.Осокиных, затем невянских слобод, приписанные к Алапаевскому заводу графа Гурьева и к Нижнему Тагилу, тоже оставили работу. Осенью настал черед крестьян Ревдинского завода и гороблагодатских предприятий, живших в 5 деревнях около Екатеринбурга, Верхотурья и Туринска. Анализ географии волнений показывает, что они распространялись не столько от одного завода к другому (Алапаевский находился на противоположной от Кунгура окраине Среднего Урала), сколько от одной крестьянской округи к другой. Екатерина II оценивала численность восставших уральских приписных крестьян в 49000 человек¹⁵³.

Но что происходило в это время на горных заводах? Была ли уникальной ситуация в Авзяно-Петровске, где крестьяне и рабочие на время объединились? Заво-

¹⁵² 38 человек были приговорены к наказанию кнутом, 88 – к розгам (три прохода через так называемый в народе «зеленый сад»), 83 – к прутьям (1 проход), 26 к палочным ударам (*Семевский В.И.* Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. С.253).

¹⁵³ А.А.Савич (Указ. соч. С.22) полагает, что эта цифра завышена, поскольку Екатерина включила в нее посессионных крестьян, часть которых тоже бунтовала.

дские рабочие часто выражали свой протест, прекращая работу. Известно, что они требовали улучшения положения приписных, т.е. привлечения их лишь к отработке подушной подати. Но малочисленные, не выходившие из цеха, находившиеся под постоянным присмотром, работные люди практически не могли вести длительную борьбу.

Напротив, у вспомогательных работников (напомню, что из-за постепенного оседания людей вокруг завода приписные крестьяне больше не были его единственными «внешними» работниками), которые частично набирались среди посессионных крепостных, а частично – по вольному найму, имелись глубокие причины для недовольства и возможность сопротивления. Мы видели, какой могла быть разница в зарплате между подневольными работниками и вольнонаемными. На заводах Прокофия Демидова перевозка железа от Невьянска до пристаней Шайтанки стоила 30 коп. за 20 пудов для посессионных крепостных (как приписным крестьянам) и 45 и более копеек для вольнонаемных людей. За перевозку угля платили соответственно 10-11 коп. и 15-28 коп.¹⁵⁴ Кроме того, посессионные работники работали сверх оброка, например, возили сено на Невьянский и Быньговский заводы. За это им платили 1 деньгу (0,5 коп.) за пуд сена, перевезенного на 10-20 верст, но если, подобно приписным крестьянам, они находили себе замену, то тогда сами должны были платить за эту услугу 1,5 – 2 коп. за пуд.

Наконец, в пятидесятые годы эксплуатация работников усилилась. В.И.Семевский подтверждает этот вывод на примере плотников, строивших для завода баржи¹⁵⁵. До 1761 г. они получали 6-8 коп. в день. На строительство судна отводилось 22,5 дня, реально это занимало 30 дней (неясно, чем вызвана причина этой разницы – неточностью расчета, или медлительностью рабочих?). В 1761 г. зарплата выросла на 1 коп. в день, размеры барж также увеличились, а норма времени на их строительство осталась прежней; время, затрачиваемое на строительство, увеличилось, а рабочие получали не больше 4 коп. в день.

Эти люди, используемые на внезаводских работах, легко могли убежать, объединиться с приписными крестьянами, оставившими работу. Именно они способствовали переносу восстания из деревень в города. Тем не менее, волнения возникали не на заводах; работные люди, за исключением Авзяно-Петровска, присоединились к восстанию лишь к его концу, в 1761-1762 гг., когда после указов Петра III оно охватило и приписных крестьян. Однако оценить их участие в волнениях трудно. Историков обычно интересуют более крупные по размаху восстания приписных. Что касается заводских рабочих, то нам больше известны их жалобы, а не действия, которые, вероятно, были в 1760 г. не столь активными и продолжительными, как у крестьян.

Малочисленность людей в промышленных центрах, определенное рассредоточение заводов стали причиной того, что рабочее восстание в то время могло быть лишь частью более широкого внешнего движения (когда, например, забастовка вспомогательных работников останавливала работу завода). Этим объясняется поражение первых социальных волнений и их временный успех в Пугачевщину.

* * *

В 1760 г. информация о волнениях на Урале дошла до столицы. В 1761 г., когда приписные крестьяне на демидовских заводах уже успокоились, их жалобы попали в Санкт-Петербург¹⁵⁶. Сенат назначил комиссию для их рассмотрения. Во главе нее позже встал князь Вяземский, который до этого жестоко подавил крестьянский бунт на землях князей Долгоруких.

¹⁵⁴ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.I. С.503 (Приложение XVI).

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. С.230; Он же. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.350.

Инструкции, данные князю 6 декабря 1762 г., предписывали ему сначала усмирить крестьян, а затем выявить причины восстания и его организаторов, а также расследовать «притеснения и обиды, причиняемые заводчиками крестьянам»¹⁵⁷.

Царский манифест предписывал крестьянам возобновить работу. Состоявший из многочисленных обещаний («Наше правосудное и милосердное намерение есть в том, чтоб простых и заблужденных исправить, обижаемых защитить и прямым нападки и утеснения тем крестьянам отвратить добрым учреждением их работ с выгодною, по мере трудов, зарплатою, или отпискою их от тех заводов, как мы найдем полезнее для их собственного благосостояния и для целости заводов»), он вместе с тем предупреждал, что если крестьяне не придут в повиновение, то никто из них «никоим образом тягчайшего нашего гнева и наказания не избежит». В декабре 1762 г. Вяземский прибыл в Казань, а оттуда выехал на Урал. Сначала он отправился на Ижевский и Воткинский заводы, где волнения уже были подавлены, и поэтому ограничился там отдельными наказаниями. Капитан И.Толстой, человек чересчур мягкий¹⁵⁸, навел порядок в селах Вознесенского завода (расстояние до которого от них составляло около 700 верст), а затем отбыл на само предприятие. Подполковник Попов огласил манифест чердынским и соликамским крестьянам заводов Походяшина и заставил их выйти на работу.

Но самую главную задачу – провести расследование на Гороблагодатских и Невьянских заводах – еще предстояло решить. В середине июля Вяземский прибыл в Екатеринбург, проверил демидовские заводы, гороблагодатские предприятия, заводы Гурьева и Турчанинова, и в начале ноября отправился в Авзяно-Петровск и Воскресенск. Везде он проводил расследование и изучал жалобы крестьян на заводчиков и приказчиков.

Пока Вяземский разъезжал по Среднему Уралу, крестьяне Соликамского и Чердынского уездов в сентябре опять отказались от работы. Туда был послан обергиттенфервальтер (старший горный чиновник) И.Княгинкин, но ему не удалось подавить волнения. В конце декабря для их усмирения из Соли Камской выступили 100 солдат. Крестьян возглавлял некий И.Мельников, а его соратники скрылись еще до прихода солдат. Царский отряд шел по глубокому снегу и узкой дороге, по 3-4 человека, и натолкнулся на заслон у Харюшино – родной деревни Мельникова; крестьяне стали забрасывать солдат поленьями и камнями. У некоторых повстанцев были ружья, но солдаты начали стрельбу первыми и разогнали бунтовщиков¹⁵⁹. Было убито 8 крестьян, несколько солдат ранено. В начале января 1764 г. Урал на некоторое время затих.

Вооруженное сопротивление было редким явлением. Сил для его подавления было мало. Когда Княгинкин в ноябре 1763 г. не смог усмирить соликамских крестьян и попросил помощи из Казани, ему было сказано, что в городе есть лишь 33 гренадера и стрелца. Княгинкину рекомендовалось использовать Ревельский драгунский полк, который в 1761-1762 гг. под Сарапулом жестоко расправился с местным населением¹⁶⁰. Однако полк целый год боролся с бунтовщиками и теперь нуждался в отдыхе; кроме того, под Солью Камской отсутствовал фураж. Поэтому Княгинкин вынужден был почти 2 месяца ждать присылки 100 человек.

Войскам удавалось усмирить крестьян, но после ухода солдат люди вновь отказывались от работы. Однако солдат крестьяне все же боялись, поскольку были безоружны. Отдельные крестьяне бежали в леса, став разбойниками. В целом же побегі больше не являлись формой крестьянского сопротивления. Движения 1754-1762 гг. по-

¹⁵⁷ Там же; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т.VII. С.188-195. Вяземский направлял свои донесения непосредственно императрице. Ее переписка с Вяземским свидетельствует, что Екатерина была крайне заинтересована в расследовании всех причин волнений.

¹⁵⁸ *Семевский В.И.* Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. С.248.

¹⁵⁹ Он же. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. С.358.

¹⁶⁰ 4 января 1764 г. А.И.Бибииков прибыл в Казань на смену Вяземскому; в октябре он завершил расследование волнений, по суровости наказаний превзойдя своего предшественника.

терпели поражение. Рабочее восстание должно было быть только частью крестьянского бунта, которое могло победить лишь при наличии у повстанцев огнестрельного оружия. До восстания Пугачева малочисленные отряды солдат не могли обеспечить на Урале спокойствия, но, по крайней мере, препятствовали возникновению крупного восстания.

* * *

Массовое неповиновение приписных крестьян вновь потребовало вернуться к вопросу о приписке. Уже при Петре Великом эффективность труда приписных ставилась под сомнение, но тогда приписка еще была необходима. В 1739 г. вице-канцлер Остерман заявил, что лучше было бы от нее вообще отказаться: «Из таких приписанных крестьян богатые и пожиточные от работ откупаются¹⁶¹, а убогие с такою леностию работают, что он в три дни того не сделает, что в один день делать возможно, а ему за все три дни работа зачитается¹⁶², и потому она и дорого становится... Лучше... потребную работу наемными людьми исправлять»¹⁶³.

Очевидно, что высокий уровень производительности уральских заводов удалось достичь путем нерационального использования труда. Но прямых доказательств того, что применение высокооплачиваемой вольнонаемной рабочей силы позволило в первой половине столетия сохранить все предприятия, у меня нет. В любом случае, в 1750-е гг. стало легче набирать податных крепостных и свободных работников. Мы видим, что удовлетворение требований приписных крестьян не ликвидировало институт приписки. Заводчикам разрешалось набирать приписных, которых затем прикрепляли к предприятию. Таким образом, крепостничество порождало категорию рабочих, оторванных от земли. Несмотря на свое социальное положение, они постепенно стали неплохими заводчанами, поскольку их существование всецело зависело лишь от предприятия.

Комиссия Вяземского не предусматривала ограничение приписки. Однако в 1761 г. Берг-коллегия запросила у заводов дополнительные сведения по этой проблеме. Но восстание 1762 г. и решения, принятые Вяземским, отложили осуществление планов Берг-коллегии. Вяземскому поручалось выяснить не причины волнений, а их повод.

Неудивительно, что сами рабочие в предложениях комиссии почти не упоминались, поскольку в волнениях в основном участвовали крестьяне. Рабочих касался лишь указ от 9 апреля 1763 г., признавший неправомерность их слияния с посессионными крепостными, поскольку по указу от 30 декабря 1755 г. они считались приписными. Но это лишь подтвердило их прежние права, а сам указ от 9 апреля 1763 г. применялся только на ряде старых частных заводов, например, на Нижне-Тагильском и Невьянском; на последнем в нем были заинтересованы 487 человек, т.е. большинство работников¹⁶⁴.

Решения комиссии Вяземского особенно касались приписных работников, но они были индивидуальными для каждого завода, и нередко даже противоречили друг другу. Кроме того, они распространялись лишь на казенные предприятия, а для партикулярных заводов Вяземский ограничился просто рекомендациями. Однако в связи с тем, что после 1762 г. большинство заводов (например, Гороблагодатские и Камские) вновь стали казенными, решения комиссии Вяземского в какой-то степени имели всеобщий характер. Занимаясь преимущественно восстановлением порядка, комиссия Вя-

¹⁶¹ Путем замены.

¹⁶² Известно, что установление ограничений по времени для выполнения определенных работ позволило если не повысить производительность предприятий, то, по крайней мере, снизить себестоимость продукции.

¹⁶³ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. С.400.

¹⁶⁴ Там же. С.442.

земского тем не менее способствовала улучшению положения уральских приписных крестьян.

С этой точки зрения большой интерес представляет «Учреждение приписным покойного господина генерал-фельдмаршала и кавалера Шувалова к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьянам», вошедшее в указ от 9 апреля 1764 г. Мелкие уступки крестьянам укрепили институт приписки. «Учреждение» запретило привлекать приписных крестьян к работам вдалеке от дома. За время, затраченное на переход к заводу, крестьянам выплачивали по 5/10 копеек летом и 4/6 копеек зимой, в зависимости от наличия лошади. Была введена система 3-х команд (по сто человек) вместо 2-х, что значительно облегчило труд людей¹⁶⁵, «накрепко подтверждалось», чтобы заводской управитель не требовал работ сверх подушного оклада. Наконец, «Учреждение» устанавливало более строгий контроль за людьми и работой. Крестьянам разрешалось из числа «добрых и надежных людей» ежегодно избирать в каждой сотне сотника, 2-3 старост и 2 писцов. Выборные должны были разбирать взаимные жалобы крестьян, распределять и вести учет выполненных заводских работ, осуществлять расчеты с конторой. Право судить и наказывать крестьян в случае отказа от работ передавалось суду выборных¹⁶⁶.

Эти положения, сформулированные уже в самом начале работы комиссии Вяземского, частично сказались на принятии решений, касавшихся остальных казенных предприятий, но они почти не затронули частные заводы. Правительство решало эту проблему односторонне. Оно даже не рассматривало вопрос о зарплате (которую увеличили лишь в 1769 г.). В связи с тем, что волнения 1754-1764 гг., разрозненные и ограничившиеся мирными формами борьбы, были легко подавлены, администрация заводов не пошла на серьезные уступки.

Тем не менее, эти волнения имели большое значение. Недовольство выразилось не только в отказе от работ, но и в стремительно нараставшем потоке жалоб, хлынувших в Сенат, и, как мы увидим далее, особенно усилившихся после 1764 г., в период выборов депутатов Уложенной комиссии. Вяземский докладывал императрице о злоупотреблениях заводчиков в отношении приписных крестьян. Атмосфера в крае накалялась. К экономическим причинам, ставившим под сомнение необходимость дальнейшего сохранения института приписки, добавились социальные. В этом плане восшествие на престол Екатерины II стало рубежом. С 1762 г. делались попытки проведения социальных реформ, оказавших сильное влияние на формирование повстанческой идеологии. Но за гуманистическими и возвышенными целями проектов, касавшихся уральского крестьянства, стояло лишь признание анахронизма института приписки. Приписка сыграла свою роль в период становления металлургии, но затем она стала тормозить промышленное развитие. Обеспечивая лишь вспомогательные работы, приписка тяжелым гнетом лежала на плечах крестьян, и вызывала постоянные конфликты. Ее укрепление породило на Урале постоянные волнения, приобретшие во времена Пугачевщины широчайший размах¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Эта система была реализована в Авзяно-Петровске.

¹⁶⁶ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С. 408.

¹⁶⁷ <См. также: *Вагина П.А.* Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50-60-х годах XVIII в. // Ученые записки педагогического института. Свердловск, 1955. Вып. 1; Волнения рабочих людей и приписных крестьян металлургических заводов России XVIII в. Сборник документов.

М., 1975. Т.1-3; *Калюжный В.И.* Антифеодальное движение горнозаводских рабочих Урала в 50-60-х годах XVIII в. (1754-1771): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1964; *Орлов А.С.* Волнения на Урале в середине XVIII в. М., 1979>.

Глава VI

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ И НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ. АПОГЕЙ РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

1. Развитие уральской горнозаводской промышленности при Екатерине II и новые условия для рынка сбыта продукции

В середине XVIII в. Урал представлял собой «грандиозный по тогдашним, уже не русским только, а мировым, масштабам промышленный район»¹.

Эти слова П.Г.Любомирова применимы и к эпохе Екатерины II, хотя после 1762 г. в уральской промышленности наблюдался некоторый застой (хотя тогда и возникло несколько новых горных заводов).

Но сначала подведем итоги промышленного развития Урала в 1762-1796 гг.² В Зауралье в это время был подъем индустриального развития. Правда, вокруг Екатеринбурга в основном добывали золото, поэтому там построили цеха для изготовления соответствующего оборудования. Так, Пышминский завод, где обрабатывалось золото, в 1785 г. стал сталеплавильным, но сгорел в 1792 г. В 1766 г. казна построила Туринский Нижний завод, получавший чугун с Туринского завода. На этом промышленный энтузиазм государства иссяк. Что касается партикулярных заводчиков, то они построили лишь Верхне-Нейвинский железоделательный завод (1764 г.) Прокофия Демидова (в 1767 г. он будет продан с остальными его заводами Савве Яковлеву) и Богословский (Турьинский) медеплавильный завод (1770 г.) М.М.Походяшина на р. Турье. В 1780-е гг. закрылся Николае-Павдинский завод³.

Савва Яковлев играл на Урале во второй половине века такую же роль, как Акинфий Демидов в 1725-1745 гг.⁴ Купив в 1767-1769 гг. предприятия Прокофия Демидова, он стал владельцем Невьянского, Верхне-Сусанского, Шуралинского и Верхне-Нейвинского заводов, к которым в 1774 г. прибавился Верхне-Исетский. В 1769-1779 гг. С.Я.Яковлев построил в Зауралье Верхне-Синячихинский (1770 г.), Режевской (Богоявленский) (1774 г.), Ирбитский (1776 г.), Верхне-Салдинский (1778 г.)⁵ (все три с домной), Вогульский (1776 г.) Нейво-Шайтанский (1777 г.) и Алапаевский Верхний (1779 г.) заводы (они имели только молоты). Наконец, его сын Петр воздвиг Троицко-Петрокаменский чугуноплавильный завод (1790 г.).

На западе Урала успешно развивалось железоделательное производство, а многочисленные медеплавильные заводы либо закрывались, либо перепрофилировались. Однако производство железа и тут упало: в 1762-1796 гг. было построено всего 9 домен. Промышленностью здесь управляли главным образом Строгановы: они построили Чёрмозский (1763 г.), Лысьвенский (1787 г.), Бисерский (1788 г.), Екатерино-Сюзвенский (1789 г.) и Архангело-Пашийский заводы (1786 г.). А.Г.Демидов построил

¹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.382.

² П.Г.Любомиров (Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.455 и сл.) приводит список заводов, существовавших в 1762-1806 гг. Верхней временной границей здесь служит закон об отмене приписки (1807 г.). Если рассматривать ситуацию с экономической, а не с социальной точки зрения, то внешний фактор, в том числе революционные войны Франции, имел для уральской промышленности очень большое значение. Смерть Екатерины II положила конец нейтралитету России в отношении Великой Французской революции. Вмешательство России в дела Франции отодвинуло на второй план экономический и социальный кризис в российской металлургии.

³ <В действительности на нем была прекращена плавка меди, а выплавка чугуна и железа продолжалась до 1881 г.>.

⁴ Савва Яковлевич Яковлев (1712-1784) – мелкий купец, пришедший в столицу, как он сам говорил, «с грошом в кармане и отцовским благословением», очень быстро разбогател вначале на торговле рыбой, затем на аренде таможи, и наконец, на выплавке золота и железа.

⁵ <Построен и принадлежал Н.А.Демидову>.

Молебский (1787 г.), а И.Л.Лазарев⁶ – Кизеловский (1789 г.) заводы⁷. 2 новые домны появились на старых горных заводах – Пожевском (на котором уже имелась 1 домна) и на Верхне-Сергинском (где домны не было вообще). Правда, строительство Екатерино-Сюзвенского завода повлекло приостановку в 1788-1799 гг. более старого Кыновского завода, и Нытвенский завод стал получать чугун с Архангело-Пашийского. В итоге число домен возросло до 7.

Другие горные заводы, созданные тогда же, имели только молоты и в большинстве случаев являлись вспомогательными цехами уже существовавших предприятий. В 1763 г. А.Г.Демидов (владелец Уткинского завода) построил Тисовский завод, получавший чугун с Уткинского завода (позже – с Молебского), и Камбарский (1767 г.), Никита Акинфиевич Демидов – Висимо-Уткинский (1771 г.), куда чугун поставляли с Тагильских заводов, И.П.Мосолов (владелец Уфалейского завода) – Суховязский (1772 г.), зависевший от первого. В 1783 г. А.Н.Строганов заложил недолго действовавший⁸ Елизавето-Нердвинский завод, а в 1784 г. Л.И.Лугинин построил Уткинский, получавший чугун с Саткинского завода. Крупный промышленник В.А.Всеволожский основал Елизавето-Пожевский (1794-1798 гг.), а И.Л.Лазарев – Полазнинский Вехний (1797 г.) заводы, оба на притоках Камы.

Если железоделательная металлургия продолжала еще хоть как-то развиваться, то у медеплавильной дела обстояли хуже. Новые медеплавильные предприятия в этот период не строились, а прежние остановились: Таманский – в 1773 г., Талицкий – в 1770-е гг., Пожевской – в 1786 г., Висимский – в 1786 г., Домрянский – в 1786 г., Ягошихинский – в 1788 г., Нытвенский – в 1788 г. На Аннинском (Бабкинском) заводе производство меди упало с 8000 пудов в 1777 г. до 5000 пудов в 1782 г., а в 1786 г. он вообще встал.

Отдельные горные заводы пытались приспособиться к новой ситуации. Так, Хохловский завод в 1776 г. перепрофилировался с меди на железо; чугун ему поставляли с Чёрмозского, а после 1783 г. – с Кизеловского заводов. Шаквинский был приостановлен в 1772 г., а в 1777 г. стал производить железо. Суксунский с 1782 г. стал очищать черную медь, выплавленную на Ашапском и Бымовском заводах, но вскоре перешел на выпуск посуды и колоколов⁹. То же самое произошло с Иргинским, Бизярским и Курашинским заводами; в частности, Иргинский, некоторое время производил предметы повседневного обихода, а потом стал выпускать железо.

На Южном Урале положение было еще хуже, поскольку многие заводы закрылись (Покровский, Вознесенский, Архангельский), а возникло всего 4 новых предприятия¹⁰. Евдоким Демидов основал Кагинский завод (1769 г.), связанный с Авзяно-Петровскими и доменным Узянским. Эти четыре завода, удобно расположившись в прибельских лесах, перерабатывали руду, дававшую около 45% чугуна, и производили в 1780-е гг. ежегодно 180000 пудов чугуна и 100000 пудов железа¹¹.

⁶ Один из сыновей Лазаря Назаровича Лазарева (так звучит его имя по-русски), армянина, переселившегося в Россию в 1723-1724 гг., и получившего в 1774 г. дворянство. Елеазар Назариан Лазарианц (Лазарь Назарович Лазарев, 1700-1782) → Иван Лазаревич (1735-1801, основатель Института восточных языков) → Мина Лазаревич (1737-1809) → Христофор Лазаревич (1741-1774) → Иоаким Лазаревич (1744-1826) (Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т.I. С.296).

⁷ Позже он приобрел Чёрмозский завод.

⁸ <До 1823 г.>.

⁹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.466.

¹⁰ Без учета нескольких эфемерных предприятий.

¹¹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.451. Уже в 1780 г. 2 Авзяно-Петровских, Узянский и Кагинский заводы выпускали 102000 пудов чугуна и 42000 пудов железа (см.: Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве).

В 1777 г. Л.И.Лугинин построил в верховьях Миасса Миасский завод, пришедший на смену медеплавильному Златоустовскому, а И.Лугинин в 1789 г. на р. Ай – Кусинский (с 2 домнами), образовавшие вместе со Златоустовским промышленную группу. К ним добавился Нижне-Симский (Миньярский) завод (1784 г.), однако он выделился (а до этого был вспомогательным) из Симского завода, восстановленного после Пугачевщины, но так и не достигшего прежних мощностей; эти 2 завода не превзошли прежний Симский завод. Из 3 новых железоделательных заводов только 2 имели домны. Отсюда видно, насколько медленно развивался после 1762 г. Южный Урал.

В развитии уральской металлургии в 1762-1796 гг. можно выделить ряд моментов. Прежде всего, налицо был упадок медеплавильных заводов. За все это время построили только 2 медеплавильных завода, но один из них, Миасский, лишь пришел на смену старому заводу, другой же, Богословский (Турьинский), расположенный на самом севере промышленной зоны, в силу ряда причин был построен в 1770 г. Большинство остановившихся заводов в 1780-е гг. окончательно закрылись.

Что касается железной металлургии, то она продолжала развиваться, но неравномерно. В строительстве новых заводов¹² можно выделить два этапа стремительного и одновременно территориально ограниченного подъема. В Зауралье всплеск горнозаводского строительства пришелся на 1769-1779 гг. и был связан с именем С.Яковлева. С другой стороны, появление в 1783-1790 гг. дюжины горных заводов, почти половина которых находилась вблизи низовьев Чусовой – Камы, ярко свидетельствовала о распространении индустриализации на запад Урала, о чем я уже говорил.

Таблица 40
Горные заводы, построенные в 1762-1796 гг.

Дата пуска	Название	Специализация
1763	Чёрмозский	железоделательный
	Тисовский	
1764	Верхне-Нейвинский	железоделательный и чугуноплавильный
1766	Нижне-Туринский	железоделательный
1767	Камбарский	
1769	Кагинский	железоделательный
1770	Верхне-Синячихинский	чугунолитейный
	Богословский	медеплавильный
1771	Висимо-Уткинский	железоделательный
1772	Суховязский	
1774	Режевской (Богоявленский)	железоделательный, чугуноплавильный
1776	Ирбитский	
1777	Вогульский	железоделательный
	Узянский	чугуноплавильный и железоделательный
	Миасский	медеплавильный
1778	Верхне-Салдинский	чугуноплавильный и железоделательный
1779	Алапаевский Верхний	железоделательный
1783	Елизавет-Нердвинский	
1784	Нижне-Симский (Миньярский)	
1785	Пышминская стального дела фабрика	железоделательный
1786	Архангело-Пашийский	чугуноплавильный и железоделательный
1787	Артинский	железоделательный
	Молебский	чугуноплавильный и железоделательный

¹² См. Таблицу 40.

	Лысьвенский	
1788	Бисерский	чугуноплавильный
1789	Кизеловский	чугуноплавильный и железоделательный
	Екатерино-Сюзвенский	чугуноплавильный
1789	Кусинский	чугуноплавильный и железоделательный
1790	Троицко-Петрокаменский	чугуноплавильный, железоделательный и медеплавильный
1797	Полазнинский	железоделательный
1798	Елизавето-Пожевской	

Развивались, хотя и медленно, в основном доменные, а не передельные заводы. То же самое было и в медеплавильной металлургии: мы знаем, что Шаквинский и Суксунский заводы, борясь за выживание, перепрофилировали свое производство.

* * *

Почему же железная металлургия, еще недавно, в 1750-е гг., находившаяся на подъеме, вдруг замедлила темпы роста? Ведь за границей спрос на уральское железо был стабильным¹³. Как раз после 1760 г. его экспорт, в частности, в Англию, резко возрос, сравнявшись со шведским, а международная обстановка (англо-американская война 1755-1763 гг., Великая Французская революция) еще больше увеличила спрос на русское железо.

Кроме того, в железе нуждалась и русская армия, воевавшая с Турцией (1768-1774, 1787-1792 гг.) и Швецией (1788-1790 гг.). И хотя заводы Центральной России в то время производили оружия больше¹⁴, чем Урал, железные слитки поставлялись им с Урала. Основным внутренним потребителем уральского железа была армия. У меня нет сведений об объемах производства военных заводов, но в середине XVIII в. четверть всего производимого на Урале железа уходила за пределы региона. Вот почему железная металлургия сумела тогда избежать кризиса.

Однако уже в 1760-е гг. темпы строительства горных заводов, как я уже отмечал, сильно замедлились. Более того, полученные тогда разрешения на строительство новых предприятий были реализованы лишь через 20 лет, как произошло, например, с Кусинским (построен в 1788 г.) и Артинским (1787 г.) заводами¹⁵.

Но, может быть, ранее рынок уже насытился металлом? Насколько можно судить, спрос на металлические изделия в этом аграрном регионе, населенном крепостными, был невелик, что не стимулировало развитие металлургии после 1760 г. В это время подъем испытывает столь текстильная мануфактура, чья продукция была для людей важнее. Металл же в основном потреблялся городами, а их было тогда мало.

Наконец, развитию рынка все еще препятствовали огромные размеры страны, но на Урале это было одновременно и плюсом и минусом. Проблема заключалась в том, что экономический подъем Центральной России породил там строительство металлургических заводов, в том числе доменных. Урал же производил полуфабрикат, а не готовые изделия. Однако уральская продукция нашла спрос в Западной Сибири. Ко-

¹³ См. Таблицу 22.

¹⁴ Вооружение производилось преимущественно на заводах Баташова (6 из 10 его предприятий были построены в 1755-1776 гг.), расположенных около среднего и нижнего течения Оки и сменивших тульско-каширские предприятия (Рубцов Н.Н. Указ. соч. С.72).

¹⁵ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.473 (здесь упоминается и Тирлянский завод, построенный в 1803 г.).

гда дальнейшее существование уральской металлургии оказалось под вопросом, С.Яковлев в 1769-1779 гг. построил ряд новых горных заводов в Зауралье¹⁶.

Отчасти таковы были внешние факторы, вызвавшие как замедление темпов горнозаводского строительства на Урале, так и 2 периода его подъема. Но причины катастрофы уральской медеплавильной промышленности скрыты в ней самой.

Дело в том, что российская медь всегда потреблялась только внутри страны и никогда не шла на экспорт. Урал был единственным в России поставщиком чистой меди, поэтому упадок медеплавильной промышленности вызвало не падение спроса на медь, а изменения на самом Урале.

Кризис уральской медеплавильной индустрии, тщательно изученный П.Г.Любомировым¹⁷, тем не менее, исследован еще не полностью. Русские путешественники Н.П.Рычков и И.И.Лепехин, побывавшие в 1770 г. на уральских горных заводах, глухо упоминают об опасениях заводчиков за истощение медных рудников, что привело бы к закрытию многих горных заводов.

Конечно, первоначально медь добывалась в самых богатых пластах. Во второй половине XVIII в. из руды в большинстве случаев получали лишь 1% металла (1,25% в Талицком, 1% на Пожевском заводах). Высокая себестоимость ее производства приводила к закрытию предприятия, как, например, произошло с Талицким заводом в 1770-е гг. и Пожевском – в 1782 г.

Но не стоит всерьез воспринимать тревогу заводовладельцев. Закрытие большинства горных заводов в 1780-е гг. было вызвано не только истощением рудников. Как отмечает П.Г.Любомиров, некоторые медеплавильные заводы закрывались и раньше. Даже когда богатые Каргалинские рудники продолжали снабжать Южный Урал сырьем, на самых северных заводах края выпуск продукции уже снизился: Талицкий завод в 1748-1752 гг. производил в среднем 700 пудов меди в год, в 1766-1767 гг. – 660, а в 1770 г. – 500 пудов. Пожевский завод перед закрытием (1782 г.) выплавлял всего 50 пудов.

Именно разная, в зависимости от завода, продолжительность периода упадка, согласно П.Г.Любомирову, помогает понять причину данного явления. На Талицком заводе купца Турчанинова в 1770 г. имелось лишь 180 крепостных, и, следовательно, на нем трудились вольнонаемные или приписные крестьяне. Пожевской, перешедший от Строгановых к В.А.Всеволожскому, с 1773 г., напротив, использовал главным образом низкооплачиваемый или вообще бесплатный (барщина) труд крепостных, что позволяло снижать себестоимость его продукции. Говоря другими словами, труд крепостных продлил агонию Пожевского завода.

Однако, если верить администрации этого предприятия и свидетельствам Н.П.Рычкова, в 1770 г. медь, отгружаемая в обязательном порядке в Екатеринбург по официальной цене, стоила на 1 руб. меньше, чем на «вольном рынке». Конечно, заводу было выгодно продавать на рынке половину продукции. Тем не менее, несмотря на дешевизну рабочей силы, прибыль Пожевского завода была крайне низкой. Что же говорить тогда о Талицком, себестоимость продукции которого была выше, и который также был обязан продавать по госцене половину произведенного продукта! Достаточно было правительству резко увеличить зарплаты, как завод сразу закрылся. Поэтому П.Г.Любомиров объясняет причину упадка медной промышленности после 1780 г. по-

¹⁶ Там же. С.458. Здесь даны некоторые уточнения о численности населения региона в то время. По четвертой ревизии (1782 г.) Пермская губерния, охватывающая и сибирский склон Среднего Урала (Екатеринбургская провинция была отделена от Сибирской губернии в процессе образования Тобольской провинции) насчитывала 400000 душ. Население Тобольской губернии, потреблявшей продукцию уральских заводов, несмотря на то, что в 1780-е гг. в ходе преобразования Тобольской провинции она была урезана, между третьей (1762 г.) и четвертой ревизиями удвоилось, составив около 300000 душ.

¹⁷ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.468-471.

вышением зарплат приписных крестьян в 1769 и 1779 гг. Таким образом, кризис медеплавильной индустрии был вызван не истощением рудников, а социальными изменениями.

П.Г.Любомиров отмечает, что в целом выпуск меди требовал больше затрат, чем производство железа, поэтому увеличение зарплат приписных крестьян сильнее отразилось на положении именно медеплавильных заводов. Исследователь приводит пример трех горных заводов графа Р.И.Воронцова (фаворит Елизаветы, который сумел избежать судьбы Шуваловых) – Аннинского, Висимского и Егошихинского: Воронцов сам признал их убыточными и продал государству, в результате чего они просуществовали до 1780-х гг.

Однако эти абсолютно верные выводы П.Г.Любомирова лишь отчасти объясняют причины упадка горных заводов. То, что повышение зарплат приписным крестьянам привело к кризису медеплавильной промышленности и осложнило положение железоделательной индустрии, конечно, оспаривать не стоит. Но эти явления нужно рассматривать на фоне общей эволюции зарплат и цен во второй половине XVIII в.

Напомню читателю, что на горных заводах работали помещичьи крепостные и вольнонаемные люди. Если использование первых позволяло сохранять себестоимость продукции на довольно низком уровне, то привлечение к заводскому труду вторых, наоборот, приводило к ее удорожанию: я уже писал о значительных различиях в оплате труда этих категорий при выполнении ими одних и тех же работ. Как уже говорилось, казенные зарплаты приписных крестьян в 1769-1779 гг. увеличились вдвое.

Почему же завод, применявший в основном вольнонаемный труд, смог выжить, а его собрат, державшийся на низкооплачиваемых приписных, вынужден был закрыться, как только повышение зарплат уменьшило прибыль? Дело в том, что большинство предприятий были убыточными из-за своего неудачного расположения, проблем со сбытом готовой продукции и использования низкооплачиваемого принудительного труда. После повышения зарплат приписные крестьяне почти сравнялись с вольнонаемными работниками, и завод стал частью настоящего рынка; все, что ранее способствовало его искусственному процветанию, осталось в прошлом. Это привело к появлению новых, перемещению на другие места и перепрофилированию старых предприятий. Перебазирование горных заводов на запад и северо-восток Урала, в Поволжье и в Сибирь, переход отдельных предприятий с производства меди на выпуск железа или бытовых предметов – такова была реакция уральской промышленности на вхождение в рынок. То, что кризис 1780-х гг. затронул значительное число горных заводов, говорит об использовании на большинстве из них полукрепостного труда.

Трудности перевода предприятий на новое место в основном были связаны с наличием там водных путей¹⁸. Повышение зарплат приписных крестьян прежде всего увеличило затраты на доставку готовой продукции потребителю (расстояние от Урала до Москвы/Санкт-Петербурга составляло 1500-2000 км). Стоимость железа, по крайней мере, до 1780 г. не повышалась¹⁹. До 1760 г. цены на железо и на медь были высокими, и стабильный спрос на них позволял горнозаводчикам получать большие прибыли. Но к 1760-1780 гг. внутренний рынок насытился металлом и доходы заводладельцев упали. Себестоимость труда некоторых рабочих значительно выросла, но это было свя-

¹⁸ Если горный завод перепрофилировался, то оставался на прежнем месте (так, например, сделали Суксунский и Хохловский заводы: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.470), что было вызвано крайней дороговизной плотины. Обычно предприятие просто закрывалось.

¹⁹ Согласно К.Скальковскому (Указ. соч.), в 1760-1770 гг. стоимость железа на Петербургской бирже сильно упала, но вряд ли это было так, поскольку иначе произошел бы настоящий обвал цен. П.Г.Любомиров (Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.439) не разделяет выводы К.Скальковского.

зано не с ростом их зарплаты, а с увеличением стоимости вспомогательных, в частности, транспортных, занятий.

Огромные пространства России делали неизбежным применение крепостного права и принудительного труда. Но во второй половине XVIII в. все же наблюдается – что бы об этом ни говорили – упадок крепостничества²⁰: юридический статус крестьян не изменился, но сфера применения подневольного труда сужалась и одновременно росли зарплаты свободных людей. Это было вызвано экономическим ростом гигантского государства и плохими транспортными коммуникациями, растянувшимися на тысячи километров. В результате на Урале закрылись заводы, расположенные вдали от крупных рек, и возникла конкурирующая промышленность в центре страны. Сокращение внешнего и внутреннего рынка сопровождалось расширением местного спроса на продукцию горных заводов на востоке Европейской России и в Западной Сибири.

Однако повышение зарплат приписных крестьян само по себе не было причиной кризиса медеплавильной промышленности, ибо большинство закрывшихся в 1770-1780-е гг. горных заводов стояли на удобных речных путях, что облегчало доставку на них сырья и вывоз готовой продукции.

Но почему же рост цен и производственных расходов особенно отразились на удачно расположенных заводах? Объясняется это просто – истощением запасов руды, на что не обратил внимания П.Г.Любомиров. Медеплавильная промышленность была вынуждена переместиться на Южный Урал, где находились Каргалинские рудники, достаточно богатые, чтобы покрыть значительные транспортные расходы по доставке сырья на север²¹.

После 1762 г. горнозаводская отрасль столкнулась с новыми проблемами. Несмотря на стабильность цены металла, росли налоги. Социальные катаклизмы снизили производительность многих горных заводов, а часть из них во время восстания Пугачева закрылись. Наконец, сказались некомпетентность и мотовство некоторых заводоладельцев. Однако закрылись лишь самые слабые заводы, функционировавшие благодаря своим особым привилегиям. Так что термин «кризис», использованный П.Г.Любомировым для характеристики этого периода истории уральской индустрии, не следует понимать буквально. Под ним скорее следует подразумевать ликвидацию в промышленности тех социальных явлений, которые мешали ее движению вперед.

Поэтому, несмотря на упадок и закрытие после 1762 г. многих медеплавильных заводов, о катастрофе уральской промышленности говорить нельзя. Применительно к железоделательной индустрии употреблять слово «кризис» было бы опрометчиво, скорее всего, имели место отдельные негативные проявления, а не всеобщий крах. Трудности испытывала не вся промышленность, а отдельные предприятия, и проявлялось это в разное время. В истории уральской индустрии при Екатерине II можно выделить 3 этапа, стержнем которых является Пугачевщина.

1.1. Надежды и разочарования

Период 1764-1773 гг. занимает особое место в социальной истории уральских горных заводов. Спокойствие, установленное Вяземским и Бибиковым, сохранялось недолго, т.к. основные требования работников тогда не были выполнены. Переход в

²⁰ Этот вопрос активно обсуждается в литературе до сих пор. Крепостничество действительно усиливалось в металлургии, но оно уже не было столь значительным. Развитие получили две формы набора кадров: принудительная и по вольному найму (нанимать могли и крепостных), в то время как труд приписных крестьян постепенно уходил в прошлое. В итоге подневольный труд прикрепил людей к заводу. На неметаллургических мануфактурах в конце XVIII в. преобладал вольный наем. Тем не менее, бесправное положение рабочие не позволяет говорить о появлении настоящего пролетариата.

²¹ После подавления Пугачевщины значимость бассейна Белой как медеплавильного центра возросла.

казну предприятий Шувалова несколько облегчил положение приписных крестьян и уменьшил число работавших на частных заводах, попутно обнажив их нищету. Но главным событием рассматриваемого периода являются отнюдь не восстания, вспыхнувшие ранее, а зарождение самосознания работных людей, рост их организованности, наконец, появление среди них лидеров, о которых, к сожалению, мало что известно.

Эти явления прямо связаны с проектами крупных реформ, провозглашенных правительством вскоре после вступления на престол Екатерины II. Выборы в Уложенную комиссию 1767 г. способствовали появлению в деревнях, как сказали бы сегодня, политической активности. Приписные крестьяне передали своим депутатам указы, по которым мы можем узнать о положении уральского крестьянства в 1760-е гг. Но наряду с этим приписные поднимали и восстания, силой подтверждая законность своих требований.

2. Социальные конфликты в 1764-1773 гг.

С ноября 1764 г. давний беспокойный очаг на Южном Урале, Авзяно-Петровский завод, вновь стал напоминать о себе. Его приписные крестьяне отказались работать более 336 дней в год, ссылаясь на пресловутый указ, о котором сообщили в письме своим семьям. 317 крестьян бежали, и, несмотря на расследование, проведенное в январе 1765 г. Берг-коллегией, их смогли усмирить лишь через 2 года.

Этот случай не был из ряда вон выходящим. Более интересна захватывающая история 4 делегатов, отправленных крестьянами в Санкт-Петербург. Крестьяне прибыли в столицу, но сын заводчика (Евдоким Демидов), заранее предупрежденный об этом, добился их ареста и отправки под надежным караулом в Екатеринбург. Однако один крестьянин сумел сбежать, вернуться в столицу и вручить жалобу императрице. Это было очень опасно, поскольку по указу от 4 марта 1762 г. передача подобных требований лично в руки государя запрещалась. Комиссия, которой было поручено изучить заводские проблемы, отдала жалобщика под суд, который признал его претензии необоснованными, подверг порке и сослал на 2 месяца на екатеринбургский Монетный двор. Со сбежавшими с завода крестьянами разобрались лишь в 1767 г. Зачинщиков приговорили к сибирской каторге (они отбывали ее на казенном Колывано-Воскресенском заводе), остальных – к менее суровым наказаниям²².

В 1765 г. в Пермский бергамт поступили челобитные от крестьян Камских заводов (Юговского – графа И.Г.Чернышева, Сылвинского – Ягужинского, Иргинского, Бизярского, Юговского (Кнауфского) и Курашимского – братьев Осокиных). Все они жаловались на то, что вынуждены сами отрабатывать подушную подать за немощных и предлагали выплачивать ее деньгами²³, просили выдать им инструменты (такая практика была на ряде горных заводов) и, наконец, потребовали повысить зарплату. Сенат отклонил эти жалобы, сославшись на инструкции Вяземского.

Более серьезным явилось движение среди крестьян Кыштымского и Каслинского заводов, где проявил себя энергичный и грамотный чебаркульский казак Федор Каменщиков (Слудников²⁴). Он прекрасно знал условия жизни и страдания крестьян, но, вероятно, был властолюбив, поскольку всегда выдавал себя за правительственного чиновника. Бесстрашный податель жалоб, активный защитник крестьян и судья в их спорах, он в 1761 г. представлял чебаркульских казаков в длительном судебном процессе, который проиграл в 1764 г. Будучи замешанным в кровавой драке и подозреваемый в инакомыслии вследствие обнаружения у него подозрительной тетрадки (полага-

²² Подробнее см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С. 415.

²³ Т.к. многие из них нашли себе замену, платя за это более высокую цену, то им выгоднее было вносить подушную подать деньгами.

²⁴ Прозвище, несомненно, говорит о том, что его отец занимался добычей слюды.

ли, что он был старовером), Слудников в сентябре 1764 г. был заключен в Троицкую крепость. Но и там он принимал исетских крестьян, приходивших к нему за советом. Именно тогда он и показал им указ Петра III, якобы данный ему лично императором, сообщив, что царь жив и как-то ночью тайно был в Троицке, где беседовал с оренбургским губернатором о положении простого народа. Авторитет Слудникова в глазах крестьян сразу вырос. В апреле 1765 г. он сбежал из плохо охраняемой тюрьмы и через несколько дней объявился в селе Охлупневском, принадлежавшем Кыштымским заводам Никиты Никитича Демидова. Собрав крестьян на сход (возможно, по их же просьбе), он сообщил им, что прислан Сенатом для улучшения положения приписных. Слудников взял у крестьян жалобы на демидовских приказчиков и повелел схватить тех, кто в период волнений 1760-х гг. предал своих товарищей. После этого он в сопровождении нескольких крестьян отправился в столицу, чтобы изложить властям требования народа.

Однако в июне Сенат, информированный шадринскими властями, направил в деревню 2 солдатские команды, которые утомили крестьян, но не успели схватить Слудникова, уже отбывшего в Санкт-Петербург. Наш герой, выдавая себя за крупного чиновника, не торопясь пробирался в столицу. В пути он принимал жалобы крепостных крестьян, чем очень встревожил некоторых помещиков. В 40 верстах от Санкт-Петербурга Слудников расстался со своими спутниками, но был выдан одним из них, схвачен, и в июне 1766 г. отправлен в Оренбург. 18 октября его приговорили к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей, клеймению и пожизненной каторге на Нерчинских рудниках, где в неизвестности он и закончил свои дни. Его спутников, а также активистов волнений, в частности, сельского священника, постигло суровое наказание²⁵.

О расправе над Слудниковым власти широко оповестили население, чтобы напугать людей и искоренить у них веру в любых самозванцев. Но в Шадринском дистрикте слух о том, что где-то рядом скрывается Петр III, существовал вплоть до появления Пугачева.

В районе Соли Камской и Чердыни, бунтовавших в конце 1763 г., сохранялось спокойствие. Но в начале 1767 г. волнения там возобновились. Вольное толкование указа от 14 февраля 1767 г., касавшегося лесорубов казенных солеварен и некоторых партикулярных горных заводов, породило новый бунт. Но истинной его причиной были распространившиеся после 1762 г. слухи об отмене приписки. Напомню, что в 1762 г. у горнозаводских крестьян появилась надежда на изменение своего положения, которая усилилась после выборов в Уложенную комиссию 1767 г. Как раз весной 1767 г. крестьянские представители собрались в Перми. Некоторое время спустя сын Максима Походяшина, владельца медеплавильных заводов на северо-востоке Урала, доносил, что крестьяне уходят из лесов и с рудников к себе домой.

У властей не было достаточно сил для подавления этого бунта. В район Соли Камской, где набирались крестьяне для заводов Походяшина, правительство послало маленький полк под командованием офицера и сержанта, но при первой же стычке с ним крестьяне (их было 300 человек), вооруженные пращами, пиками, вилами и несколькими ружьями, сумели отбить натиск солдат. Сельский колокол непрерывно вещал об опасности. Огнестрельное оружие не применялось, однако крестьяне с криками набросились на солдат, избили офицера, и обратили полк в бегство, преследуя его по пятам. Как только солдаты останавливались, их сразу же окружали, осыпая угрозами и оскорблениями. В результате полк ушел восвояси. Власти не могли – и читатель об этом уже знает – послать в Соль Камскую 2 полка из далекого (в 500 верстах отсюда!) Екатеринбурга. Солдаты и так были крайне утомлены постоянными маршами и ожиданием нападения. Тогда Сенат обратился к главному командиру Гороблагодатских ка-

²⁵ <См.: Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове (материалы по истории самозванчества и крестьянского протеста на Урале в середине XVIII в.): Сб. док. Екатеринбург, 1992>.

зенных заводов генерал-майору Ирману, приказав ему выступить с отрядом из 200 человек к Соли Камской. Но в сентябре 1767 г. местные власти предложили использовать для умирения людей крестьянских депутатов²⁶, чтобы восстановить спокойствие; это дало положительный результат.

Волнения на казенных горных заводах в 1765 г. показывают, как воспринимало уральское население робкие попытки реформ, предпринимавшихся правительством Екатерины II. Выступления на самой границе зоны уральской промышленности – вблизи Авзяно-Петровска, Шадринска, Соли Камской и Чердыни – объясняются тем, что положение приписных или недавно прикрепленных к заводу крестьян было по-прежнему тяжелым. Иначе обстояло дело на казенных заводах (Камских и Гороблагодатских), самые крупные из которых, шуваловские, в 1764 г. вновь перешли к государству. 13 марта 1764 г. Ирман (тогда еще полковник) был откомандирован в Канцелярию Главного правления сибирских, казанских и оренбургских заводов, чтобы значительно облегчить участь крестьян. В частности, заводы предполагалось закрывать с 1 марта по 10 сентября, т.е. на время сельскохозяйственных работ. Это уже был прогресс, т.к. приписные крестьяне во времена Шувалова работали на заводе с 1 июня по 10 июля²⁷. Инструкции, как и раньше, предписывали продавать крестьянам по рыночным ценам пшеницу. Наконец, завод должен был обеспечивать людей инструментом и оплачивать его ремонт²⁸. Эти нормы, подтверждавшие или дополнявшие инструкции Вяземского, предполагалось распространить в 1767 г. на все казенные заводы.

Но, несмотря на реальное улучшение положения крестьян после возвращения заводов в казну, случаев отказа от работы по-прежнему было много. Чтобы окончательно усмирить бунтовщиков, властям пришлось разместить в деревнях армейские полки. Тем не менее, сопротивление крестьян было не напрасным. Генерал Ирман, задумавший строительство новых горных заводов в районе Благодати, предложил Берг-коллегии добавить к 40000 душам, уже приписанных к заводам, еще 25000 душ монастырских крестьян и разночинцев²⁹, но «Комиссия о рассмотрении системы всех государственных горных дел» («Горная комиссия»)³⁰ не пошла на это во избежание новых волнений. После 1760 г. о приписке крестьян ничего неизвестно, но формально она еще продолжала существовать.

* * *

Пока на Урале продолжались волнения, проблемой приписных заинтересовались в столице. 18 июля 1765 г. Екатерина II создала «Горную комиссию», первоначально состоявшую из 5 человек³¹. Комиссия должна была внести предложения по нормализации деятельности промышленности, «сообразуя народное облегчение с государственной пользой». Комиссия существовала до 1767 г. и работала тайно, чтобы о ней не узнали крестьяне: власти извлекли урок из событий 1762 г. В 1767 г. была создана Уложенная комиссия³².

Следовало предполагать, что крестьянские депутаты изложат в Уложенной комиссии наказы своих избирателей. Но у них почти не было такой возможности. Тем не менее, наказы депутатам имеют большую ценность для исследователя. Меня особенно

²⁶ Среди них был и депутат Полежаев, о котором речь пойдет ниже.

²⁷ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С. 430.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 12085.

²⁹ Этот довольно амбициозный проект свидетельствовал о заселенности региона в то время, и о тяготах приписки для уральского населения (конечно, речь шла лишь о заводах Среднего Урала).

³⁰ См. ниже. Не только угроза восстаний, но экономическая ситуация в стране уже не позволяли строить новые заводы.

³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 2. С. 280.

³² Собравшись в Москве, а в январе 1768 г. переехав в Петербург, Уложенная комиссия заседала с 30 июля 1767 г. по 18 декабря 1768 г.

интересуют жалобы приписных кунгурских, соликамских и чердынских крестьян Пермской и Уфимской провинций, Екатеринбургского и Гороблагодатских казенных заводов. В этих документах отражены требования, которые выдвигались и раньше, но были проигнорированы в 1763 и 1766 гг. Однако практически все жалобы крестьян остались без внимания.

Комиссия заслушала только 2 наказа, касавшихся приписных³³. Первый, зачитанный 23 августа 1767 г., принадлежал исетским крестьянам Никиты Никитича Демидова, которые жаловались на низкую зарплату. Комиссия признала законность их требований, но при этом умолчала о росте цен, иначе пришлось бы повысить зарплаты всему уральскому населению. Депутаты, ссылаясь на особый статус приписных, полагали, что в перспективе следует оплачивать их переход к заводам и обратно, и учитывать трудности работ в холодное время года³⁴. Здесь впервые были сформулированы требования, которые станут законом в 1769 г.

Но вскоре комиссия перешла к рассмотрению прав дворянства. Лишь 26 ноября депутат от кунгурских крестьян Полежаев коснулся проблемы приписки при рассмотрении законодательства о купцах. Последние сильно жаловались на конкуренцию со стороны крестьян; Полежаев заявил, что купцы, занимаясь сельским хозяйством, также конкурировали с крестьянами. Воспользовавшись этим случаем, он рассказал о тяжелой судьбе приписных крестьян, оторванных заводскими работами от привычных занятий. Полежаев опирался на наказ исетских крестьян и затронул характер заводских работ, размер зарплат, положение приписных, т.е. наиболее животрепещущие вопросы, отмеченные 3 года спустя И.И.Лепехиным и другими путешественниками. Однако выступление Полежаева не привело ни к каким результатам: т.к. этого вопроса не было в повестке дня, он не обсуждался³⁵.

Таким образом, крестьянские жалобы не привлекли особого внимания Уложенной комиссии. Правительство понимало важность этой проблемы, но, сумев легко подавить разрозненные выступления на Урале, оно отказалось пойти на уступки, которые, по его мнению, не принесли бы пользы для предприятий и горнозаводчиков. Вот почему вопрос об отмене приписки не поднимался, а увеличение зарплат, о чем говорилось на заседании 23 августа 1767 г., было сделано лишь через 2 года, и то по другой причине.

Положение крестьян и промышленную деятельность нельзя рассматривать только с экономической или социальной точки зрения. Правительство, желая одновременно угодить и дворянству и заводчикам, тем не менее, не располагало необходимыми финансовыми возможностями. Растущие расходы казны, продворянская политика и надвигавшаяся война с Турцией привели в 1760-е гг. к резкому увеличению налогов. Государство уже не могло непосредственно помогать промышленности (эта помощь, впрочем, для металлургии была незначительной) и создавать новые горные заводы. Все более возраставшие перечисления в Дворянский банк привели в 1764 г. к дефициту бюджета в 21 млн. руб.³⁶ Поэтому после 1762 г. налоги на промышленность стали расти. В 1763 г. был введен ежегодный налог на домну в размере 100 руб., а на медеплавильную печь – 5 руб. В 1764 г. чугун был обложен налогом в 4 коп. за 1 пуд. Наконец, в 1769 г., из-за войны с Турцией, налог на домны и плавильные печи был удвоен³⁷. Но

³³ Наказы крестьян изучались с 20 августа по 11 сентября 1767 г.

³⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1869. Т.4. С.89-91; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.436.

³⁵ Сборник Русского исторического общества. Т.VIII. С.332-335; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.439.

³⁶ *Боровой С.* Указ. соч. С.75.

³⁷ В 1775 г. власти восстановили прежнюю систему налогообложения (*Любомиров П.Г.* Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). С.169).

основное налоговое бремя легло на плечи крестьян: правительство в 1769 г. подняло размер подушной подати с 1 руб. 70 коп. до 2 руб. 70 коп.³⁸

Теперь, чтобы заплатить подать, уральским крестьянам требовалось работать на заводах больше времени, чем раньше. Указ от 27 мая 1769 г.³⁹ уточнил, что 1 руб. подушной подати можно выплачивать не работой (если только крестьянин сам этого не пожелает)⁴⁰, а деньгами. Кроме того, указ увеличил поденную зарплату приписных крестьян (не изменявшуюся с 1724 г.) до 6 (12 коп.⁴¹) летом, и 5 (8 коп.) зимой; он предписал также оплачивать дни, затраченные на переход до завода, из расчета 3 коп. в день (1 дневной переход = 25 верст).

Новый тариф, несомненно, ухудшил положение заводовладельцев, поскольку цены на металл остались прежними, а налоги выросли. Высокая прибыль заводчиков могла бы покрыть ущерб от удорожания производства, однако, как мы видели, общее повышение цен и, в частности, стоимости вывоза продукции горных заводов, ухудшили положение убыточных предприятий.

Для большинства крестьян, надеявшихся получить освобождение от принудительных работ, указ 1769 г. стал горьким разочарованием. Что касается самых бедных, работавших на заводе ради уплаты своей подати, то рост их зарплат отставал от роста цен. Не располагая необходимыми сведениями по этому вопросу, я все же полагаю, что только около 1770 г. зарплата стала достаточно высокой. Несколько лет спустя, в 1775 г., Герман утверждал, что в былые времена жизнь на Урале была легче, а цены на большинство пищевых продуктов, в частности, на пшеницу, за последние 5-10 лет увеличились в 4-5 раз⁴². Свидетельством общего роста цен, вызванного развитием торговли, стало увеличение рыночной стоимости крепостных крестьян. Одновременно с ростом населения в 1760-е гг. росла и стоимость людей. Начиная с 1766 г., Дворянский банк, дававший ранее 10 руб. за душу, отныне предоставлял за нее 20 руб.⁴³ и это не было новой льготой.

В этих условиях приписка сильно ухудшала положение крестьян. Конечно, здесь большое значение имел социальный статус человека. Те, у кого было больше земли, и те, кто мог найти для себя замену на работе, почувствовали облегчение в связи с повышением размера подушной подати. Для тех, кто отрабатывал ее на заводе, зачастую сверх обязательных 1 руб. 70 коп., повышения зарплат почти не заметили. По данным И.И.Лепехина, в 1770 г. лесоруб, заготавливая 1 кубическую сажень леса за 5 дней, получал 30 коп. за сажень вместо прежних 25⁴⁴. Берг-коллегия, изучив работу углежогов, установила зарплату им в 4 руб. 26 коп. за 60 дней работы (ранее платили примерно 3 руб. 40 коп. – 3 руб. 50 коп.). В обоих случаях, начиная с 1769 г., зарплата увеличилась на 10-15%, но одновременно выросла и подушная подать.

Таким образом, указ 1769 г., подтвердив приписку, не облегчил положение крестьян. Однако их протест до 1773 г. не принимал крайних форм; он выражался в жалобах, поисках в текстах указов тайного смысла, касался оплаты переходов на завод и решению мелких проблем, на которых я не буду останавливаться. Приписка по-прежнему оставалась в силе.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVIII. № 13303.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Многие малоземельные крестьяне были вынуждены для выплаты своих налогов работать на заводе. Увеличение подушной подати еще больше связало их с заводом, одновременно увеличив в уральских деревнях социальное расслоение и усилив концентрацию работников вокруг предприятия.

⁴¹ Для крестьян с лошадью.

⁴² См.: *Пажитнов К.* Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.10.

⁴³ *Боровой С.* Указ. соч. С.74.

⁴⁴ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.450.

Накануне восстания Пугачева на Урале было относительно спокойно, но в 1769-1773 гг. росла напряженность, происходили мелкие локальные инциденты, изредка – серьезные происшествия, как, например, убийство в 1771 г. заводчика Ширяева (ставшего в 1768 г. владельцем Верхне- и Нижне-Шайтанских заводов) шахтером Плотниковым – легендарным «атаманом Золотым».

Серьезные волнения имели место лишь на периферии промышленной зоны, да и то среди приписных крестьян. В них почти не участвовали заводские рабочие. Так, в Невьянске и на двух Тагильских заводах Демидовых, где было много рабочих и крестьян, было спокойно. На этих предприятиях очень строго следили за людьми и, кроме того, порядок поддерживали несколько тысяч староверов, которых некоторые историки напрасно стараются представить в качестве зачинщиков волнений на Урале. Староверы, конечно, твердо отстаивали свои права, но они были более дисциплинированы, более грамотны, менее наивны, и следовательно, мыслили более реалистично, чем остальные.

Нельзя объяснять причины всех бунтов лишь ясным пониманием восставшими своих классовых интересов, как это делают советские историки. К требованиям повстанцев примешивались смутные мечты о будущем, религиозные представления, вера в «добротого» царя, память о прежней «хорошей» жизни. Современного исследователя поражает наивная вера крестьян в царские указы, поддержка ими всякого, кто обещал облегчить их судьбу. Успех Слудникова обусловлен не только его личными качествами: он утверждал, что видел Петра III, которому народ приписывал планы освобождения крестьян. В селе Охлюповском крестьяне сразу же поверили Слудникову, когда он представился им представителем Сената. Прибытие Полежаева, депутата от крестьян, под Чердынь и Соль Камскую сразу же навело там порядок. Наконец, столкновения крестьян с войсками редко доходили до кровопролития. Источники сообщают, что офицеров и солдат крестьяне всего лишь избивали, а, сами, напротив, гибли под их пулями.

В целом приписные крестьяне смирились со своей участью. Непосредственной причиной их бунта явились различного рода слухи и собственная трактовка текста царского указа. Довольно туманными были и цели бунтовщиков.

Впрочем, не следует преувеличивать доверчивость, невежество и пассивность крестьян. То, что крестьяне ясно осознавали свои права, активно и мужественно защищали их, доказывает то упорство, с каким они пытались доставить свои жалобы в столицу, несмотря на все трудности и грозившее суровое наказание. В 1760-е гг. число их требований возросло. Наконец, социальная дифференциация в деревне⁴⁵ отражалась на грамотности крестьян. В каждой деревне кто-то все равно умел читать и даже писать – именно письмом крестьяне Авзяно-Петровского завода предупредили своих жен о появлении касающегося их царского указа. Положение горнозаводских крестьян Урала накануне Пугачевщины было уже несколько лучшим, чем в начале века, но не везде. Крестьяне, работавшие на заводах Походяшина, расположенных на севере региона, жаловались: «Болотами, лесами и топучими местами и камнем, с великою трудностью на завод и вперед доезжать можем, а обратно с заводу, будучи лошади утруждены, приводить не можем в живости, которая от великаго затруднения и неспособности в пути пропадают наполовину, ибо у онаго заводчика Походяшина от заводов никаких мостов и переправ не имеется»⁴⁶. Исключительно тяжелое положение крестьян на горных заводах северной зоны резко разнилось с положением тех, кто ранее осел на Урале.

⁴⁵ См.: Дружинин Н.М. Указ. соч. С.73-74.

⁴⁶ Цит. по: Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С.443. В 1770 г. Паллас (Указ. соч. С.313) писал, что от скорбута (цинга) умерло много крестьян Петропавловского завода.

Из этой крестьянской массы вышли вожди восстания, составившие повстанческую элиту. Власти боролись с ними, отправляя на каторгу в Сибирь или на казенные заводы Урала. В остальном, несмотря на отрывочность сведений о социальном происхождении повстанческих лидеров, можно полагать, что они, вероятно, происходили из бедноты⁴⁷. Эта категория крестьян, полупролетариат, была накрепко привязана к заводу. Она была переходной категорией между крестьянством, с социальной точки зрения более развитым, ненавидящим промышленный труд и завод, и предпролетариатом, который целиком зависел от предприятия.

Таким образом, идеология крестьянских движений была сложной по составу. В ней сочеталось характерное для крестьян стремление к свободе, и, частично, желание адаптироваться к промышленной жизни. Но насколько напряженной была атмосфера на заводе накануне крупного восстания 1773 г.?

Заводские рабочие, в отличие от приписных крестьян, не могли в 1767 г. публично изложить свои требования, поскольку, кажется, не являлись объектом заботы правительства. Подчиненные военной дисциплине, сконцентрированные на небольшом пространстве, они, в отличие от приписных крестьян, имели меньше возможностей для открытого выступления. Об умонастроениях рабочих мало что известно. Накануне Пугачевщины на горных заводах, участвовавших ранее в волнениях, было немало каторжников. Бунтарский дух этих людей не был сломлен. В то же время фольклорные источники свидетельствуют о страданиях заводских рабочих, и поэтому совершенно естественно, что народ симпатизировал рабочему или рудокопу, сбежавшему с завода и ставшему лесным разбойником. Важно отметить, что героями фольклорных произведений становились персонажи, воплощавшие народные идеалы и мечты, в частности, атаман Золотой по прозвищу Рыжанка, казненный за убийство заводчика Ширяева в 1771 г.: «Хорошо знаю, что не казнили Золотого, ловили, ловили, а словить не могли... Совсем уж догонять стали, двадцать человек за ним гнались, а Золотой к Азов-горе их привел, повернул вниз камень (на перстне). Сверкнул камень. Гора раскрылась, и пропал атаман... *Туда и Омелян Иванович* (Пугачев. – Р.П.) *к атаману приходил*, вместе воевали потом. А что казнили Золотого и со всех заводов на казнь смотреть гоняли – то сказки. Другого казнили, не Золотого»⁴⁸.

Для нас неважно, была ли эта легенда создана в то время или родилась позднее. Она отражает психологию, которая способствовала успеху Пугачевщины, и свидетельствует о вере рабочих в свое освобождение, в лучшую жизнь, которая начнется после прихода справедливого вождя. Будучи приверженцами трансформировавшейся в народном сознании христианской идеи о появлении мессии и наивных евангельских норм морали, рабочие готовы были поверить всякому, кто обещал наказать горнозаводчиков. Вера в то, что Петр III, с которым связывалось так много надежд, жив, распространилась тогда по всему Уралу. И отказ поверить в казнь атамана Золотого также стоит в одном ряду с этими представлениями. Люди стали лучше понимать свои настоящие интересы, пропустив их через призму своих религиозных представлений.

Суровые условия жизни, высокая концентрация людей, постоянный присмотр за ними со стороны приказчиков способствовали формированию на заводе идеологии протеста, который сдерживался только крепкой заводской дисциплиной. Поскольку полицейский аппарат поддерживал на Урале (где экономические условия – стабильность зарплат на фоне роста цен – были недостаточны для начала восстания) порядок, и возможности крестьян и рабочих были ограничены, народные массы поверили в скорый приход своего спасителя. И он явился: это был Пугачев, принявший имя царя Петра III.

⁴⁷ Екатеринбургские приписные крестьяне в своих наказах в Комиссию 1767 г. жаловались на то, что их земли передают мастеровым и работным людям (Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С. 446).

⁴⁸ Соколов Ю.М. Указ. соч. С. 439.

3. Пугачевщина и уральская металлургия (1773 – 1780 гг.)

Крупное восстание 1773-1774 гг., возможно, создавшее угрозу для царского престола, родилось не в среде приписных крестьян и заводских рабочих, а вне зоны уральской промышленности и первоначально было казацким бунтом на окраине Южного Урала, однако очень быстро распространилось на север, постепенно вовлекая в себя башкир, заводских рабочих и крестьян, а затем и крепостных Среднего Поволжья⁴⁹.

Первый из знаменитых указов Пугачева, предназначавшийся яицким (уральским) казакам, датируется 17 сентября 1773 г. Лишь в первой половине октября движение, распространившееся уже на Южный Урал, охватило все горные заводы на расстоянии 200 км от Оренбурга⁵⁰. Несколько медеплавильных заводов – Верхотурский, Воскресенский, Преображенский и Кано-Никольский – были захвачены пугачевцами. Из них только самый крупный, Воскресенский, стал работать на Пугачева. Во второй половине октября настала очередь 8 других заводов, расположенных севернее, среди которых надо упомянуть Верхне-Авзяно-Петровский, где лили пушки для армии Пугачева. В конце 1773 г. практически полностью остановились все горные заводы Южного Урала; восставшие контролировали 24 предприятия, часть которых продолжала нерегулярную плавку.

В декабре 1773 г. пугачевцы добрались и до Среднего Урала. К концу января 1774 г. Пугачев захватил 39 горных заводов, большинство из которых остановилось. В феврале повстанцы глубоко вторглись в заводскую зону⁵¹. Теперь пугачевцы владели уже свыше 60 горными заводами. Но военные действия и страх перед восставшими вызвали остановку большинства предприятий. Всего прекратили свою деятельность 92 завода, т.е. $\frac{3}{4}$ всех уральских предприятий⁵².

На Карте 3 показана северная граница восстания. Оно не затронуло невьянский сектор. Это, видимо, было вызвано усталостью восставших, ибо активность их рейдов на север постепенно пошла на убыль. Такое объяснение отводит Пугачеву роль простого завоевателя, что, по-видимому, и было на самом деле.

Пугачев не встретил серьезного сопротивления со стороны местных властей и военных, которых охватила настоящая паника, вся административная система региона рухнула в одночасье. Продвижение отрядов Пугачева на север остановили не правительственные войска, а стихийное сопротивление городов и заводов.

Перед лицом грозившей им опасности работные люди и приказчики забыли прежнюю вражду, и весной 1774 г. в ходе восстания произошли крупные изменения. Пугачевские отряды, орудовавшие на севере, в значительной степени состояли не из казаков, а из башкир. Несмотря на строгие требования Пугачева и его военачальников не трогать мирных жителей, башкиры стали сжигать горные заводы и деревни и убивать крестьян. Антирусские действия башкир помешали широкому распространению восстания⁵³. Если на окраинах Башкирии пугачевцев поддерживали крестьяне и рабочие, то на юге, в самом сердце башкирского края, этого не произошло.

В феврале 1774 г. генерал Бибииков пересек Башкирию и вышел к Оренбургу; правительство взяло ситуацию под свой контроль. На Среднем Урале властям удалось

⁴⁹ Тхоржевский С. Указ. соч. С.107.

⁵⁰ Кашинцев Д. Указ. соч. С.149.

⁵¹ См. Карту 3.

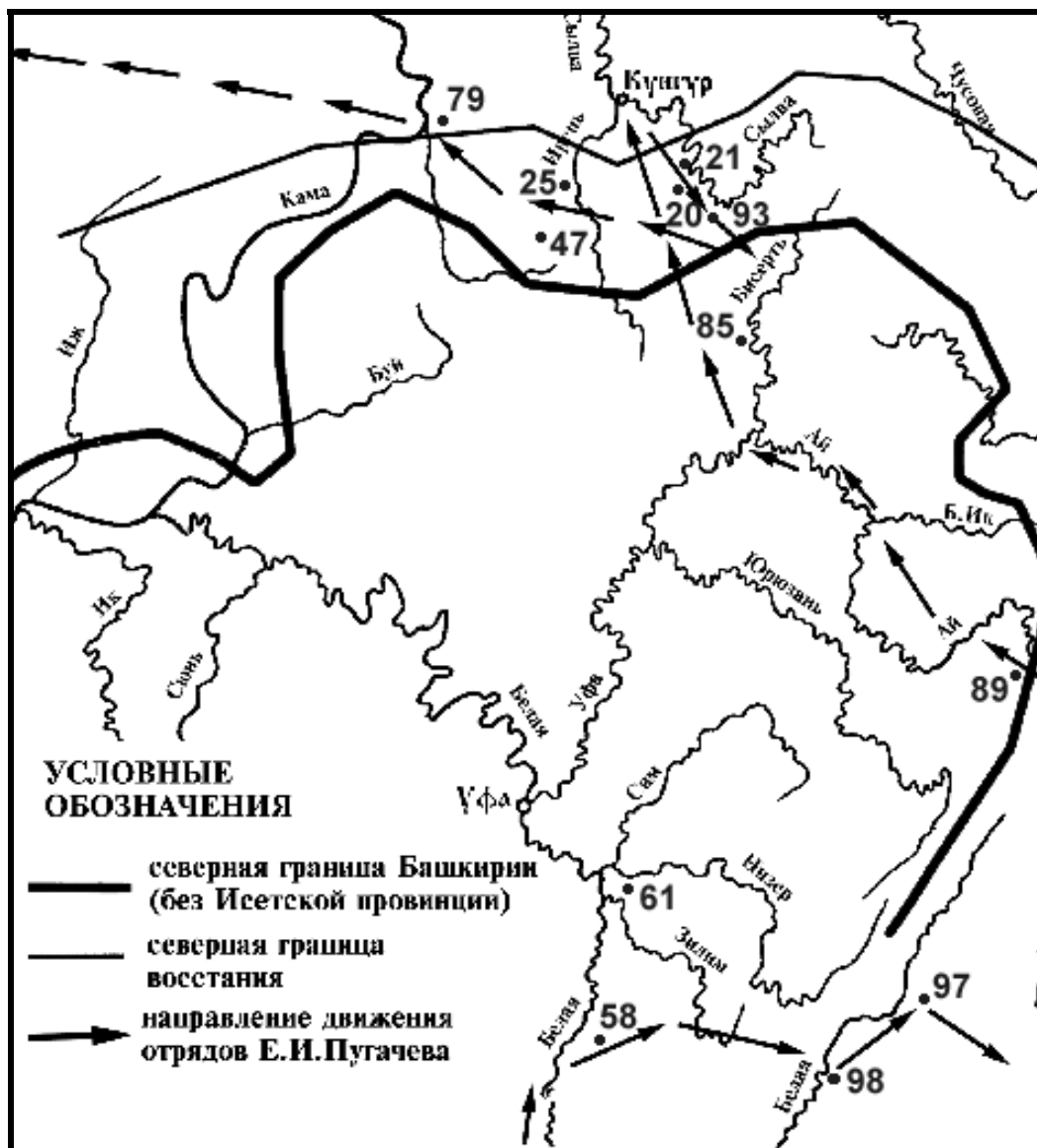
⁵² По Д.А.Кашинцеву (Указ. соч. С.129. Сноска 2) число уральских заводов в 1773 г. составляло 129 (он включает сюда и предприятия, расположенные далеко на западе, в Поволжье, т.е. за пределами Урала).

⁵³ Portal R. Pugačev: une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne et contemporaine. Paris, 1947. T.I. P.85.

сохранить порядок, запугав местное население наказаниями, и сыграв на его страхе перед башкирами.

Карта 3

Уральские горные заводы и восстание под предводительством Е.И.Пугачева

Карта составлена по: Семенов П.П. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т.5: Урал и Приуралье; Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940; Дубровин Н.Н. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II: 1773-1774 гг. СПб., 1884. Т.1; Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.252-287.

Значило ли это, что восстание Пугачева вовлекло в себя крестьян и заводских рабочих против их воли? Неужели заводчане не поддерживали самозванца? Нет, сначала рабочие и крестьяне выступили на стороне Пугачева, но после башкирских бесчинств покинули его.

Слух о восстании распространялся очень быстро, а вслед за ним на горных заводах Южного и Среднего Урала появились пугачевские агитаторы, которые стали призывать рабочих присоединиться к движению. Еще до прихода повстанцев среди заводских рабочих разгорелись острые споры, поддерживать им самозванца или нет. Везде, кроме северной промышленной границы Урала, большинство рабочих перешли на

сторону Пугачева. Советский историк С.Тхоржевский пишет, что на Вознесенском заводе рабочие после бурного спора с заводоуправляющим и мастеровыми присоединились к движению⁵⁴. Таким образом, участие горнозаводских рабочих в восстании носило стихийный характер. Как только рабочие и крестьяне получали от новой власти обещание их скорого освобождения, они поднимались против горнозаводской администрации и переходили к Пугачеву⁵⁵. Но на самом заводе редко расправлялись со своим бывшим начальством: приказчика Вознесенского завода арестовали, привезли в ставку Пугачева в Берде, и только там казнили.

Участие рабочих в этом движении выявило ряд явлений и экономического и социального порядка, которые, впрочем, были тесно связаны друг с другом. Завод представлял для восставших большую ценность. Его пушки были крайне необходимы Пугачеву, застрявшему под стенами Оренбурга. Восставшим также были нужны пшеница, мука, скот и, особенно, лошади. Наконец, на заводе имелись деньги, которые сразу же отправлялись в штаб-квартиру Пугачева.

Лозунгом восставших была свобода. Она, конечно, понималась «царем» во многом иначе, чем поддержавшим его народом. В его первых указах, адресованных защитникам уральских крепостей, об освобождении казаков не упоминалось⁵⁶. Но тысячи крестьян и рабочих толковали эти указы как призыв к избавлению от тягот принудительных работ.

В первую очередь крестьяне и рабочие сжигали все документы, свидетельствовавшие об их связи с заводом: трудовые договоры, долговые денежные «письма» и т.д. После этого большинство из них уходило с завода. Но если приписные крестьяне, и те, кто недолго проработал на заводе, стремились вернуться в свои деревни, то для рабочих людей (тоже, конечно, наполовину крестьян) предприятие было основным источником дохода. Вспомогательные работники массами уходили с завода, что сразу же парализовало промышленность.

Большинство рабочих тоже покинуло заводы, но для того, чтобы влиться в армию Пугачева. И не остановка предприятий была тому причиной. Указы Пугачева вызвали у рабочих настоящий энтузиазм, в частности, так было в давних очагах неповиновения на Южном Урале, например, на Авзяно-Петровском заводе⁵⁷, где в октябре 1773 г. 500 рабочих ушли с пугачевским военачальником Хлопушей, прихватив с собой 5 пушек.

Однако несколько горных заводов все же стали работать на Пугачева. Военачальник самозванца Чика Зарубин организовал литье пушек на Воскресенском заводе, а башкирский вожак Иткинин восстановил Юговский завод. Приказчиков заменили казаки атаманы и рабочие, пользовавшиеся доверием восставших, но уход значительного числа крестьян в свои деревни и некомпетентность спешно назначенных новых руководителей отрицательно сказались на работе. Впрочем, уральские горные заводы недолго работали на Пугачева.

На севере Башкирии все заводы, ранее захваченные Пугачевым, весной 1774 г. были вновь отбиты у него. В марте генерал Бибииков снял блокаду с Оренбурга. Пугачев, преследуемый Михельсоном, бежал на север. Освобожденные заводы начали постепенно возобновлять работу: в начале 1775 г. было восстановлено примерно 2/3 производства, но остро не хватало разбежавшихся рабочих. Впрочем, Пугачев, уйдя от

⁵⁴ Тхоржевский С. Указ. соч. С.101.

⁵⁵ Желание защититься от башкирских набегов под стягами Пугачева также могло сыграть в этом некоторую роль.

⁵⁶ См., например, манифест к гарнизону Рассыпной крепости (Дубровин Н. Указ. соч. Т. II. С.39-40).

⁵⁷ Тхоржевский С. Указ. соч. С.101.

Михельсона, в апреле – июле 1774 г. еще раз вернулся сюда, а затем навсегда исчез в низовьях Волги.

Во второй раз придя на Урал, он громил все подряд и сжег много горных заводов, чтобы они, раньше имевшие военное значение, а теперь представлявшие ценность лишь в качестве укрепленных пунктов, не достались царским войскам. Ущерб от последнего похода Пугачева был больше, чем от набегов башкир; весь юг Среднего Урала лежал в руинах, что задержало восстановление заводов.

Однако на Южном Урале с уходом Пугачева борьба не прекратилась. Марш Бибикова через Башкирию преследовал цель лишь снять осаду с Оренбурга. Как только башкиры освободились из-под контроля Пугачева, они выступили против русских. Заводы, несшие башкирам порабощение, уничтожались. Иногда сжигались даже плотины, как, например, произошло в Златоусте⁵⁸; в общем, речь шла о полном уничтожении предприятий, и лишь домны оказались неподвластны огню. В то время как на севере Башкирии восстание было подавлено довольно быстро, Южный Урал даже в конце 1774 г. все еще продолжал бунтовать. Здесь разрушения заводов были особенно значительными.

Прежде чем определить размер ущерба и рассмотреть процесс восстановления уральской промышленности, необходимо выяснить истинную роль приписных крестьян и заводских рабочих в восстании Пугачева.

Несомненно, что обе эти категории населения участвовали в движении, основу которого составляли яицкие казаки и башкиры. Большая часть работников покинула заводы. Крестьяне не сразу пришли к Пугачеву, их первой реакцией было бегство в свои деревни (речь идет, конечно, не о крепостных, которые не могли добровольно вернуться к помещикам). Люди покидали даже заводы, до которых еще не дошел бунт. Заводские и местные власти пытались в ноябре 1773 г. остановить распространение восстания, организовав защитную линию, ограниченную Бысертским, Суксунским и Юговским заводами. Но правительству не удалось тогда набрать для нее людей, а численность заводских рабочих быстро таяла. Тогда решили организовать сопротивление на самих горных заводах. Там, где крестьянам не угрожали башкиры, они, вероятно, не уходили с завода. На Южном Урале вопрос стоял немного иначе. Приписные крестьяне из дальних деревень возвращались к себе на родину, а те, которые навсегда осели в Башкирии и не пострадали от башкирских набегов, были вынуждены присоединиться к восставшим.

Что касается рабочих людей, то их поведение, насколько можно об этом судить, было неоднозначным. Пугачева сразу же признали царем чернорабочие, у мастеровых же часто возникали сомнения в его подлинности. Дело в том, что там, где заводчане присоединялись к движению добровольно, а не под принуждением, их прежде всего интересовала законность власти Пугачева. Последний объявил об удовлетворении требований рабочих, используя для этого традиционную форму царского манифеста. Конечно, многие приветствовали восстание, но немало было и тех, кто сомневался в подлинности «Петра III». В любом случае, протест рабочих людей не вышел за стены горных заводов, а те, кто ушел с самозванцем, составляли самую мобильную часть рабочих кадров.

К сожалению, взаимоотношения между уральскими рабочими и армией Пугачева не исследованы, вероятно, из-за отсутствия соответствующих источников. Однако, думается, что первой реакцией рабочих людей на появление самозванца был их уход с предприятия. Лишь некоторые заводы под руководством атаманов или проверенных рабочих возобновляли, впрочем, в достаточно трудных условиях, свою деятельность. В армии Пугачева были, конечно, рабочие люди, но сколько их было? Судя по всему, очень мало. Являясь полукрестьянами-полурабочими, они в большинстве своем верну-

⁵⁸ *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.152.

лись к привычному им земледелию. Те же, кто играл важную роль в отрядах Пугачева, но не как мастеровые, а как солдаты и командиры, были каторжниками, вечноотданными, т.е. теми, кто извлек из восстания максимальную выгоду⁵⁹. Уральский горный завод всегда, особенно после восстаний 1754-1764 гг., представлял из себя тюрьму. Пугачев распахнул ее ворота и бывшие «заключенные» встали под его знамя. Восставшим почти не удалось создать единый фронт своих сил⁶⁰. В те несколько месяцев, что бушевало восстание и шла война, социальный протест привел к полной дезорганизации экономики.

3.1. Ущерб от восстания. Восстановление промышленности

Таблица 41 дает представление об ущербе, нанесенном Пугачевщиной⁶¹. Она составлена на основе сведений сбежавших заводских приказчиков, а также по свидетельствам отдельных лиц, далеко не всегда правдивым. Вот почему помещенные в таблицу данные являются примерными.

С весны 1774 г. правительство было обеспокоено состоянием промышленности, разрушенной Пугачевым; стране требовалось железо, т.к. она вела тогда войну с Турцией. Этим обстоятельством были вызваны указы Берг-коллегии от 28 мая, 16 июня и, наконец, 30 сентября 1774 г.; последний, правда, был издан после заключения русско-турецкого мира (Кучук-Кайнаджирский договор Россия подписала 12 июля 1774 г.). Ими предписывалось собрать сведения о состоянии горных заводов, срочно восстановить разрушенные предприятия и усмирить крестьян. Но некоторые данные об ущербе, поданные заводчиками в Берг-коллегию, мало соответствовали истине. Д.А.Кашинцев пишет, что Петр Демидов сообщил о разрушении казенного Серебрянского завода, который в действительности не пострадал, а Александр Демидов потребовал 100000 руб. для восстановления якобы разоренного Суксунского завода⁶². Президент Берг-коллегии М.Соймонов предложил послать на Урал 2 чиновников для проверки «экстракта» – списка пострадавших заводов, составленного по рапортам хозяев, и 13 декабря 1774 г. был издан соответствующий сенатский указ. Расследование велось весь 1775 г. Хотя инспекторам не удалось побывать на всех предприятиях, они полностью подтвердили показания заводчиков⁶³. Таким образом, можно полагать, что в целом в Таблице 41 нет больших искажений.

Таблица 41
Заводы, пострадавшие от восстания под предводительством Е.И.Пугачева

	Доменные	Переделные	Медеплавильные ⁶⁴	Всего
I. Пострадало и не возобновило действия	1		2	3
II. Разрушено	9	8	8	25
III. Разграбленные и восстановленные	10	9	10	29

⁵⁹ Например, Иван Белобородов – один из крупнейших военачальников Пугачева. О нем см.: Мартынов М. Пугачевский атаман Иван Белобородов на Урале // Исторический журнал. 1943. № 5-6 (к сожалению, мне эта работа оказалась недоступной).

⁶⁰ Объединение всех повстанцев произошло в финале Пугачевщины, в апреле-августе 1774 г., но только вокруг самого Пугачева. В то время башкиры истребляли русских на Южном Урале.

⁶¹ Цифры взяты из работы Д.А.Кашинцева, но скорректированы в сторону уменьшения, поскольку я учитывал собственно уральские заводы в границах, очерченных выше (ось Ик – Иж на западе).

⁶² Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.156.

⁶³ Там же. С.158.

⁶⁴ Заводы, производящие как железо, так и медь, учитываются в графе «Переделные» или «Доменные» (их всего 6).

Итого	20	17	20	57
IV. На оборонном положении	9	15	2	26
ИТОГО	29	32	22	83 ⁶⁵

Источник: *Кашинцев Д.* Указ. соч. С.159.

Мы видим, что полностью разрушенных заводов было очень мало, большинство из них подверглись лишь разграблению. Всего от восстания пострадали 57 уральских горных заводов, т.е. примерно половина. Разрушения на Среднем Урале не носили систематического характера, заводы понесли ущерб главным образом от пожаров, следовательно, были уничтожены только деревянные постройки; домны и печи выстояли, возвышаясь своими черными остовами среди руин, где, однако, можно все же было узреть следы завода.

Большие разрушения были на Южном Урале. По данным Таблицы 41 видно, что медеплавильная промышленность, доминировавшая в Башкирии, пострадала особенно сильно. Однако огонь поглотил в основном инфраструктуру, жилые постройки, склады, и гораздо меньше затронул плотины – главную и самую дорогостоящую часть предприятия. Даже на дотла сожженном башкирами Воскресенском заводе печи оказались в целости и сохранности⁶⁶.

Поэтому предприятия были восстановлены очень быстро. В первый год было пущено около 30 горных заводов. Заводы Южного Урала, наиболее сильно пострадавшие от восстания, бездействовали 2 года: не было рабочей силы. В 1778 г. около 12 горных заводов здесь все еще не работало. К 1780 г. почти все разрушения, вызванные Пугачевщиной, удалось ликвидировать⁶⁷.

Пугачевщина привела к спаду производства. В рапортах заводчиков имеются интересные цифры, близкие к средним показателям производства железа и меди в 1769-1773 гг. Судя по итогам расследования, предпринятого Берг-коллегией, за время восстания (сентябрь 1773 – декабрь 1774 г.) не было выпущено 133500 пудов меди и 1838000 пудов железа⁶⁸. Эти цифры нужно, конечно, рассматривать с учетом снижения объемов промышленной деятельности, продолжавшегося до 1778 г. Но в целом последствия восстания удалось быстро преодолеть, за исключением медеплавильной отрасли. Выпуск железа в период восстания упал максимум на 2/3 своего прежнего объема, но позднее превзошел цифры 1770-х гг.⁶⁹ Что касается меди, то она на Южном Урале больше почти не выпускалась⁷⁰, передав это право Богословскому и Петropавловскому заводам Походяшина⁷¹. Пугачевщина привела к перемещению производства меди с юга Урала на его северо-восток.

Восстановление заводов не привело к реорганизации промышленности в целом, хотя определенные усилия для этого прилагались. В январе 1775 г. президент Берг-коллегии обратил внимание на необходимость лучшего использования гидравлической энергии на уральских горных заводах. По его поручению инженер Лешенколь

⁶⁵ Всего на Урале было около 120 заводов.

⁶⁶ *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.149.

⁶⁷ Общий ущерб на основании заявлений заводоуправляющих оценивается в 2770000 руб.

⁶⁸ *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.160.

⁶⁹ По Герману (*Hermann B.-F.-Joh.* Versuch eine mineralogischen Beschreibung des uralischen Erzgebirges. Berlin; Stettin, 1789. S.235), производство железа на Урале в 1766 г. доходило до 2371350 пудов, в 1779 г. до 3678000 пудов. Но современные авторы приводят более высокие цифры. По Д.А.Кашинцеву (Указ. соч. С.132) производство чугуна на Урале в 1767 г. достигало 3938200 пудов.

⁷⁰ Герман (*Hermann B.-F.-Joh.* Versuch eine mineralogischen Beschreibung des uralischen Erzgebirges. S.327) оценивает производство меди на Урале в 1782 г. в 190000 пудов. П.Г.Любомиров (Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.222) называет 220000 пудов для 1780 г.

⁷¹ В 1770 г. Паллас (Указ. соч. С.314) упоминал о примерно 40000-60000 пудов меди, производимой на двух заводах Походяшина.

составил соответствующую «меморию», но уже 15 февраля 1775 г. она была отклонена⁷², поскольку мало подходила к суровым условиям русской зимы. Д.А.Кашинцев, однако, замечает, что ее можно было применять летом, и объясняет отказ от его внедрения бюрократической волокитой. Но и партикулярные заводчики были консервативными. Никита Никитич Демидов писал своим приказчикам, что Каслинский и Кыштымские заводы (разрушенные лишь частично) надо восстановить «по прежнему», причем производительность Каслинского завода должна составлять 300000 пудов (4800 т) железа в год, как было до восстания, «а больше и не надо...»⁷³.

Чем это было вызвано? Следует отметить, что к середине 1770-х гг. в мировой металлургии не произошло никаких принципиальных открытий. Единственным нововведением было внедрение в Англии цилиндрических воздухоудных мехов, которые появились на Урале только в 1790-е гг.⁷⁴ Кроме того, во время реконструкции уральские заводчики не прибегали к иностранной помощи. Участие иностранцев в российской металлургии, столь значительное при Петре Великом и еще сохранявшееся в эпоху Анны Иоанновны, во второй половине XVIII в. постепенно снижалось. Теперь у России были свои специалисты, проявившие себя в период восстановления уральских горных заводов после Пугачева.

Одним из условий модернизации уральской металлургии был ее динамичный рост. Но если экспортные поставки российского железа, особенно в Англию, продолжали расти, то его внутренний рынок развивался медленно⁷⁵, и на смену стремительному подъему уральской промышленности в 1750-е гг. пришла стагнация. Поэтому Никита Акинфиевич Демидов и не захотел увеличивать производительность своих предприятий с помощью установки более совершенного оборудования. Заводовладельцы действовали осторожно. Это были уже не бесшабашные первопроходцы, а их наследники во втором и третьем поколении. Для них главным была постоянная прибыль, позволявшая беззаботно прожить жизнь в столице. Изменения на заводах прежде всего выражаясь в расширении предприятий.

При Екатерине II казенных заводов больше не строили. Часть предприятий вернули в казну, часть приобрели у столкнувшихся с финансовыми затруднениями партикулярных людей. Казенные заводы существовали в атмосфере экономического либерализма, неблагоприятного для действий государства, которое не стремилось больше сохранять приносящие одни убытки предприятия. Таким образом, времена Геннина, когда казенные заводы были лидерами прогресса, ушли в прошлое. При Екатерине II они находились в застое, который сохранился и после их реконструкции.

Таким образом, события 1773-1774 гг. на время приостановили промышленное развитие Урала, не изменив ни его вектора, ни характера. Лишь в 1780 г. их производство достигло уровня 1769-1773 гг.⁷⁶ Но даже тогда техническое оснащение предприятий не изменилось, сохранившись почти в том же виде вплоть до начала XX в.⁷⁷

3.2. Социальные последствия пугачевщины

⁷² Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.158.

⁷³ Письма Н.Н.Демидова от 11 января и 27 февраля 1775 г. цит. по: Кашинцев Д. Указ. соч. С.163.

⁷⁴ Там же. С.162.

⁷⁵ Свобода предпринимательства, объявленная в 1755 г., оказала косвенное влияние на металлургию. Она способствовала развитию национального рынка, но результаты этого проявились не сразу.

⁷⁶ Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.161.

⁷⁷ <См. также: Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Исторические записки. М., 1967. Т.80; Сергеева Н.П. Крестьяне и рабочие люди заводов Урала в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К.Крупской. Л., 1957. Ч. II; Ушаков И.Ф. Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне // История СССР. 1960. № 6>.

Последовавшие вслед за восстанием карательные меры властей, осадное положение, объявленное во всем уральском регионе, эшафоты, стоявшие на сельских площадях до июня 1775 г., быстро утомили людей и породили новую психологию промышленной жизни. Крупных социальных движений здесь больше не было.

Только-только подавив восстание, власти, как об этом свидетельствуют указы 1774 г., постарались вернуть на завод приписных или посессионных крестьян, которые нужны были для восстановления предприятий. Вероятно, на Среднем Урале это удалось сделать быстро. Но южнее, где восстание было наиболее мощным, разрушенные заводы простояли 2 года⁷⁸. Правда, в бассейне Белой крестьяне, как крепостные, так и свободные, бежали не столько с заводов, сколько от башкир. Они, несомненно, хотели вновь стать землепашцами.

Большой интерес для историка представляют крестьяне, которые, будучи оторванными от земли, сыграли большую роль в армии Пугачева. Вернулись ли они обратно на заводы? Как относились к ним заводчики? Следует заметить, что на всех событиях 1773-1774 гг. чувствуется крестьянское влияние. Пугачевщину справедливо считают крестьянской войной. Дореволюционные русские историки, изучавшие ее, рассматривали заводских рабочих как крестьян; советские исследователи, по-видимому, столкнулись с большой проблемой, когда попытались выделить в восстании его рабочий компонент. В силу этого после подавления восстания внимание правительства было сосредоточено не на рабочих, более или менее закрепленных за заводом и наполовину оторванных от земли, а на приписных крестьянах, уже полвека боровшихся за отмену принудительного труда на предприятии.

После восстания Пугачева приписные крестьяне продолжали жаловаться на свое положение, но настоящее волнение среди них вспыхнуло лишь в 1775 г. на Авзяно-Петровском заводе⁷⁹. Жалобы приписных были справедливы, но как и раньше, отклонены. Большинство из них было составлено в деревнях, удаленных от завода, и повторяло аргументы 1754-1764 гг. Но 21 мая 1779 г. вышел манифест, несколько облегчавший положение приписных крестьян⁸⁰. В нем говорилось: «1. Приписным из казенного ведомства к казенным или частных людей заводам крестьянам исправлять как прежде, так и ныне следующие заводские работы, а именно: 1) рубку куренных дров, 2) разломку куч и возку из куреней на заводы угля⁸¹, 3) рубку дров для обжигу флюсов, 4) возку с рудников добытой готовой руды на заводы, а также песков и всяких флюсов, к проплавке руд потребных, 5) дело и починку плотин в том единственном случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут»⁸². Под угрозой штрафа манифест запрещал привлекать приписных крестьян к другим работам. Кроме того, документ определил характер работ с учетом расстояния от деревни до завода и времени года. Рубить лес должны были отныне безлошадные крестьяне отдаленных от завода деревень, а возка древесного угля поручалась крестьянам, жившим вблизи от предприятия и пользовавшихся своей лошадью. Лес следовало рубить с 15 февраля до 20 апреля, т.к. перевозить его нужно было по зимней дороге.

Таким образом, манифест значительно улучшил положение приписных крестьян в том, что касалось самих работ. Кроме того, он в 2 раза увеличил поденную зарплату, установив ее размер в 10 коп. (пеший крестьянин) и 20 коп. (крестьянин с лошадью) летом, и соответственно 8 и 12 коп. зимой⁸³. Манифест также напоминал, что 1 руб. 70

⁷⁸ Кашинцев Д.А. Указ. соч. С.154.

⁷⁹ Для восстановления порядка на Авзяно-Петровский завод пришлось направить полк солдат (Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.504).

⁸⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т.XX. № 14878. Перевод см.: Storch H. Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie à la fin du XVIII siècle. Paris, 1800. Vol. II. P.48. Note 64.

⁸¹ Таким образом, крестьяне избавились от кладки куч и жжения угля.

⁸² Обслуживание плотин осуществляли заводские плотники.

⁸³ Ср. с тарифом 1769 г.

коп. подушной подати должен был отрабатываться, а остальное могло быть выплачиваться деньгами.

Наконец, два решения Берг-коллегии, подтвержденные сенатским указом от 8 июля 1780 г.⁸⁴, установили новые нормы труда и косвенно вновь увеличили зарплату крестьянам, имеющим лошадь. Власти определили среднюю загрузку телеги зимой в 20 пудов (вместо 25 пудов ранее), 15 пудов – летом и 10 – весной и осенью. Указом от 18 июля удваивалась компенсация на содержание лошади, которая не менялась с 1724 г. (0,5 коп. зимой, 1 коп. – летом) – теперь за это платили, соответственно, 1 и 2 коп.

Несомненно, эти меры явились следствием Пугачевщины. И хотя приписные крестьяне не играли в ней активной роли, но, покинув заводы, они продемонстрировали недовольство своим положением. Кроме того, массовое участие в восстании помещичьих крепостных Поволжья напугало помещиков⁸⁵. Однако проблема приписных крестьян была сильнее выражена на казенных предприятиях, чем на частных. Н.Б.Бакланов опубликовал перечень уральских горных заводов 1777 г., где указаны не только количество домен и печей, годовая производительность предприятий (данные, которые я буду использовать далее), но также и численность их рабочих (вне зависимости от их юридического статуса) и приписных крестьян⁸⁶. Всего на 14 казенных заводах числились примерно 70000 приписных крестьян, а на партикулярных предприятиях – около 60000. Это свидетельствует о живучести института приписки, которая стала тормозом для дальнейшего экономического развития казенных предприятий, где численность приписных была очень большой в силу экстенсивности процесса производства.

Таблица 42
Фрагмент списка уральских заводов с показанием недвижимого производственного инвентаря 1778 г.⁸⁷

А. Казенные заводы в 1777 г.⁸⁸

Заводы	Время постройки	Специализация	Домны	Молоты	Медеплавильные печи	Число мастеровых и рабочих людей	Число приписных крестьян
1. Каменский	1700	железодельный	1	2	1	171	8964
2. Екатеринбургский ⁸⁹	1722	железодельный		1		265	
3. Пышминский	1763	железодельный	4	3		70	
4. Кушвинский	1735	железодельный, медеплавильный	3			413	42175

⁸⁴ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С.508.

⁸⁵ Увеличение подушной подати в 1783 г. (см. ниже) отменило эти льготы; по крайней мере, в отличие от указа 1769 г., изданного вслед за увеличением подушной подати для того, чтобы ее компенсировать, указ 1779 г., напротив, предшествовал росту этого налога.

⁸⁶ См. Таблицу 42.

⁸⁷ Рукопись из Уральского областного архива, опубликованная Н.Б.Баклановым (Указ. соч. С.310-323). В ней представлено около 80 горных заводов, указаны имена их владельцев (за исключением заводов Твердышева – Мясникова, по которым сведения недостоверны), техническая характеристика каждого завода и число приписных крестьян.

⁸⁸ Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.310-311.

⁸⁹ Екатеринбургский завод был многопрофильным, но в первую очередь пердельным.

5. Туринский	1735	железодельный	2	3	1	153	
6. Баранчинский	1743	железодельный		2		114	
7. Нижне-Туринский	1766	железодельный		10		236	
8. Серебрянский	1755	железодельный		12		237	
9. Воткинский	1758	железодельный		16		388	
10. Ижевский	1760	железодельный		16		330	
11. Нижне-Юговский	1734	медеплавильный			12	471	8118
12. Верхне-Юговский	1740	медеплавильный			12		
13. Аннинский	1760	медеплавильный			12	188	6410
14. Вознесенский	1755		Не восстановлен			(31)	(2319)

Б. Частные заводы в 1777 г.

САВВА ЯКОВЛЕВ							
	Дата создания		Домны	Молоты	Медеплавильные печи	Число рабочих и чернорабочих	Число приписанных крестьян
1. Невьянский	1699	железодельный	2	10	2	3679 ⁹⁰	6034 (с Синячихинским № 6)
2. Алапаевский	1714	железодельный и медеплавильный	2	2		214	
3. Верхне-Тагильский	1716	железодельный	1	6		1149 ⁹¹	
4. Шуралинский	1716	железодельный		4		169	
5. Быньговский	1718	железодельный и медеплавильный		14	3	1004	
6. Н. Синячихинский	1724	железодельный		5		91	5113
7. Верхне-Исетский	1726	железодельный	2	12		768	
8. Шайтанский	1727	железодельный		2		300	
9. Нижне-Сусанский	1735	железодельный		4		81	
10. Верхне-Сусанский	1753	железодельный		3		50	
11. Верхне-Нейвинский	1767	железодельный	1	8		44	

⁹⁰ Эта цифра свидетельствует о высокой концентрации рабочих; часть их использовалась на вспомогательных работах.

⁹¹ Это общая численность, но вспомогательные работы на этом заводе по большей части выполнялись вольнонаемными.

12. Верхне-Синячихинский	1769	железодо- лательный	1	4		Вольнонаемные, пре- доставляемые други- ми заводами	
13. Режевский	1775	железодо- лательный	2	12			
14. Сылвинский	1739	железодо- лательный		6		195	929
15. Уткинский	1754	железодо- лательный				124	715
16. Шермянский	1760	М	Еще не действующий			(171)	
ДЕМИДОВЫ (ПОТОМКИ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА)							
Никита Акинфьевич Демидов							
1. Выйский	1721	железодо- лательный и медепла- вильный		5	2	701	1320
2. Нижне- Тагильский	1725	железодо- лательный	6	6		3873	
3. Черноисточин- ский	1729	железодо- лательный		9		616	
4. Висимошайтан- ский	1741	железодо- лательный		3		411	
5. Верхне-Лайский	1724	железодо- лательный		5		170	
6. Салдинский	1760	железодо- лательный		15		969	
7. Висимоуткинский	1771	железодо- лательный		3		151	
Александр Демидов							
1. Уткинский	1729	железодо- лательный	2	5		996	1138
2. Суксунский	1724	железодо- лательный и медепла- вильный		3	2	690	1033
3. Тисовский	1730	железодо- лательный		3		142	
4. Шахвинский	1740	железодо- лательный		4	2	333	
5. Ашапский	1745	медепла- вильный			6	285	16227
6. Бымовский	1736	медепла- вильный			6	571	1679
Петр Демидов							
1. Ревдинский	1734	железодо- лательный	2	7		2332	1820
2. Бисерский	1761	железодо- лательный		5		118	
3. Рождественский	1740	железодо- лательный		4		519	
ДЕМИДОВЫ (ПОТОМКИ НИКИТЫ ДЕМИДОВА)							
Евдоким Демидов							
1. Верхне-Авзяно- Петровский	1759	железодо- лательный	2	6		-	3810
2. Нижне-Авзяно- Петровский	1756	железодо- лательный		6		307	
3. Кагинский	1759	железодо- лательный		4		-	

Иван Демидов							
1. Верхне-Сергинский	1742	железодо- лательный		6		522	2345
2. Нижне-Сергинский	1743	железодо- лательный	2	19		992	
Никита Никитич Демидов							
1. Каслинский	1752	железодо- лательный и медепла- вильный	1	10	2	727	7652
2. Верхне-Кыштым- ский	1757	железодо- лательный	2	9		748	
3. Нижне-Кыштым- ский	1757	железодо- лательный		6			
ИВАН ОСОКИН ⁹²							
1. Иргинский	1730	железо- дела- тельный	1	4		697	752
2. Юговский	1732	медепла- вильный			6	850	697
3. Бизярский	1740	медепла- вильный			8	246	
4. Курашимский	1740	медепла- вильный			6	433	1621
5. Верхне-Троицкий	1752	медепла- вильный			4	-	495
6. Нижне-Троицкий	1760	медепла- вильный			4	184	
7. Усень- Ивановский	1760	медепла- вильный			8	-	
8. Саранинский	1756	железо- дела- тельный	1	5		193	
АЛЕКСЕЙ ТУРЧАНИНОВ							
1. Полевский	1725	железо- дела- тельный и меде- пла- вильный	1		9	623	5381
2. Сысертский	1732	железо- дела- тельный	2	7		402	
3. Северский	1738	железо- дела- тельный		5		404	
4. Троицкий							
Р. ЛАР. ВОРОНЦОВ							
1. Ягошихинский	1723	железо- дела- тельный		8		290	5786

⁹² Сюда не включены заводы Осокина в Среднем Поволжье.

2. Пыскорский	1723	железо-делательный		6		188	
3. Висимский	1735	железо-делательный		6		189	
4. Мотовилихинский	1736	железо-делательный		12		288	
СТРОГАНОВЫ							
Граф Александр Сергеевич Строганов							
1. Билимбаевский	1733	железо-делательный	2	2	1198		
2. Домрянский	1752	железо-делательный и медеплавильный	6	(7)	1278		
3. Очерский	1761	железо-делательный	12		2107		
Барон Александр Строганов							
1. Таманский	1726	(остановка)					
2. Кыновский	1762	железо-делательный	1	2		260	
Барон Григорий Николаевич Строганов							
1. Черманский	1761	железо-делательный	1	9		272	
Баронесса Строганова (совместно с Голицыным и Шаховским)							
1. Кузе-Александровский (в личном владении)	1751	железо-делательный	1	2		208	
1. Хохловский	1756	медеплавильный			3	245	

Таким образом, казенные предприятия остро нуждались в приписных крестьянах. Только на Благодатских заводах их числилось более 30000, на двух Юговских – более 8000. Кроме приписных крестьян, на казенных заводах трудилось еще около 3000 рабочих. Следовательно, свободные крестьяне, использовавшиеся на вспомогательных работах, интересовали властей больше, чем работные люди.

Но почему тогда правительство решило просто ограничиться упорядочением приписки, хотя о ней спорили весь XVIII в. и в итоге отменили?

Причина этого заключается в том, что приписные крестьяне не были на частных заводах основной вспомогательной рабочей силой, но без них нельзя было обойтись, а отмена принудительного труда государственных крестьян означала бы восстановление их законных прав. Правительство отменило институт приписки лишь в начале XIX в., когда ее роль в частной промышленности сошла на нет. Но еще ранее правительство увеличило зарплату и пересмотрело регламент работ приписных крестьян⁹³. Что касается собственно рабочих, еще крайне малочисленных на казенных и многочис-

⁹³ Дополнительные расходы, возникшие в результате этого у заводовладельцев, постепенно заставили их отказаться от услуг приписных.

ленных на партикулярных предприятиях, то ими целиком распоряжались заводовладельцы и восстание 1773-1774 гг. на них никак не отразилось.

4. Промышленный Урал в конце XVIII в.

4.1. Промышленный подъем 1780-х гг. и его проявление на Урале

В связи с тем, что восстановление горных заводов в пострадавших районах осуществлялось заводчиками без особого рвения, а на Южном Урале часть предприятий вообще не стали возрождать, зададимся вопросом: изменилась ли из-за этого география уральской промышленности? И сохранил ли Урал свое лидерство в металлургии?

Прежде чем ответить на первый вопрос, напомним, что еще до пугачевского бунта открытие медных рудников на северо-востоке Урала, вблизи Туры, позволило Походяшину построить там достаточно крупные предприятия⁹⁴. Причиной сокращения числа заводов на Южном Урале был не Пугачев. Если внимательно проанализировать имеющиеся данные, то можно заметить, что прекратившие существование предприятия уже давно находились в упадке. Часть медеплавильных заводов была быстро восстановлена и даже увеличила свою производительность. Приведенные мною цифры совпадают с теми, что даны в описании горных заводов Уфимского наместничества (1780 г.)⁹⁵. Например, Архангельский медеплавильный завод, выплавлявший до восстания в среднем 4300 пудов металла в год, был восстановлен лишь в 1777 г., выдав тогда 1400, а в 1780 г. – уже 6000 пудов меди. Три других завода, взятые мною в качестве примера, – Богоявленский, Верхоторский и Воскресенский – еще быстрее восстановили свой потенциал; их производительность 1773 г. была достигнута к 1780 г. (см. Таблицу 43).

Таблица 43
Производительность Богоявленского, Верхоторского и Воскресенского заводов в 1773 и 1780 гг.

Заводы	1773 г.	1780 г.
Богоявленский	10710 пудов	11690 пудов
Верхоторский	4850	4502
Воскресенский	9563	10625

Из них только Воскресенский завод в 1783-1795 гг. не увеличил свою производительность. Однако рост производства был все же незначительным, хотя Южный Урал и сохранил себя в качестве центра медеплавильной промышленности страны⁹⁶.

Что касается железоделательных заводов на севере Башкирии, то, учитывая достаточно значительный ежегодный прирост их производства, можно сделать аналогичные выводы. Но вот Катав-Ивановский завод, производивший в 1770 г. в среднем 210000 пудов чугуна, в 1777 г. выплавил его около 180000 пудов, а в 1789 г. – 152186 (в среднем в 1783-1795 гг. – 180000 пудов) и, по-видимому, не смог достичь своего прежнего уровня. А Златоустовский завод, напротив, перешел от выпуска в среднем 136000 пудов в 1770 г. к 205000 (такова его средняя производительность в 1783-1795 гг.) к

⁹⁴ См. Таблицу 47. Только Богословский завод производил 32098 пудов, т.е. 1/5-1/6 часть всей продукции металлургии Урала.

⁹⁵ См.: Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. Там же приведен список заводов.

⁹⁶ На всех заводах Урала выпускалось около 200000 пудов меди, а по России в 1780 г. – 220000 пудов (Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.222. Урал в 1782 г. производил 190000 пудов: Hermann B.-F.-Joh. Versuch eine mineralogischen Beschreibung des uralischen Erzgebirges. S.325; Storch H. Op. cit. P.381).

концу столетия; в 1777 г. он выплавлял около 118000, а в 1780 г. – уже 210000 пудов чугуна. Однако нельзя забывать, что это лишь средние данные, а в пределах 1783-1795 гг. цифры могли значительно варьироваться (см. Таблицу 44).

Таблица 44
Производительность ряда уральских горных заводов в 1769-1795 гг.

Название	В среднем за 1769-1773 гг. ⁹⁷	Произведено в 1777 г. ⁹⁸	В среднем за 1783-1795 гг. ⁹⁹
Железодельательные			
Белорецкий	120000	110131	113307
Билимбаевский	192000	233838	187615 (от 178000 до 250000)
Юрюзанский	118000	134247	126246 (от 7000 до 180000)
Катав-Ивановский	210000	179881	177900
Кыштымский Верхний	157000		250000 (от 155000 до 285000)
Ревдинский	210000	236669	– (от 186000 до 305000)
Сергинский	122000-258000	247246	200000 (от 132000 до 238000)
Златоустовский	132000-140000	117788	205000
Медеплавильные			
Архангельский	4392	1416	6070
Богоявленский	8220	10710	8672
Верхоторский	3873	4850	6706
Воскресенский	11783	9563	8789

Но то, что в 1780-1800 гг. производство чугуна и железа росло – неоспоримый факт. Резкое увеличение стоимости металла в 1780-е гг.¹⁰⁰, вновь принесшее большую прибыль горнозаводчикам, способствовало росту производства. Но новых предприятий строилось теперь мало: старые заводы ограничивались лишь постройкой новых цехов или увеличением выпуска продукции. В итоге, Урал продолжал сохранять лидирующие позиции в российской металлургии. Это вновь подтвердил К.Пажитнов, основываясь на статистических данных, приведенных в фундаментальной «Истории уральской металлургии» Д.А.Кашинцева, хотя и не все исследователи с этим согласились¹⁰¹.

Таблица 45
Производство чугуна (в пудах)

Годы	Россия	Урал (в скобках – % от российского производства)
1767	4998000	3938200 (76,8)
1800	9971000	7974000 (80,0)

Прогресс Урала был особенно заметен на фоне московского промышленного центра, где увеличение числа передельных заводов могло создать иллюзию развития российской металлургии (см. Таблицу 46).

⁹⁷ По данным заводчиков: *Кашинцев Д.А.* Указ. соч.

⁹⁸ По: *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. Приложении III.

⁹⁹ Дополнительно см.: *Кашинцев Д.А.* Указ. соч.

¹⁰⁰ *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.169.

¹⁰¹ *Пажитнов К.* К вопросу о переломе в мануфактурной промышленности XVIII в. // Вопросы истории. 1948. № 3.

Таблица 46
Производство чугуна (в пудах и %) ¹⁰²

Годы	Урал	Центр
1767	3938200 (76, 8%)	984400 (21, 7%)
1780	7974000 (80%)	1749000 (17, 5%)

Составлено по: *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.132.

Урал по-прежнему оставался поставщиком металлического полуфабриката для страны.

Его расцвет наблюдался не с 1760-х гг., а в 1780-1800 гг. Если сопоставить цифры Д.А.Кашинцева (использованные К.Пажитновым) для 1767 г. и данные Шторха за 1782 г. ¹⁰³ (эти исследователи оценили производительность пермских, уфимских и вятских горных заводов в 3900000 пудов в год), то можно заметить, что они почти совпадают. Пугачевщина, конечно, затормозила рост производства, но его главной причиной все же являлись трудности, которые металлургическая промышленность испытывала после 1760 г. Таким образом, после 1780 г. начался новый подъем производства, который продолжался и далее благодаря наполеоновским войнам. Следовательно, когда мы говорим о застое уральской промышленности в конце XVIII в., то подразумеваем под ним не стагнацию, а ежегодно нараставшее отставание Урала от Запада в технике и объемах производства.

4.2. Триумф заводоладельцев. Новое поколение горнозаводчиков

К концу царствования Екатерины II государство потеряло всякий интерес к металлургии. Если численность казенных заводов все еще была значительной ¹⁰⁴, то их производительность оставляла желать лучшего: крупнейший железоделательный казенный завод, Нижне-Тагильский, намного отставал от своих частных собратьев, производя в 1777 г. чугуна почти в 4 раза меньше их, и занимая 11 место ¹⁰⁵. Продукция казенных предприятий предназначалась для нужд правительства, и почти не поступала на внутренний рынок и на экспорт: в 1773-1777 гг. доля казенных предприятий в экспорте российского железа составляла лишь 1,4-2,1% ¹⁰⁶. Вероятно, эти показатели сохранялись и в дальнейшем. Согласно Шторху, в 1782 г. на казенных заводах было выплавлено 182363 пуда чугуна, а на партикулярных – 2876049 пудов ¹⁰⁷.

Уход государства из промышленности отразился в законодательстве. Как я уже отмечал, 10 декабря 1719 г. государство объявило рудники своей собственностью и одновременно разрешило всем вести поиски полезных ископаемых. Указ от 28 июня 1782 г. ¹⁰⁸ подвел итог тайной войне государства с землевладельцами. Он позволил последним искать в своих владениях любые металлы, добывать их и перерабатывать, используя для этого крестьян или вольных людей. Особенно важным был параграф 5: оговаривая права казны на землю, он вместе с тем санкционировал раздел частниками всех

¹⁰² *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.132.

¹⁰³ *Hermann B.-F.-Joh.* Versuch eine mineralogischen Beschreibung des uralischen Erzgebirges. S.396; *Storch H.* Op. cit. P.382 и 42 (note 57).

¹⁰⁴ См. Таблицу 42.

¹⁰⁵ См. Таблицу 47.

¹⁰⁶ Пропорции рассчитаны по статистике экспорта, приведенной Ю.Гессеном, см.: *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.185.

¹⁰⁷ *Storch H.* Op. cit. P.42 (note 57).

¹⁰⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.XXI. № 15447.

природных богатств России, чем уже давно занимались заводовладельцы, а параграф 6 запретил всякое вмешательство в дела партикулярных предприятий. Все это столь поразило воображение иностранных наблюдателей, что Шторх с удивлением констатировал: при Екатерине II «роль государства практически сошла на нет»!¹⁰⁹

Таблица 47
Крупнейшие уральские горные заводы в 1777 г.

		Производство чугуна (в пудах)	Производство меди (в пудах)
Частные заводы			
1.	Нижне-Тагильский	577625 (9242 т)	
2.	Кыштымские	274593	
3.	Нижне-Сергинский	247246	
4.	Ревдинский	236669	
5.	Билимбаевский	223838	
6.	Алапаевский	199354	
7.	Верхне-Нейвсинский	180532	
8.	Катав-Ивановский	179881	
9.	Режевский	173006	
10.	Уткинский	171364	
11.	Невьянский	142287	
1.	Богословский		32088 (513 т)
	Полевский		25872
	Сысертский		
Казенные заводы			
1.	Баранчинский	146180 (2340 т)	
2.	Туринский	143583	
3.	Каменский	76290	
1.	Нижне-Юговский		21060
	Верхне-Юговский		

Примечание. Самый крупный казенный железоделательный завод, Баранчинский, занимает только второе место. Выплавляемый на нем чугун составлял лишь 1/4 от производившегося на Нижне-Тагильском заводе. Медеплавильные Юговские заводы со своими 21000 пудами находились на третьем месте, выплавляя 2/3 от того объема металла, что производился на самом крупном частном заводе – Богословском.

В какой степени горнозаводчики воспользовались этими привилегиями? И стимулировали ли эти льготы развитие частной инициативы? Конечно, времена были уже не те – Урал больше не мог принимать новых эксплуататоров его богатств. Руда была везде разведана, а леса поделены; дворяне теперь боролись с купцами не в сфере заводостроительства, а деля друг с другом уже имевшиеся предприятия. Если в первой половине XVIII в. горная промышленность была сконцентрирована в руках нескольких заводчиков, то после 1760 г. она оказалась рассредоточенной среди многих владельцев. Возьмем, например, Демидовых: в 1777 г. шестеро наследников поделили между собой около 40 горных заводов, большинство из которых были основаны до 1755 г. Акинфием Демидовым. Аналогичная история случилась и со Строгановыми. Раздел предприятий первых заводовладельцев между наследниками – обычно многочисленными – привел к ликвидации могучих промышленных групп, начавших складываться к середине века. В ходе дележа наследства, часто делавшего врагами родных братьев и сестер,

¹⁰⁹ Storch H. Op. cit. P.386.

купечество вновь получило возможность вкладывать свой капитал в индустрию, шире участвовать в промышленной жизни, и даже создало новый крупный горнозаводской комплекс. Так, например, Савва Яковлев¹¹⁰ в 1767 г. оптом скупил все заводы Прокофия Демидова, не пожелавшего передать их своим детям. Но это был исключительный случай. Чаще всего, заводы переходили от дворянства к купечеству по одиночке и нередко на взаимовыгодной основе.

Нельзя забывать и об облике тогдашних заводчиков. В.Н.Витевский, рассказав о наследниках промышленного короля Южного Урала Твердышева¹¹¹, вынес суровый приговор всем заводовладельцам в Башкирии: «Отказавшись от личного участия в заводских промыслах, — писал этот историк, — они поручали свои заводы разным управляющим заботу по управлению своих заводов... Утомленные и пресыщенные чувственными удовольствиями и роскошью, они... отдавались полной неге избалованного вкуса организма, обращая жизнь в какой-то непрерывный пир с охотой всевозможных родов, для чего содержались при заводах большие псарни и целые толпы крепостных псарей. Между тем управляющие заводов, под шум пирующих хозяев и многочисленных гостей, старались приберечь денежку для себя на “черный день”; расходы все увеличивались, а доходы уმაлялись; пришлось усиливать производство, не жалея крестьян. По мере истощения капиталов исчезали и материалы, произведшие их; там от ветхости что-нибудь отвалилось; здесь кое-что нужно было поправить; в третьем месте сгорело, — словом, везде требовалась поддержка, нужны были деньги, а деньги тратились без расчета и счета, без всякой заботы об удовлетворении насущных потребностей в содержании заводов. Неудивительно, что при таких условиях дела заводчиков пошли плохо, несмотря на увеличение рабочих сил и усиленное действие заводов: горные пошлины платились не аккуратно; долги росли все более и более, а смотрители и управляющие заводов, благодаря пассивному и бесконтрольному отношению к заводам самих владельцев, обогащались и наконец заявляли своим хозяевам, что в конторских кассах денег нет для продолжения действия заводов»¹¹².

Мотовство горнозаводчиков имело место как на Среднем, так и на Южном Урале. Но если наследники Твердышева пускали свои состояния просто на ветер, то их коллеги были знаменитыми меценатами¹¹³. В.Н.Витевский, конечно, прав, обвиняя наследников первых хозяев горных заводов в нежелании работать, стремлении жить на проценты от доходов и не заниматься производством. Однако это его замечание, вполне справедливое для купеческого сословия, или, по крайней мере, для новых дворян, не учитывает российский менталитет. Особенности России, в частности, ее суровый климат, вынуждают людей жить днем сегодняшним, а не думать, что будет завтра. Это не способствуют передаче твердых моральных принципов. В России были купцы, но — как я не раз уже говорил — не было буржуазной ментальности, способствующей передаче от отца к сыну традиций, стремлению к приумножению из поколения в поколение своего состояния, и, наконец, поддержанию отношений между членами семьи. У русских сын не всегда наследует отцу, часто имеют место межпоколенные лакуны, а наследники нередко легкомысленно относятся к семейному состоянию. Это, возможно, является следствием отсутствия у русских характерного для романских народов картезианского менталитета. Расточительство, лень и презрение к ценности земных богатств в какой-то мере составляют загадку русской души.

Неумение большинства заводчиков сносно управлять своими предприятиями поставила последние, еще не исчерпавшие своего потенциала, в трудное положение, несмотря на выгодную экономическую конъюнктуру конца XVIII в. Усилилась прода-

¹¹⁰ Савва Яковлев имел 16 заводов с 12 домнами.

¹¹¹ Речь идет о его племянниках, т.к. у Твердышева не было сыновей.

¹¹² Витевский В.Н. Указ. соч. С.657-658.

¹¹³ Примером щедрого мецената является Прокофий Демидов.

жа горных заводов и их дальнейшее распыление среди наследников. Наследство Саввы Яковлева исчезло подобно состоянию Акинфия Демидова, предприятия Походяшина в 1791 г. перешли к Государственному ассигнационному банку, а казна прибрала к рукам обанкротившийся Уфалейский завод¹¹⁴. Поэтому одним только разделом наследства нельзя объяснить рассредоточение заводов, увеличившее число заводовладельцев и исключившее всякую возможность концентрации промышленности¹¹⁵.

4.3. Рабочие кадры

О заводских приказчиках, нередко происходивших из крепостных, и рабочих людях последней четверти XVIII в. пока еще известно мало.

Прежде всего, возникает вопрос: способствовала ли металлургия дальнейшему распространению крепостного права? Или, наоборот, она привела к увеличению в начале XIX в. численности вольнонаемной рабочей силы? Из Таблицы 42 можно почерпнуть лишь общие сведения о заводских кадрах. Под рабочими в этом документе подразумеваются все, кто относился к приписным крестьянам – прикрепленные к заводу, заводские крепостные и вольнонаемные (крепостные и свободные). Поэтому занятия этих категорий рабочих могли весьма различаться друг от друга; в литературе их часто рассматривают как приписных крестьян. Форма оплаты их труда ни о чем не говорит, т.к. кроме своих обязательных работ приписные крестьяне часто трудились на заводе, и тогда оплачивались по тому же тарифу, что и оброчные крестьяне или вольнонаемные работники.

Определяющим фактором здесь является юридическая связь работника с заводчиком или с заводом (для посессионных предприятий). Хотелось бы выяснить численность всех этих категорий работников, но, к сожалению, для последней четверти XVIII в. такие данные отсутствуют¹¹⁶. Поэтому активно обсуждаемая в историографии проблема численности вольнонаемной рабочей силы на металлургических заводах в 1780-1790-е гг. остается открытой. Если Н.Л.Рубинштейн считает численность вольнонаемных довольно большой и постоянно увеличивавшейся с конца XVIII в., то К.Пажитнов полагает – и его аргументы, опирающиеся на данные начала XIX в., кажутся мне более убедительными – что в металлургии по-прежнему господствовал крепостной труд¹¹⁷. Очевидно, исследователи по-разному понимают природу промышленного капитализма, характеризующегося ростом численности как крепостных, так и вольнонаемных работников.

Что касается рабочей силы, то в Таблице 42 для большинства горных заводов указано только число работников. Если прибавить сюда еще несколько предприятий (в частности, Твердышева), то можно будет сделать вывод, что на партикулярных заводах работало примерно 45000 человек и 60000 приписных крестьян. Эта цифра свидетельствует о значительной концентрации людей на заводах. Самые крупные промышлен-

¹¹⁴ О рассредоточении предприятий см.: *Колюпанов Н.* Хронологический перечень заводов Европейской России с обозначением их перехода к разным владельцам (1740-1806) // Горный журнал. 1871. № 6.

¹¹⁵ Концентрация является, естественно, относительной. Раздробление предприятий все равно позволяло каждому заводчику иметь состояние, которое, скажем, в тогдашней Франции считалось бы крупным и даже огромным. Французские промышленники Вендели являются исключением; своим упорным трудом они добились расцвета одного из самых мощных металлургических предприятий во Франции (см.: *Bertrand G.* Les Origines de la grande industrie métallurgique en France. Paris, 1947). Не нужно забывать, что Урал являлся промышленным регионом с очень высокой концентрацией заводов.

¹¹⁶ *Пажитнов К.* К вопросу о переломе в мануфактурной промышленности XVIII в. С.61.

¹¹⁷ Там же. С.63; *Рубинштейн Н.Л.* Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87; Он же. О мануфактурном периоде русской промышленности и складывании капиталистического уклада в России XVIII века // Вопросы истории. 1947. № 12.

ные центры являются и самыми старыми, но одни, например, Невьянск, имели много приписных крестьян (так, на Невьянском и Алапаевском заводах Саввы Яковлева их насчитывалось около 6000), а другие (например, на заводах Никиты Акинфьевича Демидова, в том числе в Нижне-Тагильске) – мало. Концентрация работников там была более высокой. В любом случае, промышленные городки с середины XVIII в. сильно выросли: вокруг завода обычно жили свыше 500, реже – 1000 душ мужского пола, что свидетельствует о наличии агломераций по меньшей мере в 3000-5000 чел.

Кто были эти люди? Думаю, что не стоит торопиться делать какие-то выводы на этот счет, предварительно не изучив каждое предприятие. Поэтому я не стану выдвигать никаких даже самых общих гипотез, однако приведу два примера, на которых читатель сам сможет убедиться, насколько здесь все сложно. Таблица 42, которая, впрочем, является неполной, не сообщает о крупнейших на Южном Урале горных заводах Твердышева и Мясникова. Однако известно, что на них почти все работники были крепостными. Испытывая дефицит людей, заводовладельцы не только приписывали к своим предприятиям крестьян, но и покупали крепостных в Центральной России¹¹⁸. А вот на Николаепавдинском заводе Походяшина работали вольнонаемные¹¹⁹, и даже донесения заводчиков свидетельствуют, что на этих безлюдных уральских землях свыше 1000 крестьян добровольно поселились вокруг горных заводов и стали их работниками¹²⁰.

Вряд ли так было везде. Не имея возможности уточнить сведения 1780-х гг., я допускаю, что различные категории работников постепенно превратились в то, что было зафиксировано в 1805 г. в связи с передачей дел упраздненной Берг-коллегии Министерству финансов. Эти данные¹²¹ относятся ко всей России, и, тем не менее, они показывают направление социального развития Урала.

В 1805 г. на партикулярных металлургических заводах работало 81870 человек, как крепостных, так и прикрепленных к заводам, 14910 вольнонаемных и 74465 приписных, а на казенных – 2288859 рабочих и 227455 приписных крестьян. Следовательно, кроме приписных крестьян в металлургии трудилось немногим более 100000 рабочих и около 15000 вольнонаемных. Последние во многом напоминали приписных крестьян, т.к. выполняли вспомогательные работы и редко привлекались к собственно промышленной деятельности. Их всегда было меньше, чем крепостных или полукрепостных рабочих. То, что отличало металлургическую промышленность от текстильной, послужившей основой для вывода Н.Л.Рубинштейна, так это более широкое применение в ней крепостного труда¹²² (от себя добавлю – труда крепостных и прикрепленных к заводу).

Таким образом, металлургия не способствовала ликвидации крепостного права: число вольнонаемных росло очень медленно, да и использовались они не столько на самом заводе, сколько на вспомогательных работах. Распространилось прикрепление рабочих к предприятию. Эта тенденция ярко проявилась в указе 1807 г., который, отменив институт приписных, отделил рабочих от крестьян, прикрепив первых к заводу, а вторых определив во вспомогательные работы.

* * *

При анализе материального положения работников в конце XVIII в. возникает ряд трудностей, преодолеть которые пока не удастся. Можно полагать, что их положе-

¹¹⁸ *Кашинцев Д.А.* Указ. соч. С.121-122.

¹¹⁹ Список заводов в 1778 г. см.: *Бакланов Н.Б.* Указ. соч. С.315.

¹²⁰ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. С.516. Прим. 3.

¹²¹ См.: *Пажитнов К.* К вопросу о переломе в мануфактурной промышленности XVIII в. С.62-63.

¹²² Согласно К.Пажитнову, большинство рабочих было задействовано в металлургии.

ние постоянно ухудшалось, сначала из-за роста цен, ставшего следствием массовой эмиссии бумажных денег после 1790 г.¹²³ Я уже упоминал об удорожании сельскохозяйственной продукции, что отразилось не только на рынке зерновых, но и на рынке людей: Дворянский банк, который выдавал в 1766 г. ссуду 20 руб. за крепостного, в 1786 г. предоставлял за него 40 руб., а в 1804 г. – уже 60¹²⁴. Повышение цен не сопровождалось ростом зарплаты. Хотя точно установить разрыв между зарплатами и ценами трудно, отмечу, что в 1790 г., когда зарплата рабочих казенных заводов Пермской губернии была увеличена до 1 коп. за 1 пуд выплавленного чугуна (вместо 3/4 коп. ранее), то же самое рекомендовали сделать и партикулярным заводам, где труд государственных крестьян оплачивался еще по тарифу 1737 г.

На практике это было реализовано лишь на казенных заводах, и поэтому коснулось немногих рабочих. На партикулярных заводах государственный контроль фактически отсутствовал, и когда дефицит людей исчез, зарплату им стал определять сам хозяин предприятия. В результате этого зарплата на партикулярных и казенных заводах оказалась различной, причем на последних она нередко была ниже. В целом же зарплата росла. В конце XVIII в. на медеплавильных заводах Осокина первый мастер-плавильщик получал 60 руб., второй мастер-плавильщик – 30 руб., рабочий – 4 коп. за пуд выплавленной меди, чернорабочий – 9 коп. в день¹²⁵. Но возникает вопрос: считать ли второго мастера-плавильщика мастером или подмастерьем? Безусловно, он был подмастерьем. Первый мастер плавильщик мог находиться на привилегированном положении, аналогичном тому, как это было у иностранных мастеров в 1730-е гг., поэтому в конце XVIII в. его зарплата в 60 руб. не имела для него никакого значения. Давайте, лучше сравним зарплаты учеников, оплачивавшихся как чернорабочие. Если допустить, что чернорабочий у Осокина трудился примерно 200 дней в году, получая за это 18 руб., а в 1766 г. – 15 руб., то за 30 лет его зарплата увеличилась на 20%. Но это пока только гипотеза. Кроме того, в примитивной экономике незначительные различия, которые в данном случае учесть невозможно, могут оказывать большое влияние на уровень жизни. Оставим этот вопрос будущим исследователям.

Проблемы, вызванные ростом цен и относительной стабильностью зарплат, подтверждаются следующим фактом: в конце XVIII в. – а в массовом порядке уже в следующем столетии – власти приступили к регулярной и бесплатной раздаче продовольствия (в частности, пшеницы и муки) рабочим казенных и посессионных заводов, но в последнем случае закон не всегда соблюдался; партикулярные заводы часто заставляли людей покупать раздаваемую пшеницу, хотя и по сниженным ценам¹²⁶. Эти раздачи, которые в прошлом практиковались чрезвычайно редко, теперь стали повсеместными и позволили рабочим жить даже на маленькую зарплату.

О приписных крестьянах нам известно гораздо лучше. В 1779 г. им существенно повысили зарплату. 3 мая 1783 г. правительство подняло оброк до 3 руб. на душу. К нему прибавилась еще подушная подать в 70 коп. Таким образом, удвоение зарплаты приписных сопровождалось ростом их оброка с 1 руб. 70 коп. до 3 руб. 70 коп. Однако, если учитывать оплату пути к заводу, сокращение объема работ, а также некоторое смягчение наказаний, что, видимо, стало следствием не столько заботы властей, сколько медленной эволюции нравов, то положение приписных крестьян во второй половине XVIII в. явно улучшилось¹²⁷.

¹²³ Российский бюджет 1764 г. составил 21000000, 1787 г. – 48, 1796 г. – 68000000 руб., но кроме того, нужно учитывать суммы, выданные Дворянским банком, которые в конце XVIII в. превысили его (*Боровой С.* Указ. соч. С.75).

¹²⁴ *Боровой С.* Указ. соч. С.74.

¹²⁵ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.453.

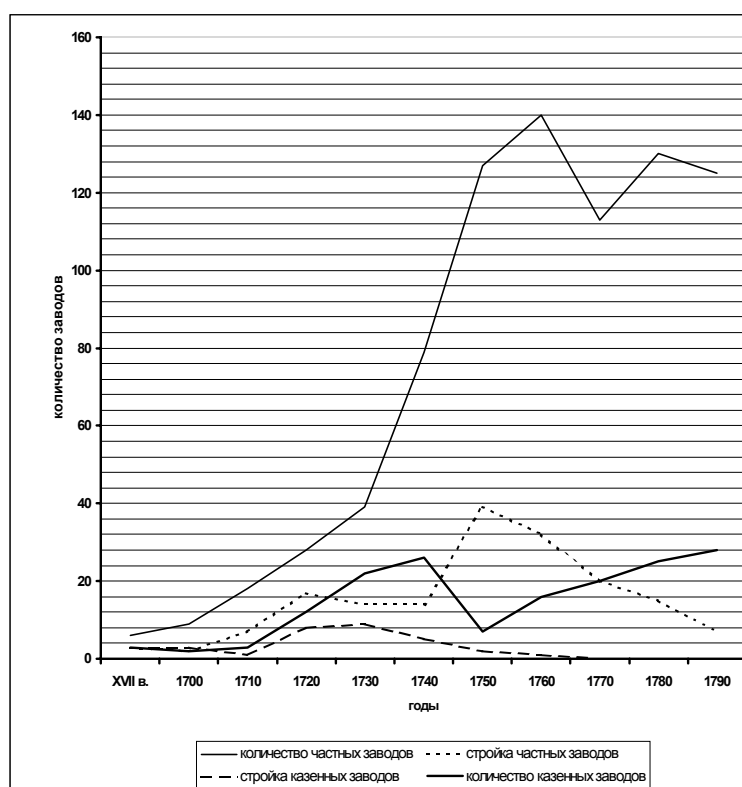
¹²⁶ *Пажитнов К.* Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве. С.16.

¹²⁷ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т.II. С.514.

Тем не менее, споры вокруг приписки шли постоянно, хотя она применялась все реже и реже. Но с ее отменой не спешили. Еще в 1792 г. правящий должность пермского и тобольского генерал-губернатора Алексей Волков доносил в Сенат, что вследствие жестоких морозов деревья настолько промерзли, что топоры об них ломаются, рабочие переживают холода в шалашах, продукты на исходе и поэтому люди вынуждены уходить домой досрочно¹²⁸. Но что же предлагал этот чиновник? Ссылаясь на сенатский указ от 17 января 1752 г., разрешивший заводчикам временно, в случае нехватки крепостных, приписывать к заводам крестьян, Волков полагал, что в 1792 г. хозяева партикулярных предприятий (он упоминал Демидовых, наследников Яковлева, Осокина, Гурьева, Турчанинова) имели достаточно крепостных, а потому им не следует использовать приписных работников. А вот для казенных заводов Волков, наоборот, предлагал удвоить приписку (сделать это было можно) и тем самым облегчить труд приписных.

Предложения Волкова были отклонены: заводовладельцы были против отмены приписки, а ее облегчение (за счет расширения) на казенных заводах вызвало бы взрыв недовольства населения. Рост цен на сельскохозяйственную продукцию в 1760-е гг. вызвал у приписных крестьян неприятие принудительного труда. Единственным путем решения этого вопроса в условиях сохранения крепостничества было сосредоточение вокруг завода всей рабочей силы; таков был смысл указа 1807 г., который освободил крестьянство от промышленных работ.

Таблица 48
Рост количества горных заводов Урала в XVIII в.

Воспроизводится по: Бакланов Н.Б. Указ. соч. С.27. Однако цифры Н.Б.Бакланова сильно завышены, поскольку он включил заводы, расположенные далеко на западе, т.е. за пределами собственно Урала, и считал самостоятельными предприятиями цеха, располагавшиеся на небольшом расстоянии друг от друга. График показывает уменьшение доли казенных предприятий после 1740 г., промышленный подъем 1750-1760-х гг., трудности на частных предприятиях после 1760 г. и частичный переход их в

¹²⁸ Там же. С.515-517.

казну. Тем не менее, она не полностью отражает кризис казенной промышленности. Государство после 1760 г. в основном выкупило средние и мелкие предприятия. Крупные заводы остались в руках частных лиц.

Таблица 49
Горные заводы, затронутые Пугачевским движением

НАЗВАНИЕ		ВЛАДЕЛЕЦ, ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ	СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
I. Заводы, пострадавшие и не возобновившие действия			
1.	Азяш-Уфимский ¹²⁹	Никита Н.Демидов, ок. 1770 г.	Лесопильный, доменный и передельный
2.	Вознесенский	Казна, 1755 г.	Медеплавильный
4.	Курганский ¹³⁰	Ягужинский, 1761 г.	Медеплавильный
5.	Курхтурский ¹³¹	Е.Демидов, ок. 1770 г.	Доменный
6.	Покровский	Твердышев и Мясников, 1755 г.	Медеплавильный
II. Заводы разрушенные			
8.	Авзяно-Петровский Верхний	Е.Демидов, 1753	Доменный
9.	Авзяно-Петровский Нижний	Е.Демидов, 1756	Передельный
10.	Архангельский	Твердышев и Мясников, 1753 г.	Медеплавильный
11.	Белорецкий	Твердышев и Мясников, 1762 г.	Доменный и передельный
12.	Богоявленский	Твердышев и Мясников, 1751 г.	Медеплавильный
13.	Верхоторский	Твердышев и Мясников, 1759 г.	Медеплавильный
14.	Воскресенский	Твердышев и Мясников, 1745 г.	Медеплавильный
15.	Воткинский	Казна, 1758 г.	Передельный
16.	Златоустовский	Л.Лугинин, 1752 или 1753 г.	Доменный, передельный и ме- деплавильный
17.	Ижевский	Казна, 1760 г.	Передельный
18.	Кагинский	Е.Демидов, 1769 г.	Передельный
19.	Кано-Никольский	И.Масалов, 1752 г.	Медеплавильный
20.	Каслинский	Никита Н. Демидов, 1752 г.	Доменный, передельный и ме- деплавильный
21.	Катав-Ивановский	Твердышев и Мясников, 1755 г.	Доменный и передельный
22.	Кыштымский Нижний	Никита Н. Демидов, 1757 г.	Передельный
23.	Нязе-Петровский	Я.Петров, 1747 г.	Доменный и передельный
24.	Преображенский	Твердышев и Мясников, 1748 г.	Медеплавильный
25.	Саткинский	Л.Лугинин, 1756 г.	Доменный, передельный и ме- деплавильный
26.	Симский	Твердышев и Мясников, 1758 г.	Передельный
27.	Суховязский	Твердышев и Мясников, 1770 г.	Передельный
28.	Уткинский	С.Яковлев, 1749 г.	Медеплавильный
29.	Усть-Катавский	Твердышев и Мясников, 1758 г.	Передельный
30.	Уфалейский	И.Масалов, 1760 г.	Доменный и передельный
31.	Шермяитский	С.Яковлев, 1759 г.	Медеплавильный
32.	Юрюзанский	Твердышев и Мясников, 1758 г.	Доменный и передельный
III. Заводы поврежденные и разграбленные			
34.	Аннинский	Казна, 1760 г.	Медеплавильный
36.	Ашапский	А.Демидов, 1744 г.	Медеплавильный
39.	Билимбаевский	А.С.Строганов, 1733 г.	Доменный и передельный
40.	Бисертский	Петр Демидов, 1760 г.	Передельный
41.	Бымовский	А.Демидов, 1735 г.	Медеплавильный
42.	Варзино-Алексеевский	Тевкелев, 1760 г.	Медеплавильный

¹²⁹ Строительство этого завода, начатое в 1760 г., так и не завершилось: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.369.

¹³⁰ Уже в 1766-1767 гг. этот завод остановился из-за отсутствия сырья (Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.450).

¹³¹ У П.Г.Любомирова он отсутствует.

46.	Иргинский	И.Осокин, 1738 г.	Доменный, переделный и медеплавильный
48.	Камбарский	А.Демидов, 1761 г.	Переделный
49.	Каменский	Казна, 1700 г.	Доменный и литейный
51.	Кыштымский Верхний	Никита Н.Демидов, 1755 г.	Доменный и переделный
53.	Ревдинский	Петр Демидов, 1734 г.	Доменный и переделный
54.	Рождественский	Петр Демидов, 1740 г.	Переделный
56.	Саранинский Нижний	И.Осокин, 1759 г.	Переделный
57.	Сергинский Верхний	И.Демидов, 1742 г.	Переделный
58.	Сергинский Нижний	И.Демидов, 1743 г.	Доменный и переделный
60.	Суксунский	А.Демидов, 1728 г.	Медеплавильный и переделный
61.	Сылвинский	С.Яковлев, 1734 г.	Переделный
62.	Сысертский	А.Турчанинов, 1732 г.	Доменный, переделный и медеплавильный
64.	Тисовский	А.Демидов, 1763 г.	Переделный
65.	Троицкий Верхний	И.Осокин, 1752 г.	Медеплавильный
66.	Троицкий Нижний	И.Осокин, 1760 г.	Медеплавильный
67.	Усень-Ивановский	И.Осокин, 1759 г.	Медеплавильный
68.	Уткинский	А.Демидов, 1729 г.	Доменный и переделный
69.	Уткинский	С.Яковлев, 1747 г.	Доменный и переделный
70.	Шайтанский Верхний	Ширяевы, 1759 г.	Переделный
71.	Шайтанский Нижний	Ширяевы, 1731 г.	Доменный и переделный
72.	Шильвинский	П.Красильников, 1734	Медеплавильный
73.	Юговской	И.Осокин, 1732 г.	Медеплавильный
74.	Юго-Камский	Б.Шаховской, 1746 г.	Медеплавильный и переделный
IV. Заводы, бывшие на оборонном положении			
75.	Алапаевский	С.Яковлев, 1703 г.	Доменный и переделный
77.	Быньговский	С.Яковлев, 1718 г.	Переделный
78.	Висимо-Уткинский	Никита Н.Демидов, 1771 г.	Переделный
79.	Висимо-Шайтанский	Никита Н.Демидов, 1741 г.	Переделный
80.	Выйский	Никита Н.Демидов, 1721 г.	Переделный
81.	Исетский Верхний	Савва Яковлев, 1726	Доменный и переделный
82.	Лайский Верхний	Никита Н.Демидов, 1742 г.	Переделный
83.	Лайский Нижний	Никита Н.Демидов, 1726 г.	Переделный
84.	Невьянский	С.Яковлев, 1699 г.	Доменный и переделный
85.	Нейвинский Верхний	С.Яковлев, 1762 г.	Доменный и переделный
86.	Нытвенский	М.Голицын, 1756 г.	Доменный, переделный и медеплавильный
87.	Очерский	Лазаревы, 1760 г.	Переделный
88.	Полевской	А.Турчанинов, 1722 г.	Медеплавильный и доменный
89.	Салдинский	Никита Н.Демидов, 1760 г.	Переделный
90.	Северский	А.Турчанинов, 1735 г.	Переделный
91.	Синячихинский Верхний	С.Яковлев, 1769 г.	Доменный и переделный
92.	Синячихинский Нижний	С.Яковлев, 1724 г.	Переделный
93.	Сусанский Верхний	С.Яковлев, 1753 г.	Переделный
94.	Сусанский Нижний	С.Яковлев, 1735 г.	Переделный
95.	Тагильский Верхний	С.Яковлев, 1718 г.	Доменный и переделный
96.	Тагильский Нижний	Никита Н.Демидов, 1722-1724 гг.	Доменный и переделный
97.	Черноисточинский	Никита Н.Демидов, 1728 г.	Переделный
98.	Шайтанский	С.Яковлев, 1726 г.	Переделный
99.	Шуралинский	С.Яковлев, 1716 г.	Переделный
100.	Юговский Верхний	Казна, 1740 г.	Медеплавильный
101.	Юговский Нижний	Казна, 1735 г.	Медеплавильный

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес исследователей к истории уральской металлургии обусловлен главным образом многоплановостью и масштабом экономических и социальных аспектов этой темы, которые нередко выходят за пределы Урала и даже страны.

В XVIII в. Россия была одним из ведущих мировых поставщиков железа в Европу¹. В 1716 г. на лондонский рынок поступило 320 т русского железа, но лишь в середине века Россия стала его крупным экспортером, к 1770 г. выйдя на уровень Швеции. Половина экспорта российского железа шла в Англию, что в значительной мере способствовало процветанию российской металлургии в течение всего XVIII в. Таможенные правила, защищавшие российского производителя, мало способствовали развитию русской металлургической промышленности: запретив ввоз в Россию шведского железа, правительство избавило российскую продукцию от скачков цен и таможенных привилегий. Последние носили для металлургии одновременно и фискальный, и защитный характер. Когда к концу царствования Петра Великого военные затраты перестали доминировать в экономике (составляя все же 50% российского бюджета), таможенный тариф 1724 г. стал барьером на пути иностранного железа в Россию. Тогда же английский рынок стал закупать наряду со шведским железом еще и российское, причем во все возрастающих объемах. Англия была самым крупным европейским импортером железа и до конца века продолжала наращивать его закупки. Российская металлургия, находившаяся с 1750-х гг. на подъеме, работала, таким образом, преимущественно на внешний рынок: она отвечала на стабильный спрос, который иссяк лишь в начале XIX в. В этих условиях протекционистский тариф 1724 г. был малоэффективен. На экспорт шел, прежде всего, железный полуфабрикат, поставляемый с Урала. Следовательно, во второй половине XVIII в. Урал наряду со Швецией стал ведущим поставщиком металла на европейский рынок. Расцвет российской металлургии закончился в конце столетия, когда в Англии началась промышленная революция.

В XVIII в. металлургия была лидером российской индустрии по количеству работников, объемам продукции и важности этой отрасли для страны. В 1767 г. уральскими заводами производилось 2/3 всего железа России и практически вся российская медь. Таким образом, 120 уральских заводов составляли почти всю металлургию страны.

Уральская металлургическая промышленность развивалась весь XVIII в. Сначала предназначавшаяся только для нужд армии, она в конце царствования Петра Великого, став в основном частной, вышла на внешний рынок и приобрела общегосударственное значение.

Но с 1750-х гг. роль уральской металлургии начинает падать. Заводы Центральной России, ведущие свою историю еще с XVII в., сосредоточившись на производстве предметов потребления, вновь начинают выходить на первый план. Эти предприятия, крупнейшими из которых были заводы Баташова, в основном поставляли на внутренний рынок серпы, железную проволоку, гвозди, посуду и т.п. Во второй половине XVIII в. появилось несколько предприятий в бассейне Десны и верховьях Дона, что стало следствием развития рынка на юге страны и возросшей ролью черноморских портов.

Однако продукция предприятий центра и юга России составляла лишь незначительный процент металлургии страны, сконцентрированной по-прежнему на Урале. Урал по-прежнему поставлял высококачественное железо. Заводы Баташова не справлялись с его переработкой. В XVIII в. Урал оставался основным производителем чугуна и железа, большая часть которого перерабатывалась на месте, а остальное шло на экспорт или на дальнейшую переработку на подмосковных заводах. За сто лет в уральской

¹ См. Таблицу 22.

металлургии произошли изменения. Поставщиком железа в первой половине XVIII в., т.е. в эпоху Никиты Демидова, Татищева и Геннина, был Средний Урал. Его железоделательные и чугунолитейные предприятия производили в основном оружие, а медеплавильные – сырье для монетных дворов². На внутренний рынок поступала лишь малая толика продукции уральской индустрии. Но уже к концу царствования Петра Великого на военные нужды уходило уже не более половины выпускаемого железа.

Во второй половине XVIII в. началась индустриализация Южного Урала, которая совпала с периодом смены потребителя металлургической продукции. Новые медеплавильные и железоделательные заводы стали обслуживать внутренний рынок, в частности, Поволжье и Сибирь. Промышленность Среднего Урала начала поставлять свою продукцию не только в Россию, но и в Приуралье, а также в Туркестан.

Таким образом, уральская промышленность, созданная для удовлетворения общегосударственных потребностей, к концу XVIII в. стала обслуживать исключительно местные нужды. Часть ее продукции теперь оставалась на местах. Тем не менее, это не умаляет важной роли Урала для России и Европы, а придает ей новый оттенок, что связано со значительными изменениями, происшедшими в конце XVIII в. в экономике и демографии южноуральских окраин империи.

Заводы чутко реагировали на эволюцию рынка. Когда государство являлось основным потребителем металла, крупные заводы, имевшие огромные земельные владения и большое количество крепостных, вывозили свою продукцию за пределы Урала; наличие домен и западной технологии сделало их лидерами мировой индустрии³. Однако, уже тогда предприятия, имевшие 1-2 домны, окружали себя мелкими железоделательными заводиками. Их численность возросла, когда в середине XVIII в. началась индустриализация Южного Урала и возникла потребность в изделиях повседневного спроса. Большинство заводов, появившихся в 1750-е гг., были средних размеров. Их количественный рост сопровождался появлением специализации и агломерации. Этот процесс мало затронул медеплавильную промышленность, которая снабжала своей продукцией или казенные монетные дворы или внутренний рынок.

Заводская технология в течение всего XVIII в. почти не менялась. В качестве топлива по-прежнему использовался древесный уголь. Технологические заимствования с Запада, начатые при Геннине и приведшие к расцвету уральской металлургии⁴, к концу века в основном прекратились⁵. То, что оборудование уральских заводов оставалось неизменным еще 150 лет, придает эпохе Петра Великого и Екатерины II некоторую уникальность.

Наконец, в конце XVIII в. экспорт российского железа прекратился. После того как промышленная революция сделала Англию экономически независимой, Россия оказалась вытесненной с британского рынка. Это событие отразилось в фольклоре английских металлургов:

*Когда не стало леса,
И уголь вздорожал,
Работы стало мало,
Рабочий вдруг пропал!
Но пудлинг и коксовка*

² См. Карту 1.

³ К 1725 г. уральские домны превосходили английские по размерам и производительности: Струмилин С.Г. Экономическая природа первых мануфактур // Вопросы истории. 1948. № 6.

⁴ Например, заимствование у англичан новых мехов удвоило производительность домен.

⁵ Восстанавливая разоренные Пугачевым заводы, можно было бы их модернизировать. Однако этого не произошло. Предприятия воссоздали быстро, но в прежнем виде. Крупнейшие уральские заводы были надежно защищены и не пострадали от действий повстанцев. Рост промышленного производства после 1780 г., вызванный расширением внутреннего и внешнего (английского) рынков, а позже – войнами конца века, не привел к технической модернизации предприятий.

*Пришли взамен угля,
А русские и шведы
Плывут теперь к нам зря⁶.*

Рассказ об истории уральской металлургии в XIX в. выходит за рамки данной работы. Однако замечу, что распространенные в научной литературе представления о стагнации промышленности Урала в это время не соответствуют действительности – индустрия развивалась в соответствии с невысоким внутренним спросом на ее продукцию. Не прекратились и связи с европейским рынком – уральское листовое железо для котлов паровых машин в XIX в. пользовалась большим спросом во Франции.

Тем не менее, металлургия, в отличие, например, от текстильного производства, в этот период испытывала спад. Она избежала широкомасштабной промышленной революции, какая произошла тогда на Западе. Именно поэтому русский ученый Д.И. Менделеев, описав колоссальные богатства рассматриваемого мною региона и оценивая его нынешнее состояние, воскликнул: «Спит Урал!».

Урал спал с конца XVIII в. Заводы, раскинувшиеся вдоль рек и вплотную прильзвившиеся к дремучим лесам, породили уральские города, подобно тому, как у нас это сделали замки феодалов. Даже в начале XX в. промышленные предприятия Урала сохраняли старинный облик, напоминая описанный Ильей Эренбургом Гурьевский завод (близ Кузнецка): «На заводских воротах значилось: “Чугуноплавильный и железоделательный завод”. Это было почтенно и комично. Завод был построен в начале прошлого века. Сто лет тому назад люди раздули первую домну. Они клали в нее древесный уголь – кругом была тайга.

Завод был обнесен крепкими острожными стенами с башнями для часовых. Внутри еще можно было различить следы колец: на заводе прежде работали каторжники. Отцеубийцы и государственные преступники, злодеи и мечтатели стояли у неуклюжей печи: они плавил чугун. Об одних писал стихи Пушкин: “Не пропадет ваш скорбный труд!” О других пели блатные песни в ночлежках и на больших дорогах.

За сто лет завод мало переменялся... Вместо вагонеток двигались старые клячи... Деревянный кран подымал болванки. Стены были толстые, окон вовсе не было, и в мастерских стояла темь, как под землей»⁷.

Конечно, не все уральские заводы были такими: проникновение международного капитала, деятельность иностранных специалистов глубоко изменили в конце XIX в. внешний вид отдельных промышленных центров Урала, но они все равно еще хранили черты XVIII столетия.

* * *

Целью данного исследования было изучение не только металлургической экономики, но и порожденных ею социальных изменений. Уральская промышленность была создана государством в безлюдной глуши, где климат оказывал огромное воздействие на человека. Экономический курс Петра Великого, порожденный войной, сохранялся и после смерти царя-реформатора. Поэтому казенная промышленность, доминировавшая в уральской индустрии в течение всего XVIII в., была следствием политических и социальных обстоятельств, сложившихся далеко за пределами Урала. Отсюда вытекают два вывода. Во-первых, государственная промышленная политика осуществлялась на Урале неравномерно: можно выделить 3 периода активизации строительства казенных заводов – 1700-1704, 1722-1727, 1734-1737 гг. Успехи металлургии отчасти зависели от действий царских наместников, Татищева и Геннина, поскольку многочисленные трудности в ходе этого дела можно было преодолеть только с помощью кон-

⁶ Ashton T. The Industrial Revolution, 1760-1830. London, 1948. P.87.

⁷ Эренбург И. День второй [// Собрание сочинений в 8-ми томах. М., 1991. Т.3. С.351].

кретных личностей. Во-вторых, вслед за государством на Урал двинулся частный капитал. Партикулярные заводы развивались более динамично, чем казенные.

Противостояние частной и казенной промышленности нередко принимало довольно острый характер. Баланс этих двух сил, сложившийся при Геннине (1722-1734 гг.), сохранялся недолго. Когда в 1750-е гг. началось массовое строительство частных предприятий в Башкирии, где государство почти не участвовало в индустриализации, они заняли там лидирующие позиции.

Но что же стало с казенной индустрией? В старых промышленных районах государство продало свои предприятия; к 1760 г. у казны оставались только Каменские и Екатеринбургские заводы. Но в это время усилившееся влияние партикулярных людей стало для казенных заводов козырной картой, и даже позволило государству приобрести или выкупить обратно часть предприятий. Во второй половине XVIII в. казна уступила многие казенные заводы частным лицам по чисто символическим ценам. Когда эти заводчики обанкротились, они продали заводы государству обратно, но уже втридорога. Так что казна вновь заняла скромные позиции в уральской промышленности.

Все это было вызвано интригами соперничавших между собой дворцовых группировок. Тогда же начали усиливаться позиции купечества. Промышленная инициатива дворянства, по крайней мере, в сфере металлургии, на Урале ослабла. Первыми заводчиками были бывшие ремесленники, ставшие купцами (Демидовы). То, что некоторые из них (например, те же Демидовы) были возведены в дворянство, а также то, что во второй половине столетия у дворян (Строгановых, Голицыных, Воронцовых и т.д.) появилось много заводов, сути вопроса не меняет: двигателем промышленного развития Урала, особенно Южного, являлась торговая буржуазия и торговый капитал. Большинство средних по размерам предприятий было построено после 1750 г. купцами Твердышевыми, Мясниковыми, Глазовым, Лугининым, Мосоловым, Красильниковым и др., разбогатевшими на торговле между Центральной Россией и Сибирью. Потуги Шёмберга (1734-1740 гг.) и Екатерины II принесли мало пользы заводчикам-дворянам: ограничение прав казны и провозглашение свободы предпринимательства сыграло на руку только купечеству⁸.

Итак, развитие уральской металлургии привело к краху продворянской экономической политики, оказавшейся неспособной противостоять малочисленному купечеству. Купцы-заводчики получили дворянство (среди них были и Демидовы, владевшие наиболее крупными предприятиями). Но если конфликт между дворянами и буржуазией рассматривать только в рамках Урала, а не России, то это была просто семейная ссора.

Более серьезные последствия индустриализация Урала имела для его населения. И именно здесь нужно попытаться решить, или, по крайней мере, поставить ряд проблем, касающихся человеческого фактора.

Главная сложность для партикулярных и казенных заводов заключалась в дефиците кадров (работных людей, лесорубов, углежогов и возчиков). Как ее решали? Какова была роль иноземцев в уральской металлургии в XVIII в.? Каково было соотношение крепостных и свободных работников (т.е. как взаимодействовали друг с другом феодальная и капиталистическая системы хозяйства)? Наконец, насколько крепко рабочие были привязаны к своему домашнему наделу, или, говоря другими словами, имелся ли на Урале пролетариат?

Прежде чем ответить на все эти вопросы, надо выяснить, что представлял собой тогдашний завод.

⁸ Но, как мы знаем, феодальные привилегии заводчиков сыграли первостепенную роль для развития промышленности и их обогащения.

В первую очередь вспомним, что в начале XVIII в. уральские земли в основном принадлежали казне и были заселены свободными крестьянами; крепостные имелись лишь на севере, близ владений Строгановых.

Во-вторых, Урал стал объектом стихийной колонизации со стороны государственных крестьян и беглых крепостных из центра страны. Колонисты различались не только своим правовым положением, но и верой – к концу царствования Петра Великого на Урале появилось много раскольников. К стихийной колонизации со временем добавилась официальная, заключавшаяся в переселении сюда заводчиками крепостных деревень. Завод, дававший работу, как магнит притягивал к себе людей. Но он способствовал и уходу местных крестьян в другие места по мере того, как пытался навязать им заводской труд. Так началось заселение Южного Урала, до XVIII в. почти не затронутого колонизацией и ставшего убежищем для беглых еще до превращения его в промышленный центр.

Наконец, Урал, в частности, Южный, стал объектом российской колониальной политики. Местные этносы, в первую очередь башкиры, сопротивлялись индустриализации. В результате заводы были вынуждены прибегнуть к оборонительным мерам, которые в свою очередь оказали значительное влияние на социальное развитие региона. Я имею в виду не только отношения русских с местными нерусскими народами, но и случаи консолидации всех социальных слоев русских против башкир.

Чтобы нормально функционировать, первые уральские заводы должны были выписать из центра и из-за границы мастеровых и набрать государственных крестьян. При Петре Великом роль иностранцев была велика, но по мере роста численности населения Урала и ликвидации дефицита рабочих рук, а также появлению собственных мастеровых людей, она постепенно стала уменьшаться. В период второго пребывания Татищева на Урале (1734-1737 гг.) заводовладельцы и государство уже опирались на местные кадры, а русские мастеровые почти полностью заменили иностранцев⁹.

На заводах и рудниках в основном трудились каторжники, беглые, крепостные, государственные крестьяне. Законодательство первой половины XVIII в. пыталось окончательно закрепить на заводах различные категории работников, образовав, таким образом, категорию заводских крепостных. Следовательно, индустриализация способствовала расширению сферы применения крепостного права и укрепляла феодальную систему.

Но так было на мелких предприятиях. Лишь на крупнейших заводах (Авзяно-Петровский, Саткинский, Билимбаевский и др.) в 1770 г. работали сотни рабочих; чаще всего персонал предприятий не превышал 100 человек, а маленькие заводики обходились несколькими десятками крепостных. Нужно также иметь в виду свободных вольнонаемных рабочих, государственных крестьян и беглых крепостных, которые еще не были прикреплены к заводам. Свободных крестьян было особенно много на частных предприятиях, и их численность увеличилась во второй половине столетия. Росло и число оброчных крепостных, которым помещик разрешил работать на заводе; заводчик считал их свободными людьми.

Вольнонаемный труд применялся преимущественно на текстильной мануфактуре. Несмотря на присутствие оброчных крепостных и свободных крестьян на металлургических заводах Урала, здешние предприятия сохраняли характерные для остальной России феодальные черты и базировались на крепостной или полукрепостной рабочей силе.

На Урале имелаась и особая категория подневольных людей, которых в конце века назовут «посессионными крепостными». Это были деревни или люди, приобретенные заводчиками-купцами по указу от 18 января 1721 г. Впоследствии этот указ неоднократно менялся, а в 1762 г. вообще был отменен. Однако посессионных крепост-

⁹ Тем не менее, в конце XVIII в. заводы все еще прибегали к помощи английских мастеровых.

ных было много, по третьей ревизии (1762 г.) – около 20000 душ. От обычных крепостных они отличались тем, что принадлежали не заводчику, а заводу. Большинство из них были вспомогательными работниками.

Для вспомогательных работ на домне требовались сотни лесорубов, углежогов, возчиков. Поэтому государственных крестьян заставляли отрабатывать свой оброк заводским трудом. Приписка подчинила заводам все уральское население, но непосредственно на предприятии людей работало мало. В конце XVIII в. уральское крестьянство представляло собой бесправную людскую массу, периодически привлекаемую к сезонным казенным и заводским работам¹⁰.

Таким образом, феодализм эволюционировал на Урале в сторону индустриализации. Он сочетался с новыми, капиталистическими чертами. Государственные крестьяне, привлекавшиеся к вспомогательным работам, стали получать зарплату деньгами, как заводские крепостные и вольнонаемные рабочие. Тогдашняя зарплата настолько зависела от законов рынка, что заводовладельцы для привлечения рабочей силы нередко были вынуждены в ущерб себе платить рабочим высокую плату. Таким образом, на заводе принудительная феодальная барщина сосуществовала с капиталистическим хозяйством.

Именно поэтому индустриализация не привела к появлению настоящего пролетариата. Прежде всего, зарплаты зависели не только от рынка труда. На казенных заводах зарплата десятилетиями почти не изменялась; для государственных крестьян, привлеченных на вспомогательные работы, ее установили в 1724 г. и повысили лишь в 1769 г. после рабочих волнений. Размер зарплат на казенных заводах влиял на оплату труда на их партикулярных собратях, особенно в первой половине века, когда на Урале доминировала казенная промышленность. Это коснулось и заводских крепостных.

Уральские рабочие были одновременно и землепашцами. Тех, кто вообще не имел участка земли, почти не было. Заводчане жили в больших деревянных бараках за пределами завода и возделывали маленькие поля, расположенные по соседству. Рабочими в прямом смысле этого слова являлись мастеровые, возглавлявшие работы на рудниках, домнах и кузницах, и подмастерья. Но их было мало. Большинство заводчан или имели участок земли неподалеку от своего дома, или жили со своими семьями в деревнях. Постоянная занятость на заводе и сезонный характер труда не позволяли крестьянину нормально заниматься сельским хозяйством, но все равно не отрывали его от земли. Поэтому менталитет уральского рабочего был крестьянским. Большинство занятий рабочих, дровосеков, углежогов и возчиков были привычным для них делом, поскольку здешние крестьяне всегда занимались заготовкой леса и извозом.

Имелись и другие причины, препятствовавшие формированию рабочего сознания, в частности, этому мешало наличие в составе православного населения многих тысяч старообрядцев. Так, например, в Невьянске в 1770 г. проживало свыше 4000 человек, и почти все они были раскольники. Поэтому жители Невьянска отличались от других промышленных городов дисциплиной, трудолюбием, строгостью нравов, трезвостью. Несомненно, раскольники сыграли важную роль в восстаниях второй половины века, когда сложился временный союз разных категорий работников. Тем не менее, религиозные различия, особенно заметно проявлявшиеся в быту и нравах, мало способствовали объединению людей, несмотря на сходство их профессиональных занятий и интересов.

Контакты с мусульманским населением Башкирии способствовали формированию у здешних русских собственного самосознания. Безусловно, фактор внешней угрозы консолидировал русское население, но он носил этнический и конфессиональный, а не социальный оттенок. В мирное время уральская экономика активизировала взаимо-

¹⁰ Третья ревизия (1762 г.) учла 150000 приписных крестьян, тогда как все население промышленного Урала (без башкир) составляло 600000-700000 человек.

действие русского и нерусского населения. Так, южноуральские заводы использовали на вспомогательных работах башкир, а русские приписные крестьяне иногда нанимали (за довольно высокую плату) их вместо себя. Но как только между башкирами и русскими начиналась война, последние выступали единым фронтом, а социальные противоречия между рабочими и заводладельцами сразу уходили на задний план.

Таким образом, специфика Урала, несмотря на беспрецедентное для России промышленное развитие этого региона, не способствовала ни образованию пролетариата, ни формированию у заводчан рабочего сознания.

* * *

Однако, несмотря на то, что малочисленность рабочих, различия в их деятельности, менталитете, а также их особый статус исключают применение к ним понятия «рабочий класс», у них все же постепенно складывалась общность интересов.

Относительная изоляция Урала больше, чем где-либо, консолидировала местное русское население. Этот край был слабо заселен, здесь не было крупных купеческих городов, да и сами промышленные предприятия располагались вдали от торговых путей. Поля приписных крестьян принадлежали заводам и урожай с них шел на завод. Другими словами, заводы были как бы древесными стволами, ветви которых опутали почти весь Урал. В результате понятия «завод» и «промышленная работа» оказались тесно связанными с крестьянством. Заводчанин сохранял свой крестьянский менталитет и одновременно чувствовал себя рабочим. Зависимость от завода ощущали все его работники – крепостные и свободные, вспомогательные и мастерские.

Два фактора способствовали развитию и сохранению этого чувства. Прежде всего, надо отметить коллективный характер промышленного труда, объединявшего по профессиональным признакам небольшие группы людей. На вспомогательных работах все было иначе. Рубкой леса, например, занимались команды, оплачивавшиеся сдельно и сами устанавливавшие продолжительность работ. Во-вторых, следует указать на мобильность заводчан: крестьяне постоянно находились в пути, беглые искали работу, вспомогательные работники уходили, или, точнее, бежали с предприятия в дремучие леса, где становились временно свободными. Завод и заводской труд они ненавидели.

В конце концов, эти настроения проявились открыто. С 1754 г. Урал охватили восстания, финалом которых стал Пугачевский бунт – безусловно, крупнейшее событие в русской истории второй половины XVIII в.

Но здесь возникает ряд вопросов, на которые историки до сих пор не могут внятно ответить. Забастовки и рабочие волнения были в России и раньше, но это были эпизодические явления, а народные восстания всегда являлись по характеру крестьянскими. Но теперь мы впервые в русской истории видим массовый рабочий бунт. Конечно, Пугачевщина началась с выступления казаков и нерусских народов, но затем в ней важную роль стали играть рабочие. Восстание Пугачева в некоторой степени оригинально уже тем, что затронуло рабочую среду, где уже более 20 лет шли волнения.

Выше я попытался проанализировать причины этого движения. Признание того, что промышленное развитие, ускорившееся в 1750-е гг., усилило тяготы всего уральского населения, будет самым общим ответом на этот вопрос. Нужно установить эволюцию зарплаты и цен (учитывая также налоговые отчисления), чтобы выяснить, как ухудшился уровень жизни рабочих, что и привело к восстанию. Но недостаток источников позволяет лишь выдвинуть ряд гипотез, основанных на анализе собранных по крупицам сведений. Суть моих предположений сводится к следующему.

Во-первых, начиная с 1750-х гг. наблюдалось общее ухудшение положения рабочих, ставшее результатом того, что размер зарплаты почти не менялся, а цены на продовольствие росли. Рост цен на хлеб, в частности, рожь, начался как раз в 1750 г., усилившись в конце века, а зарплата приписных крестьян, и, следовательно, большин-

ства заводчан, не менялась со времен Петра Великого, едва поспевая (и то с большим опозданием) за постоянным удорожанием жизни. Нужно также учитывать специфику каждого завода и каждой категории рабочих. Если государственные зарплаты на казенных и посессионных предприятиях были стабильными, то на основе только этих сведений нельзя определить уровень жизни рабочих Урала.

Частные заводчики платили рабочим зарплаты, которые могли быть выше государственных, но сведений об этом почти нет. Впрочем, эта разница вряд ли была велика. Основной причиной стагнации размера зарплаты была ее ориентация на установленный государством размер и постепенная ликвидация дефицита рабочей силы. Приток колонистов, вызванный отсутствием свободной земли в Центральной России, был таков, что во второй половине века проблема заводских кадров была решена.

Зарплата, выдаваемая деньгами, не была единственным средством существования для большинства уральских рабочих, что приводило к значительному неравенству в уровне жизни людей на отдельных заводах. Почти невозможно установить общий доход рабочих, имевших вблизи завода клочок обрабатываемой земли. После Пугачевщины заводчики лишь в исключительных случаях – в периоды кризиса или во время строительства новых предприятий – практиковали частичную оплату труда натурой; единственным заводом, где люди получали за работу хлеб, был, по словам Палласа (1770 г.), Кушвинский завод¹¹. Таким образом, рабочие, обрабатывавшие свою землю, – а таковых было большинство – имели дополнительный доход. Раскольники Невьянского и Нижне-Тагильского заводов, население черноземной лесостепной зоны и те, кто держал пчел, жили в относительном достатке; напротив, там, где географические или социальные условия были менее благоприятны – например, на северных уральских заводах – люди болели цингой и прозябали в нищете.

Итак, волнения начались не среди староверов Среднего Урала и не на северо-уральских заводах, а на юге края, т.е. там, где рабочие имели участки земли и вследствие этого получали существенную прибавку к низким зарплатам. Лишь позже, в 1760 г., движение распространилось на северные заводы. Таким образом, исследуя эту проблему, нужно учитывать многие факторы.

Я, конечно, признаю, что социальные волнения прежде всего охватили приписных крестьян, а заводские рабочие присоединились к ним гораздо позднее. Разумеется, одного лишь социального недовольства, вызванного ухудшением жизни заводских рабочих, было недостаточно для возникновения крупного восстания по причине небольшого числа самих работников, суровой дисциплины, царившей на предприятии и тщательному присмотру за людьми. Но быстрое промышленное развитие 1750-х гг. привлекло к заводскому труду все уральское население. На Южном Урале для обеспечения функционирования новых заводов пришлось ввести приписку к предприятиям отдаленных деревень, иногда находящихся за 300-400 верст от Урала. Это совпало с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию, выгодным для крестьян. Таким образом, чтобы понять причины отказа от заводских работ, а затем и вооруженного бунта, нужно учитывать не только то, что крестьян периодически отрывали от земли на многие месяцы – переходы людей из деревни на завод и обратно длились неделями и от этого страдало их домашнее хозяйство, – но и то, что заводские работы наносили ущерб крестьянской экономике. Поэтому крестьяне нанимали вместо себя башкир, платя им за это почти половину того, что они получали бы, трудясь сами на заводе. Таким образом, корни социальных волнений были в сельской, а не в промышленной среде, но,

¹¹ Эта практика получила широкое распространение в конце XVIII в.

охватывая многих работников, они поднимали на борьбу собственно заводских рабочих¹².

В начале восстания рабочие собирались на заводе. Прекращение работ, захват предприятия, вооруженные отряды, патрулировавшие округу, – все это свидетельствовало об организованности рабочих, зарождении у них общего классового сознания. Под влиянием повстанческих агитаторов волнения распространялись вширь; подавленные в одном месте, они немедленно вспыхивали в другом. Поскольку большинство приписных уходило к себе в деревню, это вовлекало в повстанческое движение сотни людей. Из их среды вышли агитаторы и вожди, вставшие через несколько лет во главе армий Пугачева.

Не нужно, однако, забывать, что одновременно с социальными волнениями шло восстание башкир (1755-1756 гг.), которое отвлекало на себя правительственные войска. Отличавшееся от волнений рабочих по своим причинам и характеру, оно, тем не менее, способствовало временному успеху заводских восстаний. Я уже писал, что участие башкир в восстании 1773-1774 гг. ограничило территорию его распространения, придав, однако, ему силу, поскольку основная часть армии Пугачева состояла из представителей этого народа. Социальные движения на Урале проходили в регионе, лишь недавно покоренном и подвергавшемся колониальному угнетению; в этом плане они занимают особое место в истории народных волнений.

Пугачевщина затронула все заводы Южного и частично Среднего Урала, но это не всегда означает непосредственного участия предприятий в восстании. Нападения башкир, уход приписных крестьян остановили большинство заводов, лишь небольшая часть их приняла участие в бунте и работала на Пугачева. Кроме того, старые Невьянские заводы стали оплотом сопротивления самозванцу, из-за чего Пугачев, оставив Яицкую линию, вынужден был отступать в Поволжье. Защитные меры, предпринятые заводскими властями, а также страх русских перед башкирами, обеспечили здесь относительное спокойствие, чего не удалось добиться на Южном Урале, где всюду полыхал бунт.

Пугачевщина имела колоссальные последствия. Она остановила промышленное и социальное развитие Урала. Но в это время в эволюции региона начинают появляться новые черты, что заставляет меня обратиться к эпохе, последовавшей вслед за смертью Екатерины II в 1796 г.

После подавления Пугачевского бунта промышленность была восстановлена настолько быстро, что в 1780 г. Урал вновь обрел свой былой потенциал. Итак, в 1780-е гг. уральская индустрия испытала небывалый подъем, связанный с победой экономического либерализма. Свобода предпринимательства, провозглашенная в 1775 г., напрямую не затронула Урал, где отсутствовали монополии, но косвенно, путем расширения внутреннего рынка, она определила высокий спрос на железо тогда, когда английская промышленность все больше и больше проявляла интерес к российской металлургии. Следует отметить, что именно тогда были устранены последние препятствия для сбыта металлургической продукции. В 1779 г. правительство отменило обязанность заводо-владельцев продавать часть железа государству по ценам 1715 г. и 1728 г., а в связи с тем, что в 1780 г. начался рост цен на металл, продолжавшийся до 1800 г., это принесло значительную прибыль заводчикам. С 1790 г. производители меди уже не должны были продавать государству половину своей продукции по ценам в два раза ниже рыночных.

Промышленный подъем повлек за собой некоторое перепрофилирование заводов и индустриализацию северо-восточного региона, находившегося рядом с развивающимся сибирским рынком. Железодельная промышленность воспользовалась

¹² Повышение зарплат приписных крестьян (указ от 27 мая 1769 г.) и оплата им переходов из деревни на завод и обратно не смогли, следовательно, успокоить народ, тем более что одновременно с этими мерами возросла подушная подать (см. гл. VI настоящей книги).

благоприятной конъюнктурой, и дала новое поколение (третье после Демидовых) заводчиков, самым ярким представителем которых являлся Савва Яковлев. Таким образом, в конце XVIII столетия уральская промышленность находилась на подъеме, скрывавшем ее серьезное отставание от других стран, и который войны в Европе продлят еще на 20 лет.

До 1807 г. юридическое положение рабочих не менялось. Как только самое крупное в истории России социальное выступление было подавлено, правительство и заводчики пришли к выводу, что их военного и полицейского аппарата будет вполне достаточно, чтобы контролировать уральское население. Однако, во второй раз после попыток реформ (впрочем, чисто теоретических), последовавших за восстаниями 1754-1762 гг., внимание общества вновь было привлечено к социальной проблеме. Призрак Пугачевщины витал над всеми дискуссиями о дальнейшей судьбе крепостного права. В 1780 г. была в два раза по сравнению с 1769 г. повышена зарплата приписных крестьян. С середины века заводовладельцы предпочитали все чаще привлекать свободную рабочую силу. Таким образом, институт приписки стал уходить в прошлое с 1760-х гг. и был окончательно отменен в 1807 г.

Социальное спокойствие, восстановленное на Урале после 1775 г., сохранялось 20 лет, но восшествие на престол Павла I породило новую волну забастовок и волнений, которые продолжались до 1806 г. Это были локальные выступления, напоминавшие волнения 1754-1762 гг.; в них опять главным образом участвовали приписные крестьяне. Спорный в экономическом и социальном плане институт приписки исчезнет в 1807 г.: ликвидировавший его указ¹³ затронул 217115 приписных крестьян, 17850 человек были оставлены при заводах и отныне работали только в промышленности, напоминая вечноотданных. Остальные приписные, освобожденные от всякой заводской работы (кроме тех случаев, когда нужно было пополнить состав рабочих), стали государственными крестьянами. Таким образом, указ 1807 г. дал многим рабочим свободу от полукрепостной неволи, которая была следствием развития заводов, но для некоторых он усилил крепостную зависимость от предприятий. Однако – и это самое главное значение упомянутого указа – этот документ способствовал определенной концентрации рабочих вокруг завода и, таким образом, способствовал формированию класса наемных работников. Конечно, вольнонаемные не были полностью оторваны от земли. Но по мере того, как они превращались в вечноотданных, их доходы от сельского хозяйства снижались. Так начал формироваться пролетариат, концентрировавшийся в то время вокруг уральских заводов и положивший конец расточительному использованию людских ресурсов, что было отличительной чертой российской промышленности в XVIII в.

* * *

В своей работе я не смог рассмотреть ряд проблем, которые современное состояние документальной базы и, конечно же, недоступность для меня архивных источников, пока не позволяют решить надлежащим образом.

Не нужно забывать, в частности, что русская промышленность зарождалась в кустарной среде, и что взаимоотношения ранней индустрии и ремесленничества до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Урал в этом плане занимает особое положение. Строительство первых заводов не уничтожило кустарную металлургию – ее ликвидировал промышленный подъем 1720-х гг. Устроив облаву на кустарей, Геннин уничтожил их мгновенно. Но где же тогда крестьяне стали приобретать необходимые им орудия труда? Если в середине века многочисленные фабрики, подчиненные железодельным заводам, изготавливали и предметы повседневного спроса, то ранее все было иначе. Можно предположить существование очень трудного для уральского сельского хозяйства периода, вызванного припиской крестьян к заводам. Имеются лишь

¹³ Указ от 15 марта 1807 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. № 22498).

отрывочные сведения на этот счет, свидетельствующие, может быть несколько преувеличенно, об упадке земледелия. Т.к. прямых и косвенных жертв индустриализации было немного, исчезновение уральского ремесленничества на общероссийском фоне прошло почти незамеченным. Кроме того, в 1730-е гг. кустарное производство орудий сельскохозяйственного труда, кажется, на короткий срок возродилось. В отличие от центра страны, на Урале в XVIII в. не было одновременного развития этих двух форм промышленной деятельности¹⁴. В конце концов, завод поглотил кустаря. Но вероятно ремесленничество вскоре возродилось и окончательно исчезло только в середине века.

Есть много неясного и в другом. Если уральская металлургия в течение всего XVIII в. была на подъеме, то логично допустить, что он продолжался и позднее. Но к 1760-м гг. темпы промышленного роста замедлились; за эйфорией 1780-1790-х гг. скрывался кризис уральской индустрии (см. Таблицу 48). На фоне общего расцвета имели место и негативные явления, но причины их пока неясны. Некомпетентность некоторых заводчиков, для которых завод, управляемый их приказчиками, был лишь выгодным вложением капитала, не объясняет эту проблему. Нельзя забывать, что к тому времени даже самые богатые месторождения меди уже истощились. Почему в 1760-е гг. государство стало покупать убыточные предприятия, хотя для частных заводчиков ситуация в целом была благоприятной? Продукции производилось много, рабочих рук хватало, зарплаты были низкими и почти не росли. Чтобы понять истинное положение вещей, нужно иметь данные, которые в настоящее время во всей совокупности у меня отсутствуют. Общий рост цен в 1750-е гг., затронувший как заводчиков, так и все население, не коснулся, согласно П.Г.Любомирову, рыночной цены металла; напротив, в 1760 г. имелась тенденция к ее снижению. Таким образом, заводчики, вынужденные продавать государству по твердым ценам часть своей продукции, несли убытки. Они были еще выше из-за роста заработной платы. Поэтому выживали и становились прибыльными только те предприятия, которые умело управлялись, а те, что оказывались в нерадивых руках, вынуждены были закрываться или же переходить в казну.

Также трудно объяснить закрытие некоторых заводов в 1790-е гг. Рост стоимости металла здесь был ни при чем, поэтому возможны два объяснения. С одной стороны, повышение зарплаты легло тяжким бременем на партикулярные заводы, поскольку использование вольнонаемных работников (крепостных по сути, но свободных по отношению к заводчикам) стало повсеместным явлением и влияние казенных зарплат исчезло (вследствие их двойного увеличения для приписных крестьян). Но выяснить соотношение роста цен и зарплаты я не смог.

С другой стороны, несмотря на то, что в условиях экономической свободы партикулярный завод все больше и больше прибегал к вольнонаемному труду (на казенном заводе по-прежнему использовали в основном приписных крестьян), становясь как бы капиталистическим предприятием, его техническое оснащение оставалось архаичным. Редкие новшества, введенные на горных заводах в самом конце XVIII в., не спасли

¹⁴ Согласно теории М.И.Туган-Барановского (*Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С.167), ремесленничество не только выжило в условиях промышленного развития, что было характерно для большинства отраслей экономики, но и вследствие этого испытало новый подъем, а затем, вероятно, пришло в упадок. М.И.Туган-Барановский объясняет увеличение в конце XVIII в. небольших кустарных центров расцветом централизованных мануфактур. Мне, напротив, кажется, что сохранение ремесленничества в XIX в. было вызвано развитием национального рынка, поскольку заводы, несмотря на увеличение их численности, не могли удовлетворить внутренних потребностей страны. Изначальной связи между семейным ремеслом и заводом, и зависимости первого от второго не было. М.И.Туган-Барановский строит, впрочем, свои выводы исключительно на анализе текстильной мануфактуры. И.Кулишер (см., например: *Koulicher I. La grande industrie aux XVIIe et XVIIIe siècles: France, Allemagne, Russie // Annales d'Histoire économique et sociale. 1931. III*) частично разделяет мнение М.И.Туган-Барановского по поводу военной мануфактуры в Туле, состоявшей (в течение двух веков – до 1873 г.) из «объединения мелких самостоятельных цехов». Однако этот пример является исключением из правил и не может применяться ко всем металлургическим заводам, и, в частности, к предприятиям Урала.

предприятия от застоя. Имея низкую производительность, которая, согласно Н.Б.Бакланову, даже уменьшилась к 1780 г., заводы все равно приносили большую прибыль в силу дешевизны рабочих рук. Ситуация изменилась только тогда, когда переход к использованию свободных работников сделал невозможным сохранение прежних зарплат. Тогда хозяева заводов стали шире практиковать натуральную оплату. Но решению тогда всех этих проблем помешала Пугачевщина.

* * *

В заключение следует отметить, что уральскую металлургическую промышленность, которая является лишь частью – но важнейшей – хозяйства России XVIII в., нельзя рассматривать вне тогдашней мировой экономики¹⁵. Я пытался сравнивать металлургию в России, Англии, Франции и Германии в технологическом отношении и через призму прогресса. К сожалению, эта проблема очень масштабна и пока мало исследована. С другой стороны, развитие европейской торговли, проявившееся, в частности, в росте экспорта российского железа во второй половине XVIII в., положило конец определенной изоляции России, связав ее с Западом и сделав более доступной для влияния извне. Развитие России, безусловно, шло оригинальным путем, но было бы интересно выяснить, повлияла ли хоть частично на эволюцию этой страны ее интеграция, через механизмы обмена, в европейскую экономику.

Однако все это уже выходит за рамки данного исследования, которое было посвящено главным образом истории уральской металлургии (а отчасти – и всей России) и ее воздействию на рабочих и крестьян.

1 марта 1949 г.

¹⁵ <См.: *Нефедов С.А.* Урал и геополитика XVIII в. // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000>.

РОССИЯ И БАШКИРЫ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1662-1798 ГГ.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Башкиры – немногочисленная народность Советского Союза. Составляя в 1934 г. не более 1/4 населения Башкирской республики (800000 человек), они живут бок о бок с русскими (на сегодняшний день это наиболее значительная часть населения Башкирии), татарами и мордвой, которые начали проникать сюда со Среднего Поволжья еще в XVII в.

Несмотря на это, башкиры сыграли в истории России очень значительную роль, в основном благодаря стратегической важности своей территории. Занимая территорию от бассейна Белой до Перми, а на северо-востоке – до Исети, башкиры во второй половине XVI – XIX в., т.е. до завершения русской экспансии в Среднюю Азию, были приграничным с Россией народом. В XVIII в. они тесно взаимодействовали с близкими по происхождению, языку и религии степными этносами.

В отличие от вогулов, мордвы, татар и черемисов башкиры не были российским анклавом. Они занимали как бы коридор между русскими и народами Средней Азии. У русского правительства были вполне нормальные отношения с башкирскими вождями, поскольку в то время оно старалось избегать с ними и с Туркестаном военных конфликтов и торговых контактов.

Башкирия – это часть Урала, региона, который в XVIII в. и по числу и по значимости имевшихся там горных заводов не имел аналогов в Европе. Промышленное освоение привело к возникновению после 1750 г. в бассейне Белой горных заводов (главным образом медеплавильные), куда начали массами переселяться люди. В почти безлюдную Башкирию, населенную полукочевыми скотоводами на юге и полуседлыми охотниками и сборщиками меда на севере, еще в XVII столетии хлынул поток землепашцев, как русских, так и нерусских, а также заводских работных людей. Поэтому горные заводы оказывали влияние на отношения русского правительства с башкирами, и достижение в этом процессе стабильности не привело к улучшению положения башкирского народа. «Башкирский вопрос» был постоянной проблемой для русских властей. Находившаяся вблизи Средней Азии и богатая природными ресурсами, Башкирия представляла для Российской империи лакомый кусок.

Русское правительство заинтересовалось Башкирией уже на заре индустриализации Урала. Башкирская проблема была решена между 1662/1663 гг. (первое крупное башкирское восстание) и 1798 г. (перевод башкир в военно-служилое сословие). Именно эти две даты являются хронологическими границами моего исследования. Но сначала вкратце расскажу о Башкирии накануне XVIII в., поскольку без этого невозможно будет понять ее дальнейшую историю. К сожалению, источников, относящихся к XVII в., очень мало, но и по ним можно получить общее представление об эпохе.

Я не буду излагать историю отношений русского правительства с башкирами, а постараюсь показать, к чему это привело. Встреча с русскими коренным образом изме-

* <Во французском оригинале – «Russes et Baškirs aux XVIIe et XVIIIe siècles (1662-1798)», рукопись (201 с.), хранящаяся в виде машинописного экземпляра в архиве парижского Института славянских исследований (сдана Р.Порталем на хранение 19 октября 1949 г., инв. № 109) и являющаяся неопубликованной частью книги «Урал в XVIII веке». Ее ксерокопия была получена Центром этнологических исследований УНЦ РАН от французских коллег в 1999 г. С.173-201 рукописи содержат в качестве приложения перевод на французский язык текстов указов от 11 февраля 1736 г. и 10 апреля 1798 г. В настоящее русское издание они не включены. Нами также не публикуется приложенная к рукописи карта «Башкирия к 1767 г.», поскольку в отечественной литературе имеются многочисленные аналогичные картографические материалы. Перевод с французского Л.Ф.Сахибгареевой>.

нила жизненный уклад башкирского народа. Каким образом башкиры перешли от кочевого и полукочевого хозяйства к оседлости? Какова была степень вовлеченности башкир в новые для них занятия – земледелие и промышленность? Как, наконец, родоплеменное устройство башкирского общества постепенно трансформировалось в территориальное? Без ответов на эти вопросы невозможно понять влияние политики царизма на экономическую, социальную и политическую жизнь башкир.

В колонизацию оказывается втянутым все общество. Известно, что всякое завоевание одним народом другого не только устанавливает между ними связи, но и способствует постепенному сближению колонизаторов и побежденных. Однако в России это было не так. Любое покорение, насильственное или мирное, военное или осуществляемое простыми людьми, приводит к тому, что различные социальные группы, объединенные по тому или иному общему признаку, противопоставляются друг другу. Положение русского крепостного в Башкирии, работавшего на помещика или заводовладельца, было схожим с положением простого башкира, зависимого от своего бая. Вероятно, именно это привело к сходству интересов простых русских и рядовых башкир.

В истории России было немало крестьянских восстаний. К ним относятся и волнения на Урале в XVIII в. Социальные противоречия имелись как внутри башкир, так и среди русских. Иными словами, колониальный гнет и внутриэтнические конфликты были настолько взаимосвязаны, что зачастую приводили к возникновению союза башкир и русских на классовой основе.

Конечно, имели место и факторы, разобщавшие русских и башкир. Скорее всего, это были этнические различия, религия, а также разный уровень развития обоих этносов. Русские чиновники считали башкир людьми второго сорта, но не такими, как русские крепостные. Каков был характер отношений, установившихся между русскими и башкирами (точнее, между их различными социальными категориями); как оценить русское влияние на башкир; что способствовало развитию региона, и что привело к его упадку в ходе интеграции в Россию – вот проблемы, которые будут рассмотрены в данной работе.

Интерес к этим вопросам в научном мире огромен, несмотря на колоссальные трудности, с которыми сталкиваются исследователи. Изучением народов, составляющих сегодня многонациональное Советское государство, занимаются целые коллективы ученых. Так, в 1946 г. в СССР на обсуждение был представлен подробный проект написания истории башкирского народа¹, но его отвергла специальная комиссия. Как сообщалось в советской печати, это произошло по двум причинам: во-первых, авторы проекта чрезмерно преувеличили значение конфликтов между русскими и башкирами, не показав того, что спустя 150 лет породило общее чувство любви к советской родине; во-вторых, авторский коллектив недостаточно подчеркнул прогрессивную сторону присоединения Башкирии и его роль для развития культуры башкир. Отсюда можно сделать вывод, что авторы этой так и не написанной книги рассматривали покорение края негативно.

Таким образом, на обсуждение представленного проекта к чисто научной проблеме оказались примешанными политика, а также явный славянский национализм. Однако, сделанные комиссией замечания обратили внимание на проблемы, которые далеко выходят за пределы Башкирии и поэтому привлекают особый интерес к истории башкир. Мое исследование, касающееся некоторых проблем российского колониализма, носит предварительный характер, и ограничено XVIII в. Я попытаюсь сравнить российскую колониальную политику с рядом других колониальных империй того времени, чтобы выявить ее специфику.

¹ См.: Устюгов Н.В. В институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. №№ 8-9.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Источники

К сожалению, мне не были доступны советские архивы и сборник документов «Пугачевщина» (М.; Л., 1926-1931. Т.1-3).

Замечательным подспорьем для меня явилась первая часть «Материалов по истории Башкирской АССР» (М.; Л., 1936), охватывающая период 1633-1742 гг. В нее вошли ранее не публиковавшиеся источники.

Вступлением к «Материалам...» служит обширная статья А.П.Чулошникова «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.», основные положения которой затем были повторены в его книге «Восстание 1755 года в Башкирии».

Кроме того, в «Материалах...» можно найти аннотированную библиографию трудов по истории башкир, изданных в XVIII-XX вв., которая, на мой взгляд, носит исчерпывающий характер².

«Материалы...» также содержат хронологический список всех законодательных актов (включая указы) о башкирах периода 1572-1798 гг. Книгу органично дополняют «Указатель личных имен», «Указатель географических названий» и «Предметный указатель». «Предметный указатель» состоит на 6 рубрик: 1. «Башкирия и экономический быт ее основного населения»; 2. «Социальные отношения в Башкирии»; 3. «Башкирия как колония»; 4. «Восстания башкир»; 5. «Подавление восстаний и феодально-крепостнический террор царской России в Башкирии»; 6. «Малопонятные слова». Первая рубрика состоит из следующих подразделов: 1. «Страна» (здесь дан список терминов, отсылающий к различным страницам сборника: «аймак», «кибитка», «тюба», «юрта»); 2. «Хозяйство» («звери», «ловли звериные»); 3. «Меры (веса)»; 4. «Одежда»; 5. «Торговля» («пошлины таможенные», «товары продажные» и т.д.); 6. «Средства сообщения».

Единственный недостаток «Материалов...» – это невысокое полиграфическое качество приложенной к книге карты «Восстания башкир в XVII в. и первой половине XVIII в.» (к тому же сильно перегруженной текстом), что затрудняет ее использование в работе.

* * *

Основные законодательные акты о башкирах имеются в «Полном собрании законов Российской империи». Часть документов цитирует С.М.Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» (Т.14-29). Много источников собрано в книге В.Н.Витевского «И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» (Казань, 1897. Т.4).

Сведения об участии башкир в восстании под предводительством Пугачева можно почерпнуть из «Истории пугачевского бунта» (СПб., 1834. Ч.1-2) А.С.Пушкина, из сочинения Н.Дубровина «Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II: 1773-1774 гг.» (СПб., 1884), в журналах «Красный архив» (М., 1922-1941), «Русская старина» (СПб.; Пг., 1870-1918), «Русский архив» (М., 1863-1917), а также в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М., 1846-1918);

Укажу еще на «Топографию Оренбургскую» (СПб., 1762) П.И.Рычкова, а также сочинения путешественников, исследовавших в XVIII в. Южный Урал:

² <В действительности работ о башкирах, опубликованных в XVIII – первой трети XX вв., намного больше>.

Паллас П.С. Указ. соч.; Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1821-1822. Т.III. Ч.II; Т.IV. Ч.III;

Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествий капитана Н. Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. Ч.1-2;

Он же. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи, 1771 году. СПб., 1772.

Наконец, ряд источников по теме издан в «Архиве князя Воронцова» (М., 1870-1895. Кн.1-40).

Исследования

В основе данной работы лежат три исследования о восстаниях башкирского народа до Пугачевщины, показывающие всю сложность тогдашней экономической, социальной и политической ситуации в регионе:

Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. 1937. Т.1.

Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. 1947. Т.24.

Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.

Что касается восстания 1735-1739 гг., то оно пока изучено лишь фрагментарно:

Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 годах. Оренбург, 1900 (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 8).

Как я уже отметил, попытка написания коллективного труда по истории башкирского народа, предпринятая группой исследователей, курируемых Институтом истории Академии наук СССР, не пошла дальше составления подробного проекта, подвергнутого в 1946 г. суровой критике со стороны специальной комиссии. О том, как современные советские историки оценивают взаимоотношения между русскими и башкирами в XVIII в., можно узнать из статьи Н.В.Устюгова (см.: Вопросы истории. 1946. №№ 8-9).

Я также использовал следующие работы:

Алекторов А.А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883;

Атнагулов С. Башкирия. М.; Л., 1925 (Неплохая научно-популярная брошюра, кратко излагающая основные этапы истории башкирского народа);

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч.2;

Лёвшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей. СПб., 1832. Ч.2;

Попов Н. Татищев и его время. М., 1861;

Порталь Р. Башкиры и Россия в XVIII в.³;

Семенов П.П. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье;

Флоринский В.М. Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т.6;

Hudud al-'Alam (The regions of the world: a Persian geography 372 B.C.-982 A.D.) / Translated and Explained by V.Minorsky. London, 1937;

Portal R. Pugačev: une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne et contemporaine. Paris, 1947. Т.1.

Глава I БАШКИРИЯ В КОНЦЕ XVII В.

Происхождение, язык и религия башкир. – Раздробленность башкирского народа в начале XVI в. и его объединение под российским протекторатом в 1552 г. – Специфика российского протектората в Башкирии, его политические (отношения башкир с народами Сибири и Средней Азии) и финансовые особенности (ясаки). – Формы протектората (управление башкирами с помощью башкирской аристократии); тарханы. – Появление в Башкирии городов, трактов, оборонительных линий и крепостей. – Слабая заселенность Башкирии. – Экономика и социальная структура башкирского общества. – Племенная организация и кочевая феодальная аристократия у башкир. – Промыслы (собирательство), полукошечное

³ <См. настоящее издание>.

скотоводство, набеги. – Правительственная и стихийная колонизация: появление в крае служилых людей, русских и нерусских переселенцев. – Различный подход правительства к русским землевладельцам и башкирам. – Период межнационального мира в регионе. – Восстание 1662-1663 гг. – Его основные причины (усиление налогового гнета), особенности (запрет прибыльных набегов на степных соседей). – Отказ башкир от признания власти царя и их сепаратизм. – Итоги восстания: военный упадок башкир и ослабление солидарности между мусульманскими народами. – Карательные меры со стороны русского правительства.

Насколько можно судить, у башкир мажарские корни⁴, но еще до своего прихода на Урал они подверглись тюркизации⁵. От арабов башкиры переняли ислам, сохранив, тем не менее, пережитки язычества. После взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. история башкир стала составной частью российской истории.

В то время башкиры были раздроблены: на западе они находились в зависимости от Казанского, в центре – от Ногайского ханств, на востоке были подданными сибирского хана Кучума. Но сходство религий и родство языков во многом способствовали сближению тюркских степных народностей, феодальная организация которых препятствовала созданию государств со строго определенными границами. Так что разделение башкир на три части было, вероятно, условным. Русская экспансия, проходившая в 1552-1582 гг. в три этапа (сначала – падение Казани, затем – подчинение ногаев и, наконец, захват Западной Сибири), привела к политическому объединению башкир⁶.

Следы былой раздробленности края сохранились в названии административных единиц – так называемых «дорог». Башкиры были рассредоточены по четырем «дорогам» – Ногайской (бассейн р. Белой) в центре и на юге, Казанской (бассейн нижней Белой и Ика) на западе, Сибирской (горная Башкирия) на востоке⁷ и Осинской (очень узкая зона к северу от Уфы). Но об этом разделении на дороги знали только русские власти. Башкиры тогда об этом даже не догадывались, и то, что границы расселения башкирских племен примерно совпадали с границами дорог, было делом рук русской администрации. У башкир не было ни городов, ни своей столицы, а народные собрания, периодически созывавшиеся их вождями для решения политических вопросов, проходили, как у всяких кочевников, в открытом поле. До начала XVIII в. Россия не вмешивалась во внутреннюю жизнь башкир.

После падения Казани башкиры, как того требовала степная традиция, попросили у русского правительства защиты от внешних врагов. Несомненно, что на первых порах русский протекторат был для башкир выгодным: с его помощью башкирские лидеры могли влиять на русского царя, стремившегося к покорению Сибири. Поскольку в отношениях между башкирскими племенами и степными народами важную роль играли военные набеги, то, опираясь на Россию, башкиры надеялись показать южным кочевым соседям свою силу.

Русский протекторат до конца XVII в. носил в целом формальный характер. Не вмешиваясь во внутренние дела башкир, царь при помощи их же аристократии взимал ясак натурой (пушниной или медом) или деньгами, иногда привлекая общинников на временные работы. До прихода русских башкиры платили ясак сибирским, казанским и ногайским ханам, но тогда это была исключительно натура, причем каждый башкир

⁴ Hudud al-'Alam. P.318-319.

⁵ <Такая точка зрения была распространена в тогдашней зарубежной историографии. Сегодня установлено, что основу башкир составляют тюркские компоненты при участии финно-угорского субстрата. Подробнее см.: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1996; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974>.

⁶ <См.: Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982>.

⁷ Башкиры Исетской провинции, географически тяготеющие к Сибири, составляли отдельную группу.

должен был отдать шкурку лисы, бобра, куницы. Русское же правительство брало ясак деньгами и со «двора», под которым понималось несколько семей⁸; исключения были сделаны лишь для некоторых низших социальных слоев. Благодаря этому налоговый гнет первое время был для башкир весьма легким.

Сначала Башкирия подчинялась так называемому Приказу Казанского дворца⁹, а с 1586 г., после основания Уфы, ставшей административным центром края – обособившемуся здесь воеводе (Уфа долгое время оставалась единственным городом в крае: Бирск получил этот статус только в 1663 г., а до этого оставался селом)¹⁰. Русская политика по отношению к Башкирии была очень осторожной, иначе башкиры могли уйти на юг и признать сюзеренитет казахских ханов.

Чтобы воспрепятствовать этому, русские начали строить в крае крепости и установили надзор за местным населением. Постепенно власти стали ограничивать его свободу. Царь Иван Грозный, принимая башкир под свое покровительство, выдал им жалованную грамоту на вечное владение землями Башкирии¹¹. Впоследствии, в XVIII в., башкиры, протестуя против русской колонизации, постоянно ссылались на этот документ. Составленный в общих словах, царский указ по разному понимали полукочевые башкиры, нуждавшиеся в огромной территории и, следовательно, претендовавших на всю Башкирию, и пришлые землепашцы (как русские, так и нерусские), также претендовавшие на здешние пространства.

Малочисленные и рассеянные на большой территории, башкиры не сразу ощутили последствия переселения к ним русских, татар, мордву и марийцев со Среднего Поволжья¹². Правительство, желая установить регулярный сбор ясака, составлявшего в XVII в. значительную часть российского бюджета, старалось удержать башкир от выступлений против переселенцев, и требовало от воевод не дробить башкирские волости¹³. Следует заметить, что ясак платили (по крайней мере, в XVIII в.) только башкиры, жившие вокруг городов Уфы, Бирска, Осы¹⁴. Поскольку русское правительство стремилось охватить сбором налогов все башкирское население, оно не нарушало права башкир в тех волостях, где взималась подать (в так называемых «ясачных угодьях»). Таким образом, до поры до времени колонизация, вероятно, не представляла большой угрозы для башкир.

Регулярно платить налоги можно было только в условиях стабильности. Сохранив социальную организацию башкир, русское правительство поручило их племенным вождям поддерживать порядок и защищать Башкирию от казахских набегов. Еще до прихода русских часть башкирской элиты имела привилегии. Это были так называемые «тарханы» – служилые люди, имевшие свою дружину. Россия сохранила их для собственных нужд. Ниже я подробно остановлюсь на этом, а пока лишь замечу, что вследствие тогдашней слабости колонизации края вплоть до конца XVIII в. контакты между русскими и башкирами происходили преимущественно на уровне элит, т.е. представителей российской администрации в Башкирии и глав башкирских племен.

Тем не менее, взимание налогов породило недовольство, встревожившее русские власти. Появление в Башкирии небашкирского населения с Поволжья после взятия Казани сделало оседлые народы и полукочевников соседями. Кроме того, переселенцы

⁸ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.59.

⁹ Архивы этого Приказа, как и ясачные книги, не сохранились. У исследователей нет также никаких сведений о русской администрации в этих районах в XVI-XVII вв.; имеются лишь копии наказов воеводам, относящиеся к XVIII в.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.31 и сл.

¹⁰ <Р.Порталь ошибается: Башкирия (Уфимский уезд) вплоть до начала XVIII в. оставалась в ведомстве Приказа Казанского дворца>.

¹¹ Алекторов А.А. Указ. соч. С.6.

¹² <См.: Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв. М., 1988>.

¹³ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.33.

¹⁴ Попов Н. Указ. соч. С.162.

в какой-то степени были близки башкирам по религии и этническим корням. Первое время поселившиеся в крае татары, чуваш и марийцы способствовали усилению позиций башкир по отношению к русскому правительству. Поэтому уфимские власти, стремившиеся не допустить конфликта, не вмешиваясь напрямую во внутренние дела Башкирии, содержали в ней своих тайных агентов, информировавших об умонастроениях местного населения. Русские власти также запретили продавать башкирам оружие (сабли, шлемы, наконечники стрел) и последние теперь были вынуждены покупать даже топоры, косы и серпы на казанском рынке. Покупать сразу много орудий труда и создавать их значительные запасы не разрешалось¹⁵. Это привело к упадку у башкир кузнечного дела. Такая политика преследовала цель не только сделать регион безопасным, но и исходила из коммерческих интересов: казанские купцы стремились закрепиться в Башкирии.

В XVII в. русское правительство влияло на башкир не прямо, а косвенно. Одним из продуктов питания этого полукочевого народа была соль, но соляными копиями Илека (левый приток Яика) владели тогда казахи¹⁶. Башкиры могли добывать соль только на севере, опираясь на помощь Строгановых, также заинтересованных в башкирском рынке. Соляная проблема позволяла русскому правительству воздействовать на башкирских племенных вождей.

С XVII в. Россия начала проводить унификацию управления краем, что проявилось в резком увеличении размера налогов. Власти хотели заставить всю Башкирию платить налоги, но по-разному подходили с этим вопросом к башкирам и русским. Когда в 1633-1634 гг. правительство для финансирования Смоленской войны решило ввести «пятину» (налог в форме 1/5 части имущества налогоплательщика), оно безоговорочно обложило ей населявших Башкирию русских. Одновременно уфимскому воеводе было рекомендовано выяснить, не прибегая при этом к силе, как башкиры отнесутся к увеличению размера собираемых с них налогов. Поэтому налоги, которые платили башкиры, больше походили на добровольные пожертвования, которые почти не отражались на их экономике. Конечно, дефицит бюджета толкал русское правительство к увеличению размера взимаемого с башкир ясака, но как обстояло это на практике – источники умалчивают.

Итак, русские власти стремились черпать из Башкирии финансовые и материальные ресурсы, и при этом добиваться ее спокойствия. Русский колониализм, тогда еще очень слабый, заключался в строительстве в Башкирии мостов на дорогах, уходивших в Среднюю Азию. Лишь Закамская линия¹⁷ защищала тогда Россию от Башкирии, и то лишь с востока. Башкирия в то время была своеобразным буфером, где имелись анклавы небашкирского населения, а также несколько крепостей на случай возникновения здесь кризиса.

То, что переселенцы спокойно прожили здесь свыше 100 лет, игнорируя при этом русские власти и башкирских вождей, объясняется малой плотностью населения края. К сожалению, в имеющихся источниках нет никаких данных о численности башкир в XVII в. Первая и крайне неточная подворная перепись населения Башкирии была проведена в 1730-1740-е гг. В 1737 г., когда правительство попыталось обложить налогами все население края, выяснилось, что учета налогоплательщиков до этого не велось. Уфимский воевода С.В.Шемакин докладывал 8 ноября 1737 г. в Сенат: «В Уфимской правинцы по душам иноверцом описи издревля не бывало и ныне нет». Суще-

¹⁵ Наказ 1664 г. уфимскому воеводе Ф.И.Сомову см.: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.32-33.

¹⁶ В начале XVIII в. российское продвижение в Среднюю Азию положило конец казахским набегам в районе Илека и способствовало тому, что соляные рудники оказались в руках башкир.

¹⁷ Есть две Закамские линии: Старая тянется вдоль низовьев Черемшана, Новая, построенная в начале XVIII в., расположена немного выше к западу, вдоль реки Сок.

вали ясачные книги по дорогам, волостям и деревням в целом, но не по отдельным лицам¹⁸. Первые более или менее достоверные данные о численности населения региона датируются 1750 г.¹⁹ Чтобы получить представление о населении Башкирии накануне XVIII в., я вынужден, таким образом, опираться на эти цифры.

К 1750 г. общая численность населения Башкирии составляла от 185000 до 336896 человек (из них 106176 – башкиры)²⁰, в среднем – 250000 человек, а в действительности – еще больше. Сомнительно, чтобы число жителей Башкирии смогло резко увеличиться за 50 лет: террор в ходе восстаний и вызванное этим бегство башкир со своей родины значительно тормозили естественный прирост местного и иммиграцию пришлого населения. Но, если даже допустить, что к 1750 г. на этой территории в 150000 кв. км проживало 300000 или даже 400000 чел., то и тогда плотность населения не должна была не выше 2 чел. на кв. км. Следовательно, Башкирский край в то время представлял собой безлюдную, почти безопасную для человека пустошь, привлекавшую русских крестьян. Русский протекторат не испытывал здесь особых проблем и лишь малочисленность населения Башкирии создавала для правительства определенные трудности.

* * *

Хозяйственный уклад и социальная структура башкир не были однородными. Башкиры жили в лесостепи. На юге занимаемой ими территории доминировало коневодство, а также разведение крупного рогатого скота (в здешнем хозяйстве имелись даже верблюды), ближе к северу преобладали охота на пушного зверя и птиц, бортничество (столь живописно описанное Палласом²¹), а также сбор дикого хмеля. Башкиры скорее были полукочевниками, чем настоящими номадами: зимой они жили в примитивных жилищах, а весной выезжали на пастбища, поскольку большинство из них занимались скотоводством; даже на севере оседлого населения было мало. Наличие охоты и собирательства свидетельствует о полуоседлом образе жизни башкир, поэтому в XVII в. у них имелись лишь зачатки земледелия²².

Тогдашний тип башкирского хозяйства был вызван не только природными условиями. Соседство с Башкирией кочевых народов, естественно, сдерживало развитие здесь земледелия. У казанских татар, проживавших далеко от Яика, и, следовательно, избегавших набегов кочевников, хозяйство было более развитым, чем у башкир. Земледелие в Башкирию принесли русские и поволжские турки²³. В силу того, что край до XVIII в. был мало заселен, слабые в военном отношении башкирские племена стремились держаться поближе к русским крепостям. Вскоре после основания Уфы башкиры стали строить рядом с ней свои зимние избы. Летом они уходили на пастбища, но не далее 10 верст от города. Башкиры ушли из-под Уфы только тогда, когда русские власти наделили служилых горожан землей вокруг нее. Однако башкиры кочевали уже на незначительные расстояния²⁴. Если учесть, что русских крепостей в крае было мало, и в любой момент здесь мог вспыхнуть конфликт, то указанные выше факты свидетельствуют о начале перехода башкирского народа к оседлости.

Но в целом башкиры все же оставались по натуре кочевниками, совершая грабительские набеги на казахов в среднем течении Яика. Грабеж был составной частью

¹⁸ Попов Н. Указ. соч. С.162.

¹⁹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.34.

²⁰ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.7. В это же время русское население составляло 100000-200000 душ. В начале XVII в. его едва насчитывалось несколько тысяч человек, и может быть, тысяч десять к концу столетия.

²¹ Паллас П.С. Указ. соч. С.22-24.

²² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.43.

²³ <Имеются в виду татары, мишари, тептяри, чувашы>.

²⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.60.

хозяйства башкир и приносил успех, поскольку за башкирскими биями стояла Россия. Русское правительство безуспешно пыталось пресечь эти разбои, продолжавшиеся вплоть до второй половины XVII в., и даже во время башкирского восстания 1662 г. Совершив очередной набег, башкиры уходили на север, куда казахи уже не могли добраться. Русские власти тогда действовали подобно правительству Испании, которое, не сумев недавно остановить кочевников Рио-де-Оро, вторгшихся в Испанскую Сахару, тем не менее, запретило своей коннице их преследовать.

У башкир было еще кузнечное дело, удовлетворявшее нужды домашнего хозяйства. До XIII столетия в Башкирии плавилы металлы, и в XVIII в. русские горные заводы нередко возобновляли разработку древних «чудских» медных шахт²⁵, но затем это ремесло пришло в упадок. Тем не менее, башкиры продолжали ковать железо. Башкирских кузнецов называли «заводчиками» (этим же термином обозначали русских заводовладельцев XVIII в.). Вероятно, у башкир XVII в., скорее всего, были сезонные сельские кузницы, где зимой, после возвращения с кочевки, они плавилы металл в примитивных печах, подобных тем, которыми пользовались еще в начале XX в. таджики.

Военный образ жизни башкир отразился на их социальном устройстве, являвшем собой кочевой феодализм. Башкирские аристократы возглавляли и дружины, состоявшие из родственников, и общины. Еще в XVIII в. башкирские вожди приезжали на народные съезды «с своим собранием». Когда в 1738 г. вожди восстания Сеит-бай и Рысай-бай пришли изъявить покорность в Табынск, то первый прибыл в сопровождении 20, а второй – 80 «человека, с своими братьями, сыновьями и с протчими свойственниками и подлым народом»²⁶.

Башкирская аристократия составляла в племенах, где уже зарождалось социальное расслоение, своеобразную иерархию. На ее вершине находились «князья», «мурзы» («мирзы»), тарханы, бай, батыры, старосты, старшины и муллы, а внизу – так называемые «лучшие башкиры».

О социальной структуре башкир, с ее тюркскими и русскими названиями титулов, известно немного. Одни из титулов существовали еще до прихода русских, другие, напротив, присваивались башкирам русскими властями и давали их обладателям незначительные привилегии. Это отражало разницу между вотчиной и поместьем, которая, впрочем, в XVII в. имела больше юридическое, чем экономическое значение и полностью исчезла в начале XVIII столетия. Данное различие, однако, имело важные последствия: в то время как русское правительство признало башкирских вождей и батыров в качестве особой социальной прослойки, переселенцы-феодалы получали землю в личное пользование, приближаясь по своему статусу к русским помещикам²⁷.

В ходе колонизации Башкирии на одном социальном уровне с башкирскими князьями, тарханами и батырами оказалась пришедшая феодальная элита (в частности, татарские феодалы), занявшая высокое общественное положение и ставшая опорой царской власти, которая либо сохранила ей старые, либо предоставила новые привилегии.

Именно переселенческая элита стала посредником между русским правительством и башкирами. Тарханы, освобожденные от уплаты налогов в обмен на свою военную или дипломатическую службу, не только были обязаны охранять границу от казахов, но и участвовать во всех русских посольствах в Среднюю Азию и в Сибирь. Это давало тарханам огромные привилегии по сравнению с остальным населением. Судя по документам XVIII в., русское правительство признало право тархан на пользование вотчинными владениями («пашню пахать, сено косить, скот и лошадей пасть, в водах рыбу ловить»), кроме бортных урожаев и бобровых гонов. Таким образом, вхождение

²⁵ Флоринский В. Указ. соч.

²⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.39.

²⁷ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.9 и сл.

башкир в состав России ускорило распад у них родоплеменного строя и облегчило присвоение вотчинных владений их предводителями, ставших теперь настоящими помещиками.

Башкирские старшины, стоявшие на низших ступенях феодальной иерархии, собирали для русского правительства ясак. У них были несколько меньшие, чем у тархан, привилегии. Сбор ясака, по-видимому, давал средства к существованию: когда в 1738 г. в своем проекте по устройству Оренбургской губернии Татищев ввел для старшин и «сотников», взимавших ясак, жалование в 1-2 коп. за каждого ясачника, он, вероятно, лишь узаконил прежнюю традицию²⁸.

Характер отношений башкирских феодалов с общиной пока не ясен. В частности, неизвестно, сколько человек находилось под властью того или иного племенного вождя. В 1798 г. в указе, поделившем башкир на кантоны, приводился перечень старшин и количество подчиненных каждому из них дворов – 100-300. Но, как мы увидим далее, число старшин к тому времени увеличилось, а племена распались в XVIII в. на более мелкие группы. Поэтому можно допустить, что в конце XVII в. старшины были более влиятельны и им подчинялись по меньшей мере несколько тысяч человек. Над простыми старшинами стояли «главные старшины», называемые иногда «тарханами», возглавлявшие по несколько племен.

Опираясь на нормы обычного права, башкирские вожди собирали оброк (натурой, деньгами и работой) не только с башкир, но и переселенцев, а иногда даже с русских крестьян. У башкир имелись еще туснаки – разорившиеся должники, вынужденные продать себя и свои семьи в рабство²⁹. Для основной массы башкир повинности, помимо феодальных сборов и ясака русскому правительству (1% отходил старшинам и тарханам), ограничивались десятиной, выплачиваемой мусульманскому духовенству, обязанностью являться с оружием на войну и участвовать в облавной охоте.

В XVII в. внутри башкирского общества началось социальное расслоение, которое продолжалось вплоть до середины следующего столетия. К сожалению, об имущественном состоянии некоторых башкирских вождей я могу судить лишь по данным XVIII в. Так, в 1740 г. восставшие башкиры отобрали у тархана Исмаила Мундырова «200 лошадей, 30 коров, 40 овец», а также много денег (башкирские аристократы занимались продажей меда, воска, пушнины и скота)³⁰. У отдельных тарханов было по несколько тысяч лошадей. Именно размер поголовья скота позволяет приблизительно оценить богатство того или иного башкирского вождя. Один тархан в среднем имел 1000 лошадей, столько же баранов и несколько сотен голов крупного рогатого скота³¹, не считая коз, а на юге Башкирии – еще и верблюдов. Батыру принадлежало не менее 500-1000 голов лошадей, у менее знатных аристократов их было 100-500, а численность баранов была примерно равна количеству голов крупного рогатого скота. Старшины, приравненные к тарханам, занимали промежуточное положение между тарханами и батырами³².

Насколько применимы эти данные к началу XVIII в.? Если допустить, что классовое расслоение, начавшееся в XVII в., действительно усилилось к 1730 г., то не-

²⁸ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.42.

²⁹ Русское правительство вынуждено было принять меры, ограничивающие рост этой категории населения, тем самым единственный раз в XVII в. прямо вмешавшись во внутренние дела башкир (Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.40-41). Но даже в 1737 г. эта проблема все еще была не решена.

³⁰ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.12; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.1. С.405.

³¹ Соотношение числа лошадей к числу крупного рогатого скота в башкирских стадах было обычно 2:1.

³² А.П.Чулошников (Восстание 1755 г. в Башкирии. С.12-13) заимствует эти цифры у И.Г.Георги (Указ. соч. С.98).

обходимо признать: восстания 1662-1664 и 1704-1730 гг., а также массовая конфискация лошадей для нужд Северной войны, скорее всего, затормозили процесс обогащения башкирской аристократии. Таким образом, эти цифры позволяют оценить не только собственность, но и экономическое могущество башкирской элиты к 1700 г. и процесс разложения древней племенной общины у башкир.

Однако было бы неверно вслед за советскими историками представлять башкирских феодалов неким монолитом, противостоявшим рядовым общинникам. Даже в условиях социального расслоения башкиры продолжали сохранять внутриплеменную сплоченность. К тому же русское правительство предоставляло привилегии не всей аристократии: «служивыми» считались лишь абсолютно преданные русским (хотя иногда и нарушали свою клятву) и занимавшие высшие ступени социальной лестницы лица. Следовательно, от уплаты ясака освобождались далеко не все феодалы. И, наконец, башкирские вожди весьма своеобразно понимали власть над ними России. Они считали российский протекторат составной частью своей феодальной структуры, видя в нем привычные для них отношения сюзерена с вассалом. Башкирские предводители считали, что в случае необходимости они могут уйти от своего сюзерена. Даже в период восстания 1735-1739 гг. башкиры утверждали, что «деды де и отцы их от предков масульманских и нагайских ханов владели вотчинными землями и водами и, сыскав великих князей-государей, пришли под протекцию их величества сами собою, а не так, как другие государства – силою и войною приведены в подданство». 19 марта 1738 г. башкиры направили Татищеву письмо, где сообщали об отказе предоставить штрафных лошадей (наказание, применявшееся к участникам башкирских восстаний); это было прямым отказом от российского протектората³³.

В XVII в. протекторат был еще выражен слабо. Когда башкирам не нравился размер ясака, они уводили свои семьи к сибирским или среднеазиатским ханам и приносили последним клятву верности. Так было в 1634 г., когда правительство попыталось обложить башкир той же «пятиной», что и русских – тогда 59 башкирских семей бежали в Сибирь, а в 1660 г. около 30 башкирских семей ушли к калмыкам³⁴. Таких фактов было немало. Опасность ухода всех башкир из Башкирии была вполне реальна, но Петр Великий решил устранить ее не изменением отношений к башкирам, а путем окружения региона с юга и востока линией крепостей.

* * *

Но в Башкирии жили не только башкиры. Чтобы оценить царскую политику на местах, нужно исследовать процесс колонизации края, который с XVII в. стал сильно осложнять русско-башкирские отношения.

Колонизация Башкирии небашкирским населением (как народами Среднего Поволжья, так и русскими из многих регионов России) была либо стихийной, со слабым притоком сюда крестьян из центральных регионов, либо принудительной (правительственной), выражавшейся в появлении здесь привилегированных служилых людей. Колонистами выступали группы людей, неоднородные в этническом, религиозном и правовом отношениях.

Необходимо, правда, отметить, что численность переселенцев в XVII в. была небольшой; их насчитывалось нескольких десятков тысяч. Их влияние определялось больше социальным статусом и положением по отношению к башкирам и русскому правительству.

Сразу после установления протектората над Башкирией русское правительство поселило в Уфе русских служилых людей и наделило их землей в радиусе 15 верст от

³³ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.44.

³⁴ Там же. С.36.

города³⁵, чтобы они могли существовать. В Башкирии также осели освобожденные от уплаты ясака татары, чей статус был выше батыров, в отличие от башкирских тарханов плативших налоги. На протяжении XVII в. шло строительство новых населенных пунктов (например, в 1645 г. zaloжили Мензелинск), которые вряд ли можно назвать городами, но, тем не менее, сыгравших большую роль для российской колонизации. В Башкирии также обосновались смоленские шляхтичи, из которых позже были сформированы драгунские полки. На исходе XVII столетия стрельцов, переведенных на службу в Уфу и не принимавших участия в стрелецком бунте в Москве, одарили землей³⁶. Но в XVII в. штат военных и чиновников в Башкирии был еще крайне невелик.

Стихийная (полусвободная) колонизация имела гораздо большее значение для региона, чем правительственная. Первоначально она шла на юг, в обход Башкирии, чуть позднее началась на севере, у самых владений Строгановых. В XVI в. русские проникли в низовья Яика; это были вооруженные люди, бежавшие от преследований со стороны правительства. Грабежи, устраиваемые ими на дорогах Поволжья, на некоторое время парализовали торговые и дипломатические отношения России с Востоком. В 1577 г. правительство вынуждено было направить против них регулярные войска, оттеснившие разбойников на юг. Некоторые из «воровских» шаек укрывались в низовьях Яика, а затем ушли на север. Изгнав ногайского хана Уруса, они поселились на среднем Яике, где основали Яицкий городок. Так возникли яицкие казаки³⁷.

На севере Башкирии малочисленные крепостные и свободные (в основном, конечно, это были беглые³⁸ Казанской, Симбирской и Пермской провинций) крестьяне, пользуясь защитой Строгановых, основали в лесах несколько слобод. Их отношения с башкирами не всегда были мирными, но причиной этого являлись, главным образом, действия русских чиновников. Воеводы при сборе ясака допускали всяческие злоупотребления. Правительственные чиновники, обладая огромными полномочиями, использовали их в корыстных целях, тем самым возбуждая ненависть у местного населения, нередко переносимую на всех русских. Кроме того, служилые люди самовольно охотились в башкирских угодьях. И если вдоль Яика казаки бок о бок проживали с башкирами и казаками, по традиции чередуя войну и мир, то на севере все было иначе – здесь русским крестьянам постоянно угрожали нападения башкир, вследствие чего властям пришлось в 1658 г. построить крепость Челябинск.

Очаги русского населения имелись также и в центре региона – вокруг городов. Здесь селились и немногочисленные тогда крепостные, привезенные служилыми людьми. Переселенцы сделали Башкирию полиэтничной, и составляли большинство тех, кто трудился на служилых людей и обеспечивал башкир рабочими руками. В основном это были выходцы из социальных низов, хотя встречались представители и привилегированных слоев. Социальный статус и происхождение колонистов были очень неоднородны.

К 1750 г. в Оренбургской губернии проживали мишари, чуваша, мордва, тептяри и бобыли, татары и даже калмыки и казахи (это были рабы, сбежавшие из Туркестана)³⁹. Все они (кроме незначительного числа калмыков и казахов) переселились в Башкирию после падения Казани. Особое место среди них занимают мишари и тептяри.

³⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. С.60.

³⁶ Витевский В.Н. Указ. соч. С.127-128.

³⁷ Алекторов А.А. Указ. соч. С.8-9. Окончательное исчезновение малочисленных разбойничьих шаек произошло лишь в XVIII в. Официально казачье войско на Яике было создано в 1736 г.

³⁸ Имеются в виду беглые крепостные из центральной России, и уже достаточно многочисленные на юго-восточных окраинах империи государственные крестьяне, составлявшие основной поток переселенцев в богатую Башкирию. Установить точную причину (например, дефицит земли) их ухода со своей родины невозможно. Вероятно, здесь сказались молодецкая удаля, жажда приключений, какие-то проблемы с властями и т.д.

³⁹ Витевский В.Н. Указ. соч. С.118 и 129.

Финны по происхождению, вытесненные русскими из бассейна Оки в Среднее Поволжье, мишари в конце XVI в. массами переселялись в уфимский край; оседлые земледельцы, употребляющие в пищу чай, а не кумыс и, следовательно, стоявшие на более высоком уровне развития⁴⁰, они презирали башкир. В ходе подавления башкирских восстаний русское правительство постоянно прибегало к их помощи. Уже в XVII в. у мишарей началось социальное расслоение (считается, что их социальная структура напоминала башкирскую) и появились служилые люди, освобожденные от уплаты ясака в обмен на военную службу. В начале XVIII в. термин «служилый мишарин», применявшееся раньше лишь к части мишарского населения, стал обозначать весь народ⁴¹. Замечу, что русское правительство предоставляло переселенцам такие привилегии, которых часто не было у башкир. Наделяя мишарей и башкир разными правами, Россия добивалась верности себе первых и способствовала их постоянному конфликту со вторыми.

Вопрос о тептярях и бобылях (официальные термины XVIII в.) пока еще окончательно не решен. Новейшие советские энциклопедии дают недостаточно четкие сведения на этот счет.

Этимология слова «тептяри» неясна. Неизвестно, означало ли оно народность (смесь татар, удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы, башкир и т.д.)⁴², или социальную группу (переселенцы, арендовавшие землю). По мнению А.Вамбери, этот термин происходит от глагола «тепте» («бродяжничать») и обозначает бродяг, осевших в конце концов на башкирских землях. Более новое и гораздо удачное, на мой взгляд, объяснение Топчибаши возводит его к «дефтер» (турецкое «тетрадь, список») – те, кто вошел в социальные низы башкирского общества и был занесен русскими властями в специальные списки (дефтерлы – «списочные люди»). Но т.к. этническая принадлежность тептярей была различной, они в конце концов стали восприниматься русским правительством как особая народность. В 1926 г. их насчитывалось 27500 человек, 85% из которых говорили по-татарски. Будучи оседлыми, они постепенно слились с самой высокоразвитой народностью на севере Башкирии – татарами.

Тептяри первоначально состояли исключительно из пришлого населения и лишь впоследствии пополнились разорившимися башкирами, являя яркий пример тесного переплетения «этнического» и «социального». Землевладельцы с неопределенным статусом, либо просто подневольные люди, тептяри были социально близки русским бобылям. Но если термин «бобыль» является довольно старым⁴³, то слово «тептярь» впервые зафиксировано лишь в 1734 г., во время первой переписи населения Башкирии. Тогда были созданы «регистры тептярей», куда включались лица неопределенной национальности. Таким образом, термин «тептярь» имеет административное происхождение⁴⁴.

Что касается бобылей, то это были либо пришлые безземельные, зависимые или обедневшие крестьяне (русские или нерусские), отказавшиеся от своих прав на возделываемую ими землю, а также пользовавшиеся ею по устному соглашению, либо крестьяне, покинувшие родные места в поисках лучшей доли. Термин «бобыли» позднее стал обозначать в русском языке бездомных холостяков.

Объединение двух категорий населения, одна из которых является социальной, а вторая этносоциальной, произошло, таким образом, на основе сходных условий. Тептяри и бобыли стали полностью зависимы от феодальной и чиновничьей аристократии.

⁴⁰ См. об этом: *Семенов П.П.* Указ. соч. С.196.

⁴¹ *Чулошиников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. С.10.

⁴² Там же. С.13.

⁴³ <Исследователи относят возникновение этого слова к XV-XVI вв.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т.I. С.181; *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1994. Т.I. С.98>.

⁴⁴ <См.: *Якупов Р.И.* Тептяри. М., 2002>.

Они были обязаны платить за аренду земли и скота, вносить ростовщические проценты натурой (в виде дополнительных поставок воска, меда, мехов и т.д.), гнуть спину на феодалов, отрабатывать барщину. Последняя в XVII в. иногда заменялась общественно-полезными работами – если строились города, крепости или обустраивались дороги, для чего русское правительство обращалось за помощью к помещикам и местной аристократии.

Таким образом, расслоение населения Башкирии было вызвано больше социальными, чем этническими причинами. Различия между тюрками, финнами и монголами сглаживались единой религией, а башкирский язык со временем превратился в средство межнационального общения для большинства местного населения. Быстрее всего подверглись ассимиляции татары, которые менее чем за одно поколение адаптировались к здешнему образу жизни⁴⁵. Однако у части местного населения имелись особые привилегии, дарованные русским правительством. Если, например, татары в целом (за исключением тех, кто находился на службе у России и более или менее защищал ее интересы) подогревали антирусские настроения у башкир и часто возглавляли восстания, то мишари, напротив, поддерживали царизм и противостояли башкирам. Политика русского правительства опиралась на два принципа: на покровительство малочисленным группам населения, противопоставлении их основной массе (башкирам и татарам), и опоре на аристократию. Поэтому социальные низы, вне зависимости от своей национальности, интуитивно ощущали общность интересов, расходившихся как с интересами своей аристократии, так и с целями России. Это социальное единство ярко проявилось в ходе башкирских восстаний. Повстанческое движение, даже если оно являлось общенародным и затягивало в себя всю башкирскую верхушку, вскоре перерастало в настоящую гражданскую войну против батыров и тарханов. Это раскалывало ряды повстанцев и способствовало переходу части аристократии на сторону России. В результате национальная борьба перерастала в социальную, а элита получала от правительства новые привилегии.

* * *

И все же эта борьба была национальной по духу, поскольку все слои общества были едины в своем антирусском порыве. В ходе восстаний башкиры совершали набеги на русские деревни (города были мятежникам не по зубам). Однако не надо думать, что восстания, которыми насыщена вся история Башкирии, шли постоянно. Как до, так и после восстаний 1616 г., 1645 г., и грандиозного движения 1662-1664 гг. край надлого затихал. В этой связи возникает вопрос: была ли вражда между башкирами и русскими столь непримиримой?

Причины башкирских восстаний советские историки (в частности, В.И.Лебедев) обычно объясняют приходом в край большого числа русских переселенцев. Но это лишь одна сторона медали. Если охватить взором историю Башкирии XVI-XVIII вв., то XVII в. выглядит довольно спокойным периодом. Большинство полукочевых башкир равнодушно относились к немногочисленным русским крестьянам. Мир царил даже на севере и вблизи крепостей: тогдашний слабый поток русской колонизации, ее крохотные очажки практически не угрожали башкирским охотникам и бортникам. Русские и башкиры спокойно относились друг к другу, и это ярко проявилось в начале XVIII в., когда в Башкирию потянулись крестьяне, бежавшие от заводских работ. Мы еще увидим примеры солидарности между простыми русскими и башкирами в середине XVIII в. Разумеется, различия в образе жизни, языке и религии между русскими и башкирами способствовали взаимному недоверию их друг к другу. Но в историографии слишком много уделяется внимания тому, что разделяло в XVII в. русских и

⁴⁵ Витевский В.Н. Указ. соч. С.391. Но на севере Башкирии, где татары составляют большинство населения, они не полностью перешли на башкирский язык.

башкир и почти не исследуются факторы сближения этих двух народов. При этом к XVII в. обычно применяются реалии, характерные для XVIII столетия. Историки часто забывают, что в то время противостояние хозяйственных систем не было столь острым, чтобы оно могло привести к национальным конфликтам в среде социальных низов. Хотя все же есть одно исключение: у башкир имелись своеобразные илоты⁴⁶ в виде тептярей и бобылей, но они не были организованы в единый фронт против русских, имевших как свободных, так и крепостных крестьян. Сходство социальных структур и некоторых форм хозяйства (охота и бортничество) русских и башкир способствовали сохранению здесь мира, который до начала XVIII в. в целом нарушался крайне редко.

* * *

Восстание 1662-1664 гг. было первым действительно широким движением башкир, своеобразной прелюдией к грядущим грандиозным бунтам. Причины его возникновения связаны с событиями в России. Это восстание, каким бы важным оно ни было для рассматриваемого региона, в масштабах всей страны являлось лишь незначительным пограничным конфликтом. В значительной мере оно было вызвано общероссийским кризисом – неудачной денежной реформой, приведшей к обесцениванию медных денег и утечке из обращения серебряных монет. Правительство вынуждено было увеличить размеры налогов и ввести в феврале 1662 г. казенную монополию на 6 товаров (поташ, смольчуга, пенька, юфть, соболя и говяжье сало), которыми торговали русские и восточные купцы в Уфе и Астрахани. Но это лишь ухудшило товарооборот, поскольку, желая увеличить приток серебра в казну, правительство установило, что монопольные товары можно продавать только на серебряные деньги. В то же время в Уфе торговля с калмыками происходила лишь путем натурального обмена⁴⁷. Все это настолько повредило экономике, что с ноября 1662 г. правительство отменило указанную монополию.

Финансовый кризис усугубился кризисом сельского хозяйства. В 1660 и 1661 гг. страну постиг неурожай. Он поразил и соседние с Башкирией районы, где цена на рожь резко выросла. В 1662-1663 гг. вспыхивали московское восстание, массовые бунты крестьян, мятежи украинских казаков. Кроме того, Россия 9 лет вела войну с Польшей и крымскими татарами, и это также отрицательно сказывалось на ее экономике. Бунтовали и те, кто недавно пришел под скипетр русского царя – поволжские татары, вогулы и население Центральной Сибири.

Башкирское восстание 1662-1664 гг. было вызвано двумя причинами: с одной стороны, вследствие финансовых затруднений правительства усилилось налоговое бремя, с другой – запрещение в 1662 г. башкирам совершать набеги на калмыков.

Злоупотребления русских чиновников и служилых людей, в частности, во время сбора ясака, бывали и раньше. Но теперь башкиры решили воспользоваться трудностями России, чтобы отказаться от ее протектората, становившегося все более и более непосильным. Недовольство охватило почти всех башкир: в то время правительство освобождало от уплаты ясака далеко немногих и число тарханов, не платящих ясак, было весьма незначительным, а основная тяжесть налогового бремени в конце концов легла на плечи простых башкир. Таким образом, в целом движение носило общенациональный характер и его возникновение, очевидно, нельзя объяснять только экономическими причинами. В основе солидарности различных социальных категорий башкир лежали чувства принадлежности к одному этносу и одной религии, т.е. те явления, на которые советские исследователи почему-то мало обращают внимание.

⁴⁶ <Илоты – в Древней Греции прикрепленная к земельным участкам спартиатов часть населения Спарты>.

⁴⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.57.

Что касается запрета нападать на калмыков, то это затрагивало особенно сложную сторону отношений между башкирами и их степными соседями. На юго-восточной границе региона кочевало несколько племен, зависимых от сибирских «князей» – потомков хана Кучума, побежденного русскими веком ранее. Будучи враждебными русскому правительству, они вели себя с башкирами в соответствии с кочевыми традициями – чередуя торговлю с набегами. Однако, как и калмыки, эти племена не представляли большой опасности для башкир.

Калмыки появились у границ Башкирии в начале XVII в. В 1620 г. они приняли российский протекторат и получили право торговать в Уфе без уплаты таможенной пошлины. Однако их союз с Россией был весьма зыбким, временами русско-калмыцкие отношения резко обострялись, но это никогда не отражалось на башкирах. Башкиры и калмыки оспаривали друг у друга территории, расположенные вдоль берегов Сакмары и среднего Яика. При этом башкиры претендовали не на степные пространства, пригодные для кочевания (они кочевали несколько севернее), а на охотничьи угодья, требовавшиеся им для уплаты ясака. Что касается калмыков, то они боролись за право использовать эти чрезвычайно изобильные земли для своих сезонных кочевков. Более 30 лет, с 1630 по 1660 г., башкиры и калмыки постоянно жаловались друг на друга русскому правительству и одновременно разрешали конфликты между собой с помощью силы.

До 1660 г. правительство пыталось путем увещаний помешать этим набегам, наносящим значительный ущерб здешней торговле. Русские власти поддерживали в этом вопросе башкир, ведь Башкирия гораздо больше была включена в сферу интересов России, чем калмыцкие степи. После безуспешной попытки надавить в 1643-1644 гг. на калмыцких ханов путем запрета им доступа торговли в Уфе, правительство направило против них русско-башкирское войско и разорило их улусы. Это резко изменило ситуацию. Заручившись поддержкой Москвы, башкиры осмелели и стали совершать столь глубокие рейды в калмыцкие земли, что в 1662 г. русское правительство было вынуждено запретить им любые враждебные вылазки против калмыков. Этот запрет, в частности, затронул башкир Ногайской дороги.

Башкиро-калмыцкие конфликты, в которых русские пытались играть роль посредника, не мешали башкирам видеть в калмыках возможного союзника: известны случаи, когда башкирские племена, распадаясь на более мелкие образования, подносили дары калмыцким ханам и просили их о покровительстве, дабы уйти из-под русской власти. Таким образом, запрет грабежей наносил ущерб степным ордам и в то же время поднимал южные племена против России, парадоксально способствуя сближению мусульманских народов⁴⁸ по обеим сторонам границы.

Восстание 1662-1664 гг. охватило не только Башкирию или районы, непосредственно подчиненные русским. Его нельзя считать простым эпизодом в истории внутренней колонизации страны – оно распространилось в сторону Средней Азии, и даже вызвало интерес у юго-западных мусульман, в частности у крымского хана. В ходе восстания башкирские предводители попытались разорвать вассальные узы, связывавшие их с русским царем, но не стремились к полной независимости – такое было попросту невозможно. Башкирские вожди сразу же отправились засвидетельствовать свое почтение соседям и братьям по религии – сибирским князьям и калмыцким ханам. Кроме того, они начали переговоры с Крымом. Делали ли в 1662 г. мусульмане попытки развязать священную войну против русских? Те источники, которые имеются в моем распоряжении, не дают положительного ответа на этот вопрос.

Разумеется, можно допустить, что сибирский князь Кучук пытался восстановить в Западной Сибири царство Кучума. Что касается калмыков, то они не планирова-

⁴⁸ <Р.Порталь на протяжении всего текста своего исследования ошибается, считая, что калмыки были мусульманами – в действительности они с XVII в. исповедовали ламаизм>.

ли заходить далеко на север – их планы были гораздо скромнее: насколько можно судить по более поздним источникам, они всего лишь хотели принять башкир под свой протекторат. Маловероятно, что у калмыков и башкир существовали прочный союз и некая общая программа. Что касается крымского хана, то предложения, шедшие из Башкирии, не нашли у него положительного отклика.

Тем не менее, сам факт переговоров с Крымом достаточно ярко характеризует умонастроения в среде мусульманских народов на южных границах Российской империи и свидетельствует о наличии между ними определенных связей. В 1664 г. калмыцкий предводитель Мончак в своем доносе сообщал, что за 6-7 лет до этого (т.е. примерно в 1658 г.) уфимские башкиры направили свое посольство в Бахчисарай (Крым), поручив напомнить татарскому хану об общности религии башкир и крымских татар, о былом политическом союзе, и просить его поднять вместе с ними оружие против русских⁴⁹. Этим утверждениям служившего России Мончака можно было бы не доверять, но они подтверждаются другими источниками⁵⁰. В конечном итоге башкиры, усиленно искавшие себе нового сюзерена, нашли понимание у сибирских князей. Они также пошли на сближение с калмыками, которых больше не устраивал средний Яик, а привлекал район Астрахани.

Насколько можно судить по имеющимся источникам, летом 1662 г., вероятно, восстала уже вся Башкирия. В начале этого восстания сразу же обращают на себя внимание два факта. Прежде всего, растерянность русских властей и их неспособность организовать эффективный отпор повстанцам. Юго-восточные регионы, по причине малой заселенности, не оказывали большого сопротивления проникновению русских и причина остановки России на берегах Урала до середины XIX в. объясняется не трудностями покорения этой территории, а отсутствием интереса к ней со стороны русского правительства вплоть до начала эпохи европейского империализма в Средней Азии. Поэтому русские власти, поглощенные другими проблемами, не уделяли внимания защите этих земель. Сеть дорог (к тому же неразвитая), усеянных укреплениями, тоже не должна вызывать у исследователя иллюзий. Расквартированные здесь войска были малочисленными и состояли в основном из ненадежных переселенцев. Оружие в укрепленных пунктах зачастую отсутствовало: в сентябре 1662 г. в Невьянском остроге имелось всего 5 мушкетов⁵¹. Лишь города и крепости были неприступны для башкир. Поэтому летом 1662 г. пожары и грабежи охватили все русские деревни; церкви были преданы огню, а крестьяне, не успевшие убежать, захвачены и проданы в рабство в Хиву, Бухару и крымскому хану. Двинувшись на север, в бассейн Сыльвы, башкиры соединились там с иренскими татарами. Разрушив Кунгур (впоследствии его с трудом восстановят в 2 км от устья, при слиянии Сыльвы и Ирена), повстанцы дошли до Верхотурья, на востоке – до Тюмени, а на западе им удалось на какое-то время пересечь Закамскую оборонительную линию. Восстание привело к регрессу экономики: оседлые башкиры, опьяненные стихией разбоя, сжигали свои дома и возвращались к кочевому хозяйству.

Второй факт, достойный удивления – отсутствие у повстанцев единого командования. Большинство племен Казанской дороги действовали совместно с племенами Ногайской дороги; башкиры Сибирской дороги предпочитали координировать свои шаги со своими соплеменниками из Осинской дороги⁵². Имелись ли у башкир общие предводители? Обычно историки называют несколько имен, но они не являются – если верить недавним советским исследованиям – теми, кто играл в движениях главную

⁴⁹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.65.

⁵⁰ В XVIII в. мы вновь находим примеры аналогичных переговоров с крымским ханом (см. ниже).

⁵¹ См.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.78.

⁵² Попов Н. Указ. соч. С.163.

роль. Иногда бунт 1662 г. квалифицируют как «Сеитовское восстание» – по имени старшины Сеита, который принимал в нем активное участие⁵³. В действительности все было гораздо сложнее. Историкам известны имена многих предводителей; в 1662 г. таковыми являлись Гаур Акбулатов и Улекей Кривой, повешенные уфимским воеводой князем А.М.Волконским. Но то обстоятельство, что они были казнены, еще не доказывает их руководящей роли в повстанческом движении. Н.В.Устюгов заметил, что предводители башкирских восстаний 1705-1711 и 1736-1739 гг. не подвергались суровым наказаниям; более того, они были всячески облагодетельствованы властями, а некоторые из них спокойно дожили до старости и «умре в доме своем» в богатстве и почете⁵⁴. Высшей кары, по-видимому, удостоивались второстепенные лидеры повстанцев. Высшие государственные интересы побуждали русских щадить истинных руководителей восстаний, занимавших высокое социальное положение и поэтому представлявших большую опасность. Война выдвинула на первый план повстанческих военачальников, которые почти не участвовали в подготовке восстаний. Таким образом, упоминаемые в источниках имена вождей не дают точного представления о роли башкирской аристократии в движениях. С уверенностью можно утверждать лишь то, что существовал некий совет глав племен. Именно аристократия возглавляла восстания, но они никогда не имели единого руководства.

Теперь рассмотрим главные отличительные признаки движения 1662-1664 гг. Оно распадается на два этапа, между которыми был период некоторого затишья. Фактически было два восстания – 1662 г. и 1663-1664 гг. Первое было кратким. Двух карательных экспедиций (одна прибыла из Казани, а другая из Астрахани), наведших страх на местное население, было достаточно, чтобы отбить башкир у калмыков и сибирских князей и вновь привести их под власть России. Но это была лишь первая проба сил. Правительственные войска, посланные князем Ф.Ф.Волконским (не путать с уфимским воеводой, князем А.М.Волконским!), располагавшимся в Мензелинске, сконцентрировались вдоль Камы, т.е. рядом с Башкирией, находясь в состоянии полной боевой готовности. Что касается башкирских лидеров, то они пошли на заключение мира, чтобы лучше подготовить новое восстание⁵⁵. Следовательно, движение 1662 г. явилось лишь увертюрой к восстанию 1663-1664 гг. Однако надо учесть, что весной 1663 г., в начале второго восстания, башкиры и русское правительство неодинаково трактовали осенние соглашения 1662 г.

У России было два подхода к данной проблеме. Центральная власть больше заботилась об успокоении края, для чего стремилась искоренить злоупотребления, вызвавшие жалобы башкир; этот курс в крае проводил астраханский воевода, князь Т.Е.Черкасский. Местная администрация (уфимский воевода, князь А.М.Волконский) зачастую нарушала обещания, данные башкирам Москвой. Обращения к восставшим носили характер призывов ко всему башкирскому народу. На практике же, чтобы расколоть движение, местные власти миловали предводителей, обрушивая всю тяжесть репрессий на простых людей. На большинстве башкир заключение мира никак не отразилось; да, они выдали властям всех организаторов бунта, но одновременно продолжали жаловаться на служилых людей, захватывавших их земли. Однако эти захваты, негласно одобрявшиеся местными властями, не прекратились, а старшины, участвовавшие в восстаниях, умели находить общий язык с русской администрацией. Соглашательство Иш-Мухаммеда Девлетбаева, одного из тех повстанцев, кто первым заключил мир с Россией, не получило одобрения всех башкир. Но с другой стороны, племенное и

⁵³ <Р.Порталь, вслед за П.И.Рычковым (из которого он, видимо, почерпнул это название), ошибается: «Сеитовское восстание» – это движение 1681-1684 гг.>.

⁵⁴ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.71-72.

⁵⁵ Далее материал изложен по: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.80-101.

религиозное единство башкир было настолько сильным, что их недовольство некоторыми из своих предводителей не могло вызвать внутри племен раскол.

Именно поэтому, когда весной 1663 г. башкирские предводители, ведшие секретные переговоры с калмыками и сибирскими князьями, вновь подняли оружие, их сразу же поддержал простой народ. Как и в 1662 г., у движения 1663 г. не было единого руководства; как и в 1662 г., башкиры ориентировались на сибирских князей и калмыцких ханов. Но действия башкир Казанской и Ногайской дорог отличались от действий башкир Осинской дороги.

Первые весной 1663 г. вновь напали на русские деревни, хотя об этом имеются лишь глухие упоминания. Документы говорят лишь об «измене» башкир Казанской и Ногайской дорог и сообщают, что их предводители признали сюзеренитет Кучука и калмыцких ханов. Тем не менее, Кучук не оказал им никакой помощи. Однако башкирам помогли калмыки; вместе они напали на закамские земли, столкнувшись с русскими под Мензелинском.

Однако восстание уже шло на убыль. Еще когда русские пытались нейтрализовать повстанцев в Прикамье, уфимская администрация начала с калмыцкими и башкирскими предводителями переговоры. Предательство калмыков показало башкирам, что восстание обречено. Русское правительство умело играло на борьбе этих двух народов за пастбища Южного Урала. Как только лидеры башкир, напрасно ожидавшие помощи от Кучука, оказались в одиночестве, в их среде быстро сложилась прорусская группировка и вновь появился Иш-Мухаммед Девлетбаев. Анализ различных документов позволяет сделать вывод, что мира с русскими не хотела, в частности, более воинственная и безрассудная башкирская молодежь. Но сила русских была такова, что дальнейшее сопротивление башкир могло лишь ухудшить условия заключения мира. Поэтому в конце декабря 1663 г. башкиры прекратили борьбу, поверив обещаниям русских. Их соплеменники из Ногайской дороги сложили оружие весной 1664 г.

Восстание башкир Осинской и Сибирской дорог продолжалось дольше. Оно вышло за пределы Урала и охватило башкир Исетской провинции, на юге непосредственно граничащих с кочевьями хана Кучука. Но это движение не было единым. Башкиры Осинской дороги, восставшие одновременно с башкирами Казанской и Ногайской дорог, действовали на севере края. Известно, что им помогали иренские татары и даже русские, поставившие повстанцам порох и свинец из Верхотурья. Зимой князь Ф.Ф.Волконский напал на осинских башкир и нанес им такое поражение, что уже в феврале-марте 1664 г., когда башкиры Ногайской дороги еще только готовились к переговорам, их северные собратья уже начали сдаваться в плен. В мае они были усмирены почти повсеместно.

Башкиры Сибирской дороги вели борьбу на северо-востоке края. Документы сибирских архивов, лучше сохранившиеся до нашего времени, информируют об этом достаточно подробно. Можно полагать, что восстание приобрело здесь большой размах. Известны имена многих предводителей движения; мы знаем, что 30 июня 1663 г. башкиры разорили принадлежавшее Невьянскому монастырю село Покровское, убили там 78 крестьян, сожгли в церкви женщин и детей и захватили в полон 95 человек. Затем повстанцы дошли до реки Режь, уклонившись от небольшого отряда, посланного против них из Невьянского острога; 9 октября они разбили другой русский отряд, тоже очень малочисленный, а затем ушли на юг и стали кочевать в верховьях Миасса.

Как на западе, так и на востоке края власти придерживались исключительно оборонительной тактики, тем самым оставляя на произвол судьбы русских крестьян. Русских войск здесь было мало. Русские села были слишком удалены друг от друга, поэтому защищать их могли только небольшие военные отряды, которые не могли, конечно, противостоять башкирской коннице. Эффективную помощь мирному населению могла оказать только армия. Весной 1664 г. русские отправили из Тобольска каратель-

ную экспедицию, которая, однако, не смогла встретиться с ордами Кучука, бежавшими при ее приближении, но все же razорила кочевья зауральских башкир⁵⁶. Летом 1664 г. регион был окончательно усмирен.

15 мая 1664 г. новому уфимскому воеводе Ф.И.Сомову, сменившему А.М.Волконского, было поручено реализовать в Башкирии важный наказ⁵⁷, в целом гарантировавший башкирам защиту от любых злоупотреблений властей и запрещавший захватывать и арендовать их земли частным лицам. Арендой занимались татары, чуваш и черемисы. Допускалась лишь аренда самими башкирами и на срок не более 2 лет. Кроме того, еще раз было подчеркнуто, что угоды нельзя продавать и сдавать «в оброк» русским.

Текст наказа вызывает у исследователей споры. В.Н.Витевский считал, что правительство вовсе не планировало препятствовать колонизации Башкирии; напротив, оно стремилось снять все препоны на этом пути, одновременно усилив борьбу с злоупотреблениями русских чиновников⁵⁸. Наказ, конечно, давал гарантию башкирам от притеснений их частными лицами, но не защищал от неправомерных действий со стороны государства. Этот документ должен был помешать притоку нерусских переселенцев в Башкирию, поскольку последние способствовали усилению антирусских настроений в регионе и, главное, занимали земли, на которых могли бы поселиться русские. Правительство, кажется, все больше и больше склонялось к мысли о необходимости регулирования колонизации. Это позволило бы сохранить от заселения чужеземцами земли, обеспечив тем самым выплату ясака башкирами, и одновременно расселить колонистов там, где они не вызывали бы большого недовольства у башкир. Но упомянутый наказ вряд ли мог быть реализован, поскольку правительство не могло взять под контроль приток в край беглых. Наказ 15 мая 1664 г. был следствием того курса, который обозначился после событий 1662-1664 гг. и выражался в строительстве здесь укрепленных пунктов и преобразовании до этого простой деревни в Бирскую крепость.

Таким образом, восстание 1662-1664 гг. позволило России окончательно утвердиться в Башкирии. Русское правительство заявило, что отныне башкиры будут в «вечном холопстве» (т.е. в крепостничестве) у России. Башкиры не могли больше утверждать, что добровольно приняли российский протекторат. С поражением восстания 1662-1664 гг. началось настоящее покорение Башкирии⁵⁹.

И все же, потерпев поражение, это восстание способствовало некоторому улучшению положения башкир. Несмотря на то, что для подтверждения этого тезиса нельзя привести никаких документальных доказательств, размер ясака, по-видимому, был все же уменьшен. Запрет воеводам злоупотреблений при его взимании не прошел даром. С другой стороны, наказ 1664 г. привел к установлению в крае относительного спокойствия вплоть до начала XVIII в. «Относительного» потому, что в 1667-1683 гг., т.е. во время восстания Степана Разина, по Башкирии вновь прокатились волнения⁶⁰. Стабильность, сохранявшаяся примерно 20 лет, объясняется тем, что колонизационные потоки были еще очень слабы. Переселенцев было мало, в основном, крестьяне из центральных регионов России, избегая небезопасных территорий, обходили Башкирию с севера. Так будет продолжаться до начала XVIII в.

⁵⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.103. Кучук продолжал совершать свои рейды до 1667 гг., но уже самостоятельно.

⁵⁷ Об этом наказе я уже упоминал выше. Выдержки из него см.: Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.106; Витевский В.Н. Указ. соч. С.391-392.

⁵⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. С.391.

⁵⁹ <Подробнее о восстании 1662-1664 гг. см.: Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993>.

⁶⁰ Алекторов А.А. Указ. соч. С.12-13.

Глава II

ЭПОХА ПЕРМАНЕНТНОГО ВОССТАНИЯ (1704-1730 гг.)

Новый фактор в отношениях между русскими и башкирами: индустриализация Урала. – Башкирия как убежище для беглых. – Заселение края извне. – Жалобы башкир на тяжесть ясака и реквизиции лошадей для нужд Северной войны. – Политическое давление на Башкирию и вмешательство в ее внутренние дела (попытки возврата беглых). – Война и мир. – Заложники, стычки, партизаны. – Слабость русской колонизации. – Нерешительность действий правительства. – Грандиозные планы Петра Великого по отношению к Средней Азии. – Башкирия как источник опасности. – Проект создания южноуральских оборонительных линий. – Планы освоения Башкирии. – Затишье 1728 г.

Причиной того, что в отношениях между русскими и башкирами в начале XVIII в. произошли крутые изменения, являются события, разыгравшиеся севернее Башкирии. Строительство Невьянского (1699 г.) и Каменского (1701 г.) горных заводов в соответствии с решением Петра Великого основать на Урале металлургию стало прелюдией к началу индустриального освоения восточных отрогов Урала, что привело к глубоким социальным изменениям в регионе. До этого промышленность на Урале была кустарной и обслуживала только потребности края: сельские кузнецы изготавливали лишь сельскохозяйственные орудия – топоры, серпы, косы и т.д. Ремесленники в подавляющем большинстве являлись государственными крестьянами.

Горные заводы, основанные при Петре Великом, являлись инородным телом на уральских землях – они не были предназначены для удовлетворения местных потребностей. Эксплуатирующие богатые залежи железной руды и леса, ресурсы которого здесь поистине неисчерпаемы, промышленные предприятия работали на оборону государства или производили полуфабрикаты, которые затем перерабатывались на заводах Центральной России. Будучи крупными для того времени индустриальными центрами, они использовали труд многих людей, основная масса которых трудилась в лесах и на рудниках в качестве заготовителей дров, углежогов и возчиков. Для строительства горных заводов использовалась местная рабочая сила, руководимая мастерами из Западной Европы. Завод на несколько недель или даже месяцев отвлекал тысячи крестьян от их земледельческих занятий. Из-за нехватки крестьян их приходилось набирать далеко за пределами Урала. Таким образом, появление горных заводов в какой-то мере привело к социальным изменениям на огромной территории.

Следует подчеркнуть, что крестьяне участвовали в заводском труде отнюдь не по своей воле. Обеспечить нормальное функционирование горных заводов можно было только физическим насилием. Оно применялось местными властями при строительстве предприятий и на вспомогательных заводских работах. Более того, нехватка квалифицированных кадров вынудила правительство привлечь на заводы сельских кузнецов. Поэтому население воспринимало завод как одну из форм социального гнета; он породил у людей новую ментальность и пассивное сопротивление, выразившееся в бегстве крестьян с предприятий.

Итак, индустриализация Среднего Урала повернула крестьянский миграционный поток на юго-запад региона, т.е. в Башкирию. Климатические условия затрудняли заселение севера края, на юго-востоке господствовали кочевники, земли Кунгура и Перми были в основном уже заняты и тамошние власти стремились ограничить процесс переселения. Поэтому Башкирия, с ее более мягким климатом и плодородными землями, стала пристанищем для беглых. К слабому ручейку переселенцев, вяло сочившемуся с запада и почти не отражавшемуся на росте населения в бассейне Белой, неожиданно добавился новый, более мощный поток людей, мигрировавших с севера на юг. Как и в других местах, он не был регулярным и при каждом всплеске индустриализации выбрасывал на Яик новые волны беглых.

Следовательно, если государство не хотело окончательно дискредитировать горные заводы, оно должно было поставить на пути этих беглецов, лишивших Урал рабочих рук, надежный заслон. Не имея возможности ликвидировать бегство людей, правительство было вынуждено потребовать от башкир их выдачи. Таким образом, экономические потребности вынудили правительство пойти на прямое вмешательство в башкирские дела. Прежние условия российского протектората над башкирами теперь должны были быть пересмотрены.

Стремительное заселение края рано или поздно должно было поставить под угрозу дальнейшее существование башкир. Почему? Во-первых, большие массы переселенцев могли составить полукочевым башкирам сильную конкуренцию. Во-вторых, присутствие здесь чужаков облегчало русскому правительству в случае обострения ситуации в регионе вмешательство в его внутреннюю жизнь.

Первая из указанных причин стала доминировать лишь к концу рассматриваемого мною периода, т.е. после 1720 г. Индустриализация Среднего Урала проходила скачкообразно. Начав в начале XVIII в. строительство горных заводов, государство к 1716 г. его свернуло. В 1716-1720 гг. горные заводы строил главным образом Н.А.Демидов. Позже, направив на Урал В.Н.Татищева (в 1720-1722 гг.) и В.Геннина (в 1722-1734 гг.), государство попыталось взять инициативу в свои руки. Первые уральские горные заводы вызывали у населения региона ужас и привели к бегству крестьян в Башкирию. После 1720 г., особенно в 1726-1727 гг., этот поток резко увеличился и стал таким мощным, что в течение каких-то 2 лет все казенные заводы Урала опустели.

Индустриализация Среднего Урала, таким образом, привела к коренному изменению российской политики в Башкирии, территория которой превратилась из пограничной зоны в плацдарм формирующегося промышленного региона. Отныне русское правительство будет решать башкирский вопрос с оглядкой на развитие Среднего Урала.

Период с 1704 по 1730 г. можно назвать эпохой перманентного восстания. Одной из причин его явились требования русских властей выдать беглых, но, несомненно, основную роль в возникновении бунта сыграла налоговая политика Петра Великого. Восстаниями была охвачена тогда вся Российская империя, но Башкирия бунтовала особенно долго.

Как известно, Северная война привела к резкому увеличению налогового бремени в стране. Сборщики налога – прибыльщики – рыскали по стране и выколачивали из населения все новые и новые поборы. В 1704 г. 2 таких чиновника прибыли в Уфу и огласили список из 72 налогов⁶¹. В ответ башкиры подняли восстание⁶².

Но денежные налоги и увеличение размера ясака, кажется, не так сильно отражались на башкирах, как реквизиция лошадей, необходимых казне в силу извечных российских бед – огромных размеров страны, сурового климата и малой плотности населения. Обозам, нередко растягивавшимся на десятки верст по дорогам, требовались тысячи людей и лошадей. Во время войн нужда в лошадях резко возрастала, и ее удовлетворяли путем крупномасштабных изъятий конского поголовья в скотоводческих регионах, одним из которых была Башкирия. Накануне восстания 1705 г. правительство решило конфисковать у башкир 5000 лошадей.

Изъятие конского поголовья и сбор ясака вызывали у башкир недовольство еще в XVII в. Во-первых, царские чиновники использовали свою власть для личного обогащения. Во-вторых, они прибегали к жестоким мерам, чтобы запугать местное на-

⁶¹ Попов Н. Указ. соч. С.165.

⁶² Тхоржевский С. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1. С.94. Налоговые поступления из Башкирии составляли значительную долю российского бюджета. Так, в 1709 г. при бюджете в 3 млн. руб. только ясак из владений Казанского дворца составлял 185000 руб., т.е. 6 % всего бюджета страны (Лебедев В.И. Указ. соч. С.84).

селение. Наконец, отдельные чиновники, такие, как комиссар А.С.Сергеев, которому в 1704 г. было поручено изъять у башкир 5000 лошадей и забрать у них 1000 беглых людей, вели себя просто вызывающе.

Собрав башкирских старшин в Уфе, Сергеев окружил их пушками и вооруженным до зубов караулом. Перепуганные башкиры, чтобы умиловить царского чиновника, подарили ему 22 лошади на сумму 409 руб.⁶³ Затем Сергеев выехал в инспекционную поездку по Башкирии. Вернувшись в Уфу, он вновь собрал башкирских представителей. Теперь их прибыло меньше, чем в первый раз. Разгневавшись, царский комиссар организовал отлов башкир, находившихся в Уфе, и запер их в «крепкий огород», подвергнув людей изощренным издевательствам. Чудовищная жестокость, проявленная Сергеевым к башкирам, позволяет усомниться в психической уравновешенности этого чиновника⁶⁴. Выкатив бочки с вином и медом, в которые были добавлены ядовитые «зелья» (так утверждали сами башкиры. Речь, конечно, шла о растительных добавках, используемых при производстве самогона), он заставил башкир пить эту гадость до потери сознания. Сопротивлявшихся били палками. Пьяных башкир подпаливали пучками горящей соломы, прилепляли к их рукам свечи и поджигали насыпанный в горсти порох. Пушки палили всю ночь. Сергеев грозился повесить своих пленников. Утром он продолжил расправу, направляя с помощью стекла на лица спящих людей солнечные лучи. Тех, кто шевелился, снова поили вином.

Но запугать все башкирское население Сергееву не удалось. Даже поездки по Башкирии полковника Хохлова и братьев Аристовых, сопровождавшиеся всевозможными злоупотреблениями⁶⁵, не улучшили ситуацию с изъятием лошадей и сбором налогов.

Россия стремилась заставить башкир платить те же налоги, что взимались с русских поселенцев. Я уже говорил, что это пытались сделать еще в XVII в. Отсутствие в казне средств подвигло царя ввести этот принцип в начале XVIII в. путем применения более жестоких мер. Это было в русле той политики интеграции Башкирии в Россию, которая началась с 1700 г. и проявилась тогда в создании особой Уфимской провинции во главе с казанским воеводой⁶⁶.

* * *

Во главе восстания стояли 2 батыра, по имени которых оно и получило свое название – «восстание Алдара и Кусюма». Время для борьбы было выбрано удачно, поскольку у русского правительства в то время не было таких возможностей, как в 1662 и 1664 гг. Поэтому волнения продолжались вплоть до 1729 г. Я не буду пересказывать историю восстания, похожего на прежние движения⁶⁷. Укажу только на его главные особенности. Прежде всего, башкиры вновь обратились к мусульманским народам с призывом к совместным действиям, о чем в 1737 г. вспоминал один из предводителей восстания Кильмяк. На допросе 23 марта 1737 г. Кильмяк заявил, что в молодости, накануне восстания 1705 г., его послали в Крым, чтобы тамошний правитель дал башкирам хана⁶⁸. Это была новая форма «отказа» от власти русского царя. Несмотря на то,

⁶³ Один крестьянин за извоз на заводе в начале XVIII в. получал 5 коп. в день или 2 руб. за 40 дней. Лошадь в то время стоила примерно 2 руб. В Башкирии же лошадь стоила мало, что, впрочем, характерно для регионов с примитивным хозяйством (цена конской упряжи была там выше стоимости самого животного). Для того, чтобы понять, насколько реквизиции лошадей были тяжелы для башкир, надо знать численность всего поголовья этих животных у них, но пока этих данных нет.

⁶⁴ Рассказ об этом составляет основное содержание жалобы, поданной башкирами властям в 1720 г.: *Попов Н.* Указ. соч. С.165-166.

⁶⁵ Там же. С.166.

⁶⁶ *Витевский В.Н.* Указ. соч. С.128.

⁶⁷ <Подробнее см.: *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв.>.

⁶⁸ *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.67.

что Кильмяка провалилась, башкиры сумели договориться со своими соседями-каракалпаками, кочевавшими к юго-востоку от среднего течения Яика и зависившими от казахских орд. Откликнувшись на призыв башкир, они восстали против русских.

На этот раз власти вновь прибегли к помощи калмыков, дважды натравив их на Башкирию, поощряя убийства, погромы и захват пленных, что помешало восставшим башкирам продвинуться на север. В противном случае восстание башкир вполне могло бы выйти за пределы Поволжья. В 1707 г. русский полк численностью в 900 человек потерпел от башкир серьезное поражение. Выступив из Уфы на соединение с шедшим ему навстречу отрядом из 770 всадников, он столкнулся с повстанцами. Находившиеся в составе полка башкиры сразу же перешли на сторону своих единоверцев. Остатки правительственного отряда были окружены, но через 10 дней, с трудом прорвав блокаду, отступили в Табынск; 400 русских попали к башкирам в плен⁶⁹.

Это событие для всей России было малозначимым, но для исследуемого мною региона его последствия были огромны. Выбив башкирских повстанцев из окрестностей Казани и Уфы, русские так и не смогли компенсировать разгром своего отряда. Занятый войной со Швецией, Петр пошел на мир с башкирами, пообещав им прощение. Комиссара Сергеева по приказу царя повесили в Казани. В регионе воцарилось спокойствие, но часть Башкирии вплоть до 1720 г. продолжала бунтовать. Некоторый успех башкир был обусловлен временным отсутствием у русских властей необходимых сил. Лишь после победы в Северной войне Петр Великий обратил взор на Азию. В отношениях России с башкирами наступили новые времена.

1720 г. – особая дата в истории исследуемого региона. Строительство новых заводов на Среднем Урале резко обострило проблему беглых людей. Для ее решения в Уфу был направлен с царской грамотой полковник, граф Иван Головкин⁷⁰. Грамота напоминала о событиях 15-летней давности – восстании башкир, мордвы, черемисов Уфимского и других уездов, убийствах и поджогах, в которых башкиры участвовали наряду с каракалпаками. Затем документ упоминал беглых русских и «иноверцев», которых башкиры «к себе принимали». Башкирам было приказано выдать их русским чиновникам, которые прибудут из Казани для проведения переписи башкирского населения. Грамота также требовала освобождения русских и иноверцев, захваченных башкирами в плен.

Башкирские предводители подчинились тогда воле царя и с июня 1720 г. по март 1722 г. выдали около 5000 семей (т.е. примерно 20000 человек). Это вновь уменьшило численность населения Башкирии, увеличив его в Казанском уезде и на Среднем Урале, что имело достаточно серьезные последствия для региона.

Но если проблему беглых удалось, пусть и временно, урегулировать, то с выплатой налогов было сложнее. За годы восстания Башкирия задолжала в бюджет страны большую сумму: к 1724 г. – более 22000 руб.

Тем не менее, правительство пошло на мир с башкирами. Указ от 4 июня 1722 г. под страхом наказания запретил сборщикам ясака притеснять башкир Уфимской провинции⁷¹. Башкирская аристократия стала посредником русских властей. Упомянутый указ, отвечая на прошения сотника Араслана Бехметева и переводчика Куклина, извещал, что их жалованье должен был определить полковник Головкин. Несмотря на это, злоупотребления продолжались, что вызвало новый отказ башкир от уплаты налогов до 1728 г. Поток переселенцев в Башкирию вновь возобновился. В 1720-1726 гг. на Среднем Урале продолжалось строительство казенных заводов. На 1726-1727 гг. пришелся пик бегства приписных крестьян. Таким образом, в момент, когда у правительст-

⁶⁹ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.14.

⁷⁰ Текст документа от 8 апреля 1720 г. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3566.

⁷¹ Там же. № 4027.

ва вновь возникли проблемы с взиманием ясака, Башкирия опять стала укрывать беглых, тем самым ставя под угрозу промышленное развитие Среднего Урала.

В то время Башкирия, принимая беглых, лишь косвенно влияла на Урал. Но на ее северных границах уже стояло несколько промышленных предприятий, в частности, Полевский медеплавильный завод, основанный в 1702 г. недалеко от истока Чусовой и сожженный башкирами в 1718 г.⁷² Рудознатцы, проникавшие на ее территорию, открывали здесь (зачастую заново) залежи меди. Башкирия постепенно входила в экономическую орбиту Урала.

Разведка полезных ископаемых, планировавшееся строительство горных заводов, требовавших огромных лесных массивов, нарушали башкирские вотчинные права. На смену малочисленным русским переселенцам, которые почти не влияли на хозяйство аборигенов, пришли промышленники, захватившие все леса в округе. С башкирами больше не считались.

Нельзя, конечно, утверждать, что индустриализация Южного Урала сразу же повлияла на башкир. Здесь она началась поздно и после неудачной попытки, предпринятой в 1735 г.⁷³, возобновилась только через 2 десятилетия. В 1720-е гг. в основном шла разведка полезных ископаемых. Однако в конце царствования Петра Великого были разработаны проекты, которые всерьез обеспокоили башкир. Так, указом от 28 ноября 1720 г.⁷⁴ все железоделательные и медеплавильные заводы Уфимской провинции передавались Берг-коллегии⁷⁵.

Этот указ запрещал башкирам чинить препятствия поиску и добыче руды, а также мешать строительству горных заводов. Если башкир открывал месторождение руды, то он должен был известить об этом горных чиновников, а те обязаны были вознаградить его на тех же условиях, что и русского. Указ рекомендовал царским представителям не обижать башкирское население. Он, по всей видимости, отражал тогдашнюю ситуацию в Уфимской провинции: одна из его статей касалась приписных крестьян (заголовок указа гласил: «Об отдаче к тем заводам прежних приписных крестьян»). В указе ничего не говорилось о существовании в Уфимской провинции (конечно, под ней подразумевалась вся Башкирия) заводов. Вероятно, речь в нем шла о приписных крестьянах других заводов (т.е. о беглых), которых планировалось навсегда передать предприятиям Уфимской провинции.

Новая ситуация, сложившаяся в Башкирии, внесла изменения и в вопрос о беглых. Без крестьян заводы существовать не могли. Как только правительство стало планировать создание на Южном Урале медеплавильной промышленности, оно вынуждено было смягчить свою позицию по отношению к приписным крестьянам, бежавшим со Среднего Урала. Это не сразу дало практический результат, т.к. в бассейне Белой тогда не было заводов и людей здесь пока не требовалось. Но очевидно, что давление, оказываемое на башкир с целью принудить их выдать приписных крестьян, теперь уже не было жестким, хотя в каждом указе это требование по-прежнему повторялось⁷⁶.

Наконец, с целью обеспечения безопасности промышленного района, который медленно расширялся на юг, был разработан план строительства линии крепостей вдоль Яика, в общих чертах сформулированный Петром Великим в конце царствования. Царь, правда, имел виды на Среднюю Азию, отделенную от Башкирии враждебной степью. Но гибель в 1716 г. в Хиве экспедиции Бековича остановила бравую поступь

⁷² См.: Геннин В. Указ. соч. С.507.

⁷³ О ненависти башкир к заводам ярко свидетельствует тот факт, что после разрушения Полевского завода в 1718 г. башкирский предводитель Чюдур Балагушев прогнал всех его работников и запретил в этом районе всякую промышленность (Попов Н. Указ. соч. С.170).

⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 3675.

⁷⁵ Она была создана 10 декабря 1719 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3464).

⁷⁶ См., например, указ от 31 июля 1728 г.

России в этом направлении. Русское правительство перешло к оборонительной тактике. Однако, чтобы помешать созданию какой-либо коалиции мусульманских народов, в которую могла бы войти Башкирия и чтобы еще более строго контролировать башкир, оно разработало проект создания Яицкой оборонительной линии с севера на юг и с востока на запад. Она должна была окончательно изолировать Башкирию от южных степей и включить ее в оборонительную систему Российской империи.

До сих пор южную границу края защищали казаки, да и то лишь в низовьях Яика. От Яицкого городка до Верхнеуральской крепости она практически никем не охранялась⁷⁷. Изолировать край от внешнего мира планировалось с помощью непрерывной линии постов, бастионов и сторожевых вышек и небольших крепостей вдоль Яика. Таким образом, был бы окончательно решена проблема набегов кочевников на Башкирию. Кроме того, крепости могли стать местами торговли со степными народами и, следовательно, способствовали бы мирным и постоянным связям с ними. В крае наконец-то установилось бы настоящее «спокойствие».

Однако смерть Петра Великого отложила реализацию этого проекта. Башкирия оставалась еще не усмирненной и поэтому правительство пока ограничилось укреплением Закамской линии. Указ от 22 марта 1725 г.⁷⁸ о поставке свинца и пороха казакам на нижнем Яике предписывал им построить в устье Самары (т.е. в самом начале Закамской оборонительной линии) крепость. Однако ее строительство, а также содержание дорог, протянувшихся через Башкирию к Яику, можно было осуществить только путем введения для коренного населения принудительного труда. В ответ на это в 1728 г. башкиры послали в Москву делегацию от всех своих 4 дорог во главе с Яркеем Янчуриным с жалобами на злоупотребления воевод, захваты земель и принуждение людей к тяжелым работам.

27 июля 1728 г. царским указом Уфимская провинция отделялась от Казанской губернии и передавалась в прямое подчинение Сенату. Казанскому губернатору был оставлен лишь контроль над подушными налогами (преимущественно с русского населения), таможенными и кабацкими сборами⁷⁹.

31 июля 1728 г. новый указ, обращенный к башкирам 4 дорог, батыров и старшин, объявлял, что, теперь, кроме ясака не будет никакого другого налога, и что ясак, как и в былые времена, можно отныне выплачивать по частям. Башкиры сами должны были выбрать его сборщиков, а служилые люди больше не будут вмешиваться в это дело. В случае задержки с уплатой ясака сборщики будут наказываться воеводой. В заключение указ вновь потребовал от башкир впредь не принимать беглых русских, мордву, чувашей, черемисов и др., а также выдать уфимскому воеводе тех, кто укрылся в Башкирии ранее⁸⁰.

Ограничение налога с башкир только ясаком и передача его сбора выбранным представителям означало возврат к прежней форме протектората. Передача провинции Сенату преследовала цель искоренить злоупотребления и облегчить положение башкир. Лишение казанского губернатора власти над Башкирией, с одной стороны, означало ослабление влияния военных, а с другой, установление прямого контроля над администрацией края.

Сталдо ли после всего этого башкирам легче? Их освободили от военной службы, но по причине утраты к ним доверия со стороны русского правительства. Да, правительство пошло на уступки, освободив башкир от власти казанского губернатора, но

⁷⁷ Попов Н. Указ. соч. С.170-181. Закамская оборонительная линия, построенная в конце XVII – начале XVIII века, находилась на самой западной границе Башкирии. Начинаясь от Волги южнее Симбирска, она шла по течению реки Сок через Заинск и Мензелинск, заканчиваясь на Ике недалеко от места его слияния с Камой.

⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4686.

⁷⁹ Там же. Т.VIII. № 5316.

⁸⁰ Там же. № 5318.

это лишь укрепило позиции уфимского воеводы, которого было трудно контролировать из далекого Санкт-Петербурга. Решения правительства не могли ни помешать остановиться притока в край населения, ни, главное, строительства горных заводов. В целом же указы 1728 г. свидетельствуют об одном: Башкирия стала теперь для российских властей стратегически важным регионом. За мелкими уступками башкирам скрывались становящиеся все более отчетливые идеи интеграции края в империю, реализовавшиеся позднее.

Глава III КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ БАШКИРИИ (1730-1745 гг.)

Строительство защитной линии и первые попытки индустриализации края. – Башкирское восстание 1735-1736 гг. – Возобновление борьбы в 1740 г. – Помощь башкирам извне: Карасакал. – Последствия восстания: погромы и казни. – Проекты Кирилова. – Указ от 11 февраля 1736 г. – От волости племенной к волости территориальной. – Ограничение независимости башкир. – Российская политика «разделяй и властвуй». – Конец российского протектората в Башкирии.

Строительство оборонительной линии в Башкирии и индустриализация края – два взаимосвязанных мероприятия – были возобновлены после 1730 г. двумя самыми яркими соратниками Петра Великого, И.К.Кириловым и В.Н.Татищевым.

В 1730 г. в Башкирии была тишина. Но русское правительство по-прежнему хотело видеть на Яике крепость, чтобы торговать в ней со степными народами. С этой целью русские начали вести переговоры с ханом казахской Малой Орды. Россия уже давно пыталась установить что-то вроде протектората над казахами, хранившими, по меткому выражению Кирилова, «ключи» от азиатских стран. Главную роль в реализации этого плана сыграл татарский мурза (князь) Алексей Тевкелев. Образованный туземец, ставший русским подданным еще при Петре Великом, он во время войны с Персией служил переводчиком. Именно Тевкелев порекомендовал царю подчинить казахов до покорения Средней Азии, и Петр пообещал ему выплатить за это 1 млн. руб.! Следует отметить, что решение этого вопроса из-за позиции казахской стороны подвисало в воздухе. Но в 1730 г. казахи, теснимые джунгарами, сами обратились за помощью к России.

Тевкелев, находившийся в 1731-1733 гг. с официальной миссией у казахов, сумел убедить их в выгодах российского протектората, который они в конце концов приняли 10 июня 1734 г. Через 5 дней Кирилов, лоббировавший планы Тевкелева в Сенате, выехал из столицы во главе экспедиции в Башкирию⁸¹. 10 ноября 1734 г. он прибыл в Уфу. В выданных Кирилову инструкциях говорилось, чтобы он «прилагал крайнее старание о сыске руд и минералов и о заведении заводов»⁸², поэтому недалеко от Табынска (где в то же время строилась крепость) был заложен завод, на котором планировалось производить 5000 пудов (80 тонн) меди в год. Он должен был стать первым заводом, расположенным в самом сердце Башкирии, но достроить его так и не удалось.

В марте 1735 г. Башкирия восстала. Башкиры обратились к Кирилову с челобитной, в которой выражалось несогласие с планами постройки Оренбурга и крепостей на границе с казахами. Башкиры напомнили об обещаниях Ивана Грозного и заявили, что их предки приняли русское подданство на условиях сохранения вотчинного землевладения. Тем не менее, царское правительство нарушило свои обещания; оно начало строить в Башкирии города, поселило здесь русских, ввело российские законы, подчинило башкир воеводам. Положение еще больше осложнилось при преемниках Ивана

⁸¹ Указ о ее создании, подписанный Анной Иоанновной 18 марта 1734 г., свидетельствует и о других планах, в частности, о видах России на Среднюю Азию. Но башкирское восстание и трудности, возникшие при строительстве Оренбурга, сорвали проект Кирилова.

⁸² Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.390-392; Витевский В.Н. Указ. соч. С.645.

Грозного, когда десятки тысяч русских – дворян, крестьян, купцов и монахов – переселились в Башкирию. Правительству было явно недостаточно того, что существуют Уфа, Бирск и Мензелинск: захватив башкирские земли, оно построило Билярск, Заинск и Табынск. И вот опять думают строить новый город! Но башкиры не позволят сделать это, они будут стоять за свои права не на жизнь, а на смерть, и поскольку русские отказались от своих обещаний, башкиры больше не могут признавать их царя в качестве своего господина⁸³.

Так в 1735 г. началось восстание, продолжавшееся до 1740 г. (с двумя периодами активизации – в 1735-1736 и 1740 гг.), а фактически – до 1742 г. Затишье наступило лишь после назначения главой края Неплюева⁸⁴, да и то благодаря жестоким репрессиям, имевшим для башкирского народа тяжелые экономические и социальные последствия.

Башкиры прекрасно понимали, что как только укрепленная линия перекроет границу Башкирии со степью, они будут окончательно изолированы от своих еще сохранявших независимость единоверцев, а колонизация региона и ассимиляция его коренного населения примут массовый характер. Привилегии, предоставленные русским правительством башкирским вождям, не столько освобождали их от налогов, сколько способствовали укреплению общественного статуса, и не снимали угрозы, нависшей над свободой и собственностью этой элиты. Среди тех, кто возглавил восстание, встречаются и известные имена (например, сын Кусюма Акай), и новые лица (Кильмяк Нурушев, Юсуп Арыков)⁸⁵. Первоначально восстание представляло собой отдельные, не связанные друг с другом движения. Их объединил отказ от сюзеренитета, следствием чего стали переговоры с казахским предводителем Карасакалом, которому башкиры предложили стать ханом.

О размахе движения можно судить по тем трудностям, с которыми столкнулся Кирилов при движении к р. Ор. Выехав из Уфы, он не стал ждать прибытия отряда драгун и двинулся в путь. Попад в самый центр восстания, он оказался почти беззащитен. Поэтому лишь в начале августа 1735 г. ему с трудом удалось прибыть на Яик. Но Кирилов был непреклонен: 6 августа он торжественно основал Оренбург (ныне город Орск)⁸⁶, но наладить торговлю с казахами сразу не удалось. Гораздо большее значение имело строительство линии крепостей (впрочем, и Оренбург в то время являлся обычной крепостью) по Яику, начатое Кириловым и продолженное Татищевым. Осуществление этих планов серьезно осложняло башкирское восстание. Зимой 1735-1736 гг. почти весь гарнизон Оренбурга (т.е. нынешнего Орска), примерно 800 человек, был вынужден покинуть город, дабы не умереть от голода – башкиры перерезали снабжение продовольствием, но во время перехода через восставшую Башкирию замерзло 2/3 его состава.

Репрессии, проведение которых было возложено на Тевкелева, были крайне жестокими. По всей видимости, этот татарин, перешедший на русскую службу, не испытывал никаких угрызений совести, выполняя отданные ему приказы. Его солдаты

⁸³ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.20-21.

⁸⁴ И.И.Кирилов, будучи главой Оренбургской экспедиции, управлял Башкирией в 1735-1737 гг. (умер 14 апреля 1737 г.). Его сменил В.Н.Татищев, бывший директор уральских и сибирских заводов; он был хозяином Башкирии с 1737 по 1739 гг. В феврале 1738 г. Оренбургская экспедиция была переименована в «Оренбургскую комиссию». После отъезда Татищева его преемником на посту командира Комиссии стал В.А.Урусов (1739-1740 гг.). В 1740-1742 гг. краем руководил Соймонов, а в 1742 г. на его место назначили И.И.Неплюева, который в течение 16 лет возглавлял новую Оренбургскую губернию, официально созданную 15 марта 1744 г.

⁸⁵ Все они были помилованы Остерманом (*Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.71-72).

⁸⁶ Оренбург дважды переносился на новое место: в 1740 г. он был перемещен на 130 верст к устью Яика (в Красногорское), а в октябре 1742 г. построен там, где находится до сих пор (*Рычков П.И.* Топография Оренбургская. С.249).

сжигали деревни, истребляли мужчин, женщин и детей, а оставшихся в живых отдавали в качестве крепостных в центральные районы России, или отправляли в балтийские полки. Но эти крутые меры, на которых настаивал Кирилов, не принесли ожидаемого эффекта. Напротив, они привели к объединению ранее разрозненных очагов восстания. Лидеры башкир 4 дорог на тайном совещании в небольшой деревушке Кубово решили выступить единым фронтом⁸⁷, что в 1736 г. осложнило ситуацию в регионе. В декабре 1735 г. Кирилов убедил императрицу утвердить план полного истребления башкир, которого он придерживался вплоть до своей смерти в апреле 1737 г.

Башкирское восстание 1736 г. имело два очага: главный был расположен на Ногайской дороге, в излучине Белой, меньший – севернее, вдоль Демы (левый приток Белой). Именно сюда 24 марта 1736 г. направился Кирилов. Здесь он сжег 200 деревень и самую главную мечеть в Башкирии (в Азиеве), где собирались предводители башкирских повстанцев⁸⁸. Но, заболев, он в начале мая вернулся в Мензелинск, где приказал казнить 500 пленных башкир. Однако, это ничего не дало – башкиры, перегруппировав свои силы, вновь стали нападать на отдаленные крепости и лагеря, оставленные русскими. 28 июня генерал Румянцев отбил яростную атаку башкир на р. Кегуш. В июне выздоровевший Кирилов выступил на Оренбург, тщетно пытаясь окружить башкирских повстанцев с севера и с юга. Именно тогда он выбрал место для постройки крепостей Яицкой линии.

Тем временем подполковник Аксаков и шедший вслед за ним генерал Румянцев вновь направились к истоку Демы, истребляя тысячи башкир и сжигая сотни деревень. Уничтожали деревни не только русские. Вооруженные в основном саблями, луками и стрелами, башкиры старались избегать стычек с правительственными войсками, и сжигали деревни, жители которых отказывались их поддержать. Разрушение башкирских хозяйств привело к тому, что народ был вынужден перейти к кочеванию, что зимой было почти невозможно. Таким образом, если походы русских в Башкирию летом не наносили большого ущерба повстанцам, то приближение зимы заставило башкир пойти на переговоры. Генерал Соймонов, недавно ставший командиром всех русских войск в Башкирии, получил приказ так подавить восстание, «чтоб впредь не оказалось новых смут»⁸⁹. Прибыв на место, он выяснил, что все башкирские предводители схвачены, большинство деревень сожжено, тысячи женщин и детей отданы в крепостные, более 500 башкир насильно забриты в солдаты. Таким образом, в 1737 г. спокойствие вновь удалось восстановить, и теперь можно было возобновлять торговлю с южными кочевниками. Следовательно, политика усмирения башкир началась с приходом Татищева, который в течение 2 лет пытался успокоить башкирские племена⁹⁰.

Однако в 1740 г. восстание вспыхнуло вновь. На этот раз в нем участвовала загадочная личность, которую башкиры признали своим господином. О Карасакале, их новом сюзерене, известно мало. Одни считали его знатным казаком, другие – простым башкиром. Приятной внешности, искусный стрелок из лука, ловкий наездник, он владел арабским и языками народов Средней Азии, был красноречив, отважен и хитер, знал Коран и пользовался всеобщим уважением, ведя жизнь правоверного мусульманина. Его имя было окружено легендами: ему приписывали силу Геркулеса, дар чудотворца и неуязвимость. Башкирский фольклор так прославлял его достоинства:

*Хан, хан Карасакал
Едет, смотрите!*

⁸⁷ Витевский В.Н. Указ. соч. С.144.

⁸⁸ Там же. С.146.

⁸⁹ Там же. С.150.

⁹⁰ Соседние с Башкирией регионы жили в ожидании войны; в Екатеринбурге Татищев заставил работных людей проводить раз в неделю военные учения и несколько раз в год тренироваться в стрельбе из огнестрельного оружия (Попов Н. Указ. соч. С.168).

*В белой чалме, на черном коне;
Грозно он саблею машет
И громко правоверных скликает
Идти на врагов, идти против неверных*⁹¹.

Будучи человеком осторожным, он считал, что не может принять титул башкирского хана, пока не заслужит его своими делами. Он утверждал, что турецкая армия, возглавляемая самим султаном (якобы другом Карасакала), вот-вот выступит ему на помощь, а затем против русских поднимутся казахский и астраханский ханы, к которым присоединятся 20000 джунгар...

Карасакал появился еще при Кирилове, но лишь в 1739 г. он объявил себя башкирским ханом. На следующий год Карасакал возглавил новое восстание, которое было быстро подавлено властями. Несмотря на просьбы башкир, новоявленный хан так и не пришел к Уфе, ограничившись действиями на Яике и Самаре. Лишь однажды он столкнулся с царскими войсками, но потерпев от них поражение, ушел к казахам. С тех пор о нем никто не слышал. Что касается Башкирии, то ее вскоре усмирил Урусов. Было убито 16000 человек, разрушено 700 деревень, 3700 человек отдано в крепостные, 300 высечено кнутом с отрезанием у них носов и ушей. Кроме того, у башкир отобрали 12000 лошадей, 6000 коров и овец. После этого русскому правительству больше не нужно было наказывать коренное население; вскоре восстание было ликвидировано, а разбежавшихся в ходе него башкир власти попытались вернуть обратно⁹².

* * *

Башкирский бунт не помешал строительству укрепленной линии, завершеному Неплюевым. Еще при Урусове была упразднена Закамская линия (кроме Самары, где предполагалось оставить часть войск), а остатки ее гарнизона перевели в Оренбург. Так возникли оренбургские казаки, которые получили особый статус по сенатскому указу от 22 июля 1748 г., а официальное признание – в 1753 г.⁹³ Таким образом, граница Российской империи отодвинулась на 400 км, и в течение последующих 100 лет проходила по Яику (Урала).

В самой Башкирии царила разруха. Табынский завод, несмотря на наличие рядом крепости, башкиры уничтожили еще до его пуска. Промышленное освоение региона возобновилось в 1745 г., причем первые результаты этого появились только через 10 лет. Война в Башкирии привела к упадку экономики региона, одновременно создав благоприятные условия для русской колонизации края, поскольку башкиры больше не представляли угрозы. Следует, впрочем, отметить, что начав в 1735 г. бороться с восстанием, правительство одновременно взяло курс на интеграцию края в состав России, что должно было начать прямую эксплуатацию Башкирии русскими.

Стремясь защитить коренное население от злоупотреблений чиновников, правительство 31 мая 1735 г.⁹⁴ разрешило башкирам рассматривать мелкие дела в шариатских судах. Одновременно власти начали перепись всех переселенцев. В это время были составлены реестры тептярей и бобылей для обложения их особым налогом. Во избежание этого большинство тептярей и даже православных (перешедших при этом в ислам) объявили себя башкирами. Это приняло такой размах, что правительство было вынуждено ввести суровые наказания за переход в ислам. После этого Кирилов попы-

⁹¹ Витевский В.Н. Указ. соч. С.167. Несмотря на всю важность экономических и политических причин восстания, большое значение в нем играл религиозный фактор.

⁹² <Подробнее о событиях 1735-1740 г. см.: Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в.: Учебное пособие. Уфа, 1987; Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг.: Учебное пособие к спецкурсу. Уфа, 1977>.

⁹³ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.45, 47.

⁹⁴ Витевский В.Н. Указ. соч. С.391.

тался переписать все население региона. Он составил «разделение» башкирских племен по дорогам и волостям, отделив плативших ясак (ясашных) от тарханов⁹⁵. Сведения Кирилова весьма приблизительны и даже не позволяют установить численность башкир, но, тем не менее, они дают общее представление об их социальном устройстве. Проведением этой переписи башкиры были очень недовольны.

Чтобы подавить бушевавшее в крае восстание Кирилов в декабре 1735 г. представил императрице план реорганизации Башкирии, легший в основу всех последующих решений. Характеризуя этот документ, следует прежде всего обратить внимание на силовые меры, с помощью которых Кирилов пытался изолировать башкирский народ от соседей, разрушить его феодальную организацию и отменить все налоговые привилегии. Кирилов предлагал ограничить браки башкир с казанскими татарами, передать в полную собственность мещеракам, тептярям и бобылям башкирские земли, которые они до этого арендовали, отменить привилегии тарханов (тем самым Кирилов назвал тех, кто был ненадежным союзником России) и обложить ясаком всех без исключения башкир. По башкирской аристократии был нанесен двойной удар: во-первых, земельная реформа лишала ее части владений, и, во-вторых, у нее отбирались все налоговые льготы⁹⁶.

Кирилов стремился полностью уничтожить башкирскую элиту (как мы увидим далее, этот проект не был реализован), предлагая ликвидировать власть тарханов и других крупных феодалов. Он считал целесообразным запретить башкирам держать кузницы и назначить в каждую волость 2-3 старшин, ответственных за порядок *непосредственно* перед русской администрацией. Эта привилегия, которой ранее обладали тарханы, теперь должна была перейти к средней социальной прослойке башкир, менее влиятельной, но более зависимой от воевод. Ответственность за сбор ясака планировалось возложить на специальных лиц. Наконец, число ахунов (религиозные лидеры, игравшие важнейшую роль в восстаниях) должно было быть сокращено: на каждую дорогу предполагалось назначать (а не выбирать, как ранее) по 1 ахуну, который не мог без специального разрешения строить мечети и медресе.

Кирилов рекомендовал возводить в местах проживания башкир маленькие городки, и, главное, предлагал разрешить покупку башкирских земель всем желающим. В целом эти планы отражали точку зрения тех правительственных кругов, которые были сторонниками силового решения башкирского вопроса, и поэтому они лишь частично вошли в тексты указов от 11 февраля 1736 г. и 24 февраля 1738 г.

Главные принципы нового устройства края были изложены в указе от 11 февраля 1736 г.⁹⁷ Этим указом отменялись предыдущие запреты на покупку башкирских земель; отныне разрешалось это делать «дворянам и офицерам и мещеракам», тем самым положив «начало свободной колонизации»⁹⁸. Относительно тептярей и бобылей он поручал решить этот вопрос местным властям (т.е. главе Оренбургской экспедиции Кирилову). Указ от 20 августа 1739 г.⁹⁹ закрепил права пришлых народов, поселившихся на башкирских землях, и одновременно угрожал суровыми санкциями тем, кто будет притеснять башкир.

Указ от 11 февраля, претворивший в жизнь самые смелые мечты Кирилова, освобождал тептярей и бобылей, «давно» поселившихся в Башкирии, от арендной платы, которую они платили своим хозяевам, и, следовательно, предоставлял им в полную собственность земли, которые они обрабатывали. Тептяри и бобыли, конечно, продол-

⁹⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.65-74; Витевский В.Н. Указ. соч. С.392.

⁹⁶ Изложение проекта Кирилова см.: Соловьев С.М. Указ. соч. СПб.: Общественная польза, 1911. Т.ХIV. С.1536; Витевский В.Н. Указ. соч. С.145.

⁹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6890.

⁹⁸ Витевский В.Н. Указ. соч. С.393.

⁹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.X. № 7876.

жали платить русским ясак. Но они теперь делились на тех, кто участвовал в восстании и тех, кто этого не делал; в первом случае к ясаку добавлялся натуральный налог рожью или овсом.

Русское правительство, освобождая зависимые от башкир категории населения, умело разжигало классовую вражду, увеличивая число своих сторонников и ослабляя экономическую мощь башкирских феодалов. Тот же указ отдавал служилым мещерякам земли, конфискованные у повстанцев. Но это была не просто передача земли из одних рук в другие. Правительство, по понятным причинам, не хотело сохранять у нерусских народов края крупную собственность. Вот почему указ ограничил размеры земельных участков, которыми могли владеть обладатели того или иного социального статуса: старшины-мещеряки получали 200 четвертей земли, сотники – 100, рядовые – 50 четвертей, но, по всей видимости, распределение земли так никогда и не было закончено.

Привилегии мещерякам, тептярям и бобылям были, как мы увидим далее, вынужденными. Русские власти не хотели заселять Башкирию неславянским населением. Указ от 11 февраля угрожал жестокими наказаниями тем, кто не сообщит о новых нерусских переселенцах. Такие угрозы раздавались и раньше, но теперь, в 1736 г., они стали более эффективными, ведь именно в это время в крае впервые провели перепись всего населения и ввели почти прямой режим управления башкирами, оттеснив их аристократию.

Тарханы утратили свою власть и функции посредников между русской администрацией и своим народом. Правительство, однако, не стало упразднять это звание, как того хотел Кирилов, но отныне – и здесь к кириловскому проекту прислушались – башкирами управляли старшины (2-3 человека на 1 волость), непосредственно подчиненные воеводе. Звание «главного старшины», которое часто имели тарханы, отныне теряло свое значение¹⁰⁰. Старшины, выбиравшиеся (впрочем, всего лишь на 1 год) теперь из средних социальных слоев, стали марионетками русских властей¹⁰¹.

Таким образом, правительство пыталось ослабить власть башкирских лидеров, перераспределив ее среди остальной элиты. Отныне башкиры могли проводить свои общие собрания 1 раз в год, в течение 1 дня, и в определенном месте (на берегу реки Чесноковки, в 10 верстах от Уфы). 9 июня 1737 г. они были полностью запрещены и заменены собраниями волостей¹⁰². Наконец, за мусульманским духовенством устанавливалось пристальное наблюдение. Правительство не стало вводить, как того хотел Кирилов, практику назначения ахунов русскими властями, сохранив прежнюю выборную систему, сократив, однако, их число до 4 – по числу дорог Башкирии. Ахунам запретили принимать в мусульманскую веру приверженцев других конфессий, а для строительства мечетей и медресе теперь требовалось специальное разрешение. Кроме того, ахуны обязаны были сообщать властям обо всех готовящихся антирусских действиях. Другие предложения Кирилова (в частности, разоружение башкир, запрет им иметь кузницы в деревнях, необходимость получения разрешения на брак между башкирами и татарами) полностью вошли в текст указа.

Итак, указ от 11 февраля 1736 г. положил конец российскому протекторату над башкирами. Однако их быстрой интеграции в состав Российской империи препятствовал полукочевой образ жизни. Башкирская волость все еще оставалась племенной, а постоянные перекочевки населения затрудняли исполнение законов. В частности, поэтому не удавалось пресекать сговоры башкирских предводителей, поскольку на летних кочевках они могли свободно общаться друг с другом, и невозможно было точно

¹⁰⁰ Главные старшины вновь начали играть заметную роль при организации волостей в 1738 г.

¹⁰¹ Они получали вознаграждение, пропорциональное размерам собираемого ими ясака (распоряжение Татищева от 22 января 1738 г.): *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. С.41.

¹⁰² Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. № 7278.

учесть всех башкир. Вот почему 24 февраля 1738 г. Оренбургская комиссия решила поделить Башкирию на территориальные волости, по 200-500 дворов в каждой¹⁰³.

Эта мера не имела большого значения для полукочевых северных башкир. В основном волости создавались из зимних поселений башкир, что должно было способствовать их переходу к оседлости. Понятно, что указ не мог за один день изменить социальную структуру башкирского общества. Башкиры, приписанные к территориальной волости, одновременно входили и в племенные волости, а башкиры, принадлежавшие к одному племени, оказывались рассредоточенными по нескольким территориальным волостям. В итоге обе административные системы наложились друг на друга, увеличив численность башкирской бюрократии. Главные старшины вновь возглавили территориальные волости (тарханам это удавалось теперь реже), в которых одновременно возникли структуры во главе со старшинами племенных волостей. Административное устройство башкир, введенное в 1736 г., сохранялось до конца XVIII в. При этом территориальная раздробленность не препятствовала взаимодействию главных старшин одной волости со старшинами других, часто очень далеких, волостей, подобно тому, как лишившиеся власти тарханы сохраняли между собой тесные социальные связи. Эта устойчивость традиционных связей ярко проявилась в ходе восстания 1755 г.

Глава IV ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЮЖНОГО УРАЛА И ПОСЛЕДНИЙ ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В БАШКИРИИ (1745-1762 гг.)

Строительство горных заводов и изъятие башкирских земель. – Постройка защитных линий и тяжесть поборов с населения. – Русская колонизация и объединение коренного населения против России. – Указ от 16 марта 1754 г. – Политика насильственной христианизации. – Восстание 1755 г. как последний подъем национального и религиозного движения в крае. – Батырша. – Попытки создания союза башкир с мусульманскими народами. – Крах идеи священной войны. – Место восстания 1755 г. в общерусском бунте. – Террор против башкир.

Восстание 1735-1740 гг. на несколько лет отсрочило индустриализацию¹⁰⁴ Башкирии, которая началась в 1745 г. В какой-то степени этот бунт изменил ход истории Южного Урала. Башкиры, жестоко наказанные после подавления восстания, больше не сопротивлялись строительству горных заводов, поглощавших значительные пространства их земель.

Башкиры продавали свои земли заводам только на основании юридических документов, при условии частичного сохранения своих прав на их использование. Именно так башкиры Каратабынской и Баратабынской волостей, оформив в Оренбургской губернской канцелярии соглашение, уступили 28 ноября 1751 г. тульским заводчикам братьям Мосоловым (Масаловым) земли, протянувшиеся на 3 версты по обоим берегам Миасса (речь идет о верхнем Миассе, выше озера Аргаз), «с реками, рыбными угодьями, пастбищами, лесами и угодьями хмеля»¹⁰⁵. Но как видно из нового соглашения от 10 сентября 1775 г. (с преемником Мосолова Лугининым), башкиры-скотоводы сохранили свое право кочевать на проданных землях, за исключением земель вокруг озер (например, упомянутого озера Аргаз), а оседлые башкиры – эксплуатировать луга, леса и рыбные угодья¹⁰⁶, т.е. продажа представляла собой как бы бессрочную аренду (обычная продажа была редкостью), за которую башкирам ежегодно платили небольшую

¹⁰³ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.27.

¹⁰⁴ Говорить о «индустриализации» Башкирии можно с большой долей условности, поскольку она ограничивалась строительством нескольких заводов, довольно крупных, но очень удаленных друг от друга. Промышленность Южного Урала так и достигла такого размаха, как на Среднем Урале.

¹⁰⁵ Условия соглашения см.: Витевский В.Н. Указ. соч. С.653.

¹⁰⁶ Там же.

сумму. Так, Авзяно-Петровский и Кагинский заводы владели 180000 десятин (свыше 130000 га) земли, выплачивая башкирам по 20 руб. в год, Преображенский – 100000 десятин за 100 руб.¹⁰⁷ Несмотря на то, что стоимость аренды порой могла значительно варьироваться, она все равно оставалась очень низкой.

Башкиры, сохраняя права на пользование землями, кажется, не возмущались низким размером арендной платы. Заводовладельцам переходили в пользование обширные лесные массивы, которые на долгое время могли обеспечить функционирование промышленных предприятий. Первое время индустрия почти не оказывала влияния на хозяйство башкир, промышлявших охотой, сбором меда и хмеля. Но вскоре горные заводы уничтожили значительную часть лесов Башкирии. Домны пожирали лес гораздо быстрее, чем он восстанавливался. Когда стало ясно, что лесные ресурсы края все же не безграничны, заводовладельцы пересмотрели права башкир. Лишь теперь, когда права башкир стали ущемляться, этот народ почувствовал себя угнетенным. В текст соглашений часто включались обязанности башкир платить за издержки: например, в акте продажи, упомянутом выше, говорилось, что в случае нарушения башкирами соглашения они должны будут выплатить Мосолову компенсацию в тройном размере от понесенного ущерба.

Необходимо обратить особое внимание на то, что заводы со временем стали напоминать города, поскольку имели собственную церковь, часто школу (грамотные люди были нужны в конторах), полицию, пожарную службу, огороженные заборами дворы рабочих семей, иногда бараки, где ютились временные работники и холостяки¹⁰⁸. Заводы, таким образом, прекрасно приспособились к местным условиям. Что касается снабжения промышленных предприятий продовольствием, то на севере Башкирии оно привозилось извне, а в более плодородных районах Южного Урала крестьяне получили покинутые башкирами земли. Кроме вспомогательных работ (рубка леса, углежжение, извоз), которые вынуждали их уходить далеко от своего дома, заводские крестьяне занимались еще промыслами (охотой, рыболовством, собирательством), что делало их прямыми конкурентами башкир. Таким образом, несмотря на заключенные с башкирами соглашения, горные заводы все же способствовали постепенному изгнанию этого этноса с его территории.

Однако не нужно судить о размахе индустриализации в крае только по количеству заводов. В Таблицах 50, 51 показано, что на Южном Урале до восстания 1755 г. почти не было промышленных объектов:

Таблица 50
Заводы Южного Урала в 1745-1761 гг.

Дата пуска завода	Название завода	Специализация завода
1745 г.	Воскресенский	Медеплавильный
1747 г.	Нязе-Петровский	Железодельный
1750 г.	Преображенский	
1751 г.	Каноникольский	Медеплавильный
1752 г.	Богоявленский	
	Архангельский	
	Троицкий Верхний	

¹⁰⁷ Флоринский В.М. Указ. соч. С.750.

¹⁰⁸ Алекторов А.А. Указ. соч. С.40.

1753 г.	Авзяно-Петровский Верхний	Железодельный
1754 г.	Архангельский (Шаранский)	Медеплавильный
1755 г.	Покровский	
	Вознесенский	
1757 г.	Благовещенский	
1759 г.	Верхоторский	Железодельный
1761 г.	Златоустовский	

Таблица 51
Заводы Исетской провинции

Дата основания завода	Название завода	Специализация завода
1749 г.	Каслинский	Железодельный, медеплавильный
1757 г.	Кыштымские Верхний и Нижний	Железодельные

Но, несмотря на малочисленность заводов, они, будучи связанными водными путями, в конечном счете, изменили облик края. Хотя российское законодательство требовало дружелюбно относиться к местному населению и не посягать на его права (к тому же узаконенные при оформлении соглашений о продаже земель), развитие промышленности в крае, в силу специфики функционирования самой этой отрасли, привело к фактическому ограничению свободы башкир.

Информация о ситуации в крае редко доходила до столицы. Донесения, посылаемые с мест, были полны оптимизма: «Здесь крепко наблюдается, дабы заводчики с ними, башкирцами, порядочно поступали, и без договора с ними лесом и никакими угодами не пользовались, и так оное здесь порядочно происходит, что от башкирцев никаких жалоб, и от заводчиков неудовольствия не было»¹⁰⁹. На самом деле, радужные заверения властей маскировали усиливавшийся протест башкир против проникновения сюда русской промышленности. Таким образом, русское правительство оказалось неподготовленным к восстанию 1755 г.

Миф о благополучии в регионе поддерживали также его «оборонительные линии», построенные в 1735 г. Но думается, что они существовали до Неплюева лишь на бумаге, а в крае имелось лишь несколько одиночных крепостей. В 1742 г. «на громадном пространстве от Каспийского моря до Аральского и от Оренбурга (нынешнего Орска) до Самары не было почти ни одного хорошо укрепленного пункта; самый Оренбург, кроме командирского дома, состоял исключительно из бедных землянок; крепость была окружена плетнем, находившимся наверху земного вала, и охранялась небольшим гарнизоном...»¹¹⁰. Единственной крепостью в регионе оставался Яицкий городок (сегодняшний Уральск). Конечно, В.Н.Витевский сильно преувеличил заслуги Неплюева. При чтении его книги складывается впечатление, что до 1742 г., т.е. до назначения сюда Неплюева, на Южном Урале вообще ничего не было. Хотя, конечно, следует все же признать, что строительство большинства крепостей линии, как, впрочем, и основание Оренбурга на месте его нынешнего расположения действительно были заслугой Неплюева. Таким образом, начиная с 1742 г., башкир все чаще стали привлекать к строительству укреплений.

Кроме того, активизация действий России в регионе привела к скупке и изъятиям земель для переведенных во вновь построенные крепости казаков из Самары и Уфы¹¹¹. И, наконец, при Неплюеве в Башкирии возникла почта. Это было сделано для

¹⁰⁹ Витевский В.Н. Указ. соч. С.650.

¹¹⁰ Там же. С.180.

¹¹¹ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.45. Пришлые народы, кроме того, каждое лето поставляли некоторое количество людей для охраны пограничных крепостей.

вывода из изоляции яицких крепостей и заводов, расположенных в бассейне Белой. Новая служба была создана 17 марта 1750 г. по решению Оренбургской канцелярии. Отныне Южный Урал и Исетская провинция вошли в единую почтовую систему империи. Однако эта инициатива властей легла тяжелым бременем на нерусское население, которое теперь должно было содержать почтовые станции. О недовольстве башкир этим делом свидетельствует то, что в 1755 г. восстание в Исетской провинции началось с разрушения Троицкого почтового тракта¹¹², отнюдь не имевшего военного значения.

Таким образом, 1750-е гг. – это время активного проникновения России в регион, которое, в частности, увеличило долю русских в составе его населения. Я уже приводил сведения о численности башкир, которые, несомненно, не намного изменились с началом XVIII в. Наиболее убедительные данные содержатся в донесении вице-губернатора Уфы, полковника Люткина в 1754 г.¹¹³ Он оценивал все население Уфимской провинции (включая войска) в 412000 человек, из которых более 75000 (18%) составляли русские. Согласно Люткину, в крае было 324 села и деревни, несколько крепостей (крупнейшие: Нагайбак – 500 жителей, Табынск – 320, Красноуфимск – 312), и 5 «городов» (Уфа – 3728 человек, Мензелинск – 1200, Бирск – 1021, Оса – 920, Заинск – 200). В общей сложности, по данным П.И.Рычкова, в Оренбургской губернии в 1762 г. проживало 200000 русских¹¹⁴. Это, конечно, очень мало, если брать всю Башкирию, но нужно иметь в виду, что они селились преимущественно на самых плодородных землях, а также вдоль дорог, связывавших край с остальным миром. Сеть населенных пунктов в 1750-е гг. была уже настолько развита, что само существование башкир оказалось под угрозой.

Теперь постараемся выяснить, видело ли русское правительство в нерусском населении, обладавшем некоторыми привилегиями, свою опору? Анализ ситуации, сложившейся в 1745-1755 гг., свидетельствует, что накануне восстания 1755 г. в среде нерусских переселенцев возникли антирусские настроения. С одной стороны, мишари, тептяри и бобыли не получили, несмотря на указ 1736 г., того, что было обещано им русским правительством; с другой – рост налогов все больше и больше ухудшал их жизнь.

Так, например, в 1745 г. обязанности нерусского населения в Башкирии были таковы: башкиры, обложенные ясаком, должны поставлять 1000 человек для крепостей региона, и бесплатно перевозить чиновников (это обязательство будет заменено в 1750 г. требованием содержать почтовые тракты), а освобожденные от ясака тарханы снаряжали 280 человек на военную службу; что касается мишарей, также освобожденных от уплаты ясака, то они тоже должны были нести службу и поставлять около 200 человек для охраны рубежей Оренбургской линии¹¹⁵. Чтобы компенсировать мишарям потери, понесенные ими в результате восстания 1735 г., и, особенно, чтобы они не объединились с башкирами, им отдали башкирские земли. Но, вероятно, их не удовлетворили итоги раздела земли или распределение ее не всегда было проведено удачно¹¹⁶. Как бы то ни было, мишари жаловались, что указ 1736 г. во многом так и остался невыполненным. Кроме того, получение мишарями башкирских земель не привело к улучшению ситуации, ибо с 1747 г. они были обложены, как и башкиры, денежным ясаком по 25 коп. со двора.

По указу 1736 г. тептяри и бобыли также получили башкирские земли. Тем не менее, они по-прежнему должны были платить ясак размером в 49 коп. (в действительности, в зависимости от обстоятельств, он составлял 24-29 коп.), и отправлять каждое

¹¹² Там же. С.47.

¹¹³ Витевский В.Н. Указ. соч. С.395.

¹¹⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.49.

¹¹⁵ Витевский В.Н. Указ. соч. С.422-423; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.72-73.

¹¹⁶ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.42-43.

лето 700 человек для строительства крепостей¹¹⁷. Но хотя уже нельзя точно узнать, как шла реализация указа 1736 г., создается впечатление, что привилегии тептярям и бобылям все еще оставались на бумаге. Они жаловались, что получили лишь часть обрабатываемых ими земель, причем отнюдь не самую лучшую. Тептяри и бобыли, как и раньше, платили оброк башкирам. Вероятно, указ 1736 г. был для русского правительства вынужденной мерой, и как только башкиры были усмирены, власти о нем забыли.

В 1747 г. налоги с тептярей и бобылей были резко увеличены. Мишарей вновь уравнили с башкирами в отношении выплаты ясака, а тептярей и бобылей обложили налогами, сумма которых возросла с 49 до 80 коп., и которые отныне собирались не «со двора», а «с души»¹¹⁸. Эта цифра кажется незначительной лишь на первый взгляд. Если взять для сравнения тарифы оплаты труда на заводе, то эти налоги, внезапно выросшие в 8 раз (будем условно считать, что 1 двор состоял из 4 душ), составляли примерно месячную зарплату одного рабочего. Правда, некоторые башкиры, заменяя на вспомогательных работах приписных крестьян, получали за это вознаграждение, которое иногда вдвое превышало размер заводского заработка; для этих башкир уплата налогов была не проблемой, но резкое повышение налогов ухудшило положение всего нерусского населения.

Новый размер налога продержался до 1754 г., когда русское правительство предприняло шаги, которые во многом способствовали возникновению восстания 1755 г. Сенатским указом от 16 марта 1754 г. ясак был упразднен и заменен требованием покупки в казне соли из расчета 35 коп. за пуд. До сих пор башкиры сами добывали соль в районе Илека. Теперь им приходилось ее покупать, что оказалось тяжелее уплаты ясака. Основываясь на данных В.Н.Витевского, А.П.Чулошников утверждает, что покупка соли башкирами приносила казне ежегодно 15000-16000 руб., тогда как ясак давал ей лишь 4932 руб. 65 $\frac{1}{2}$ коп.¹¹⁹ Чтобы дать оценку этим цифрам, необходимо выяснить, добывали ли башкиры соль до 1754 г. действительно свободно, или же это было в руках како-то их группы или даже торговцев. В последнем случае, с учетом расходов на добычу соли и прибыли от ее продажи, новый налог вряд ли превышал в 3 раза прежний ясак, но от этого он не был легким. Нововведение, очень прибыльное для властей, сразу же вызвало протест у башкир.

Теперь в регионе (колониальный характер которого уменьшался день ото дня) активно действовали ранее созданные здесь институты. Присутствие все более увеличивавшегося числа русских поселенцев, а также географическая близость России отличали Башкирию от заморских колоний западноевропейских государств. На исследуемой мною территории разыгралась драма истории башкирского народа, который хотя и отличался от своих соседей культурой, языком и религией (в силу чего сохранял свою самобытность), но слишком близко располагался от России и был пропитан русскими переселенцами. Поэтому постепенно он стал ассимилироваться, и лишь его относительно высокая численность замедлила этот процесс.

Для сравнения укажу на живших гораздо севернее вогулов. Находясь в аналогичных условиях, но будучи малочисленными, они практически обрусели уже в конце XVIII в.¹²⁰ Башкиры же сохранили свою самобытность. Главной причиной этого была их религия. Контакты башкир с тюркскими народами степей и Средней Азии, а также с крымскими ханами позволяли им иметь у себя духовенство, обеспечивать религиозное образование и враждебно относиться к неверным, которые были, кроме того, их покорителями. С этим постоянно сталкивался интеграционный курс русских властей, которые до 1750-х гг. вели массовую христианизацию нерусских народов региона. Резуль-

¹¹⁷ Витевский В.Н. Указ. соч. С.423.

¹¹⁸ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.42.

¹¹⁹ Там же. С.48.

¹²⁰ Паллас П.С. Указ. соч. С.278.

таты этой политики хорошо видны на примере мусульман Поволжья. К сожалению, мы гораздо меньше знаем о ее последствиях в Башкирии, но здесь, видимо, то же не обошлось без крутых административных мер, направленных в поддержку православия.

Центром христианизации стала Нагайбацкая крепость (на р. Ик)¹²¹. Свидетельства о злоупотреблениях митрополита Сильвестра в Исетской провинции раскрывают некоторые аспекты политики насильственного крещения¹²². Указом от 20 февраля 1744 г. запрещалось строительство мечетей рядом с новообращенными деревнями¹²³. Несмотря на то, что жалобы в связи с этим муллы Батырши, одного из религиозных руководителей повстанцев, были во многом голословны, к 1750 г. размах борьбы с исламом, ставшим единственной защитой башкирского народа, принял в Башкирии огромные масштабы.

Таким образом, история Башкирии в 1745-1755 гг. была насыщена многочисленными акциями протеста. Новые тяготы и административные меры Неплюева вновь вызвали бунт. Указ 1754 г. о покупке соли воспламенил край. Но в этом восстании особо проявился религиозный фактор. Его рассмотрение позволит шире показать национальный подъем башкир в 1755 г. Муллы из поволжских татар – более высокоразвитого этноса, чем башкиры – сыграли большую роль в начале восстания, попытавшись использовать башкир для защиты ислама и, может быть, для реализации своих сепаратистских планов¹²⁴. Движение 1755 г. было и национальным и религиозным одновременно.

* * *

Причинами восстания 1755 г. были, с одной стороны, призывы Батырши, пытавшегося объединить всех местных мусульман против неверных русских, а с другой – недовольство, вызванное увеличением налогового бремени.

Батырша (род. ок. 1710-1716 гг.) долгое время учился у татарского муллы (этот термин не всегда обозначает служителей культа: в Средней Азии и Поволжье он применялся к грамотным людям, знавшим священные тексты ислама)¹²⁵ в знаменитой мечети под Бугульмой. В 1746-1749 гг. он проповедовал ислам в Исетской провинции, затем 6 лет учительствовал в медресе у башкир Сибирской дороги. Хорошо образованный, Батырша считался в Башкирии непререкаемым авторитетом в вопросах ислама. По всей видимости, в 1750-е гг. в его проповедях появились антирусские нотки, и, следовательно, – с точки зрения правительства – возник заговор. Постепенно он пришел к мысли о необходимости начала священной войны мусульман против русских, которые испытывали тогда трудности: на Среднем Урале происходили волнения среди приписных крестьян, беспорядки должны были вот-вот перекинуться на новые горные заводы Южного Урала. Социальный кризис породил у некоторых лиц уверенность в близком конце русского могущества. Грандиозные планы Батырши объясняются именно верой в эту иллюзию.

Таким образом, на мой взгляд, у поволжских мусульман, подвергавшимся с 1740-х гг. массовому насильственному крещению, возникла возможность реванша. Христианизация успешно шла у марийцев, мордвы и чувашей, но натолкнулась на сопротивление татар и башкир: за 13 месяцев (весь 1741 г. и январь 1742 г.) в Казанской губернии приняла православие 9159 человек, и среди них было лишь 143 татарина и башкира¹²⁶. Правительство, как я уже писал, запретило строительство мечетей. Оно да-

¹²¹ Витевский В.Н. Указ. соч. С.443, 446.

¹²² Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.48.

¹²³ Полное собрание законов Российской империи. Т.ХII. № 8875.

¹²⁴ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.49.

¹²⁵ Там же. С.62, прим. 4.

¹²⁶ Там же. С.65.

же приказало разрушить недавно возведенные вблизи мест проживания новообращенных семей мусульманские храмы. Всего в Казанской губернии было уничтожено 418 мечетей из 536¹²⁷. В ответ муллы призвали к священной войне с русскими, создав вокруг себя ореол мучеников. Но об их больших заслугах по подготовке восстания, выразившихся в создании скрепленного Кораном союза разнородных и часто враждебно настроенных друг к другу групп населения, быстро забыли. Даже деятельность Батырши не принесла ощутимого эффекта. Как только положение северо-западных башкир в результате действий правительственных войск ухудшилось, Батырша скрылся со своими учениками в лесах.

Призывы Батырши, по крайней мере в начале, стали идейной основой восстания, вспыхнувшего в мае 1755 г. Правда, оно не было всеобщим: в мае 1755 г. поднялись исетские башкиры, но их сразу же беспощадно подавили, а в августе массовое выступление началось в верховьях Белой. Везде башкиры отказывались от службы, работ (в начале лета башкир, тептярей и бобылей направляли на земляные работы, строительство крепостей, перевозку грузов, продовольствия и товаров, сенокос, а служилые башкиры и мишари шли охранять крепости Яицкой линии; если они восставали, то это в первую очередь нарушало систему коммуникаций и оборону, а затем уже останавливало всю хозяйственную деятельность) и убегали. В конце мая башкиры Сибирской дороги отказались перевозить «гвоздья и крышечные доски» из Екатеринбурга в Оренбург, строительство которого шло полным ходом. Служилые башкиры и мишари так и не пришли в свои крепости, а тептяри и бобыли отказывались работать на полях. В августе «бунт» (замечу, что в русском языке это слово чаще всего означает отказ от работы, чем вооруженное восстание) распространился по всей южной Башкирии.

Сам факт отказа от работы уже приводил к серьезным конфликтам. Наряду с башкирами и русскими крестьянами к различным работам привлекалась армия. Поскольку в крае остро ощущалась нехватка рабочей силы, использование в хозяйстве военных было достаточно частым явлением, впрочем, имевшим вполне законный характер: указ от 11 февраля 1736 г. предписывал привлекать войска (когда у них не было других дел) к строительству заводов. Но солдаты использовались и на сенокосах. Обычно нерусские работники, самовольно уходя домой, увлекали за собой и соседей. Еще более серьезные последствия вызывал отказ от предоставления транспорта. Из-за этого, казалось бы, мелкого факта все крепости в Башкирии внезапно оказались практически парализованными.

Разумеется, эти примеры стихийного сопротивления необходимо отличать от активных, заранее спланированных и управляемых действий, предполагавших наличие организованных военных отрядов и опытных командиров. Лишь полукочевые башкиры, имевшие большую маневренность и поделенные на отряды, могли вести настоящую войну. Призывы Батырши («Разобьем тех нечестивцев русских и отбросим, изгоним их из наших земель. Воздвигнем мечети и медресе на наших землях и будем радовать об укреплении веры»¹²⁸) быстро нашли отклик в их сердцах. Вот почему восстание ограничилось юго-восточной Башкирией, районом Бугуруслана (верхний Яик), а в остальных местах башкиры ограничились пассивным сопротивлением.

Почему же на юге движение приобрело столь широкий размах? Башкирские отряды не могли, конечно, соперничать с регулярными войсками. Вооруженные пиками, саблями, луками и лишь изредка ружьями, они избегали крупных стычек, ограничиваясь в основном разграблением русских деревень, нападениями на отдельные горные заводы и истреблением принявшего крещение нерусского населения. Когда 8 и 9 августа здесь началось восстание, оно было быстро подавлено. Восстание охватило район Преображенского и Вознесенского заводов. Леса горели, домашний скот разбе-

¹²⁷ Там же. С.66.

¹²⁸ Цит. по: Там же. С.55-56.

жался, крестьяне укрылись на заводах. Но как только восставшие приблизились к крепостям, например, к Заинску (на р. Зай – притоке Сакмары), в которых стояли войска, бунт пошел на убыль: здесь башкиры не могли маневрировать так, как в горах и степи и, кроме того, здесь они не могли рассчитывать на помощь своих единоверцев-казахов. Продолжительность и успех восстания зависел в конечном счете от характера взаимоотношений повстанцев со степными народами.

На какой территории развернулось восстание? Кто в нем участвовал? Насколько призывы Батырши нашли отклик у мусульман, населявших земли между Волгой и Аралом?

Как уже говорилось, восстание ограничилось территорией южной Башкирии. Но в отличие от предыдущих движений оно имело некоторые особенности как в национальном, так и в социальном плане. В движении 1755 г. объединилось множество национальных групп и социальных категорий – татар, башкир, мишарей, тептярей и бобылей, сплотившихся в едином антирусском порыве; это был *массовый протест против русской колонизации края*. Но повстанцев сразу же разделил социальный барьер: убийства (или их попытки) многих старшин нельзя объяснить только тем, что они считались (впрочем, вполне справедливо) агентами русских властей. Имеющиеся источники свидетельствуют, что повстанцы видели в старшинах эксплуататоров. Таким образом, борьба приняла одновременно и социальный, и национальный характер.

Тем не менее, сама башкирская элита не была однородной. Как мы видели, правительство с помощью административных мер ослабило старую аристократию, наделив властью средние социальные категории, которые стали самой надежной опорой России. Поэтому не нужно удивляться тому, что в начале восстания его возглавляли именно представители старой элиты, которые боролись за возврат былых привилегий. Большая же часть феодальных лидеров, наоборот, не участвовала в мятеже. Национальный характер движения ослаблялся тем, что некоторые башкиры, воспользовавшись ситуацией, стали казнить своих соплеменников, вероятно, сводя старые счеты с недругами. В 1755 г. на исторической сцене впервые появляется Тухтамыш (Тохтамыш) Ишбулатов. Его блестящая карьера началась, скорее всего, с участия в убийстве старшины Абдюка. Но может быть, это было просто уничтожением врага? Как бы то ни было, национальные чувства Тухтамыша оказались слабыми. Он перешел на сторону правительства и внезапно напал на башкирский аул в Осинском уезде, который должен был вот-вот взбунтоваться. Трудно сказать, что повлияло на решение Тухтамыша: стремление сделать карьеру или страх перед простыми повстанцами (поскольку движение с самого начала приняло социальную окраску). В любом случае быстрое поражение движения на северо-западе Башкирии были вызвано самими башкирами.

Таким образом, восстание быстро угасло на территориях с полиэтнической и сложной социальной структурой населения. Оно продолжалось лишь на юге, где башкир было большинство, но здесь все зависело от их отношений с казаками и казахами. Уже в мае группы башкир (впрочем, малочисленные), перешли границу, дабы укрыться у своих южных соседей. Переговоры башкир с ханами Средней и Малой Орд с целью заключения союза провалились. Основной причиной этого стали торговые интересы казахов, и вытекающее отсюда их стремление к миру с Россией. Казахи пытались, в первую очередь, получить право торговать на оренбургских и уфимских рынках. Для них прибыль от торговли была превыше интересов ислама. Если бы башкиры сумели доказать, что представляют серьезную угрозу для русских, то тогда, может быть, казахи и поддержали бы своих единоверцев. Однако в мае 1755 г. к казахам пришли 200 башкир, из них воинов было только 124! Самое большее, что могли они попросить у казахов – это принять их как друзей¹²⁹.

¹²⁹ Там же. С.92-93.

В ответ на это Неплюев попытался отрезать башкирам путь к отступлению. В июне 1755 г. капитан Яковлев прибыл к лидерам Малой Орды, с которыми начал вести осторожные переговоры. Первоначально речь о выдаче беглых не шла. Русский посланник пытался заставить казахов признать, что башкиры являются их пленниками, а не гостями. Затем он попросил выдать тех, кто представлял особую опасность для России, а сделанные им довольно крупные подношения казахским вождям (один из казахских ханов получил 600 руб.¹³⁰) обеспечили успех переговорам. В августе к казахам прибыло свыше 10000 башкир¹³¹. Казахи решили ограбить их, на чем так настаивали русские эмиссары. Несмотря на то, что в Малой Орде имелась пробашкирская партия во главе с неким Кучумом, она не имела большого влияния. Казахи напали на башкир и ограбили их. После этого между башкирами и казахами началась настоящая война.

Что касается Средней Орды, отдельные племена которой сотрудничали с башкирами, то она тогда вела войну с джунгарами и калмыками. Таким образом, стечение обстоятельств и мудрая политика Неплюева отняли у башкир потенциальных союзников и оставили их в одиночестве. После этого башкиры готовы были признать любой сюзеренитет, хоть русского царя-самозванца. Когда было нужно христиане и мусульмане выступали единым фронтом.

18 августа 1755 г. 800 конных башкир разбили отряд драгун, имевший неосторожность отойти на 30 верст от Зилаирской крепости. Это открыло Яицкую линию и способствовало массовому переходу границы беглецами. Позднее возобновились и продолжались вплоть до середины октября нападения на Вознесенский и Авзяно-Петровский заводы, и даже на крепости Яицкой линии. Однако башкирские отряды вскоре были оттеснены на юг, где попали в плен к казахам.

В августе 1756 г. лидеры Малой Орды, собравшись на Илеке (т.е. у самой границы с Башкирией), приняли решение выдать находившихся у них башкир русскому правительству. Это позволило царизму высвободить необходимые силы накануне Семилетней войны. На этот раз русские обошлись с башкирами мягко, впервые не казнили ни одного повстанца, однако тысячи башкир наказали кнутом, и отправили работать на уральские заводы или в помещичьи усадьбы Центральной России, отдали в армию или на Балтийский флот. Длинные колонны бывших бунтовщиков потянулись не в Сибирь, куда уходили все каторжане, а на запад, теряя при этом от изнеможения и болезней до 3/4 людей. Таким образом, чтобы облегчить России проникновение в Башкирию, власти предприняли массовое истребление башкирского населения¹³².

Глава V ПОКОРЕННАЯ БАШКИРИЯ (1762-1798 гг.)

Башкирия как составная часть уральской экономики. – Тухтамыш Иибулатов и официальная позиция башкир в Уложенной комиссии 1767 г. – Башкирский народ и Пугачевщина. – Башкирские военачальники в армии Пугачева. – Временный союз башкир с русскими. – Попытка сгладить классовые противоречия во время Пугачевщины. – Разгром Пугачева и рост антирусских настроений в крае. – Возврат к традиционной экономике. – Разорение и последующее возрождение уральской промышленности. – Колонизация края в конце XVIII в. – Промышленный кризис в регионе и относительная стабилизация процесса заселения Башкирии. – Отражение башкирской истории в фольклоре: Салават Юлаев. – Башкиры на русской военной службе. – Указ от 10 апреля 1798 г. и окончательное решение башкирского вопроса.

¹³⁰ Там же. С.96.

¹³¹ Приводимую обычно исследователями цифру в 50000 человек следует признать завышенной. А.П.Чулошников, используя новые источники, уточнил многочисленные факты, касающиеся отношений между русскими, башкирами и казахами, до сих пор известные только из «Записок Ивана Ивановича Неплюева» (СПб., 1893): Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. С.95.

¹³² <Подробнее см.: Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в.; Он же. Башкирское восстание 1735-1736 гг.>.

Колониальное покорение Башкирии должно было полностью завершиться при Екатерине II, но реализацию этих планов отсрочило восстание под предводительством Е.И.Пугачева, которое спровоцировало новое и последнее башкирское восстание.

К тому времени Башкирия уже не была российским пограничьем. Интегрированная в состав Российской империи, она занимала основную часть Оренбургской губернии, основанной 15 марта 1744 г. Частью Башкирии являлась и Исетская провинция. Отделенная от Сибирской губернии в 1758 г., она стала особой административной единицей с центром сначала в Чебаркуле, затем в Теченске, и, наконец, в Челябинске, маленьком городке, в котором в 1773 г. проживало 736 жителей (из них 432 были военные)¹³³. Статус этой провинции постоянно менялся в угоду политическим целям. Экономически она тяготела к Екатеринбург, но на ее территории проживало немало башкир. В итоге Исетская провинция вошла в Оренбургскую губернию. В 1759 г. в Башкирии было 42 территориальные волости, распределявшиеся по 4 дорогам; 13 из этих волостей (2 – в Ногайской дороге и 11 – в Сибирской) как раз и составляли Исетскую провинцию, которая в силу своей близости к кочевникам-казахам имела большое стратегическое значение для России.

В 1773 г. Оренбургская губерния получила от Казанской губернии Самару, а нижнеяицкие крепости – Уральск (Яицкий городок) и Гурьев – отошли к Астраханской губернии (в 1852 г. Гурьев вновь вошел в Оренбургскую губернию). В 1780-1781 гг. Оренбургскую губернию преобразовали в Уфимское наместничество, состоящее из Уфимской и Оренбургской областей. Имевшееся там значительное число уездных центров свидетельствовало о достаточно высоких темпах колонизации, проводниками которой отныне выступали города. В Уфимской области было 8 уездов (Уфимский, Бирский, Мензелинский, Стерлитамакский, Бугурусланский, Челябинский, Белебеевский, Бугульминский), а в Оренбургской – 4 (Верхнеуральский, Оренбургский, Бузулукский, Сергеевский); в Оренбургскую область входила вся Яицкая оборонительная линия. В 1784 г. был создан Троицкий уезд, образованный на базе Челябинского, Верхнеуральского и Уфимского уездов. В 1782 г. центром Уфимского наместничества стала Уфа, но отмена системы наместничеств Павлом I в 1796 г. вернула Оренбургу статус столицы восстановленной одноименной губернии, а Уфа превратилась в уездный центр.

В 1745 г. началась индустриализация края. В 1762 г. на Южном Урале насчитывалось уже 28 промышленных предприятий, из которых 15 были медеплавильными. Крупные заводы возникли на юге Башкирии, поскольку там было больше возможностей для набора работников. Около десятка горных заводов (почти все они были медеплавильными) полностью преобразовали полукочевое хозяйство башкир между Уфой, Оренбургом, Орском и Верхнеуральском.

Все это отразилось в наказах депутатов Уложенной комиссии 1767 г. Как известно, начав работу 30 июля 1767 г. эта комиссия посвятила несколько дней заслушиванию жалоб крестьян и нерусских народов, а с сентября всецело переключилась на рассмотрение проблем дворянства. Однако ее заседания 24, 27 и 28 августа, преимущественно касавшиеся крестьян Оренбургской губернии, позволяют получить достаточно хорошее представление о ситуации, сложившейся в Башкирии накануне восстания Пугачева¹³⁴. Казаки, крестьяне и новокрестьяне жаловались главным образом на недостаток земли и выплату оброка башкирам. Раздражение вызывали и заводские работы, которые рассматривались как угроза полного закрепощения; этим особенно возмущались новокрестьяне, поселившиеся в заводских угодьях. Факты незаконного привлечения к промышленным работам крестьян различного происхождения, поселившихся рядом с

¹³³ Семенов П.П. Указ. соч. С.490.

¹³⁴ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1869. Т.4. С.91-92, 104-106.

заводами, признала даже Комиссия. Для меня важно, что это распространялось и на новокрещен, уже наполовину ассимилированных.

Из этих челобитных ясно, что христианизация в исследуемом регионе шла более или менее успешно. Православие присваивало значительные материальные ценности и постепенно лишало ислам его сторонников. Принявшие христианство нерусские деревни жаловались, что новокрещен поселяют к ним, а не на «свободные» земли. Новокрещены протестовали против того, что башкиры, кроме арендной платы за землю, требовали с них оброк по 25 коп. со двора, и заставляли обустривать край, в частности, строить мосты. Они также упрекали башкир в том, что те ограничивали им пользование пастбищами и лесами¹³⁵.

Земельный вопрос стоял в 1767 г. на втором месте. Башкирские земли представляли тогда весьма большой интерес как для быстро растущего числа переселенцев, так и для новокрещен, мечтавших увеличить свои владения. Переселенцы полагали, что российское законодательство чрезмерно защищает земельные права башкир.

Депутатом от башкир в Уложенной комиссии был Тухтамыш Ишбулатов, о крутых зигзагах поведения которого в 1755 г. я уже писал. Зачитанный им в Комиссии письменный наказ, конечно, мало отражал действительность. В тщательно отобранных, смягченных и приглаженных Тухтамышем, теперь служившим русским, робких жалобах не упоминалось о злоупотреблениях властей и «расхищении» земель. Тухтамыш напомнил о праве башкир на южноуральские земли, и, следовательно, о законности как оброка, взимаемого его народом с крестьян-переселенцев, так и выплат заводовладельцев башкирам за пользование лесными массивами. О событиях недавнего прошлого – восстаниях – он вообще ничего не сказал. Башкиры, судя по словам Тухтамыша, были больше всего озабочены лишь расселением рядом с ними новокрещен¹³⁶.

Однако русское правительство не торопилось удовлетворять требования башкир. Когда новокрещены, проживавшие во владениях заводчиков Твердышева (один из основателей южноуральской промышленности) и Мясникова, попросили переселить их в другие места, опасаясь превращения в заводских крепостных, власти не разрешили это сделать, опасаясь навредить тем самым работе предприятий. Башкирам следовало опасаться не крестьян (как русских, так и нерусских), ранее поселившихся здесь, а новых переселенцев, особенно тех, кто получил землю рядом с заводом. К 1770 г. южноуральская горная промышленность находилась на подъеме. Поскольку ее рост все большее и большее сужал территорию обитания башкир, среди последних зрело недовольство, и только отсутствие средств и возможностей помешало возникновению нового восстания.

Но в октябре 1773 г. башкиры все же взбунтовались, примкнув к яицким казакам под предводительством Пугачева. Я не буду описывать историю этого крупного народного движения, полыхавшего на Южном Урале в сентябре 1773 – августе 1774 г. Замечу только, что участие в нем башкир осложнило положение правительства. Новый башкирский бунт очень напоминал прежние выступления: башкиры опять разоряли русские деревни и заводы, и отказывались охранять крепости оборонительной линии.

Когда Пугачев 1 октября в своем обращении к башкирам одарил их «землями, водами, лесами, домами, ручьями и рыбными ловлями, пашнями и покосами», простые башкиры восприняли его манифест лишь в качестве разрешения восстановить прежние порядки и уничтожать то, что было навязано русскими. Они тут же напали на деревни переселенцев, новокрещен и на заводы, чтобы ликвидировать все следы промышленности¹³⁷.

¹³⁵ Сборник Русского исторического общества. Т.4. С.104.

¹³⁶ Там же. С.106.

¹³⁷ Подробнее см.: Дубровин Н.Н. Указ. соч.

Но у Пугачева были совсем иные планы. Да и башкирские вожди, а также все, кто был вынужден сотрудничать с казачьими атаманами, пока открыто не высказывались о своих целях. Антирусские настроения башкир тогда еще не переросли в открытое насилие. Башкиры просто хотели сменить сюзерена, присягнув самозванцу. Именно поэтому крест и полумесяц нашли тогда общий язык.

Казаки и старoverы были особенно притесняемой правительством категорией населения. В Исетской провинции положение старoverов в результате суровых мер, предпринятых против них при Неплюеве челябинским протопопом Ивановым, было крайне тяжелым¹³⁸. Немало их работало на горных заводах. Но, на мой взгляд, роль старoverов в восстании Пугачева исследователи несколько преувеличивают. Старoverы преобладали на тех уральских заводах (Невьянск, Нижне-Тагильск), что оказали наибольшее сопротивление Пугачеву. Правительство преследовало старoverов, не входя при этом в заводские ворота. Старoverы были настолько покладистыми работниками, что заводовладельцы, помогавшие деньгами православной церкви, умели улаживать эту проблему с воинствующим духовенством. Поэтому положение старoverов было примерно таким же, как рабочих людей и православных крестьян.

Что касается казаков (они были православными), то, видимо, в силу их особого статуса правительство зорко следило за ними. Однако эпизод с Федором Каменщиковым, игравшим важную роль в волнениях на Среднем Урале в 1764-1766 гг., показывает, что заподозренных в расколе казаков обычно переселяли в другую местность, где содержали под особым присмотром¹³⁹. Контроль за казаками все же был во многом формальным, ибо их сложный состав и отсутствие у них идейного единства не вызывали серьезных опасений у правительства¹⁴⁰.

В конце концов, недовольство казаков вряд ли было вызвано религиозными преследованиями; оно имело иные причины¹⁴¹. Союз казаков и башкир первое время был похож на прoнунсиамeнтo¹⁴², объединяющий офицеров для достижения каких-то ближайших целей, – в нашем случае это был переход на сторону нового царя.

С этого времени башкирские вожди уже не могли сдерживать гнев своих людей. Впервые в истории казачьи атаманы и башкирские командиры пытались воспрепятствовать грабегам и убийствам простых русских крестьян. Восставшие восстановили несколько разрушенных предприятий: так, башкирский предводитель Батыркай Иткинин вновь запустил Юговский завод. В это время впервые в истории образовался временный союз между русскими (правда, отдельными заводскими рабочими, а не крестьянским большинством) и башкирами. Но он имел военный оттенок. Всеобщей ненависти к помещикам, заводовладельцам и правительственным чиновникам было недостаточно для сближения русского и нерусского населения, чего так добивались руководители восстания, пытавшиеся ввести в него элементы дисциплины.

Насколько эти меры дали положительные результаты, судить трудно, т.к. бегство приписных крестьян в свои зачастую далекие деревни и уход многочисленных переселенцев на север уже с осени 1773 г. привели к частичному обезлюдению Южного Урала. Очевидно, что восстание вызвало у людей сильный страх за свою судьбу, поскольку уже с весны 1774 г. русские стали жаловаться Пугачеву на башкир¹⁴³. Попол-

¹³⁸ *Алекторов А.А.* Указ. соч. С.41.

¹³⁹ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.417.

¹⁴⁰ Федор Каменщиков, высланный в Троицкую крепость, сохранил тесные отношения с исетскими крестьянами, которые приходили к нему жаловаться на свои тяготы. О Каменщикове см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.417 и сл.

¹⁴¹ Они достаточно четко изложены в уже упоминавшейся мною работе С.Тхоржевского.

¹⁴² <Пронунсиамeнтo – военный переворот в странах Латинской Америки>.

¹⁴³ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С.100.

няя армию самозванца своими отрядами, составившими костяк его войска, башкиры, тем не менее, не хотели распространять восстание на север¹⁴⁴.

После ухода Пугачева с Урала союз яицких казаков и башкир распался. Конечно, какое-то сотрудничество различных социальных категорий повстанцев сохранялось и даже усилилось. Но там, откуда ушел Пугачев, царила анархия. Башкирские отряды не пошли за самозванцем. На несколько недель Башкирия оказалась полностью независимой и тогда башкиры вновь нападали на русских. Именно тогда у башкир появились подлинно самостоятельные общенациональные лидеры. Первое место среди них занимает воин и поэт Салават, сын старого Юлая (один из участников восстания 1755 г., который, несмотря на свой возраст, вновь в 1774 г. взялся за оружие)¹⁴⁵. Но независимость Башкирии вскоре закончилась. Бибиков, нанеся под Оренбургом сокрушительное поражение Пугачеву, прошел через Башкирию, дойдя до границ Яицкой укрепленной линии. В июле 1774 г. царские войска вновь заняли край, неся с собой смерть¹⁴⁶.

Эта последняя в истории Башкирии война не была восстанием мусульман против России. Яицкая оборонительная линия, главной крепостью которой являлся Оренбург, успешно отбив атаки Пугачева, сыграла в 1773-1774 гг. как раз ту роль, которую и предназначали ей Кирилов и Татищев – она окончательно отделила башкир от их степных соседей. Башкирское восстание 1773-1774 гг., тесно сплотившее как нерусское население, так и отдельные социальные категории русских людей, было чисто внутрисословным делом. Оно было инициировано извне, став составной частью пугачевского восстания. Царские власти видели в этом башкирском движении не антирусский, а российский бунт. Следовательно, если в 1755-1756 гг. башкир наказали относительно мягко, то теперь на них обрушился ужасный террор. В итоге башкиры, погибшие в боях и уничтоженные в ходе подавления Пугачевщины, лишились былой силы и уже не могли активно противостоять русской колонизации.

* * *

Однако в конце XVIII столетия процесс покорения башкирского народа застыл на месте, поскольку медеплавильную промышленность охватил глубокий кризис, часть заводов закрылась¹⁴⁷ и лесов для их функционирования теперь требовалось меньше.

Конечно, события 1773-1774 гг. не остановили крестьянскую колонизацию, особенно севера и востока Башкирии. Когда в 1780-х гг. дед русского писателя С.Т. Аксакова, Степан Михайлович Багров, покинул Симбирскую губернию, он, прежде чем переселиться в Оренбуржье, остановился в Бугуруслане, «чтоб порасспросить и разузнать поближе о продающихся землях». Оказалось, что «в этом уезде уже мало оставалось земель, принадлежавших башкирцам»; ситуация была не лучше и в самой Башкирии, в долинах Ика и Демы, где покупка башкирских земель была чревата риском повлечь за собой нескончаемые процессы, «ибо хозяева сами хорошенько не знали прав своих и числа настоящих отчинников»¹⁴⁸. Таким образом, помещики чаще всего селились по среднему течению Белой. Здесь, как и на крайнем востоке края, т.е. в бассейне Исети, переселенцы ассимилировали башкир. Насильственная христианизация, скупка и изъятия у башкир земель привела к их обнищанию и сокращению территории обитания на севере. Именно здесь строилось много заводов, на которых работал местный полупролетариат.

¹⁴⁴ Portal R. Pугачev: Une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne. Paris, 1947. T.I. P.86.

¹⁴⁵ <Гвоздиков И.М. Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1992>.

¹⁴⁶ <Подробнее о событиях 1773-1774 гг. в Башкирии см.: Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. Уфа, 1999>.

¹⁴⁷ Любимов П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. С.466.

¹⁴⁸ Аксаков С.Т. Семейная хроника // Собрание сочинений. М., 1986. T.I. С.38.

Что касается восточных и южных районов края, то там, по-видимому, численность кочевых башкир из-за трагических событий последних 50 лет значительно уменьшилась. Однако колонизация была здесь довольно слабой. Страх, пережитый русскими переселенцами в 1755 г., жил в их памяти еще долго. Здешние башкиры до сих пор сохраняют свои верования, традиции и систему хозяйствования, которые русские этнологи изучали накануне первой мировой войны несколько старомодным способом – путем собирания фольклора. Слабое проникновение сюда русских и упадок на этой территории промышленности позволили сохранить этот последний заповедник башкирской архаики.

С конца XVIII в. башкиры больше не угрожали России. Их былое величие, национальные чувства и религиозные верования отныне сохранялись лишь в поэзии и устном народном творчестве, окрашенном меланхолией и прославлявшем вождей, боровшихся с русскими. Главным героем этих прекраснейших башкирских легенд выступает батыр Салават Юлаев (он и сам был поэтом, вдохновлявшим соратников своими стихами). Салават столько «победил неприятеля, что из тел можно было бы образовать гору, не менее любой горы на Урале». Он «есть истинный посланник великого Аллаха и его великого Пророка». Салават «требовал, чтоб его воины в точности держали закон, исполняли намаз и уразу (пост)..., не заимствовали бы чужого обычая», его «позвал к себе царь, благосклонный к народу (т.е. Емельян Пугачев), который воевал с неверными». Салават «умер в чужой стороне, за веру и народ»¹⁴⁹.

Русское правительство, однако, продолжало использовать башкир в военных целях, хотя значение этого факта все же не стоит преувеличивать. С башкирскими вождями больше не церемонились. Башкирская аристократия была обескровлена, а простые общинники ежегодно поставляли русской армии всадников. Но при Павле I обнаружилось, что яицкие гарнизоны были крайне слабыми, старшинами посылались на службу «бедные и неимущие, следственно неисправные ни оружием, ни лошадьми и частично вовсе неспособные к военной службе» люди, а зажиточные и «лучшие» башкиры откупались от военной повинности. Реальной угрозы на юго-восточной российской границе больше не было, однако казахи иногда еще совершали свои набеги, что подрывало торговлю. В конце XVIII в. в Европе постоянно шли войны. России, обратившей взор на восток, необходимо было обеспечить безопасность своих азиатских границ. Именно поэтому был издан указ от 10 апреля 1798 г.¹⁵⁰ Он предписывал провести перепись башкир, казахов и калмыков в возрасте от 20 до 50 лет, которые могли носить оружие, и распределить их по «кантонам», образовав полки для охраны ближних границ. Сама укрепленная линия была разделена на 5 секторов: Устьуйская крепость – Верхнеуральская крепость, Верхнеуральская крепость – Орская крепость, Орская крепость – Оренбург, Оренбург – Уральск (бывший Яицкий городок: после восстания Пугачева Екатерина II переименовала Яик в Урал), Уральск – Гурьев. Кантонный начальник отдавал свои приказания юртовым начальникам полукочевых племен, и земским исправникам, руководившим оседлым населением. В каждом секторе линии начальник принимал полки, собранные по кантонам, распределял их на посты и нес за них полную ответственность. В каждом кантоне старшины должны были собирать дееспособных мужчин от 20 до 50 лет, формировать полки, проверять состояние оружия (пики, сабли, луки и стрелы, ружья) и обмундирование. Каждый человек должен был привести с собой 2 лошадей. Затем шли положения указа, касающиеся распределения военнотружущих вдоль линии, содержания оружейников в кантонах и полномочий начальников кантонов. Одно из этих полномочий очень интересно: начальник кантона

¹⁴⁹ *Игнатьев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1875. Вып. III. С. 222 и сл.

¹⁵⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. № 18477 (указ от 10 апреля 1798 г.).

должен был смотреть за тем, чтобы военная служба ни в коем случае не ущемляла хозяйство башкир; он обязан был поощрять работающих работников по мере надобности, присваивая им привилегии, отнятые у лентяев. К старшинам прикреплялись русские чиновники, которые следили за исполнением населением военной повинности. Чтобы улучшить производительность труда, указ вводил строгий контроль над башкирами. В частности, запрещалось любое перемещение жителей кантона без разрешения начальства. Старшина-башкир мог разрешить деловую поездку только в пределах своего кантона. Чтобы поехать в другой кантон, необходимо было получить разрешение кантонного начальника.

Указ сопровождался весьма информативной таблицей, включавшей роспись башкирских и мишарских кантонов, имена старшин, число душ или дворов, а также численность рекрутов. В совокупности эти данные представлены в Таблице 52.

Таблица 52
Численность башкир и мишарей по указу 1798 г.

Башкиры	
Численность	Общее число рекрутов, которых нужно поставить армии
Пермская губерния: 7539 душ (мужского пола)	5413
Оренбургская губерния: 22725 дворов	
Мишари	
Численность	Общее число рекрутов, которых нужно поставить армии
Пермская губерния: 224 души (мужского пола)	1118
Оренбургская губерния: 4702 двора	

Эти цифры вызывают удивление, заставляя предположить, что с середины XVIII в. происходит скорее уменьшение, чем рост численности башкирского населения. Учет населения по дворам является весьма приблизительным. Сколько человек составляли 1 двор? В Пермской губернии, где оседлые нерусские народы считались по душам, призывали примерно 3 рекрутов от 40 душ. Применив это к Оренбургской губернии, где перепись велась по дворам, получим 3 души на 1 двор (речь идет, конечно, о душах мужского пола). Но даже если предположить, что 1 двор состоял из 5 душ, то все равно численность башкир в конце XVIII в. не превышала 125000, а мишарей – 25000 человек.

Для того чтобы объяснить такую демографическую стагнацию, нужно вспомнить трагическую историю башкирского народа в XVIII в. Террор, планомерная политика ассимиляции и христианизации не способствовали росту его численности. Но учет 1798 г. не отражал, вероятно, истинного положения вещей. Поскольку, как свидетельствует опыт, точно учесть численность кочевников бывает невозможно (ср., например, переписи кочевников южного Алжира в XX в.), данные, служившие основой для набора башкир на военную службу, являются весьма условными.

При Павле I башкиры стали нести пограничную службу на южноуральской границе. Позднее потребность в пушечном мясе заставила русское правительство набирать полки в азиатской части страны, и тогда на полях европейских сражений появились всадники из далекой Башкирии со своим экзотичным, но примитивным вооружением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика царизма в отношении башкир обуславливалась национальными интересами Российской империи. «Башкирский вопрос» находился в тесной связи с проблемами Средней Азии и развитием уральской промышленности, необходимой для обеспечения военного могущества страны. В течение всего XVIII в. Россия пыталась выжать из Башкирии максимум возможного, нередко прибегая даже к насилию.

Ясак, конфискации лошадей и налог на соль накануне восстания 1755 г. нужны были для российского бюджета, а экономические возможности башкир во внимание не принимались. Первоначально ясак, который платили башкиры, был невелик, но с введением подушной подати он резко вырос. Однако не финансовые тяготы и злоупотребления алчных царских чиновников при сборе ясака были главной причиной башкирских восстаний.

Главными причинами столетнего конфликта, отмеченного пятью восстаниями (последнее из которых, Пугачевщина, было самым мощным), являются явления экономического и социального порядка. Протекторат, при котором социальная структура башкир сохранялась нетронутой, был необходим для окончательного покорения их в ходе индустриализации и колонизации края.

Полукочевой образ жизни малочисленных башкир облегчил крестьянскую колонизацию, которую, впрочем, царское правительство пыталось ограничивать. Скупка за бесценок лесов и пастбищ постепенно сократила территорию проживания башкир. Широкая практика раздачи земель под заводы, конфискация имущества повстанцев, изъятия скота и истребление феодалов привели к регрессу традиционного хозяйства башкир.

Башкирское хозяйство развивалось медленно, постепенно эволюционируя к земледелию, что породило экономический кризис, затронувший сначала элиту, а потом и простых башкир. Именно он был причиной всех восстаний, происходивших после 1736 г. Патриотизм элиты и религиозность народа были здесь лишь фоном.

Смогли ли башкиры хоть как-то интегрироваться в новую экономику? Даже в конце XVIII в. этого почти не было. Башкиры сохраняли свой традиционный тип хозяйства, когда весь регион уже переходил к земледелию. Конечно, небольшая часть башкир уже заготавливала на зиму сено и сеяла хлеб. Башкиры все больше и больше втягивались в промышленную деятельность, сохраняя при этом верность своим традициям. Они работали на заводах извозчиками и лесорубами, заменяли (впрочем, за весьма значительную плату) приписных крестьян. Но на самих заводах башкир практически не было. Все путешественники, побывавшие в Башкирии в 1770 г. (И.И.Лепехин и П.С.Паллас), единодушно считали, что они не способны к промышленному труду.

Башкиры стали массами переходить к оседлости лишь в самом конце XVIII в. Естественно, земледелие развивалось быстрее на севере; на юге полукочевое хозяйство сохранялось дольше, но и там оно все больше и больше становилось «роскошью», доступной только зажиточным семьям, имеющим большие табуны скота. Переход к этой вынужденной оседлости, вызванный бедностью, начался именно в конце XVIII столетия. Однако сила традиции замедляла адаптацию народа к новым условиям, вызванным его покорением.

Традиционное хозяйство башкир не претерпело никаких изменений. Сбор налогов и, особенно, постоянные восстания сохраняли раздробленность племен и родов, усиливали недоверие кочевников к городам и крепостям, откуда приходили солдаты и сборщики подати. Кочевание позволяло избегать если не самих налогов, то, по крайней мере, злоупотреблений чиновников при их сборе. Когда в 1635 г. русские власти задумали собрать налог с человека, а не со двора (как это предписывалось законом), башки-

ры, жившие тогда в своих аулах, быстро отправили своих жен и детей далеко прочь в юрты. В XVIII в. побеги были для башкир одним из способов избежать закабаления.

Какова была сущность контактов, установившихся тогда между башкирами и русскими? Каковы были чувства, которые испытывали покорители и покоренные друг к другу? Было ли покорение Башкирии Россией прогрессивным явлением?

Для ответа на эти вопросы обратимся к рассмотрению социальной структуры башкирского общества. Процесс обнищания основной массы башкирского народа сопровождался, однако, обогащением – по крайней мере, временным – некоторых его слоев. Тарханы и батыры сотрудничали с русскими властями подобно «служилым» татарам. Русское правительство поручило башкирским феодалам сбор ясака и отдало им власть на местах. В результате башкирская аристократия нажила такие богатства, что возбудила ненависть в своем же народе. Подобно тому, как русские крепостные крестьяне время от времени хватались за вилы и дубины и шли громить помещичьи усадьбы, восставшие башкиры в XVIII в. вымещали гнев на своих сотниках и старшинах, отбирая у них скот.

Сложность социальной структуры башкирского общества способствовала сохранению между башкирами и пришлым населением различий, преодоление которых способствовало бы сближению русских крепостных крестьян, простых башкир, тептярей, бобылей и др. переселенцев. Но, едва зародившись, социальная солидарность вскоре иссякала. Частично это было вызвано тем, что власти, предоставляя привилегии некоторым этническим группам (например, мишарям), разобщали потенциальных повстанцев, делая невозможным всеобщий антирусский бунт. Так, например, мишари всегда помогали царскому правительству усмирять башкир.

Конфликты затрагивали преимущественно русских и башкир, причем они имели место даже между одинаковыми социальными категориями. Какой же характер носила эта вражда – извечный или приобретенный?

Религиозные различия, конечно, не способствовали сближению этносов; башкирский ислам, однако, не был ортодоксальным, переплетаясь с мощными языческими пластами. Восстанием 1755 г. руководили муллы, но в нем почти отсутствовал религиозный фактор. Тем не менее, религия отделяла русских от башкир. Русские, осевшие в Башкирии, еще в конце XVIII в. рассматривали этот край как место ссылки, что тонко подметил С.Т.Аксаков: «...переселяться тогда в неизвестную басурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрых слухов, где, по отдаленности церквей, надо было и умирать без исповеди и новорожденным младенцам долго оставаться некрещеными, – казалось делом страшным!»¹⁵¹.

Разумеется, каждый человек тяжело переносит расставание с родиной, но в данном случае сказались еще и традиции православия, столь характерные для простых русских людей, в менталитете которых очень сильна роль семьи.

Хозяйственные различия также разобщали русских и башкир, но это проявлялось по-разному. Даже южные башкиры не были полностью кочевыми, поскольку зимой они вступали в контакты с оседлыми земледельцами. Существенную роль скорее играли бытовые пристрастия: население, пьющее кумыс, находилось на более низком культурном уровне, чем те, кто воспринял от русских чай. Поэтому в северной части Башкирии, в лесах, образ жизни башкир походил на существование русских, и, особенно, татар Среднего Поволжья. Вот почему степень сопротивления башкир экспансии России возрастала с севера на юг, достигая апогея в бассейне Белой.

Кроме того, башкиры-скотоводы часто устраивали грабительские набеги на соседей. Это было древней формой экономических отношений, с которой так безуспешно пытался бороться царизм. Башкиры нападали на русские деревни (как бедные, так и зажиточные), что мешало сближению обоих народов. Как только начинался башкир-

¹⁵¹ Аксаков С.Т. Указ. соч. С.40.

ский бунт, русские крестьяне стремились укрыться под защитой крепких городских стен. Это имело место даже тогда, когда одно из восстаний объединило русских и башкир: в Пугачевщину русские Южного Урала уходили на север, поближе к своим соплеменникам, чтобы спастись от башкирских разбоев.

Набеги периодически переходили в антирусские погромы, вполне объяснимые упомянутыми выше причинами. Благодаря сродству хозяйственных занятий, башкиры и русские в мирное время были друг для друга конкурентами, поэтому спор за лесные, охотничьи и пастбищные угодья порождал постоянные и острые локальные конфликты между ними. Границы расселения обоих народов были прозрачными. Но то, что в среде самих русских являлось причиной недовольства и последующих восстаний, у башкир поддерживало дух национального сопротивления, поскольку русские переселенцы были для них «неверными». Поэтому, та ярость, с которой башкиры сжигали русские села и убивали их жителей, вполне объяснима.

Итак, в отношениях между русскими и башкирами не было никакой классовой солидарности, несмотря на сродство социальных условий их существования. Оба этих этноса были враждебно настроены друг к другу, а если у них и имелось некая общая ненависть к феодальным вождям, помещикам и заводовладельцам, то она не была явной. Даже Пугачевщина не устранила эти непримиримые противоречия.

Однако в ходе пугачевского восстания башкиры и русские, как это не парадоксально, нередко действовали сообща, что представляет большой интерес для исследователя. На первом этапе восстания, когда казачьи атаманы и башкирские вожди, т.е., в отличие от простого народа, более сознательные категории повстанцев, строго контролировали своих подчиненных, грабежи русских деревень, начавшиеся с приходом Пугачева, немедленно прекратились. Но спустя несколько месяцев, когда самозванец был вынужден бежать с Южного Урала, башкиры вновь стали нападать на русских. Следовательно, общность интересов русских и башкир была уделом элиты, а у основной массы населения края сохранялся традиционный менталитет.

Говорить о прогрессивном характере покорения Башкирии Россией, или, если точнее выразиться, пытаться обнаружить его непосредственное отражение на людях, также проблематично. Правда, социальная элита башкир, вставшая на службу царизма (дипломаты, шпионы и переводчики, привлекавшиеся к среднеазиатским делам правительства, тарханы и батыры, осуществлявшие власть на местах), постоянно общаясь с местными или столичными русскими чиновниками, вскоре превратилась в интеллигенцию. Кроме того, борьба с Россией стимулировала литературное творчество у отдельных вождей башкирских повстанцев; следовательно, русское господство способствовало развитию художественных форм мусульманской культуры, которые имели, однако, тенденцию к стагнации.

Нельзя, однако, отрицать и прогрессивные элементы в российском протекторате над башкирами, особенно в плане создания экономической основы для последующего развития края. Строительство дорог, связавших Башкирию с центром страны, крепостей, одновременно являвшихся и местами торговли (таковым был Оренбург), горных заводов, производивших предметы массового спроса, интегрировали Башкирию в российскую экономику. Но в XVIII в. это было еще малозаметно, поскольку на раннем этапе колониального господства отрицательные моменты для покоренного народа обычно превалируют над положительными. По своему образу жизни, формам хозяйства и религии башкиры все еще отличались от русских, но их традиционная социальная структура из-за близости русских поселенцев и в силу сродства хозяйственных систем этих двух этносов, уже мало-помалу распадалась.

Специфика образа жизни башкир, живших в условиях постепенно сжимавшегося вокруг них кольца (которое не смогло, тем не менее, его поглотить), была использована русским правительством в ходе наполеоновских войн. По указу 1798 г. башкир

обязали не только охранять Яик, но и служить в разведке. При этом башкиры продолжали пользоваться своим старомодным оружием: «В двух лье от города Ковно, – рассказывал французский офицер на следующий день после битвы под Ельней, – мы столкнулись с двумя башкирскими полками, направлявшимися в действующую армию. Главным оружием у них был лук, за что мы прозвали их “амурами”»¹⁵².

Таким образом, несмотря на мощную колонизацию, которая постепенно заполнила Башкирию пришлым населением, башкиры не слились с русскими. Россия не допускала в отношении башкир никаких проявлений расизма, а оскорбительные высказывания о них отдельных русских военачальников (например, Урусова в 1740 г.) в ходе подавления восстаний были исключением из правил. «Высшая раса» (русские) не презирала «низшую» (башкир), в отличие от – по крайней мере, в то время, – отношений между покоренными народами и европейскими колонизаторами. Если в заморских колониях европейских стран *все* представители метрополии ощущали себя по отношению к туземцам хозяевами, то в России русские проживали с другими этносами в сходных условиях и по соседству друг с другом. Поэтому русское господство над покоренными народами было одновременно и внутригосударственным, и колониальным.

Однако сходство условий существования не привело к подлинному сближению русских и башкир. Разница в образе жизни и религии способствовала сохранению барьера между ними. Русские относились к башкирам с некоторым превосходством. Причина этого была в том, что по мере все большей и большей интеграции в российскую экономику башкиры превращались в людей второго сорта – прислугу, извозчиков, лесорубов, чернорабочих. Нельзя забывать и о том, что репрессии царизма в годы башкирских восстаний сильно изменили социальную структуру башкирского народа. Не соглашения с русским правительством, а частичное истребление аристократии, возглавлявшей борьбу, обескровило башкир. Стагнация уровня жизни башкир на фоне его постепенного улучшения в среде русских крестьян, лишала первых того уважения, которое они ранее вызывали у переселенцев благодаря своему свободному статусу. Наконец, после реформы 1861 г., освободившей русского крестьянина, всякое сравнение социального положения русских и башкир стало попросту неуместным.

Но экономика башкир к тому времени несколько стабилизировалась. Крупные конфискации земель, обусловленные строительством заводов, стали достоянием XVIII в. Расхищать башкирские угодья продолжали, конечно, и в XIX в., но уже в более мягкой форме. Кроме того, российское законодательство препятствовало незаконной продаже и аренде крупных земельных участков. Вот почему история Башкирии XIX в. уже не столь интересна для изучения. Указ 1798 г. завершил яркую и в то же время трагическую эпоху в истории этого края и установил ту форму отношений между русскими и башкирами, которая сохранялась все XIX столетие.

¹⁵² *Parquin D. Souvenirs et campagnes d'un vieux soldat de l'empire (1803-1814). 2 éd. Paris [etc.], 1892.*

СТАТЬИ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СССР ВО ФРАНЦИИ¹

Изучение русской истории во Франции является старинной традицией, уходящей своими корнями в XVIII век². Вызванное интересом просвещенных французов того времени к России, оно вначале нашло свое выражение в трудах великих французских просветителей Вольтера и Дидро, работы которых способствовали ознакомлению с Россией широкого круга европейских читателей. [...].

Должен был прийти XIX в. вместе со Шнитцлером³, чтобы породить настоящий поток исторических исследований о России⁴.

Этот поток, к которому позднее присоединяются имена А.Леруа-Болье⁵ и А.Рамбо⁶, усилился после 1870 г. и особенно после 1880 г., когда между Францией и Россией происходит сближение, завершившееся заключением союза в 1893 г.

Фактически, за исключением А.Рамбо, большинство историков России той эпохи не были, строго говоря, историками в собственном смысле слова; представители образованного мира, дипломаты, они тем не менее в силу своего писательского таланта и осведомленности в русских делах сумели дать психологический толчок делу изучения России еще до того, как созданные франко-русским союзом политические условия позволили начать организацию изучения истории России. Некоторые из них, не зная ни русского языка, ни жизни в России, написали, однако, серьезные и глубокие произведения⁷.

С 90-х гг. XIX в. приходит «эпоха профессоров» («Le temps des universitaires» et «le temps des professeurs»). Созданная в 1840 г. в Коллеж де Франс кафедра славянской цивилизации еще мало занималась вопросами изучения России, это изучение началось лишь много позднее, в период между двумя мировыми войнами, когда во главе кафедры встал Андрэ Мазон (Andre Mazon). Но еще в 1876 г. при Национальной школе живых восточных языков был создан курс русского языка. Эту кафедру возглавляли Луи Леже (Louis Léger, 1876-1885), а затем Поль Буайе (Paul Boyer, 1891-1936). Нельзя переоценить заслуги Поля Буайе для изучения литературы и истории России во Франции. Сам он мало написал, но, хорошо зная язык и страну, сумел внести в свое преподавание необычайный динамизм и вооружить многие поколения необходимым для работы методом; одновременно, став администратором школы, он значительно увеличил фонды

¹ Опубликовано на русском языке: История СССР. 1959. № 1. С.229-239. Перепечатывается с сокращениями, обозначенными: [...]. Научный аппарат статьи также сокращен.

² Для более детального ознакомления с развитием и организацией славяноведения во Франции в период до 1930-х годов см. великолепную статью Андре Мазона в энциклопедическом сборнике «La Science française» (Paris, 1933. Т II. P.451-474.) Добрая половина статьи посвящена России; к статье приложена также библиография.

³ Schnitzler H. Essai d'une statistique générale de l'Empire de Russie accompagnée d'aperçu historique (Paris, 1829); *Он же*. La Russie, la Pologne et la Finlande (Paris, 1835).

⁴ Разумеется, нельзя забывать имена Фальконе, Шапп д'Отроша, Массона, Сегюра, Ж. де Мэстра (Falconet, Chappe D'Auteroche, Massons, Ségur, J. de Maistre), много сделавших в более ранний период (иногда несколько односторонне и не без ошибок) для ознакомления французов с Россией.

⁵ См.: Leroy-Beaulieu A. Histoire intérieure de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas (Paris, 1847); *Он же*. La Russie ancienne et moderne: histoire, discription, moeurs (Paris, 1855); *Он же*. L'Empir des tzars (Paris, 1856-1859); *Он же*. Institutions de la Russie (Paris, 1866); *Он же*. Un homme d'Etat russe (Paris, 1884); *Он же*. L'Empire des tzars et les Russes (Paris, 1881-1886, основной трехтомный труд Леруа-Болье, наиболее часто используемый еще и сейчас).

⁶ См.: Rambaud A. La Russie épique (Paris, 1876); *Он же*. Histoire de la Russie (Paris, 1878); *Он же*. Français et Russes, Moscou et Sevastopole (Paris, 1877).

⁷ См.: Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France: l'ancien régime, l'emigration, les invasions (Paris, 1866); Vandal A. Louis XIV et Elisabeth de Russie (d'après les archives du Ministère des Affaires étrangères) (Paris, 1882); *Он же*. Napoléon et Alexandre I (Paris, 1896).

библиотеки, пополнив ее историческими исследованиями о России. Вместе с ним выросло поколение русистов, среди которых были и историки-русисты довоенной Франции. Они приложили много усилий для облегчения связей, путешествий и культурного обмена между Францией и Россией.

Их деятельность была продолжена высшими учебными заведениями Франции. В 1892 г. на филологическом факультете университета в Лилле была создана кафедра русского языка и литературы (без сомнения, здесь нашли отражение деловые отношения между промышленниками Севера Франции и русскими экспортерами льна). Аналогичная кафедра была создана в 1902 г. в Сорбонне. Как это уже стало правилом, при изучении страны, язык которой все еще считается чрезвычайно трудным (причем владеет им лишь незначительное меньшинство), литературная и историческая области преподавания не были в то время достаточно четко разграничены, поэтому работники кафедр русского языка и литературы для изучения русской истории сделали не меньше, чем историки в собственном смысле этого слова. Например, Э.Гоман⁸, профессор филологического факультета в Лилле, а с 1902 г. – в Сорбонне, и сменивший его Ж.Легра⁹ работали бок о бок с такими профессиональными историками, как Г.Каэн¹⁰ или влюбленный в свое дело П.Шаль¹¹. Продолжавшееся во французских университетах изучение русской истории, подкрепленное созданием Французского института в Петербурге, быстро шло в гору, когда началась первая мировая война, надолго ликвидировавшая уже сделанные усилия.

* * *

Для изучения русской истории во Франции период между двумя мировыми войнами был малопродуктивным. Это явилось как следствием кровавой бойни, результаты которой резко сказались на подготовке специалистов по истории России, так и итогом непрочных культурных связей между Францией и Советским Союзом. В то же время ряд обстоятельств благоприятствовал развитию контактов со славянскими странами центральной и южной Европы, в результате чего была создана такая система культурных связей с этими странами, которая позволила поддерживать, насколько это было возможно, и возникший во Франции интерес к изучению России. Ведь даже во время войны 1914-1918 гг. не прекращалось изучение русского языка и литературы: так, оно было введено на филологическом факультете в Лионе, а в конце войны – в университете Страсбурга. Однако подлинный толчок к изучению русской истории в период между двумя мировыми войнами был дан созданием в 1920 г. Института славяноведения (о деятельности которого см. ниже). Начиная с 1921 г. институт публикует ежегодники «Revue des études slaves». Одновременно в Сорбонне создается кафедра истории и цивилизации славян. С этого времени изучение русской истории в Сорбонне никогда более не прерывалось. Много статей по русской истории публикуется в этот период в новом журнале «Monde slave», выходившем почти без перерыва с 1917 по 1938 г.

В этот период продолжали свою работу такие университетские профессора, как работавший еще до 1914 г. проф. Р.Лабри. Им, к сожалению, не удалось в должной мере сохранить традицию изучения России и сгруппировать вокруг себя достаточное ко-

⁸ См.: *Emile Haumant*. La Russie au XVIII siècle (Paris, 1902); *Он же*. La culture française en Russie (Paris, 1910; 1913 – 2 edit).

⁹ См.: *Jules Legras*. Au pays russe (Paris, 1895); *Он же*. En Sibérie (Paris, 1898); *Он же*. Mémoires de Russie (Paris, 1921).

¹⁰ См.: *Gaston Cahen*. Les cartes de la Sibérie au XVIII siècle (Paris, 1910); *Он же*. Les Relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689-1730) (Paris, 1912); *Он же*. Le livre de comptes de la caravane russe à Pékin au 1727-1728 (Paris, 1912).

¹¹ См.: *Pierre Chasles*. Le Parlement russe, son organisation, ses rapports avec l'Empereur (Paris, 1910).

личество историков. Наряду с ними работали некоторые русские эмигранты, такие, как Борис Нольде¹², или монахи, как, например, отец Руэ де Журнель, сделавшие значительный вклад в изучение русской истории. В этот же период было признано необходимым дать образованной публике и студентам новую книгу по истории России, которая заменила бы устаревшую во многих отношениях книгу А.Рамбо. Был создан авторский коллектив во главе с П.Милюковым, Ш.Сеньобосом и Л.Эйзенманом (последний в период между двумя войнами был заведующим кафедрой истории и цивилизации славян в Сорбонне). Результатом работы этого коллектива явилась публикация трехтомной «Истории России», по которой учатся в университетах еще и сейчас, несмотря на ее несовершенство, становящееся с течением времени все более и более заметным¹³. Как положительный фактор надо отметить появление нескольких литераторов и историков-русистов, которые, будучи немногочисленными и стесненными в своей работе тяжелыми условиями и несчастьями, постигшими Францию после 1939 г., все же сумели создать после второй мировой войны, если можно так выразиться, группу исследователей переходного периода, крепко взявших в свои руки судьбу исследования России, с тем чтобы передать ее своим преемникам.

И все же 1940-1944 гг. не означали полного прекращения изучения России. Конечно, читавшийся в Сорбонне назначенным при Петэне профессором курс истории и цивилизации славян не посещался. Но все спешили послушать лекции Р.Лабри, который, несмотря на то, что он возглавлял кафедру русского языка и литературы, фактически преподавал, честно говоря, в основном историю, объясняя старые тексты о жизни крестьян, комментируя курс истории Ключевского и организовав даже для своих коллег из Сорбонны и Коллеж де Франс («Collège de France») ускоренный курс дебютантов (последний посещали такие ученые, как известный специалист по истории древнего Рима Пиганьоль (Piganiol), крупный испанист Батайон (Bataillon) и др. Стремление передать свои знания и вера в будущее Франции, судьба которой решалась в эти смутные годы, вдохновляли Р.Лабри в его благородной деятельности. Конец войны положил начало новому подъему в изучении России, но теперь уже в совершенно новых условиях.

* * *

Вторая мировая война принесла с собой поворот во взглядах на изучение России во Франции, хотя последствия этого сказались несколько позже.

Впервые в истории Франции, идя навстречу общественному мнению, Министерство народного образования ввело преподавание русского языка в некоторых лицеях, а также создало агрегацию по русскому языку (для подготовки преподавателей), одновременно увеличив число кафедр славянских языков и литературы (главным образом кафедр русского языка и литературы) в университетах.

Сразу после войны в трех или четырех парижских лицеях некоторым преподавателям разных специальностей (лингвистам и историкам), даже немного знавшим русский язык, было поручено преподавание русского языка по факультативной программе, начиная с четвертого класса (третий год обучения во второй ступени школьного образования, существующей во Франции). Но время энтузиазма, когда не существовало ни грамматик русского языка, ни соответствующих учебников, не было длительным, т.к. параллельно с этим обучением шла подготовка более компетентных преподавателей русского языка в университете, предусматривавшая сдачу вначале экзамена на первую ученую степень (лиценциат), а затем получение второй ученой степени (агреже) Не

¹² См.: *Nolde B. L'Ancien Régime et la Révolution* (Paris, 1928). Другие работы Бориса Нольде были опубликованы в Трудах Института славяноведения. Основной двухтомный труд Бориса Нольде – «Образование Русской империи».

¹³ См.: *Milioukov P., Seignobos Ch., Eisenman L. Histoire de Russie*. 3 vls. (Paris, 1932). Первый том заканчивается смертью Петра Великого, второй – реформами 60-70-х годов XIX в., третий – нэпом.

имея под рукой точных данных, мы приведем лишь несколько, цифр, приблизительно показывающих количественный рост специалистов по русскому языку. Сейчас во Франции имеется от 30 до 40 агреже по русскому языку¹⁴ и примерно такое же количество лиценциатов и преподавателей, удостоенных диплома на право преподавания русского языка. В настоящее время русский язык изучается с четвертого класса в крупных лицеях Франции. В настоящее время начинают даже, в порядке исключения, изучать русский язык в качестве основного языка на шестом году обучения. Первоначально число учащихся было невелико, затем оно быстро выросло. Сейчас в некоторых учебных заведениях имеются «русские» классы более чем с 20 учениками.

Вначале были большие трудности, часто преподаватели шли ощупью, на практике вырабатывая необходимые навыки обучения. Теперь дело обстоит значительно лучше: написаны грамматики, имеются учебные тексты, изданы специальные методические пособия. Оставалась еще одна серьезная трудность, вызванная отсутствием непосредственного контакта со страной, язык которой изучался. Большинство преподавателей почти не знали жизни Советского Союза, в лучшем случае составив о нем представление лишь в результате короткой туристской поездки в СССР, совершенной еще до второй мировой войны. Сейчас это препятствие устранено¹⁵. [...].

Нелишне отметить, почему мы остановились именно на этом аспекте изучения СССР во Франции. Хотя здесь нет речи об изучении истории в собственном смысле слова, все же вся система изучения русского языка и литературы является, по нашему мнению, той необходимой базой, на основе которой только и может успешно развиваться изучение истории.

Несомненно, что изучение русского языка, в частности в рамках второй ступени школьного образования, имеет первостепенное значение для развития изучения русской истории. Дело в том, что система высшего образования во Франции, направленная в основном на подготовку студентов к экзаменам и конкурсам на звание преподавателя, представляет возможность дать студентам специализацию лишь тогда, когда у них предполагается знание соответствующего иностранного языка. Если студент не владеет этим языком к моменту занятий в университете, то ему очень трудно выучить его одновременно с требующими много времени на подготовку историческими дисциплинами. А ведь именно они позволяют ему успешно закончить выпускные экзамены и, следовательно, дают средства существования.

Таким образом, по русской истории можно специализироваться только после сдачи экзамена на агреже. Студенту, в случае незнания языка, все равно (иногда даже в возрасте 29-30 лет) приходится изучать русский язык, т.е., иными словами, –на другой день после трудного экзамена вновь делать требующее большого напряжения усилие. Не удивительно, что многие отказываются от такого варианта. Совсем другое дело, если записывающийся на факультет студент уже обладает некоторым знанием русского языка. Ему будет достаточно лишь периода изучения общего исторического курса (1 год общеобразовательной подготовки, 2 года подготовки минимума по лиценциату и 1,5 следующих для экзамена на агреже) для поддержания своих знаний русского языка, которые пригодятся сразу же, если он задумает заниматься историей России. Добавим, что введение преподавания русского языка во второй ступени школьного образования во Франции помогло ликвидировать психологический предрассудок, мешавший его изучению: этот язык не считается больше таинственным и непреодолимым, его можно изучать так же, как немецкий и английский. Таким образом, сотням и тысячам молодых французов была дана возможность ознакомиться с Советским Союзом. Благодаря это-

¹⁴ Агрегация довольно трудна, число мест на конкурсе очень ограничено – в разные годы оно колеблется от четырех до шести. На конкурсе могут подавать как мужчины, так и женщины.

¹⁵ Так, впервые в 1958 г. французские преподаватели русского языка приехали в СССР на стажировку сроком на три недели.

му совершенно изменилась вся атмосфера изучения русской истории. Отныне она не будет более изучаться только учеными-литераторами, а станет объектом изучения и историков-русистов. Само собой разумеется, что в совместных исследованиях русской цивилизации между ними будет тесная связь.

Итак, мы видим, что в потоке новых научных учреждений, созданием которых была отмечена культурная жизнь Франции после 1945 г., резко выросло число учреждений, занимающихся изучением России: рядом с Институтом славяноведения в рамках старых организаций возникают новые центры изучения СССР, формально независимые, но сохраняющие постоянную связь с этим институтом. Возникший в 1920 г. благодаря субсидии чехословацкого правительства и основанный Эрнестом Дени Институт славяноведения, во главе которого стоит один из наиболее компетентных и авторитетных славистов проф. Андре Мазон (являющийся одновременно почетным профессором Коллеж де Франс), стал местом, где встречаются слависты всех специальностей. Торжественно открытый в 1923 г. (тогда же, когда была создана в Сорбонне кафедра истории и цивилизации славян), институт должен был стать и действительно стал в соответствии с замыслами тех, кто его создал, очагом научных исследований, где специалисты разных областей славяноведения тесно сотрудничают и дополняют друг друга, где молодые слависты получают навыки исследования, где могут встречаться и обмениваться знаниями, мнениями и планами французские и иностранные слависты, – короче, он стал очагом исследования, культурного обмена и публикаций¹⁶.

Институт славяноведения располагает залом для заседаний, очень богатой библиотекой, имеющей также фонды старых книг. Он осуществляет, кроме того, публикацию трудов в различных сериях (коллекциях), носящих скорее филологический и литературный характер, но история, в частности русская, все же занимает в них большое место. Институт славяноведения не является учебным заведением. Конференции, проводимые чаще всего иностранными профессорами, и доклады молодых славистов, излагающих первые результаты своих работ (в этом отношении конференции Института славяноведения – своего рода пробный камень) – таковы формы работы института. Желающие писать докторскую диссертацию записываются на филологический факультет. Институт играет важную роль в области установления культурных связей как с Советским Союзом, так и со славянскими странами вообще; в частности дает рекомендации на предоставление стипендий лицам, направляющимся в СССР и страны народной демократии для исследовательской и учебной работы. В связи с этим институт находится в тесном контакте с Национальным центром научных исследований и Управлением культурных и технических связей с заграницей при МИД Франции. Наконец, институт публикует ежегодник «Revue des études slaves», где время от времени помещаются статьи по русской истории и периодически публикуется библиография текущей славянской литературы; последние книги и статьи по русской истории, которые можно найти в Париже, являются в этой библиографии объектом не рецензии (за недостатком места), а лишь аннотации или, но крайней мере, упоминания.

Помимо Института славяноведения, при Сорбонне недавно создан Центр по изучению истории России. В своей работе он опирается на кафедру истории и цивилизации славян, возглавляемую с 1955 г. проф. Р.Порталем. Центр входит в систему третьего цикла научных исследований¹⁷. [...].

¹⁶ Более подробно о деятельности Института славяноведения см. статью А.Мазона в «Revue de l'Université de Paris» (1958).

¹⁷ Стремление поднять на более высокую ступень научные исследования привело к созданию третьего цикла научных исследований, в задачу которого входит объединение и увеличение числа научных институтов и центров исследования. Для русского читателя необходимо отметить, что во Франции научные исследования и обучение тесно связаны между собой. Преподаватели университетов, с одной стороны, обязаны готовиться как к своим конкурсным экзаменам, так и к экзаменам, которые они принимают у студентов (университет готовит главным образом преподавателей для лицеев), с другой – про-

Каково положение с изучением русской истории в Сорбонне сейчас? Необходимо отметить, что число студентов, как знающих русский язык, так и не знающих такового, но занимающихся историей, интересующихся Советским Союзом и желающих взять в качестве дипломной работы, сюжет из русской истории, неуклонно растет из года в год (в 1950 г. в Сорбонне было всего три таких студента, причем все они не знали русского языка; в 1957 г. их было уже около десяти, причем два из них могли пользоваться русскими источниками). Выбор темы диплома – довольно трудное дело, в особенности если студент не знает русского языка. Обычно дипломанты комментируют мемуары путешественников (например, Палласа) или базируют свои работы на дипломатических документах (например, на донесениях французского консула из Одессы) или отчетах о пребывании в России (например, на докладах французских горных инженеров, работавших на русских шахтах и нефтепромыслах в конце XIX в.). [...].

Есть и еще один источник пополнения группы историков – специалистов по истории СССР, о котором нельзя забывать. Это семинар проф. П.Паскаля, возглавляющего кафедру русского языка и литературы в Сорбонне (он является автором диссертации об Аввакуме)¹⁸. Паскаль охотно предоставляет своим студентам-дипломникам возможность писать на исторические темы. Впрочем, большинство из них в дальнейшем все же идут по пути филологического и литературоведческого исследования (т.к. именно таким образом они могут получить степень агреже по русскому языку) и, в случае успешного прохождения агрегации, стремятся защитить докторскую диссертацию по русской филологии или литературе (что дает им возможность получить место на одной из 12 университетских кафедр славянских языков и литератур). Все же некоторые из них не оставляют исторических сюжетов, возвращаясь к ним либо после получения степени агреже или во время подготовки к ней, либо в ходе семинаров, организованных Высшей школой практических исследований (*Ecole pratique des Hautes études*)¹⁹, либо, наконец, во время прохождения курса преподавания русской истории в Сорбонне. Впрочем, система подготовки толкает участников семинара П.Паскаля больше к изучению эволюции идеи, нежели к исследованию развития политической, экономической и социальной структуры, причем, к сожалению, для большинства студентов этого семинара занятия русской историей носят временный и случайный характер.

И все же основным источником пополнения группы специалистов по русской истории является именно среда историков-профессионалов. С этой точки зрения ситуация с каждым днем улучшается; в настоящее время многие из специалистов по русской истории работают над своими диссертациями. [...].

Общие курсы лекций в Сорбонне также строятся с учетом развития интереса к СССР. Например, три таких курса университетской программы читаются профессорами кафедры истории и цивилизации славян, причем большая их часть посвящена России. Один из этих курсов входит в программу обязательных для сдачи экзамена как на первую (лиценциат), так и на вторую (агреже) ученую степень. [...].

Добавим также, что проф. В.Тапье (V.Tarié), который в 1950-1955 гг. возглавлял кафедру истории и цивилизации славян (а теперь является заведующим кафедрой

должать свои научные исследования, для успешной работы над которыми в большинстве случаев они не располагают исследовательской базой (нет ассистентов, научно-технического персонала, материалов и т. д.). Это вело к сокращению научных исследований. [...].

¹⁸ Диссертация легла в основу известной монографии Пьера Паскаля «Аввакум и начало раскола. Религиозный кризис XVII в. в России». Книга написана на материалах советских архивов (автор в конце 20-х годов <в 1917-1933 гг.> был в Москве). П.Паскаль использовал большое количество неопубликованных документов, библиография работы насчитывает более 400 названий.

¹⁹ Высшая школа практических исследований – учреждение, предназначенное для развития исследований во всех областях научных знаний. Школа – это не учебное заведение в том смысле, в каком им является университет. Воспитанники ее занимаются в семинарах под руководством заведующих отделами и работают над изучением источников.

новой истории в Сорбонне), продолжает проявлять интерес к истории России и, в рамках экзаменационной программы университета, охотно затрагивает некоторые вопросы русской истории, в частности XVII в., по которому В.Тапье специализируется сам.

Благодаря усилиям проф. Ф.Броделя из Коллеж де Франс VI отдел Высшей школы практических исследований (отдел занимается исключительно научными изысканиями) в 1957 г. обогатился четырьмя новыми секторами, во главе которых стали слависты. Два сектора [...] занимаются изучением современного Советского Союза (экономическое и финансовое положение, деятельность колхозов и совхозов, экономическое развитие отдельных районов); третий сектор [...] занимается вопросами библиографии и объяснением древних рукописей; четвертый (заведующий Р.Порталь) – экономическим развитием России и рабочим движением в XIX – начале XX в. Небольшие группы студентов во главе с руководителем непосредственно работают над составлением аннотаций, карт, диаграмм, которые затем печатаются на ротаторе, но если работа их оказывается интересной, плоды деятельности этих групп публикуются в трудах Высшей школы практических исследований. Нужно заметить, что основным принципом организации является свобода секторов в выборе тем и специализации научных исследований. Однако необходимость и целесообразность рационального ведения практических занятий приводит к созданию отдельных подсекторов, руководители которых вырабатывают планы совместных изысканий. В частности, уже состоялись совместные заседания заведующих экономических и исторических секторов, занимающихся советской экономикой и историей России. [...].

Кроме того, проф. Ф.Бродель периодически созывает заведующих отделами, студентов и всех желающих слушателей на обсуждение того или иного вопроса, относящегося к Советскому Союзу, в частности в связи с появлением нового труда или приездом иностранного слависта. Он же способствует переводу на французский язык монографий по истории. [...].

Помимо перечисленных выше учреждений, изучающих СССР, в Национальной школе живых восточных языков, являющейся одним из центров подготовки переводчиков русского языка, существует кафедра истории Центральной и Восточной Европы [...].

* * *

Для изучения русской истории в Париже имеется большая источниковедческая база, но не все еще в этом отношении известно: в частности, в архивах, особенно в Национальном архиве²⁰ и Архиве Министерства иностранных дел, имеется ряд неизученных фондов. Основным местом работы историков и славистов является Национальная библиотека. Созданный при ней славянский отдел уже несколько лет ведет обширную библиографическую работу [...]. За Национальной библиотекой по богатству русских фондов следуют: Библиотека Национальной школы живых восточных языков [...], созданная главным образом благодаря усилиям Поля Буайе, затем Библиотека Института славяноведения [...] и Библиотека современной международной документации [...]. Помимо этих трех основных библиотек, много важнейших документов (в частности, старых газет и журналов), известных и неизвестных французским исследователям, разбросано по многочисленным научным институтам (например, Институт права), различным министерствам, в парламенте и сенате. [...].

* * *

Само собой разумеется, что укрепление дружеских связей между Советским Союзом и Францией после второй мировой войны облегчило работу по исследованию

²⁰ Документы в нем не систематизированы. Задачу систематизации и описания фондов архива должен выполнить Центр по изучению истории славян, созданный в Сорбонне.

истории России во Франции. Однако в силу ряда обстоятельств культурные связи развивались все же довольно медленно; советские книги и журналы приходили в небольшом количестве и нерегулярно. В этот начальный период франко-советских культурных связей (до 1948 г.) очень большую роль сыграло общество «Франция – СССР». Обществом была создана библиотека, где можно найти многочисленные работы по истории, а также исторические журналы. В частности, некоторые номера журналов (например, отдельные номера «Исторического журнала» и «Вопросов истории») имелись тогда лишь в библиотеке этого общества.

При содействии общества «Франция – СССР» была создана также специальная комиссия, включавшая многих историков (в частности, [...] автора этих строк) [...]. В настоящее время Национальная библиотека получает по обмену все основные работы, выходящие в СССР. В частности, в последнее время увеличился в порядке обмена и приток работ о республиках Средней Азии и Закавказья. Не меньшее количество книг советских авторов приходит и в библиотеку Школы живых восточных языков. Говоря о наличии последних советских изданий во Франции, следует отметить Библиотеку филологического факультета Сорбонны. [...].

Помимо перечисленных выше библиотек, историки-слависты могут пользоваться фондами Славянской библиотеки иезуитского колледжа [...]. Работы, хранящиеся в этой библиотеке, в основном освещают историю русской церкви. [...].

* * *

Французские историки непосредственно призвали советских историков начать постоянное сотрудничество либо в виде публикации написанных специально для французских журналов статей, либо в виде перевода статей, опубликованных уже в советских исторических журналах. [...]. Среди опубликованных во Франции разнообразных работ по истории России встречаются краткие научно-популярные работы французских историков, очерки образованных любителей-историков, личные воспоминания. И все же основная постоянная работа по освещению русской истории лежит на историках-профессионалах. В этом отношении изучение русской истории во Франции улучшается день ото дня. Теперь имеются необходимые научные организации, которые разрабатывают ряд разнообразных проблем и могут возглавлять исследовательскую работу. Пока число специалистов по русской истории, возглавляющих эти организации, невелико. Они перегружены работой, но смело могут смотреть вперед, ибо ими подготавливается новая группа подающих большие надежды историков-русистов, которые сознают всю важность изучения русской истории во Франции. И в этой связи встает проблема необходимости контактов и научного обмена. Находясь вдали от архивов и лишенные личного знакомства с изучаемой страной, немногочисленные историки-русисты послевоенной Франции могли осуществлять лишь научно-просветительную работу, знакомя читателя с трудами советских историков (да и то фактически только с немногими из этих трудов и с запозданием). Они могли также работать со сборниками документов, литературными текстами и рукописями. Но историк не может довольствоваться одним лишь отдаленным и чисто книжным знанием изучаемой страны: изучение прошлого должно питаться картинами настоящего. Историк обязательно должен пожить в изучаемой стране, и не только для того, чтобы лично поработать в архивах и собрать нужный ему материал, но и для знакомства с населяющими ее людьми. [...].

БАШКИРЫ И РОССИЯ В XVIII В.²¹

²¹ Portal R. Les Bachkirs et le gouvernement russe au XVIIIe siècle // Revue des études slaves. 1946. Т. XXII. Fasc. 1-4. P. 82-104. Перевод с французского Л.Ф. Сахибгареевой.

I. Южноуральские оборонительные линии

В начале XVII в. границы русской колонизации едва достигали южных отрогов Урала. Территория севернее Яика (сейчас эта река называется Урал) была заселена башкирами – народом, исповедовавшим ислам. Основными занятиями их являлись: на севере – сбор меда и охота, на юге – полукочевое коневодство и разведение верблюдов. Башкиры кочевали за Яик, а на Илеке, его левом притоке, они граничили с казахскими ордами, занимавшими пространство между нижним течением Яика и верховьями Тобола. Торговые караваны, связывавшие Россию и Туркестан, проходили через Казахстан, что создавало определенные неудобства, связанные, в основном, с необходимостью уплаты пошлины кочевникам. Башкиры, формально находившиеся со второй половины XVI в. под протекторатом русского царя, были свободолюбивым народом. Русская политика в этих регионах тогда была простой: она состояла в том, чтобы столкнуть между собой башкир и казахов, а также посеять вражду между различными племенами. Здешние тюркские народы имели единую религию, но этого было недостаточно для создания ими стабильных союзов; кочевое общество держалось на полном подчинении своим вождям, соперничество которых было на руку русскому правительству. В целом русскую политику на этой окраине Европы можно охарактеризовать как непрочный баланс сил, основанный на сложной дипломатической игре и преследовавший быстро достижимые и конкретные задачи.

Но к концу царствования Петра Великого, когда были разработаны обширные проекты, касавшиеся судьбы мусульманских народов региона, ситуация здесь стала меняться. Я согласен с теми, кто считает, что именно Петр Великий заложил основы организации пограничья на Южном Урале. То, что степь, отделяющая Туркестан от Поволжья, в первой половине XVIII в. неожиданно приобрела столь большое значение для России, объясняется началом промышленного освоения Урала. Индустриализация уральского региона вызвала заселение его большими массами населения и в силу подневольного труда, введенного для крестьян владельцами металлургических предприятий, привела к их бегству на юг. Это, в свою очередь, породило колонизацию башкирских земель. В итоге у России возникла необходимость установления контроля над башкирами и недопущения возникновения союза мусульманских народов. Для этого русское правительство решило построить вдоль среднего течения Яика оборонительную линию, которая отделила бы башкир от казахов. Ссылаясь на необходимость защиты башкир от их же единоверцев, русское правительство планировало «так единожды усмирить» башкирский народ, «чтоб впредь к замешаниям никакой искры от них не осталось»²² и припугнуть казахские орды с помощью строительства в Северном Казахстане небольших, но сильных крепостей. Однако Россия преследовала не только оборонительные цели, но и стремилась проложить безопасный путь через казахские степи в Туркестан и Индию. Таким образом, строительство Яицкой укрепленной линии свидетельствовало о том, что теперь Россия обратила взор на Азию.

Безвременная кончина в 1725 г. не позволила Петру Великому реализовать эти планы. Их принялись осуществлять его соратники и единомышленники – Кирилов²³ и Татищев²⁴. В 1730 г. Россия вела трудные переговоры с ханом казахской Малой Орды,

²² Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии //Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. Январь-декабрь.

²³ И.К.Кирилов (ум. 1737), о происхождении которого ничего неизвестно, был высокопоставленным должностным лицом в Сенате. Его увлечением была география (опубликовал «Атлас Российской империи»).

²⁴ Как известно, В.Н.Татищев (1686-1750) был одной из интереснейших личностей XVIII в. в России. Отмечу также, что после блестящей военной карьеры он стал президентом Берг- и Мануфактур-коллегии. В 1720-1722 и в 1734-1737 гг. В.Н.Татищев руководил уральскими заводами. Подробнее о нем см.: Попов Н. Указ. соч.

который просил защиты у русских от своих соседей – джунгар. Два казахских представителя были радушно приняты в Санкт-Петербурге и вернулись в Орду в 1731 г. Для заключения договора с казахами царское правительство послало мурзу (татарского князя), известного у русских под именем Тевкелева, который служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Он попытался создать в Орде пророссийскую группировку и всячески расхваливал выгоды от принятия казахами российского протектората и строительства города на Яике. Удача улыбнулась Тевкелеву в тот самый момент, когда русское правительство, потерявшее с ним связь, посчитало, что посланника взяли в заложники (планировалось даже обменять его на нескольких казахских предводителей, предусмотрительно задержанных в Санкт-Петербурге). В январе 1733 г. Тевкелев, сопровождаемый ханским сыном и несколькими казахскими старшинами, прибыл в Уфу. Старшины держали путь в Санкт-Петербург, чтобы подтвердить свое согласие на строительство города при слиянии Яика и Ори. Именно тогда на исторической арене появился Кирилов – высокопоставленный государственный чиновник и горячий сторонник этого проекта. Он представил в Сенат доклад, в котором подчеркнул, что хотя казахи и являются «легкомысленным» народом, но их земли – это ключи от азиатских стран. Он красочно расписал торговлю, которая якобы без промедления установится у России с ханствами Средней Азии и Индией после принятия его предложений. Проект был утвержден императрицей 1 мая 1734 г. и его исполнение было поручено Кирилову, в помощники которому дали Тевкелева. 10 июня 1734 г. Россия подписала договор с казахами о принятии ими русского подданства. Успех дипломатии Тевкелева превзошел все ожидания.

* * *

15 июня 1734 г. Кирилов выехал из Санкт-Петербурга и 10 ноября прибыл в Уфу. Он привез подробные инструкции, заключавшие в себе грандиозные планы русского правительства: речь в них шла не только о строительстве города и организации торговли, но и о поиске здесь рудных месторождений, отношениях с подвластными народами, и, наконец, строительстве пристани на Аральском море. Вот почему в состав экспедиции, отправленной на строительство города, который предполагалось назвать Оренбургом, вошли и офицеры морского флота.

Кирилов, завершив в Уфе все приготовления, в марте 1735 г. перебрался во временный лагерь в 10 верстах от нее, и стал дожидаться прибытия драгунской роты. Но, по-видимому, он недооценил грозившую ему опасность и решил выступить без подкрепления. Направившись к устью Ори, он столкнулся с башкирскими партизанами. Заранее предупрежденные о проектах Кирилова казахами, башкиры попытались сорвать их реализацию. Лишь в августе Кирилову удалось пересечь Башкирию: ему пришлось прокладывать себе дорогу силой. 6 августа 1735 г. его экспедиция, без конца подвергавшаяся вооруженным нападениям и лишенная снабжения вследствие уничтожения башкирами вспомогательной колонны, с большим трудом прибыла в место назначения. Здесь Кирилов 15 августа торжественно основал город-крепость Оренбург. На первых порах существование нового населенного пункта было нелегким – с севера его отрезало от остального мира восстание башкир, которое утомили только в 1740 г. С Казанью и Екатеринбург, откуда посылалось продовольствие и боеприпасы, сообщение было плохим настолько, что во время суровой зимы 1735-1736 гг. часть оренбургского гарнизона (около 800 человек), измученная голодом, пошла в Сакмару. Более 500 человек погибли в пути, а у 80 оставшихся в живых оказались обмороженными конечности. В 1736 г., находясь в Санкт-Петербурге, Кирилов предложил предоставить новому городу ряд торговых привилегий, в частности, освобождение от налога на шесть лет. В тот же год началось строительство крепостей между Самарой и Оренбургом, с одной стороны, и вдоль верхнего течения Яика, от Оренбурга до Верхне-

Уральска, – с другой. Однако 14 апреля 1737 г. Кирилов умер. Его преемником стал Татищев.

Оренбург еще дважды переносили вдоль по Яику. Татищев нашел его расположение неудачным и предложил построить новый город в 180 верстах вниз по течению. В 1739 г. Татищева сменил Урусов, которому на основании указа от 20 августа 1739 г. было поручено перенести Оренбург в урочище Красная Гора (Красногорская). Первый Оренбург называли Орском, а 1 августа 1740 г. основали второй Оренбург, но едва начав его строить, остановились: новый начальник края Неплюев²⁵, назначенный на эту должность в начале 1742 г., представил в Сенат доклад, в котором, указав на недостатки выбранного места, предложил опять перенести город на 70 верст вниз по течению. Здесь, во исполнение указа от 15 октября 1742 г., заложили третий Оренбург. Тщательность, с которой подыскивали место для главного пункта Яицкой оборонительной линии, свидетельствовали о его военной и торговой важности. Последнее месторасположение, ставшее окончательным, имело целый ряд преимуществ: оно славилось плодородием окрестных земель (теперь город мог сам обеспечивать себя продовольствием), близостью к устью Самары (по ней в край доставляли строительные материалы, камень и лес), а также соседством с рекой Илек (вдоль нее круглый год кочевали казахи, приходявшие торговать в Оренбург)²⁶.

Надежно защищенный полигоном из 10 бастионов, Оренбург уже в 1747 г. имел около 900 домов, 4 церкви и около 200 лавок. В 1762 г. посетивший этот город П.И.Рычков насчитал в нем около 3000 домов²⁷. Оренбург являлся в то время местом ссылки и центром оживленной торговли между русскими и кочевниками. П.С.Паллас, который побывал там 1-3 июля 1769 г., оставил красочное и подробное описание оренбургской торговли: «Самые важные азиатскими народами покупаемые товары суть всякия шерстяныя материи, красной и малиновой бархат, пестреть, полотно, юфть, медные и чугунные котлы и посуда, которые вещи по большей части привозят с дальних сибирских заводов; также всякия жестяныя и железныя вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки и всякая к их одеянию и к конскому убору потребная мелочь, которую покупают киргизцы²⁸ сверх того еще всякия красильныя материи, а особливо брусковая краска, крутик, червец, квасцы и купорос; также сахар и некоторые мехи, а наипаче бобры и куницы выменивают бухарцы на свой товар. Киргизцы еще берут у российских купцов много худой выбойки и другой материи из хлопчатой бумаги, которую россияне выменивают у бухарцев. [...]».

Главнейшие товары, которые променивают приходящие караванами азиатские купцы на вышеписанные российские вещи, суть следующие: золото, серебро, по большей части в персидских монетах и в индейских²⁹ рупиях состоящее, да и самое песочное золото, также лазоревой камень, сердолик и другие драгоценные камни; множество простой и пряженной хлопчатой бумаги разной доброты, при том же довольно тканых бумажных материй и китаек; тонкие индейские и посредственные ситцы и полушелковые материи; готовые халаты разной доброты; серые и черные курчавые бухарские мерлушки, которые дорого покупают; мехи диких кошек двоякого рода, *манул* и *пулан* называемых, также тигровые кожи и проч. Иногда бухарцы привозили самородную, но

²⁵ И.И.Неплюев (1693-1773) – выходец из семьи мелких помещиков. Выдвинутый Петром I за свои выдающиеся деловые качества и сделавший стремительную карьеру на флоте, он стал в 1720 г. «главным смотрителем и командиром над всеми морскими судами, строящимися в Петербурге». В 1721-1735 гг. он жил в Константинополе, а в 1739 г. был губернатором Киева. О Неплюеве см. прекрасную работу В.Н.Витевского «Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.» (Казань, 1889-1897. Т. I-IV).

²⁶ Семенов П.П. Указ. соч. С.494-499.

²⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.249.

²⁸ <Казахи>.

²⁹ <Индийских>.

несколько с землею смешанную селитру, которая родится в ямах, и при том в таких местах их земли, где были старинные города или кладбища. Шелк по сие время привозят только в небольшом количестве, также очень мало хороших индейских товаров... [...].

Еще должно упомянуть о бухарских мелочных, особливо до натуральной истории касающихся товарах, а именно: бухарцы привозят иногда разные свои плоды, как то например сушеные абрикосы, персики и мелкой весьма приятной изюм, *кишмиш* называемый, в котором либо совсем нет зерен или есть уже самая большая косточка. Орехи, *чинар* называемые, которые собирают они с букового дерева особливаго рода. Порядочное червяное семя, *дармика* называемое, которое они получают из Индии и бросают в вырытые каналы в садах для изстребления червей, а напоследок привозят иногда семена тамошних арбузов, дынь и бухарского пшена, *джугари* называемого.

Хотя бы многие учрежденные мануфактуры находились в цветущем состоянии, однако никакая ветвь бухарского торгу не может быть важнее и прибыточнее Российскому государству, как привоз не деланных материй. Торг шелком поныне еще не приведен в совершенство. Другая не деланная материя, которую бы можно не токмо употреблять в дело с великою пользою в государстве, но и отпускать в иностранные земли, есть верблюжья шерсть, которую ныне покупают у киргизцов и калмыков в небольшом количестве... [...].

Кроме оной конечно немаловажной ветви есть еще особливой торг с киргизцами, то есть промен скота. Почти ежегодно выменивают в Оренбурге у онаго степного народа от 40 до 60 тысяч баранов на десять тысяч лошадей и гоняют в Россию. Но поныне по большей части бьют баранов в Оренбурге и в других городах на Волге и только топленое сало с немалою прибылью развозят в гавани сего государства, откуда оно отпускается в чужестранные земли под именем российского сала... [...].

Опречь множества крупного и мелкого скота привозят киргизцы и простые мехи для промену, как то например степных волков, кои шерстью худы, но легки; степных лисиц, *караган* называемых, коих шерсть цветом походит на волчью и такие же лисицы водятся в Калмыцкой степи; особливаго рода малые лисицы, *корсаки* называемые, которые водятся в гористых степных местах; дикие кошки и множество мерлушек, которые бывают еще лучше калмыцких и почитаются за главный товар в меховом торгу. Еще выменивают у киргизцов всякие войлоки и шерстяные ковры, *кошмы* называемые, которые они делают сами разной доброты и при том еще нарочито пестрые и красивые. [...].

Еще должен я упомянуть, что башкирцы и калмыки держат немало верблюдов и в Оренбург продают бухарцам, которые отъезжают в свою землю обыкновенно с тяжелым обозом, нежели приходят в Оренбург с легкими товарами. Напротив того они променивают охотно малых своих ослов, которые им в пути служили, но мало находится к тому охотников по той причине, что в России еще нет ослиных заводов, да и не начинали разводить лошадей, которые особливо пригодны в походах»³⁰.

Паллас сожалел о том, что Оренбург был только местом торговли, или, точнее, контакта народов, и не имел своей промышленности. Находясь под защитой оренбургского гарнизона, купцы со всех окраин Российской империи ежегодно встречали там караваны из Туркестана. Торговлю вели чаще всего в форме натурального обмена. Местный торг не велся из-за отсутствия собственной торговой буржуазии. Оренбург – это одновременно и символ политического могущества империи, вызывающий уважение у «подзащитных» народов, и одна из двух дверей, через которые проходит торговля России со Средней Азией.

* * *

³⁰ Паллас П.С. Указ. соч. СПб., 1773. Т. I. С.347-352.

Неужели имелась еще какая-то дверь? Да, действительно, Оренбург был не единственными воротами России в Азию. У него имелся конкурент, расположенный примерно в 400 км северо-восточнее, при слиянии Уя и Увелики. Это была Троицкая крепость, основной опорный пункт второй укрепленной линии, которая шла от Верхне-Уральской крепости, и, проходя прямо с запада на восток вдоль Уя, заканчивалась при его впадении в Тобол. Строительство этой второй линии шло одновременно с завершением первой Неплюевым в 1743 г.; Троицкую линию сотворил этот же человек, которого не всегда ценили современники. Неплюев, инициировавший развитие Оренбурга, основав Троицкую крепость, прорубил вторую дверь в Туркестан. Впрочем, у Троицкой крепости не было столь же замечательной судьбы, как у Оренбурга. Укрепленная линия, протянувшаяся через степь на восток, находилась на самой окраине России; ее постройка фактически способствовала заселению региона. Но русские люди редко езжали в эти глухие места – в 1745 г. торговать с казахами приехало всего лишь 2 русских купца. Для того чтобы начать здесь активную торговлю, нужно было дать новому населенному пункту значительные привилегии³¹. Получив их, Троицкая крепость на какое-то время обошла по значимости Оренбург: многие русские купцы предпочитали ездить в нее, поскольку казахи соседней Средней Орды были богаче и продавали лучших лошадей. Но торговля понесла ущерб после обострения отношений с этой Ордой в 1768 г. Когда 17-18 августа 1770 г. Паллас посетил Троицкую, она была уже в упадке. Весной 1770 г. отряд регулярных войск и казаков выступил в степь к Ишиму, чтобы заставить казахов пропускать туркестанские караваны, но казахи, напуганные военной мощью русских и не желавшие иметь с ними дела, ушли на юг. Степь все еще продолжала оставаться для России опасной.

В Оренбург преимущественно приезжали бухарские купцы, а в Троицкую крепость – ташкентские. Паллас так описывает те предметы, которые они привозили с собой на продажу: «Товары, караванами привозимые, суть: сырая и пряденая бумага, шерсть, толстой и тонкой бумажной холст или чалдар, различной доброты и ширины выбойки, между коих превозходнее ташкентския, а индейския редки; полушелковые полосатые и травчатые материи, и из оных сшитые халаты, бумажные и полушелковые поясы, бумажные набивные завесы, убрusy и рубашки, худаго разбору бархаты, кудрявые и пламистые мерлушки, цитварное семя и несколько сушеных плодов. Попадаетя иногда китайское серебро, также бухарския и персидския золотые деньги. Отпускаемые отсель товары суть: различной доброты красные и малиновые сукна; иностранной бархат, яйцкие камлоты или тонкой армяк, среднего разбору пушной товар, яко то: бельи брюшковые и хребтовые мехи, лисьи, корсаковы, зайчьи и выхухольи, а на опушку – выдрьи и бобровые; российския черныя и красныя юфти, из мелочи: железные замки, иглы, булавки, всякие бисеры, болоболки, зеркала, сученой разнаго цвету шелк, сахар, бумага, красильные составы, а именно: квасцы, купорос, кошениль, бразильское дерево, брусковая краска; белилы, простая бумага и проч.»³².

Что касается торговли русских с казахами Средней Орды, то в Троицкой крепости она была хотя и менее оживленной, но более прибыльной, чем в Оренбурге. Прочитирую еще раз Палласа: «...гораздо важнее и прибыточнее мена с киргизкайсаками Середняя орды, ибо они в торговле еще не столь проворны, как приезжающие в Оренбург для обмена киргизцы Меньшей орды; лошади же и прочий их скот лучше, почему внутренние купцы и имеют в сей торговле выигрыш, а киргиской скот в Троицкой дешевле, чем в Оренбурге. Здешняя орда богата рогатым скотом и между приводимым в обмен онаго множеством попадаются быки превозходной величины и доброты, да и лошади здешния больше и крепче, хотя оне дики и необузданнее получаемых из Малой орды, а овцы и козы почти равны породой и свойством. Сверх того

³¹ Семенов П.П. Указ. соч. С.488.

³² Паллас П.С. Указ. соч. СПб., 1786. Т.II. С.381-382.

киргизцы на продажу привозят мехи волчьи, красные лисьи, караганские и корсачьи³³; также мехи мерлушечьи, овечьи и яловичьи, верблюжьи войлоки и одежду, большие войлоки и бурки или епанчи, шубы из жеребьих кож, шерстяные и волосяные канаты и прочия сего рода вещи.

Для виду, сколь далеко простираются прихоти и роскоши сих кочевых народов и в чем они имеют нужду, сообщаю я здесь расписание всех товаров и мелочей, внутренними купцами им весьма дорого промениваемых и за кои они кроме скота и пушного товару выменивают иногда и китайское серебро. Ордою сею за скот получаемые товары суть: красные и малиновые от самого лучшего до наихудшего разбора сукна, яицкие камлоты лучшей доброты от киргизских, каламенки³⁴, белой и синей холст, на салфетки и полотенцы полотно, китайка, китайское и иностранной бархат, старые и новые шелковыми и полушелковыми материями покрытые меха, беличьи, лапковые, лисьи и прочие хорошие лисьи, выдровые и бобровые мехи на опушку шапок, тонкие шелковые платки, пестрый холст для платков, бумажные и шелковые астраханские поясы, юфти и сафьяны, различные женские приборы, косы, кисти, нагрудники, битыя жестянки, стеклянные прониски, бисеры, жемчуг, улитки, змейными головами называемые, зеркала, гребешки, бритвы, иглы, булавки, шелк для шитья, белилы и румяны, также различная литая и кованая железная рухлядь, котлы, треножники, таганы, цепи, конские уборы, замки, капканы, топоры, ножи, ножницы, огнива, пряжки медные, железные и оловянные пуговицы, ливеры, игольники, табакирки, трубки, табачные роги, медь в кусках и досках, и олово, железные проволоки, нечто из оловянной посуды, деревянные крашенные и простые стаканы, блюда, маленькие сундуки, материалы, к крашенью надобные: квасцы, купорос, сера, красной воск, сургуч, смола; крупы, ржаной и пшеничный хлеб, простой чай, сено и пр. Все товары большей частию внутрь государства производимые, кои продавая дорогою ценою, делают сию киргизскую торговлю немаловажною»³⁵.

Таким образом, несмотря на непростые отношения с казахскими ордами, строительство двух укрепленных линий с центрами соответственно в Оренбурге и Троицкой крепости привело к стабилизации торговли с кочевниками и Туркестаном. Конечно, проект Петра Великого не удалось реализовать полностью: восстание башкир в 1735 г. заставило Кирилова и его преемников отказаться от идеи строительства пристани на Аральском море. Но даже частичная реализация петровского плана создала мощную линию обороны, которая хорошо зарекомендовала себя во время пугачевского восстания в 1773-1774 гг. Бунтовщики, а сначала это были яицкие казаки, к которым затем присоединились башкиры, безуспешно осаждали более 5 месяцев (5 октября 1773 – 29 марта 1774 г.) бастионы Оренбурга. Первоначально его губернатор Рейнсдорп не осознавал грозившей городу опасности. Когда 20 сентября 1773 г. один из казаков принес в Оренбург весть, что Пугачев взял Илецкий городок³⁶, расположенный в нескольких сотнях километров на юг и был там с радостью принят населением, губернатор не придал этому особого значения. Только на следующий день, получив во время бала официальное известие о приближении Пугачева, Рейнсдорп проявил озабоченность. Оборонительные сооружения Оренбурга находились в плачевном состоянии. Годы спокойствия усыпили бдительность губернаторов: через рвы, местами засыпанные песком и землей, можно было свободно проехать на лошади и даже на телеге, а число земляных стен превосходило каменные. Несмотря на срочно предпринятые Рейнсдорпом меры, повстанцы могли запросто взять Оренбург, если бы у них было достаточно сил. Но го-

³³ Корсаки – степные лисы.

³⁴ Каламенка – лощеная с лицевой стороны ткань, преимущественно шерстяная.

³⁵ Паллас П.С. Указ. соч. Т. II. С.382-384.

³⁶ Казачий поселок вблизи Илека, в месте, которое образовывало нечто вроде гласиса (насыпь перед укрепленной линией).

род все же смог сдержать атаки самозванца. Занимая ключевую позицию в охваченной восстанием Башкирии, он помешал Пугачеву захватить Урал.

Троицкой крепости повезло меньше: в 1774 г. ее сразу же взяли пугачевцы. Но она была расположена слишком далеко от мест восстания и поэтому не имела для Пугачева стратегического значения. Именно падение Оренбурга должно было решить судьбу Яицкой и Уйской линий. Поэтому успешное сопротивление оренбуржцев стало одной из двух причин (о второй я скажу ниже) поражения Пугачева. Творение «птенцов гнезда Петрова» полностью выполнило свое первоначальное предназначение.

II. Башкиры и промышленное освоение Урала

Развитие металлургической промышленности на Урале, начиная с эпохи Петра Великого, было тесно связано с географическими условиями местности: здешние заводы строились в лесной глуши, где в начале XVIII в. жили немного русских переселенцев и значительное число враждебно настроенных к ним местных жителей – остяков, вогулов и особенно башкир. Строительство горных заводов, таким образом, шло одновременно с покорением этих народов: будучи первой в этом регионе да к тому же привнесенной извне промышленностью, уральская металлургия встретила на своем пути сопротивление местного населения, и прежде всего башкир, достаточно многочисленных и сплоченных, чтобы длительное время сдерживать как индустриализацию, так и русскую колонизацию.

Недавние работы венгерского профессора Дьюлы Немета, использованные Владимиром Минорским³⁷, свидетельствуют, что башкиры являются народом мадьярского происхождения, тюркизировавшимся в процессе своих миграций между Кавказом и Волгой в X в. Сосуществование двух этнических элементов, венгерского и тюркского (из них второй, менее многочисленный, в конечном итоге ассимилировал первый), объясняет изначальное использование двух терминов для обозначения башкирского народа: «башгирд» (другие формы: «башкурт», «башгард», «бажгард», «баджгард») и «мойджер» (ср. «мадьяр»), – названия, которые арабские средневековые источники обычно путают. В конечном итоге башкиры обосновались на западных и южных склонах Урала и на равнинах, непосредственно окаймляющих Урал с юго-запада и юга – путешественники XIII в. называли эту территорию «Великой Венгрией». Физическое сходство башкир и венгров таково, что во время русско-венгерской войны 1849 г. уральские казаки называли венгров «башкирами»³⁸. Сегодняшняя Башкирия – это автономная республика, а в начале XX в. ее территория включала часть Оренбургской и Уфимской губерний, слегка входила в пределы Самарской губернии на западе и Пермской и Вятской – на севере. Она тогда еще не была, как сейчас, самостоятельной административной единицей, и пришлое население в ней не составляло в то время большинства. Современные границы Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики примерно совпадают с территорией расселения башкир в начале XVIII в.

Башкирия состоит из лесной зоны на севере и степной – на юге. Оседлые лесные башкиры жили пчеловодством и охотой; их более многочисленные южные соплеменники разводили скот – это были полукочевники, зимой жившие в ауле, а весной уходившие в степь. Согласно Палласу, к 1770 г. можно было встретить башкир, имевших 2000-4000 лошадей, но уже тогда в южных районах полукочевое скотоводство постепенно сменялось земледелием. Кроме того, башкиры занимались ремеслами, благодаря чему обеспечивали себя сельскохозяйственными орудиями труда и холодным оружием. Объединенные в роды и племена под предводительством старшин, они не имели единого правителя, но каждый год собирались на общее собрание своих пред-

³⁷ Hudud al-'Alam. P. 318-319.

³⁸ Семенов П.П. Указ. соч. С.182-183.

ставителей, которое принимало важные решения, касающиеся всего народа, и, в частности, определяло политику по отношению к русским, казахам и калмыкам. Общее собрание, игравшее главную роль в процессе подготовки к восстаниям, не позволяло России покорить башкирский народ³⁹.

Численность башкир во времена Петра Великого неизвестна. К 1760 г. ее оценивают в 100000 душ мужского пола; следовательно, можно предположить, что башкирский народ состоял тогда из приблизительно 500000 человек⁴⁰. В 1874 г. эта цифра увеличилась примерно до 760000 человек, из которых более 400000 проживали в Уфимской губернии⁴¹.

Кроме башкир на Урале имелись такие народности, как мишари и тептяри, ныне растворившиеся в башкирах. Мишари, поздно пришедшие на Урал, до этого проживали на левом берегу Дона и в среднем бассейне Оки. После взятия Казани русскими в 1552 г. они пришли на Южный Урал, где смешались с башкирами; будучи финского происхождения, они преимущественно расселялись в Екатеринбургском и Челябинском уездах. Что касается тептярей, принадлежащих к тюркам, то они были или отдельным народом или остатком какого-то древнего этноса, потерявшие свою индивидуальность: даже свой язык они заимствовали у башкир, внося в него некоторые изменения; тептяри проживали на территории Оренбургского уезда. Мишари и тептяри сыграли важную роль в истории Урала вовсе не из-за своей этнической самобытности и не из-за численности своего населения (в конце XIX в. в уральском регионе насчитывалось всего лишь 300000 тептярей и 80000 мишарей по сравнению с почти 1000000 башкир, примерно такое же соотношение вероятно было и в прошлом⁴²), а в связи с тем, что мишари и тептяри были на Урале поздними пришельцами, оседлыми и очень часто селившимися на башкирских землях в качестве земледельцев. Таким образом, в среде башкир имелись ненадежные, если не сказать враждебные элементы, – в частности, мишари, презираемые башкирами, всегда активно участвовали в подавлении антирусских башкирских восстаний.

Башкиры попали в зависимость от царя после взятия Казани, т.е. во второй половине XVI в. Но они длительное время почти не ощущали тяжесть русского гнета, имея статус, близкий к служилым людям. Свою обязанность платить ясак натурой (лисы, мед) или деньгами, они могли заменить поставками России вооруженных всадников. Позже башкиры стали платить налог (который, впрочем, был минимальным – 25 копеек) со «двора»⁴³, но многие зажиточные семьи, имевшие возможность служить в русской армии, предпочитали именно последнее, превращаясь, таким образом, в военное сословие, и – по отношению к своим соплеменникам, – в аристократию. До XVIII в. русская власть на Урале, тогда еще слабая, была удовлетворена прохладными отношениями с башкирами – своеобразным буфером между редкими русскими поселенцами, рассеянными на западных склонах Уральских гор, и казахскими/калмыцкими кочевьями за Яиком. Но при Петре Великом на Среднем Урале появились первые металлургические заводы и в XVIII в. этот регион постепенно превратился в своеобразный арсенал России. Нарастающая русская колонизация шла на юг, и жажда рудных богатств Среднего Урала вынудила правительство пойти на коренное изменение статуса башкирского народа, который теперь стал частью населения Российской империи. С этого времени башкиры стали бурно реагировать на их постепенное покорение. До пугачевского бунта (1773-1774 гг.) произошло 6 башкирских восстаний. Фактически, Башкирия почти

³⁹ Тхоржевский С. Указ. соч. С.93.

⁴⁰ Там же. С.92.

⁴¹ Такие цифры приводит Камена д'Альмейда в своей статье «La colonisation russe dans le gouvernement d'Ufa et d'Orenburg» (Annales de géographie. 1899. T.VIII. P.127).

⁴² Семенов П.П. Указ. соч. С.182-197.

⁴³ Тхоржевский С. Указ.соч. С.92-95.

весь XVIII в. жила в состоянии перманентного восстания, в котором можно выделить 3 этапа.

* * *

Первое крупное восстание башкир в XVIII в. продолжалось с 1705 по 1730 г. Главной его причиной являлась налоговая политика Петра Великого, который для покрытия растущих военных расходов увеличил финансовые поборы, тяжким бременем легшие на русский народ и на нерусское население. Но фискальная политика Петра Великого сама по себе вряд ли привела бы к бунту, если бы не сопровождалась злоупотреблениями сборщиков налогов. Алчность воевод и их подчиненных не знала границ. Постоянное увеличение всякого рода поборов, бывших уделом «прибыльщиков» Петра Великого, было им на руку.

У башкир был и другой повод для недовольства. До сих пор их независимость не ставилась под вопрос, и представителей царя интересовала только уплата башкирами ясака. Но вот Петр Великий стал строить на Урале горные заводы, которые требовали большого количества рабочих рук, поскольку плавка металла с использованием древесного угля предполагала наличие артелей дровосеков, угольщиков, возчиков, которых здесь взять было негде. И тогда правительство заставило местных крестьян отрабатывать свои повинности работой на заводе. Так появились крестьяне, целыми деревнями «приписанные» к тому или иному заводу. Введение принудительного труда привело к уходу крестьян на свободные земли, лежащие далеко от завода. Однако бежать куда глаза глядят по дремучим лесам было непросто: наличие абсолютно незаселенных районов и суровые зимы вынуждали людей следовать едиными путями и останавливаться в одних и тех же волостях. Чаще всего крестьяне бежали на юг, туда, где их не могли найти вездесущие воеводы. Беглые попадали в Башкирию, где малочисленное нерусское население принимало их в то время достаточно спокойно. Но бегство заводских крестьян грозило сорвать индустриализацию Урала и поэтому правительство потребовало от башкир вернуть беглых.

В 1707 г. поднялась вся Башкирия: Уфа, Бирск, Мензелинск подверглись осаде, а деревни вдоль Белой, Камы и Волги сожжены. Не сумев уговорить башкир, Петр Великий, занятый в то время войной со Швецией, дважды натравливал на них калмыков. Но восстание все равно полыхало. В 1720 г. правительство вновь пошло на переговоры и пообещало башкирам прощение в обмен на выдачу ими беглых. С июня 1720 по март 1722 г. башкиры выдали царской администрации около 20000 русских крестьян (т.е. 5000 семей). Но они по-прежнему не платили налоги, и к 1724 г. задолжали казне более 22000 руб. Между тем русские все прибывали и прибывали, воеводы становились с каждым годом наглее, и в 1728 г. башкиры были пожаловаться в Санкт-Петербург. Правительство пошло им навстречу: в 1729 г. Уфимскую провинцию отделили от Казанской губернии и подчинили непосредственно Сенату, вербовка рабочих и солдат на заводы была приостановлена.

Однако восстание не прекратилось – в стремительной индустриализации Среднего Урала, постепенно продвигавшейся на юг, башкиры увидели угрозу своей независимости. Демидов, получивший в 1701 г. Невьянск, основал в регионе множество промышленных предприятий; русское правительство направило в 1720 г. Татищева, а в 1722 г. Геннина⁴⁴ для реорганизации уже существовавших горных заводов и постройки новых. Строительство предприятий и вызванное этим расширение масштабов подневольного труда постепенно сместило поток русской колонизации на юг, но теперь заво-

⁴⁴ В.Геннин (1676-1750) – голландец, приглашенный в 1696 г. в Амстердаме на царскую службу в качестве инженера. Ему было поручено строительство пороховых и пушечных заводов; вскоре он становится управляющим всеми Олонецкими металлургическими заводами, а затем ему была доверена реорганизация заводов на Урале.

ды могли не опасаться ухода с них приписных крестьян. Не проблема рабочей силы, а необходимость обеспечения спокойствия подтолкнула русское правительство покончить с самостоятельностью башкир. Уже при Петре Великом было задумано строительство оборонительной линии вдоль Яика. Тогда речь шла не столько о защите первых уральских горных заводов, располагавшихся гораздо севернее, сколько об отделении башкир, уже полтора века находившихся в сфере политического влияния России, от калмыков и казахов. Тем самым предполагалось снизить вероятность объединения мусульманских народов⁴⁵. Проект Петра был реализован в 1730-1740 гг. его сподвижниками и единомышленниками Кириловым и Татищевым. Одновременно Кирилов начал строительство медеплавильного завода рядом с Табынском в центре Башкирии⁴⁶. Таким образом, с юга башкиры оказались окруженными линией яицких крепостей, главной из которых был Оренбург, а с севера – постоянно нараставшим потоком русских переселенцев в Башкирию. Это стало причиной начала нового крупного восстания башкир в 1735-1740 гг. Восставшие так и не смогли помешать строительству первого Оренбурга (нынешний Орск) и крепостей вдоль Яика. Однако их сопротивление заставило Кирилова закрыть металлургический завод вблизи Табынска, и, вероятно, вынудило правительство частично пересмотреть грандиозный кириловский план, предусматривавший строительство пристани на Аральском море, т.е. далеко за пределами укрепленной линии⁴⁷.

Репрессии против восставших башкир были крайне суровыми: карательные отряды Тевкелева сжигали деревни и отдавали башкирок в крепостные. Русских поддерживали мишари и тептяри, которым по указу 1736 г. передавались земли повстанцев. Смерть Кирилова временно остановила террор, но его преемник Татищев, смягчив наказания, тем не менее так и не смог полностью восстановить здесь спокойствие. В ходе подавления восстания было уничтожено 16000 башкир, конфисковано у них 12000 лошадей, 6000 коров и овец, сожжено около 700 деревень. Усмирение башкир облегчило строительство горных заводов в южноуральском регионе. Правительство приняло суровые меры, дабы помешать возникновению нового восстания, но одновременно подтвердило права башкир на их земли; в ходе разгрома бунтовщиков многие территории обезлюдели и башкиры, хорошенько усмиренные войсками Тевкелева, стали продавать свои уголья заводам за бесценок.

В третий раз башкирский народ взялся за оружие в 1755 г., но, в отличие от предыдущих восстаний, это вышло за пределы Башкирии и явилось частью того волнения, которое охватило весь промышленный Урал и Казахстан. Разумеется, причины недовольства башкир были теми же, что и раньше, в основном – наличие в крае русских войск, вызванное дальнейшим развитием русской колонизации и строительство новых горных заводов. Северные башкиры-пчеловоды были обеспокоены вырубкой их лесов, а у южных башкир в 1754 г. был отменен ясак. Взамен правительство потребовало, чтобы соль, которую башкиры до сих пор добывали для себя бесплатно в районе Илецка, покупалась ими отныне в казне по цене 35 коп. за пуд. Оказалось, что новая тягота превышала размер прежнего ясака. Тем не менее, о новом восстании вроде бы речь не шла: экономическое положение башкир было лучше, чем у их русских соседей, да и память о жестоком подавлении движения в 1740 г. была еще жива. И все же призывы муллы Батырши к строгому соблюдению религиозных норм и объединению мусульманских народов против русских подтолкнули башкир, убежденных, как и Батырша, что вместе с ними поднимутся все турки России, которых поддержит Турция, к выступлению. Идея создания единого мусульманского фронта против поработившего их пра-

⁴⁵ Семенов П.П. Указ. соч. С.494.

⁴⁶ Тхоржевский С. Указ.соч. С.94-95.

⁴⁷ Семенов П.П. Указ. соч. С.496-497.

вославному государству увлекла всех. И это не был бунт отчаявшихся одиночек, а действительно всеобщее восстание, которое имело все шансы на победу. Почему?

После 1750 г. индустриализация Урала приняла быстрые темпы; наряду со строительством многочисленных заводов накалилась социальная ситуация; все уральские горные заводы постепенно охватили волнения, зачастую выливавшиеся в захват предприятий, отказ приписных крестьян от работ и их бегство. Налицо были все признаки социального кризиса. В ряде случаев цели башкир совпадали с целями приписных крестьян, ненавидевших угнетавшие их промышленные предприятия. Поддавшись призывам Батырши, башкиры сожгли медеплавильный завод графа Шувалова, и уничтожили отряд драгун и казаков, шедший на его защиту. Однако в 1755 г. союз восставших башкир и уральских работных людей не сложился, т.к. башкиры не видели разницы между заводами – пожирателями лесов, и русским населением, осевшим на бывших башкирских угодьях. Разумеется, проблемы, с которыми столкнулось на Урале правительство, породили у местных мусульманских народов надежду на освобождение, но для этого им нужно было тесно сплотиться, чего сделать так и не удалось: оренбургский губернатор Неплюев сумел подкупить казахов и натравить их на башкир. 50000 башкир, оттесненные русскими войсками за Яик, подверглись атаке со стороны казахов и калмыков; на севере на них напали казаки, мишари и тептяри⁴⁸. Таким образом, восстание вновь закончилось поражением. Башкирам было запрещено переходить через Яик и они под угрозой конфискации своих земель были вынуждены вернуться домой. Стена, постепенно окружавшая башкирский народ, становилась все более и более непроницаемой. Правительство, сознавая всю серьезность ситуации, придавало большое значение урегулированию башкирской проблемы.

Но усмирение башкир в действительности было формальным. Лишенные отныне возможности бороться самостоятельно, они в 1773 г. поддержали Пугачева и обеспечили ему успех на Урале. Еще основатель Оренбурга Кирилов указывал, что башкиры будут представлять опасность в случае, если их возглавит «умный вор», такой как Стенька Разин⁴⁹. Так и вышло – когда Пугачев в конце сентября 1773 г. приблизился к Оренбургу, башкирские отряды перешли на сторону восставших. Пугачев обнаружил им свой знаменитый манифест, даровавший башкир «землями, водами, лесами, домами, ручьями и рыбными ловлями, пашнями и покосами». К 1400 яицких и илецких казаков Пугачева присоединились 5000 башкир, т.е. половина того, что самозванец имел на Урале. Своим успехам в этом регионе Пугачев почти исключительно был обязан башкирам: когда в июне 1774 г. он вновь двинулся на север, утратив их поддержку, он сразу же потерпел поражение от правительственных войск. Восстание башкир на Урале было направленно против горных заводов. Судя по имеющимся документам, у Пугачева таких целей не было; он планировал получать с заводов оружие, но башкиры, задавшись целью вернуть свои леса и земли, восприняли манифест самозванца как призыв к уничтожению всех следов промышленности. Осенью 1773 г. уральские заводы запылали. Всего башкиры разрушили 20 заводов, большинство которых принадлежали могущественному оренбургскому заводчику Твердышеву; это составляло почти половину металлургических предприятий Оренбургской губернии⁵⁰. Башкирия, освобождаясь от русского владычества, возвращалась к своей традиционной экономике.

Ненависть башкир к горным заводам разделялась приписными крестьянами, которые тоже участвовали в восстании, но это единство интересов не привело, однако, к союзу башкир и русских. Башкиры не только разрушали заводы; они нападали на русское население Башкирии, сжигали села, убивали мужчин, насиловали женщин, а

⁴⁸ Тхоржевский С. Указ. соч. С.93-95.

⁴⁹ Там же. С.96.

⁵⁰ Кашиңцев Д.А. Указ. соч.

остальных делали своими рабами⁵¹. Восстание в Башкирии имело национальную окраску, носившую больше религиозный, чем социальный оттенок. Хотя башкиры и обеспечили Пугачеву временный успех, они оттолкнули от самозванца часть рабочих людей Урала: погромы заводов наводили страх на рабочих, ведь их жизнь зависела от предприятий; конечно, рабочие хотели свободы, улучшения условий труда, и поэтому склонны были поддержать Пугачева, но они не желали разрушать завод, который давал им пропитание. В этом они совершенно отличались от приписных крестьян, единственным желанием которых было вернуться в свои деревни. Отсюда следует, что реакция рабочих не везде была одинаковой. Несколько горных заводов южной зоны, которым больше всего угрожали башкиры, сдались Пугачеву, надеясь на его помощь. В конце 1773 г. Пугачев послал под Уфу одного из своих самых ближайших сподвижников – яицкого казака Зарубина, чтобы остановить мародерство башкир. Он пытался успокоить русское население и пообещал восстановить разрушенные заводы. Но, несмотря на все усилия Пугачева, большинство уральских горных заводов было настроено к восстанию отрицательно⁵². Страх рабочих людей перед башкирами отодвинул на второй план их социальные требования, став основной причиной поражения Пугачева. Конечно, множество уральских рабочих участвовало в бунте, но это в основном были приписные крестьяне, у которых далеко отсюда имелись свои избы и земли. Работные люди, т.е. те, кто непосредственно производил оружие, были для Пугачева важнее, т.к. заводов, которые в какой-то степени трудились на самозванца, было мало.

* * *

Жестокое подавление этого восстания ознаменовало конец героической эпохи в истории башкирского народа, социальная и экономическая структура которого в XVIII в. подверглась глубоким изменениям. Башкирская аристократия, которая возглавляла восстания, была уничтожена (погиб каждый десятый), ее численность резко сократилась, полукочевой образ жизни, бывший раньше настоящей «роскошью»⁵³, стал отмирать. Постепенный переход башкир к оседлости сопровождался их обнищанием. После бунта 1735-1740 гг. башкирам было запрещено изготавливать оружие и сельскохозяйственные орудия труда: это привело к упадку земледелия и вынуждало их переходить к своим традиционным занятиям, либо уходить на заводы, число которых в Башкирии постепенно росло. Одновременно шло ослабление межплеменных связей, башкирское общество теряло свою монолитность, в деревнях только отдельные семьи выезжали теперь на летовки, а оседлые башкиры нанимались на завод дровосеками, угольщиками, работными людьми, став для металлургии источником столь недостающих ей рабочих рук.

Но, однако, борясь 75 лет против русской колонизации и строительства горных заводов на своих землях, башкиры заставили заводовладельцев превратить свои предприятия в настоящие крепости. Так возникли заводы с толстыми стенами, с зарешеченными окнами, с прудами, которые не только обеспечивали навигацию в период пересыхания рек и давали цехам энергию, но и служили защитой от нападения. Именно на их основе возникли уральские города, подобно тому, как когда-то на Западе вокруг замков образовались городские поселения⁵⁴.

Результатом долгой борьбы башкир, которая так и не стала препятствием для их покорения и индустриализации Южного Урала, было не только поражение башкир. Направленное прежде всего против русских и косвенно против горных заводов, их сопротивление ограничило размах социальных движений на Урале в XVIII в. Несмотря на

⁵¹ Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII-XX вв.

⁵² Там же. С.32.

⁵³ Семенов П. П. Указ. соч. С.186.

⁵⁴ Verstraete M. L'Oural: étude industrielle. Paris, 1899. P.32.

ненависть к своим хозяевам, не все рабочие поддержали Пугачева, несшего им свободу и власть над заводами. Таким образом, постоянная угроза со стороны башкир в XVIII в. облегчила заводовладельцам защиту своих привилегий и затруднила процесс освобождения рабочих.

Париж, октябрь 1945 г.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА И ВОЕННЫЕ УСПЕХИ РОССИИ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II⁵⁵

В настоящей статье я попытаюсь выяснить взаимосвязь между военными успехами России во времена царствования Екатерины II и промышленным потенциалом страны, в частности, производством оружия. Являлась ли эта связь достаточно тесной в XVIII в.? Какую роль в победах русских генералов над турками и поляками сыграла российская металлургия? И какое место в ней занимали уральские горные заводы – крупнейший очаг европейской промышленности?

Говоря о заводах, я подразумеваю промышленность современного типа, т.е. крупные предприятия с доменными печами и специализированными цехами, использующими многочисленную рабочую силу. На уральских металлургических заводах трудились сотни рабочих, а тысячи людей занимались вспомогательными работами (рубка леса, углежжение, извоз). Ко времени восшествия на престол Екатерины II на Урале насчитывалось около 100 горных заводов, из которых 2/3 были железоделательными, остальные – медеплавильными, а частично – смешанными. Таким образом, на Урале производилась почти вся российская медь и было сосредоточено 2/3 производства железа. В остальных регионах, особенно в Подмосковье и на северо-западе России, заводов было мало, поскольку в целом промышленное производство в стране сохраняло кустарный характер.

Ручное оружие выпускалось в основном кустарными цехами. Это относится, в первую очередь, к ружьям, технология изготовления которых требовала трудоемкой сборки. Клинки сабель, кинжалов и шпаг сначала ковали, а затем подвергали закалке в заводских цехах. Но производство холодного оружия и ружей обеспечивалось главным образом рассредоточенными на большой территории и самостоятельными в производственном отношении цехами центра страны. Именно вблизи двух российских столиц (и даже в самих столицах), в районе Тулы, а не на Урале изготавливалось ручное оружие армий Екатерины II.

Что касается артиллерии (пушки, ядра, мортиры), то ее производство не могло быть кустарным. Нужда армии и флота в пушках стала причиной стремительного промышленного развития Урала, начавшегося при Петре Великом. С тех пор Россия смогла обеспечивать свою армию артиллерией и боеприпасами. Судя по знаменитому описанию «Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества» (изд. 1831), составленному И.К.Кириловым в 1727 г., вооружение русской армии еще за тридцать лет до восшествия на престол Екатерины II соответствовало потребностям Империи. В итоговой таблице своего труда Кирилов приводил следующие цифры: в России насчитывалось тогда 729 медных пушек, 3926 железных, – всего 4635, не считая нескольких сотен мортир и гаубиц и то только в артиллерии; Москва при этом не учитывалась. Большинство оружия находилось, конечно, на западе страны: более 400 пушек было размещено в Киеве, около 1000 – в московском арсенале, 300 – в Пскове, более 300 – в Риге (не считая портовой артиллерии), более 700 – в Ревеле, около 400 – в Нарве, более 600 – в Санкт-Петербурге и Кронштадте. Что касается восточной части страны, то она, кажет-

⁵⁵ Portal R. L'industrie métallurgique de L'Oural et les succès de Catherine II // Revue des études slaves. N XXVII. 1951. P.220-226. Перевод с французского Л.Ф.Сахибгареевой.

ся, была оснащена плохо: важная в стратегическом отношении Тюмень (в Западной Сибири) располагала всего 18 малокалиберными пушками. Впрочем, названное количество артиллерийских орудий не должно вызывать у исследователя иллюзий. У России было мало береговых или осадных пушек, т.е. орудий большого калибра (свыше 16 фунтов)⁵⁶. Большинство русской артиллерии составляли легкие полевые орудия калибра 2-8 фунтов. В московском арсенале из приблизительно 1000 пушек, учтенных в 1727 г., более 200 были третьего калибра, 140 – второго, менее 100 превышали 16-й калибр. На флоте ситуация была такова. Кронштадтский (Балтийский) флот насчитывал в 1727 г. 48 судов, из которых 10 были первого ранга (несли 70-100 пушек), 22 – второго (50-70 пушек), более 16 – третьего (10-50 пушек). Понятно, что оснащать эти корабли могли только крупные заводы.

Нужно, правда, заметить, что велик был процент брака, поэтому в книге И.К.Кирилова часть пушек помещена в графу «не годны». Астраханский гарнизон, по словам Кирилова, имел 162 пушки (большинство – калибра 1-8 фунтов), из которых около 100 составлял брак! Примерно 100 негодных орудий хранились в московском арсенале. Эти цифры, конечно, не столь уж и велики, но, однако, брак (иногда значительный) шел на протяжении всего XVIII в. И речь идет не об отдельных недостатках, а о дефектах, делавших пушки вообще не пригодными к использованию. В одном из указов 1766 г., говорилось, что казенные Каменские заводы (на Урале) с 7 апреля 1763 г. по 15 июля 1765 г. выплавляли 349 пушек, из которых 294 оказались ни к чему не годны, и только 45 были в рабочем состоянии. В период с 1782 по 1786 г. (дата прибытия английских специалистов, которым было поручено наладить производство), если верить отчету Дирекции олонекских заводов, из 1142 пушек, выпущенных Александровским заводом (о котором речь пойдет ниже), лишь 417, т. е. 36%, были непригодны к использованию из-за нестандартного веса. Конечно, необходимо учитывать, что для обоснования приглашения иностранных специалистов недостатки преувеличивались. Также верно и то, что технология производства пушек, хотя и стала более прогрессивной по сравнению с XVII в., смогла ликвидировать брак лишь к концу XVIII в., после обращения за помощью к англичанам. Военные заводы постоянно стремились увеличить производство одновременно с качеством продукции. Другими словами, нужды армии породили промышленный подъем, придав ему такой размах, о котором нельзя было и мечтать.

Деятельность пушечных заводов приобретала особое значение накануне и во время войн. Основная часть артиллерии была сосредоточена главным образом в крепостях или вблизи них. Оборона такой обширной империи как Российская, предполагает наличие многочисленных крепостей, разбросанных на тысячи километров. Там, где внешняя опасность была минимальной, они оснащались слабо. Первые успехи Пугачева на Яицкой линии в 1773 г. явились результатом не столько предательства инородцев, составлявших гарнизоны ее крепостей, сколько следствием плачевного состояния фортификаций и их вооружения. Основная масса оружия была сконцентрирована, таким образом, на западных границах России. В случае войны или угрозы ее возникновения артиллерия вводилась из резерва быстро. Впрочем, оружия всегда не хватало; его нужно было производить много, постоянно ремонтировать, оснащать им армию. Поэтому пушечные заводы было выгодно строить поблизости от мест будущих сражений. Следовательно, по мере того, как Россия все больше и больше вмешивалась в европейские дела, ей требовалось постоянно наращивать производство оружия, в результате чего значение уральской военной промышленности постепенно уменьшалось.

Тем не менее, этот край в первой трети XVIII в. (на начальном этапе развития военной промышленности) лидировал в производстве оружия, которое затем почти не обновлялось. Ряд крупнейших уральских горных заводов продолжали отливать пушки;

⁵⁶ В то время калибр измерялся весом снарядов. Русский фунт равен 0,410 кг.

другие были даже специально построены для этого в финале царствования Елизаветы Петровны. Однако кроме старинного Каменского завода, который изготавливал оружие лишь по заказу, эти предприятия располагались западнее и были связаны по Волге с центром страны (например, Воткинский и Ижевский заводы, основанные соответственно в 1759 и 1762 гг. в районе Сарапула). Но к середине XVIII в., и особенно при Екатерине II, металлургические заводы, число которых в центре росло, смогли поставлять пушки и боеприпасы для армии и флота. Конечно, промышленное развитие центра страны прежде всего было связано с расширением местного потребительского рынка. Новые предприятия не были военными заводами, но иногда они отливали пушки, и в случае необходимости перестраивались на военный лад. Таким образом, войны стимулировали временный подъем уже имевшихся заводов, и приводили к постройке новых.

Строительство заводов при Екатерине II велось в основном в центре страны и осуществлялось крупными предпринимателями Баташовыми. Их первые предприятия (в 1775 г. – 9) появились еще при Петре I, но настоящий размах строительство приобрело лишь после 1765 г. при активном участии Андрея Баташова. Основание Выксунского (в 1765 г., в 30 верстах к юго-востоку от Муром), Велетминского (в 1767 г. вблизи первого) заводов было вызвано возросшим спросом на железо внутри страны. Когда началась русско-турецкая война, Баташовы в 1770 г. поставили русской армии 154 пушки, а также много бомб и ядер. Они также построили Железницкий завод на небольшом притоке Оки, и Верхне-Железницкий в 2 верстах от первого, где завершалась обработка жерл пушек, отлитых на Выксунском заводе. Но эти 2 завода начали действовать лишь в 1774 г., когда война уже близилась к концу, поэтому из-за отсутствия госзаказов они временно перешли на изготовление бытовых изделий. Комплекс из 4 заводов, расположенных на расстоянии 70 верст и образующих что-то вроде конвейера, вновь начал выполнять оборонную функцию к 1780 г.; его пушками и якорями был оснащен Архангельский порт. На примере предприятий Баташовых видно, что военное производство составляло лишь незначительную часть всей металлургической промышленности.

Количество оружия, используемого во время войны, было незначительным. Впрочем, и численность армий также была достаточно скромной: во время первой русско-турецкой войны 1768-1774 гг. русское правительство направило на Дунай 80000 солдат под командованием Голицына, а 40000 под командованием Румянцева остались оборонять Украину. Нужно отметить, что зачастую снабжение войск было плохим. Блестящие победы русских после 1770 г. не имели будущего. И дело здесь не в какой-то глупости русских царей, о которой столь несправедливо отзывался Фридрих II, заявивший по поводу следующей за 1774 г. кампании: «На этой войне кривые победили слепых». Неповоротливость войск и неэффективность побед зависели от одной причины – отсутствия резервов и оружия. Во время войны армии уходили далеко вперед, отрываясь от своих тылов, в результате чего их снабжение нарушалось. Таким образом, невозможность регулярной поставки войскам вооружения, в котором они нуждались, тормозила деятельность заводов, которые, тем не менее, пытались по мере возможности приблизиться к театрам военных действий.

Кроме того, тогда артиллерия еще не играла определяющей роли. В бою использовалось мало пушек. Накануне взятия Праги⁵⁷ русскими (22 октября 1794 г.) Суворов обстрелял польские позиции тремя батареями из 22, 16 и 48 орудий – количество по тем временам, конечно, огромное, но, однако, не отражавшее производственный потенциал заводов. Есть разница между оружием, рассредоточенным по территории Российской империи, и оружием, которое непосредственно использовалось в военных действиях. Первое обновлялось слабо; оно производилось в первой половине XVIII в. как на уральских заводах, так и на старых предприятиях в центре России. Второе изготов-

⁵⁷ <Прага – предместье Варшавы>.

лялось при Екатерине II главным образом на заводах центра. Наиболее крупные военные поставки предназначались не пехоте, а флоту. Успехи Екатерины II на суше в ходе двух русско-турецких войн и польской кампании блекнут перед блестящими победами России на море. Чесменский бой с турками (конец июня – начало июля 1770 г.), ознаменовавший дебют Балтийского флота в Средиземноморье, а также победы русского флота над шведами на острове Готланд (1788 г.) и у мыса Гангут (октябрь 1770 г.) свидетельствуют о том, что Россия в XVIII в. была великой морской державой. Адмиралтейство являлось крупнейшим заказчиком металлургических заводов. Таким образом, первая русско-турецкая война реанимировала производство на старых олонечских заводах, расположенных вблизи Балтийского залива. Однако их мощностей не хватало, и поэтому в 1774 г. был построен новый Александровский завод. Это было крупное предприятие, практически производившее только оружие, которое изготовило его в 1774-1780 гг. более 95000 пудов (1500 т). Если московский арсенал был ликвидирован в 1783 г. и превратился в музей, то петербургский, реорганизованный в 1770-1780 гг. и имевший 2 цеха по сверлению стволов пушек, производил только оружие. К этим предприятиям следует еще добавить крупный пушечный Сестрорецкий завод (в Балтийском заливе) с 400 рабочих, якорный завод в Колпино, и Кронштадтский завод, домны которого работали на английском угле.

Без всякого сомнения, существование мощной металлургической промышленности способствовало военным успехам России на море больше, чем сухопутным победам. Огневая мощь была основой морского боя, а в войнах на суше, где главную роль играли казачьи атаки и холодное оружие, она имела меньшее значение. В целом же, экспансионистская политика России во многом опиралась на наличие многочисленных заводов, поставлявших сухопутным войскам и флоту вооружение. Но если военные нужды частично объясняют расцвет промышленных учреждений в центральных и северо-западных регионах во времена Екатерины II, то какая связь может существовать между войной и таким обширным и отдаленным регионом, как Урал?

Действительно, во второй половине XVIII в. большинство уральских горных заводов оружия не производили. Но Урал оставался промышленной базой для всей страны, потому что он поставлял заводам центра железный полуфабрикат. Почти 1/3 железа производилась в виде полос. Каждую весну в начале мая доверху нагруженные металлом баржи выходили на уральские реки и, пользуясь паводком, достигали Чусовой, а через нее попадали в Волгу. Их груз предназначался для Москвы и Петербурга. Большая часть железа шла на экспорт, особенно в Англию⁵⁸. Но владельцы заводов в центральных регионах, в частности, Баташовы, также покупали на рынках его полуфабрикаты, которые затем перерабатывали на своих предприятиях. Кроме того, часть перевозимого металла продавалась ремесленникам вдоль «железного пути» по Волге и Неве. В этом и заключается одна из самых важных особенностей такого крупного металлургического региона, как Урал: частично он снабжал железом ремесленников западных регионов страны. Оснащение уральских горных заводов, изготовление предметов обихода из железа и меди для рынков Сибири и Нижнего Поволжья, экспорт металла за границу, поставки полуфабриката на монетные дворы, ремесленникам запада страны и некоторым крупным заводам на востоке – вот чем занимались уральские предприятия. При Екатерине II оружие производилось на Урале лишь в небольшом количестве.

Таким образом, прямая связь между уральской промышленностью и военными успехами Екатерины II отсутствует. Достаточно скромные запросы армии не могли сказаться на тогдашнем стремительном развитии Урала. Более того, трудности доставки готовой продукции в европейскую часть страны и расширение масштабов войн в Евро-

⁵⁸ Между 1773 и 1780 гг. Россия экспортировала в среднем около 40000 т железа в год, почти столько же, сколько Швеция. Это составляло примерно 15% от общего производства Урала.

пе вызвали перемещение военных заводов на запад. Этот промышленный нomaдизм привел во время Северной войны к недолгому расцвету индустрии на берегах Балтики и на севере Украины. Во второй половине XVIII в. военные цеха постепенно переместились к западным границам, но их деятельность редко была постоянной, в основном сохраняя вспомогательный характер. В целом, войны XVIII в. не позволяют сделать вывод о тесной связи между уровнем промышленного потенциала страны и военными успехами. В бою роль человеческого фактора была более значительной, чем роль оружия.

ПУТЬ ЖЕЛЕЗА В XVIII В. (заметки об одной диссертации)⁵⁹

История металлургии в России недавно пополнилась монументальным трудом, посвященным заводам Демидовых – могущественных русских промышленников XVIII в. Изданная в 1949 г. и поступившая во французские библиотеки летом 1950 г., докторская диссертация Бернгарда Кафенгауза⁶⁰ свидетельствует о высоком уровне исследований советских ученых в области экономической и социальной истории.

Изучение металлургии дореволюционной России в СССР началось с исследования заводов нового типа в центре страны в XVII в., результатом чего стала публикация сборника комментированных документов «Крепостная мануфактура в России» (Л., 1930. Ч.I: Тульские и Каширские заводы). Затем советские ученые естественным образом обратились к Уралу, который в XVIII столетии стал наиболее динамично развивающимся металлургическим регионом не только России, но и Европы. Металлургические предприятия Урала подразделялись на 3 типа: казенные, частные и вотчинные⁶¹. Предприятия Демидовых относились к последним. При написании истории горных заводов необходимо использовать частные архивы, что невозможно для второй из упомянутых категорий, куда относятся, например, Строгановские заводы. Напротив, изучать историю казенных заводов гораздо легче, потому что публикация «Описания уральских и сибирских заводов 1735 г.» (М., 1937), составленного управляющим казенными заводами В.Генниным, позволяет получить ясное представление об их техническом оборудовании и организации. Вплоть до середины XVIII в. большинство уральских горных заводов принадлежало либо государству, либо Демидовым (крупные помещики, такие как Строгановы, проявили себя в промышленном отношении лишь после 1740 г.). Однако во второй половине XVIII в. казенная индустрия пришла в упадок и заводы Демидовых вышли на первый план. Следовательно, именно «заводские вотчины» Демидовых позволяют нам наиболее полно представить картину промышленной жизни на Урале в XVIII в. Поэтому труд Б.Б.Кафенгауза так важен для специалистов.

Сам характер вотчинного хозяйства, предусматривающий контроль государства над предприятиями, привел их к тесным отношениям с властями, что отразилось в источниках, которые отложились в советских архивах. Недавняя статья в «Вопросах истории», где упомянуты крупные массивы документов о Демидовых, назвала основные источники по этой теме, показав их значение для изучения экономического разви-

⁵⁹ Portal R. Une route du fer au XVIIIe siècle (A propos d'une thèse récente) // Revue historique. 1954. Fasc.I. Janvier-Mars. P.19-29. Перевод с французского С.А.Калугина.

⁶⁰ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т.I. 524 с. (Ссылки на страницы этой книги см. в тексте данной статьи).

⁶¹ Т.е. принадлежащие частным лицам, но подконтрольные, с предоставлением различных льгот (свободное распоряжение казенными лесами, использование крестьянской рабочей силы и т. д.) государству.

тия Урала⁶². Эти документы были использованы Б.Б.Кафенгаузом, который, впрочем, использовал архивы, относящиеся только к одной ветви этого рода, и рассредоточенные в Москве, Свердловске и Нижнем Тагиле⁶³. Необходимо добавить, что Демидовы также владели предприятиями в Тульской, Калужской и Нижегородской губерниях; следовательно, диссертация Б.Б.Кафенгауза, исследующая все их заводы, охватывает европейскую часть России и рассматривает главные аспекты ее экономической и социальной истории.

* * *

Рецензируемый труд состоит из 3 частей. Первая посвящена возникновению первых уральских горных заводов; в ней рассмотрены общие условия развития металлургии в России в конце XVII в., показано значение ремесленничества и приведены некоторые сведения о рынке металлов. Здесь также изучено возникновение предприятий Демидовых (передача им казной Невьянского завода, строительство новых заводов) и их роль в производстве военной продукции в первом десятилетии XVIII в.

Развитие демидовских заводов в XVIII в. изучено во второй части рецензируемого труда, где рассмотрены привилегии и обязательства руководителей заводов, а также постепенное ослабление контроля государства над «вотчинными» предприятиями. Две главы посвящены истории заводов Акинфия Демидова и их разделу между его сыновьями после 1750 г. Наконец, третья часть книги рассказывает о заводах второй половины XVIII в. и о торговле железом. Отдельная глава повествует о восстаниях крестьян и работных людей в 1760-1774 гг., хотя изучение социальной структуры автор планирует рассмотреть во втором томе⁶⁴, что, впрочем, уже вызвало критические замечания оппонентов. Поэтому пока у нас отсутствует полный текст монографии, огромный объем ее фактического материала выглядит разрозненно. Однако, например, таблицы состава населения Невьянского и Шуралинского заводов в 1717 г. позволяют получить данные о месте выхода, возрасте и профессиях рабочих, благодаря чему можно выяснить пути переселения людей и специфику местного населения (С.353-359). Ценность труда Б.Б.Кафенгауза состоит именно в том, что он выявил множество источников по всем вопросам истории российской металлургии XVIII в. и сделал на их основе оригинальные выводы. Тем не менее, эти материалы еще будут изучаться последующими исследователями.

* * *

Одна из наиболее интересных глав рецензируемой диссертации посвящена описанию водных коммуникаций, связывавших уральские горные заводы Демидовых и места потребления их продукции. К середине XVIII в. около половины железа России и

⁶² *Финкельштейн Н.* Государственный архив Свердловской области // Вопросы истории. 1950. № 3. С.153-155.

⁶³ А.Панкратова в своем интересном отзыве на рецензируемую книгу (Вопросы истории. 1950. № 8. С.117-127) упрекает Б.Б.Кафенгауза в недостаточном использовании архивных фондов Берг-коллегии, Канцелярии генеральной дирекции заводов Сибири и Казанской губернии, что не позволило ему глубоко изучить социальную структуру рабочих. Но автор заранее оговорил это, планируя рассмотреть этот вопрос во II томе своего труда. Труд советского историка опирается на огромную документальную базу. Предваряя издание своей монографии, Б.Б.Кафенгауз опубликовал две главы из нее в виде отдельных статей: «Строительство первых уральских заводов» (Вопросы истории. 1945. № 5-6. С.44-73), и «Уральские заводы П.Демидова в XVIII столетии» (Ученые записки МГУ. 1946. Т.LXXXVII).

⁶⁴ <II том труда Б.Б.Кафенгауза не был опубликован. Отдельные его фрагменты нашли отражение в следующих статьях автора: 1. Хозяйство Демидовых к концу 1-й трети XIX в. // Генезис капитализма в промышленности. М., 1963; 2. Первые шаги золотопромышленности на Урале // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1966>.

приблизительно 2/3 его производства на Урале шло на экспорт, преимущественно в Англию (см. Таблицу 53).

Таблица 53
Среднегодовой вывоз железа из России (пуд условно округлен до 16 кг) (С.456)

Годы	Количество железа
1749	9264 т
1758-1760	12768 т
1778-1780	31488 т
1790-1792	41312 т
1802-1804	35360 т

Таблица 54
Ввоз железа в Англию (С.457. Табл. 81)

Годы	Страны-экспортеры		
	Россия	Швеция и Норвегия	Прочие страны
1732	3282 т	8191 т	861 т
1755	10180 т	19808 т	1380 т
1786	28964 т	20082 т	290 т
1793	36662 т	23003 т	240 т
1799	23441 т	29641 т	6022 т

Эти таблицы наглядно показывают место России в экспорте железа в XVIII в., который прекратился после расцвета английской металлургии с 1780 г. Следует добавить, что металлургические заводы Урала отправляли в столицы не только готовые изделия, но и полуфабрикаты, перерабатываемые затем на предприятиях или, чаще всего, в ремесленных цехах центра. Поэтому каждый год шли с Урала на Балтику «караваны» железа, которые представляли собой (если учитывать материальные затраты) весьма внушительное (разумеется, по масштабам XVIII в.) предприятие (Карта на с. 407 рецензируемой книги). Благодаря ведомостям, которые заполняли приказчики на каждом участке пути, можно проследить весь их маршрут, оценить размер перевозимого ими груза и разобраться в проблемах промышленного развития России во второй половине XVIII в. Документы, использовавшиеся Б.Б.Кафенгаузом, относятся главным образом ко второму периоду деятельности Демидовых, наступившему после знаменитого раздела на 3 части наследства Акинфия Демидова (1745-1753). Это был период стремительного роста экспорта железа в Англию и гораздо более медленного расширения его рынка в России.

«Путь железа» по рекам начинался от пристаней на Чусовой, следовал вниз по Каме к Волге, поднимался вверх по Волге до Твери, а затем, через реку Тверцу и Вышневолоцкий канал⁶⁵ приводил к Новгороду и оттуда, через Волхов и Ладожский канал – в Петербург. В Нижнем Новгороде от этого маршрута начинался другой, который, следуя вверх по Оке и ее притоку Москве-реке, достигал Москвы. Наконец, ниже Твери, в Дубне, где изгиб Волги наиболее приближается к Москве, случалось, отправляли часть груза в столицу сухопутным путем (по маршруту нынешнего канала Москва-Волга).

Различали 2 категории караванов. «Однолетний» караван функционировал с мая по октябрь; караван, называвшийся «зимним», отправлявшийся также весной, зимовал 6 месяцев в Твери, и приблизительно прибывал в Петербург к июню следующего

⁶⁵ Этот канал, построенный при Петре Великом, был длиной 3 версты, имел 3 шлюза и очень активно использовался весной; в основном по нему проходили суда, нагруженные железом, а также зерно из московского региона в Петербург; ежегодно здесь платили проездную пошлину 2000 судов (С.409).

года. На этом пути (длиной около 2500 км) необходимо было устраивать промежуточные остановки, чтобы набирать для соответствующего участка реки артели лодочников и бурлаков и производить перегрузку товара. Содержимое больших уральских барок («коломенок»), средняя грузоподъемность которых достигала 120 т, выгружалось в Рыбинске на суда меньших размеров, грузоподъемностью чуть более 70 т. После преодоления соединительного канала груз вновь принимали крупные барки. Среди промежуточных остановок пути Тверь занимала особое место не только потому, что один из караванов оставался здесь зимовать – именно в Твери готовились челночные рейсы и осуществлялось распределение прибывающих караванов, нагруженных железом, и возвращающихся обратно почти пустыми судов с грузами, нужными для заводов (например, порох для бурения руды). Во второй половине XVIII в. Урал почти полностью обеспечивал свои потребности и уже давно не завозил ничего из центральной России.

Речной путь, который соединял Урал с Петербургом и Москвой, был нерегулярным: скованный зимой льдами, он действовал только в период навигации и обслуживал малотоннажные суда. Случалось, что в самых трудных местах, особенно в районе Верхней Волги, Тверцы и Мсты, из-за ранней зимы или маловодья оказывались заблокированными сотни судов. Зимой 1773 г. в Твери скопились барки, включавшие караваны, отправленные Евдокимом Демидовым (28 барок), Никитой Никитичем Демидовым (59 барок), Твердышевым, Никитой Акинфиевичем Демидовым (80 барок) и казенными металлургическими заводами (32 барки) – всего 570 судов, растянувшихся на 3 версты (более 3 км). Каждый из этих караванов был весьма большим (С.419). В 1745 г. при преемниках Акинфия Демидова караван, отправленный в Петербург с продукцией еще не разделенных между наследниками предприятий, насчитывал 47 стругов, груженых 5176 т железа и другими припасами (С.399). Караван 1747 г. при отправке насчитывал 62 струга с грузом в 6638 т (С.400). После раздела демидовских заводов караваны каждого из наследников уже не были такими внушительными. «Однолетний» караван Прокофия Демидова в 1758 г. содержал, тем не менее, 17 стругов с 1859 т железа, чугунных припасов и якорей, а «зимний» караван 1762-1763 гг. – 14 (на место назначения прибыли 13 судов – одна коломенка затонула) (С.401-405).

В пути караван заходил в прибрежные промышленные центры, где освобождался от части груза. Но основная масса продукции все же прибывала в Петербург. Караван 1746 г., например, вез 5305 т железа и снаряжения на 62 судах. 7 из них везли 728 т железа в Нижний Новгород для перереработки; 5 шли в Москву, 5 – в Тверь, 5 – в Ярославль, 5 – в Тулу. На 23 судах около 1900 т железа прибыли в Петербург, чтобы попасть на заводы Адмиралтейства и за границу⁶⁶; таким образом, до конечного пункта дошло примерно 35% первоначального груза (С.399).

В составе грузов по весу значительно преобладал чугун, ибо Урал был поставщиком торговых домов-экспортеров, а также заводов и мастерских по переработке железа в центре России. Упомянутый выше караван 1747 г. оставил часть своего груза еще до того, как вышел за пределы промышленной зоны Урала. После Сарапула (на Каме) он имел 5742 т груза, из них 3524 (около 65 %) предназначались для Петербурга, причем 980 т – для казны (гофинтендантская контора и Адмиралтейство) и 2544 – для вольной продажи (т.е. почти целиком на экспорт). В Москву шло 776 т, из них 102 т мортир, гаубиц, бомб и ядер, что составляло 13 % груза, главным образом состоявшего из чугуна (С.400). Этот пример показывает, что Урал поставлял мало готовой продук-

⁶⁶ Б.Б.Кафенгауз, показывая разнообразие мест назначения уральского железа и анализируя первоначальный состав каравана, выявил несколько стругов, предназначенных для сибирских центров (Тобольск, Тюмень) и для заводов Приуралья (например, Рождественский завод ниже Осы). Всего правлением заводов Демидовых было подготовлено 62 судна (С.399-400). Я буду говорить только о судах, направлявшихся за пределы Урала в западном направлении.

ции, и уже не являлся как во времена Петра Великого, арсеналом России, а отправлял железо большей частью за границу⁶⁷.

Небезынтересно проследить, вслед за Б.Б.Кафенгаузом, путь одного из таких караванов. Возьмем, например, «однолетний» караван 1758 г. Составленный из 16 стругов, он отправился 5 мая 1758 г. от Васильева Луга (среднее течение Чусовой) и сделал остановку 9 мая на пристани Рождественского завода, где к нему присоединился струг с полосным железом и с 5,7 т канатов. Всего на 17 стругах было 1859 т железа, якорей и чугунных припасов, но если их номенклатура и была велика (листовое железо на покрытие, котлы, тазы, каминные подставки, крышки и т.д.), то они составляли лишь ничтожную часть груза. 20 мая караван остановился в Лаишеве, ниже Елабуги, в 30 верстах от слияния Камы с Волгой, где стоял неделю, нанимая людей для работы на судах⁶⁸. Караван покинул Лаишев 27 мая; 3 дня спустя он вновь сделал стоянку в с. Услоне, напротив Казани (30 и 31 мая), чтобы взять провизию. В Казани один струг с якорями и укладом разгрузили, а местный представитель Прокофия Демидова вручил приказчикам для оплаты труда рабочих 750 руб. из суммы, полученной от прошлогодней продажи железа. 19 июня в Нижний Новгород прибыли 15 стругов. Курьер Демидова, отправленный ранее в Москву, встретил караван, дав подробные инструкции о дальнейшем маршруте и о продажных ценах на железо. 14 судов ушли из Нижнего 23 и 24 июня и остановились 10 июля в Ярославле, где 2 коломенки разгрузились. С Рыбинска, куда 12 стругов прибыли 12 июля, начался наиболее трудный отрезок пути. Железо перегрузили в 20 судов меньших размеров, и отправили их 31 июля. Они прибыли в Тверь 16 августа⁶⁹, за исключением 4 судов, оставленных в Дубне с грузом, предназначенным для Москвы (он будет храниться там до зимы и отправится гужем). Караван, частично разгруженный в Твери, вышел из нее 24 августа, поднимаясь вверх по Тверце (с новыми лодочниками, набранными в Твери и подрядившимися работать либо до Петербурга, либо до Вышневолоцкого канала). 18 судов вошли в канал 7 сентября; после замены части работных людей 16 стругов прошли через канал и 30 сентября добрались до Новгорода, где был сделан очередной набор людей и перегрузка на суда большего тоннажа (вместо 16 судов теперь осталось 12). После 2 недель плавания караван прибыл в Петербург 14 октября в 8 часов утра, совершив весь путь за 6 с небольшим месяцев (С.401-404).

Еще больше сведений о перевозке грузов дает «зимний» караван 1762-1763 гг. Отбыв 25 апреля от Васильева Луга, он 9 мая прибыл в Лаишев, где задержался на 11 дней. В это время приказчик Гаврила Бойцов отправился оттуда в Казань для закупки пеньковой бечевы и набора бурлаков. Он также приобрел свинцовую дробь и порох для обороны от «воровских людей» в пути⁷⁰. 24 мая караван остановился в Казани. Здесь была проведена проверка «паспортов», которая в дальнейшем становится все более частой: 28, 29 мая, 14 июня она проводилась в Нижнем Новгороде, 29 июня – в Костроме, и сопровождалась выплатой небольших сумм проверяющим. В конце июня караван прибыл в Рыбинск, где после трехмесячной стоянки груз распределили по 30 стругам меньшего водоизмещения; 14 октября караван прибыл в Тверь. Здесь он остался

⁶⁷ В исключительных случаях караван мог иметь значительное число стругов, перевозивших военное снаряжение; таков, например, караван 1772-1773 гг., в котором 9 судов из 29 были нагружены военными припасами (С.419-420).

⁶⁸ Лаишев – центр набора лодочников и бурлаков и место остановки судов с солью, идущих из Перми.

⁶⁹ Приказчики отмечали в своем отчете, что караван прошел путь довольно быстро: потребовалось чуть более 3,5 месяцев, чтобы преодолеть 1800 км. Следовательно, скорость движения каравана составляла в среднем 18 км в день.

⁷⁰ Вооруженные нападения, обычно крайне редкие, происходили главным образом в начале пути и участились к 1770-м гг., что видимо, было связано с неспокойной обстановкой на Урале. Шайки «разбойников», насчитывавшие более 10 человек, отбирали у людей деньги и вещи (обувь и т.д.).

зимовать; железо было уложено на склады Демидовых, а порожние суда отведены вверх по р. Тверце. С октября по апрель приказчики ездили в Москву, где закупали инструмент, в частности, ведра и липовые лопаты. 3 апреля караванщики окопали лед у судов, вымели из них снег, загрузились, запрягли тягловых лошадей, ведомых 200 провожатыми, и с верховыми приказчиками отправились в дорогу. 3 мая караван прибыл в Вышний Волочек, где стоял до середины мая. Ему предстояло еще преодолеть 30-километровые Боровицкие пороги (на Мсте), заплатить многочисленные проездные пошлины, нанять лоцманов (их меняли 3 раза), увеличить раздачу чаевых. Наконец, 27 мая 19 судов (одно разбилось, проходя через пороги) прибыли в Новгород, где наняли новый экипаж. Для прохождения порогов Ладоги требовалось 16 новых лоцманов. Пройдя шлюзы Новой Ладоги, а 9 июня крепость Шлиссельбург, караван прибыл в столицу 11 или 12 числа (точной даты в источниках нет). Путь от Урала занял у него 14 месяцев, из которых 6 составила зимовка (С.405-411).

Для полного представления о караванах с железом, следует добавить, что после 1770 г. Демидовы внесли улучшения в систему сообщения между Уралом и Балтикой. «Однолетний» караван, совершающий переход за 6 месяцев, больше не отгружал железо в пути, а шел прямо в Москву или Петербург. Что касается «зимнего» каравана, то он, как и современные суда-«бродяги» (плавающие без расписания), за 14 месяцев нахождения в пути поставлял железо в города, расположенные вдоль его следования. Кроме того, к каравану было добавлено вспомогательное судно с инструментами и такелажем, предназначенными для горных заводов Урала и для караванов; оно отходило от Твери и двигалось навстречу каравану, подготавливая и обеспечивая ему путь.

* * *

Исследуя доставку железа с Урала в западные регионы страны, Б.Б.Кафенгауз приводит многочисленные сведения о рабочих караванов, об их жаловании, и, наконец, об отношениях между рабочими и их хозяевами. Прежде всего обращают на себя внимание довольно значительная численность караванщиков и их частые замены в пути. Для «зимнего» каравана 1762-1763 гг. (13 стругов) было задействовано около 300 человек (включая, правда, приказчиков и нескольких служащих), среди которых находились лоцманы и «водоливы» («водолив» – начальник артели бурлаков, отвечавший за груз, хранивший документы рабочих и деньги на их питание; он, кроме того, был плотником, в случае необходимости чинившим судно). Лишь 105 рабочих из этой группы, смененной в середине пути другой командой, были наняты до Лаишева, остальные были задействованы только по Чусовой. В Лаишеве «водоливы» продолжили рейс, но необходимо было нанять 280 новых работников, бурлаков и коневодов, чтобы добраться до Рыбинска, ибо теперь, недалеко от Лаишева, приходилось идти вверх по течению Волги. Численность рабочих каравана, обновляемых, впрочем, на каждом участке реки, возрастала после прохождения Твери, т.к. увеличивалось количество судов, и требовалось участие 41 «водолива» и 200 коневодов. В целом в караване 1762-1763 гг. было задействовано около 2500 человек, а трудовые затраты составляли примерно 35000 человеко-дней (С.412-413).

Эти люди набирались двумя путями. С одной стороны, Демидовы привлекали своих крепостных, но в большей степени это были вольнонаемные работники. Первые, прибывавшие из владений Демидовых с окраин Урала, были оброчными крепостными и отработывали транспортировкой грузов свой оброк⁷¹. Их обязанности распределялись по деревням: одни были задействованы лишь до Лаишева, другие – до Твери или Москвы. В любом случае, оброчные крепостные составляли лишь часть рабочих каравана как по реке, так и по зимней дороге от Дубны до Москвы. Б.Б.Кафенгауз приводит

⁷¹ Из демидовских деревень посылался 1 человек от 20 ревизских душ, что составляло 5 % всего населения. Некоторые из них, кроме того, работали на заводах.

в качестве примера именно перевозку железа из Дубны в Москву, чтобы показать роль нанятой рабочей силы, состоявшей или из демидовских крепостных (за работу на караванах им платили), или же из крепостных, прибывших из других районов и работавших по вольному найму (С.347):

Таблица 55

Срок (с декабря 1766 по март 1767 г.)	Число крестьян- возчиков	Число подвод	Объем перевозимого груза
Крестьяне-оброчники	275	610	13206 пуд
Вольные крестьяне	376	911	21015 пуд

Очевидно, что во второй половине XVIII в. роль наемной рабочей силы в индустрии возрастает, но особенно это проявилось в смежных сферах деятельности, таких, как транспортировка продукции. Это явление несколько не затрагивало крепостную систему: были работники вольнонаемными или нет, они за редкими исключениями все равно оставались крепостными. Но положение оброчного холопа, работавшего на своего помещика (который одновременно был и заводовладельцем), отличалось от положения оброчного крестьянина, идущего в наем. Последний обговаривал условия труда и зарплаты, а необходимость обновлять по ходу следования команды позволяла ему еще и торговаться с хозяином. Для заводовладельцев было чрезвычайно важно привезти железо как можно быстрее не только потому, что этого требовали условия договоров о поставке продукции, но и вследствие необходимости быстрее вернуться после продажи железа домой. Если оброчные крепостные из владений Демидовых, отрабатывая таким образом свою барщину, составляли почти дармовую рабочую силу, то с наемными работниками дело обстояло иначе. 35000 человекодней, отработанных личным составом каравана 1762-1763 гг., составляли 12391 руб. 86 коп., или, исходя из средней цены за пуд железа, приблизительно от 15 до 20 % стоимости груза (С.412).

Впрочем, если обобщить сведения о зарплате в деньгах и натурой, разрозненные у Б.Б.Кафенгауза, то создается впечатление, что караванщикам платили гораздо больше, чем работным людям и приписным крестьянам. Добиваясь увеличения зарплаты по мере продвижения каравана на запад, где трудности навигации возрастали, караванщики, несомненно, являли тем самым привилегированную группу работников. Не следует переносить в XVIII в. романтический образ волжского бурлака, этот символ человеческого рабства. У работных людей и приписных была гораздо худшая участь, чем у бурлаков или погонщиков тягловых лошадей. Относительно высокий уровень зарплаты караванщиков, и особенно ее повышение, связанное, несомненно, с общим ростом оплаты труда во второй половине XVIII в. и все чаще удовлетворяемые требования работников, кажется, повлияли на уральские предприятия, крайне плохо относившиеся к своей рабочей силе. Я уже писал об этом⁷², поэтому здесь ограничусь лишь утверждением, что стоимость перевозок на дальние расстояния, тесно связанных тогда с европейскими торговыми потоками, оказывала значительное воздействие на общее повышение оплаты труда в России.

УРАЛЬСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В XVIII В.⁷³

⁷² См.: Порталь Р. Урал в XVIII веке. Гл. VI.

⁷³ Portal R. Mines et métallurgie dans l'Oural au XVIIIe siècle // Le Fer à travers les âges: hommes et techniques (Actes du colloque international de Nancy, 3-6 oct. 1955). Nancy, 1956. P.275-284. Перевод с французского Л.Ф.Сахибгареевой.

В этой статье я хочу обозначить ряд моментов, которые характеризуют российскую металлургию XVIII в. Для этого мною будет привлечен уже достаточно известный сегодня и часто используемый специалистами ценнейший источник по этой теме. Он в чем-то походит на металлургическую энциклопедию⁷⁴.

Известно, что в XVIII в. благодаря разработке уральских месторождений Россия стала, наряду со Швецией, ведущим производителем железа в Европе. Возникновение металлургической промышленности на Урале, если не учитывать нескольких неудачных попыток в XVII в., относится к эпохе Петра Великого. Инициатива государства, с одной стороны, и частная инициатива (например, Демидовых) с другой, привели к строительству на Среднем Урале многочисленных железоделательных и медеплавильных заводов. Но реальный подъем промышленности Урала начался лишь с конца царствования Петра Великого. В это время появляются предприятия с домнами и молотами, приводившимися в движение водой. Они производили железо в слитках, большая часть которого вывозилась за пределы Урала, и даже России и изготовляли предметы бытового обихода. Поэтому уральские горные заводы быстро вытеснили местную кустарную металлургию.

Одним из создателей уральских горных заводов (по крайней мере, казенных), являлся саксонец по происхождению Вильям Геннин (позже добавивший к своей фамилии дворянскую приставку «де»). Петр Великий познакомился с ним в Амстердаме во время своей поездки в Европу в 1698 г. и пригласил к себе на службу. Геннин стал директором Олонецких железных заводов (вблизи Ладожского озера), а в 1722 г. был назначен главой уральских казенных заводов. За 12 работы на Урале (1722-1734 гг.) Геннин оставил после себя с десяток действующих заводов.

В конце своего пребывания на Урале Геннин написал книгу о казенных заводах, в которой изложил их историю, описал техническое оснащение по состоянию на 1734 г. и дал точные данные потребляемому ими сырью и о готовой продукции. В его снабженном иллюстрациями «Описании...» приводятся также сведения о составе рабочих, их зарплате, ценах, заводском бюджете, количестве и видах проданного железа. Короче говоря, «Описание...» Геннина стало энциклопедией промышленного региона, который при Екатерине II не имел себе равных в Европе.

Любопытно, что этот источник практически не привлекал внимания историков более двухсот лет и был издан лишь в 1937 г. Можно полагать, что даже во времена Геннина его не оценили должным образом, поскольку он уже тогда в какой-то мере имел характер исторического документа. Современниками использовались его сведения по техническому оснащению горных заводов, но техника того времени не стояла на месте. Несмотря на то, что технология производства металла почти не менялась, размеры предприятий все же увеличивались, механизмы (в частности, кузнечные меха) совершенствовались и, следовательно, росло количество готовой продукции.

Однако сегодня геннинское «Описание...» следует оценивать с учетом того, что оно отражает достаточно краткий и в какой-то степени переходный период развития уральской промышленности, и, кроме того, посвящено лишь казенным заводам, которые во многом (например, по стандартам, предъявляемым к качеству руды и готовой продукции) отличались от частных. Для современников многие содержащиеся в труде В.Геннина сведения были вчерашним днем, и, следовательно, не представляли никакой ценности. В целом же «Описание...» – это обычный отчет за определенный этап развития промышленности и обосновывающий необходимость ее существования.

Я приведу лишь несколько примеров, показывающих ограниченность этого источника. Высота домен, которые строил Геннин в 1722-1734 гг., не превышала 8,5 м. Но уже в 1725 г. на Нижне-Тагильском заводе Демидовых появилась домна высотой 9,25 м, а через 10 лет после отъезда Геннина с Урала, т.е. в 1745 г., в Невьянске была

⁷⁴ Геннин В. Указ. соч.

построена домна высотой в 13 м. И хотя это было исключением – высота большинства уральских домен не превышала 10 м – факт тем не менее налицо.

Следует осторожно относиться и к показателям производительности доменных печей, которые сообщает Геннин – 4-5 т чугуна в сутки: другие источники говорят, что суточная выработка едва ли превышала 3 т.

Нужно еще добавить, что металлургическое производство не требовало больших затрат сырья. Более того, некоторые частные заводы расходовали руды, флюса, угля и леса меньше, чем казенные предприятия Геннина. К 1725 г., если соотнести расход руды и количество получаемого чугуна, производительность казенных заводов была на 1/3 ниже демидовских предприятий. По таблицам, приложенным к «Описанию...» и датированным 1723 г., можно увидеть, что технологическая цепочка руда-чугун-железо требовала колоссальных затрат древесного угля.

При Геннине положение в этой сфере несколько улучшилось. В финале его деятельности на Урале производительность казенных предприятий, с учетом соотношения объемов израсходованного сырья и произведенного из него железа, практически сравнялась с другими горными заводами. Вопрос о рабочей силе остро уже не стоял: у казенных заводов ее было в изобилии. Когда в 1737 г. преемник Геннина Татищев представил отчет (фактически отражавший итоги деятельности его предшественника) о казенных заводах, то оказалось, что Геннин добился снижения расходов угля в 2 раза.

Несмотря на то, что сведения, приводимые Генниным, сомнительны и касаются только казенной промышленности, это не снижает их ценности. Сообщенные Генниным цифры можно сравнивать с соответствующими данными по Франции, Англии и Германии. Несомненно, при закладке уральской металлургии использовался опыт Саксонии, но он внедрялся не напрямую, а через посредство тульских и олонекских заводов, существовавших уже в XVII в. Однако советские историки, всячески пытаясь умалить роль Петра Великого, упорно настаивают на том, что новая металлургическая промышленность в России существовала еще до него. Но и тогда она была заимствована у Европы. Уральская индустрия, как это хорошо было показано в недавней диссертации Б.Б.Кафенгауза, имела корни в Центральной России.

«Описание...» поднимает еще одну проблему, характерную только для России, страны, где прогресс всегда насаждался «сверху». После отъезда Геннина, когда на Урале уже имелись 2 почти равнозначные группы заводов – частные (почти всецело принадлежавшие Демидовым) и казенные – встал вопрос о том, какая из них полезнее для общества, и какова их рентабельность. Именно тогда началась постепенная передача некоторых казенных заводов в частные руки.

Это очень интересная для исследователя тема, поскольку процесс приватизации заводов вскоре замедлился, а затем и вовсе прекратился. Государство осталось крупнейшим собственником уральских промышленных предприятий. Так почему же, несмотря на имеющиеся трудности, необходимо изучать общие условия развития индустрии в России, и, в частности, на Урале?

Отдаленный от центра страны на 2500 км, с плохими дорогами и малопригодными для судоходства реками, малонаселенный, постоянно испытывавший угрозу нападения непокорных башкир, Урал, несмотря на ходившие о его природных богатствах легенды, почти не интересовал частных лиц.

На первых порах вмешательство государства было здесь попросту необходимо. Государство ввело на Урале принудительный труд и прислало сюда мастеровых из центра страны. Вероятно, первоначально власти мало интересовались рентабельностью производства – их целью являлось любой ценой наладить выпуск на Урале железа и оружия.

Но на Урале существовали не только казенные заводы. Царь предписал Никите Демидову переселиться сюда, но Никита, имевший процветающие тульские металлур-

гические заводы, вовсе не стремился в ссылку далеко на восток страны. Когда Петр Великий в 1702 г. отдал ему Невьянский завод, построенный казной 3 годами ранее, это был не самый приятный подарок тульскому промышленнику. Однако, обосновавшись на Урале, Демидов умножил свои предприятия, получив от государства огромные привилегии на эксплуатацию лесов региона и на использование местной рабочей силы. Именно в этом проявилась связь между частной индустрией и государством. Последнее не только владело заводами, но и постоянно держало в узде частную промышленность, т.к. рентабельность металлургии и прибыль заводоладельцев зависела главным образом от привилегий, предоставляемых государством. Если дворянство могло свободно распоряжаться своими лесами и крепостными, которые трудились на его землях, то для незнатных заводчиков все было не так просто. В начале XVIII в. Урал, за исключением вотчины Строгановых, владельцы которых вступят на промышленную стезю лишь к 1735 г., всецело принадлежал казне и был заселен свободными крестьянами. Таким образом, его освоение зависело от воли государства, ведь только оно могло предоставлять дворянские привилегии промышленникам-простолюдинам (например, Никите Демидову). Понятно, что Никите Антуфьевичу не мог отказаться от предложения царя переселиться на Урал, поскольку благожелательное отношение к нему как тульскому заводчику зависело не от его статуса (если бы он был дворянином, то мог бы вести себя более независимо), а лишь от личной поддержки государя.

Нужно, конечно, сделать определенное усилие, чтобы представить себе эти заводы (речь идет, повторю, о второй половине XVIII в.), расположенные на окраинах империи и являвшиеся одновременно и крепостями и промышленными центрами. Для нормального развития здесь индустрии нужны были именно казенные предприятия. Благодаря им государство не только осуществляло на Урале административные функции, но и добилось того, что регион почти не ввозил из центра промышленное оборудование, тракты содержались за счет крестьянской барщины, а заводские гарнизоны охраняли покой.

Если частный завод разорялся, то тогда, чтобы не допустить прекращения его деятельности, государство его покупало, выступая в роли палочки-выручалочки. Нужно добавить, что демидовские заводы благодаря строгой дисциплине, и (самое главное!) большей степени эксплуатации рабочих, достигли апогея производства именно тогда, когда принадлежали одному человеку. Но в 1745 г. 3 сына Никиты Демидова поделили его наследство, и в течение 12 лет его предприятия фактически не управлялись. С казенными заводами такое было невозможно. Но в любом случае, отношения между частной и казенной промышленностью в России были не такими как на Западе. Я имею в виду не технические показатели, количество готовой продукции, рентабельность предприятий, т.е. те параметры, которые обычно используются для выявления преимуществ или недостатков частных и казенных заводов. Необходимость создания на Урале именно казенной промышленности была обусловлена тогдашней ситуацией в этом регионе. Вот почему казенные заводы были нужны именно там. Урал XVIII в. – это почти вся тогдашняя железоделательная промышленность России, по крайней мере та, что производила сырье для предприятий центральных регионов страны.

Таким образом, если в XVIII столетии Урал лидировал в производстве российского железа, то можно сделать вывод, что вся его промышленность базировалась только на этом. Без сомнения, в мире больше не было региона с подобными масштабами железоделательного производства и сочинение Геннина, снабженное планами и рисунками заводов, обладает большой ценностью. Почти все деревни находились рядом с заводом или были прикреплены к нему, регулярно поставляя на предприятие вспомогательных работников. Работные люди получали клочок земли, где строили себе избы. За изгородью или земляными стенами, защищавшими предприятие, находились церковь, магазины, снабжаемые из Москвы, сторожевой пост, тюрьма, заводская контора – ко-

роче говоря, все атрибуты маленького городка, полностью зависевшего от промышленной деятельности его обитателей.

Металлургия способствовала заселению Урала. Артели дровосеков и угольщиков можно было встретить в лесу гораздо чаще, чем группы туземцев-бортников. По дорогам, соединяющим заводы, тянулись обозы с рудой, лесом и углем. По рекам ежегодно плыли караваны стругов, вывозящих в центральные районы России железо и готовую продукцию. Конечно, на Урале были и земледельцы, но деревни вдвойне зависели от заводов, ведь они поставляли им продовольствие и, когда требовалось заготавливать древесину и жечь уголь, вспомогательную рабочую силу. И хотя к 1740 г. заводов было еще мало – их насчитывалось около 30 на площади в 200 кв. км., восточной границей которой были Верхотурье и Екатеринбург – уже тогда здесь проступали черты зарождавшегося центра металлургии.

Теперь настало время ответить на вопрос: изменила ли металлургия повседневную жизнь людей, и, если говорить шире, образ жизни уральского населения? В крестьянском быту железо, по крайней мере в XVIII в., не использовалось. На Урале традиционным материалом издавна было дерево, а железо применялось только для изготовления орудий труда. Горные заводы Урала производили всевозможные железные изделия, а также листовое железо для крыш, большая часть которого отправлялась на запад и лишь немногие уральские заводы использовали его на кровлю для своих цехов. Крестьяне кровельное железо практически не применяли, возможно, в силу своей бедности. Что касается домашней утвари, то изделия из меди и железа, по-видимому, имелись только в очень богатых семьях.

Но если железо в былые времена применялось больше в повседневном обиходе, то при рассмотрении образа жизни людей в целом ситуация получается несколько иная. В этот период шел процесс зарождения новой действительности. Уральские ремесленники оказались (добровольно или силой) отныне навечно привязанными к заводам. Они образовали, наряду с рабочими-специалистами, привезенными из Подмосковья, технические кадры новых предприятий. Вспомогательная сила набиралась из соседних крестьян. Отныне все деревни были приписаны к заводам. Таким образом, металлургия способствовала развитию промышленного крепостничества в районе расселения свободного крестьянства, и окончательно поработала беглых крепостных из центра России, которые шли искать работу на востоке страны.

Условия существования металлургической промышленности на Урале предполагали принуждение людей к работе. Этого больше не было, конечно, во второй половине XVIII в., когда в результате усовершенствования оборудования, экономического развития края, усиления его связей с центром России и Сибирью жизнь населения несколько улучшилась и на Урал потянулись люди. В это время наряду с заводскими рабочими стала расти категория работников, крепостных по происхождению, которым их хозяева разрешили работать на Урале. Они имели «паспорта» и могли требовать от заводчиков (по отношению к которым вели себя, по крайней мере на словах, как свободные) хорошей зарплаты. Эти полупролетарии, которые впервые появились в первой половине XVIII в., ярко свидетельствовали о весьма необычной и сложной ситуации с рабочей силой на металлургических предприятиях и той двоякой роли, которую горные заводы сыграли в социальном плане. Дело в том, что первоначально строительство заводов привело к усилению в крае крепостничества, но впоследствии, когда принудительный труд стал экономически невыгодным, заводы его и сократили. Именно в этом заключается противоречивая роль промышленности, которая ухудшила положение рабочих, но в итоге способствовала подрыву институтов крепостного права. Поэтому изучение истории уральской металлургии очень важно для понимания истории всей России.

ПАЛЛАС НА УРАЛЕ (май – август 1770 г.)⁷⁵

Отчет Палласа о поездке в июне 1768 г. – июле 1774 г. в юго-восточные губернии России, на Урал и в Сибирь – классическое описание Российской империи во второй половине XVIII в.

В нашу задачу не входит рассказ о самом Палласе и его путешествии – одном из многих, которые в XVIII в. предпринимались по всему миру и особенно в неизведанные области Российской империи. Инструкция, данная Палласу перед отъездом, гласила, что ученый и его сотрудники должны будут представить точные сведения «до естества земель и вод, которые на пути найдут; до избрания, по которому каждая необработанная земля или ненаселенное место уповательно с пользою назначено быть может..; до экономий населенных мест..; до описания особливых болезней, в той стране необыкновенно случающихся, также до скотских падежей, ежели где бывают. О сих болезнях и падежах примечать, какие в тамошних местах против оных употребляют средства или какие бы, по их мнению, можно было употреблять с успехом..; до размножения и поправления скотских заводов, а особливо для шерсти; также до разведения пчел и делания шелку в способных к тому местах..; до изобретения полезных родов земель, солей, каменных угольев, торфа или тундры и рудных признаков..; ...путешествующие примерно примечать будут все, что может служить к объяснению общей и поправлению частной географии, также погоды, тепло и стужу, а особливо в таких местах, где пробудут несколько времени, описывать нравы, светские и духовные обряды, древние повести народов, обитающих в той стране, которую проезжать будут, причем примечать встречающиеся древности, осматривая развалины и остатки древних мест».

Перечень задач экспедиции был, таким образом, довольно обширен, и все-таки в нем отсутствуют, как мы увидим ниже, некоторые важнейшие моменты – мышление людей XVIII в. еще не было готово к их восприятию. Путешественники должны были описать край с целью его будущего освоения. Почва и полезные ископаемые, растительный и животный мир Урала рассматриваются в упомянутой выше инструкции лишь как сырьевые ресурсы, как основа для аграрного и промышленного развития региона. Интерес к «натуральной истории» вызван не столько тягой к познанию, сколько определением путей ее практического использования. Поэтому Палласу предписывалось определять географические координаты важнейших объектов путем астрономических наблюдений и «описывать нравы, светские и духовные обряды», т.е. просто фиксировать экзотические явления. Так, например, Паллас подробно описывает жизнь башкир, но крайне скупо пишет о русском населении края. Отчет Палласа не только имел практическое значение, но и был призван пробудить у читателей интерес к этим далеким землям, однако на его страницах отсутствуют этнографические описания и социальный анализ.

И все же записи Палласа являются ценнейшим источником самых разнообразных сведений. Путешествие ученого продолжалось 6 лет, но особый интерес для науки представляет его описания Урала, где он побывал в мае – августе 1770 г. и провел разнообразные исследования. В его записях нет никакого внутреннего единства. У Палласа Урал показан во всей сложности: в разнообразии его физической географии и недр, этнической пестроте, многоукладности хозяйства.

Проведя зиму 1769-1770 гг. в Уфе, Паллас 20 мая 1770 г. прибыл на Симский завод. Затем он повернул на север, где посетил, тщательно фиксируя все увиденное,

⁷⁵ Portal R. Pallas im Ural (1770) // Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Berlin, 1962. Bd. XII. S.276-286. Перевод с немецкого Н.Н.Реуцкой.

свыше 30 промышленных предприятий, растянувшихся на 600 км (между 55-60° северной широты) почти по всему востоку Урала. Посетив 13 июля самый северный на Урале Петропавловский завод, Паллас вернулся на юг и 2 августа прибыл на Каменский завод. Это был конечный пункт его ознакомительной поездки по металлургическим предприятиям края. Проведя несколько недель в Челябинске, Паллас 16 декабря выехал в Тобольск, из который должен был стать отправной точкой его поездки по Сибири.

В течение 2,5 месяцев, что Паллас провел на Урале, он постоянно находился в пути, иногда даже по ночам, постоянно испытывая нужду в транспорте, страдая от плохих и грязных дорог, пересекая по самодельным мостам или просто вброд встречавшиеся на пути реки. Летние грозы также затрудняли поездку. Несмотря на соответствующие распоряжения, на постоянных дворах не всегда были экипажи. Чрезвычайно насыщенная программа поездки изнуряла силы путешественников, и Паллас вынужден был делать краткие остановки, прежде чем отправляться дальше.

Приходится только удивляться насыщенности и точности материала, собранного Палласом за 10 недель на Урале. Фрагмент французского перевода его отчета о поездке по этому региону составляет 360 страниц большого формата⁷⁶, из них около 80 страниц занимает описание примерно 30 горных заводов.

Труд Палласа малоинтересен для историка. Он пишет о рудниках как естествоиспытатель и техник. Например, рассказывая о горе Магнитной, поставившей сырье для Невьянского, Тагильских и Ревдинского заводов, Паллас подробно описывает окружающую природу и местонахождение полезных ископаемых, приемы добычи руды и почти не упоминает о самих рабочих. Он лишь сообщает, что на добыче руды почти исключительно используются дети, причем обоего пола; на рудниках их насчитывается 300-400, и получают они по 3 коп. в день (С.255). Обычно же такого рода информацию Паллас опускает. Так, говоря о знаменитом месторождении Благодать, поставившем руду 3 соседним заводам, он не упоминает о ее рабочих. Этого принципа Паллас придерживается и при описании других рудников – принадлежащего Твердышеву Карельска (с Симским и Катав-Ивановским заводами), заброшенных рудников Ивановска, меднорудных разработок Кукушевска (в истоках Миасса), рудников Косойброда (на Чусовой), Гумёшевска (вблизи Полевского завода). Хотя железная руда там уже почти не добывалась, он посвятил им немало страниц своего отчета, поскольку они были богаты медью. Подробно описывая находящиеся близ Екатеринбурга Пышминского и Березовского золотоносные месторождения Паллас не ограничивается лишь техническими сведениями – он сообщает, что там работают 500 рабочих и несколько тысяч крестьян. Крестьяне, в зависимости от возраста и выполненной работы, получают по 3-6 коп. в день, но они заняты только зимой, а летом рабочих рук не хватает (С.221). После горы Магнитной и Благодати Паллас посетил медные рудники Барминска, Рудалевска и Половинного, находящиеся вблизи Благодати, рудники Василевска, Ольговска и ряд других, расположенных в верховьях Сосьвы, а также железные рудники Лолонга рядом с Петропавловским заводом.

По описаниям Палласа создается впечатление, что некоторые рудники были заброшены или использовались не в полную силу, а активная работа велась лишь на самых богатых и легкодоступных месторождениях. По-видимому, к добыче руды тогда подходили как к сбору урожая и если это было слишком дорого, то рудник закрывали.

Более интересны для историка описания горных заводов. Паллас добросовестно зафиксировал их размеры и расположение, оснащение, количество рабочих людей. Благодаря Палласу мы точно знаем о заводских сооружениях, которые почти не изменились со времен Татищева и Геннина. Это – плотина, пруд, несколько (если речь шла о медеплавильном заводе) или 1-2 (если перерабатывалось железо) печей, профильные

⁷⁶ <В русском издании: *Паллас П.С.* Указ. соч. Ч.II. Кн. I. С.32-362. Далее все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы>.

(например, предназначенные для изготовления якорей) цеха, молот, наконец, поселок мастеровых и работных людей, церковь, господский дом и заводоуправление.

На Южном Урале, заселенном воинственными башкирами, запруда и река в какой-то мере защищали предприятие, обыкновенно окруженное палисадом и сторожевыми башнями. Паллас отмечает, что на Симском заводе имелось укрепление в форме прямоугольника 300×150 сажень (600×300 м) для защиты от башкир. На этом заводе было 160 дворов мастеровых и работных людей (С.34). Впоследствии такого рода укрепленные поселки стали уральскими городами. Еще крупнее был поселок Катав-Ивановского завода Твердышева. На нем имелось 470 дворов, а все сооружения защищали пруд и оплот с батареями и испанскими рейтарами (С.42-43). Надо упомянуть еще железоделательный и медеплавильный завод на юге Урала – Саткинский, где было 2 домны, 15 молотов и якорный цех. В 500-600 избах его поселка проживало более 2000 человек (С.85).

О Екатеринбурге Паллас рассказывать не стал, т.к. ранее его уже описал И.Г.Гмелин⁷⁷.

Заводские поселки, расположившиеся вдоль всего восточного склона Урала на маленьких речушках бассейна Оби, описаны Палласом очень подробно. Это и спрятавшийся в дремучих лесах, ежегодно вырабатывающий 200000 пудов (3200 т) полосового железа Невьянск, со своими 7 башнями, 1200 домами, 4000 душами работников мужского пола (почти все они – старoverы), 18 заводскими корпусами (С.226-231); и Нижне-Тагильский завод с 1034 домами, 2579 рабочими (также, в большинстве своем, раскольниками) (С.250-253); и Салдинский завод (с 532 домами, 970 жителями, 12 молотами) (С.345-346). Севернее стоял Нижне-Туринский завод, имевший 500 работных людей и 5000 крестьян, занятых на вспомогательных работах (С.275-276).

Но чем же занимались заводчане в свободное от заводских дел время? О земледелии уральцев Паллас почти не упоминает, поскольку, по его же собственным словам, своей главной задачей он видел поиск месторождений железа вокруг Екатеринбурга. Тем не менее, он все же сообщает, что в Ералы (недалеко от Симского завода) крестьяне выполняют подсобные работы на заводе, а на очень плодородном черноземе возделывают лен и коноплю (С.39). Описывая Кушвинский завод (около Благодати), Паллас замечает, что на нем впервые (он был основан в 1735 г.) люди занялись земледелием (С.268). Наконец, на севере, вдоль Ляли, крестьяне удобряют свои поля навозом, отказавшись от «вырубки и очищения новых мест» (С.286).

Эти отдельные замечания, конечно, недостаточны для исследователя хозяйства уральского населения. В регионе явно господствовала промышленность, но земледелие и скотоводство также играли роль. Постепенное преобразование этого региона, прежде всего распространение здесь земледелия, вызванное заселением Урала в конце XVIII в., Паллас не заметил.

В этом состоит главный недостаток его отчета, но не будем сильно упрекать нашего путешественника – в конце концов, нельзя требовать от него невозможного. Прелесть запискам Палласа придают его описания транспортного сообщения на Урале.

Приложением к отчету Палласа служат рисунки и карты, среди которых следует особо упомянуть «Карту уральских горных заводов от истока Белой до Сосьвы». Она позволяет проследить путь Палласа. Полезные ископаемые обозначены на ней символами, которые не перегружают документ, на карте легко узнаваемы населенные пункты и водные пути. Информация Палласа о транспортировке руды и готовой продукции по уральским рекам исключительно точна.

Уральские дороги были ужасными и часто пересекались реками, поэтому по ним ездили редко, только в случае крайней необходимости. На пути к Симскому заводу

⁷⁷ См.: *Gmelin J.G. Reise durch Sibirien in der Jahren 1733-1743. Göttingen, 1752. Bd. 4. S.387-394. Ср.: Паллас П.С. Указ. соч. Ч.II. Кн. I. С.206 и сл.*

Палласу пришлось проехать по 60 мостам, многие из которых требовали ремонта. Особенно плохой была дорога в районе Катав-Ивановского завода. Она была настолько разбита, что Паллас был вынужден отказаться от поездки на железные рудники, снабжавшие Саткинский завод. Переправиться через Ай оказалось невозможно, пришлось двигаться в обход, а чуть дальше размытая дорога на Сысертский завод сильно осложнила продвижение (С.30-31, 89, 107, 175). Напротив, окрестности Екатеринбурга приятно удивили Палласа хорошим состоянием проезжих путей.

Дороги были непригодны для перевозки тяжелых грузов. Паллас одобряет использование рек для транспортировки сырья и готовой продукции. Ежегодно на Урале собиралась целая флотилия из барж, которые в половодье отправлялись по рекам бассейна Волги в Нижний Новгород, Петербург и Москву. На юге Урала суда, груженные железом, концентрировались на Белой, а на севере – на Чусовой. Эти реки через Каму связывали Урал с западом России.

Каждый горный завод искал наиболее удобный путь к месту погрузки своей продукции. Различный уровень воды в реках вынуждал использовать несколько типов судов, поэтому металл приходилось много раз перегружать с одной барки на другую. Иногда, чтобы достичь по суше судоходной реки, приходилось увеличивать длину пути. Сим, к примеру, несудоходен, поэтому железо Симского завода первоначально отправлялось на восток (причем это надо было делать зимой, на санях) до Юрюзани и там укладывалось в штабеля. Когда наступала весна, его перевозили на плоскодонных судах-коломенках на запад. Коломенки строились на верфях Юрюзани и загружались не полностью, но и тогда уровень воды в реке приходилось повышать путем открытия шлюзов на заводских дамбах. По мере приближения к Белой Юрюзань становилась полноводнее и загрузку коломенок постепенно увеличивали (С.34, 47, 87).

О складировании готовой железной продукции на Чусовой, которая в этом плане более важна, чем Белая, Паллас не упоминает. Он только замечает, что продукция Нижне-Тагильского металлургического завода перевозилась весной по притокам Чусовой на запад, откуда потом попадала на Каму и Волгу (С.259-260, 263). Часть железных болванок оставалась на камских заводах и перерабатывалась на месте. Но поскольку Паллас не был на пермских и кунгурских заводах, он не описал промышленность к северу от Красноуфимска. Ограничившись изображением отдельных деталей, он лишь вкратце рассказал о речных коммуникациях. Однако эти его фрагментарные наблюдения имеют большую ценность. То, что Паллас сообщил нам о транспортных путях Южного Урала, благодаря высокой точности описаний может быть перенесено и на весь уральский регион. Отчет Палласа сохраняет значение до сих пор, вне зависимости от того, что его конкретная информация давно уже стала достоянием истории.

Паллас посетил Урал вскоре после социальных волнений 1761-1769 гг. Через 4 года всыхнуло пугачевское восстание, в котором большую роль сыграли местные башкиры. Но у Палласа нет и намек на накалявшуюся атмосферу⁷⁸. Если он и упоминает о рабочих людях (правда, крайне редко), то по его словам у них все обстояло прекрасно. О рабочих Симского завода – а они были, в основном, крепостными – Паллас пишет, что они «получают несколько платы, которою они всю свою семью кажется изобильно довольствуют и живут не убого» (С.34). О рабочих людях Косотурского завода (Златоуст) Паллас пишет, что «оне довольно кажутся быть веселы» (С.117), а крепостной рабочий люд Нижне-Тагильского завода, по его словам, «отменно прилежен и зажиточен» (С.253).

В описании старейшего на Урале Невьянского завода напрасно искать намеки на пользующуюся дурной славой башню-тюрьму, печальная память о которой долго

⁷⁸ Единственное исключение составляет упоминание об уничтожении водоотливного колеса на Березовских рудниках: «прошлой весны сие колесо чаятельно оплошностию развратных работников совсем сгорело» (Паллас П.С. Указ. соч. С.211).

сохранялась в рабочем фольклоре. В то же время Паллас отмечает тяжелое положение людей на Василевских рудниках и на Петропавловском заводе, – в верховьях Сосьвы, в самом северном районе, где холод, сырость, нехватка овощей и мяса вызывали цингу, что массами косило рабочих. Однако высокую смертность и нищету здесь Паллас объясняет естественными (климат, плохое снабжение продуктами), а не социальными причинами. Паллас разделяет официальную точку зрения на эту проблему, а если и поднимается до критики, то только в технических вопросах. У него нет даже намека на социальное недовольство, создавшее почву для беспорядков 1760-х гг. и пугачевского восстания в 1774 г.

Отсюда, однако, нельзя сделать вывод, что Палласа совершенно не интересовала жизнь людей, безвыходность положения которых он, конечно, видел. Крайне осторожный в освещении этих вопросов, он довольно выразительно написал о Петропавловском заводе: «Для рубки и возки дров, жжения угля и подобных сему работ употребляют из лежащей близ завода по ту сторону хребта к Соликамску причисленной Чердынской округи крестьян, коих считают четыре тысячи; отданы они к сему заводу работать за подушной оклад, но насколько долго, того не определено. Бедные сих мест жители принуждены болотистую гору переходить на работу пеши с великою тягостию, и не могут довольно изъяснить и жалостнаго своего состояния и удручения от нестерпимого ига. Всего хуже, что известное оных число или умирает от скорбугу или зараженное оным бедностью возвращается в дома» (С.313).

Здесь чувствуется, хотя и очень слабый, намек на истинное положение приписных крестьян и тех, кто вынужден был приходить на завод издалека. В ходе волнений 1760-х гг. эти люди обратили на себя внимание властей. Несмотря на то, что в 1769 г. их положение было несколько облегчено, проблема приписки, по словам Палласа, стояла очень остро. Но наш путешественник лишь обозначил эту проблему, столь сильно волновавшую тогда общественное мнение.

Описывая горные заводы, Паллас не раз говорит о необходимости защиты их от башкир. Им упоминается и угроза со стороны казахов (С.136). Здесь, конечно, следует отметить, что он был преимущественно на заводах, которые позднее не участвовали в пугачевском восстании. Восставшие башкиры не уходили далеко от мест своего постоянного проживания. Только самые южные из осмотренных Палласом заводов – Симский, Катав-Ивановский, Юрюзанский, Саткинский, Златоустовский (к ним можно еще добавить Сысертский) – были втянуты в это восстание. Все остальные промышленные предприятия в движении Пугачева не участвовали. Несмотря на то, что из описаний Палласа можно получить неплохое представление об уральской индустрии, пока за ее особенностей у него нет. Паллас рассказал примерно о 30 заводов, а всего на Урале их имелось тогда 100. Пугачевщина, вспыхнувшая вскоре после его отъезда, охватила много уральских заводов, но преимущественно те, где Паллас не был.

Я попытался вкратце показать научное значение наблюдений Палласа, и в то же время их ограниченность, что проявилось преимущественно в описаниях социального характера: когда Паллас подробно описывает жизнь башкир (С.97-99), он тем самым пытается удовлетворить обычный для того времени интерес к экзотике и при этом ничего не говорит о характере русско-башкирских отношений. Вообще, русских Паллас вспоминает на страницах своего отчета нечасто, лишь в связи с их промышленной деятельностью. Он описывает только рабочих и игнорирует заводчиков: хозяева предприятий хотя и имели на заводе дом, но наведывались туда редко. Да и разговаривал наш знаменитый путешественник лишь с управляющими и так и не снизошел до бесед с простыми рабочими.

И все же Палласа больше интересуют не люди, а вещи. В Сысертском заводе его задержало «желание обозреть все достопамятности естества и искусства» (С.176). «Естество» – это ландшафт и недра, «искусство» – это человеческая деятельность, ко-

торая изменяет «естество». В этом смысле Паллас – типичный человек XVIII столетия. Более того, он естествоиспытатель, который, по его словам, должен лишь тщательно изучать свой предмет. Поэтому его описание, за редкими исключениями, представляет собой аккуратный и в то же время сухой отчет. Паллас строго следовал данным ему инструкциям, исключавшим проявление человеческих чувств, и не касался социальных проблем.

Здесь нужно заметить, что другие участники его экспедиции, такие как Иван Лепехин и Николай Рычков, которые были русскими и лучше знали внутренние проблемы своей страны, несколько иначе подходили к этому. Они дополняют сведения Палласа; прежде всего, рассказывают о судьбе крепостных крестьян. Для Палласа как иностранца, которому было поручено исследование недр Урала, изучение его населения было не нужно.

Я ограничился здесь анализом пребывания Палласа на Урале, уделив внимание лишь небольшому фрагменту из его продолжительного путешествия, завершившегося у границ Китая. Но и при описании других мест он следовал тем же принципам. Его отчет – это не только вклад немецкой науки в изучение России. Это документ, характеризующий русско-немецкие отношения во второй половине XVIII в. и типичный именно для этой эпохи. Отчет Палласа в целом был интересен для образованного человека в любой стране, его читали в оригинале (по-немецки), а чаще – в сделанном позже переводе на французский язык. В наши дни сочинение Палласа уже не может удовлетворить потребности историка. Если говорить об Урале, то следует указать на современные научные работы (см., например, добротное исследование Б.Б.Кафенгауза о хозяйстве Демидовых), базирующиеся на богатом архивном материале. Они уточняют картину, нарисованную Палласом, и дают хорошее представление об истории этого региона. Сегодня Паллас ценен лишь своими мелкими подробностями. К нему все еще обращаются те, кто не знает русского языка, но хочет узнать о России XVIII в. И в этом отношении произведение Палласа сохраняет свое значение для западного читателя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК РАБОТНИКОВ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ В 1734 Г.

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ЗАВОД

Рабочий штат

Наименование	Количество человек	Годовой оклад в руб.
При двух домнах		
Старший мастер ¹	1	60
Младший мастер	1	36
Подмастерья	4	24
Учеников-рисовальщиков из школы	2	12
Работников под домной и на домне	18	18
Засыпщиков руды и угля	4	18
Работников с лошастью	4	30
Для ремонта каменщик старший	1	24
То же, младших	3	15
Штейгер для наблюдения за рудой	1	144
Подштейгеров	2	36
Берггауэров для разбора руд	2	18
Учеников для замещения прогулов	2	12
Всего	45	
У литья в песок		
Мастер-литейщик	1	30
Подмастерье	1	20
Учеников литейщиков	4	12
Всего	6	
У литья в формы		
Мастер-литейщик	1	30
Подмастерье	1	20
Учеников литейщиков	8	12
Всего	10	
Формовая		
Мастер-формовщик	1	Размеры оплаты не указаны
Арестанты для переноски и установки форм	?	
Формы для пушек изготовлял пушечный мастер		
Пушечный цех		
Мастер сверлильный	1	30
Учеников сверлильщиков	2	12
Учеников для замещения прогулов	2	12
Арестанты для перемещения пушек	—	Поденная оплата
Кричный цех (на мастерскую с 4 горнами и 2 молотами)		
Гитенмейстер	1	60
Мастеров младших	8	Сдельная оплата
Подмастерьев	8	
Работников	8	
Учеников на замещение прогулов		
Сторожей	6	6

¹ Термины «мастер», «подмастерья» обозначают просто-напросто степень квалификации работника.

Укладной цех		
Мастеров	5	30
Учеников	5	12
Сторожей	1	6
Стальной цех		
Мастер стальной	3	30 ²
Подмастерье	3	20 ³
Ученик	3	12 ⁴
Сторож	3	6
Дощатый цех (на 4 горна и 3 молота)		
Мастеров	8	Оплата сдельная
Подмастерьев	16	
Работников	8	
Учеников для замещения прогулов	2	12
Сторожей	2	6
Жестяной цех (на 2 горна и 2 молота)		
Мастеров	2	30
Подмастерьев «обсетчиков»	2	20
Разбивальщиков	6	18
Учеников	6	12
Сторожей	4	6
Учеников для замещения прогулов	4	12
Лудильный цех		
Мастер	1	30
Подмастерье	1	30
Учеников	2	12
Сторож	1	6
Учеников сверхштатных	2	12
Оконечно-посудный цех (в мастерской меняется в зависимости от числа потребной выработки. Указаны средние размеры)		
Мастер	1	30
Подмастерье	1	20
Учеников	5	12
Учеников для замещения прогулов	2	12
Плющильный и железнорезный цеха (на 2 печи и 2 стана)		
Мастер	1	30
Подмастерье	2	20
Учеников	4	12
Сторожей	2	6
Проволочный цех		
Мастер проволочный	1	30
Подмастерье проволочный	1	20
Подмастерье колотушечный	1	20
Учеников или работников	12	12
Колотушечный цех (при увеличении количества работы штат пополняется из кричных или дощатых цехов)		
Мастер	1	30
Подмастерье	1	20
Ученик	1	12
Якорный цех		
Мастер старший	1	60 (и сдельно)
Мастер младший	1	30 (и сдельно)
Подмастерье	1	20 (и сдельно)

² Сдельная оплата: за 16 кг хорошей стали – 7 коп., средней – 4 коп.

³ Сдельная оплата: за 16 кг обоих сортов – 5 коп.

⁴ Сдельная оплата: за 16 кг обоих сортов – 3 коп.

Молотобойцы	18	15 (и сдельно)
Кузнец для отделки	1	15 (и сдельно)
Чернорабочих (арестантов)	16	3 коп. поденно
Кузнечный цех (рабочий штат на 12 горнов)		
Мастер кузнечный	1	30
Подмастерье	1	20 (и сдельно)
Кузнецов	11	15
Работников	6	12
Слесарный цех		
Слесарь (за мастера)	1	20 (и сдельно за участие в выработке разных вещей)
Ученик	1	12 (и сдельно за участие в выработке разных вещей)
Шпикарный цех		
Шпикарный по выделке гвоздя мастер	1	40 (?)
Штат рабочих этого цеха не постоянный и составлялся по мере надобности из:		
Кузнецов мастеров	Не указано	20
Кузнецов подмастерьев		15
Работников или учеников		12
Меходуи (неквалифицированные)		Поденно
Пробирный цех⁵		
Пробирщик – мастер пробирный	1	24
Пробирщик младший	1	18
Гончар для изготовления тигелей	1	12
Медеплавильный цех (рабочий штат на 9 печей)		
Гитенмейстер – старший плавильщик	1	120 (иностранец)
Шихтмейстер – составитель шихты ⁶	1	36-48
Плавильный мастер	1	30
Шмельцеры – плавильщики	18	24
Ауфтрайгеры – подносчики	18	18
Фарлауферы – засыпщики	18	18
Ученики	9	12
Ученики на замещение прогулов	3	12
У гармахерских горнов (на 2 горна):		
Гармахер – очиститель меди	1	30
Отделитель	1	18
Работники	8	14,4
Гейнштепбухеры – толчейщики шлака	3	12
Промывальщики шлака	3	12
Обжигальщики ротштейна	3	14,4
У шплейзофенной печи (на 1 печь):		
Отделитель, он же штыковой плавильщик	1	30
Ученики	3	12
Сторож при плавильных печах	1	12
Меднолитейный цех		
Колокольно-литейный мастер	1	40 (и сдельно)
Подмастерье	1	20 (и сдельно)
Работники	2	12 (и сдельно)
Медноколотушечный цех		
Мастер медноколотушечный	1	40 (и сдельно)

⁵ Он предназначался для определения: а) количества меди, содержащейся в руде, б) соотношения руды, угля при закладке в плавильный горн.

⁶ Мастер, занимавшийся загрузкой смеси в печь.

Подмастерье	1	20 (и сдельно)
Ученик или работник	1	12 (и сдельно)
Меднопосудный цех		
Мастер посудный	1	40 (и сдельно)
Подмастерье	1	20 (и сдельно)
Ученики	2	12 (и сдельно)
Монетный двор		
(Заложенный при Геннине, он начал работать уже после его отъезда с Урала в 1735 г., поэтому в своей книге Геннин о нем не упоминает)		
Купоросный цех		
Купоросный варильщик	1	Сдельная
Рабочие по необходимости	Поденно	
Пильный цех		
Пильщик (за мастера)	2	20
Кузнец пильный	1	15
Ученик пильный	1	12
Ученик кузнечный	1	12
Плотничный цех		
Плотинный мастер	1	30
Плотничный подмастерье	1	20
Плотников	18	15
Колесников	2	15
Бочаров	2	15
Учеников для замещения прогулов	2	12
К этому следует прибавить и работников по каменной и кирпичной кладке, т.к. строительное дело не было выделено в особый цех		
Мастера по кладке кирпича (печники)	4	90
Рабочие по бутовой кладке (каменщики)	24	Поденно, в среднем по 5 коп.
Рабочие-землекопы	24	
Рабочие для свайной бойки	56	
Чернорабочие-подносчики	15	
Меховой и столярный цеха		
При работе деревянных мехов:		
Мастер меховой	1	30 (и сдельно)
Подмастерьев меховых	4	20 (и сдельно)
Учеников	4	12 (и сдельно)
При работе кожаных мехов:		
Меховщик	1	20 (и сдельно)
Ученик	1	12 (и сдельно)
При столярной работе:		
Столяров	2	20
Токарный цех ⁷		
Токарь	1	20
Ученик	1	12
Судовой цех		
Судовой мастер	1	30
Кузнец судовой	1	15
Работник у кузнеца	1	12
Канатный цех		
Спускальщик за мастера	1	20
Прядильщики-ученики	4	12
Учеников для заполнения прогулов	2	12

ВЕРХНЕ-ИСЕТСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

⁷ Различные изделия (колокола, медная посуда, валы для прокатных станков).

Завод производил 48000 пудов железа в год, которое почти полностью шло на экспорт (Геннин В. Указ. соч. С.445) и 72000 пудов чугуна в неделю (Геннин В. Указ. соч. С.444).

Контора		Число людей
Управитель гитенфорвальтер		1
Подьячих	Подканцелярист	1
	Копиист	2
Рассыльщиков		2
Целовальников для приема железа и чугунных припасов и к отпуску железа ⁸		2
Целовальников для приема угля и всяких лесных припасов		1
При плотинном деле		
Плотников		4
Подмастерье		1
В кузнице у дела новых и починке старых инструментов		
Кузнецов		3
Работников		3
В молотовых фабриках при 6 молотах уковки железа		
Мастеров		24
Подмастерьев		24
Работников		24
Учеников закомплетных для произведения на упалые места		12
Сторожей		3

УКТУССКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.
(1 доменная печь)

Контора		Число людей
Управитель гитенфорвальтер (управлял и Верхне-Уктусским заводом)		1
Подьячих	Подканцелярист	1
	Копиист	2
Рассыльщиков		3
Сторож при конторе		1
Целовальников для приема угля и всяких лесных припасов		2
Всего		10
При плотине		
Подмастерье		1
При доменном деле при одной печи		
Мастер		1
Подмастерьев		2
Ученик		1
Работников на домне и под домной		9
Засыпщиков рудных и известных		2
Да с лошадьми для воски ис под домны соку и на домну руды и извести		2
Каменщик и печник		1
Да в запас для упалых мест при домне ученик		1
Литейщик в песок наковален и протчего		1
Всего		33
Итого		43

ВЕРХНЕ-УКТУССКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Целовальники для приема и роздачи железа и припасов	2
	1

⁸ Присяжные приемщики (кладовщики).

Всего	3
В кузнице	
Кузнецов	2
Работников	2
Плотник	1
В молотовых фабриках при дву молотах	
Мастеров	8
Подмастерьев	8
Работников	8
Сторож	1
Ко оным дву молотам учеников в запас для упалых мест	4
Всего	34
Итого	37

КАМЕНСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Гитенфорвальтер	1
Канцелярист	1
Подканцелярист	1
Копеистов	4
Да у судных дел копеист	1
Салдат	5
Розсыльщиков	3
Целовальников у приему и отдачи железа, угля т протчих припасов, у денег	3
Сторож	1
Всего	20
При плотинном деле	
Подмастерье	1
Плотник	1
В росхожей кузнице	
Кузнец	1
Работник	1
При доменном деле при одной печи	
Мастер	1
Подмастерьев	2
Ученик	1
Засыпщиков рудных и известных	2
Работников на домне и под домной	9
Да с лошадьми для воску соку ис под домны, руды и извести на домну	2
Каменщик и печник	1
Берггаур для разбору и у присмотру в добыче руд	1
К тому доменному делу ученик закомплетной	
В молотовой фабрике при одном молоте уковки железа	
Мастеров	4
Подмастерьев	4
Работников	4
Сторож	1
У надзиранья лесов и у приему дров, и у приготовления угля и для помощи гитенфорвальтеру	
Шихтмейстер молотчей	1
Копеист	1

Розсыльщик	1
У угольного зжения мастеров	2
Всего	44
Итого	64

СЫСЕРТСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Управитель гитенфорвальтер	1
Канцелярист	1
Подканцелярист	1
Копеистов	3
У судных дел питаетца от дел копеист	1
Целовальников у припасов	3
Целовальников у денег	1
Сторож	1
В крепости пушкарей, они ж для розсылок в канторе	6
Да за правиант	4
Всего	22
При плотинном деле	
Подмастерье	1
Плотников	6
В росхожей кузнице	
Кузнецов	5
Работников	5
Учеников закомплетных	2
При доменном деле при одной печи	
Мастер	1
Подмастерьев	2
Ученик	1
Работников на домне и под домною	9
Засыпщиков рудных и известных	2
Да с лошадыми для воски соку ис под домны, руды и извести на домну	2
Каменщик и печник	1
Ученик закомплетной	1
Литейщик для песошного литья	1
В молотовых фабриках при 6 молотах уковки железа	
Мастеров	24
Подмастерьев	24
Работников	24
К тому учеников закомплетных для произведения на упалые места	12
Сторожей	3
У хлебной мельницы	
Мельник, он же плотник	1
У надзиранья лесов и у приему дров и приуготовления угля и у ростирки тесу и для помощи гитенфорвальтеру	
Шихтмейстер	1
Копеист	1
Розсыльщик	1
Для приему угля и лесных припасов целовальник	1
У зжения угля	
Мастеров	4
Учеников при том угольном зжении	4
Да закомплетных учеников же для упалых мест	2
У ростирки бревен на тес при пильной мельнице	
Пильщиков	2

Учеников	2
Да в запас для упалых мест закомплетной ученик	1
Всего	146
Итого	168

АЛАПАЕВСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Гитенфорвальтер	1
Канцелярист	1
Подканцеляристов	2
Копеистов	4
У судного дела копеист питаетца от дел	1
Целовальников у припасов у железа и чугуна	2
Целовальников у денег	1
Салдат	3
Розсылщиков	5
Сторож в канторе	1
Всего	21
У плотинного дела	
Подмастерье	1
Плотников	2
У дела мехов	
Подмастерье	1
Ученик	1
В кузнеце у дела новых и починки старых заводских инструментов	
Кузнецов	2
Работников	2
Закомплетной ученик для упалых мест	1
У доменного дела при одной печи	
Мастер	1
Подмастерьев	2
Засыпщиков рудных, известных	2
Да с лошадьми для воски соку ис-под домны и на домну руды и извести	2
Каменщик и печник	1
Да в запас к тому делу для произведения на упалые места ученик	1
Для разбору руд и присмотру над крестьянами при добыче оных берггаур	1
При фурмовом деле у литья колоколов и протчего	
Подмастерье	1
Литейщиков	2
В молотовых фабриках при дву молотах	
Мастеров	8
Подмастерьев	8
Работников	8
При лесном и угольном деле при обоих Алапаевском и Синячихинском заводах	
Шихтмейстер	1
Копеист	1
Розсылщик	1
Целовальников	2
Угольного зжения мастеров	4
Учеников, в том числе закомплетных для упалых мест 2	6

Всего	62
Итого	83

СИНЯЧИХИНСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Шихтмейстер	1
Подканцелярист	1
Копеист	1
Целовальников у приему и роздачи чугуна и протчих припасов	2
Розсыльщиков	1
Сторож в канторе	1
Всего	7
У плотинного дела	
Подмастерье	1
Плотников	2
Каменщик и печник	1
В кузнице дляковки вновь и починки старых инструментов	
Кузнецов	2
Работников	2
Да для упалых мест закомплетной ученик	1
В молотовых фабриках уковки железа при трех молотах	
Мастеров	12
Подмастерьев	12
Работников	12
Ко оным трем молотам учеников в запас для упалых мест	6
Сторож	1
Всего	52
Итого	59

ПОЛЕВСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Гитенфорвальтер	1
Шихтмейстер при плавильных делах и у надзирания за работами и для помощи гитенфорвальтеру	1
Подканцелярист	1
Копеистов	3
Разсылщиков	3
Щетчик	1
Целовальников у припасов	2
Конюх при казенных лошedah	1
Сторож	1
У содержания крепости от артиллерии ефрейтор	1
Пушкарей	6
Всего	7
У плавки меди при 9 печах	
Старшей плавильщик иноземец	1
Шмельцеров	18
Фарлауферов	18
Ауфтрайгеров	18
У отделительных дву горнов, на которых отделяют ис криц медь от железа	
Отделитель	1
Работников	8
У обжигания роштейна обжигальщиков	3
Сторож в плавильне	1
Каменщик и печник	1

Цымерлейтов или плотников	3
Кузнец	1
Работник	1
Мусорных толчейщиков	3
Работников для таскания руды от шахт в плавильны и соку ис плавилеи	18
Учеников закомплетных при плавильнах для упалых мест	9
Пробирщик	1
У надзирания лесов и у приему дров и приуготовления угля, и у смотраи всего того	
Надзиратель	1
Розсылщик	1
Целовальник	1
Угольного жения мастеров	3
Учеников	3
Да закомплетной для упалых мест ученик	1
Всего	116
Итого	137

ЛЯЛИНСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Гитенфорвальтер	1
Для помощи ему к плавильным и лесным делам и к заготовлению угля шихт-мейстер	1
Подканцелярист	1
Копеистов	3
Разсылщиков	5
Щетчик у денег	1
У приему и роздачи всяких припасов и угля и меди целовальников	2
Сторож в канторе	1
Всего	15
У плавки меди при дву печах плавильных	
Плавильной масетр	1
Шмельцеров	3
Форлауферов	4
Ауфтрайгеров	4
Да закомплетных для упалых мест учеников	2
Сторож при плавильне	1
Пробирщик	1
Для дела новых и починки старых плавильных и завоцких инструментов	
Кузнец	1
Работник	1
При содержании плотины и для починок и поделок, случающихся в фабрике	
Плотник	1
К переищению оной меди в гармахерскую и чистую	
Гармахер и штыковой мастер	1
Учеников	3
При угольном жении	
Мастер	1
Учеников, в том числе для упалых мест 1	2
Всего	26
Итого	41

ПЫСКОРСКИЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
--	-------------

Контора	
Бергмейстер	1
Гитенфорвальтер	1
Маркшейдер	1
Для упалых мест и обучения шихтмейстерской должности из школьников	1
Канцелярист	1
Подканцелярист	1
Копеистов	3
В заводском и земском повытье	
Канцелярист	1
Подканцелярист	1
Копеистов	4
В дистрикте завода при управляющем	
Подканцелярист	1
Копеистов	1
Розсыльщиков для розсылок и наряду крестьян в работы	7
Всего	24
При плотинном деле и для починок в фабриках	
Подмастерье	1
Плотников	4
Колесник	1
Для дела и починки мехов меховой подмастерье	1
При плавильных делах	
Шихтмейстер	1
При нем копеистов	2
У плавки меди при 6 печах	
Гитенмейстер для смотрения на всех медных казенных заводах и для установления порядочно плавов	1
Обершмельцер	1
Шмельцеров	11
Фарлауферов	12
Ауфтрайгеров	12
Для обжигания роштейну обжигальщиков	2
Дляковки и починки старых плавильных инструментов	
Кузнец	1
Работник	1
Сторожей при плавильне	2
Для приему меди и всяких заводских припасов целовальников	2
Для толчения мусору толчейщиков	2
Пробирщик для пробы руд, а когда пробы не случитца, то употреблять ево в плавильную работу	1
Для дела пробирных горшков и муфелей гончар	1
Для дела плавильных горнов и печей, а между делами делать и кирпичь на завоцкой росход какменщик и печник	1
К перечислению оной черной меди в гармахерскую и чистую штыковую имеет быть росхода	
Гармахер	1
Учеников	2
На одном штыковом горну, в котором медь гармахерскую переплавливают	
Мастер	1
Учеников	3
Из оной выплавляемой меди роскавыываетца некоторое число тамо в доски, и при том определено	
Мастер	1
Подмастерье	1
Ученик	1
При куренном деле	
У надзиранья лесов и у приему дров и угля и у смотрения того всего шихтмейстер	1
Копеист	1

Целовальник для приему и роздачи угля и лесов	1
Угольных мастеров	2
Учеников	2
Да закомплетной для упалых мест	1
Всего	77
Итого	101

ЯГОШИХИНСКИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНЫЙ ЗАВОД В 1735 Г.

	Число людей
Контора	
Гитенфорвальтер	1
Берггешворен для смотрения при плавильном и горном делах	1
Канцелярист	1
Подканцелярист	1
Копеистов	3
Розсылщиков	4
Сторож в канторе	1
Для приему и роздачи припасов целовальник	1
В приписных ко оному Ягошихинскому заводу селах и деревнях для высылки крестьян во определенные работы и росправы между ими и для збору с них окладных доходов	
Управитель	1
При нем копеист или земской подьячей	1
Розсылщиков	2
При плавильных делах у плавки меди при дву печах плавильных	
Шмельцеров	4
Фарлауферов	4
Ауфтрайгеров	4
К тому в запас для упалых мест учеников	2
Для обжигания роштейна обжигальщик	1
Для толчения мусора мусорщик	1
Дляковки и починки заводских припасов	
Кузнец	1
Работник	1
Для дела всяких заводских плотнишных работ и поделок на плотине и в фабрике плотников	2
Для дела и починки плавильных горнов и печей, а между тем делать и кирпичь	
Каменщик и печник	1
Сторож в плавильне	1
К перечислению оной черной меди в гармахерскую и чистую штыковую имеет быть расхода	
При гармахерском и штыковом горнах гармахер	1
Учеников	2
При куренном деле	
У надзираня лесов и у приему дров и угля и у смотрения всего надзиратель	1
Разсылщик	1
Целовальник у приему угля и лесных припасов	1
Угольной мастер	1
Ученик	1
Да в запас для упалых мест ученик	1
Всего	31
Итого	48

ДОКУМЕНТЫ⁹

Указ о приписке к заводам крестьян (1703 г.)

Господам князю Михаилу Яковлевичу, князю Алексею Михайловичу Алексей Калягин челом бьет. В нынешнем, господа, 1703 г. мая в 29 день, в грамоте в. г. из Сибирского приказа, за подписью дьяка Ивана Чепелева, писано ко мне на Верхотурье: в нынешнем-де 1703 г., апреле в 12 день, указал в. г. Верхотурские железные заводы на Невье реке, по прежнему своему в. г. указу и грамотам, заводить не мешкав, безо всякой остановки. А для всякой работы к тем новым заводам приписать к Верхотурью, Тоболского уезду, Мурзинскую слободу со всеми крестьяны и с землями; а вместо того, .которые слободы Верхотурского уезду в близости от Каменных железных заводов, и те Верхотурского уезду слободы и деревни дворами то ж число, или менши, по рассмотрению, господа, вашему, приписать к Тоболску, к Каменским железным заводам, и всякое вспоможение к строению тех новых Верхотурских заводов мастерами и всякими потребами вам, господа, чинить; и о том к вам, господа, в Тоболск в. г. грамота послана. А ныне, по указу в. г. и по тем грамотам, в Верхотурском уезде на речке Алапаихе строятся новые железные заводы, и в строению, господа, тех новых заводов лесовые всякие припасы на плотину и на молотовые амбары в готовности; а плотинного, господа, мастера на те новые заводы ни откуд не прислано. А о присылке, господа, мастеровых людей, которые мастера к тем заводам понадобятся, велено мне к вам, господа, писать в Тоболск. И о вышеписанных Мурзинской и Верхотурской слободах, и о присылке с Каменных железных заводов плотинного мастера на Алапаевские новые заводы для строения плотимы, по указу в. г. и по грамоте, что вы, господа, укажете. А сею отпискою послал я к вам, господа, в Тоболск нарочного посыльщика верхотурского пешего казака Алексея Пушкарева и велел ему отписку подать вам, господа, в приказной палате.

Берг-привилегия (1719 г.)

Объявляем чрез сие всем и каждому вообще верным нашим подданным. Понеже мы всемилостиво усмотрели, что от рудокопных заводов и прилежного устройства оных земля обогатится и процветет; также пустые и бесплодные места многолюдством населятся, якоже и искусство в различных землях довольно показывает.

Наше же Российское государство, пред многими иными землями, преизобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы; паче же не так употреблены были, как принадлежит, тако что многая польза и прибыль, которой бы нам и подданным нашим из оного произойти мог, пренебрежен.

Мы признаваем, что сему пренебрежению главнейшая причина была частию, что наши подданные рудокопным делам, и как со оною в пользу государственную и всенародную произвести, не разумели, частию же иждивения и трудов к оному приложить отважиться не хотели, опасаясь, дабы некогда те заведенные рудокопные заводы, егда с них добрая прибыль будет, от них, заводчиков, отняты б не были.

И дабы ныне сии и иные причины пресециися могли, того ради мы, в пользу государства и всем нашим верным подданным, особливою Берг-коллегиум всемилостиво учредить изволили, и по нас оному власть и мощь дали единым судною быти над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочно поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешались, разве оной Берг-коллегиум, или от оного определенные к тому служители, какие помощи от них требовать будут.

Сей Берг-коллегиум будет впредь объявлять указами и учреждениями, коим образом те рудокопные дела наилучше и совершенно произведены быть могут.

Между тем мы за благо усмотрели, чтоб всех охотников рудных дел последующими привилегиями пожаловать и снабдить, и сим нашим указом народу нашего Российского государства объявить.

1. Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобное иждивение востребует.

2. Кто новые металлы и минералы изобрещет, и охоту будет иметь ко устройению заводов, тем являться в Санктпетербурге в Берг-коллегии: в Москве же, в Сибири и в Казани определенным от Берг-коллегии берг-офицерам, которые должны оным добрым советом вспомоществовать. И когда оные офицеры сысканную какую руду работы и иждивения достойну найдут, тогда должен оной охотник, или сыскатель в Берг-коллегиум письменно объявить, и при том пробу изобретенной руды прислать, и просить о позволении к строению завода.

⁹ Данные документы предоставлены издателями русского перевода книги Р.Порталя.

3. Когда берг-мейстер, или какого иного чина учрежденный от Берг-коллегии будет обретаться от места новообретенные руды в дальности, тогда может тот охотник прямо в Берг-коллегию доношение, и при том пробу обретенные руды послать.

4. Берг-коллегии имеет по оным доношениям не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою рудою и минералами наилучше поступать, и в доброе и неудобное состояние произвести.

5. Получившему такую привилегию, или жалованную грамоту, на месте, где руда обретена будет, 250 сажен долготы, 250 сажен ширины отведено быть имеет, и на том отведенном месте он и его товарищи всякую руду и минералия, что обрящет под землею, копать, и к тому потребное строение построить волен.

6. Помещики или владельцы тех земель, в которых руды изобрящутся, имеют наперед в сих позволение ко устройению тех заводов, когда заранее о том востребуют.

7. Ежели владелец не имеет охоты сам строить, и с другими в товарищество вступить не похочет, или от недостатка своего не возможет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут, дабы божие благословение под землею втуне не осталось. Однако ж те промышленники с той земли, на которой построят заводы, повинны заплатить тому владельцу от каждой руды, или минерала, готово сделанного, тридцать вторую долю от прибыли, без всякого удержания, и за прочие места, которые для того завода потребны вновь, также и за надлежащие дрова и лес к строению, платить деньгами должны. А ежели помещик за вышеписанные места, также за лес, дрова и угля желать будет цену несносную, и о том требовать определения в коллегии.

8. Кто в своих землях полезные металлы, яко золото, серебро и медь сыщет, и объявит в Берг-коллегии, и похочет завод построить, тому дастся из коллегии, по доброте руд смотря, в займы денег на строение.

9. Ежели кто руду найдет, и на том месте завод построить возможно будет, от которого бы впредь прибыль могла быть, тому заплатится за его труд из коллегии за всякую гривенку, или фунт меди, колико из одного опытного пуда руды выйдет, по четыре рубли, а за серебро за каждой золотник, которой из пуда руды выдет, также четыре рубли дастся, однако ж бы не ниже десяти золотников серебра из пуда было.

10. Мастерские люди таких заводов, которые подлинно в дело произведутся, не токмо от поборов денежных и солдатской и матрозской службы и всякой накладке освобождаются, но и во определенные времена за их работу исправную плату получать будут.

11. Того ради мы таковым образом и любовью к верным нашим подданным токмо нам одним, яко монарху, принадлежащие рудопромышленные заводы и оных употребления каждому и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем, только требуем не больше, якоже во иных государствах обыкновенно есть, десятую долю от прихода к плате Берг-коллегии его служителям и на иные потребные к тому расходы. При сем же мы всемилостиво намерены и оную десятую часть на несколько лет отпустить, и тем пожаловать, ежели при искании тех руд будет убытков больше прибыли.

12. Сверх того принадлежит нам покупка золота, серебра, меди и селитры наперед других купцов таким образом, дабы никто не смел никому ниже малое что от вышеобъявленного продать, кроме тем рудным начальникам, которые в близости той провинции к тому определятся, или кому из коллегии позволено будет.

13. Наш же Берг-коллегии цену вышеобъявленным металлам, по состоянию местоположения и изживания, таким образом учредит, что наши верные подданные прямую и довольную прибыль иметь будут, и мы б на наших денежных дворах и в других употреблениях без убытка быть могли.

14. А когда помянутые начальники не будут при себе так довольно иметь денег, чтоб за готовое золото, серебро, медь и селитру в месяц заплатить могли, тогда тот промышленник оное волен продать, кому похочет.

15. Прочие же металлы, яко железо, олово, свинец и всякие минералы каждой промышленник волен продать, кому хочет; а селитру, которая нам не надобна будет, продавать допускается, токмо отнюдь без повеления коллегии в чужие край не отпускать.

16. Доколе оные рудные заводы довольных работников иметь и по уставам, каковы коллегии впредь объявит, содержаться будут, имеют оные промышленники рудопромышленных дел, по данным их привилегиям, или жалованным грамотам сим обнадежены быть, что у них и у наследников их оные заводы отняты не будут, ниже что малое в их потребностях и прибытках какое повреждение учинится, разве сами в состоянии не будут оные содержать.

17. Мы уповаем, что каждый наш верный подданный сими прибыточными привилегиями или жалованными грамотами к собственному своему и всенародному российскому обогащению подвижен будет, оных подземных богатств проискать и заводы заводить. Против же того тем, которые изобретенные руды утаят, и доносить об них не будут, или другим в сыскании, устройении и расширении тех заводов запрещать и мешать будут, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений, яко непокорливому и презирателю нашей воли и врагу общенародные пользы, дабы мог всяк того стрещися.

Указ о покупке к заводам деревень (18 января 1721 г.)

Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями, и особенно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые и полотняные и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям, к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг и Мануфактур-коллегии, токмо под такую кондицию, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того, как шляхетству, так и купечеству, тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслами ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг и Мануфактур-коллегии. А ежели кто противу сего поступит, то оного всего того лишит безповоротно.

А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-коллегии; а ежели тако-вые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения.

Извлечения из секретной инструкции Екатерины II Вяземскому от 6 декабря 1762 г.

...Прежде нежели рассмотрено будет о причинах, по которым помянутые крестьяне доведены до того, что они не токмо указам противны являются, но и вооруженною рукою действовать начинают, яко бунтовщики, не уважая на должное им повиновение и не ожидая в жалобах своих порядочно испрашиваемой им управы; нужда теперь в том состоит, чтоб оных крестьян привести в должное рабское послушание и усмирить, а потом изыскать, кто именно из них к таковым возмущениям был составник и поощритель, подымая своими или советами, или подложными указами на такое их возмущение...

Сие исполнивши, исследовать надлежит и о том, что до их утеснения касается. А чего исследовать не кем за отсутствием или дальним и трудным отысканием тех прежних прикащиков, которые таковые, как жалобами крестьяне пишут, утеснения и наглости делали, тут вам, для скорейшего прекращения дела довольствоваться тем только, чтоб крестьян заставить (буде они правильно принадлежат заводу) работать, а прикащикам наистрожайшее запрещение сделать подписками, чтоб они, кроме должной работы, отнюдь ничего от крестьян излишнего не взыскивали, а паче от мучительства воздерживались, каковое оказалось в Петровском Демидова Евдокима заводе. Чего ради вы поступить имеете следующим образом:

1) Ехать вам перво всего в Казань, яко в ближайшее отсюда место, и там взять сведомство о заводах медных канцлера графа Воронцова, в Пермской провинции, в Кунгурском уезде лежащих, и в той же провинции покойного фельдмаршала графа Шувалова о заводах его партикулярных: Серебрянском, Боткинском и Ижевском; также камергера графа Чернышева в той же губернии о заводе Юговском, в каком они расстоянии один от другого. А потом наведаться и надлежащие взять выправки, что во всех оных теперь в рассуждении послушания и работ мастеровых и приписных крестьян происходит, и ежели в котором из сих заводов сопротивление от мастеров и крестьян, к ним приписных еще продолжается, в такой из ближайших взяв с собою, в силу данного вам из Сената открытого указа, потребное число команды воинской, а именно, из полевого Ревельского драгунского и гарнизонного Свяжского пехотного полков, с потребным к той команде числом офицеров отправиться имеете немедленно.

2) При том с собою забрать надобно и потребное число из губернской канцелярии приказных и сведущих тамошние обстоятельства людей и служителей, с которыми по приближении собрать имеете пристойным, по благоизобретению вашему, образом священников тамошних слобод и деревень и крестьян для выслушания нашего печатного манифеста, которых мы вам повелели выдать из Сената двести экземпляров.

3) Объявивши таким образом нашу высочайшую волю, выслушать имеете от них жалобы, и потом обнадежить нашим рассмотрением, что помянутые крестьяне прежде не токмо удовольствованы не будут, но ниже следствие начато будет, пока в силу данных им прежних указов к повиновению и послушанию (хотя бы они и обижены были) делом самым не приступят. Притом изъяснить им собою и чрез священников так, как их отцов духовных долженствуете, что никто за свою обиду сам собою управляться да не дерзает, но и в утеснении своем должен власти повиноваться, которая по воле высочайшей над ними поставлена и управы своей добропорядочно искать в судебных местах. На противу того собственное сопротивление, хотя бы и правильными причинами понуждаемо было, есть грех непростительный противу божией заповеди, который заставляет с ними обходиться и поступать не инако, как с бунтовщиками, и что ежели они не усмирятся и к работам того же часа не приступят, то вооруженною рукою к тому приведены будут, а зачинщики и поощ-

рители их возмущения казнь достойную примут. Прочитанный же им наш печатный манифест не единожды им повторить и священников понудить им простыми словами истолковать, что противящиеся власти нашей противятся богу. И сей манифест прибить по церквам и по рынкам на заводах во всех тех только местах, где оное своеволие оказалось.

4) Кроме часто повторяемого истолкования манифеста, и таковые увещания делать многократно собою, чрез офицеров, священников и приказных людей, сколько возможно простыми внушениями и уговариваниями, обнадеживая их нашею милостию и защищением, и то в таком случае, ежели при самом начале, по выслушивании нашего печатного сего манифеста, оказано ими будет должное повиновение. Ежели же крестьяне оказывать станут или недоверенность (а паче умышленную к вам), или огурство обыкновенное и покушение к собственной своей обороне, в таком случае, старшая их не токмо нашим гневом, но и жестокою казнию, а напоследок огнем, мечом и всем тем, что только от вооруженной руки произойти может; однако ж к делу не приступать без самой крайней нужды. И сие особливо передается на ваше благоразумие и умеренность.

5) По обстоятельствам и осведомлении заблаговременном о каждом заводе, где, какое и сколь многочисленное сопротивление оказывается, там такие и меры в числе команды вам забирать, по отверстому указу, на волю отдаем. И ежели вашим увещанием или угрозами приведете в послушание крестьян, то в то же время прежде всего разведайте секретно, а потом и явно о прямых составниках и поощрителях между теми же крестьянами, или иными какими людьми, то есть, между церковниками, о которых тотчас исследуйте до пряма, с каким они намерением дерзали возмущать простой народ, не советовавши крестьянам пристойным путем искать своей управы у государя и в местах, на то от нас учрежденных, но у самих себя, предерзостным возмущением; и не было ли каких письменных к тому и подложных нашим именем сочинений, кроме того, о котором мы уже известны, и кем они сочиняемы были, и о таковых, до пряма исследовавши, имеете избличенных публично наказать без пощады и из тех мест сослать их в вечные дальние работы, куда вы благорассудите, отняв им способы и в других таковых же местах подобные делать возмущения, а на месте их том не покидать.

6) Потом взять от крестьян поверенных, по их добровольному выбору, или самим вам определить к ним депутата, того ли, кто прежде у них был, по комиссии полковника Лопатина, или иного кого, и собрать в завод управителя, прикащиков и других начальных людей, которым завод приказан. Таким образом, забрав от депутата или поверенных крестьянских все жалобы и утеснения с доказательствами, без всякого пристрастия, не наклоня ни на чью сторону, обосторонно исследовать. Ибо как крестьянская продерзость в своем месте всегда вредительна, так и человеколюбие наше терпеть не может, чтобы, свыше мер человеческих, порабощение крестьянам, а паче с мучительством чинимо было. И ежели до пряма найдется, что прикащики так поступают, как крестьяне на них жалобы приносят, а особливо, ежели удерживают надлежащую им плату за повозку, или сверх мер и возможности работать их заставляют, а притом еще и тиранствуют, в таком случае с винными поступайте, не лаская и не маня никому, и смирите иных наказанием и отрешением от должности их, чей бы он ни был, а других, ежели кто лучшее звание имеет, содержанием под караулом, представляя нам и ожидая на то резолюции. Словом, – все то учинить имеете, что за пристойное найдете к удовольствию крестьянскому; однако ж, берите такие предосторожности, чтоб крестьяне не возмечтали, что их начальники и тогда бояться их должны, когда правильная им работа не нравна впредь покажется. Почему, ежели кто из прикащиков в крайнем бесчеловечии найдется тех только можете публично и наказать, а ежели кто, сверх должности, требовал работы, за таковую неумеренность можете его секретно истязать, не подавая поводу простому народу из надлежащего выйти подобострастия...

10) ...Там в Оренбурге, взять сведомство из губернской канцелярии правления заводов о всем, что теперь происходит, а особливо по комиссии полковника Лопатина.

...Ибо по последним репортам той комиссии видно, что и комиссии члены предуспеть ничего не могли противу упорства мастеровых людей и крестьян, которые все единогласно отказались от работ и всякого повиновения, а положили разойтись по домам своим и деревням. В сем месте наипаче вы предосторожности свои возьмите к укрощению их; ибо вы найдете в губернии Оренбургской один полевой, да три драгунских и три пехотных гарнизонных полков, которыми можете себя довольно в безопасность привести, и потом тяжбу между ними и прикащиками заводскими рассмотрите. Оттуда отправьтесь в три завода сибирские покойного графа Шувалова Гороблагодатские, которые с наивящею прилежностью, яко многолюднейшие и на великом пространстве лежащие, приписных крестьян имете осмотреть, усмирить и в порядок привести... В случае же нужды, все то можете сделать помощью в Сибирской губернии поблизости находящихся полков, которых там находится четыре полевых драгунских и пять гарнизонных с новоучрежденным батальоном...

13) Впрочем указы наши печатные не везде и не на всех местах публиковать, но в тех только, где крестьяне непослушны, а для прочих в секрете содержать, и о всем, что и в каком месте происходить будет, репортовать к нам собственно по часту...

БИБЛИОГРАФИЯ¹

К сожалению, я не имел доступа к архивным источникам. В 1931 г., в период первой пятилетки, Максим Горький выступил с инициативой создания «Истории заводов», материал для которой предполагалось собирать на самих предприятиях. Особый акцент делался на участие заводов в революции, о чем еще помнили сами рабочие, их отцы и деды.

Журнал «История заводов» позволяет проследить деятельность комиссии, которой был поручен сбор источников и руководство этими исследованиями. Вначале предполагалось подготовить общие работы по каждому отдельному заводу. Но для этого нужно было наладить тесную связь профессиональных историков с их добровольными помощниками, которые не могли в полной мере использовать источники, относящиеся к далекому прошлому. Это оказалось сделать не так просто. «История заводов» должна была стать чем-то вроде диптиха, противопоставлявшего дореволюционный период эпохе социалистического строительства. Дореформенное время оставалось в тени. На проходившей в 1932 г. в Москве выставке «История фабрик и заводов в документах» период до начала XIX в. представлен не был.

Конечно, среди работ, переданных в комиссию, были и такие, которые начинали описание истории завода с конца XVIII в., но их уровень был крайне низок.

Вот почему «История заводов» почти не дает историку достоверных данных по ранним периодам. Более того, этот проект был загублен бесконечными дискуссиями. Уже с 1932 г. стало ясно, что работа идет очень медленно, хотя в ряде случаев (отмечу и уральские заводы, такие как Невьянск, Златоуст, Кыштым, Нижне-Тагильск) она была выполнена на высоком уровне. Лишь отдельные предприятия передали в комиссию собранные ими материалы, источниковедческое значение которых огромно.

Со своей стороны историки, готовя «Историю фабрик и заводов», ввели в научный оборот массу документов, к которым должны были добавиться свидетельства современников, собранные самими рабочими. Логично, что публикация этих материалов началась с работ, посвященных генезису промышленности. Серия документальных сборников «Крепостная мануфактура» открылась изданиями по истории металлургической промышленности XVIII в. в Подмоскowie и на северо-востоке страны². В этих сборниках была представлена и текстильная промышленность, но совсем отсутствовала уральская металлургия (единственным, но важным исключением стала публикация «Описания уральских и сибирских заводов» В.Геннина). Поэтому документы, касающиеся заводов западной России, можно привлекать лишь в качестве сравнительного материала.

Вместе с тем, «История фабрик и заводов» вскоре превратилась в историю рабочего класса. Социальные движения заняли все внимание советских историков сразу после Октябрьской революции. Особенно большой интерес у исследователей вызывало крупнейшее антиправительственное выступление в XVIII в., которому был посвящен специальный сборник документов³. Затем вышли «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах XVIII века» (Л., 1937). Но позднее советские ученые переключились на анализ социальной структуры пролетариата⁴. К сожалению, после 1936 г. публикация источников по этим вопросам была приостановлена или вообще прекратилась, и лишь в последнее время к ней вновь возрос интерес.

Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993.

Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIII в.: Учебное пособие. Уфа, 1987.

Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735-1736 гг.: Учебное пособие к спецкурсу. Уфа, 1977.

Аксаков С.Т. Семейная хроника. <Любое издание>.

Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

¹ <Во французском оригинале библиография поделена на несколько разделов (работы XVIII в., современные исследования и т.д.), некоторые из них проаннотированы. Кроме того, автор указал, в каком из книгохранилищ Парижа и Праги находятся те или иные издания. В русском переводе мы объединили все библиографические разделы оригинала в единый указатель литературы, который, кроме того, был дополнен к.и.н. И.В.Кучумовым отдельными важнейшими работами, вышедшими после 1950 г., а также рядом предшествующих исследований, не включенных Р.Порталем в свой библиографический перечень (все дополнения даны курсивом). Библиографию работ XVIII в. Р.Порталь снабдил предисловием, которое мы воспроизводим>.

² См.: Крепостная мануфактура в России Л., 1930. Ч.1: Тульские и Каширские заводы.

³ Пугачевщина /Под общ. ред. М.Н.Покровского. М.; Л., 1926-1931. Т.1-3.

⁴ Здесь можно указать на сборник документов «Социальный состав рабочих первой половины XVIII века» (1934).

- Алексеева О.Б. Устная поэзия русских рабочих. Л., 1971.
- Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.
- Алефиренко П. Экономические взгляды В.Н.Татищева // Вопросы истории. 1948. № 12.
- Алферов Н.С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960.
- Алферов Р.А. Прочнее стали: Историко-художественный очерк. Уфа, 1954.
- Аникин В.П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск, 1986.
- Анисимов Е.В. Государственные преобразования Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.
- Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003.
- Апполова Н.Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVII в. // Города феодальной России: Сборник статей памяти Н.В.Устюгова. М., 1966.
- Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.
- Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818-1819. Ч.1-2.
- Архангельский И.И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. Пермь, 1890.
- Асфандияров А.З. Башкирские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период). Уфа, 1988.
- Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа, 2001.
- Ахметшин Б.Г. Несказочная проза горнозаводского Башкортостана и Южного Урала. Уфа, 1996.
- Бабурин Д.С. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М., 1939.
- Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985.
- Базилевич К.В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки Московского университета. М., 1940. Вып.41: История. Т.1
- Бак И. [Рец.]: Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I // Вопросы истории. 1948. № 3.
- Бак И. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России // Вопросы истории. 1948. № 4.
- Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М.; Л., 1935.
- Бакунин А.В., Бедель А.Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994.
- Бараг Л.Г. Народные устные рассказы о горнозаводской Башкирии эпохи Пугачевского восстания // Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, 1967.
- Бараг Л.Г. Пугачевские предания, записанные в горнозаводских районах Башкирии // Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965.
- Бахрушин С.В. Торги новгородцев Кошкиных // Ученые записки Московского университета. М., 1940. Вып. 41: История. Т.1.
- Белов В. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896.
- Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. II-IV.

Берх В. Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева // Горный журнал. 1828. Кн. I-IV.

Бильбасов В.А. История Екатерины II. <Любое издание>.

Блажес В.В. Бажов и рабочий фольклор. Свердловск, 1982.

Блажес В.В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987.

Боровой С. К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII века // Вопросы истории. 1948. № 5.

Бородулин В.А. Уральский букет: Народная роспись горнозаводского Урала. Свердловск, 1987.

Ботышев Ф. О размерах угольных коробов на частных уральских заводах // Горный журнал. 1866. № 3.

Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988.

Буранов Ю.А. Роль государства в развитии черной металлургии Урала (XVIII – начала XX вв.) // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Бурнашев В. Очерк истории мануфактур в России. СПб., 1833.

Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни. Свердловск, 1960.

Вагина П.А. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50-60-х годах XVIII в. // Ученые записки педагогического института. Свердловск, 1955. Вып. 1.

Вагина П.А. Личное хозяйство и рабочая квалификация мастеровых частных заводов Южного Урала в последней четверти XVIII в. // Ученые записки Уральского университета. Свердловск, 1968. № 72.

Вагина П.А. Материалы к спецсеминару по истории горнозаводской промышленности и классовой борьбы на Урале второй половины XVIII в. для студентов исторического факультета. Свердловск, 1962. Вып. 1: Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Урала второй половины XVIII в.

Вагина П.А. Материально-бытовое положение мастеровых и рабочих людей Южного Урала во второй половине XVIII в. // Научная конференция, посвященная истории рабочего класса Урала. Пермь, 1960.

Вагина П.А. О характере волнений мастеровых уральских заводов в последней четверти XVIII в. // История СССР. 1965. № 1.

Вагина П.А. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50-60-х годах XVIII в. // Исторические записки. 1954. Т.47.

Вершинин Е.В. Источники по истории организации первого железодельного предприятия на Урале (XVII в.) // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992.

Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.

Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. Свердловск, 1991.

Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972.

Волнения рабочих людей и приписных крестьян металлургических заводов России XVIII в. Сборник документов. М., 1975. Т.1-3.

Гаврилов Д.В. «Ай, да мы, работающий народ...»: Трудовые и культурные традиции горнозаводских рабочих Урала в XVIII – начале XX в. // Четвертые Татищевские

чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002.

Гаврилов Д.В. Техносфера уральской черной металлургии в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

Гайсинович А. Как пишется история уральских заводов // История заводов. М., 1933. Сб.7.

Гелах Г. Жилище горнорабочего XVIII века на Урале // Советская этнография. 1936. № 3.

Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. М., 1937.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

Герман И.Ф. Историческое начертание горного производства Российской империи. Екатеринбург, 1810. Ч.1.

Гессен Ю.И. История горнорабочих СССР. Т.1: История горнорабочих России до 60-х годов XIX века. М., 1926.

Голиков И. Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1797. Т.XVIII и последний, содержащий в себе состояние России, в каком сей великий государь оставил ее по себе.

Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII-XIX веков: Демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001.

Голикова С.В. Становление демографической статистики как элемент модернизации (по материалам Урала XVIII – начала XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

Головщиков К. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881.

Гордин Я.А. Хроника одной судьбы. М., 1980.

Горловский М.А. К истории основания Екатеринбурга // Исторические записки. 1952. Т.39.

Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII-XIX вв. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1956.

Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сб. ст. Екатеринбург, 1992.

Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX веков: Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985-1993. Ч. 1-2.

Гурьев И.А., Усанов В.И. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Свердловск, 1982.

Даль В.И. Свадебные обряды в горных заводах Урала // Литературное наследство. М., 1968. Т.79.

Дашкевич Л.А. Уральские горнозаводчики и рабочие XVIII – первой половины XIX вв.: опыт социальной политики в промышленности // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Дейч Г.М. В.Н. Татищев: историк и государственный деятель. 1686-1750. Свердловск, 1962.

Дело о самозванце Ф.И.Каменникове-Слудникове (материалы по истории самозванчества и крестьянского протеста на Урале в середине XVIII в.): Сб. док. Екатеринбург, 1992.

Де-Марни Барбот Е.Н. Урал и его богатства. Екатеринбург, 1910.

Демидова Н.Ф. Инструкция В.Н.Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах // Исторический архив. М.; Л., 1950. Вып. 5.

Демкин А.В. О конкуренции казенного и демидовского железа на европейском рынке в 30-х годах XVIII века // Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.): Сборник исследований. Екатеринбург, 2001.

Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. Свердловск, 1990.

Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблемы взаимодействия: Сб. ст. Свердловск, 1986.

Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736, 1737 годах. Оренбург, 1900 (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии; Вып. 8).

Дореволюционный фольклор на Урале / Собрал и составил В.П.Бирюков. Свердловск, 1936.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. М.; Л., 1946. Т. I.

Дубровин Н. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II: 1773-1774 гг. СПб., 1884. Т. I-IV.

Дымищ А.Л. Дооктябрьский рабочий фольклор. М.; Л., 1941.

Заблоцкий М.П. Неизданное сочинение князя Щербатова «Состояние России в разсуждении денег и хлеба, в начале 1788 г., при начале Турецкой войны» // Отечественные записки. 1859. Декабрь.

Заозерская Е.И. Ведомость 1727 г. «О состоянии промышленных предприятий» // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. 5.

Заозерская Е.И. К вопросу о развитии крупной промышленности в России в XVIII в. // Вопросы истории. 1947. № 12.

Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре Великом. М.; Л., 1947.

Заозерская Е.И. Приписные крестьяне и крепостные на частных железных заводах в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 12.

Заозерская Е.И. Список мануфактур, возникших при Петре I // Исторические записки. М., 1946. Т. 19.

Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI-XVII веков. М., 1970.

Зельцер В. К вопросу о рабочих первой половины XVIII в. // Историк-марксист. 1934. № 5.

Зеньковский С.А. Старообрядцы – технократы горного дела Урала // Записки Русской академической группы в США. 1976. Т. 10.

Злобина И.В., Пихоя Р.Г. Семья на Урале в XVIII – первой половине XIX в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: Проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.

Злотников М.Ф. К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России // История пролетариата СССР. 1930. Сб. 1.

Злотников М.Ф. К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности // Каторга и ссылка. 1935.

Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В. Указ. соч.

Зубков К.И. Пространственно-географический фактор российских модернизаций // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

Индустриальное наследие Урала. Екатеринбург, 1993.

Инструкция заводским приказчикам А.Н.Демидова (1732-1742 гг.). Публ. Н.И.Павленко // Исторический архив. 1962. № 5.

Иофа Л.Е. Города Урала. Экономическо-географическое исследование. М., 1951. Ч. 1.

Исторический опыт взаимодействия человека и окружающей среды на Урале: Сб. ст. Екатеринбург, 1997.

История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. Уфа, 1996.

История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. I.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке: Численность и этнический состав. М., 1990.

Казанцев Ю.И. Металлургические предприятия уральских заводчиков Демидовых в Сибири // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Калюжный В.И. Антифеодальное движение горнозаводских рабочих Урала в 50-60-х годах XVIII в. (1754-1771): Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1964.

Каптерев Л. Дубинщина: Очерк из истории восстания далматовских монастырских крестьян в XVIII в. Екатеринбург, 1924.

Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860-х годах. Новосибирск, 1963.

Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I.

Кашин В.Н. Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII – первой половины XIX в. М.; Л., 1935.

Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. I: Первобытная эпоха XVII и XVIII веков.

Керов В.В. Староверы в металлургической промышленности Урала в XVIII в. // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831. <М., 1977>.

Китайник М.Г. Рассказы рабочих дореволюционного Урала // Русское народное поэтическое творчество / Труды Института этнографии АН СССР. М., 1953. Новая серия. Т. XX.

Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

Ключевский В.О. Курс русской истории. <Любое издание>.

Ключевский В.О. Русский рубль XVI-XVIII вв. в его отношении к нынешнему: Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1884. Кн. 1. <То же // Сочинения. М., 1990. Т. VIII>.

Козлов А. Г. К вопросу о составе и численности рабочих кадров казенных предприятий Урала в середине XVIII в. // Ученые записки Уральского университета. Серия историческая. Вып. 9. Свердловск, 1969.

Козлов А. Г. Казенная горнозаводская промышленность Урала XVIII - начала XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Вып. 11.

Козлов А.Г. К вопросу о формировании, численности и составе рабочих кадров казенных заводов Урала на рубеже XVIII-XIX вв. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963.

Козлов А.Г. О продолжительности рабочего дня на казенных заводах Урала в XVIII – начале XIX вв. // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1963. Вып. 4.

Козлов А.Г. Приписные крестьяне на казенных заводах Урала // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961.

Козловский И.П. А.Виниус: Сотрудник Петра Великого: (1641-1717). СПб., 1911.

Колпакова Н.П. Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 81.

Колупанов Н. Хронологический перечень заводов Европейской России с обозначением их перехода к разным владельцам (1740-1806) // Горный журнал. 1871. № 6.

Коновалов Ю.В. Ницынский железоделательный завод и крестьяне рудного дела // Четвертые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002.

Копысова К.С. Уральские песни и предания / Литературная запись и обработка В.Н.Курбатовой. Свердловск, 1964.

Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 1998.

Корепанов Н.С. Память об экспедиции Я.Т.Хитрово на Урале в XVIII в. // Четвертые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002.

Корепанов Н.С. Территориальная модель модернизации (горнозаводской Урал в 20-30-е гг. XVIII в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: исторический опыт // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3.

Крестьяне на заводах: Урал и Западная Сибирь XVIII – первая половина XIX в.: Сб. ст. Екатеринбург, 1996.

Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959.

Кривоногов В.Я. Потомственные наемные рабочие в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 4.

Кругляшова В.П. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Круковский М.А. Южный Урал: Путевые очерки. М., 1909.

Крупина Т.В. «О принуждении партикулярных заводчиков к зделанию железа...» (60-е гг. XVIII в.) // Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.): Сборник исследований. Екатеринбург, 2001.

Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М., 1971.

Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России. М., 1961.

Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987.

Кузьмина М.П. Экономические воззрения В.Н.Татищева. Свердловск, 1966.

Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане: XVIII в. Уфа, 2000.

Кулишер И. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в исторической литературе // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1.

Кулишер И. Очерки истории русской промышленности. Пг., 1922.

Кулишер И.М. История русской торговли (до XIX в. включительно). Пг., 1923.

Курлаев Е.А. К истории основания первенца уральской металлургии – Невьянска // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сооб-

щений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Курлаев Е.А. Невьянское рудное железное дело или Ницынский завод? Взгляд на историю первого железоделательного предприятия // Берсовские чтения. Екатеринбург, 1994. [Вып.] II.

Курлаев Е.А. Открытие горы Магнитной в верховьях р. Чусовой // Четвертые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002.

Кучумов И.В. Адаптация этноса к изменившейся среде обитания: на примере русского горнозаводского населения Южного Урала // Этносы и природа: Проблемы этноэкологии. Уфа, 1999.

Кучумов И.В. Элементы духовной культуры в образе жизни и бытовом укладе русского горнозаводского населения Южного Урала XVIII-XIX вв. // Страницы истории Урала. Пермь, 1998. Вып.3.

Кучумов И.В., Нафиков Ш.В., Раемгужина З.М., Реуцкая Н.Н., Сахибгареева Л.Ф. Использование источников по истории Башкортостана в зарубежной историографии 1940-1980 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана. Уфа, 2001.

Лазарев А.И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972.

Лазарев А.И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

Лазарев А.И. Рабочий фольклор Урала: Об основных этапах становления и развития нового типа художественного мышления народа. Иркутск, 1988.

Лаппо-Данилевский А.С. Русские промышленные и торговые контакты в первой половине XVIII в. СПб., 1899.

Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. 1937. Т.1.

Лебедянская А. Архив Пушкарского приказа // Вопросы истории. 1946. № 1.

Лёвшин А.И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. СПб., 1832. Ч.2.

Лисенко Д.Д. Материалы для истории горного промысла в России // Горный журнал. 1883. Кн. IV.

Лисенко Д.Д. Мысли Василия Никитича Татищева о развитии горнозаводской промышленности в 1735-1738 гг. // Русская старина. 1879. Т. XXIV.

Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. I.

Лозанова А. Н. Поэтическое творчество «работных людей» крепостной эпохи // Русское народное поэтическое творчество. Т. II. Кн. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII – первой половины XIX века. М.; Л., 1955.

Лозанова А.Н. Фабрично-заводские песни крепостной России // Литературная учеба. 1938. №№ 7-8.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. Третьим тиснением. СПб., 1803-1804. Ч. 1-6.

Лотарева Р.М. Города-заводы России: XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

Любомиров П.Г. Крепостная Россия XVII – XVIII вв. // Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1938. Т. 36. Ч. III.

Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.). М., 1937.

Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века. [М.], 1947.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1947. Т.I: Докапиталистические формации.

Малеева Л.П. Нижне-Тагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала. Екатеринбург, 1993.

Мальцева Е.С. Развитие технико-технологических систем в промышленности России и Урала в XVIII – начала XIX вв. (на примере чёрной металлургии) // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург: Исторический очерк // Седой Урал. М., 1983.

Манькова И.Л. У истоков российской модернизации // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.

Мартинов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Исторические записки. М., 1967. Т.80.

Мартинов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков: 1712-1777. М., 1991.

Материалы к биографии В.Н.Татищева. Свердловск, 1964.

Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949-1960. Т. III-V.

Менделеев Д.И. Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900.

Металлургические заводы и крестьянство: Сб. ст. Екатеринбург, 1992.

Металлургические заводы Урала XVII-XX вв.: Энциклопедия /Гл. ред. В.В.Алексеев. Екатеринбург, 2001.

Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1898. Ч.1. <и др. издания>.

Миненко Н.А. Организация управления и самоуправления приписными крестьянами Урала и Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3.

Миненко Н.А. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII-XIX вв. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2.

Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVII-XIX веках. Челябинск, 1997.

Миронов Б.Н. Революция цен в России XVIII в. // Вопросы истории. 1971. № 1.

Миронов Б.Н. Трудовая этика как фактор экономического развития дореволюционной России // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985.

Михнюкевич В.А. К вопросу о рабочем сказе // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск, 1986.

На стыке континентов и судеб: Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Екатеринбург, 1996. Ч.1.

Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время Свердловск, 1964.

Народное творчество Южного Урала. Челябинск, 1948. Вып.1.

Неклюдов Е.Г. К вопросу об особенностях эволюции феодальных отношений в горнозаводской промышленности Урала в XVIII – первой половине XIX в. // Урал на

пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000.

Нефедов С.А. Урал и геополитика XVIII в. // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000.

Нечаев В.Н. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия. М., 1944.

Нечаев Н.В. Горнозаводские школы Урала. М., 1956.

Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. М., 1959. Вып. 8.

Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России = Experience in study and use of the sites of Russian industrial culture: Сб.докл. Екатеринбург, 1995.

Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. М., 1979.

Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х гг. XIX в.: Горное дело. Metallургия. Энергетика. Машиностроение. М., 1978.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т.1. Ч.1.

Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводладельцы. М., 1962.

Павленко Н.И. К вопросу о причинах волнений приписных крестьян в 50-60-х годах XVIII в. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.

Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: Промышленная политика и управление. М., 1953.

Павлов М. Предисловие // Геннин В. Указ. соч.

Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.

Пажитнов К. Заработная плата в горнозаводской промышленности при крепостном праве // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 3.

Пажитнов К. К вопросу о рабочем дне при крепостном праве // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 3.

Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. Л., 1924. Т.1.

Пажитнов К. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве: (Историческая справка) // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 2.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1768. Ч.2. Кн.1.

Панкратова А.М. Формирование пролетариата в России (XVII-XVIII вв.) М., 1963.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1951. Т.8. Вып.2.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т.9. Вып.2.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т.10: Январь – декабрь 1710 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т.11. Вып.2: Июль – декабрь 1711 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1975. Т.12. Вып.1: Январь – июнь 1712 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1977. Т.12. Вып.2: Июль – декабрь 1712 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1992. Т.13. Вып.1: Январь – июнь 1713 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т.7. Вып.2.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т.8. Вып.1: Июль – декабрь 1708 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т.9. Вып.1: Январь – декабрь 1709 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1962. Т.11. Вып.1: Январь – 12 июня 1711 г.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., [Б. г.]. Т.7. Вып.1: Январь – июнь 1708.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.1: 1688 – 1701.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т.2: 1702 – 1703.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т.3: 1704 – 1705.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т.4: 1706.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т.5: Январь – июнь 1707. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т.6: Июль – декабрь 1707.

Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII вв.). Свердловск, 1987.

Побережников И.В. Индустриализация и развитие // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

Полетика И., Блинов М. История основания русских горных заводов // Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г. Спб., 1862.

Полищук Н.С. Место и роль фольклора в духовной культуре промышленных рабочих // Фольклор Урала: Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск, 1986.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. по 12 декабря 1828 г. Т. I-XXV. СПб., 1830.

Полосин И. Промышленная статистика и политика 18 века // Архив истории труда в России. Пг., 1924. Кн. 11-12.

Попов Н.С. В.Н.Татищев и его время. (Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия). М., 1861.

Попов Р.С. Горнозаводской Урал // Отечественные записки. 1874. Т.36. № 2.

Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

Предания и легенды Урала. Свердловск, 1991.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII в. и первой половине XVIII в. М., 1956.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.

Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. Свердловск, 1990.

Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1821-1822. Т.III. Ч.II; Т.IV. Ч.III.

- Пруссак А.В. Заводы Ижевский, Воскресенский и Авзяно Петровский, работавшие на Пугачева // Исторические записки. 1940. № 8.
- Пушкин А.С. Капитанская дочка. <Любое издание>.
- Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв. М., 1988.
- Рашин А.Г. Формирование промышленного пролетариата в России. 1940.
- Редин Д.А. Власть, заводоуправляющие, рабочие: проблема взаимоотношений во второй половине XVIII в. (на примере частной уральской металлургии): Автореферат дисс. ...канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.
- Ремезов Н.В. Заводские люди и их земли // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.
- Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885.
- Рожков Н. Очерк истории труда в России // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 5; 1923. Кн. 6-7.
- Роспись сорока книгам архива князя Воронцова: С азбучным указателем. М., 1897.
- Рубинштейн Н.Л. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. // Ученые записки МГУ. 1946. Т.87.
- Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М.; Л., 1947 <и изд. 1962>. Ч. I.
- Русские народные сказы Урала / Записи, составление, примечания К.В.Власовой. Свердловск, 1959.
- Русский биографический словарь.
- Рычков П.И. История Оренбургская. Уфа, 2001.
- Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. <То же. Уфа, 1999>.
- Савич А.А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVII-XX вв. М., 1931.
- Савич А.А. Прошлое Урала. Пермь, 1925.
- Сапоговская Л.В. Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5-6.
- Сафронова А.М. В.Н.Татищев и горнозаводские школы Урала (1730-е г.). // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1995. № 2.
- Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1871. Т.VII: Бумаги императрицы Екатерины II. Т.I.
- Свистунов В.М. Краткая история Азаш-Уфимского завода (1759-1775) // Урал на пороге третьего тысячелетия: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 14-15 декабря 2000 г. Екатеринбург, 2000.
- Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. // Русская мысль. 1900. № 1.
- Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне на Урале в 1760-1764 гг. // Вестник Европы. 1877. Кн. 1.
- Семевский В.И. Казенные крестьяне при Екатерине II (Половники) // Русская старина. 1879. Т.24.
- Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т.I.
- Семенов П.П. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5: Урал и Приуралье.

Сербина К.Н. Крестьянская железоделательная промышленность Центральной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1978.

Сергеева Н.П. Крестьяне и работные люди заводов Урала в Крестьянской войне 1773-1775 гг. // Труды Ленинградского библиотечного института им. Н.К.Крупской. Л., 1957. Ч. II.

Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936.

Сидоров В.В. Исследователи башкирского края: Век XVIII. Уфа, 1997.

Скальковский К.А. Колебание цен на русское железо в XVIII и XIX ст. // Горный журнал. 1865. № 8.

Смирнов С.С. Приписные крестьяне на горных заводах Урала. Челябинск, 1994.

Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М., 1938.

Соколов Ю.М. Фольклор фабрично-заводских рабочих: Статьи и материалы. Смоленск, 1934.

Соловьев М.Е. Начало горного промысла на Урале // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1890.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. <Любое издание>.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. <М., 1984; Сочинения. >.

Сомов В.И. Промышленная политика Петра Великого: основные принципы // Ученые записки Московского государственного университета. Политическая экономия. М., 1947. Т.123.

Спаский Г.И. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833.

Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т.1.

Струмилин С.Г. Оплата труда в России // Плановое хозяйство. 1930. № 4, 8.

Струмилин С.Г. Черная металлургия России и СССР: Технический прогресс за 300 лет. М.; Л., 1935.

Струмилин С.Г. Экономическая природа первых русских мануфактур. // Вопросы истории. 1948. № 6.

Тайные сказы рабочих Урала / Составила Е.М.Блинова. М., 1941.

Тарасов Ю.Н. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

Татищев В.Н. Заводской устав // Горный журнал. 1831. Ч.1, Кн. 1-3, 5-8; Ч.3. Кн. 9; Ч.4. Кн.10.

Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990.

Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1768-1784. Кн.1-4. <История Российская. Л., 1962-1968; Сочинения. М., 1994-19. Т.1->.

Томсинский С.М. Новые материалы об эксплуатации детского труда на заводах Урала в XVIII в. // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1970.

Томсинский С.М. Урал в русской публицистике первых десятилетий XVIII века. Пермь, 1959.

Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. 1791. Ч.XI.

Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII-XIX вв. Екатеринбург, 1995.

Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. СПб., 1898. Т.1: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. <То же. М., 1938; М., 1997>.

- Тхоржевский С. Социальный состав пугачевщины // Труд в России. Л., 1925. Кн. 1.
- Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
- Устьянцев С.В. Английский технологический опыт и уральские горные заводы XIX века. Екатеринбург, 1992.
- Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. 1947. Т.24.
- Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.; Л., 1950.
- Устюгов Н.В. В институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1946. №№ 8-9.
- Ушаков И.Ф. Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне // История СССР. 1960. № 6.
- Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные кампании в первую половину XVIII столетия. Казань, 1896.
- Флоринский В.М. Башкирия и башкиры: Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т.6.
- Фольклор на родине Д.Н.Мамина-Сибиряка / Составитель, автор статьи и примечаний В.П.Кругляшова. Свердловск, 1967.
- Цаголов М. Некоторые вопросы кризиса крепостного хозяйства в России // Известия Академии наук СССР. Серия экономики и права. 1946. № 1.
- Черкасова А.С. История одного конфликта: Из переписки В.Н.Татищева с Никитой и Акинфием Демидовыми // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. Вып. 1.
- Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.
- Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVIII-XIX вв. Свердловск, 1988.
- Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е.Н. Каргалы: Забытый мир. М., 1997.
- Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.
- Чупин Н.К. Василий Никитич Татищев и первое его управление горными заводами // Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. I.
- Чупин Н.К. Город-крепость // Уральский современник. Свердловск, 1937. Кн.2.
- Чупин Н.К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. 1873. № 2.
- Чупин Н.К. Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии: (Эпизод из финансовой истории России) // Горный журнал. 1861. № 4.
- Шакинко И.М. Василий Татищев. Свердловск, 1986.
- Шакинко И.М. Демидовы: Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000.
- Шанский Д.Н. Французская историография феодальной России. М., 1991.
- Шкерин В.А. Государственное управление уральским горнозаводским регионом в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3.
- Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – XVIII века. М.; Л., 1946.
- Юркин И.Н. Демидовы. М., 2001.
- Юркин И.Н. Металлургическая Тула и Урал в XVIII веке: преемственность или обмен? // Развитие металлургического производства на Урале: Сборник докладов и со-

общений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001.

Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

Юхт А.И. Екатеринбургский монетный двор в XVIII веке // Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.): Сборник исследований. Екатеринбург, 2001.

Ястребов Е.В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

Яцунский В.К. География рынка железа в дореформенной России // Вопросы географии. М., 1960.

Ashton T. The Industrial Revolution, 1760-1830. London, 1948.

Atlas Russicus. St. Petersburg, 1745.

Bertrand G. Les Origines de la grande industrie métallurgique en France. Paris, 1947.

Blanc S. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIII-e siècle V.N. Tatischev (1686-1750). Lille, 1972.

Daniels R. V.N.Tatishchev: Guardian of the Petrine revolution. Philadelphia, 1973.

Fuhrmann J.T. The Origins of Capitalism in Russia: Industry and Progress in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago, 1972.

George P. U.R.S.S., Haute-Asie. Paris, 1947.

Gittermann V. Geschichte Russlands. Zürich, 1945. Bd. II.

Grau C. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N.Tatischev, 1686-1750. Berlin, 1963.

Hermann B.F. Versuch eine mineralogischen Beschreibung des uralischen Erzgebirges. Berlin; Stettin, 1789.

Hudson J. H.D. The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the 18th Century. Newtonville, 1986.

Hudud al-'Alam (The regions of the world: a Persian geography 372 B.C.-982 A.D.) / Translated and Explained by V.Minorsky. London, 1937.

Iron-Making Societies: Early Industrial Development in Sweden and Russia, 1600-1900. Oxford, 1998.

Jorré G. L'U.R.S.S: La terre et les hommes. Paris, 1946.

Parquin D. Souvenirs et campagnes d'un vieux soldat de l'empire (1803-1814). 2 éd. Paris [etc.], 1892.

Portal R. Pugačev: une révolution manquée // Etudes d'histoire moderne et contemporaine. Paris, 1947. T.I.

Storch H. Tableau historique et statistique de l'Empire de Russie à la fin du XVIII siècle. Paris, 1800. Vol. II.

Tunner P.R. von. Russlands Montan-Industrie, insbesondere dessen Eisenwaren. Beleuchtet nach der Industrie-Ausstellung zu St. Petersburg und einer Bereisung der vorzüglichsten Hüttenwerke des Urals im Jahre 1870. Leipzig, 1871.

Verstraete M. L'Oural. Paris, 1899.

ADDENDA

Труд Р.Порталя, написанный в 1940-е гг., подвел итог западной историографии истории горнозаводской промышленности Урала и в то же время стимулировал новые исследования. Издатели русского перевода «Урала в XVIII веке» сочли целесообразным поместить в качестве дополнения к книге Р.Порталя две работы, тесно связанные с ней по тематике. Первая принадлежит коллеге французского ученого, выдающемуся русскому юристу-эмигранту Б.Э.Нольде (1876-1948) и является фрагментами его фундаментальной монографии «La formation de l'empire Russe» («Образование Русской империи») (Paris, 1952. Т. I. Р. 236-273; перевод с французского Л.Ф.Сахибгареевой). Она позволит читателю получить представление о степени ее влияния на труд Р.Порталя. Вторая работа – статья современных американских историков, на новом материале разрабатывающих проблемы, рассмотренные Р.Порталем. Ее авторизованный перевод с английского выполнен И.В.Кучумовым по источнику: Hugh D. Hudson, Jr., Bruce J. DeHart, David M. Griffiths. Proletarians by Fiat: The Compulsory Ural Metallurgical Work Force, 1630-1861 // International Labor and Working-Class History. 1995. № 48. Р.94-111.

Борис НОЛЬДЕ ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ ИМПЕРИИ

ТОМ I Глава VI Усмирение Башкирии

Первое появление русских в Башкирии. Русские впервые появились в Башкирии в 1585 г., в момент основания Уфы. В течение долгого времени они были представлены в Башкирском крае небольшой административной и военной группами. Возглавлял их воевода, находившийся в Уфе. Обычно это был стольник – достаточно скромная должность в бюрократической иерархии, соответствующая полковнику. У него не было заместителя («товарища»), как в более крупных городах, таких, как Казань или Свияжск. Иногда дьяк (духовное лицо), но обычно подьячие (помощники дьяка) помогали воеводе в ведении дел. Воевода, дьяки и подьячие жили в Уфе. В их резиденцию (сезжая изба, сезжий двор, приказная изба) подданные представляли свои челобитные и там же хранились архивы¹.

Административно Уфа подчинялась Приказу Казанского дворца, который осуществлял свою власть либо через Казань, либо напрямую². Поэтому российская политика в Башкирии в основном использовала методы, уже апробированные на казанской территории.

Воевода командовал крайне малочисленным тогда уфимским военным гарнизоном. Первые упоминания о главе местной власти восходят к 1625-1630 гг. При воеводах Волынском, Чичерине и Елабужском насчитывалось 31-36 детей боярских, 218-219 стрельцов, 4 пушкаря, 11 переводчиков³. Они контролировали весь обширный башкир-

¹ См. следующие сборники документов: Вельяминов-Зернов В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. СПб., 1864; Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1903. В этих источниках описан административный аппарат Уфимской провинции начиная с 1615 г. Отдельные сведения имеются в большом сборнике документов Московского государства: Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С.263 и сл.

² См. наказ воеводе Сомову (1664 г.): «...велеть подать в приказе казанского дворца боярину князю Юрею Алексеевичу Долгорукову... счетные списки всяким государевым денежным доходам и хлебу...» (Новиков В.А. Указ. соч. С.190). Ср. указы от 18 января 1678 г. (Там же. С.186 и сл.) и от 19 ноября 1680 г. (Полное собрание законов Российской империи. Т. II. № 844). По указу Петра Великого об образовании губерний Уфа вошла в состав Казанской губернии и находилась в ее составе до 1728 г.

³ Новиков В.А. Указ. соч. С.9; Витевский (Витевский В. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т.II. С.374) не соглашается с приведенными Новиковым

ский край. В 1635-1636 гг. уфимский гарнизон пополнили 200 пеших стрельцов, 100 конных и 48 детей боярских⁴. Мензелинский и бирский гарнизоны также были малочисленными. Первый состоял из «козаков» – полусолдат-полуземлепашцев. К 1655 г. он увеличился за счет перевода из Смоленска группы мелких дворян (шляхтичей), которые гордились тем, что при польских королях были «панцирными боярами под черным знаменем»⁵. Бирск защищал небольшой отряд стрельцов.

Дети боярские и воинские командиры были первыми русскими переселенцами в Башкирии. За свою службу они получали земельные поместья в на расстоянии 10-35 километров от Уфы. Вначале число этих поместий было очень ограниченным; колонизация имела достаточно скромные размеры, поскольку, несмотря на обширные массивы «диких полей» вокруг Уфы, поместья, которые получали служилые люди, были невелики. Конечно, они могли бы претендовать на гораздо более обширные участки, но как и в Казани, отсутствие рабочих рук для их обработки делало это невозможным. Например, Куровский получил в 1644 г. 50 чет на поле, т.е. около 80 га, хотя по закону мог взять 456 чет. Поместья редко превосходили 30 чет на поле, т.е. 45 десятин (приблизительно 50 га). И если несколько семей детей боярских получили более значительные земельные пожалования (как, например, Фирс Аничков в первой половине XVII в. – 80 чет, или около 130 га, Иван Каловский в 1613 г. – 236 чет), то очень вероятно, эти семьи были настолько большими, что могли содержать такие владения. Заметим, что часто поместья были настолько маленькими, что дети боярские за свою службу еще получали доплату серебром или зерном⁶. В течение долгого времени кроме этой небольшой группы населения в Башкирии не было других переселенцев.

Крестьян здесь тоже не было. К концу XVII в. правительство в целях обеспечения поместий детей боярских рабочей силой было вынуждено уступить им дворцовых крестьян из расчета 3 семьи (двора) на поместье, имеющее менее 3 семей крепостных⁷. Стихийное переселение крестьян из центра России на земли бывшего Казанского ханства и через Пермь в Западную Сибирь обходило стороной Башкирию. Этот край еще был почти неизвестен и слишком слабо заселен.

Московское правительство в то время не только не поддерживало крестьянскую колонизацию Башкирии, но и категорически ей противилось. Оно предвидело, что переселение сюда русских крестьян неизбежно столкнет их с башкирами; правительство пыталось избежать конфликтов и сохранить мирные отношения с местными племенами. В 1663 г. Москва запретила башкирам уступать свои земли российским подданным. Инструкции уфимскому воеводе Сомову требовали учинить крепкий запрет башкирам всех дорог и волостей: «чтоб они вотчин своих и бортных... и никаких угодий русским людям и черемиса и чуваше... и татаром не продавали и в оброк не отдавали для того, чтоб оттово меж ими ссор больших не было и владели бы башкиры своими вотчинами, а будет что башкирцам доведетца отдать в оброк и им отдавать своей братье башкирцам на год и на два, а больше дву годов не отдавать, а русским людям никому отнюдь не отдавать, да бу-

данными о численности служилых людей в 1625-1630 гг., считая, что в этот период Москва направила в Уфу 1677 чел. Но это неверное утверждение: число служилых оставалось в то время неизменным.

⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С.10 и сл.

⁵ См. доклады отставных унтер-офицеров и солдат из Мензелинска, смоленских шляхтичей, обосновавшихся в том же городе, и отставных унтер-офицеров и солдат из Бирска в Уложенную комиссию 1767 г.: Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1903. Т.115. С.217; СПб., 1894. Т.93. С.12 и сл. Поименный список шляхтичей из Мензелинска, составленный в 1681 г., см.: Новиков В.А. Указ. соч. С.201. О плате шляхтичам за службу в 1729 г. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. № 5445.

⁶ Новиков В.А. Указ. соч. С.193 и сл. Юридическая природа земельной концессии в виде поместья была, конечно, та же, что и в самой России: оно передавалось по наследству за службу.

⁷ Там же. С.26 и сл.

дет русских людей закладная или иные какие крепости и будут те им крепости не в крепости, а деньги их пропадут даром»⁸.

Эти распоряжения впоследствии многократно подтверждались русским правительством. В 1678 г. башкиры-табынцы пожаловались в Москву, что их исконная собственность, включавшая солончаки, была занята двумя русскими, Ивашкой Первишиным и его братом, а затем уступлена ими некоему Федору Ключину. Москва немедленно отреагировала, дав уфимскому воеводе Венедикту Хитрово следующее распоряжение: «И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, а буде та вотчина изстари башкирская, а завладели тою вотчиною русские люди и продали, а по грамоте отца нашего государева блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, вesa Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, руским людем их башкирскими вотчинами владеть невелено и отказано и ты б о том учинил против прежнего нашего великого государя указу руским людем башкирскими вотчинами владеть не велел и ясак... Башкирцов имать по нашему великого государя указу, а от насилства от русских людей их, башкирцов, оберегать, чтоб им ни от кого от русских людей напрасных продаж и убытков не было ни которыми делы»⁹.

Запрет русским приобретать башкирские земли был еще раз подтвержден в грамотах, данных воеводе Дмитрию Головину в 1695 и 1696 гг.¹⁰

В отличие от казанских территорий Дворец и духовенство долгое время не играли никакой роли в колонизации Башкирии. Правда, с XVII в. существовало несколько владений Дворца рядом с Уфой, но они были не столь значительными, чтобы можно было говорить о какой-то колонизации¹¹. Что касается духовенства, то в Уфе до начала XIX в. не было даже епископа; несколько церквей и монастырей, основанных русскими, также не играют в то время большой роли в колонизации края¹².

Войска, расквартированные в Уфе – пешие и конные стрельцы (последних часто называли «козаками»), также не были субъектами колонизации. Они получали жалованье за счет государства и пользовались лугами и рыбными ловлями в окрестностях, однако обычно часто меняли место службы и не оставались в крае навсегда. Если некоторые из них и поселялись здесь после отставки, то жили в Уфе, превращаясь в обывателей. Отставные солдаты встречаются среди уфимских избирателей в Уложенную комиссию в 1767 г. Они не отличались от остальных жителей города¹³.

Для того, чтобы получить поместье в равнинной части Уфы, воин должен был стать офицером. Источник, датированный 1647 г., объясняет, как простой стрелец смог стать уфимским помещиком. Этот документ достаточно длинный, но заслуживает того, чтобы его воспроизвести целиком, ибо он полон живописных исторических деталей: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всей России на Уфу воеводе нашему Федору Андреевичу Алябьеву бил нам челом уфимский стрелец Артюшка Акатов сын Щиголев, а сказал прежде сего при прежних государях и при отце нашем блаженные памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всей России служили родители ево и он, Артюшка, служил нашу службу по ливнам в детях боярских, а в московское разорение был он под Москвою и после де московского разорения был он на нашей службе под новым городом в Бронницах с боярином со князем Дмитрием Тимофеевичем

⁸ Там же. С.32.

⁹ Дополнения к актам историческим. СПб., 1875. Т. IX. №31.

¹⁰ Лебедев В. Башкирское восстание 1705-1711 гг. // Исторические записки. М., 1937. Т. I. С.89.

¹¹ Новиков В.А. Указ. соч. С.24, 26, 29; Дополнения к актам историческим. Т. IX. № 24 (село Каракулино, упомянутое в 1677 г.).

¹² Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. С.374 и сл. Успенский монастырь в Уфе в 1681 г. владел 132 крестьянскими хозяйствами (дворами): Полное собрание законов Российской империи. Т.II. № 898. Но он был единственным мужским монастырем в провинции. Имелся также и женский монастырь, где 27 монахинь получали государственные пособия, а остальные жили на подаяния.

¹³ Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1915. Т.147. С.195 и сл., 199 и сл.

Трубецким с товарищи, а после де того был он на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского с таварищи ходили... и под Орлом у них... и людьми был бой и на том бою нам служил и литовские люди его ранили и взят в полон и в полону он живот мучил пол третья годы и из полону де из Литвы он вышел на наше имя из бедности стал в конные стрельцы и служил нам на Уфе в конных стрельцах двадцать восемь лет и как де приходили на Уфу Ардет Такида с калмыцкими людьми биться и как де приходили калмыцкие царевичи Абла да Тявка со многими калмыцкими людьми под город Уфу и воевода де наш Микита Вельяминов против тех царевичей высылал из города ратных людей и он де, Артюшка, с калмыцкими людьми бился и нам служил и Божию милостию и нашим счастием тех двух царевичев Тявку и Аблу взяли с их людьми, а иных многих калмыцких людей и побили и ево, Артюшку, на том бою ранили в правую руку из лука в дву местах да в спину и он де на том бою убил дву мужиков и после де того приходили по Уфу калмыцкие ж люди и воевода де Иван Салтыков против тех калмыцких людей и их служилых высылал на бой и он де, Артюшка, с калмыцкими людьми бился и убил мужика, да он де, Артюшка, был на нашей службе с воеводою со Львом Плещеевым сам третей с детьми в передовом полку у Андрея Плещеева с башкирцы и Божию милостию, а нашим счастием калмыцких людей побили и ево де, Артюшку, на том де бою ранили из лука, пробили грудь ка правому плечу и он, Артюшка, убил мужика да на том же де бою убили ево большева сына до смерти и нам бы пожаловать ево, Артюшку, за те ево к нам многия службы и за кровь и за раны и за кровную смерть сына ево велеть бы ево, Артюшку, поверстать в дети боярския на убылое место уфинца Семена Гладышева по городу Уфе и нашим денежным жа.: ваньем и поместным окладам кому он службою и отечеством в версту поверстать и мы пожаловали того стрельца Артюшку Щиголева к нам многия службы и по родству, что родители ево служат нашу службу по ливнам в детях боярских, велели ему нашу службу служить по Уфе в детях боярских на убылое место Семена Гладышева, а нашего жалования учинен ему оклад по верстанью боярина нашего князя Алексея Никитича Трубецкаго да дьяков наших Пятова, Спиридонова да Томила Перфильева поместнаго 150 четей денег с городом 6 руб. и как к тебе ся грамота придет, а Семена буде Гладышева не стало и на ево место по нашей грамате ни кому служить по Уфе не ведено и ты б ево в десятню и в служилой список веле написать на Семенова место Гладышева по ево, Артюшкину, поместному и денежному окладу и наше жалованье на Уфе... уфимским детям боярским велел ему нашу службу служить уфинцы с детьми боярскими и вместе. Писан на Москве лета 7155 (1646) года декабря в 20 день»¹⁴.

Итак, долгое время дети боярские были единственными колонистами в Башкирии. Но даже если не обращать внимание на их малочисленность, они все равно не могли обеспечить настоящее российское проникновение в этот край, т.к. чисто военные задачи, стоящие перед войсками, были чрезвычайно трудными и охватывали широкий круг проблем. Ярким свидетельством тому как раз и является послужной список Артюшки Щиголева.

Приведем еще два подобных документа. Первый посвящен защите Уфы в 1635 г. от пришедших из Азии калмыков, второй – подавлению башкирского восстания в 1668 г.

Первый источник сообщает: «Лета 7143 (1635) года июня в 20 день по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всея России указу память Федору Ивановичу Коловскому да с ним уфинцом детям боярским и конным стрельцом ехати им по Сибирской дороге в Кушинскую и в Балыкатайскую и в Челзоутскую и в Каратабынскую и в Айскую волости за Урал гору и приехав им в те волости велети выслать башкирцев по сю сторону Урала горы кочевати в крепкие места, а самим им, Федору, собрався тое сибирския дороги с башкирцы с ратными людьми стояти в крепких местах остро-рожливо и от себя им, Федору, посылати в подезжие станицы детей боярских и стрельцов и башкирцев по сколько человек пригоже смотря по тамошнему делу проведывать про сибирских

¹⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С.221 и сл.

царевичов, про Аблая з братьею с калмыцкими воинскими дей потому, что приходили те сибирские царевичи с калмыцкими воинскими людьми в башкирские волости войною не большими людьми и повоевав башкирские волости и назад пошли, а говорили де оне назад пошедши так как де сарана поспеет копать и они де, сибирские царевича Аблай з братью и с калмыцкими воинскими людьми хотели быть в то время в Уфимской уезд с башкирские волости войною и буде станичники в одежей станице пометят тех сибирских царевичей Аблу с братьею с калмыцкими воинскими людьми и ему, Федору, с вестями отписати тот час на Уфу, в город к воеводе Миките Дмитриевичу Вельяминову да к подьячему Па-хому Лучникову и самим ему, Федору, с ратными людьми прося у Бога милости над теми сибирскими царевичи и над калмыцкими воинскими людьми рассмотреть по людям поиск чинить сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб калмыцких людей побить и себя б и работных людей от них уберечь и уфимский уезд башкирские волости повоевать не дать...»¹⁵.

Военные действия в юго-западной части Башкирии, о которых идет речь во втором документе, были еще более серьезны: «176 (1668) марта в 26 день по государеву цареву и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу стольник и воевода Петр Тимофеевич Кондырев, да диак Иван Родионов велели голове уфинцу Миките Фирсову Аничкову итить с ратными людьми на Яик и не доходя казачьяго городка, с котораго места податнее по совету с головою с Иваном Черниковым-Анучиным большим и со всеми головами вопче которые в том походе послать к ним казаков с вестью, чтоб они, казаки, к вам головами шли щ указное место на сход вскоре и с ними, казаками, провести подлинно итить на Чучалея царевича и на изменников башкирцев для поиску, чтоб их, башкирцев, однолично от измены обратить и учинить под государскую самодержавною высокою рукою в вечном холопстве по прежнему, а которые от измены не обращаются, чтоб их до конца разорить, а буде яицкие козаки к вам, головам, за чим не пойдут, а про Чучалея царевича и про изменников башкирцев будет ведомость, что они кочуют не в дальних местах и небольшими людьми и итить на них мочно и над ними за помощью Божиею потому ж поиск всякой чинить и на станех ставитца вопче и быть в том походе во всяком ратном деле в совете, а бесовства никакова меж собою не делать, чтоб государеву делу поруки никакой не учинить и людей бы ево государевых соблюсти в целости»¹⁶.

Эти два документа свидетельствуют, что уфимский гарнизон был малочисленным, и Москва, чтобы не тратить на него больших денежных средств, одаряла служилых людей землей по соседству.

Постепенное подчинение башкир. Чиновники и войска, которых Москва начала посылать в Башкирию с конца XVI в., оказались окружены, с одной стороны, коренным населением, рассеянным на огромной территории, а с другой – Уральскими горами. Как я отмечал выше, коренное население не было объединено политически. Для русских это было и на руку – не требовалось крупномасштабной военной операции, которую Москве пришлось осуществлять против Казани и Сибирского ханства, и, одновременно, проблемой – установление российского господства над новыми территориями потребовало передачи властных полномочий на места; этот процесс был долгим и не раз сопровождался конфликтами.

Что касается башкир, то они состояли из многочисленных и независимых друг от друга племен. Хотя они очень часто перекочевывали с места на место, русские называли их «волость» («община»). Племена в свою очередь делились на тюбы. Лишь в 1734-1735 гг. по инициативе одного из самых выдающихся царских наместников Башкирии Кирилова российская администрация смогла составить полный список племен и тюб.

¹⁵ Там же. С.193 и сл.

¹⁶ Там же. С.196 и сл. Ср. порядок службы Семена Павлова в документе от 20 сентября 1677 года: Дополнения к актам историческим. Т. IX. № ПО.

Согласно этому списку, край подразделялся на четыре дороги, которые, вероятно, выделялись по чисто географическому принципу. Дорога состояла из племен («волостей»), а каждая волость – из множества тюбов или аймаков. Например, племя кыпчаков, о котором я еще буду говорить, разделялось на 6 тюбов: бушман, суун-кыпчаки, чанкин, сары-кыпчаки, кары-кыпчаки¹⁷. Башкиры еще в XVI-XVII вв. являлись кочевниками. Земледелие было у них крайне редким явлением. Они разводили скот, занимались охотой и бортничеством в девственных лесах и постоянно кочевали¹⁸. Документ, извлеченный из уфимских архивов и датированный 21 августа 1649 г., сообщает о подвижности башкирских племен следующее: «Августа 21 дня прислано от великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца на Уфу в приказную избу стольнику и воеводе Льву Афанасьевичу Плещееву грамота, а в грамоте писано: пришли четыре человека от башкирцев, а именно: Титегач, Азнан-Ильчик, Темир и Кармыш, и пришедший себя объявили и рабством своим приложились, что нас триста домов и просили: оставшиися от перешедших нагаевских башкирцев земли, по обе стороны Белой реки, верхнее урочище – от устья Негуш реки, а нижнее урочище – Кугульковой горе к Белой реке текущими мелкими речками и врашками и степями с лесными угодьями и горами, за которой платить им в казну сто куниц и потому царь и великий князь Алексей Михайлович Титегач бы, Азная, Ильчим-Темира, Кармыша с триста домами за приключение рабством своим всех их пожаловал нагайскими землями и чтоб платить ежегодно сто куниц, а Титегача пожаловал мурзою чином, Азная пожаловал старостой и пожаловал их кармазинным кафтаном»¹⁹.

Таким образом, целое племя во главе со своими вождями меняло место проживания, сохраняя при этом единство.

В этой малознакомой для них стране русские продвигались медленно и осторожно. Опыт Казани и Урала подсказывал им, как надо здесь действовать: обязательно вводить ясак и сотрудничать с отдельными туземцами. В нашем распоряжении имеются лишь фрагментарные свидетельства о постепенном обложении башкир ясаком. В 1629-1633 гг., примерно через полвека после основания Уфы, только 888 семей («дворов») платили ясак. В 1635-1636 гг. их было уже 2217. В 1739 г. перепись, проведенная князем Урусовым, показала 7192 двора и 19266 душ, платящих ясак. Вероятно, на первых порах русские обложили ясаком те племена, что жили рядом с их административными центрами.

¹⁷ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1759. С.120 и сл. Ср. очень интересные карты, составленные в 1755 г. Красильниковым и переизданные в XIX в.: Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и «Топографии» П.И.Рычкова 1755 года. Оренбург, 1880. Во время ревизии населения Уфимской провинции русские власти уравнивали тюбы, зарегистрированные Кириловым, с башкирскими дачами, которые являются чисто территориальным образованием. Ср. наблюдения С.И.Руденко над терминами «тюба» и «башкирская дача»: Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Пгр., 1916. Т.1. С.31 и сл.

¹⁸ Паллас, посетивший Уфимскую провинцию в 1770 г., писал: «Хлеба сеют мало. При великих конских табунах и пчелиных ульях, богатство им доставляющих, почти нельзя думать, чтобы из них когда-нибудь сделались пахотные люди. Притом хлеб у них не употребляется повседневно» (Паллас П.С. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 и 1796 году. СПб., 1773. С.650 и сл.). Другой академик, Лепехин, также констатировал в 1770 г.: «Хотя башкирцы по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, однако по соседству с рускими и с ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество и всякий старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно» (Продолжение путешествия академика Лепехина. Ч.3 // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук по предложению ея президента. СПб., 1822. Т.4. С.27-281). Действительно, документы XVII – первой половины XVIII в. содержат мало признаков существования культуры земледелия у башкир и вполне вероятно, что во времена Палласа и Лепехина земледельческое хозяйство в Башкирии только зарождалось. Я не знаю, на чем основывается автор статьи «Башкиры» в Уральской Советской Энциклопедии (Свердловск, 1933. Т.1. С.277-287), когда пишет, что западные башкиры уже были земледельцами к моменту прихода русских в конце XVI в.

¹⁹ Новиков В.А. Указ. соч. С.184.

ми. Как известно, этих центров вначале было мало, но затем они подчинили себе и более отдаленные племена²⁰. В отличие от Казани, в Башкирии и Западной Сибири Москва взимала ясак не деньгами, а мехом. Видимо, в то время башкиры еще не знали денежного обращения. Как собирался ясак, говорит документ первой половины XVII в., в котором Москва инструктировала верхотурского воеводу Данилу Милославского: «...В прошлом же во 141-м (1633) году писано к вам в нашей грамоте по челобитью Верхотурского уезду, Уфинские волости и башкирских ясачных людей сотника Ишинбайка Кулушева с товарищи, а велено к тем ясачным башкирцам посылати с Верхотурья для збору и высылки ясачные мягкие рухляди служилых людей добрых не помногу летом, и о том велено им приказывати и в наказные памяти писати с великим подкреплением, чтоб они, будучи в ясачных волостях, ясачным башкирцом Ишинбайку Кулушеву с товарищи и иным ясачным людям насильства и налоги некоторые не чинили и лишних ясаков сверх оклада с них не имали и собою служилым людям в ясачные волости для своей бездельные корысти ездить не велено, что в том ясачным людям утеснения и в нашем ясаке недобру не было. А как ясачные башкирцы сотник Ишинбайко Кулушев с товарищи и иные верхотурские ясачные люди учнут приходить на Верхотурье с нашим ясаком и с тех ясачных людей велено имать наш ясак по окладным ясачным книгам. И в прошлых годах по 134-й (1626) год со всех верхотурских ясачных людей имали нашего ясаку по 5-ти соболей с человека, а с Ышынбаевы сотни с товарищи да с Чюсовской волости имали ясаку по нашей грамоте по окладу по 2 сорока соболей да по 3 сорока куниц»²¹.

Заметим, что в других частях Башкирии ясак выплачивался не соболями и куньими шкурками, а лисьими²². Размер ясака был небольшой, что еще раз говорит об осторожности московской политики в крае. Так, лисья шкурка оценивалась в 80, а кунья – в 40 коп.; таким образом, в среднем башкирский двор платил по 20 коп. в год²³. По сравнению с тем налогом, что взимался со двора в самой России, это было немного.

Кроме ясака русское правительство вменило башкирам в обязанность заниматься извозом²⁴. Русских в Башкирии было мало и поэтому вряд ли это бремя было, по крайней мере вначале, тяжелым.

«Верные башкиры». Подобно тому, как это было в Казани и в Сибири, русская администрация старалась сразу же заручиться поддержкой «служилых людей», в основном принадлежащих к элите башкирского общества.

Впервые об этом упоминается в датированном 1601 г. письме уфимского воеводы Михаила Нагого к своему тюменскому коллеге – они оба сидели в главных центрах только что возникшего Казанско-Сибирского тракта – в котором сообщается о попытке приведения сибирских царевичей под русское подданство. Нагой пишет, что послал в Сибирь детей боярских и с ними служилых новокрещен, переводчиков, а также двух башкир-табынцев (табын – башкирское племя, проживавшее вдоль реки Белой, недалеко от Уфы, рядом с русскими)²⁵.

Тридцать лет спустя башкир, находящийся на службе у Московского государства, становится обычным явлением. Вот что говорится в грамоте, выданной 5 декабря 7140 (1632) г. уфимскими властями одному башкирскому предводителю: «На съезде на дворе Савве Тимофеевичу Аристову да Богдану Юрьеву подал челобитную Уфимского уезду

²⁰ Витевский В. Указ. соч. С.393; Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3380. Эти цифры не учитывают башкир Исетской провинции на востоке Урала.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1841. Т. III. № 178.

²² Три лисицы упоминаются в грамоте 14 марта 1668 г., одна лисица – в грамоте 17 апреля 1735 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.5 и сл., 28, 32 и сл.

²³ Вельяминов-Зернов В. Источники. С.48; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.64.

²⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С.184, 187-188; Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.64-65.

²⁵ Русская Историческая Библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою Комиссиею. СПб., 1875. Т. II. № 99.

Ногайской дороги Кипчацкой волости Качанако Кырпычаков, а в челобитной ево написано: изстари де дед ево и отец был в Кипчацкой волости в князех, и он де после отца своего Государю служит в князех же, и Государь бы ево, Качанака, пожаловал, в ясак ево, Качанака, писать невелел, а велел бы ему служить в княжестве ж по прежнему, как был дед ево и отец, и как служил по сю пору он. И по Государеву Цареву Великому Князю Михаила Феодоровича всея России указу Савва Тимофеевич Аристов да Богдан Юрьев Качанака Кырпычакова в ясак писать не велел, а велел ему, Качанаку, в Уфимском уезде быть до Государева указу в служилых по прежнему, как он написан в уфимских книгах. К сей памяти Савва Тимофеевич Аристов печать свою приложил»²⁶.

Этот документ ярко характеризует тогдашнюю политику Москвы: Качанако Кырпычаков является «князем», т.е. вождем племени, и одновременно он состоит на русской службе. И дед и отец его служили русским, следовательно, эта традиция уходит своими корнями к первым годам русского проникновения в край. Следует заметить, что племя Качанако Кырпычакова проживало в 200 км от Уфы – значит, русским уже тогда подчинялись довольно удаленные племена. Племя Качанако платит ясак, и вождь просит освобождения от этой обязанности. Однако упомянутый документ ничего не говорит о характере его службы. Это уточняют другие источники.

Освобождение от уплаты ясака поступивших на русскую службу башкир делает их привилегированным сословием: они становятся «тарханами» – термин, который ранее существовал в Казанском ханстве, но чаще всего употреблялся в Башкирии. Тархан – это не всегда князь или вождь племени, находившийся на русской службе: были и другие способы стать тарханом. В основном это звание переходило от отца к сыну по наследству²⁷. Сохранилось около 30 тарханских грамот и в них везде соблюдается наследный принцип передачи тарханского звания.

В большинстве случаев служилый башкир – тархан – был «дворянином» своего племени: титул тархана предоставлялся только по праву рождения, «по породе»²⁸. Старая племенная аристократия при русских сохранила свой статус. Но царизм создал и новую аристократию, даруя звание тархана за определенные заслуги; в таких случаях в тарханской грамоте не упоминается о предках ее обладателя²⁹. Появление новой аристократии, искусственно созданной русскими, несомненно, было вызвано историческими условиями: башкирские восстания, о которых речь пойдет ниже, скомпрометировали старую элиту и русские были вынуждены заменить ее своими сторонниками из социальных низов башкирского общества.

Тарханские грамоты не всегда сообщают о характере службы, которую обязаны были нести привилегированные башкиры, но кое-что на этот счет в источниках имеется. Так, например, в челобитной некоего Тоимбетки Янбаева (1652 г.), ходатайствующего о присвоении себе титула тархана, говорится: «...В прошлых де годех, как и Уфа город зачелась, служили де прежним Государям прадед ево Китик тархан и дед ево Немик тархан Государеву службу в тарханех с уфимскими тарханами вместе, а отец де ево Янбай в тарха-

²⁶ Вельяминов-Зернов В. Источники. С.39.

²⁷ Там же. Вот, например, племя кыпчаков, к которой принадлежал род кырпычаков. В XVII в. в нем имелись следующие тарханы (датировки по грамотам): Бакычко Качакаев (1652 г.), Канкаса Девлетбаев с братьями, детьми и племянниками (1665 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.40-42 и 45), Актанай Калтаев (1678 г.) (Дополнения к актам историческим. Т.IX. № 36), Аккулка и Шекерка, сыновья тархана Уразаева (1685 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.40), Беккул Уразаев, сын тархана Ураза Атеева (1686-1687 гг.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.45 и 41), Чингырчачка Маметев (1686 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.45), Тленчек Устемиров (1689 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.38-39), Кулумбетко Ямбетев (1690 г.) и Чюрюкейка Базюков (1693 г.) (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.37).

²⁸ Грамота от 11 августа 1687 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.31. Ср. грамоту от 31 мая 1678 г.: Дополнения к актам историческим. Т.IX. № 36.

²⁹ Грамоты от 20 января 1687 г. (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.34), февраля 1689 г. (Там же. С.30-31), 23 декабря 1689 г. (Там же. С.38-39), две грамоты от 25 февраля 1690 г. (Там же. С.30 и 37), от 4 февраля 1693 г. (Там же. С.41) и 27 апреля 1733 г. (Там же. С.5-6).

ны был не записан, и отца де ево Янбая убили калмыцкие воинские люди тому лет з двадцать с пять, а он де после отца своего остался мал и в прошлом де 148-м (1640) году, как приходили под Уфимский город на русские деревни и на башкирские волости калмыцкой Лаузан тайша с воинскими людьми, и в те де поры он с теми воинскими людьми дрался, и на том де бою ево ранили тремя стрелами в голову, да в прошлом же де во 152-м (1644), как посылай был воевода Лев Плещеев с товарищи на калмыцкие улусы, и он де в том походе на Государеве службе был же, и с калмыцкие люди коня и с седлом и с доспехом, да в прошлом же 156-м (1648) году, как приходил Чакула Калмак с воинскими людьми в Уфимской уезд под Курпеч-Табынской соловарной городок и тех калмыцких людей побили и в полон поймали, а на том бою он был же, и с калмыцкими людьми бился, и на том де бою ранили под ним коня, да в прошлом де 159-м (1651) году ходило их, уфимских башкирцов, двадцать пять человек по своей вере Богу молитца, и в те де поры приходили на Государеву вотчину на Закамской уезд ногайские мурзы с воинскими людьми и взяли многие деревни и чюваской многой полон, и с теми ногайскими воинскими людьми бились и многих людей побили, и чюваской многой полон отбили, Государю служили, а на том де бою он был же, и с ногайскими людьми бился, и многие де Государевы службы Государю служит с своею братьею равно, а братья де ево двоюродныя Юмай да Емметь служат Государю на Уфе и ныне всякия Государевы службы и посылки с уфимскими тарханы вместе, а он де в тарханы не записан, и Государь бы ево, Тоимбетку, пожаловал деда и отца ево за службу и за ево службу и за кровь и за раны велел ево написать в тарханы, и Государеву службу служить с служилыми тарханы вместе»³⁰.

Тоимбетка Янбаев охранял границы Башкирии. Но иногда башкирские тарханы исаоользовались в военных действиях, ведшихся очень далеко от их родины. Указ 1734 г., давший титул тархана Алдарбаю Исекееву и его семье, отмечал, что кроме экспедиции к казахам, тот принимал участие в Крымской и Азовской кампаниях, причем во время последней был трижды ранен и пленил крымского татарина³¹. Тоимбетка Янбаев и Алдарбай Исекеев ссылаются на участие в войнах против внешних врагов России. Другие в своих челобитных упоминают о своих заслугах внутри страны – об участии в усмирении восставших соплеменников.

Вот что говорится в тарханской грамоте 1668 г. о карьере Чурака Бук-кулова: «...Как де изменили башкирцы, а он де сидел в аманатах, из аманат посылай для уговору из измены башкирцов, а в то де время вместо ево в аманатах сидели дети и жена ево, на боях с уфинцы в посылках против изменников был, а ныне де стар, и Великого Государя в казну платил ясаку с речки Уила, что за Яиком, по три лисицы, а владеют де ею ныне калмыки, и того де ясаку взять негде. И по той Великого Государя грамоте о тарханстве ему, Чюраке, велено учинить по ево службе смотря. И в прошлом 173 (1655) году по указу Великого Государя как посылай был с Уфы уфинец Иван Черников Онучин Большой на Яик к изменникам башкирцам для уговору, и с ним, Иваном, для уговору послан из аманат он, Чюрака. И по указу Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, Кипчацкой волости башкирец Чюрака Буккулов за службу, что де он послан был к изменникам башкирцам на Яик и свою братью уговаривать, в тарханы и в служилой на Уфе список написан, и всякие Государевы службы служить ему велено с тарханы вместе, и чтоб Буккуловым детям ясаку не платить, служить тарханную службу»³².

Статус тархана, а именно право не платить ясак, давал его обладателю особые привилегии³³. Государство защищало имущественные интересы тархана, выдавая ему

³⁰ Документ от 30 декабря 1652 г.: *Вельяминов-Зернов В.* Источники. С.43 и сл.

³¹ Указ от 24 декабря 1734 г.: Там же. С.27 и сл.

³² Документ датирован 14 марта 1668 года: Там же. С.32 и сл.

³³ Оренбургский губернатор генерал Мансуров в своем донесении в Сенат 8 июня 1777 г. следующим образом определяет тархана: «...тарханы имели преимущество против башкирцов в том, что тархан ра-

«оберегательные грамоты», очень ценившиеся в обществе, где право на частную собственность не было гарантировано и не всегда соблюдалось даже государством³⁴.

Первоначально башкирских тарханов было немного. Самый ранний по времени список «князьям, тарханам и дуванам» Уфимского уезда, имеющийся в нашем распоряжении, был составлен уфимским воеводой Петром Скуратовым в 1681 г. Он содержит 57 фамилий, но, по-видимому, является неполным, т.к. упоминает тарханов лишь 11 племен³⁵. Позже их число значительно возросло. В 1745 г. насчитывался 1431 тарханский двор. В отчете Уфимской провинциальной канцелярии за 1777 г. говорилось, что тарханов в трех дорогах – Казанской, Сибирской и Ногайской – было 636-653, однако при этом не учитывалась Осинская дорога и вся Исетская провинция³⁶.

Нерусская колонизация Башкирии. Достаточно неожиданным результатом присоединения Башкирии к Русскому государству стала миграция в край нерусских переселенцев из других регионов России, в какой-то степени предвосхитившая собственно русскую колонизацию, которой тогда еще не было.

Первая партия татар с правобережья Волги (Алатырь и Симбирск) была направлена русскими властями для усиления уфимского гарнизона в 1688 г. Затем сюда прибыли новые группы татарского населения. И хотя их число было незначительным – около 1000 человек к концу XVII в. – эти так называемые «мещеряки» сыграли достаточно активную роль в период башкирских восстаний в XVIII в.: они оставались на стороне правительства и помогали подавлять восставших башкир, поскольку за два века своего господства русские приучили мещеряков к повиновению³⁷. Общее число мещеряцких дворов в Башкирии доходило в середине XVIII в. примерно до 1700³⁸.

Гораздо более многочисленными были прибывшие с казанских земель и поселившиеся в Башкирии тептяри и бобыли. Причины их переселения объясняет указ 1725 г.: «По доношению Вологодского драгунского полка полковника Доригния... многие из татар хотели бежать в башкирцы за скудостью и пустотою от платежа, которых он удержал обнадеживанием, что будет он о той пустоте старание иметь; сверх того, приехал драгун с рубежа Башкирского, который был посылай для высылки подушных денег, рапортовал ему, что многие татары мурзинские с 4-х деревень бежали в башкирцы, а другие хотели его убить и подушных денег не платят... Ежели б повелено было полк его поставить по их рубежу, а ежели башкирцам запрещения не будет, то многие из татар побегут также...»³⁹.

Напрасно русские власти запрещали башкирам принимать беглых татар – этот процесс остановить было нельзя. К середине XVIII в. в Башкирии имелось множество татар, чувашей, вотяков, пришедших с севера и северо-запада и окончательно осевших в крае. Они поселились на башкирских землях в качестве землепашцев. Земли эти были

зумеется служилой башкирец, а не яшаник, и для того пред яшаниками они в почтении, и то по своему обычаю паче жалования в награждение себе ставили» (Вельяминов-Зернов В. Источники. С.47 и сл.).

³⁴ Письмо-грамота от 8 февраля 1650 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.10. Уместно заметить, что «оберегательные грамоты» иногда также даровались башкирам, обложенным ясаком, т.е. представителям непривилегированного населения. Два таких документа (1640 и 1641 г.) воспроизведены в: Новиков В.А. Указ. соч. С.184-185.

³⁵ Новиков В.А. Указ. соч. С.189.

³⁶ Витевский В. Указ. соч. С.394; Вельяминов-Зернов В. Источники. С.8, Центр в целом не имел представления о числе башкирских тарханов, этот учет велся местной администрацией. В 1651 г. Москва поручила военному губернатору Уфы Федору Милославскому предоставить ей цифры; к сожалению, ответ губернатора до нас не дошел. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т.IV. № 58. Уфимский отчет за 1777 г., процитированный в тексте, является ответом на аналогичный опрос, предпринятый Сенатом спустя более века.

³⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С.72 и сл.

³⁸ Ден В. Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Вып.2. С.279.

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4733. Аналогичное движение констатируется в том же году уральскими властями: Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4736.

столь обширны и так плохо обрабатывались самими башкирами, что условия, предоставленные переселенцам, были выгодны. Вот несколько примеров.

Вотyak Аксеитка Чапин изложил условия своего поселения в жалобе против своих хозяев-башкир, адресованной царю. Он пишет, что в 203 (1695) году Нуркей со товарищи разрешили прийти ему в свою вотчину на условиях предоставления подвод и дали право основывать поселения, обрабатывать поля и косить сено. Нуркей со товарищи выдали ему письменный документ, согласно которому уступали свою собственность взамен на обязательства по предоставлению средств транспорта. В документе говорилось, что небольшая река Мешед включена в эти владения и Аксеитка Чапин имел право ловить в ней рыбу и строить мельницу.

В 1694 г. башкир Токпердишка Батишев разрешил татарину Бекметке Тойбахтину поселиться на своей земле с условием, что последний возьмет на себя выплату ясака размером в две куницы и половину батмана (местная мера веса) меда.

Положение нерусских переселенцев несколько отличалось от положения башкир, но было столь же легким, если судить по двум источникам 1760 и 1773 гг. В первом документе сообщается о башкирах, уступивших в аренду ясашным черемисам обширную территорию за ежегодную выплату всего 7 руб. Во втором говорится о землях, сданных башкирами в аренду чувашам-новокрещенам. 40 лет последние получали с этих земель прибыль земледелием, добычей леса, охотой и ловлей рыбы, платя только 5 руб. в год. Кроме того, переселенцы выполняли различные повинности: строили мосты на реках, поставляли фураж проходящим военным, обеспечивали лошадьми правительственных курьеров⁴⁰.

Российское государство поддерживало нерусскую колонизацию. Оно обозначало ее носителей терминами, одновременно являющимися этническими и сословными – «тептяри» и «бобыли». Переселенцы были более покладисты и более дисциплинированы, чем коренные жители, поскольку нуждались в русской поддержке во время своих споров с башкирскими землевладельцами. Москва обложила тептярей и бобылей весьма умеренным ясаком, и рассчитывала на их помощь в случае возникновения в крае беспорядков. Налоги, которые платили тептяри и бобыли, зафиксированы в материалах переписи 1674 г. Из них следует, что первоначально налог, который платили эти категории населения, не был четко определен. Годовой ясак колебался от 8 алтын 2 денег до 1 рубля 26 алтын, а ясак мехом взимался не всегда. Уфимский воевода стольник Петр Кондырев в 1674 г. упорядочил эту систему. Его люди обошли край, выявили бобылей, никогда не подвергавшихся учету и ввели единый ясак для всех тептярей и бобылей в размере 26 алтын 4 деньги и 2 куницы в год с человека. Общее число нерусских переселенцев в то время составляло 2571 двор⁴¹. Документы, приведенные выше, доказывают, что такого рода колонизация интенсивно развивалась и в течение следующего века.

Долгое время юридический статус тептярей, бобылей и мещераков оставался в какой-то мере неопределенным. Их присутствие в Башкирии не было оформлено юридически, и с точки зрения норм тогдашнего права большинство их считалось «беглыми». В 1734 г. Сенат провел соответствующую реформу. Отклонив 18 марта 1731 г. прошение башкир об изгнании тептярей и бобылей, сенатский указ от 31 мая 1734 г. окончательно урегулировал статус нерусских переселенцев. К тептярям и бобылям были применены следующие положения: "...бьют челом окладные тептяри и бобыли, чтобы... и детей их и братьев переписать, и для той переписи послать кого надлежит и по переписке жить им по-прежнему в Уфимском уезде на башкирских землях так, как жили деды и отцы их: че-

⁴⁰ Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М., 1900. Кн.4. Отд. IV. С.28-29; М., 1901. Кн.1. Отд. IV. С.4-7; Известия Казанского университета. 1912. Т. XXVIII. С.585-592.

⁴¹ Документ от 1 января 1678 г. см.: Новиков В.А. Указ. соч. С.168 и сл. Ср. источник, датированный апрелем 1700 г. (Там же. С.187 и след).

го ради из Уфимской воеводской канцелярии публиковать же, чтоб такие тептяри и бобыли сами явились в Уфимской канцелярии и объявили о себе, о детях, братьях и родственниках своих, кто с ними вместе или порознь живут и какой они веры и давно ль кто откуда в башкирцы пришли и у кого у башкирцов в вотчинных землях поселились из найму или без найму, по записям или без записей и какой кто тептярской или бобыльской оклад платят или не платят, и кои не платят, тех обложить вновь и записывать всех их в особия тептярскую и бобыльскую книги порознь по дорогам, кои учинить для сего вновь, дабы они, тептяри и бобыли, были все в те книги записаны и положить той записке срок с объявления о том указа в шесть месяцев; а кто, презрев Ея Императорского Величества милость, в те книги сами не запишутся, а после объявятся, такие почтены будут с беглыми, а сколько таких тептярей и бобылей записано и с них платежа в казну будет, о том обстоятельныя ведомости и табель прислать в камер-коллегию, а из той коллегии в Сенат, а нарочных переписчиков в уезд не посылать".

Указ от 31 мая 1734 г. также вынес решение по мещерякам: «Такожде в Уфимском уезде обретаются служилые татары, называемые мещеряки, которых таким же образом, как и тарханов, учиня для них особую книгу, всех записать, чтоб и об них было известно, сколько их службе быть может, и прислать в Сенат по тому ж краткую ведомость и при том показать, какую они ныне по городу Уфе службу служат и по очередно ль или сколько когда наряжено бывает».

Таким образом, юридическую силу обрело фактическое, а не правовое положение вещей. Авторы процитированного указа посчитали необходимым прекратить несанкционированные миграции: башкирам было запрещено давать убежище русским и нерусским беглецам со своего законного места жительства, крестьянам, дворовым людям, драгунам, матросам, рекрутам и лицам, приписанным к строительству кораблей⁴².

Тептярей и бобылей было довольно много: в 1734-1735 гг. их насчитывалось 11294 «душ мужского пола», а в 1797 г. — уже 52193⁴³.

Башкирские племена изнутри⁴⁴. До середины XVII в. русские власти не вмешивались во внутреннюю жизнь башкир, ограничиваясь лишь сбором ясака, требуя исполнения ряда вышеупомянутых повинностей и вербуя на службу несколько сотен племенных вождей. О внутренней жизни башкирских племен нам известно мало. Видимо, тюбы, составлявшие племя, подчинялись предводителям. Выше уже цитировались русские документы XVII в., упоминавшие о башкирских «князьях», но чаще всего в них фигурировали «батыры». Безусловно, батыры играли большую роль в политической жизни племен и постоянно участвовали в столетней борьбе башкир против России. Мы не знаем, избирались ли батыры народом или этот титул переходил по наследству. Так или иначе, у нас нет никаких доказательств, свидетельствующих, что до середины XVIII в. русские вмешивались в их назначение. Русские власти использовали батыров в качестве посредников для сбора налогов или несения службы⁴⁵.

Башкиры являлись мусульманами, и, следовательно, духовенство должно было играть у них большую роль. По-видимому, ислам стал проникать сюда с XIV в. из крупных магометанских центров Центральной Азии. Но прочно он укоренился в сознании

⁴² Полное собрание законов Российской империи. Т.VIII. № 5719; Т.IX. № 6581; Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1900. Т.108. С.223-229.

⁴³ Ден В. Указ. соч. Вып.2. С.306 и сл.

⁴⁴ Параграф не закончен в рукописи автора. [Прим. французских издателей].

⁴⁵ В программе новой политики, разработанной в 1736 г. Кириловым, читаем: «... каждая волость должна иметь у себя выборных старшин, двух или трех, на которых можно было бы взыскать всякое преступление или неисправку, а теперь у них всяк большой, и указы пишут обще: тарханам, батырям и всем башкирцам» (цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1887. Т.XX. С.325). О племенных предводителях-тарханах см. отчет Исетской управительской канцелярии от 9 марта 1777 г.: Вельяминов-Зернов В. Источники. С.3 и сл.

башкирских масс только в период русской экспансии⁴⁶. Верная своей осторожной политике, Москва не проводила здесь насильственной христианизации населения (на землях бывшего Казанского ханства все было наоборот). Влияние мусульманского духовенства, которое в основном принадлежало к племенной элите, было значительным: ахуны (муллы) вместе с батырами стояли во главе башкирских повстанцев в XVII-XVIII вв.

Таким образом, когда в середине XVII в. Россия впервые столкнулась с противостоянием своей экспансии, ее власть над Башкирией была формальной.

Первые башкирские восстания (1662-1710 гг.). Постепенное проникновение русских в Башкирию долгое время не встречало никакого сопротивления: племя за племенем входило в орбиту московского влияния и поступало на службу или начинало платить ясак. К 1662 г. ситуация изменилась. С этого времени в течение более 100 лет русским будет противостоять весьма энергичное сопротивление, и за окончательное покорение башкир придется заплатить дорогую цену. Почти непрерывная война глубоко изменила политическую ситуацию, вызванную продвижением русских к Уфе и Тюмени.

О причинах первого башкирского восстания, вспыхнувшего летом 1662 г., известно немного. Русских тогда в Башкирии было так мало, что бунт скорее угрожал соседним российским провинциям, чем московским властям или их войску. Впрочем, башкиры были не единственными повстанцами: они восстали вместе с другими нерусскими народами. Руководили восстанием сибирские татары. Центр восстания находился в бассейне рек Тура и Сылва, по обеим отрогам Среднего Урала. Северо-восточные башкирские племена выступили в союзе с татарами и вогулами. Русские деревни были разграблены и соожены, а отряды повстанцев дошли вплоть до Кунгура и даже окрестностей Соли Камской. Спустя 10 лет монахи соликамского Вознесенского монастыря так вспоминали о событиях 1662 г.: «...В прошлом де во 170 (1662) году уфинские башкирцы изменили и Кунгурской острожек взяли, и села и деревни запустошили, и русских людей и их черемису, и жен их и детей, порубили, и в полон побрали, и пограбили без остатку, а они де к изменником ни в чем не приставали и сидели с рускими людьми в осаде в Спаском монастыре, и с изменники бились, не щадя голов своих...».

Другой документ, исходящий от кунгурских черемисов, сообщает: «...В прошлом де во 170 (1662) году, сылвенского поречья ясашные татары и уфинские башкирцы изменили многие места, села и деревни опустошили и их Воздвиженскую пустыню церковь Божию сожгли, и многих старцов и белцов порубили, и житницы с хлебом и мелницы, что на Бабке речке, сожгли...».

Восстание 1662 г. представляло настолько серьезную угрозу центральной власти, что осенью Москва произвела мобилизацию людей в приграничных Пермском и Казанском уездах. В 1663 г. волнение распространилось на племена Ногайской и Казанской дорог, т.е. на юг и запад края. Бирск, в то время дворцовое село, был razорен. На юге повстанцы объединились с недавно появившимися здесь калмыками, разграбили русские и инородческие деревни и взяли полон. Осенью 1663 г. Москва была вынуждена срочно организовать защиту Прикамья, являвшегося границей Казанского уезда. Тем не менее, вряд ли это восстание имело большой размах. В 1664 г. уфимский воевода князь Андрей Волконский сумел договориться с предводителями башкир, которые собрались в окрестностях озера Аккуль. Повстанцы согласились разойтись по домам и соблюдать верность русской власти в обмен на обещание Волконского вернуть в Уфу их заложников, ранее увезенных в Казань, а также уважение привилегий и собственности башкир. Башкирская

⁴⁶ В.Вельяминов-Зернов (*Вельяминов-Зернов В.* Памятник с арабо-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного Отделения Императорского Археологического Общества. СПб., 1859. Ч.IV. С.257-284) опубликовал отрывок из книги XVI в. (автор – Шарафутдин), которая называется «История Булгарская». Она посвящена отношениям между Башкирией и Центральной Азией. К сожалению, излагаемая в ней хронология очень недостоверна.

делегация поехала в Москву и в том же году добилась подтверждения вышеуказанного соглашения. В 1665 г. повстанцы прекратили борьбу.

Соглашение 1664 г. не коснулось северных башкир (Сибирская и Осинская дороги), но письмо Волконского от 1 марта 1664 г., информирующее о заключении мира с южными и западными башкирами, заканчивалось угрозами: «А только Сибирские и Осинские дорог башкирцы, или, хто ни есть, великому государю вскоре не добьют челом, поставит себе в оплошку, и какое кровопролития над ними где учинитца, впредь в том на стольника и воеводы князя Андрея Михайловича Волконского не пеняти, чтобы таковой конешной беды над собою не дожидались».

Действительно, северо-восточные племена, принимавшие участие в восстании сибирских татар, долгое время оставались независимыми от русских, на что указывает переписка сибирских властей за 1667 г. Москве удалось подчинить их, лишь послав туда значительное военное подкрепление⁴⁷.

Трудно сказать, каковы были причины волнений 1662-1667 гг. Судя по всему, башкиры не ставили перед собой цель получить независимость. Речь шла о повседневных и весьма незначительных конфликтах между властями и русскими переселенцами с одной стороны, и башкирскими племенами – с другой. Эти конфликты в основном были вызваны обязанностью давать властям заложников, захватом переселенцев башкирами и т.д. Мир был восстановлен без больших жертв с обеих сторон. В 1676-1682 гг. беспорядки в тех же регионах возобновились, но, по-видимому, уже менее масштабно и с перерывами. К сожалению, у нас имеется лишь отрывочная информация об этом. Отдельные эпизоды, которые упомянуты в источниках, не позволяют восстановить целостную картину. Вот то небольшое, что пока известно.

Восстанию предшествовали достаточно тревожные вести. В 1675 г. Казанский приказ получил сообщение, возможно, не совсем точное, что башкиры Сибирской дороги (Зауралье) добыли себе огнестрельное оружие, что ружья также имелись и у башкир Уфимского уезда, и что все башкиры учатся стрелять из ружей, а не из луков. Эта новость встревожила власти, поскольку население русских деревень Верхотурья имело мало ружей и свинца, и ожидало со дня на день нового появления вооруженных «воров» — башкир и татар. На следующий год юго-западные башкиры собрались на р. Кинель с намерением идти на Закамскую оборонительную линию; жители окрестных деревень убежали в лес, и Москва предписала населению Кунгурского уезда либо поступить так же, либо укрыться за городскими укреплениями. И хотя опасность миновала, но, по-видимому, новые отряды недовольных башкир продолжали формироваться на юго-западе края. Тархан Ишмухамет – весьма яркая личность и один из тех предводителей, которые заключили в 1664 г. мир с Андреем Волконским – в 1677 г. собрал племя табын, которое отказалось платить ясак и другие налоги. Преемник Волконского уфимский воевода Хитрово постарался еще раз разрядить конфликт мирным путем. Его люди заявили, что деды, отцы и сами башкиры всегда платили ясак, налоги на дым и на женитьбу без всяких проблем. Поэтому сейчас, отказавшись от уплаты указанных налогов, башкиры поступают неправильно, забывая милость государя к ним и свои клятвы. Они должны вспомнить о своих обязательствах и немедленно возобновить выплату налогов, как это было раньше, не

⁴⁷ Достаточно общее описание башкирского восстания 1662-1667 гг., изложенное в этом тексте, основывается на следующих источниках: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Т. IV. № 24; Полное собрание законов Российской империи. Т. I. № 327; Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888. № 29. С. 58 и сл.; Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. IV. № 124; Т. V. № 49; Т. VI. № 67 (V); Т. IX. № 3; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т. V. № 123; СПб., 1842. Т. IV. № 175, 201; *Вельяминов-Зернов В.* Источники. С. 35, 42 и сл.; *Витевский В.* Указ. соч. С. 383 и сл. Укажу еще: *Рычков П. И.* История Оренбургская. С. 9 и сл., где история восстания излагается, вероятно, со слов современников. Источники не подтверждают изложенного П. И. Рычковым, что впрочем не помешало другим авторам принять его на веру.

ожидая применения силы. Волнения 1675 г. у северо-восточных башкир, привели, без видимой их связи с юго-восточными башкирами, к крупному восстанию. В марте 1678 г. Москва уведомила воевод Чердыни и Тобольска о грозящей опасности нового нападения на Кунгур и на русские деревни в Западной Сибири: по сведениям Москвы, татары и башкиры региона запасались фуражом для лошадей, изготавливали луки и стрелы и имели много огнестрельного оружия. Севернее, на верхнем течении Лысьвы, весной 1679 г. было зафиксировано скопление пятисот башкир, угрожавших Чердыни.

В 1682 г. очаг беспорядков вновь переместился в юго-западную часть Башкирии, на Казанскую дорогу. Глава этого движения, некий Сеит, дошел до Закамской черты. В мае Москва произвела мобилизацию населения в приграничных уездах, а против повстанцев в Уфу послали значительный военный отряд. В ходе сражения восставших с правительственными войсками многие башкиры погибли, а Сеит был ранен. На переговорах, состоявшихся после битвы, башкиры принесли клятву верности и пообещали разойтись по домам. После разгрома своего первого объединения Сеит продолжил борьбу и попытался взбунтовать башкир Сибирской и Казанской дорог. Вероятно, ему удалось поднять некоторых из них, т.к. русские были вынуждены организовать вторую экспедицию, на этот раз в район верховьев Чусовой (один из притоков Камы), около 200 км к северо-востоку от Уфы.

Неизвестно, как было ликвидировано движение 1676-1682 гг. Важно лишь то, что существовавший ранее status quo был восстановлен и волнения возобновились лишь четверть века спустя⁴⁸.

Движение 1705-1710 гг. во многом напоминает восстание 1662-1667 гг. и заканчивается, как и предыдущее, компромиссом между русскими властями и вождями башкирских племен. Его история может быть изложена лишь в общих чертах. Волнения начались в 1705 г. с отказа платить налоги и нападениями на деревни приграничных районов Казанского уезда. Шереметьев, один из крупных военачальников Петра Великого, находился в это время в Казани, спускаясь по Волге со своими войсками для подавления мятежа в Астрахани. Император приказал ему усмирить башкир, движение которых в разгар Северной войны и во время астраханских восстаний было весьма некстати. Шереметьев провел переговоры с одним из тарханов, который был под его началом во время шведской кампании и получил от него обещание, что башкиры всех дорог придут просить о прощении и продолжат платить налоги. Эти переговоры ни к чему не привели. Руководители восстания истолковали действия Шереметьева как доказательство слабости правительства и продолжили ожесточенное сопротивление. В 1706 г. башкиры силой помешали новому губернатору города занять этот пост. Казанский губернатор Кудрявцев, пришедший на помощь, увидел толпу из 400 башкир. Он объявил им, что отныне они освобождены от уплаты новых налогов, но должны продолжать платить ясак и предоставлять транспорт царским чиновникам. Башкирские вожди ответили категорическим отказом. Кудрявцев, который обвинил Шереметьева в том, что тот был слишком мягок с башкирами, тоже ничего не смог сделать и повстанческое движение продолжало развиваться. Оно казалось тем более опасным, что впервые после своего вхождения в состав России восставшие башкиры сгруппировались вокруг некоего «царя Салтана», претендовавшего на титул хана всей Башкирии. В ноябре 1707 г. Уфа послала русский полк и «верных башкир» под предводительством Кусюма, чтобы схватить претендента и разогнать его сторонников. Но во время стычки, происшедшей в нескольких километрах от Уфы, «вер-

⁴⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т.V. № № 6, 15, 19, 40, 44, 85, 87; Дополнения к актам историческим. Т.VII. № 71, 74 (V, VI); СПб., 1867. Т.X. № 25; П.И.Рычков и последующие историки никак не упоминают о беспорядках 1676-1682 гг. Чтобы показать, насколько «точна» «История Оренбургская», отметим, что Рычков считает Сеита главой движения 1662-1667 гг. (Рычков П.И. История Оренбургская. С.9 и сл.). В действительности же Сеит появляется лишь в движении 1676-1682 гг.

ные башкиры» покинули русских и перешли на сторону повстанцев, возглавляемых Алдаром. Русские потерпели полное поражение и лишь с большим трудом их командиру удалось спастись. Повстанцы стали теперь хозяевами всей Башкирии. Уфа была отрезана от Казанского уезда. Башкиры жгли и грабили русские города и деревни на окраинах казанских земель. Движение, поддерживаемое мусульманским духовенством, угрожало также распространиться на татар и чувашей соседних районов. К концу января 1708 г. предводители повстанцев Алдар и Кусюм с несколькими тысячами вооруженных башкир и «царем Салтаном» стояли в 30 км от Казани. Присутствие хана свидетельствовало о новом явлении – отныне башкиры пытались создать собственное государство, независимое от русских. Отказавшись от русского подданства, «башкирцы Уфинского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы... начали мыслить к воровству тому..., чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть». Впрочем, опасность ситуации заключалась не только в этом: башкиры могли повлиять на своих нерусских соседей.

Местные русские власти требовали принятия жестких мер, но Петр Великий, продолжая политику своих предшественников, предпочел переговоры и ограничился оборонительными мерами. Он сконцентрировал свободные войска в районе Казани и поставил во главе них князя Петра Хованского, одновременно рекомендуя ему договориться с повстанцами. Хованский начал восстанавливать порядок в Казанском уезде; татары и черемисы сложили оружие и пообещали платить ясак (март 1708 г.). Башкирию усмирить было труднее. Несмотря на военную помощь калмыков, Хованский не сразу смог положить конец восстанию. Часть племен принесла повинную, но остальные продолжали сопротивление. В начале 1709 г. у башкир появился новый хан, но он не смог установить свою власть во всем крае. Властям приходилось усмирять племена на очень обширной территории. 10 марта 1709 г. казанский губернатор Апраксин писал Петру Великому: «О тех башкирцах доношу тебе, государю: народ их проклятой многочисленной и военной, да безглавной, никаких над собою начал... принятца не за ково и чтоб особно послать не х кому».

Невозможно, да и нет необходимости подробно излагать здесь ход борьбы с повстанцами, описывать все карательные экспедиции и сражения, все переговоры, шедшие в 1709 и отчасти в 1710 г. Отметим только то, что теперь появился новый момент: нападения башкир на недавно построенные уральские заводы. Башкиры жгли их и уводили в плен приписных крестьян.

В 1710 г. на большей части рассматриваемой территории порядок был практически восстановлен, но русские нигде не были уверены в своем будущем. В 1711-1714 гг. власти планировали проведение в Башкирии широкомасштабной военной операции⁴⁹.

За исключением ханов, которые исчезали, не оставляя следов, волнения 1705-1710 гг. не внесли ничего нового в цели повстанцев: грабеж соседних русских деревень продолжался одновременно с борьбой против увеличения налогов и реквизиции транспортных средств. Восстание завершилось, как и прежде, восстановлением политического и налогового status quo. И все же восстания башкир не были бесполезными, поскольку они замедляли поглощение края русскими. Достаточно сказать, что введение подушной

⁴⁹ О восстаниях 1705-1709 гг. мы имеем лишь несколько упоминаний в «Памятниках Сибирской истории XVIII века» (СПб., 1882. Т.I. №№ 80, 83, 85, 89) и некоторые сведения у С.М.Соловьева (Указ. соч. М., 1881. Т.XV. С.357-361, 203-207) и у В.Лебедева (*Лебедев В.* Указ. соч.). Информация Соловьева слишком кратка. Исследование Лебедева написано отвратительно, в нем отсутствует какая-либо хронологическая канва и оно нашпиговано марксистскими цитатами, которые автор приводит, совершенно не учитывая их контекст. Уровень работы В.Лебедева вызывает лишь сожаление, тем более что у него в руках были официальные документы того времени, которые он проигнорировал. Сведения Рычкова (*Рычков П.И.* История Оренбургская. С.9 и сл.) для исследователя малопригодны. Ср. изложение событий 1711-1714 гг. в «Описании дел Архива Морского Министерства с половины XVII до начала XIX столетия» (СПб., 1877. Т.I. С.496, 497, 522, 593; СПб., 1879. Т.II. С.26).

подати, которое без проблем было осуществлено в Казанской губернии и в других частях России – остановилось у границ Башкирии⁵⁰. Петр Великий и его наместники в крае, пораженные событиями 1705-1710 гг., планировали изменить свою политику в Башкирии, чтобы окончательно подчинить башкир. Однако это удалось сделать не сразу⁵¹. Башкирия тогда была чем-то вроде фискального Эльдорадо и в нее шел поток нерусского населения из Казанской губернии.

Преемники Петра Великого продолжали его осторожную политику. События 1726-1728 гг. в Башкирии показали, что Санкт-Петербург всячески стремился сохранить *status quo*. В первой половине XVII в. в степях Нижней Волги появляется новая народность монгольской расы – калмыки. Русским удалось установить хорошие отношения с ними, и те, частично признав верховную власть Москвы, сохранили значительную автономию. Хотя российские власти получили помощь от калмыков во время волнения 1705-1710 гг., тем не менее, они понимали, что последние, будучи прекрасными воинами, являются ненадежными и очень опасными соседями. В конце 1727 г. поступило сообщение о том, что в 1726-1727 гг. несколько предводителей юго-западных башкир договорились с находившимися по соседству с ними калмыками о совместных действиях и планируют напасть в 1728 г. на русские города и деревни. Аналогичные слухи поступали и с северо-востока Башкирии, но, вероятно, они не имели под собой оснований. Власти были серьезно встревожены этими новостями. Командующий царскими войсками в Прикамье генерал Чекин, штаб-квартира которого находилась в Старошешминске, был встревожен. Главнокомандующий русскими войсками на юге страны князь Михаил Голицын писал, что генерал-лейтенант Чекин опасается возможности объединения башкир, калмыков, каракалпаков и киргиз-кайсаков; о том, что незащищенные селения окружены степью, имеющиеся крепости по вине прежних командиров находятся в запущенном состоянии, и край нельзя оборонять с помощью только 3 полков.

Центр реагировал на это, как и раньше. В декабре 1727 г. местным властям было поручено призвать племенных вождей и старшин хранить верность государю и одновременно пригласить башкирских делегатов в Казань или Санкт-Петербург, чтобы вне очереди выслушать их претензии. Для этого в феврале 1728 г. в Уфу был срочно отправлен офицер.

В марте 1728 г. башкирская делегация из 32 человек во главе с Яркеем Янчуриным прибыла в Санкт-Петербург и была принята в Коллегии иностранных дел. В какой-то мере требования башкир остались без изменений: освобождение заложников, смягчение транспортных поборов, устранение злоупотреблений при сборе налогов. Но в жалобах появились и новые мотивы относительно русских переселенцев и других народов, поселившихся в крае. Кроме того, башкиры попросили перенести столицу края из Казани в Уфу и вновь назначить губернатором Ивана Бахметьева. После долгого изучения Верховный тайный совет 31 июля 1728 г. объявил: «Башкирцам всех дорог и волостей, батырам и старшинам и всем ясачным людям.

Указали Мы, по челобитью присланных от вас, выборных челобитчиков, башкирцов Яркея Янчурина с товарищи, в помянутую провинцию послать воеводу, нашего бригадира Петра Бутурлина и быть той провинции в особливом ведомстве нашего Сената и о всяких делах писать и требовать нашего указа от того Сената, а казанскому губернатору той провинции не ведать, и, будучи ему, бригадиру нашему, на Уфе воеводою, вам, башкирцам и прочим иноверцам никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому ни

⁵⁰ Указ от 22 января 1719 г. и инструкция от 5 февраля 1722 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3287; Т.VI. № 3901. Ср. указ от 4 июня 1722 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.VI. № 4027. Инструкция от 16 декабря 1743 г. содержит еще эту статью: Полное собрание законов Российской империи. Т.XI. № 8836.

⁵¹ Описание дел Архива Морского Министерства с половины XVII до начала XIX столетия. Т.I. С.496, 497, 593; Т.II. С.26; СПб., 1882. Т.III. С.309, 310.

каких не чинить и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать, и во всем поступать по данным вам от предков наших Великих Государей жалованным грамотам, а сверх положенного на вас, башкирцов, ясака никаких других подателей не спрашивать и тот ясак собирать по срокам, как было прежде обыкновенно, и для того сбора выбрать вам самим меж себя сборщиков, добрых и знающих людей, кому в том верите, и на тех людей брать у вас выборы за руками, а служилых людей для того в уезды к вам не посылать; а по прошествии срока, ежели которые сборщики на срок не заплатят, посылать только к тем выборным сборщикам и спрашивать на них. Суд и расправу чинить ему, нашему бригадиру и воеводе, между вами, башкирцами, так как прежде такие суды были чинены по прежним данным воеводским наказам в правду, не чиня никому ни малаго продолжения и волокиты. А когда выпожелаете для челобитья и всяких своих нужд ехать к Москве или в Сенат, тогда для проезду давать ему вам проезжая письма за своей рукою, а воспрещения в том вам не чинить. И понеже Мы, Наше Императорское Величество, милосердую к вам, Всемиловитейше повелели ему, нашему бригадиру и воеводе, ото всяких обид и налог вас охранять и оберегать; того ради надлежит вам, видя такую нашу Императорского Величества к себе милость, служить нам верно, как деды и отцы ваши служили и положенной ясак платили и беглых русских, мордвы, чуваш и черемис и никаких народов людей, подданных Наших, не принимать и не держать; а которые из вышеобъявленных беглецы ныне есть, тех приводить на Уфу и отдавать означенному нашему бригадиру и воеводе немедленно».

Решение Верховного тайного совета от 22 июля 1728 г., на основе которого был составлен вышеприведенный документ, содержало еще один пункт (№ 8), касавшийся прежних волнений и который должен был стать предметом конфиденциального указа губернатору Бутурлину. В нем говорилось, что губернатору следует строго следить за тем, чтобы не было никаких восстаний против российского господства в Башкирии, а если планы их подготовки станут ему известны, он обязан сообщить об этом в Сенат и Верховный тайный совет. Если все же башкиры соберутся или заключат союз с калмыками, каракалпаками или другими мусульманскими народами для нападения на русские города и уезды, губернатор немедленно обязан проинформировать об этом Верховный тайный совет и Сенат. Для приглашения на помощь военных губернатор должен обратиться к казанскому губернатору и командирам полков, и оповестить другие города. Об этом будет издан специальный указ, который он, губернатор, должен хранить в тайне.

Этот документ, принятый вскоре после волнений 1727 г., должен рассматриваться как кульминация политики *status quo* в Башкирии. Все требования нерусских влиятельных кругов были удовлетворены: русские признали за краем значительную автономию, установив для башкир умеренный размер ясака и несение некоторых других традиционных повинностей; башкиры, в свою очередь, обещали больше не восставать⁵².

Восстание 1735-1740 гг. и новая русская политика в Башкирии. Политика примирения, провозглашенная в 1728 г., не дала ожидаемых результатов. Новый кризис, более серьезный и более тяжелый, чем предыдущие, разразился через несколько лет. Восстание длилось с 1735 по 1740 г., и дорого обошлось башкирам.

Как и для всех башкирских восстаний XVII-XVIII вв., непосредственные причины его выяснить трудно. Не имея единого руководства, восстание началось в начале 1735 г. как на северо-востоке, так и на юго-западе края. Приграничные районы Казанской губернии подверглись нападениям, и некоторым очагам русской власти в Башкирии стала угрожать опасность. Восстание началось в то время, когда русские вступили в новый этап

⁵² См. о кризисе 1726-1728 гг.: Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1891. Т. 79. С.73-86; Там же. СПб., 1893. Т. 84. С.175-182; Соловьев С.М. Указ. соч. М., 1885. Т. XIX. С.188; Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII. №№ 5316, 5318, 5438, 5473; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век. СПб., 1875. Т. II. С.131, 133. 147, 161.

своего проникновения на Восток и распространили свое влияние на казахские орды далее южных границ Башкирии, чтобы открыть себе доступ к Центральной Азии. Реализация этого обширного проекта, который был разработан правительством императрицы Анны в 1734 г. по инициативе чиновника Сената Ивана Кирилова, должна была начаться со строительства на Верхнем Яике (нынешняя река Урал) крупного города, предназначенного стать плацдармом для продвижения русских в казахские степи. Первый гвоздь в этом направлении был вбит основанием в 1725 г. крепости на Сакмаре, северном притоке Верхнего Яика⁵³. В 1734 г. речь шла уже о другом: через всю Башкирию с Уфой в качестве отправной точки должен был быть проложен путь к Верхнему Яику.

На Кирилова, как автора проекта, было возложено его исполнение. В ноябре 1734 г. он прибыл в Уфу во главе военного отряда, намереваясь немедленно отправить в далекий путь запланированную экспедицию. Столичный чиновник, он не знал особенностей края, куда прибыл служить, и полагал, что башкир было бы полезно включить в его команду для ее усиления. Еще накануне его выезда к берегам Яика пришло известие о начале восстания башкир на севере. Он отнесся к нему совершенно равнодушно и в марте 1735 г. сообщал в Санкт-Петербург, что не стоит придавать большое значение этому, что в крае царит спокойствие и что башкиры готовы поддержать его экспедицию. На деле же вышло наоборот. Экспедиция Кирилова встревожила юго-западные племена. Скрытое противоборство проникновению русских, которое здесь никогда не прекращалось, вскоре переросло в восстание. Возглавляемые Кильмяк-абызом, старшиной соседнего с Уфой племени, юго-западные башкиры решили атаковать Кирилова во время его перехода через их земли. Не подозревая об этом, Кирилов, выезжая в апреле 1735 г. из Уфы на Верхний Яик, разделил свою команду на две части. Несколько тысяч башкир напали в июне на меньший отряд, и ему с трудом удалось объединиться с основными силами. Несмотря на это, Кирилов продолжил свой путь и 10 августа прибыл к месту слияния Яика с рекой Орь, где основал город Оренбург⁵⁴ и отправил донесение императрице, объявив о присоединении «Новой России», богатой рудой и минералами. Однако, охватившее Башкирию восстание не позволило ему окончательно устроиться на Верхнем Яике: он был вынужден повернуть назад, оставив в новом городе небольшой отряд. На обратном пути на него вновь напали восставшие, но смог их разбить и добраться до Уфы.

Одновременно повстанческое движение шло и на севере Башкирии. В июле-августе 1735 г. некоторые приграничные районы Казанской провинции подверглись новому нашествию башкир и были полностью разорены. Казанский губернатор был вынужден срочно мобилизовать тамошних русских крестьян на защиту от башкир. Лидеры движения действовали заодно с юго-западными повстанцами, что увеличивало опасность.

Русское правительство больше всего было встревожено опасностью, нависшей над Казанской провинцией. Под впечатлением этих событий Санкт-Петербург был готов отложить до более благоприятных времен исполнение честолюбивого плана Кирилова и даже послал ему приказ – к счастью, дошедший слишком поздно – отменить поход на Верхний Яик. 12 августа 1735 г. столица срочно отправила в Казань одного из своих лучших генералов – Александра Румянцева. Ему были переданы все здешние войска и Кирилов стал его подчиненным в вопросах усмирения Башкирии. Чтобы установить здесь мир, власти решили вернуться к старой практике уступок, и Румянцеву были даны соответствующие указания. Но под влиянием Кирилова победила более решительная позиция. Кирилов оставался убежденным сторонником того, что захват территории Верхнего

⁵³ Об основании Сакмарска см. доклад Военной коллегии от 26 октября 1727 г. в: Сборник Русского Исторического общества. Т.69. С.621 и сл. Ниже мы еще расскажем о яйцких казаках.

⁵⁴ Позже Оренбург перенесут в другое место, а город, который основал в устье реки Орь Кирилов, простоят до сегодняшнего дня под названием Орск: Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. № 7876.

Ялика на юге Башкирии облегчит окончательное подчинение башкир, которые таким образом будут изолированы от внешнего мира. Еще не получив указаний из Санкт-Петербурга, он уже требовал решительных мер для подавления восстания и сам начал действовать. Его секретарь свидетельствует, что поднимаясь по Белой во время своего возвращения в Уфу, он сжег несколько деревень Ногайской дороги, в частности, вблизи Табынска, а собранный урожай пшеницы был перевезен в Табынск для снабжения войск. Это было лишь началом кровавого террора.

Под влиянием донесений Кирилова центр ужесточил свою политику. Новые инструкции для Румянцева, данные осенью и зимой 1735 г. (18 октября, 11 ноября, 14 декабря), предписывали ему схватить предводителей восстания, казнить наиболее активных из них, разорить восставшие деревни, и, наконец, конфисковать основное богатство повстанцев – их лошадей. В соответствии с новыми инструкциями Румянцев должен был следовать рекомендациям Кирилова, который, как считалось, прекрасно разбирался в здешней ситуации. На встрече Румянцева и Кирилова в Мензелинске в ноябре-декабре 1735 г. была разработана обширная программа, ознаменовавшая коренные изменения в российской политике. И хотя она не сразу была реализована полностью, тем не менее долгое время оказывала большое влияние на судьбы Башкирии. В программе отмечалось, что «причина нынешней дерзости башкирцев – это послабление их прежним своевольствам и воровствам, и потому впредь надобно: находящиеся здесь полки в надлежащее состояние привести; магазины наполнить провиантом, основать Оренбург и другие назначенные крепости; мешерякам за их верность и службу отдать в вечное и безоборочное владение те земли, которые они нанимают у башкирцев; с тептярями и бобылями старыми поступать точно таким же образом; замешанным в воровстве запретить носить ружья и по домам иметь; в уезде кузнецов и кузниц не иметь, из городов кузнецов и насекальщиков в уезд не отпускать, пусть покупают все нужное в городах; пойманных в воровстве и в бунте и повинившихся казнить или в ссылку сослать, а не освобождать, а пущих заводчиков, хотя они и прощение получили, по причинам частных дел одного за другим забрать и жестокою казнью казнить; внутри башкирских земель построить городки; каждая волость должна иметь у себя выборных старшин, двух или трех, на которых можно было бы взыскать всякое преступление или неисправку, а теперь у них всяк большой, и указы пишут обще: тарханам, батырям и всем башкирцам; также запретить сборища делать. Так как есть явное подозрение на магометанское духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу, а взять с них присягу, чтоб о всяких дурных поступках объявляли и из других вер в свой закон не приводили, без указов мечетей и школ вновь не строили, и если ахун умрет, то нового определять правительству, смотря по верности, а не самим башкирцам ставить. Снять запрещение покупать у башкирцев земли и уголья, чтоб мешались с посторонними».

Принятая в Мензелинске программа была полностью одобрена в Санкт-Петербурге.

Во исполнение ее 11 февраля 1736 г. был издан сенатский указ, основные положения которого были следующими:

1. Было приказано «застарелых тептярей и бобылей, по примеру мешеряков, от башкирского послушания отрешить; и за претерпенное их разорение от воров башкирцев, оброков им платить не велеть и оставить их при одном прежнем ясачном платеже в казну; а которые приставали к ворами, с таких за вину, сняв башкирский оброк, брать сверх прежнего ясака хлебом, с сохи по четверухи ржи и по четверухи же овса»⁵⁵.

Сенат колебался, применять ли немедленно аналогичную меру к мешерякам, хотя это и предусматривалось мензелинской программой. Инструкция Кабинета Министров главе Башкирской комиссии Татищеву, датированная 17 марта 1738 г., предписывала:

⁵⁵ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском Архиве за XVIII век. Т. II. № 5382; Сборник Русского Исторического общества. Юрьев, 1902. Т. 114. С. 139.

«Что надлежит до разобрания башкирцов с мещеряками, чувашею и прочими и в землях, то сие дело весьма деликатное, от которого вновь впредь легко новые замешания произойти могут: того ради надлежит вам об оных с довольным уважением о пристойных средствах стараться, чтоб мещеряки за их нынешнюю верность в прежнее башкирцам порабощение не пришли, а и башкирцы вовсе обижены не были; а по здешнему мнению кажется, что мещеряки могли бы довольно быть, ежели прежними своими землями впредь безоборочно владеть станут, а башкирцам остальные оставить; однако же понеже здесь о тамошнем дел состоянии совершенное известие не имеется: того ради оставляется сие больше на общее ваше тамошнее разсуждение»⁵⁶.

Татищев поддержал эти меры, и указ от 20 августа 1739 г., адресованный его преемнику, князю Василию Урусову, санкционировал освобождение мещеряков, приравняв их к тептярям и бобылям, и в то же время окончательно кодифицировал этот свод законов. Вот суть этого важного документа: «Таким мещерякам, татарам и чувашам, которые на башкирских воровских землях живут и прежде башкирцев оброки платили оными землями владеть им и оброков башкирцев не платить, о чем куда надлежит послать указы из уфимской и исецкой провинциальных канцелярий, которые же из них поселились и живут на землях верных и непристававших к воровству башкирцев тем оброки платить по-прежнему, буде же оных платить не похотят, то б шли и селились на пустых бунтовщицких землях особыми деревнями, ибо у верных башкирцов на их земли право отнимать не сходно и было б несправосудно, то есть, чтоб верного с бунтовщиками сравнять...»⁵⁷.

2. Указ от 11 февраля 1736 г. запрещал иметь кузницы в степной части Башкирии, и всякий ввоз оружия: башкиры могли отныне покупать у городских кузнецов лишь сельскохозяйственные орудия.

3. Тот же указ вводил меры против мусульманского духовенства, ограничивая число ахунов в Башкирии четырьмя. Другой указ 1736 г., точная дата издания которого неизвестна, запрещает строительство новых мечетей и башкирских школ. Позже, в указе Сената от 20 февраля 1744 г. речь шла уже об их разрушении, но этот проект не был реализован.

4. Указ от 11 февраля 1736 г. отменил действовавший с XVII в. запрет на приобретение башкирских земель: отныне дворяне, офицеры, служащие, мещеряки, тептяри и бобыли могли покупать у башкир их земли и другие земельные угодья; в то же время башкирам было запрещено содержать в рабстве русских и иноверцев, как ясашных, так и свободных.

5. Указ предусматривал замену бывших старшин племен новыми, избранными под контролем властей.

6. Наконец, указ предписывал исполнить пункт мензелинской программы, касающийся строительства крепостей в Башкирии. Первой здешней крепостью был Табынск, возведенный на р. Белой, вверх по течению от Уфы (указ Кирилову от 26 февраля 1736 г.); он стал началом целой линии укреплений на Оренбургской дороге, вдоль Верхнего Яика.

Наряду с этими перспективными целями мензелинская программа предусматривала более близкие задачи: башкирское восстание следовало подавить силой. Несмотря на оптимистические доклады Румянцева, в последние месяцы 1735 г. повстанческое движение не прекращалось, и поэтому программа сохраняла всю свою актуальность. Изложенные в ней методы подавления восстания выполнялись неукоснительно.

План кампании, разработанный Кириловым и Румянцевым на 1736 г., включал в себя множество отдельных операций. Первая была поручена Тевкелеву, татарину на русской службе и энергичному человеку, который в дальнейшем сыграл большую роль в ор-

⁵⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. X. № 7542.

⁵⁷ Там же. № 7876, Т. XII. № 8875; Новиков В.А. Указ. соч. С.34.

ганизации российского проникновения в казахские степи. Он должен был, выехав из Бирска (город в низовьях Белой), выступить против башкир в Уральские горы и установить русский контроль в районе притоков Верхнего Яика. Тевкелев действовал стремительно и жестоко. Современник этих событий П.И.Рычков рассказал об одном эпизоде. Однажды Тевкелев со своими солдатами направлялся в ущелье Южного Урала, рядом с деревней, где местными жителями была приготовлена засада: «Башкиры, жители означенной деревни Сеянтюсь, уздав, что злое намерение явно учинилось, тотчас на противность отважились, учили было на бывших в квартирах их людей убийственно нападать, и несколько человек ножами поранили. Другие за ружья ухватились и бежать в лес вознамерились, чтоб ведомость подать бывшему на Аю воровскому их собранию, но потому тотчас по всей команде учинилась тревога, и все они, башкирцы, осаждены были командою, и по кратком супротивлении захвачены, близ тысячи человек с женами и с детьми их во оной деревне перестрелено, и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями переколото. Сверх того сто пять человек забраны были в один анбар. и тут огнем сожжены. Понеже все сие случилось ночью порою, и деревня вся зажжена была, то от великого их вопля и от оружейной стрельбы, самое ужасное тогда было позорище. Причем всего удивительнее, что многие из тех воров, будучи в огне, имевшиеся в анбаре копья со многими хульными и с бранными словами на стоящих тут драгун выбрасывали и несколько тем поранили. И таким образом все оной деревни Сеянтюсь жители с их женами и с детьми от мала до велика чрез одну ночь огнем и оружием погублены, а жилище их в пепел обращено».

Весной и летом 1736 г. Тевкелеву удалось укрепиться на востоке Башкирии. При помощи войск, прибывших из Сибири, он действовал с крайней жестокостью. Говоря словами официального доклада, «башкирский народ в такое уже состояние приведен, что с начала их подданства никогда таковы послушны не были и никогда ж страху за свои злодейства не видали, как ныне есть».

На западе края продолжались карательные операции. Румянцев, руководивший ими вместе со своей штаб-квартирой в Мензелинске, начал с того, что дошел до Камы в Сарапуле, и затем двинулся в направлении Демы (приток Белой) – центра прошлогоднего восстания. Башкиры не смогли оказать ему активного сопротивления. Румянцев подражал Тевкелеву, оставив за собой более 200 сожженных за лето деревень, сотни казненных или погибших в борьбе башкир. Поражение башкир у Сакмарска полностью открыло дорогу на Верхний Яик.

Тем не менее, край был таким огромным, что сил, которыми располагал Румянцев, оказалось недостаточно. Летом 1736 г. восставшие еще удерживали территории на правом берегу Белой, в устье и у истока Уфы, а также в некоторых приграничных районах Камы. Под командованием Кильмяк-абыза они продолжали бороться, иногда успешно. 13 августа 1736 г. Кирилов писал докладывая: «Об искоренении воров-башкирцев старание прилагаю, и многое число главных плутов уже в разных местах пропало, а прочие бегаями живот свой спасают; и хотя в июне и в июле воровским обычаем наглости от них были и еще, может быть, произойдут в таких местах, где оплошных найдут, однако к тому пришли, что сей бунт подлинно последним останется, и уже Сибирская дорога вся и по Нагайской многие в совершенное подданство приведены, и остальные, если будут продолжать воровство, с голоду и холоду зимою пропадать станут: лошади и скот во многих местах выпали, и теперь еще падеж не утих».

По крайней мере в отношении ближайшего будущего Кирилов оказался прав.

1737 г. прошел относительно спокойно. В феврале в плен попал один из повстанческих вождей – Кильмяк-абыз. Восставшие, отступив вглубь края, едва сопротивлялись. Соймонов, который сменил Румянцева, переведенного в другое место службы, ограничился летней карательной экспедицией в район Табынска. Там он столкнулся лишь со слабым сопротивлением. На севере башкиры пытались проникнуть продвинувшись в район

Кунгура и Осы, но были легко отбиты. Методы, применявшиеся русскими в ходе всех этих операций, были прежними. Их подробности неизвестны, но в описи донесений, поступивших в Кабинет Министров (25 октября 1737 г.) упоминаются рапорт генерал-майора Соймонова с походным дневником, который он вел по отбытии из Мензелинска, реестр числа убитых и казненных бунтовщиков, а также сожженных деревень, изб, конфискованного зерна, сена и скота.

Еще одно наказание, введенное в 1735 г. – конфискация лошадей у восставших – применялось неукоснительно и сильно подрывало экономику башкир, основанную главным образом на коневодстве.

24 апреля 1737 г. Кирилов скончался. Не стало крупного администратора, но его дело продолжало жить. Преемник Кирилова Василий Татищев, тоже выдающийся человек, до этого являвшийся главой уральских горных заводов, имел большой опыт в башкирских делах. Он продолжил дело Кирилова. Тогда ситуация казалась настолько благополучной, что по инициативе Татищева центр прибег к мере, не предусмотренной в мензелинской программе – взял некоторое число башкир на службу в русскую армию. При этом речь шла не о создании класса новых тарханов, малочисленного и призванного служить властям на местах, а о более демократичном и широком шаге. Грамота, адресованная 5 января 1737 г. старшинам Казанской дороги и всем башкирам, призвала под русские знамена для участия в войне против Турции 3000 человек в качестве «доброхотных», обещая им прощение прежних «противностей». Кирилов, вероятно, был против этой меры, предвидя трудности на пути ее осуществления, но после его смерти Татищеву удалось провести мобилизацию, и башкиры впервые появились в русской армии. 10 июля 1742 г. указом оренбургского губернатора Неплюева башкирам была также поручена военная защита линии укреплений, построенных на южных границах края.

Описывая в декабре 1737 г. ситуацию, Соймонов доносил в Кабинет Министров, что башкиры Казанской и Ногайской дорог были полностью усмирены, за исключением тех, кто скрылся в горах. В действительности же, силы повстанцев, несмотря на урон, нанесенный суровыми репрессиями, не были подорваны. Волнения продолжались в 1738–1739 гг. как на севере, так и на юге Башкирии. В августе повстанцы напали на Ревдинский завод, принадлежавший Демидовым. Район Табынска на Белой опять оказался в руках бунтовщиков, и Соймонов был вынужден опять отбивать его в июле-августе 1738 г. Вскоре пришла весть о сговоре между некоторыми башкирскими племенами и казахами. Последние проникли в край, и их с трудом удалось изгнать. В Санкт-Петербурге были недовольны ситуацией в регионе, и Татищеву, который в начале 1739 г. прибыл в столицу, пришлось держать за это ответ: его задержали и отдали под суд. 17 июня 1739 г. на смену ему был назначен князь Василий Урусов.

Между тем, волнения в крае продолжались, хотя и не так сильно, чем раньше. Поэтому в мае 1739 г. Соймонов вынужден был в третий раз возобновить свою летнюю экспедицию в Башкирию. Центр требовал решительных действий, и одновременно принял ряд законодательных актов, дополнявших мензелинскую программу и указ от 11 февраля 1736 г. Так, инструкции Кабинета Министров, данные 20 августа 1739 г. Урусову, кроме освобождения мешеряков, о котором уже шла речь, реформировали управление башкирскими племенами, сделав его более эффективным для российских властей. Вот основные положения этого документа: «8. ...а впредь, для лучшего в сей Башкирии покоя и добраго между башкирцами порядка выбрать в каждой волости по одному старшине и по несколько есаулов, писарей и сотников; а в которых волостях старшинам и при них по сколько есаулов, писарей и сотников быть надлежит и кого именно в старшины, по рассмотрению вашему, потребно определить, о том учинить вам росписание и для апробации прислать в Кабинет Наш и ожидать Нашего указа, а до того времени их не определять. 9. О должностях оных старшин, есаулов, писарей и сотников, что им отправлять поручено будет, представить вам свое мнение, по чему тогда и определение учинено быть имеет; а

тарханов, которые бунтовали и сообщниками бунтовщикам были, тех всех за их противности отрешить и впредь таких тарханов, без особых Наших указов, не выбирать и не определять».

Донесения, отправленные в Санкт-Петербург в конце 1739 – начале 1740 г. Соймоновым и Урусовым о положении в Башкирии, отличались оптимизмом. Однако надвигался новый кризис. По форме он походил на события 1706 г.: в марте 1740 г. на юге края появился загадочный Султан-Гирей, претендовавший на титул хана Башкирии. Предводители прежних движений были ранее один за другим схвачены русскими; претендент – башкир из племени юрматы на средней Белой, именовавший себя Карасакал – на несколько месяцев сумел собрать вокруг себя остатки повстанцев. Но реакция властей была быстрой. Вот что требовали инструкции, выданные Урусову 9 августа 1740 г.: «Учиненное вами обще с штаб-офицерами июня 9 дня о искоренении бунтующих воров башкирцов и о приходящих с повинною определение, с которого от вас прислана копия, апробуется, по которому вы и поступать имеете, и сверх того стараться вам изыскивать других удобных к тому способов, через которые б возможно было, не допуская до дальнейшего к такому злу расширения, всех тех воров конечно искоренить и все воровские их поступки к спокойствию привести, еже все чинить вам, как прежними указами повелено и по своем благоизобретению, усматривая по их воровским обращениям, ибо отсюда обо всем подробно и точно в резолюцию предписать вам невозможно; токмо при том вам крепко подтверждается, что все конечно стараться нынешним удобным временем тамошнее замешание основательно упокоить и бунтующих воров, как возможно, искать и искоренить, ибо ежели по недавно опубликованным указам и по действительном вступлении с войском Нашим в их жилище, еще с каким упущением времени и ожидая либо их повиновения поступлено будет, то сие только тем вора в потачку, а удобное к действиям время проходить может, и тогда уже не токмо нынешний поход вам с войском без надлежащей пользы втуне обратится, но и тем вора к новому усилению напрасно время дастся».

Летом 1740 г. два отряда, один под предводительством самого Урусова, второй, возглавляемый Соймоновым, вторглись в Башкирию. Первый отряд направился к Сакмарску, второй пошел на север, к предгорьям Верхнего Яика. Карасакал обратился в бегство и исчез среди соседних казахских племен. Лишенные своего предводителя и напуганные появлением русских войск в районах, до сих пор недоступных для последних, повстанцы сдались. Это явилось концом движения, длившегося 5 лет.

Башкиры были подвергнуты жестоким наказаниям. Современник тех событий П.И.Рычков так описывает экзекции, к которым Урусов приступил осенью 1740 г. в Оренбурге и Сакмарске: «...Одиннадцать человек, и в том числе помянутого Карасакала семь есаулов за ребра, восемьдесят пять человек за шею повешены, двадцать одному человеку отсечены головы и воткнуты на колья, в том числе и самого главнейшего возмутителя башкирского Аландзи Айгула, который частопомянутого Карасакала вымыслил, голова отсечена у мертвого, ибо он, как везли его под караулом в Оренбург, сам себя умертвил тем, что не пил, не ел более десяти дней, а прочим оставшим злодеям экзекуция была 17 сентября, по прибытии его, генерал-лейтенанта в Сакмарск, где ста двадцати человекам отсечены головы, пятьдесят человек повешено да триста один человек наказаны отрезанием носов и ушей...».

Ранее, 27 июля 1740 г., Урусов собрал в Оренбурге башкир, прибывших сюда для того, чтобы получить помилование, и обратился к ним с весьма изысканной речью, – ее автором, видимо, был будущий историк и географ губернии, а в то время секретарь оренбургской администрации П.Рычков. Это выступление стало ярким изложением тогдашней российской имперской доктрины. Урусов упрекал предводителей башкирских племен в разорении своего народа безрассудными делами. Край обязан своим счастьем российским монархам. До завоевания он разорялся ногайцами и казанскими и сибирскими татарами, которые брали неимоверно большие налоги. Российские монархи у него потребова-

ли лишь очень скромный ясак, основали Уфу в центре края, чтобы облегчить его выплату, провозгласили право башкир на свои земли, признали за многими из них титул тархана, разрешили приход тептярей, которые способствовали процветанию Башкирии и платили башкирам арендную плату. Башкирия обогатилась и стала процветающей. Российские монархи имели право ожидать, что их благодеяния будут компенсированы полной лояльностью народа, поднявшегося до состояния процветания и богатства, которых он никогда раньше не знал. Однако башкиры взамен отплатили рядом воровских восстаний, но даже тогда российские монархи им выказали свою снисходительность: вместо того, чтобы истребить башкирский народ, они простили ему его ошибки. В итоге Урусов приглашал своих слушателей поразмыслить над совершенными преступлениями и решить, могут ли башкиры быть достойны прощения.

Мы не знаем, как восприняли башкиры этот образец чиновничьего красноречия. Ясно лишь, что край был обескровлен потерями, вызванными пятилетней борьбой и ужасными репрессиями. П.И.Рычков составил их впечатляющую статистику за 1735-1740 гг.: 16634 казненных, 3236 высланных; 12283 лошади, конфискованных в качестве штрафа, 6076 убитых лошадей, 696 разрушенных деревень⁵⁸.

Но эти цифры – не единственный результат грандиозного кризиса 1735-1740 гг. Его следствием стали мензелинская программа и меры, предпринятые по ее реализации. Россия впервые активно вмешалась в административную и социальную организацию Башкирии; до сих пор она лишь собирала с башкир небольшой ясак и не вмешивалась в их жизнь. Активизация России привнесла совершенно новые моменты в ситуацию. Подведем итоги произошедшим изменениям.

Прежде всего отметим, что в ходе кризиса 1735-1740 гг. правительство впервые создало на местах политический слой своих сторонников. За неимением русских, всегда малочисленных, пришлось опереться на мешеряков, тептярей и бобылей, т.е. нерусских выходцев из Казанской губернии. Указы 1736 и 1739 гг. освободили их от всякой зависимости по отношению к башкирам и предоставили им в полное распоряжение земли, которые они до этого арендовали. Пришлое население оставалось подчиненным непосредственно русским властям, которые в 1747 г. ввели для него налог, аналогичный налогу для крестьян империи – 80 коп. с души в год⁵⁹. Тем не менее, переселенцы были, как и башкиры, освобождены от бесплатного предоставления средств транспорта.

Затем правительство установило свой контроль над вождями племен. Мы уже знаем о документе, принятом 20 августа 1739 г., который, исполняя положения мензелинской программы и указа от 11 февраля 1736 г., добился этого результата. Назначение новых племенных старшин отныне осуществлялось центральной властью. Проводить эту реформу выпало на долю оренбургского военного губернатора Неплюева, который управлял Башкирией с 1742 г. Он устранил тех, чье поведение в ходе волнений не отли-

⁵⁸ О кризисной ситуации 1735-1740 гг. см.: Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. №№ 6831, 6860, 6887, 6972; Т.X. №№ 7149, 7278, 7251, 7318, 7542, 7662, 7798, 7876, 7977; Т.XI. №№ 8124, 8200, 8346; Т.XII. № 8875; Сборник Русского Исторического общества. Т.108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146 (я не могу сослаться на конкретные страницы: протоколы Кабинета Министров просто изобилуют данными, иногда слишком поверхностными, а иногда ценными); *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т.XX. С.315 и сл., 403 (сведения, извлеченные из источников, очень важных, но, к сожалению, слишком неполных); *Рычков П.И.* История Оренбургская. С.3 и сл., 99 и сл., 195 и сл., 291 и сл., 380 и сл., 415, 425-427, 483 и сл.; Попов Н. В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С.177 и сл. О Рычкове см.: *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867; *Рычков П.И.* Записки // Русский Архив. 1905. Кн. III.

⁵⁹ Документ, датированный 1747 г. и вводящий подушную подать в размере 80 коп., отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи», но о нем упоминается в опубликованных там трех указах финансового характера; они касаются содержания Оренбургского и Уфимского полков и изданы в то же время (13 октября 1747 г., 2 декабря 1747 г., 13 февраля 1748 г.): Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. №№ 9447, 9455, 9484; *Рычков П.И.* Топография Оренбургская. С.130, 132, 134; *Витевский В.* Указ. соч. С.404, 425 и сл. Ср. указ от 2 ноября 1756 г. о призыве: Полное собрание законов Российской империи. Т.XIV. № 10613.

чалось лояльностью, и ввел строгий контроль над новыми назначениями. Башкирские старшины были подчинены уфимскому военному губернатору и им в 1745 г. были даны инструкции, некоторые статьи которых приведены ниже:

«1. Не токмо самому тебе быть верным, но и за всеми подчиненными тебе накрепко смотреть: ибо ежели что пренебрегут, то равно или вяще, как те противники, истязаны будут.

2. По указам Ея Императорского Величества, исполнение не токмо самим точное и без замедления чинить; но как тобою и через сотников всех подчиненных твоих к тому исправно исполнять и принуждать, а буде кто из подчиненных учинится ослушен, таковых штрафовать тебе позволительными штрафами, яко то: арестом или плетью и, оштрафовав, отрепортовать сюда, в Уфу, кто штрафован и за что именно, тако уже отговорке места не будет, что тебя не слушают; следственно, в таком неисправлении ты ответствен и штрафован будешь...

5. Каждый месяц в Уфимскую провинциальную канцелярию каждому старшине о своей волости репортовать».

Очень строгий контроль осуществлялся также над ахунами (муллами)⁶⁰.

Меры, принятые по отношению к руководителям племен, пошатнули положение старой аристократии – тарханов. Русские видели в них основных инициаторов восстания. В 1740 г. Урусов завил: «...Которые от возмутителей ваших хотя про оныя высочайшия и чрезвычайныя милости несколько известны были, но они, вместо того, чтобы прославить государей своих и верныя службы оказывать, паче тщались. Чтобы подлым людям на толковывать, аки бы то, боясь вас. Делается и тем всегда глупых и безрасудных людей возмущали, а о себе всегда вы мнили, аки б между всеми российскими подданными вы знатнейшие и, как я здесь слышал, старинными господами себя называли».

В 1739 г. правительство предписало сместить всех тарханов, принимавших участие в восстании, и не назначать новых без специального на то распоряжения. Последующие события не позволили реализовать эти меры. В дальнейшем от них отказались по совету Неплюева, который утверждал, может быть обоснованно, что простой народ также несет ответственность за восстание. Таким образом, восстание 1735-1740 гг. ликвидировало господство бывшей башкирской аристократии. После восстания тарханы не являются более «господами» и «князьями», каковыми были прежде⁶¹.

Особо следует отметить, что кризис 1735-1740 гг. заставил правительство в 1736 г. разрешить продажу башкирских земель, запрещенную в XVII в. Эта мера открыла Башкирию для русской колонизации. Далее я покажу, когда и как проходила колонизация и насколько радикально она изменила облик края.

В ходе кризиса 1735-1740 гг. башкиры подверглись тяжелейшим испытаниям, их людские и материальные потери были огромными. Но тем не менее, традиционные основы существования этого народа сохранились. Башкиры продолжали жить племенами, владели огромными и богатыми землями, почти не обрабатывали их и платили умеренный ясак, который, впрочем, вскоре был заменен новым налогом, столь же легким. Российское государство в XVII-XVIII вв. получало большую прибыль от монополии на соль. В качестве примера возьмем данные бюджета 1788 г.: в округленных цифрах из 46000000 руб. общего дохода 11000000, т.е. почти 1/4, приходились на продажу соли. Но башкиры всегда сами добывали соль на илецких солончаках в восточной Башкирии, ничего при этом не платя государству. Глава монополии, Контора соляных дел, озабоченная этой ситуацией, в 1753 г. подняла вопрос о соли в Сенате; последний поручил Неплюеву выяснить, можно ли заменить ясак для местных народов обязанностью покупать соль у государства (указ от 7 мая 1753 г.). Неплюев дал положительный ответ, отметив, что ясак приносил лишь 4392 руб. 62 2/4 коп. в год и что башкиры не были против его замены по-

⁶⁰ Витевский В. Указ. соч. С.410 и сл., 417 и сл.

⁶¹ Рычков П.И. История Оренбургская. С.415; Витевский В. Указ. соч. С.412.

купкой соли. Сенатский указ от 16 марта 1753 г. объявил, что башкиры и мещеряки отныне освобождаются от уплаты ясака взамен на покупку соли у государства⁶². Полагаю, что не стоит преувеличивать значение этого акта.

Башкирия в конце XVIII в. Несмотря на жестокие репрессии 1735-1740 гг. и реформы, проведенные русскими во время и после этого кризиса, в Башкирии тлело недовольство. Коренное население еще дважды восставало в XVIII в.: в 1755 и в 1773-1774 гг. Оба этих восстания были не столь масштабными, как в 1735-1740 гг. Первое из них было лишь попыткой волнения, а второе – частью чисто русского бунта, каковым явилось восстание Пугачева.

Движение 1755 г., в отличие от других башкирских восстаний, начал и возглавил один руководитель, обладавший яркими качествами, хотя известно о нем самом мало. Его имя было Абдулла Мязгялдин; русские называли его просто Батырша (уменьшительное от «батыр» 'начальник'). Он был мещеряком (татаринном), семья которого поселилась в Башкирии, и влиятельным муллой. Мусульманский фанатик, он ненавидел русских и ходил по Башкирии, призывая к освободительной войне против неверных. Свою программу он изложил в своеобразном манифесте, написанном, очевидно, в 1754 г., и попавшим в руки русских. Никогда еще чаяния башкир и их протесты против господства России не были изложены так ясно и красноречиво.

Причины недовольства были таковы: «...Божью повелению повинуйтесь, от которого попрося помощи и положи на него надежду нашу и упование и представя ему ходатая себе избранного пророка нашего Мухаммета, оных неверных россиан раззорять начнем те и их с земли своей изженем и сгубили те и в жилищах своих мечети и училищи построим и правя наша веры ко укреплению попечемся...».

А вот что требовал Батырша: «Всем вам верным и исповедующим единого Бога предлага советую... с неверными россианами в согласии не быть, правоверных не разорять и кровь их не проливать, имения не грабить и самим в слуги и в плен не имать и им, неверным россианам, головами вашими иимением во всякой службе, то есть на службе в лопатничьей работе не быть и им, неверным, городов не строить и не утверждать и их от жила до жила и от города до города на подводах ваших не возить, ясака и фуражу не давать и на землях и водах, искони дедам и отцами вашими владеющих, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать...».

К прежним жалобам прибавилась теперь новая: на замену ясака соляной монополией. Была ли благом отмена ясака? Автор манифеста, вероятно, сам не уверен в своих мыслях, но стремится убедить окружающих, что они вновь стали жертвами русских: «...Как то в прошлом году они, неверные, ... старались единым токмо оплошных верных нашим обманом, то есть с башкирцов и мещеряков сложением ясака... чтоб уфимского уезду всех четырех дорог народ то почем к себе за милость государеву и служил... Алчет их, неверных, тело есть и жаждет их кровь пить... Ис казны божией получаемую из гор и озер соль брать воспретили, а ис казны своей покупать принудили, и насильно издревле за вотчинные земли платимой ясак платежей оставили».

Революционная программа Абдуллы Мязгялдина имела определенный успех. В мае 1755 г. начались волнения в одном из племен Верхнего Яика, которые вскоре охватили окрестные племена. Тем не менее, несмотря на опасения русских властей, северные и западные племена, а также тептяри и мещеряки остались верными правительству. Неплюев, губернатор края с 1742 г., действовал энергично. Русские войска вновь вторглись в Башкирию, не щадя ни имущество, ни людей. Башкиры еще слишком хорошо помнили ужасную расправу 1740 г. и бросились в бег. Тысячи людей перешли южную границу, чтобы укрыться у казахов. 1 сентября 1755 г. своим указом правительство пообещало беглецам амнистию в случае их добровольного возвращения, и мало-помалу башкиры стали возвращаться домой. Абдулла Мязгялдин скрылся на севере страны. В 1756 г. его

⁶² Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 10097; Т. XIV. № 10198.

схватили мещераки и выдали властям. Те поместили его в Шлиссельбургскую крепость, где он позже погиб во время попытки к бегству.

Участие башкир в восстании Пугачева 1773-1774 гг. представляет особый интерес. Впервые со времени своего вхождения в состав России башкиры застали центральную власть в состоянии тяжелейшего внутреннего кризиса, и все это в непосредственной близости от них. Подобная ситуация повторится лишь в 1918 г. Правителям России угрожали российские же главари восстания, и башкирам пришлось выбирать, чью сторону принять. Было возможно два варианта: либо перейти на сторону одного из этих лагерей, либо, воспользовавшись гражданской войной, добиваться самостоятельности. Отсутствие единого руководителя помешало им сделать этот выбор. Некоторые племена или отдельные их части то вставали на сторону законной власти, то на сторону так называемого «императора Петра Федоровича» – Пугачева, талантливого и энергичного, но неграмотного казака; другие племена пытались достичь своих собственных целей, не выходящих за рамки простой ненависти к русским и желания разрушать и грабить: на этот раз не было Абдуллы Мязгялдина, чтобы сформулировать национальную идею. Под влиянием этих факторов позиция башкир в восстании Пугачева страдала отсутствием единства и четкости.

Движение Пугачева началось на Яике, и яицкие казаки составили его основу. Таким образом, первоначально оно было чисто русским. Но к осени 1773 г. повстанческие шайки подошли к южным границам Башкирии. По совету яицких казаков, хорошо знавших этот край, Пугачев сделал все возможное, чтобы привлечь башкир на свою сторону. Он применил те же методы, что обеспечили ему успех у русских: попытался выдать себя за «императора» и призвал башкир поддержать своего «законного» монарха. Царские военачальники, испытывающие дефицит солдат, поступали так же, стремясь получить поддержку от башкир. Вначале пропаганда Пугачева не имела никакого успеха, но и приказу о мобилизации, отданному царскими властями, башкиры не подчинялись.

В сентябре 1773 г. 500 башкир, посланных против крупного отряда повстанцев, перешли на их сторону в районе среднего течения Белой. В ноябре несколько севернее другая группа из тысячи человек поступила аналогично. Тем не менее, большинство племен осталось пассивными, по крайней мере в районах, не занятых повстанцами.

В конце 1773 – начале 1774 г. башкирское движение усилилось на Верхнем Яике и в районах, соседствующих с Южным Уралом. Волна политической и социальной анархии, поднятая Пугачевым, захватила башкир и все население этого региона. Один из русских генералов, Павел Потемкин, писал своему двоюродному брату графу Потемкину 12 июня 1774 г., что здешний «народ... предан по большей части злодеям...». Если Пугачеву и не удалось привлечь многих башкир в свои войска, то его появление дало племенам, недавно усмирённым, сигнал к грабежу и разрушениям. Они уничтожали крепости, захватывали русские деревни и сжигали горные заводы. Башкирские войска, которым Неплюев в 1742 г. поручил охрану Яицкой укрепленной линии, приняли активное участие в этих беспорядках. В «Увещании», адресованном 4 апреля 1774 г. комендантом Верхояицкой крепости к башкирам региона и хорошо характеризующем умонастроения среди коренного населения, отмечалось, что их охватило безумие, башкиры ждут вора и самозванца Емельку, простого казака подлого происхождения, осмелившегося принять имя царя Петра, который, придя от Оренбурга со значительными силами, обещал предоставить им большие милости. Комендант также писал, что башкиры живут, аки звери в полях. Длительное время российские власти, временно устраненные из этих регионов шайками Пугачева, ничего не могли предпринять, чтобы положить конец этому. Заводовладельцы не имели других средств одолеть башкир, кроме призыва к сотрудничеству, обращенного к Пугачеву, – призыва, который, конечно же, остался без ответа.

Но после поражения Пугачева и появления русских властей башкиры Верхнего Яика вернулись к порядку так же естественно, как и поддержали самозванца. Власти по-

требовали от старшин, которых они контролировали со времен реформы Неплюева, чтобы те заставили свои племена принести повинную и в сентябре 1774 г. один из генералов (Павел Потемкин) заявил военному губернатору Сибири Чичерину: «Башкирия также утихает и старшины не перестают являться с повиновением. Вступление же стекающих сюда войск и команд господина генерала графа Панина ускорит возстановление совершенно тишины и спокойствия всего здешнего края, несказанные бедствия претерпевшего».

В это время осталось лишь несколько отрядов во главе с Юлаем и его сыном Салаватом, которые не сложили оружия. Эти два главаря были схвачены в ноябре 1774 г. Суворовым, и восстание закончилось. Итоговый доклад Петра Панина, которому Екатерина II поручила подавлять пугачевское движение, констатировал: «3). Башкирский народ возвращен в прежнее скипетру вашего Величества подданическое повиновение. 4). Все без изъятия главные предводители бунтовщичьих шаек, как российские, так и башкирские большею частью, да и сам самозванец доставлены живыми к монаршему правосудию, а затем оставшиеся из них восприяли или казнь или пали под правосудным военным мечем Вашего Императорского Величества на местах злодеяния их»⁶³.

После окончания восстания были разработаны меры по пресечению в дальнейшем всяких беспорядков, но реально в царствование Екатерины II не было предпринято ничего существенного.

Глава VII Промышленное освоение Урала

Возникновение уральской горнозаводской промышленности. Обширная территория Перми Великой, русских поселений Западной Сибири и башкирских земель скрывала в своих недрах сокровища, о ценности которых долгое время не было известно и которые, конечно, не влияли на продвижение русских на восток. Эти сокровища – огромные запасы полезных ископаемых в Уральских горах. Их начали добывать лишь на рубеже XVII – XVIII в. Вскоре экономические и политические последствия этого оказали огромное воздействие на развитие этого региона и его население. Таким образом, без учета разработки Россией уральских рудников история этой окраины империи будет не полной.

С момента своего появления на средней и верхней Каме русские начали вести разведку металлов, в основном, меди, необходимой для чеканки монеты. Вероятно, эти месторождения русским указали местные кушеры, которые издавна имели здесь мелкое литейное дело. Первая грамота, выданная Строгановым в 1558 г., гласила: «А где будет найдет руду серебряную или медяную или оловянную, и Григорью (Строганову. – Б.Н.). тот час о тех рудах отписывати к нашим казначеям...»⁶⁴.

⁶³ Я не стану пересказывать здесь историю пугачевского восстания, о котором я уже говорил. Участие башкир в Пугачевщине изложено мною по: *Грот Я.К.* Труды. СПб., 1901. Т.IV. С.466-673 (см. особенно письма Кара и Бибикова); *Дубровин Н.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т.II. С.111; Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С.74-218; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевщина в Сибири. М., 1898; Пугачевщина. Л., 1926-1931. Т.I-III; Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т.I. С.437-458; *Юдин П.Л.* К истории Пугачевщины // Русский Архив. 1896. Кн.II. С.5-46, 161-184.

⁶⁴ Г.Ф.Миллер (*Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750. Кн.1. С.76 и сл.) и А.Введенский (*Введенский А.* Аника Строганов в своем сольвычегодском хозяйстве // Сборник статей по российской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.97 и сл.), кажется, допускают, что в своих прикамских владениях Строгановы начали выпускать железо еще в начале XVI в. Эти же авторы полагают, что Строгановы переняли это у англичан. Действительно, последним в 1569 г. было разрешено добывать руду в России (привилегия сэра Томаса Рандольфа), но не на Каме, а на Вычегде (*Lioubimenco I.* Les relation commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933. P.36).

Естественно, что Строгановы не нашли на Урале серебра и свинца, а медь, по всей видимости, их почти не интересовала. Строгановых больше всего занимали соляные копи. Поэтому медь стало добывать государство. При царе Михаиле Романове возле Соли Камской была построена первая медеплавильня, позднее перенесенная на земли Пыскорского монастыря (Среднее Прикамье). В одном из документов по истории горной промышленности Урала, об этом говорится: «В прошлом во 143 (1635) году по Нашему Государскому Указу посыланы с Москвы к Соликамской для Нашего рудознатца дела гость Надея Светешников, да подьячей Илья Кирилов, да с ними послан иноземец рудозналец немчин Арист Петцольт с иными с мастеровыми с рускими и немецкими людьми. И приехав они к Соликамской иноземец Арист прежнего мельничного заводу, где было быть Нашему медному делу у Григоровы горы, досматривал и сказал, что то место на мельницу негодно потому, что тут в речке вода мала. И ... для прииску к мельничному заводу ездили, и приискали под мельницу место, у того у Пыскорского монастыря их монастырское, на речке на Камкарке, на той же горной стороне от Григоровой горы вниз по Каме реке 25 верст. И на той речке на Камкарке за плоту и мельницу на Наше медное дело он, гость Надея Светешников да подьячей Илья Кирилов поставили. Да у них же Пыскорского монастыря у арх[иепископа] Гермогена с братиею против их Пыскорского монастыря за Камою рекою взят луг для сенных покосов медного дела, угольных пожегов на кровлю»⁶⁵.

Мы видим, что это уже была не маленькая кустарная печь, а настоящий завод, имевший плотину, движимые водой механизмы для дробления руды, место для углежжения, и, наконец, сам плавильный цех. Наличие иностранного мастерового гарантировало, что завод будет функционировать. О руде, добытой в шахте Григорьевской горы и предназначавшейся для нового завода, местные власти сообщали: «...прошлаго 149 (1641) года июля с 1 числа сентября по 1 число 150 пуд (1 пуд=16, 38 кг – *Б.Н.*), а сентября с 1 числа генваря по 1 число на Григорове горе уломано медных руды при немцах пять сот десять пуд; да 150 (1642) года генваря с 1 числа февраля по 6 число после немецких мастеров при русских урядчиках на Григоровой горе уломано медной руды по смете с тысячу пуд...»⁶⁶.

Эти показатели невелики, но, тем не менее, они свидетельствуют, что это было уже не кустарное предприятие. Об этом же говорит и наказная память Ивану Онофриеву, отправленному в 1643 г. управлять Пыскорским заводом: «Ехати ему к Соликамской к медному делу, а приехав у медного дела в гостиной сотни у торгового человека у Кирила Босово, медное всякое строение и запасы и всякия снасти и за расходы остаточныя деньги и руским мастеровым людям, плавильщиком, и подплавильщиком, и ссылочным денежного дела вором, именную роспись и места, где руда объявилась, и во всем с ним росписаться именно. А росписався у старых мест, где медная руда съискана, велеть руду копать и в иных местах искать, и из тех руд, где объявится, опыт чинить. А сколько руды положат, и что выйдет из нее меди, и то записывать в книги именно... А дрова и лес и уголье велеть готовить и уголье жечь угольщиком, которые были наперед сего; а для работы тем угольщиком и к медному делу к работе наймовать деловцов охочих...»⁶⁷.

Несмотря на значительные затраты государства по строительству первого металлургического завода на Урале, он работал с перебоями. Немецкий мастер был отозван – вполне вероятно, что он понадобился для других дел – в Москву, а завод сдан в

Впрочем, маловероятно, что англичане воспользовались этим правом. Попытки Строгановых производить железо, безусловно, относятся не к XVI в., а к более позднему времени.

⁶⁵ Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С.42-43.

⁶⁶ Там же. С.48.

⁶⁷ Там же.

аренду двум партикулярным людям, Ивану и Дмитрию Тумашевым; подобного рода дуэты часто встречаются в истории уральской промышленности. Через 2 года братья Тумашевы занялись строительством медного завода на Нейве, в Сибири. Из Москвы была послана новая команда иноземцев. Однако ее начальник умер, и иностранные рабочие были отозваны на войну со Швецией. Завод бездействовал много лет, и лишь в 1722 г. возобновил работу⁶⁸.

Трудности в Пыскоре не испугали разведчиков медной руды⁶⁹. Но окончательное превращение Урала в центр горной промышленности произошло благодаря не меди, а железу. Уральское население так же давно знало о месторождениях железа: небольшие литейные мастерские были здесь практически везде – вспомним о запрете башкирам иметь свои кузницы. Геннин, организатор казенных горных заводов при Петре I, писал: «В прошлом 1722-м году, когда прибыл в Сибирь от артиллерии тогда бывшей генерал-майор, что ныне генерал-лейтенант и кавалер Дегеннин (Геннин. – Б.Н.), и тогда Арамилской слободы крестьяне Федор Бабин с товарищи объявили ему железную руду, обысканную близ реки Сысерти, о которой при объявлении ее доносили, что она обретена назад тому лет с сорок Арамилской слободы крестьянами, которые из оной руды до зачатия заводов и до прибытия ево, генерала-лейтенанта, делали чрез малые печи и употребляли в продажу железо и со оного десятую платили в Арамилскую земскую кантору. А когда он, генерал-лейтенант, на заводы прибыл, тогда дело кричного железа для избежания от непорядочного жжения на уголь и руде от незнания практики напрасной траты им, генералом-лейтенантом, пресечено, а велено довольствоваться железом от казенных заводов»⁷⁰.

Кустарная плавка железной руды велась по всему Уралу. Некоторым крестьянам удавалось за день выплавлять до 5 пудов (около 80 кг) железа⁷¹.

Конечно, настоящей горной промышленности, способной удовлетворить потребности Московии, тогда еще не было. Железо продолжали импортировать, в основном из Швеции. Но как только его нашли на восточном Урале, то государством и частными лицами сразу же были предприняты попытки организации здесь промышленного производства. В 1676 г. два немца, Самуэль Фрич и Ганс Герольд, были посланы царем Алексеем Михайловичем на Урал с предписанием найти не только медь, но и железо. Они привезли два образца руды, но сообщили, что этот край слишком дикий⁷². На этом попытки промышленного освоения региона закончились.

С другой стороны, один из упомянутых мною братьев Тумашевых, прибыв на строительство аналогичного завода на Нейве, восточнее Уральских гор, и не найдя там меди, заинтересовался железом. Он стал просить Москву разрешить ему строительство здесь горного завода. Разрешение он получил в 1669 г., а на следующий год построил первый уральский железоплавильный завод, Федьковский, который работал почти 10 лет и остановился к 1680 г. по неизвестным мне причинам. Позже Далматов монастырь возвел другой маленький железоплавильный заводик, на месте будущего Каменского,

⁶⁸ Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1737 г. М., 1937. С.540 и сл.; Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10/VIII; Злотников М. Первое описание уральских и сибирских заводов // Геннин В. Указ. соч. С.19.

⁶⁹ См.: Кунгурские акты XVII-го века (1668-1699 гг.). СПб., 1888. № 76. 4 августа 1699 г. кунгурскому воеводе было рекомендовано способствовать подполковнику Лорану Нейтору в поисках меди. Мы не знаем, кто был этот подполковник, но возможно речь в документе идет о бывшем шведском военнопленном, ср.: Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. Berlin u. Stettin, 1789. Bd.I. S.13.

⁷⁰ Геннин В. Указ. соч. С.462.

⁷¹ См.: Геннин В. Указ. соч. С.42 и сл.

⁷² Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S.13.

который сохранился до наших дней, но был скорее кустарным и обслуживал лишь сам монастырь⁷³.

Все эти попытки наладить производство железа на востоке Урала долгое время оставались единичными и не дали ощутимых результатов. Лишь в самом конце XVII в., при Петре I, на Урале возникла настоящая железоделательная промышленность. Своим рождением она была обязана одному из первых соратников Петра, Андрею Виниусу, который сыграл важную роль в качестве создателя русской промышленности. Сын голландца, родившийся в России и сильно обрусевший, он с 1695 г. был думным дьяком Сибирского приказа⁷⁴. Узнав об открытии на Тагиле (приток Туры) крупных залежей магнитного железа, он писал 7 мая 1697 г. Петру I, только что отбывшему в свою знаменитую зарубежную поездку: «К тому та магнитная руда, сказали опытки, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит от 30 до 40 фунтов самого доброго железа». В то время в России не было специалистов, которые бы оценили качество найденного «магнита» и тем более организовали бы его плавку. Поэтому Виниус попросил Петра срочно найти у курфюрста Бранденбургского или в Голландии мастеров-сталеваров, производителей пушек, мушкетов, гранат и бомб. «И то дело будет в такое диво, – добавил он, – во всей вселенной не бывало». Виниус постоянно напоминал об этом императору. Вот что мы читаем в одном из его писем: «Пречестнейший мой милостливый господин... Прошу еще об железных мастерах постараться, и о таких, которые бы делали сталь, мушкеты, замки, сабли или бомбы, понеже, железо предивное обрелось из магнита, и заводов из магнита – изволь доведется – мню, от бытия мира не бывало».

А вот что отвечал ему император: «Письмо твое, майя 27 писанное, мне отдано июня 24 д., в котором пишешь ваша милость о мастерах; о чем уже обнадеживаем вашу милость, что исполнено будет, потому что в Дрезден у нас взялся тот дворянин, которому от короля заводы приказаны; а сами мы за скорою ездою тех заводов видеть не могли. А камень тот, которой ваша милость дала мне, утерялся еще в Кюнисберге»⁷⁵.

Хотя Петр I не был, подобно Виниусу, сторонником производства железа на Урале, потребности русского флота вынудили его поддаться на уговоры дьяка. Несмотря на краткость своего пребывания в Саксонии, Петр успел принять на службу 2 горных инженеров, берг-мастера Эндерляйна и пробирера Блюхера, а также с десятков мастеровых⁷⁶. Едва вернувшись в августе 1698 г. в Москву, царь распорядился начать реализацию планов Виниуса и Сибирского приказа. Так на Урале началось строительство первых горных заводов. Князю Михаилу Черкасскому⁷⁷, в 1697 г. ставшему тобольским губернатором, было поручено следить за этой стройкой, а из Москвы в Верхотурье отправили 22 рабочих и учеников, «Якушку со товарищи», взятых, вероятно, на тульских и олонечких заводах. Им было приказано как можно скорее построить предприятия⁷⁸. Черкасский оказался неплохим администратором, и успешно справился со своим зада-

⁷³ Дополнения к актам историческим. Т. V. № 10; Бакланов Н. Техника металлургического производства на Урале. М.; Л., 1935. С.13 и сл.

⁷⁴ К сожалению, биография Виниуса пока не написана. См. о нем: Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (материалы для истории русского горного промысла). СПб., 1875. С.236. Отдельные сведения об его административной карьере см.: Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т.V. С.721 и сл. См. также: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т.II. С.125 и сл.

⁷⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.I. С.623, 627, 664, 722, 721, 263, 264, 732, 731, 637.

⁷⁶ Schlözer A.L. Münz-geld und Bergwerks-Geschichte des Russischen Kaiserthums, von J.1700 bis 1789. Göttingen, 1791. S.84.

⁷⁷ О нем см.: Русский биографический словарь. СПб., 1905. С.219 и сл.

⁷⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Т.I. № 7. Указ властям Тобольска, датированный 1700 г., воспроизведен в забытой ныне статье Н.Абрамова «О железных и оружейных заводах в XVII и первой половине XVIII столетий» (Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Т.XXX. С.190 и сл.).

нием. Виниус, летом 1702 г. отправившийся в Сибирь для ревизии работ, 8 декабря писал из Верхотурья Петру I: «А тщанием верного вашего государева раба, князя Михаила Яковлевича, на первых заводах к вешнему поплаву пушек, мортиров и гаубиц болши 100, чаю, быть; да мешает майстеров пьянство – и за то наказаны – и приставников умная слепота. А на других пушек будет мало для опоздалого времени и многих прошедших до меня хлопот и крестьян коварства, которые успокоены ныне весма. Уповаю, государь, еще в 2 местах или трех великим заводам быть и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут, буде помешек не явится, с 1400000 пуд. А руды, государь, железной богатой толикое обрел число, что, чаю, прежде лесам оскудение нежели рудам, будет; а наипаче, что железо то зело добро и равняется с Гишпанским. Но сие, государь, великое дело требует великое время, донде же созреет и приставников верных; и теми здесь скудно, и к тому различные помехи являются, их же вам, великому государю, донесу и протчих новообретенных делех велми полезных».

Черкасский построил в 1698-1704 гг. заводы, частично существующие до сих пор: Федьковский (на месте бывшего завода Тумашева), который почти сразу же был перенесен на Нейву, став Невьянским заводом («Старый завод»), Алапаевский, Уктусский⁷⁹, Каменский заводы. Вот что писал о них Геннин.

Невьянский завод: «В прошлом 207-м году, апреля 23 числа, по имянному великого государя указу и по выписке за пометою дьяка Никиты Зотова велено в Верхотурском уезде, на реках Тагимле и Невье, где сыскана железная руда, завести вновь железные заводы, а мастеровых людей взять с разных железных русских заводов по челоу или по два, смотря, чтоб на тех заводах в мастеровых людех скудости не было и тех заводов не остановить».

Те заводы строены и по постройке в разные работы посылаемы были крестьяне из слобод Тагильской, Невьянской, Ницынской, Ирбитской, Арамашевской, Белослущей, Аятской, Краснопольской, Чюсовской, Белоярской, Новопышминской, Камышловской, Пышминской, Красноярской, Тамакульской и верхотурския ямские охотники не по равному числу, но когда сколько понадобится».

Алапаевский завод: «В прошлом 1704-м году по указу б.и.в.д.п.е.и.в. Петра Первого, присланном с Москвы из Сибирского приказу в Тобольскую губернскую канцелярию, а ис Тобольска в Верхотурскую воеводцаго правления канцелярию, оной завод заведен и построен в Верхотурском уезде, в чертеже Невьянской и Мурзинской слобод, на государевой земле, на порожнем месте, на речке Алапахе, которая впадет в реку Нейву от онаго заводу в дву ста саженьях, а от Екатеринбурга оной завод стоит на север, на дороге едучи на Верхотурье, в разстоянии во 142 верстах».

Строил те заводы стольник и верхотурской воевода Алексей Калетин Верхотурского ведомства Невьянской, Арамашевской, Ирбитской, Ницынской, Камышловской, Красноярской, Пышминской и Белослущей слобод крестьянами».

Уктусский завод: «Оной Уктуской завод строен на устье реки Уктуса, близ Исети, от Екатеринбурга в семи верстах. Начат строить в 1702-м году декабря с 4-го числа в бытность в Тобольску ближнего боярина и воеводы князя Михаила Яковлевича да сына ево ближняго ж стольника и воеводы князя Алексея Михайловича Черкасских. У строения того завода был присланной ис Тобольска прикащик Иван Астраханцов».

Оные заводы строены Тобольского и Верхотурского уездов разных слобод крестьянами...».

Каменский завод: «Оной завод заведен и зачат строить по указу ис Тобольска в 1700-м году июля с 8-го, а совершен октября 15 числа 1701-го году, и построена плотина, домна и молотовая фабрика и анбары и сарай для клажи припасов, кантора, кузница и квартиры для житья мастеровым людям».

⁷⁹ См.: Берх В. Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов // Горный журнал. 1828. № 3. С.98 и сл.

Строен оной крестьянами Китайского да Кочеданского острогов, также Каменской, Камышевской и Багарядцкой слобод за снятые с них, крестьян, денежные и хлебные оброки по переписным книгам Ивана Качалова.

У того строения был присланной ис Тобольска сын боярской Иван Астраханцов да плотинной мастер Ермолай Неклюдов»⁸⁰.

Став через несколько лет думным дьяком Сибирского приказа, Виниус мог с гордостью заявить: «Сыскано такое в тамочной стране железо и заводы двои заведены, а трои починают, что возможно, когда все устроятся, железа чюгуну быть в году 1500000 пуд, а иноземцы, смотря доброту его, что явилось лутче Свейского кованого, дают у города поставить за пуд по ефимку, ис которого выдет в переделе рубль с алтыном. И ис того железа учили делать фузеи, сабли, тесаки, копыя, сталь, уклад, лить пушки, мортиры, гоубицы, которые добротою разве малым хуже медных...»⁸¹.

Таковы были инициативы государства. Интересно, что они сочетались с деятельностью частных лиц. В этом отношении особое значение имела передача в 1702 г. из казны вновь выстроенного Невьянского завода Никите Демидову. Этот бывший тульский кузнец владел у себя на родине кузницами. Его деятельность высоко оценивал Петр I, поскольку Демидов снабжал армию дешевыми ружьями, производившимися на его Тульском заводе. В период войны со Швецией армии постоянно требовалось оружие, и император полагал, что Никита лучше всех сможет организовать военное производство на Урале. В 1697 г., после открытия магнитного железа в Сибири, что, как мы видели, произвело в Москве большое впечатление, Никите поручили произвести его испытание: «Да марта в 5 день (1697 г. – *Б.Н.*) вышеписанные железные руды 4 пуда 35 фунтов для переплавки отданы туленину железных заводов мастеру Никите Антуфьеву. И Никита Антифьев сказал: сибирскую де железную руду он переплавил, а железа вышло из нее пуда з два, и этого железа сделано 2 доски на ружейные стволы и один ствол с замком, да копье он сделал, а железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого...»⁸².

В 1702 г. Петр решил уступить Демидову лучший из заводов, построенных Черкасским, полагая, что он наладит там производство недорогого оружия, необходимого для войны со Швецией. О юридической стороне вопроса, по-видимому, не очень заботились: вероятно, Невьянский завод сдавался Демидовым в аренду, но те посчитали его подарком царя⁸³. Как бы там ни было, 8 сентября 1702 г. сын Никиты Демидова Акинфий, тоже ставший крупным организатором горной промышленности на Урале, принял этот завод от имени своего отца, и 11 сентября зажег огонь в домне; сразу же началось строительство второй домны. Так на Урале возникла частная металлургия.

Виниус, который тогда находился в Сибири, 6 декабря 1702 г. направил Никите Демидову подробную «память». Наряду с техническими рекомендациями она определяла будущий статус частных заводов на Урале: «..многая сего прошедшаго лета учинилась остановка за худым и непорядочным строением различных у тех заводов статей, которая вновь ты принужден был переделывать, а оныя остановки тебе были от дороговизны наемных работных людей и плотников, злобою и корыстию прежних приставников и крестьян. И про то великий государь укажет разыскать впред, а ныне его, великаго государя, указ послан Аянской и Краснопольской слободы прикащику: велено

⁸⁰ Геннин В. Указ. соч. С.611, 487, 447, 475.

⁸¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. Т.I. С.721 и сл.

⁸² Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1842. Т.V. № 267.

⁸³ Памятники сибирской истории XVIII века. Т.I. № 46 (память Верхот. Невьянск. заводов уговорщику Никите Демидову); «Сказка» Прокофия Демидова (внук Никиты) от 18 августа 1774 г. гласила: «... Государь император Петр Великий... пожаловал ему (Никите Демидову. – *Б.Н.*) в Сибири железные заводы» (Сказка П.А.Демидова // Русский Архив. 1873. № 11. С.2244).

ему, за удобный и пристойный наем, чтоб им, работникам, сытым быть, у тебя работать без всякого прекословия.

А в том деле с правдою усмотря, ленивых по вине сам наказывай батогами и плетью, только в такой мере, чтоб тебе чрезмерною жесточью их врознь не разогнать и не навести бы тебе на себя правых слез в том и обидного воздыхания. И оттого гораздо остерегаться, для того что обида, паче убогому человеку, есть грех непростительный. К тому опасно, что тот ради причины не учили б бегать, чтоб тем заводы не запустели. Охочих вели учить, чтоб, исподволь изучась, могли себе пожиточки работою своею нажить».

Несмотря на вычурный стиль Виниуса, ясно, о чем шла речь. Крестьяне Аятска и Краснополя, приписанные к заводам Демидова, были государственными крестьянами, поселившимися в Сибири в XVII в. Теперь казна передавала их в качестве вспомогательных работников частным предпринимателям. Так возникли «приписные крестьяне», которые длительное время составляли основную рабочую силу горной промышленности Урала.

Такое промышленное крепостничество на Урале в начале XVIII в. было необходимо: край был практически безлюден, и рабочая сила там фактически отсутствовала. Впрочем, государство не только принудило работать на заводах казенных подданных, но и приписало туда крестьян частных владельцев. На Нейве, недалеко от демидовского завода, существовал монастырь, основанный при Алексее Михайловиче. Монастырские крестьяне были отданы Невьянскому заводу в качестве государственных. Вот что поручалось губернатору Верхотурья в марте 1706 г.: «В прошлом 704 году, марта в 27 день, по нашему великого государя указу,.. велено Никите Демидову к железным заводам владеть монастырским Покровским селом со всеми угодьями и с лесами, и монастырских крестьян, что живут у монастыря и на Пышме, которые ему, Никите, не отданы, отдать, отдать безо всякой оговорки, чтоб за неотдачею крестьян тем заводам остановки не было и воинским припасам в литье и в кованье железа, для нынешнего воинского свейского случая, медления не было...»⁸⁴.

Таким образом, ранняя русская колонизация Урала была поставлена на службу его индустриализации.

Партикулярная и казенная промышленность на Среднем Урале в XVII в. Горные заводы на Урале развивались очень быстро. Залежи железа и меди в этом регионе были несравненно богаче и качественнее, чем в центре страны и вскоре промышленное производство переместилось на Урал. На первом этапе промышленному подъему способствовали Демидовы. Позже государство направило сюда Геннина, о котором речь пойдет ниже.

Демидовы – Никита и его сын Акинфий (это был самый энергичный из всех заводовладельцев) – построили в 1716-1731 гг. несколько заводов вокруг Невьянска. Вот несколько деталей, которые я извлек из замечательного описания Урала Генниным:

«Шуралинской железной завод: При котором 4 молота, а домен не имеетца, построен в 1716-м году при отце ево Акинфиевом камисаре Никите Демидове.

На ковку железа тот завод чюгуном довольствован и ныне довольствуетца привозным с Невьянских заводов. И под теми четырьмя молотами имеет зделыватца в год железа 32000 пуд».

«Бынговской: Построен при нем же, Никите Демидове, в 1718-м году, разстоянием от Невьянского в 7 верстах. На оном делаетца железо под четырнатцатью молотами, а домен нет. Под теми молотами зделаетца в год железа 112000 пуд...».

⁸⁴ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 44, 46, 69; Распоряжение Петра Великого. Память Н. Демидову // Русский Архив. 1880. Т. I. С. 131; Голиков И. Деяния Петра Великого. Изд. 2-е. М., 1837. Т. II. С. 518 и сл.; Устрялов Н. Указ. соч. СПб., 1858. Т. I. С. 390; Геннин В. Указ. соч. С. 611 и сл.

«Верхне-Тагильской завод: Что на реке Тагиле, от Невьянского завода разстоянием в 20 верстах, построен в 1718-м году при камисаре Никите Демидове. При том заводе построено две домны и четыре молота, и из оных одна домна в ход пущена з генваря месяца 1720-го года...».

«Нижне-Тагильской железной завод: По указу 1720-го года, данному камисару Никите Демидову, построен на Тагиле реке в 1725-м году от Невьянского в 57 верстах. При оной построено 4 домны и 2 молота и из оных одна домна пущена в ход декабря з 25 числа того ж году...

При том Нижно-Тагильском заводе чюгуна в сутки выходит от 250 до 400 пуд, а в год из одной домны 118725, а из дву 237450 пуд.».

«Шайтанский завод: При котором плотина и две пильные мельницы построены в 1721-м году. А потом по данному ему, Демидову, из бывшей берг-коллегии в 1726-м году февраля 9 дня указу при той плотине и пильных мельницах на Шайтанке построил молотовую и в ней два молота в 1727-м году. И на дело при том заводе железа чюгун привозят с Тагильских ево заводов...».

«Черноисточинской завод: Построен по оному ж берг-коллегии указу в 1728-м году. Во оном 4 молота... Чюгун на ковку железа привозитца туда с показанных же Тагильских заводов».

«Уткинский завод: (Построен в 1729 г., имеет 4 молота, чугун привозят с тех же заводов. – *Б.Н.*)».

«Ревдинский завод: Зачат строить за Чюсовой рекой на речке Ревде в 1732 году, и плотина была уже построена, но оную в 1733-м году вешнюю большею водою промыло... И ныне паки та плотина и фабрики, также и две домны строятца, токмо в совершенство и действие еще не приведено. И колико молотов построено будет – неизвестно.

Руды к тому заводу на плавку чюгуна имеют привозитца с нижеписанных рудников, которые обысканы ево, Демидова, людьми»⁸⁵.

Позже Демидовы построили и другие железные заводы, но эти первенцы были, несомненно, их главным вкладом в индустриализацию Урала.

Демидовы сыграли важную роль в возобновлении производства меди, которое практически прекратилось здесь к концу XVII в. Долгое время заводчиков интересовало только железо. Но к 1716 г. успехи, достигнутые в этой области, а также опыт, приобретенный в металлургии, заставили правительство заняться разработкой богатых месторождений меди. Первые попытки этого были неудачными⁸⁶, но в 1720 г. к этому подключился Никита Демидов и ему сопутствовал успех. Первый крупный медеплавильный завод, Выйский, он пустил в 1722 г. Вот еще один отрывок из работы Геннина: «Выйский медный завод: В прошлом 1721-м году, ноября 27-го, в указе б.и.в.д.п.е.и.в. из бывшей берг-коллегии, писанном декабря 20-го 1720-го года от артиллерии тогда капитану, что ныне действительный статской советник, Татищеву да бергмейстеру Блиэру писано по его великого государя указу, каков учинен в берг-коллегии, велено туленину Никите Демидову в Сибирской губернии в Верхотурском уезде на государевой порозжей земле, за речкою Выею, где он нашел медную руду, на оном месте построить ему медной завод на свои собственные деньги и на том заводе плавить ему медь...

И по тому указу тот Выйской завод им, Демидовым, построен и в действо приведен в 722-м году и плавка меди началась того ж году ноября с 23-го дня и был в действии по 1729 год мая по 14 число. А в том числе оной завод згорел и после того вновь построен.

⁸⁵ Геннин В. Указ. соч. С.615 и сл.

⁸⁶ Памятники сибирской истории XVIII века. Т. I. №№ 30, 56; Геннин В. Указ. соч. С.548.

Медные руды к тому заводу для плавки меди берутца с рудника Выйского, а руда добывается в горе гнездовая между диким камнем, сыскан и объявлен верхотурским ясадным новокрещеным вогулятином Савою Семеновым».

Тогда же Демидовы построили еще 2 медеплавильных предприятия, на этот раз рядом с Кунгуром, где руду искали с XVII в.: «Суксунский медеплавильный завод: Построен в 1729-м году по указу берг-коллегии в Кунгурском уезде на речке Суксуне, расстоянием от Екатеринбурга в 251, а от Кунгура в 42 верстах. При том заводе построено медиплавильных печей 12... Да в том же уезде ныне у него ж, Демидова, строится медной завод на речке Быме...»⁸⁷.

Долгое время государство плелось в хвосте блестящих успехов Никиты и Акинфия Демидовых. Казенные железоделательные заводы, Алапаевский, Уктусский и Каменский, работали плохо. В 1722 г. власти даже хотели сдать последний в аренду частным лицам – вот до какой степени он был в упадке⁸⁸. Чтобы разобраться с ситуацией на казенных предприятиях, Петр I в 1720 г. отправил на Урал капитана артиллерии Василия Татищева, историка и будущего преемника Кирилова в Башкирии. Но Татищев только поссорился с Демидовыми. Впрочем, основной задачей его миссии была организация выплавки меди на казенных землях, однако Татищев ограничился разработкой достаточно сложного, но так и нереализованного проекта передачи в аренду частной компании залежей меди у границ с Башкирией⁸⁹.

Именно тогда Петру I пришла в голову замечательная идея – послать в Сибирь такого опытного человека, как Геннин (Вилим Геннин или «де Геннин», как он любил себя называть). Немец из Нассау-Шегена, он в 1698 г., еще юношей был завербован Петром на русскую службу и, благодаря своей энергии и способностям, стал генерал-майором, комендантом Олонца и главой железных рудников этой провинции⁹⁰. Ему было поручено улучшить работу казенных металлургических предприятий. Инструкции, данные Геннину 29 апреля 1722 г. императором, были таковы:

«I. Ехать ему в Кунгурской, Верхотурской и Тобольской уезды, где есть наши железные и медные заводы.

И железные заводы во всем исправить, а имянно пушечным литьем.

Также велеть там делать уклад, сталь, жечь и дощатое кровельное железо. И сделать для резания железа и для проволочного дела машины.

А которые похотят тому делу от партикулярных заводов учиться – и таких учить.

II. Медные заводы также во всем исправить и привести в доброе состояние и размножение.

III. Розыскать между Демидовым и Татищевым, также по всем делам Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в берг-коллегию и к нам.

IV. Что надобно будет ко обоим заводам, каких деревень и земель, о том писать в сенат, откуда велели мы ко удовольствию тех заводов чинить немедленно резолюцию.

V. На первое время для строения и работ на те заводы людей и прочее, что к тому делу принадлежит, требовать от губернаторов и от воевод, о чем к ним даны вам послушные указы.

⁸⁷ Геннин В. Указ. соч. С.617 и сл., 622 и сл.

⁸⁸ Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Т.II. № 84; Геннин В. Указ. соч. С.35.

⁸⁹ См.: Берх В. Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева, бывшего советника Берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов // Горный журнал. 1828. Кн.I. С.99; Сборник Русского исторического общества. Т.2. С.539 и сл.

⁹⁰ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн.I. С.51 и сл.; Сборник Русского исторического общества. Т.2. С.471 и сл.

VI. На дачю жалованья мастеровым людям, которых велено тебе с собой взять, отпускается с вами денег на два года две тысячи восемьсот шестьдесят два рубля сорок восемь копеек да сверх того на чрезвычайные расходы тысяча рублей»⁹¹.

Геннин получал тем самым практически неограниченные права, чем и не преминул воспользоваться.

Рассмотрим основные этапы его деятельности на Урале.

Прибыв 2 октября в Кунгур, он немедленно взялся за изучение вопроса о добыче меди, что так интересовало Петра I, и принял меры, чтобы за зиму подготовиться к строительству будущего Полевского завода. Геннин также обнаружил в регионе залежи железа, разрабатывавшиеся крестьянами-кустарями, и выбрал место для строительства на следующий год домны.

Заехав ненадолго в Соль Камскую, он «ноября 26 дня (1722 г. – *Б.Н.*) с Кунгура (по возвращении с Соли Камской) поехал к Демидову для розыску между им и Татищевым. И прибыв декабря 1 числа ево, Демидова, старые и новые заводы осмотрил, которые в хорошем весьма порядке и в самых лутчих местах построены... А на государевы заводы сожальительно смотреть, что оные здесь заранее в добрый порядок не произведены. Понеже... таковы места, что рек, руд, лесов, где быть заводам, довольно. И работники дешевы, также и харч не дорог, а не так, как на Олонце». Однако эти заводы «весьма ныне в худом порядке: первое – не в удобном месте построены и за умалением воды много прогулу бывает, второе – припасов мало, третье – мастера самые бездельные и необученные»⁹².

Побывав у Демидовых, Геннин отправился на казенный Уктусский завод. Он нашел его в неудовлетворительном состоянии и потребовал провести там ремонт⁹³. Близлежащая местность показалась ему удобной и в 7 км южнее, на р. Исеть, он основал новый промышленный центр, которому была уготована блестящая судьба: это был будущий Екатеринбург. Воды, железной и медной руды, а также леса на Исети было предостаточно, следовательно, имелись все условия для строительства здесь мощных казенных заводов. Проблему создавали лишь жившие по соседству башкиры, которые не хотели этого. Тогда Геннин построил между заводами небольшую крепость. Весной 1723 г. он выписал из Тобольска для строительства 2 батальона солдат и рабочих. Огромные трудности, вставшие перед ним, Геннин резюмировал так: «Но токмо оные салдаты и работные люди плотничье дело не знали и в протчих работах при строении зело были необычайны, к тому ж как оные салдаты, так и работники сперва много от работы бегали, и дошло было до того, что оного генерала лейтенанта в том пустом месте при строении едва не одного оставили, от чего тогда не без опасности ему было от непостоянного Казачей орды народа, башкирцов и татар, которые в близости жительства имели и уведали, что русские люди близ их рубежа строят заводы, собирались воровскими партиями и русских людей, которые руды искали около Полевой, убивали. И того ради он, генерал лейтенант, для страху им понужден был оных татар, которые русских убивали, сыскав, жестоко с ними поступить, от чего, взирая на то, другие страх возимели и до сего времени никакого помешательства не чинят, но живут покорно. И хотя вышеписанное бегство салдат и необычайность их и крестьян в работах и чинилось, однако радением и неусыпными трудами оного генерала лейтенанта, как Екатеринбургская крепость, так плотина, разные фабрики и протчее, зачатое строить с марта месяца 1723-го года, построено в одном том 1723-м году»⁹⁴.

⁹¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3986; *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина... // Горный журнал. 1826. № 4. С.86 и сл.

⁹² Письмо Апраксину от 17 декабря 1722 г.: Там же. С.109 и сл.

⁹³ *Геннин В.* Указ. соч. С.450.

⁹⁴ Письмо Геннина Петру I от 9 марта 1723 г. и императрице Екатерине от 12 июня 1723 г. опубликовано: *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С.114 и сл.; *Геннин В.* Указ. соч. С.75; Памятники сибирской истории XVIII века. Т. II. № 99.

В 1723 г. строительство заводов в Екатеринбурге шло одновременно с реконструкцией старых предприятий в Алапаевске и Каменске. Трудностей было много. 7 сентября 1723 г. Геннин докладывал Петру Великому: «И хотя я в трудах розорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить и умножит. Остановка истинно не от меня, но ты повер мне, но остановка есть, что у меня немного искусных людей в горном и завоцком деле, а везде сам для далного разстояния быть и указат не могу. А плотники здесь не так как олонекские, но пачкуны, а буде бы были здесь олонекские плотники, то мог бы скорее достроит... А он, Демидов, ныне контентен и мне в строении твоих заводов немалую помощь учинил в добрых плотинных мастерах»⁹⁵.

Скромный по натуре, Геннин был выдающимся организатором. 20 августа 1724 г. он докладывал Петру: «1. Екатеринбург... построен. 2. Уктусские заводы починил и исправил... 3. Каменской завод почитай весь внов починивал... 4. Так же Алапаевские заводы внов плотину строил... 5. На Полевой при башкирской границе, которое место я обложил как три четверти года, близ двухсот тысяч пуд медной руды с малым коштом добыл через сто человек тоболских салдат, которые и обороняют от башкирской воровской партии... 6. При том же строил для коммуникации от Екатеринбурха до Полевой порубежные три крепости... 7. На Верхотурье, при реке Ляле медной завод в действо приведен и руду добывают в двух штолнях. 8. Ягушихинские заводы, близ Камы-реки, совсем достроены и давно мед плавят. 9. При Пыскоре верхней завод... весь исправил... 10. Нижней Пыскорской завод, которой я заложил нынешней весны и вес наново построил... 11. На Яйве-реке... руды добыто с пятьдесят тысяч пуд...».

Обращают на себя внимание следующие слова Геннина: «И благодарю Бога, что русской нации в такое краткое время, при малом количестве иноземцев учатся и обучились, что я уже могу такие великие заводы и фабрики и горное дело с ними в действе управлят...»⁹⁶.

Когда в 1734 г. Геннин ушел в отставку и был назначен членом Военной коллегии, на Урале действовало 10 построенных им новых казенных заводов, выплавлявших миллионы пудов чугуна и железа, и десятки тысяч пудов меди⁹⁷.

Демидов и Геннин создали на Урале горную и металлургическую промышленность, которая радикальным образом изменила облик края. В своем первом письме Петру (25 ноября 1722 г.) Геннин сообщал: «Обретаюсь между горами, болотами и лесами». Горы, болота и леса никуда не делись, а вот заселившие их русские построили здесь промышленные центры, которым было уготовано блестящее будущее.

При Геннине и двух первых Демидовых государство и партикулярные люди действовали одновременно и их пути не пересекались. Несмотря на успех Геннина, Петр все же благоволил к частной индустрии: абсолютный монарх, фактический деспот, он был не «государственником», а господином своих вассалов. Промышленность страны, которой он всегда уделял особое внимание, должна была, по его мнению, быть уделом компанейщиков, желательно иностранцев, применявших передовую технику. Исходя из этого, 10 декабря 1719 г. Петр издал указ об учреждении Берг-коллегии, а 23 января 1720 г. — указ о приглашении иностранцев в русскую горную промышленность⁹⁸. Переписка императора с Генниным свидетельствует, что царь внимательно

⁹⁵ Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина // Горный журнал. 1826. № 4. С.121 и сл.

⁹⁶ Там же. № 5. С.120 и сл.

⁹⁷ Ср. донесение Геннина в 1728 г.: Сборник Русского исторического общества. Т.84. С.403 и сл.; Злотников М. Указ. соч. С.63.

⁹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т.V. № 3463; Сборник Русского исторического общества. Т.II. С.397; Лебедев В. Реформы Петра Первого. М., 1937. С.31; Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. Т.I. С.21 и сл., 26 и сл. Ср. общие наблюдения: Фирсов Н.Н. Российские торгово-промышленные компании в первой половине

следил за заводами. 4 апреля 1724 г. Геннин сообщал Петру: «...а возле тех мест есть довольно и других таких рудных мест, где мы, компанейщики, можем добывать руды... Ему (Демидову. – *Б.Н.*) не очень мило, что вашего величества заводы станут здесь цвести, для того что он мог больше своего железа продавать и цену наложить, как хотел, и работники б вольные все к нему на заводы шли, а не ваши»⁹⁹.

Борьба между казенной или партикулярной промышленностью на Урале продолжалась вплоть до советской «национализации», окончательно решившей этот вопрос в пользу государства. Петр был не столь радикален в этом вопросе, поскольку участники в его время не были достаточно активны; успех Демидовых не привел к расцвету уральской металлургии. О Строгановых, имевших все возможности для занятий промышленностью, Геннин 4 апреля 1724 г. писал императору, что «... прежде сего жили они как Танталус, вес в золоте и огорожен золотом, а не могли достать...».

Лишь в 1728 г. на уральских рудниках появились новые партикулярные люди: балахонцы Петр и Гавриил Осокины. Они основали в 1728 г. Иргинский медеплавильный и железоделательный завод на р. Иргин, примерно в 80 км от Кунгура, а в 1731 г. там же Юговский (на р. Юг) медеплавильный. Но их нельзя сопоставлять с Демидовыми, продолжавшими расширять свои владения. Вслед за Осокиными и Строгановы, наконец, решились в 1733 г. построить свой первый железоделательный завод, Билимбаевский, предназначавшийся в основном для нужд их солеварен. Позже они создадут немало предприятий¹⁰⁰.

Соперничество между партикулярной и казенной промышленностями продолжалось, но в Санкт-Петербурге всегда поддерживали первую. Об этом свидетельствуют инструкции, данные в 1734 г. преемнику Геннина Василию Татищеву относительно Екатеринбурга, и предписания Геннина (1735 г.) все тому же Татищеву о найденных залежах руды¹⁰¹. Таким образом, государство сомневалось в эффективности казенного управления.

Действительно, казенные заводы производили менее 200000 пудов железа в год и приносили лишь 70000-100000 руб. дохода. А только одни Демидовы ежегодно выплавляли свыше 350000 пудов. Скупое по натуре, правительство императрицы Анны заинтересовалось этим феноменом, создав в 1733 г. комиссию для его изучения во главе с графом Головкиным, которая спустя год высказалась за передачу казенных заводов партикулярным лицам. Однако таковых не нашлось¹⁰².

Выводы комиссии Головкина горячо поддержал саксонский барон Шёмберг, прибывший в 1736 г. в Россию по приглашению императрицы Анны для наведения порядка в горных делах. Результаты деятельности этого человека, ставшего генерал-берг-директором, неоднозначно оценивались современниками. Острый на язык и склочный Татищев считал его вором и поделщиком еще более ненавистного немца, Бирона; напротив, лучший знаток Урала второй половины XVIII в., Бенедикт Франц Иоганн Герман, утверждал, что Шёмберг сыграл положительную роль в горной промышленности

XVIII-го столетия. Изд. 2-е. Казань, 1922. С.52 и сл.; *Туган-Барановский М.* Русская фабрика. Изд. 6-е. М.; Л., 1934. С.6 и сл.

⁹⁹ *Берх В.* Жизнеописание генерал-лейтенанта В.И.Геннина. № 5. С.107.

¹⁰⁰ *Геннин В.* Указ. соч. С.630, 631; *Hermann B.-F.-Joh.* Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S.361 и сл., 389 и сл.

¹⁰¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6559, 6841; *Берх В.* Жизнеописание тайного советника В.Н.Татищева. № 3. С.147 и сл.; *Герман И.* Указ. соч. С.137 и сл.

¹⁰² Полное собрание законов Российской империи. Т.IX. № 6411; Сборник Русского исторического общества. Т.106. С.231; *Чупин Н.* Отдача казенных заводов в частные руки в прошлом столетии // Горный журнал. 1861. Т.2. С.556; *Рожсков В.* Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № III. С.129 и сл.; Он же. Материалы к истории горного промысла в царствование императрицы Елизаветы Петровны // Горный журнал. 1890. № 4.

Урала¹⁰³. Видимо, так оно и было. После восшествия на престол императрицы Елизаветы Шёмбергу пришлось отвечать за дружбу с Бироном: его бросили в тюрьму, а заводы конфисковали. В итоге Шёмберг был вынужден вернуть казенные средства, выделенные этим заводам, но вскоре выяснилось, что казна сама должна ему около 27000 руб. и тогда он смог вернуться на родину¹⁰⁴.

Шёмберг привез из Саксонии принцип государственной горной политики, применявшийся тогда в Германии. Речь идет о горной свободе (*Bergbaufreiheit*), согласно которой государство разрешает пользоваться своими недрами всем желающим, но сохраняет за собой ряд привилегий и общий контроль¹⁰⁵. Шёмберг прибыл в Россию тогда, когда на казенных землях Урала были открыты новые месторождения железа, и именно к ним он приложил свои идеи. Вот что писал по этому поводу один из современников: «Сия гора до 1734 года была совсем неизвестна; она лежала в самых глухих и дремучих лесах за тундристыми и почти непроходимыми болотами, а только лишь там кое-когда скитались за звериною ловлею вогуличи. В те времена над всеми уральскими заводами был главным начальником Татищев. По его распоряжению отправлены были, как для присмотра над частными заводами, так и для отвода им лесов, горные офицеры, из числа коих в 1734 году находился для отвода лесов к Нижне-Тагильскому заводу бергешворен Сергей Ярцов, от коего по изустному и письменному преданию сыну его (сочинителю рукописи) об открытии сей знаменитой горы известны следующие обстоятельства: будучи в том дремучем пустынном крае, и занимаясь межеванием лесов к Нижне-Тагильскому заводу, в одно время вышедший из оных лесов вогулич Степан Чумкин объявил ему, Ярцеву, пребогатую магнитную руду, извещая притом, что он нашел оной руды превеликую гору, с таковою просьбою, чтобы осмотрев, не мешкав, записать оную гору за Государя (т.е. в казну) для того, что де брат его (вогулича), будучи с ним вместе у той горы, и взяв такой же кусок руды, пошел объявить оную хозяину Нижне-Тагильского завода Акинфию Никитичу Демидову, пребывавшему тогда на Невьянском заводе. И так означенный офицер Ярцов, нимало не мешкав, с тем вогулом учинил осмотр горы, и уверившись в неистощимом в ней богатстве, и из особаго к государевой казне усердия, сам со взятою рудою поскакал для объявления оной в Главной канцелярии Екатеринбург. Но как путь его лежал чрез Невьянский завод, где и сам заводчик находился, и где по скорому из лесов его возвращению, возымели на него некоторое подозрение о какой-либо везомой им чрезвычайности, и так то подчинением, то под разными предлогами всячески тут старались его удержать. Однакож он, кое-как скрываясь от Демидова, едва успел угнать от посланной за ним опасной погони, напоследок достигнув окольными путями Екатеринбурга, объявил о той рудной горе начальнику своему г. Татищеву, который в тот же час и приказал ее записать в канцелярии казне принадлежащую... [...]. Рудоискателю вогуляку выдано тогда же из Екатеринбургской заводской канцелярии в вознаграждение 20 рублей»¹⁰⁶.

Эти живописное, хотя может быть и не совсем точное описание хорошо передает атмосферу, царившую на Урале в 1735 г. Татищев сообщал императрице: «Сего сентября 5 числа (1735 г. – *Б.Н.*) ездил я отсюда (Екатеринбурга. – *Б.Н.*) на реку Кушву и, приехав на оную 8 числа, осматривал: она гора есть так высока, что кругом видеть с нее верст по 100 и более; руды в оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбами торчит, но кругом в длину более 200 сажен, поперек на полдень сажен на 60;

¹⁰³ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны // Горный журнал. 1885. № II. С.127; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1887. Т. XX. С.202; Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S.16 и сл.

¹⁰⁴ Рожков В. Материалы к истории горного промысла. С.339 и сл.

¹⁰⁵ Müller. Erzbach // Handwörterbuch der Staatswissenschaften <Сноска не полная>.

¹⁰⁶ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны.

раскапывали и обрели, что всюду лежит сливная одним камнем в глубину; надеюсь, что и во многие горы дна не дойдем. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божией открывалось, тем же и вашего величества имя в ней в бессмертность славится имеет»¹⁰⁷.

Не дожидаясь, пока Петербург сделает окончательный выбор в пользу партикулярной или казенной промышленности, Татищев начал строить 2 маленьких завода вблизи горы Благодать – Кушвинский и Вернетуринский, которым, конечно, было не по силам освоить новые месторождения¹⁰⁸.

Правительство отнеслось к открытию Благодати равнодушно. Шёмберг, будучи талантливым немецким чиновником «камергерской» эпохи, в сентябре 1736 г. произвел крупномасштабный анализ уральской горной промышленности. В мае 1738 г. он предложил императрице Анне создать комиссию, которая должна была, наконец, ответить на вопрос: оставить ли казенные заводы в руках государства или передать их партикулярным людям? В результате был одобрен последний вариант. 16 июня 1738 г. императрица подписала указ о передаче всех заводов компаниям или частным лицам. Указом от 15 февраля 1739 г. Гороблагодатские заводы передавались компании, состав которой утверждался императрицей.

3 марта 1739 г. был опубликован новый горный устав – Берг-регламент. Он полностью реализовывал принцип *Bergbaufreiheit*: «однакож оные казенные наши заводы, для многих околичностей и излишних иждивений, не толь прибыточны и государству нашему полезны как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатся, ибо партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лучшей своей пользы старание прилагают всяким удобовозможным образом те заводы и фабрики распространять, и на заводах заводят разные фабрики и делают всякия вещи ко употреблению домашнему, от чего те фабрики в государстве размножаются и в лучшее состояние приходят»¹⁰⁹.

Одновременно с Берг-регламентом 3 марта 1739 г. была одобрена привилегия компании, которая в соответствии с указом от 15 февраля 1739 г. получила в свое распоряжение гору Благодать и пользовалась покровительством самой императрицы. Эту так называемую «Берг-компанию» возглавил Шёмберг, а ее капитал составили вклады высших сановников, Карла и Густава Биронов, императрицы, и, наконец, крупного коммерсанта иностранного происхождения, малоизвестного и пользовавшегося дурной славой Германна Мейера¹¹⁰.

Теперь оставалось приватизировать остальные казенные уральские заводы. За них боролись несколько человек, в том числе Демидовы и Петр Осокин, но Шёмберг выбрал Германна Мейера, уже ставшего *persona grata* при генерал-берг-директоре. Он получил все казенные заводы, за исключением Гороблагодатских. Но, поняв, что твориться что-то неладное, Анна аннулировала это решение. Шёмберг попытался заступиться за Мейера, ссылаясь при этом на нехватку приказчиков. Однако императрица не поддавалась давлению и казенные заводы сохранили свой статус¹¹¹.

Пресловутая Берг-компания просуществовала недолго. Карьера Шёмберга завершилась после смерти императрицы Анны и вступления на престол Елизаветы Пет-

¹⁰⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XX. С. 197.

¹⁰⁸ Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S. 254; Gmelin M. Voyage en Sibérie / Traduction libre de l'allemand par M. de Keralio. Paris, 1767. T. I. P. 231.

¹⁰⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 7086; Т. X. №№ 7589, 7600.

¹¹⁰ Там же. Т. X. № 7767.

¹¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 130. С. 145 и сл., 629; Чупин Н. Указ. соч. С. 558-559.

ровны. 7 апреля 1742 г. генерал-берг-директориум упразднили, а 25 июня 1742 г. Гороблагодатские заводы вернулись в казну¹¹².

Несмотря на крах авантюры саксонского камергера, правительство продолжало считать, что передача партикулярным лицам казенных заводов стимулирует промышленность Урала. Сенатский указ о заводах Берг-компании оговаривал, что они будут управляться казной до тех пор, «пока в содержание охочим к тому, надежным людям, с приращением казенной прибыли, отданы будут»¹¹³. Но пройдет еще много лет, прежде чем произойдет возврат к временам Шёмберга. Когда-то среди патрикулярных людей фигурировали два брата фаворита Анны, Бирона; теперь их место занял Петр Шувалов (брат фаворита Елизаветы), получивший привилегию на все те же Гороблагодатские заводы. Но, в отличие от Биронов, Петр Шувалов был выдающимся государственным деятелем. Достаточно сказать, что именно он ввел в стране единую таможенную, что стало одним из самых ярких событий в истории Российской империи. Будучи сенатором, он фактически являлся министром финансов и экономики, и, кроме того, вел собственную широкую и смелую финансовую деятельность. Политик и финансист, он живо интересовался уральской металлургией и в 1754 г. получил Гороблагодатские заводы. В данном ему указе говорилось: «Сего мая 5 дня по указу из Правительствующаго Сената велено Гороблагодатские казенные железные заводы, называемые: Туринский, Кушвинский, Баранчинский и вновь строящийся на речке Туре, с приписными к тем заводам крестьянами, мастеровыми и работными людьми и с выплавленным на тех заводах ныне имеющимся чугуном и сделанным железом, со взятием как за употребленный на те заводы казенный капитал, так и за наличное железо и чугун, во что он там обошелся, указного числа денег, по силе Берг-регламента 739 и высочайшаго Ея имп. Величества 742 года апреля 1 числа указа, генерал-аншефу, сенатору, Ея импер. Величества генерал-адъютанту, действительному камергеру, лейб-компания подпоручику и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, яко к тому содержанию и размножению оных заводов надежной персоне, отдать»¹¹⁴.

Данная Шувалову привилегия открыла новую эру: в течение нескольких лет все казенные железоделательные заводы, за исключением двух, перешли в частные руки. Таким образом, предложения комиссий императрицы Анны, наконец-то, свершились, а все труды Виниуса и де Геннина пошли насмарку. Новые владельцы заводов были почти исключительно представителями столичной аристократии: графы Чернышевы, Ягужинский, Михаил Воронцов, наконец, майор гвардии Гурьев. Солепромышленник Турчанинов был единственным, кто не принадлежал к аристократии; он получил прекрасные Сысертский, Полевский и Северский заводы (второй был построен Генниным, остальные – Татищевым). Только екатеринбургские предприятия и Каменский завод оставались в руках казны¹¹⁵.

Ни Шувалову, ни другим дворянам не повезло на ниве промышленности. Но Шувалов, по крайней мере, хотя бы построил новые заводы, в то время как другие (а в какой-то степени и он сам) только залезли в долги. Лишь недворянин Турчанинов довел до конца начатое дело. Пример Шувалова свидетельствует о провале попыток искусственного внедрения партикулярной промышленности на Урале. В 1763 г. его сын ходатайствовал, чтобы отцовские Гороблагодатские и Камские заводы вернулись в казну; он оставил у себя лишь один завод в Башкирии, о котором я еще расскажу. Правительство констатировало: «Хотя те заводы в наследственное владение отцу его графу Шувалову по отдаче Правительствующим Сенатом именным указом и утверждены, но с

¹¹² Полное собрание законов Российской империи. Т. XI. № 8543, 8571.

¹¹³ Рожков В. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны. С. 122 и сл.

¹¹⁴ Чупин Н. Указ. соч. С. 562.

¹¹⁵ Там же. С. 564.

заплатою в 20 лет по оценке 186629 рублей 65 коп. которую суммою он, Шувалов, казне и должен, и не более уплатил, как только 6940 рублей 55 копеек, и потому казалось бы, что к заплате всего находящегося на оном Шувалове казенного долга, возвращения Гороблагодатских и Камских заводов в казну недостаточно; но понеже известно, что отец его, Шувалова, как те четыре Гороблагодатские сибирские гораздо приумножил, так и казанские Воткинской и Ижевской, под именем Камских почитаемые заводы на свое иждивение выстроил, то не соизволите ль Всемилостивейшая Государыня, Высочайше повелеть Сенату...»¹¹⁶.

Таким же образом в 1770 г. в казну были возвращены заводы графа Чернышева, а в 1781 г. – графа Воронцова (за исключением одного предприятия). Заводы Гурьева и Ягужинского приобрел Савва Яковлев, один из самых значительных уральских промышленников, который стал владельцем (путем покупки или нового строительства) примерно 20 крупных железоделательных предприятий, в том числе Невьянского завода Демидовых¹¹⁷.

Таким образом, к 1780 г. горная промышленность Урала вновь стала такой, какой была при Петре. Как и во времена Геннина, казенная промышленность сосуществовала с частной, которой по-прежнему заправляли Демидовы, но где уже появились и новые хозяева – Яковлев, Турчанинов, Осокин и др. Металлургия все еще была сосредоточена на Среднем Урале, в основном между Верхотурьем и Екатеринбургом, но заводоладельцы уже примерялись к югу и северу региона.

Промышленное освоение Башкирии и Северного Урала. Промышленность проникла в Башкирию лишь благодаря казне. Это был беспокойный край, где восстания местного населения носили практически перманентный характер. Следовательно, без помощи государства здесь было не обойтись. Я уже писал, что в 1723 г. Геннин построил на границе с Башкирией завод-крепость Екатеринбург. Но государство еще долгое время обходило стороной заселенный башкирами Южный Урал, несмотря на все легенды о его сказочных рудных богатствах.

В 1736 г. Кирилов, начав фактическую колонизацию Башкирии, основал в Табынске первый медеплавильный завод¹¹⁸. Несмотря на радужные мечты Кирилова о ежегодном выпуске на нем 10000-30000 пудов меди предприятие стояло. После смерти Кирилова его преемники, казалось, вообще забыли про завод, тем более что вскоре Табынск оказался в эпицентре башкирского восстания. Лишь через 8 лет, при активной поддержке Неплюева, завод предложили частникам. На него заявили свои права Акинфий Демидов и другие заводчики, но по совету Неплюева Сенат отдал предпочтение симбирскому купцу Твердышеву. Выбор оказался удачным, и Твердышев стал Никитой Демидовым Южного Урала, т.е. пионером горной промышленности Башкирии. В указе от 16 апреля 1744 г., предоставившем Твердышеву право на владение заводом, говорилось: «...Твердышев... чрез старание свое новые рудные признаки обыскал... А надежда на него, Твердышева,.. по известному его в Оренбургской комиссии состоянию, не сумнительна; он же, яко торгующий при Оренбурге и близь онаго в Симбирске живущий, по новости того места, для разных способов потребный человек...».

Дополнительные штрихи к портрету Твердышева добавляет знакомство с его промышленной карьерой. Получив в 1744 г. разрешение на строительство Верхотурского медеплавильного завода на притоке Белой р. Тор¹¹⁹, он развернул активную деятельность. В 1762 г. Твердышев уже владел (со своим зятем и компаньоном Мяснико-

¹¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11967.

¹¹⁷ Чупин Н. Указ. соч. С. 571; Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S. 325 и сл.

¹¹⁸ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 216 и сл.; Он же. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. С. 392.

¹¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. № 8921.

вым) 5 медеплавильными и, что еще более важно, 2 железоделательными заводами; возводилось еще 2 домны¹²⁰. Перед 4 железоделательными заводами – Катав-Ивановским, Юрюзанским, Симским и Белорецким – открывались широкие перспективы.

Твердышеву приходилось работать в тяжелых условиях, в самом центре Башкирии, в окружении враждебно настроенных племен. Он должен был быть одновременно и строителем и дипломатом¹²¹. Как уже говорилось, русская политика в Башкирии основывалась на принципе признания вотчинного права башкир на землю. Следовательно, на Южном Урале отсутствовали свободные казенные земли для строительства заводов, и поэтому Твердышеву приходилось самому договариваться с башкирами. П.И.Рычков, хорошо знавший Твердышева, рассказывал: «По состоянию башкирского народа, который ни что столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли, и отхожие, то есть лесные угодья, а наипаче пчелиные бортевые промыслы, беспристрастно можно сказать, что при первом заведении горных заводов, к коим на всякие строения, тако ж на дрова и уголье, множество лесов необходимо требуется, надо бы были великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умеренность с башкирцами, дабы от них, по их дикости и легкомыслию, от новости на землях их таких заводов затруднений не было, и вновь бы беспокойства не отпрыгнуло. Но помянутый Твердышев, с компанейщиком его синбирским же купцом Иваном Мясниковым и с двумя родными своими братьями, не жалея ни труда, ни иждивения, так искусно и честно поступали, что башкирцы, полюбив их, почитали всегда хозяевами, и не только никаких помешательств и препятствий ни в чем им не чинили, но и сами, узнав свойство руд, из награждения им объявлять стали; а многие из платы и возкою на завод руды промышлять возохотились»¹²².

Чтобы не допустить восстания, государство старалось избегать крупномасштабных изъятий башкирской территории. Поэтому земли и леса, требовавшиеся для обеспечения горного производства, нужно было либо покупать, либо арендовать у башкир. Позиция государства на этот счет была изложена в рапорте Оренбургской провинциальной канцелярии Сенату в 1753 г.: «...Правительствующий Сенат совершенно изволит знать, в каком состоянии и в каких обращениях башкирский наперед сего бывал и как ныне содержится, и хотя уже вся Башкирия новопостроенными по Оренбургской линии крепостями ныне довольно ограждена и за взятыя под те крепости земли они, башкирцы, не только не спорят, но и ничего уже не говорят, да и тому нимало не прекословят, когда в силу учиненного в 1744 году марта 13 дня в Берг-коллегии от Правительствующего Сената апробованного определения, партикулярные люди по определению Оренбургской губернской канцелярии к приумножению тамошних казенных доходов на их землях медные и железные заводы строят, они с такими заводчиками как уже хорошо обошлись, что сами, руды сыскивая, им приносят и возкою на их заводы с рудников разработанных руд и отдачею им в оброки своих земель и угодий, охотно промышляют и пользуются; а некоторые и продажею к тем заводам из своих вотчин земель и угодий по добровольным договорам (что им по Именным указам чинить позволено) способствуют: ибо из них земель в свойство к тем партикулярным заводам, по силе указов, более не приписывается, как токмо под заводское и хоромное строение, под плотину и под фабрики от пяти до 600 сажен, да на выпуск 50 десятин, сверх того при рудниках отводится к каждому в длину и ширину по 250 сажен, чему они нимало

¹²⁰ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве // Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Т. XIX. С. 25 и сл.; Рычков П.И. Топография. С. 399 и сл. Время создания и авторство «Топографического описания заводов» издателем «Вивлиофики» И.Новиковым не указаны; вероятно, оно было написано в 1782 г. Н.П.Рычковым (ср.: Древняя Российская Вивлиофика. С. 23 и сл.).

¹²¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. XXIV. С. 239.

¹²² Рычков П.И. Топография. С. 394 и сл.

не спорят, узнав себе ту пользу, которая им от построения оных партикулярных заводов по вышеписанному происходит и которой у них наперед сего нимало не бывало; а при том от тамошней губернской канцелярии завсегда и крепко наблюдается, дабы те заводчики с ними, башкирцами, порядочно поступали и без договора б с ними лесом и никакими угодьями не пользовались...».

Документ констатировал, что если бы заводы строились государством, это привело бы к конфликтам. Согласившись с такими доводами, Сенат 13 октября 1763 г. издал указ, разрешавший строить горные заводы в Оренбургской губернии, т.е. в Башкирии, только партикулярным людям¹²³. Это было негласной поддержкой Твердышева, широко развернувшегося на Южном Урале.

По стопам Твердышева пошли другие, в том числе заводчики Среднего Урала. Так, в 1762 г. Петр Шувалов владел на Южном Урале 2 крупными железоделательными заводами, его брат Александр – медеплавильным; внук первого Демидова открыл предприятия, которые сохраняют огромное значение до наших дней: это, в частности, Кыштымский завод (1757 г.) Никиты Демидова. Остальные (например, тулянин Масалов, и Демидовы, основатели Златоуста) не были новичками в заводском деле. Благодаря им горнопромышленные районы Башкирии и Южного Урала, особенно вокруг гор Бакал и Магнитной, стали соперничать с Гороблагодатскими предприятиями. Рудные месторождения простирались приблизительно от Уфы до Челябинска¹²⁴.

Еще труднее заводам было проникнуть на север. Здесь этому мешали не воинственные племена, как в Башкирии, а природные условия. Знаменитый путешественник П.С.Паллас посетил в 1770 г. новые заводы на севере Урала: «Теперь оставалось мне осмотреть токмо прославившиеся недавно в северной горе верхотурского купца Максима Походяшина медные рудники и заводы, куда летом не иначе как верхом проехать можно. Хотя и мог я до города Верхотурья ехать спокойно коляскою... приказал я, что было само нужнейшее, навьючить на лошадей, и пятого июля после обеда отправился верхом из Нижнетурина. Продолжая путь свой по левому берегу Туры вниз ехал я идущую из Нижнетурина к Верхотурью дорожку, которая летом не очень способна. Ниже завода надобно тотчас переезжать стараться Туру, которая так тиновата, что лошади вязли в ней по шею...

...а наконец переехав немалую гору и под Турою пространное урочище, где трава растет почти в человека... Как скоро удалились мы от Туры, то предстал нам темной и чрезмерно болотистой еловый бор, где сколько мы ни береглися едучи по тропинке, однако пушистые ветви рвали с нас платье и с лица кожу; лошади каждую минуту топили по брюхо в болотах, и сверх того принуждены были таскаться чрез гнилые и мохом уже оброслые, ветром поваленные деревья...

Взял я топор в руки и принужден прорубивать в некоторых местах для себя проход, и так брели мы сею выгоревшею пошвою версты с полторы к северу»¹²⁵.

Я уже говорил о той части Урала, которая позже всех оказалась затронутой индустриализацией. Сначала русские проникли в район Вишеры – Лысьвы, а когда поток колонизации сместился на юг, к Верхотурью и Тюмени, этот регион опустел. Позже люди вернулись туда, чтобы плавить железо и медь. Энергичный и предприимчивый купец Максим Походяшин приобрел в 1758 г. обширные земли примерно в 150 км (если считать напрямую) севернее Верхотурья для строительства железоделательного и

¹²³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 10141.

¹²⁴ Зверинский В. Оренбургская губерния: Список населенных мест по сведениям 1866 г. СПб., 1871; Продолжение записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук. СПб., 1822. Т. IV. С. 20 и сл., 45 и сл., 53 и сл., 86 и сл., 109, 155 и сл., 184 и сл., 202 и сл., 279 и сл., 298 и сл.; Записки путешествия академика Фалька // Там же. С. 60 и сл.; Рычков П.И. Топография. С. 399 и сл.

¹²⁵ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. II. Кн. I. С. 277 и сл.

медеплавильного заводов. Завод, получивший название Петропавловского, стал первой ласточкой. В 1760 г. Походяшин основал там же Богословский завод. Походяшин занимался тем же, что и Твердышев на Южном Урале, но в отличие от последнего не имел наследников, и еще долгое время его заводы возвышались одиноким маяком на суровом уральском севере¹²⁶.

Влияние уральской промышленности на социальную структуру населения региона. Индустриализация Урала шла вслед за его заселением русскими. Когда возникли первые уральские заводы, здешних русских едва было несколько тысяч. Местные народы не участвовали в рождении промышленности, поскольку являлись либо слишком малочисленными, либо слаборазвитыми. В итоге дефицит работников поставил под вопрос промышленную деятельность в крае. Людей нужно было найти любой ценой. Несколько десятков мастеровых выписали из Саксонии, Тулы, или из Олонца, но большинство их приходилось искать на месте. Единственным топливом в то время был лес, и для его заготовки и углежжения требовались огромные человеческие ресурсы.

Для решения этих проблем государство прибегло к суровым, а порой и жестоким мерам. Переселенцы, едва начав заниматься привычным для себя земледелием, стали трудиться на новых заводах, рискуя разориться и скомпрометировать экономические перспективы земледельческих районов.

Когда я писал о передаче в 1702 г. Невьянского завода Никите Демидову, то подчеркнул, что вместе с заводом он получил и крестьян. Вот что сообщал об этом Геннин: «В 703-м году, генваря 9-го дня, по именному ж указу и по докладной выписке за пометою думного дьяка Виниуса послана на Верхотурье к стольнику и воеводе Алексею Калетину грамота, по которой велено Никите Демидову для умножения железа и иных заводов и государевых припасов, которые ему делать велено, пушки, мартыры, фузеи, шпаги, сабли, тесаки, палаши, копья, латы, шишаки, проволоку, сталь и иные снасти приписать в работу и отдать Верхотурского уезду Аецкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны с детьми и братьями и племянники и с землею и со всякими угоды. А что с тех крестьян в казну также и в монастырь денег и хлеба и всяких поборов збиралось, те все поборы денежные и за хлеб деньги, за пашни деньгами ж по вся годы брать у него, Демидова, в казну железом по договорной цене или деньгами.

И по тому указу чрез посланного в Верхотурья с приписью подьячего Александра Симонова те слободы и село с деревнями в 704-м году отданы и приписаны, в которых по переписи 1722-го году мужеска полу 1647 душ»¹²⁷.

Краснопольская слобода и село Покровское были основаны соответственно в 1642 и 1645 гг. крестьянами, шедшими в Западную Сибирь; время основания Аятской слободы нам неизвестно, но, вероятно, это также была середина XVII в.¹²⁸ Таким образом, менее чем через полвека после того, как русские переселенцы, насильно переведенные из России, распахали сибирскую целину, государство принудило их к тяжкому и похожему на крепостное право труду в промышленности. Невьянский опыт получил широкое распространение. К партикулярным и казенным горным заводам приписывались 1-3 города империи, жители которых были обязаны работать на них. Это были «приписные города», а их жители являлись «приписными крестьянами» – новой категорией крепостных.

В сенатском указе от 12 августа 1753 г. сообщались сведения о численности «приписных крестьян» на уральских партикулярных заводах: «1. Покойного действи-

¹²⁶ Hermann B.-F.-Joh. Versuch einer mineralogischen Beschreibung des Uralischen Erzgebürges. S.359 и сл.; Продолжение записок путешествия академика Лепехина. С.91 и сл.

¹²⁷ Геннин В. Указ. соч. С.612 и сл.

¹²⁸ Буцинский П. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Краков, 1889. С.53, 134.

тельного статского советника Акинфия Демидова детей... приписных по именным указам в 1704 в Верхотурском уезде 3630 душ..., в 1736 годах пришло оставлено вечно 2604 души... 2. Статского советника Никиты Демидова... приписных в 1741 году из Кунгурского уезда государственных крестьян 1768 душ... 3. Медиплавильных вышеозначенного ж покойного действительного статского советника Акинфия Демидова детей... 33 94 души...¹²⁹. 4. Балахонца Петра Осокина при двух заводах 2467 душ... 5. Гаврила Осокина при двух же заводах... приписных... государственных крестьян 700... 6. Семена Красильникова... приписных... государственных крестьян 368... 7. Семена Иноземцова при одном же заводе... приписных из Казанского уезда ясачных татар 126... 8. Кирила Небогатова и казанского гарнизона аудитора Литвинова... приписных... из государственных ясачных крестьян 275... 9. Тулянина Ивана-меньшева Масалова... приписных... государственных крестьян 384 души...»¹³⁰.

В дальнейшем численность приписных крестьян на частных заводах резко выросла благодаря развитию горной промышленности. Гороблагодатские заводы, имевшие при Шёмберге 3106 душ крестьян, при Шувалове получили еще 16132 души; 2 завода, которые тот же Шувалов построил в Вятской провинции – Ижевский и Воткинский, получили 23215 душ, его Авзяно-Петровский завод – 1920 душ. Вознесенский завод Сиверса в Башкирии имел 1000 душ, Алапаевский, Синячихинский и Сусанский заводы майора Гурьева владели 4138, Кыштымский и Каслинский заводы Никиты Демидовы – 5582 душами. Наконец, северные Богословские заводы Походяшина получили 4200 крестьян. Везде речь идет прежде всего о «душах мужского пола»¹³¹.

Хозяином крестьян, приписанных к казенным заводам, по-прежнему оставалось государство. Вместо того, чтобы обрабатывать «государеву землю» или землю, сданную в аренду, крепостной превращался в рабочего.

До массового перехода предприятий в руки партикулярных лиц численность приписных крестьян на казенных заводах значительно превосходила число крестьян на частных заводах. Геннин приводит такие цифры:

Екатеринбургские заводы – 4774 души;

Сысертский завод – 3510 душ;

Каменский завод – 7051 душа;

Алапаевский завод – 5112 душ;

Лялинский завод – 412 душ;

Пыскорский завод – 4070 душ;

Ягошихинский завод – 735 душ¹³².

В первой половине XVIII в. из небольшого числа землепашцев, осевших на безлюдном Прикамье веком ранее, около 35000 были насильно отданы заводам. Это была значительная цифра, особенно для начального этапа русской колонизации. Естественно, что местные власти отрицательно относились к приписке крестьян на заводы¹³³.

Первоначально заводы получали людей из соседней Западной Сибири, но вскоре приписка распространилась на казанских и пермских крестьян, нередко живших очень далеко. Обратимся к текстам наказов государственных крестьян Казанской про-

¹²⁹ Эта цифра включает как «приписных крестьян», так и «пришлых» (см. о них ниже).

¹³⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. № 10131.

¹³¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. II. С. 302, 303, 305, 329, 331; Сборник Русского исторического общества. Т. 7. С. 194.

¹³² Геннин В. Указ. соч. С. 436 и сл., 475, 488, 528, 567. Точной статистики общей численности приписных крестьян на уральских заводах в XVIII в. нет. Данные В.И.Семевского (Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. I. С. 304, 365) относятся ко всей России, и поэтому их невозможно здесь использовать.

¹³³ Ср. спор между Генниным и вице-губернатором Сибири Болтиным о деревнях, приписанных к Сысертскому заводу: Геннин В. Указ. соч. С. 463.

винции, Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов в Уложенную комиссию 1767 г.

Крестьяне 7 сел Ногайской дороги Казанской провинции, приписанных к Вознесенскому заводу барона Сиверса в Башкирии, за 700 верст отсюда, жаловались: «А в проход до того завода быть имеет по благополучному пути и с возвратом два месяца и больше».

Заводские крестьяне Кунгурского уезда сообщали, что им приходится преодолевать по 100-140 верст, чтобы добраться до Ягошихинского и Мотовилихинского заводов, 40-110 – до Юговского завода, 70 – до Сылвинского завода, 170-220 – до Сергинского завода Демидова.

Крестьяне Соликамского уезда, приписанные к Аннинскому заводу графа Чернышева, писали: «А оный Аннинский завод от наших приписных жителств в разстоянии состоит не меньше: от далних трехсот тридцати и трехсот пятнадцати, а от ближних трехсот верст».

Крестьяне Чердынского уезда, приписанные в Петропавловскому и Туринскому заводам Максима Походяшина утверждали, что эти заводы были удалены от мест их проживания на 500-600 верст и добавляли: «А которые с своими лошадми туда ездят, то по далнему разстоянию от наших приписных жителств и что дорога до завода лежит чрез города Соликамск и Чердынь, весьма затруднительна, болотами, реками, лесами и топучими местами и камением, то с великою трудностью на завод и впредь доезжать можем. А обратно с завода, будучи лошади утруждены, в дома приводить не можем в живости, которые от великаго затруднения и неспособности в пути пропадают наполовину. Ибо у онаго заводчика Походишина от заводов никаких мостов и переправ не имеется»¹³⁴.

В основном приписные крестьяне должны были рубить лес, жечь и перевозить уголь, добывать руду. На некоторых заводах они сплавляли готовую продукцию по воде. О работных людях речь пойдет ниже. Заготовка леса была сезонной и велась посменными командами вследствие низкой зарплаты приписных крестьян. Чтобы хоть как-то существовать, последним приходилось вести свое хозяйство, что часто вызывало конфликты: крестьяне-землепашцы протестовали против ненужного им заводского труда¹³⁵.

Впрочем, имелись и другие причины для недовольства: низкая зарплата, удаленность заводов и др. Скрытый протест, существовавший в начале XVIII в.¹³⁶, позднее вылился в открытое восстание, охватившее множество приписных деревень и горных заводов.

Крестьяне Казанской провинции, первыми приписанные к Авзяно-Петровскому заводу Шувалова в Башкирии, в 1754 г. отказались подчиниться приписке. Властям пришлось применить силу и сурово наказать бунтовщиков. В 1755 г. взбунтовались крестьяне той же провинции, приписанные к Вознесенскому заводу барона Сиверса; с ними расправились с помощью войск, но в 1760 г. бунт разразился вновь, правда, не так сильно. Несмотря на свое обещание возобновить работу, крестьяне на следующий год опять ушли с завода. В 1760 г. беспорядки охватили крестьян сибирских деревень, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова. Здесь волнения достигли значительного размаха. Посланные на их подавление войска вступили в настоящий бой с крестьянами, в ходе которого было ранено 52 солдата. На следующий год движение распространилось на Гороблагодатские предпри-

¹³⁴ Сборник Русского исторического общества. Т.115. С.255, 266, 289, 296.

¹³⁵ Детали организации труда приписных крестьян см. в томе X Материалов Законодательной Комиссии Екатерины II и у В.И.Семевского (Указ. соч. Т.II. С.295-561).

¹³⁶ См., например: Памятники сибирской истории XVIII века. Т.I. № 79.

ятия, Верхне-Исетский завод Воронцова, а также Ижевский и Воткинский заводы Шувалова, именуемые также Камскими заводами¹³⁷.

Анархия, грозившая охватить всю уральскую промышленность, очень встревожила правительство. В декабре 1762 г. Екатерина II поручила изучить ситуацию на месте князю Александру Вяземскому, будущему генеральному прокурору Сената, т.е., фактически, министру финансов и внутренних дел. Ему поручалось посетить взбунтовавшиеся заводы, выяснить причины волнений и разработать меры по улучшению ситуации¹³⁸. Его выводы обобщил указ Екатерины II от 9 апреля 1763 г., который предписал распространить на все уральские заводы разработанное Вяземским «Учреждение приписным покойного господина генерал-фельдмаршала и кавалера Шувалова к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьянам». С этого документа берет свое начало российское социальное законодательство. В «Учреждении» говорилось: «По многим дошедшим до Нас известиям о возмущении крестьян, приписных к разным рудным заводам, принуждены Мы нашли послать с особливými от Нас наставлениями, Нашего генерал-квартирмейстера князь Александра Вяземского, как для приведения тех крестьян к надлежащему подобострастию, так и для разыскания прямых причин, от чего сие учинилось. А по учиненным Нам от помянутого Вяземского обстоятельным доношениям оказалось: 1) приписка самых крестьян к заводам пристрастная, и для угождения инде поверенными деланная тем персонам, кому оные заводы принадлежат, так, что крестьян на выбор приписывали не по селам и деревням, но по домам и выборным людям, включая одних годных к работе, от чего произошло великое неравенство и отягощение по селам и деревням на крестьян... 2) Расчисление дней рабочих для заводов со днями, оставляемыми для земледелия на прокормление крестьянам себя и семей своих так худо уравнено, что самая наибольшая тягость крестьянам от того произошла. 3) Налог работ усмотрен столь велик, что работник того в день выработать отнюдь не может, ни нищий, ни конный, что на него налагаются. 4) Производимая плата крестьянам по учреждению Берг-коллегии делается зачетом в подушный оклад за все в перепись положенные за каждую, во сколько дней она окончана быть может, по платному положению; от чего на Ижевском и Воткинском заводах графа Шувалова великое неуравнение и крестьянам неудобь носимая тягость и разорение нашлись. 5) Сверх того жителство приписных к Ижевскому и Воткинскому заводам крестьян нашлось инде во отдалении до четырехсот верст, и в таких нарядах из отдаленных мест работникам чрез круглой год великое потеряние во времени усмотрено...».

«Учреждение», приложенное к указу от 9 апреля 1763 г., пыталось положить конец злоупотреблениям. Теперь заводской управитель не мог налагать на крестьян более работ, чем их требовалось выполнить за подушный оклад. Приписные должны были работать сменяющими друг друга сотнями (командами). План работ необходимо было составлять заранее, а контроль за дисциплиной возлагался на выборных сотников. Время перехода с деревни на завод подлежало оплате по соответствующему тарифу. Наконец, зарплата и налоги записывались в особую конторскую книгу¹³⁹.

Я не буду подробно рассматривать все эти вопросы. Отмечу лишь, что, несмотря на всю неэффективность института приписки, Вяземский не предлагал его упразднить: иных источников рабочей силы пока не было.

Каковы были эти «иные» источники?

В первую очередь, крепостное право. Юридически никаких препятствий для привлечения к заводскому труду принадлежавших заводчику крепостных крестьян, или покупка их для этих целей, не было. Но на практике это было сделать трудно: земле-

¹³⁷ Фирсов Н.Н. Указ. соч. С.181 и сл.; Семевский В.И. Указ. соч. Т.II. С.322 и сл.

¹³⁸ Сборник Русского исторического общества. Т.7. С.188 и сл. Краткое изложение миссии Вяземского см.: Семевский В.И. Указ. соч. Т.II. С.350.

¹³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. № 11790.

пашцев так же не хватало. Только крупные помещики Урала Строгановы могли легко пойти на это, но они никогда не были достаточно активными промышленниками. Первоначально Демидовы (как и большинство других заводчиков) имели мало земли и крепостных в центре России. Тем не менее, во второй половине XVIII в. на заводах появились крепостные. «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве» (составлено приблизительно в 1782 г.) дает нам следующие сведения о предприятиях на территории Башкирии. Крепостные Твердышева в количестве 491 душ работали на Архангельском, 509 – на Преображенском и 468 – на Верхотурском заводе. На трех Троицких заводах майора Осокина крепостных было, соответственно, 248, 229 и 273 душ. Железодельные заводы Мясниковых имели в своем распоряжении крепостных крестьян: Симский завод – 1165, Катав-Ивановский завод – 1275, Белорецкий завод – 871, Юрюзань-Ивановский – 675, Усть-Катавский – 444. Крупный железодельный завод Евдокима Демидова, о котором речь шла выше, кроме приписных давал работу 72 своим крепостным, Верхне-Узянский и Кагинский заводы того же Демидова имели соответственно 109 и 376 крепостных. 1780 крепостных Лугинина работали на его заводе в Златоусте, 878 – на Саткинском заводе; 417 крепостных Масалова обслуживали его Кана-Никольский завод; 624 души трудились у наследников Хлебникова на Благовещенском заводе, 97 – у Красильникова на его Архангельском (Шаранском) заводе, 176 – у Иноземцева на Иштерьякском заводе, 360 – у Глазова на Богословском медеплавильном заводе¹⁴⁰. В совокупности все это составляло примерно 11500 крестьян, ставших работными людьми, но эта цифра относится к последней четверти XVIII в., и, вероятно, пятьюдесятью годами ранее она была меньше.

Наконец, неправильно полагать, что в XVIII в. в горной промышленности абсолютно отсутствовал свободный труд. Несмотря на то, что в России все население четко делилось на сословия, всегда были исключения – беглые помещичьи крестьяне, дети, незаконнорожденные, скрывавшиеся в лесах и горах от преследований староверы, солдаты-дезертиры и прочие гулящие люди, которые стекались на эти безлюдные и далекие земли. Частные промышленники и казна привлекали их на заводы, нередко незаконно. Правительство старалось не обращать на это внимания, за исключением откровенно вопиющих случаев. 20 сентября 1723 г. «Правительствующий Сенат приказали: по доношению из Сибирской губернии полковника Сонцова-Засекина, о сысканных беглых рекрутах, которые жили Никиты Демидова на железных заводах для работы из найму, человек с полтора, а что они беглые, про то де ему, Демидову, не сказывались, да и он де, Демидов, допросом своим показал, что у него оные беглые жили на заводах из найму, а что они беглые рекруты – не ведал, и за оных беглых рекрут на нем, Демидове, также и впредь где явятся и на других каких заводах беглые ж солдаты и рекруты, штрафная деньги править ли?»

Сенат добавлял: «Что де он, Сонцов, в доношении своем объявляет, что Никита Демидов прислал к нему с Именного Его Величества указу копию, по которому с фабрик учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, отдавать не велено и по оному указу беглых с фабрик отдавать не велено помещиковых людей и крестьян, а чтоб беглых рекрут с заводов не отдавать, в том указе того не написано»¹⁴¹.

Таким образом, власть была вынуждена терпеть на заводах весь этот сброд, если только речь не шла об уклонении от рекрутчины. Конечно, государство прекрасно понимало, что это незаконно, но экономические выгоды оказались важнее.

Государство даже само способствовало такому положению на казенных предприятиях. Указ от 15 июля 1726 г. предписал прикрепить к екатеринбургским заводам всех находящихся там крестьян, сбежавших от Дворца и церкви¹⁴².

¹⁴⁰ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С.10 и сл.

¹⁴¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4305.

¹⁴² Там же. № 4931.

В 1755 г. государство пошло навстречу заводовладельцам. Сенатским указом от 30 декабря все пришлые были объявлены вечноотданными заводам. Казенные заводы получили, таким образом, 2357, наследники Акинфия Демидова – 2674, Никита Демидов – 189, барон Сергей Строганов – 22, Петр Осокин – 675, Гаврила Осокин – 735 душ. Партикулярные заводчики в общей сложности приобрели 4493 души. Таким образом, переселенцы оказались собственностью заводов аналогично подобно тому, как крепостные принадлежали помещикам.

Добиться этого удалось с помощью ревизий (переписей населения). Пришлых записали заводскими крепостными, тем самым навсегда привязав их вместе с семьями к заводчику¹⁴³.

Мы видели, что среди людей, пришедших на уральские заводы, фигурировали староверы. Они сыграли важную роль в становлении промышленности в силу своих очень строгих нравов. Татищев насчитал в 1736 г. на Урале 1250 староверов-мужчин и 611 женщин, и добавлял: «Раскольников-де в тех местах умножилось, а наипаче, что партикулярных заводах Демидовых и Осокиных приказчики едва не все, да и сами промышленники некоторые – раскольники; и ежели оных выслать, то конечно им заводов содержать не кем и в заводах Ея императорскаго величества будет не без вреда»¹⁴⁴.

Староверы, как и другие переселенцы, в конце концов превратились в заводских крепостных. Раз попав в ревизские сказки, они вместе с семьями в дальнейшем уже считались собственностью завода¹⁴⁵.

Однако свободный труженик не исчез. Приписные крестьяне часто подменяли себя вольнонаемными работниками. Я не знаю, где они их находили, но об этом свидетельствуют наказы в Уложенную комиссию 1767 г.¹⁴⁶ «Топографическое описание» заводов Башкирии 1782 г. также показывает, что промышленники часто обращались к вольнонаемным, чтобы за их счет пополнить число заводчан¹⁴⁷.

Не все люди, отданные государством в промышленность, являлись рабочими в прямом смысле этого слова. Как уже говорилось, приписные крестьяне и крепостные были в основном заняты рубкой леса и углежжением, т.е. наполовину сельскими занятиями. Но владельцы заводов пытались превратить их в работных людей. Техника того времени была такова, что собственно рабочих на заводе было мало. Вот что сообщается в упомянутом «Топографическом описании». Из 3735 крепостных, работавших у Твердышева, 850 были приказчиками, мастерами и работными людьми. У Осокина из 750

¹⁴³ Там же. Т. XIV. № 10494. Я не рассматриваю здесь юридическую сторону этого документа. Отмечу лишь, что заводские крепостные были прикреплены не к земле, а к своему господину. См. об этом классические работы В.О. Ключевского (*Ключевский В.О. Опыты и исследования*. М., 1919. С. 184 и сл.).

¹⁴⁴ <Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода. СПб., 1860. Кн. 1. С. 349-350>.

¹⁴⁵ История староверов на Урале пока еще не написана, ср.: Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6835; Т. X. №№ 7172, 7663.

¹⁴⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 115. С. 260, 261, 265.

¹⁴⁷ Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве. С. 70, 104.

крепостных 541 являлись приказчиками, мастеровыми и работными людьми; вероятно, большинство вспомогательных работ осуществлялось вольнонаемными. Мясников владел 4403 крепостными, из них 941 работали на заводах. У Хлебникова, Красильникова, Иноземцева и Глазова эти пропорции составляли соответственно 182 из 624, 47 из 97, 25 из 176, 135 из 360 человек¹⁴⁸.

Какова бы ни была численность работников уральских заводов в XVIII в., можно уверенно утверждать, что пролетариат зародился именно тогда. Это добавляет дополнительный штрих в картину социальных изменений, ставших результатом индустриализации Прикамья и Западной Сибири.

¹⁴⁸ Там же.

Хью Д. ХАДСОН-МЛАДШИЙ, Брюс Дж. ДЕХАРТ, Дэвид М. ГРИФФИТС
ПРОЛЕТАРИИ ПО УКАЗУ:
ИСТОРИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН УРАЛА (1630-1861 гг.)

В недрах Уральских гор, приблизительно в 1600 км на восток от Москвы, были скрыты огромные залежи железной руды. Их широкомасштабная разработка могла бы дать русскому государству столь необходимое его промышленности сырье. В свою очередь, железодельная индустрия способствовала бы росту военного могущества России, что было так важно в начале XVIII в., когда война была основным занятием честолюбивых правителей. Поэтому при Петре I, чье почти что 30-летнее (1689-1725 гг.) царствование лишь на один год было избавлено от битв, у России возник интерес к богатствам уральских недр.

Для создания на Урале промышленности требовался импульс, который могло дать только государство. Как бы то ни было, правительство Московии, никогда не стеснявшееся использовать силу, было готово ее применить и здесь. Класс предпринимателей, например, можно было создать моментально, принудительно отправив на Урал опытных государственных чиновников и преуспевающих купцов. Непосредственных работников найти также было нетрудно: вечно задавленный русский крестьянин, из которого государство выжимало все соки, всегда был под рукой. Поэтому государство само могло построить металлургические заводы или предоставить для этого ссуды и помощь частным предпринимателям. И казна, и частники могли импортировать передовую технологию и мастеровых из Центральной Европы. В итоге, государство и, в частности, армия, смогли бы обеспечить сбыт готовой продукции, и только дефицит рабочей силы, казалось, стал для Петра I единственным препятствием для создания процветающей металлургии.

Урал располагался вдали от основных мест проживания человека, а люди были остро необходимы для такой трудозатратной отрасли экономики, как металлургия. Народы Урала – башкиры и калмыки¹ – были кочевниками и не могли стоять у огнедышащих и грязных печных топков. Все попытки затащить их на завод с помощью заработной платы или угрозы физической расправы провалились. Т.к. в России, в отличие от Англии, не было движения огораживателей земли, привлечь на Урал работников было невозможно, поскольку русские люди, связанные крепостным правом и правительственными указами, не могли оставить свою родину². Поэтому Петр I понял, что большинство мастеровых и рабочих людей придется направлять на Урал принудительно. Но что дало использование подневольного труда? Удалось ли с помощью него реализовать планы государства? Какова была социальная и экономическая цена этого? Такие вопросы постоянно задавались в дореформенной России. И лишь один вопрос русское правительство не озвучило сразу (его часто забывают поставить и западные историки): несут ли сами заводы ответственность за то, что, по существу, придало неповторимость истории рабочего класса в России?

Первое время проблему квалифицированных кадров обычно решали просто. Андрей Виниус и другие предприниматели-иностранцы, типа Петра Марселеса и Андрея Бутенанта, нанятые русским правительством после 1630 г. для превращения кустарных заводов в современную металлургическую промышленность, приглашали мас-

¹ <Авторы ошибаются – кочевья калмыков располагались гораздо южнее>.

² О разнице между западным и восточноевропейским сельским опытом и его значениями для капиталистического развития см.: *Anderson P. Lineages of the Absolutist State*. London, 1974 (особенно P.195-235).

теровых из Европы³. Русское правительство редко возражало против этого, но требовало, чтобы иноземцы обучали русских металлургии.

Конечно, мастера составляли крайне малочисленную часть людей, занятых в XVII в. в металлургии. Железодельным и медеплавильным заводам требовалось много рабочих рук для рубки леса, углежжения, добычи руды, ее перевозки на предприятие, и, наконец, вывоза готовой продукции⁴. Правительство мало помогало горнозаводчикам выписывать мастеровых за границей, однако активно содействовало привлечению отечественных чернорабочих. Казна разрешила привлекать свободных (государственных) крестьян для сезонных работ на новых горных заводах. Эти полурабочие, переданные казенным или частным предприятиям, стали называться «приписными крестьянами», превратившись в имущество завода. Все взрослые мужчины были обязаны отрабатывать на предприятии 2-4 недели (хотя на практике этот срок был гораздо больше), взамен чего заводчики оплачивали их обязанности (тягло) государству; только за работу, выполненную сверх этих обязанностей, им платили деньгами. Размер этой зарплаты («плакатная работа»), был меньше, чем у вольнонаемных. Время пути приписных от своего дома до завода (иногда на расстояние до 600 км) не оплачивалось. Наконец, приписные крестьяне чтобы содержать себя и свои семьи, продолжали попутно заниматься земледелием.

Необходимая в виду слабости рынка рабочей силы приписка частично решила кадровый вопрос. Каждый заводчик в XVII в. владел приписными крестьянами. Это сыграло положительную роль после начала в 1700 г. войны со Швецией, когда царь был вынужден перенести металлургическую промышленность из легкодоступного северо-запада страны в более безопасные Уральские горы. На всех 28 горных заводах Урала приписка стала основной формой набора чернорабочих. Она началась в декабре 1702 г. – январе 1703 г. с отправки на заводы государственных крестьян Аятской и Краснопольской слобод, а также деревень Покровского монастыря. Около 2500 крестьян навечно передали Невьянскому железоделательному заводу, крупнейшему из 12 металлургических предприятий русского заводчика Никиты Демидовича Демидова и его сына Акинфия⁵. А уже к 1719 г., согласно данным первой ревизии, 31000 душ мужского пола были приписанными к металлургическим заводам; из них почти 30000 душ числились на Урале⁶.

Введение Петром института приписки обеспечило уральские металлургические заводы постоянным источником вспомогательной рабочей силы, но подобно воинской повинности, эта мера не смогла удовлетворить постоянно растущие запросы предприятий. Проблему пытались решать разными путями. Так, например, отлавливали и отправляли на заводы нищих, бездомных, проституток и т.п., чтобы они приносили пользу для государства⁷. Но этого было явно недостаточно. Тогда государство разрешило недворянам покупать крепостных. Ранее Петр I позволил Никите Демидову, в

³ *Amburger E.* Die Familie Marselis: Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte (опубликовано в качестве: Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe 1). 1957. S.104; *Панкратова А.М.* Формирование пролетариата в России. М., 1963. С.219, 223; *Grau C.* Russisch-sächsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- und Huttenwesens in der erste Hälfte des 18. Jh. // *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas.* 1960. Bd. 4. S.302-30.

⁴ В их обязанности также входило строительство и ремонт плотин и заводов, защита предприятий от восставших туземцев и охрана караванов на торговых путях. Об обязанностях приписных крестьян см.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т.II. С.306.

⁵ *Спаский Г.И.* Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова. СПб., 1833. С.79-83. *Hudson Jr. H.* Free Enterprise and the State in Eighteenth-Century Russia: The Demidov Metallurgical Empire // *Canadian Slavonic Papers.* 1984. Vol. 26. No. 2-3. P.185-186.

⁶ *Семевский В.И.* Указ. соч. Т.II. С.304-305.

⁷ Такие указы, относящиеся к различным отраслям промышленности см.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.V. № 3313 (26 февраля 1719 г.), Т.VI. № 3808 (26 июля 1721 г.), № 4006 (11 мая 1722 г.)

то время еще купцу, приобрести крестьян для Невьянского завода⁸. Указ от 18 января 1721 г. разрешил всем заводчикам неблагородного происхождения покупать к предприятиям целые деревни, что привело к возникновению категории «купленных крестьян» (с 1797 г. – «посессионные крестьяне»). Будучи приписанными к предприятию, посессионные крестьяне или, точнее, «заводские крепостные», не могли быть просто так освобождены или проданы (переданы) другому владельцу⁹. Они не подлежали рекрутскому набору: работая на военных заводах, эти люди уже как бы являлись солдатами. Таким образом, крестьяне поставляли заводу чернорабочих, а в дальнейшем и рабочих людей.

Дефицит последних тоже был большим. Иностранцы, особенно немцы, больше не могли удовлетворить потребности быстро развивающейся российской металлургии. Кроме того, их труд был очень дорог. Для выхода из сложившейся ситуации нужно было что-то делать. Передавая казенный Невьянский завод Никите Демидову, Петр I разрешил ему взять с собой на Урал 20 лучших вольнонаемных тульских кузнецов, а также отдал Демидову польских и шведских военнопленных, в том числе опытных мастеров¹⁰. Кроме того, Демидовы рассчитывали на помощь своих единоверцев-раскольников, которые могли бы собрать тульских и олонекских (это центры старообрядчества) мастеровых¹¹. Раскольники были рады работать на окраине страны, вдали от длинных рук государства. Металл был для казны важнее и она сквозь пальцы смотрела на это обстоятельство.

Тем не менее, рабочих людей на Урале по-прежнему было мало, а их труд был дорог. Тогда государство вновь прибегло к внеэкономическому принуждению. Здесь оно нашло для себя невольного сообщника в лице помещиков, поскольку в первой четверти XVIII в. беглые крепостные составляли большинство рабочей силы на крепостной мануфактуре. Усиление помещичьей эксплуатации привело к массовому бегству крепостных из земледельческого центра России на окраины, в первую очередь на Урал, где эти «пришлые люди» попадали на новые металлургические предприятия, и нередко обучались у местных мастеровых. Учитывая острую нехватку рабочей силы, государство позволило беглым (по тогдашним правовым нормам – преступникам) остаться на заводах. Указ от 18 июля 1721 г., разрешивший заводчикам (как дворянам, так и не имеющим этого статуса) оставлять у себя беглых крепостных работников, получивших заводскую профессию, свидетельствовал о намерении правительства и дальше ограничивать права дворянства; прежним хозяевам крепостных за это выплачивалась компенсация¹².

При Петре государство обеспечивало металлургию рабочей силой в основном тремя способами: припиской государственных крестьян к казенным и частным горным заводам; разрешением недворянам покупать для своих предприятий крепостные деревни; предоставлением заводчикам права оставлять у себя получивших заводскую профессию беглых крепостных. Использование в совокупности всех этих мер дало положи-

⁸ Спасский Г.И. Указ. соч. С.71. Б.Б.Кафенгауз ошибочно считает, что Демидов в то время не имел права покупать крестьян: *Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв: Опыт исследования по истории уральской металлургии.* М.; Л., 1949. Т.I. С.95.

⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т.VI. № 3711. Фактически, после решения Берг- и Мануфактур-коллегии, переводы рабочих с одного завода на другой были разрешены.

¹⁰ Огарков В.В. Демидовы, основатели горного дела в России. СПб., 1891. С.27.

¹¹ Зеньковский С.А. Старообрядцы – технократы горного дела Урала // Записки Русской академической группы в США. 1976. Т.10. С.154-57. Старообрядчество, вызванное расколом русской церкви в XVII в., было, в частности, попыткой низов сохранить свою культуру от иностранного религиозного и светского проникновения. О роли староверов в русской металлургии см.: *Hudson Jr. H. The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the Eighteenth Century.* Newtonville (Mass.), 1986. P.72-78. В 1753 г. государством было учтено 36842 старообрядцев (лишь малая часть этой категории населения), 4165 из них работали на невянских заводах Демидова, возможно, потому, что там они почти не боялись переписи.

¹² Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 4055.

тельный эффект. В 1725 г., когда ушли из жизни и Петр I, и Никита Демидов, заводы последнего выплавляли 6646 т чугуна, а казенные предприятия – всего лишь 3915 т¹³. Впервые в своей новой истории Россия смогла обеспечивать себя железом, и, таким образом, создать свою оружейную промышленность и постепенно стать ведущим экспортером этого металла.

Приписные крестьяне, однако, по-своему относились к заводскому труду. Уже в 1720-е гг. они начали оказывать ему сопротивление, требуя уравнивать свою зарплату с вольнонаемными работниками. Желая остаться землепашцами, они стремились нанять для заводских работ кого-то со стороны. Но это было сделать не просто: приписным платили по 24 коп. за заготовку 1 сажени (7 куб. футов) леса, а за подмену им приходилось выкладывать из своего кармана за тот же объем работ 50 коп. За жжение одного и того же объема угля приписным платили только 2/3 части зарплаты вольнонаемного работника¹⁴. И только когда зарплата приписных сравнялась с зарплатой вольнонаемных, они смогли позволить себе нанимать подмену и вести свое хозяйство¹⁵.

Протесты приписных крестьян вынудили одного из «птенцов гнезда Петрова», В.Н.Татищева, попытаться отменить подневольный заводской труд. Татищев стал начальником Горных дел канцелярии в конце 1720 г., как раз накануне окончания Северной войны. Он считал, что принудительный труд малоэффективен, и как полномочный представитель царя, попытался его реформировать. Татищев полагал, что для строительства горных заводов и вспомогательных работ следует привлекать вольнонаемных, в основном беглых крепостных, поскольку такой работник «нигде себе хлеба не может получить и рад за невеликое пропитание работать, отчего заводы вскоре с малым убытком придти в состояние могут»¹⁶. Допуская, что набирать обученных мастерству людей из-за их дефицита можно и принудительно, Татищев, очевидно, все же был против использования несвободного труда приписных и купленных крестьян на вспомогательных работах.

Представления Татищева о легкости перехода от принудительного к вольнонаемному труду оказались ошибочными. Он был глубоко потрясен, когда понял, что найти столько людей ему не удастся¹⁷. Беглые, осевшие на Урале, предпочитали селиться вокруг заводских стен, заниматься земледелием, но не стремились войти в заводские ворота. Временно избавившись от контроля чиновников и, следовательно, не платя никаких налогов, они стали неплохо жить. Не имея специальных инструкций на этот счет, Татищев решил, что обязанность крестьян платить оброк вынудит их работать за плату. Эти планы испугали уральских заводчиков, полагавших, что лишь принуждение тех же самых крестьян к временному труду решит все проблемы; проекты Татищева поставили под угрозу могущество Демидовых, считавших себя хозяевами Урала. Подключив свои связи в Санкт-Петербурге, последние добились в 1722 г. отзыва царского посланника и вновь могли теперь поступать по своему усмотрению.

В 1734 г. Татищев опять оказался на Урале. На сей раз он получил от императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) строгие «инструкции», которые в вопросе о найме рабочей силы противоречили его представлениям начала 1720-х гг. На всем протяжении российской истории военные действия или их угроза делали невозможным ослаб-

¹³ Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С.189, 195.

¹⁴ Соколовский И.В. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и первой половине XVIII столетия // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1890. Кн. 3. С.46-50.

¹⁵ Тарифы для приписных работников по указу от 20 января 1724 г. были следующими: летом – 10 коп. в день для крестьян с лошадьми и 5 коп. – для безлошадных; зимой – 6 коп. в день для крестьян с лошадьми и 4 коп. – для безлошадных (Полное собрание законов Российской империи. Т.VII. № 4425).

¹⁶ Цит. по: Кривоногов И.Я. Наемный труд горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959. С.127.

¹⁷ Бестужев-Рюмин Б.К. Василий Никитич Татищев: администратор и историк начала XVIII века (1686-1750 гг.) // Древняя и новая Россия. 1871. № 1. С.13.

ление насилия; послепетровский период в этом отношении не был исключением. С учетом того, что не за горами были борьба за польское наследство и война с Османской Портой, казна вряд ли хотела экспериментировать в сфере труда. Уравнивание заработной платы приписных крестьян с вольнонаемными работниками ликвидировало бы рынок свободной рабочей силы. В инструкциях Татищеву подчеркивалось, что вольнонаемные должны привлекаться только к квалифицированным работам, а черно-рабочие – набираться только из приписных¹⁸. Чтобы запретить наем беглых крестьян, среди которых Татищев ранее надеялся получить рабочих людей и чернорабочих, Кабинет определил, что нанимать на заводы можно только крестьян с «помещиковыми и управительскими» паспортами, а беглых, обосновавшихся на заводах или поблизости от них, следует с завода удалить¹⁹. Кабинет требовал, чтобы «в заплате с мастерами правильно поступали, и лишнюю передачею (т.е. переплатой. – *Авт.*) мастеров друг от друга, також и беглых крестьян не приманивали и не держали» и запретил платить вольнонаемным работникам больше, чем приписным крестьянам. Признавая все же возможность использования в ряде случаев приписных, Татищев был категорически против ограничения найма беглых. Политика, основанная на принуждении, предупреждал он императрицу, не только не будет способствовать строительству новых горных заводов, но и приведет к упадку уже существующих²⁰.

Однако Татищев продолжал придерживаться своих прежних взглядов, выступая за расширение применения на заводах вольнонаемной рабочей силы. С этой целью он созвал в 1734 г. в Екатеринбурге совещание горнопромышленников, чтобы принять новый Горный устав, призванный регулировать отношения между заводоладельцами и работниками, определить единые размеры зарплаты и улучшить условия труда, заложив таким образом основу для расширения вольного найма²¹. Татищев также пытался открывать школы для детей мастеровых и требовал от заводчиков оплачивать людям вынужденный простой заводов или время болезни²².

Предложения Татищева по улучшению условий труда могли снизить доходы заводоладельцев. Они моментально забыли свои ссоры друг с другом и объединились против Татищева. Демидовых поддержали Строгановы, и в конечном счете Татищева перевели на Южный Урал усмирять бушевавшее там восстание²³.

Таким образом, государство предпочитало решать проблему рабочей силы в металлургии петровскими методами. Еще до отправки Татищева на Южный Урал оно расширило использование принудительного труда в металлургии. В 1734 г. правительство сформулировало основные принципы приписки, тем самым превратив отдельные явления в постоянную практику. Всякому владельцу горного завода разрешалось иметь на 1 домну 100-150 дворов приписных государственных крестьян, а на каждый молот – по 30 дворов; для выплавки 18 т меди полагалось иметь 50 дворов (200 душ мужского пола)²⁴. Менее чем через 2 года, 7 января 1736 г. всем работным людям вместе с семьями было предписано постоянно жить по месту своей работы²⁵. Одним росчерком пера

¹⁸ Указ от 23 марта 1734 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6559.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бак И. С. Экономические воззрения В. Н. Татищева // Исторические записки. 1955. Т. 55. С. 376.

²¹ См.: Горловский М. А., Павленко Н. И. Материалы совещания уральских промышленников, 1734-1736 гг. // Исторический архив. 1953. Т. 9. С. 5-155.

²² Павленко Н. И. «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Исторический архив. 1951. Т. VI. С. 199-244.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. №№ 6849 (23 декабря 1735 г.), 6939 (15 апреля 1736 г.); Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 181-92.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6559, пункт 9.

²⁵ Там же. № 6858. Чтобы удовлетворить жалобы помещиков на заводчиков, удерживавших их крестьян, государство приказало промышленникам выплатить компенсацию беглым мастеровым, а остальных возратить их законным хозяевам.

большинство вольнонаемных работников лишились свободы²⁶. Стремясь обеспечить горнозаводскую промышленность работными людьми, правительство Анны Иоанновны создало новую социальную категорию «вечноотданных». Оно полагало, что избавившись теперь от соблазна более высокой заработной платы, которую получали вольнонаемные работники, приписные крестьяне станут теперь заводскими рабочими. В противном случае их самовольный уход отныне приравнялся к побегу крепостных, за что грозило суровое наказание²⁷.

Множество челобитных, поданных приписными, их длительное сопротивление, переросшее в восстание, охватившее большую часть Урала, свидетельствовали, что надежды правительства не оправдались. Таким образом, если создание мощной горнозаводской промышленности, основанной на принудительном труде, было вызвано войной, или угрозой ее возникновения, то рабочие волнения в середине XVIII в. вынудили государство пересмотреть свою трудовую политику. Чтобы погасить волнения, правительство начало исподволь собирать информацию об условиях работы на Урале. Изучив ее, оно сначала приняло меры по улучшению условий труда, затем частично, а позже и полностью освободило приписных крестьян. Все это прекратило приписку, улучшило условия труда, и, наконец, позволило большинству крестьян заниматься своим домашним хозяйством. Но только всеобщее освобождение 19 февраля 1861 г. позволило всем приписным уйти с заводов, предоставив предприятия рынку свободного труда.

Как уже отмечалось, правительство не прислушивалось к требованиям крестьян. В 1740-е гг. постоянные жалобы и отдельные забастовки привели к осознанию заводчиками и правительством того факта, что ситуация на Урале далека от нормальной²⁸. В то время опасности ни для металлургической промышленности, ни для государства еще не было, но в 1750-е – начале 1760-х гг. отдельные волнения переросли в крупномасштабное восстание²⁹. К тому же Россия опять оказалась вовлечена в международный конфликт, на сей раз с сильнейшей Пруссией. Не умирив Урал, нельзя было победить в Семилетней войне. Не сумев тогда подавить восстание силой, власти вынуждены были пересмотреть свою тогдашнюю трудовую политику.

Поскольку приписные крестьяне были движущей силой заводских восстаний, правительство Елизаветы Петровны (1741-1761) пришло к выводу, что дальнейшее использование приписки лишь усугубит ситуацию, и поэтому после 1760 г. оно прекратило отдачу государственных крестьян на металлургические предприятия. Преемники Елизаветы Петр III (1762) и Екатерина II (1762-1796) продолжили этот курс. Хотя никаких законов насчет этого издано не было, сенатский указ от 15 сентября 1763 г. запретил приписку крестьян Исетской провинции на екатеринбургские рудники³⁰. Это правило оставалось в силе на протяжении всего 34-летнего царствования Екатерины. Ее попыткам ограничить масштабы приписного труда на горных заводах предшествовало 29 марта 1762 г. решение Петра III отменить указ от 18 января 1721 г., предостав-

²⁶ См.: Павленко Н.И. К вопросу о рынке рабочей силы для металлургических мануфактур в 20-40-х годах XVIII века // Вопросы истории. 1952. № 3; Он же. Zum Problem der Struktur der russischen Manufaktur im 17.-19. Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. 1969. Bd. XIII. № 2.

²⁷ См.: Zelnik R. The Peasant and the Factory // The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P.165-66.

²⁸ См.: Волнения работных людей и приписных крестьян на металлургических заводах России в первой половине XVIII в. М., 1975. Т.I-III.

²⁹ О волнениях на Урале в 1750-1760-е гг. см.: Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979; Мавродин В.В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725-1773). Л., 1964. Ч. I. С.47-64.

³⁰ Н.И.Павленко утверждает, что это заявление означало конец приписки к рудникам и мануфактурам: Павленко Н.И. Наемный труд в металлургической промышленности России во второй половине XVIII в // Вопросы истории. 1958. № 9. С.43. Данное законодательство, к сожалению, не включено в «Полное собрание законов Российской империи».

лявший недворянам право покупки крепостных для своих заводов³¹. Теперь купцы должны были укомплектовывать металлургические предприятия вольнонаемными работниками³². Для заводовладельцев же благородного происхождения (но не тех, кто получил дворянство в знак признания своих заслуг) никаких ограничений по-прежнему не было.

Пересмотр правительством в 1760-1763 гг. двух из трех базовых составляющих его трудовой политики не уладило непокорных рабочих, т.к. ни прекращение приписки, ни запрет покупки крепостных для предприятий, изменивший статус людей, не делали их независимыми от уральских заводов. Вступив на престол в июне 1762 г., Екатерина II обнаружила на Урале 49000 восставших приписных крестьян (в России численность этой категории населения была 142517)³³. Многие из них трудились на казенных предприятиях, которые были отданы или проданы высокопоставленным сановникам: Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым, Ягужинским и др. Рабочих не обрадовала национализация заводов: они требовали освободить их от промышленного труда. Они могли захватить на заводе оружие, которое подняли бы против правительства, поставив под угрозу функционирование предприятий, без которых страна не смогла бы вести войны. Екатерина отвергла требования восставших, опасаясь, что в противном случае это сократит численность рабочей силы и остановит производство. Но она, тем не менее, направила на Урал князя А.А.Вяземского, снабдив его секретными инструкциями.

Если ранее трудовую политику империи определяли военные соображения, то теперь на нее влияло постоянно нарастающее сопротивление заводских работников. Поэтому правительство решило тщательно выяснить причины их недовольства³⁴. Екатерина поручила Вяземскому узнать, как идет на Урале процесс замены приписных крестьян вольнонаемными работниками и разобраться, «не лучше ли работы горные производить за плату вольную и наемными работниками»³⁵. Имея на руках инструкции и царский манифест, призывавший бунтовщиков вернуться к работе, Вяземский в конце декабря 1762 г. прибыл в Казань. За 11 месяцев он с помощью ружей и пушек усмирил бунтовавший уже 3 года Урал.

Приписные крестьяне смогли вручить Вяземскому свои челобитные. Применение им пушек не отбило у крестьян тягу к свободе. Удовлетворение их требований позволило бы им сохранить землепашество³⁶. Крестьяне пытались растолковать царскому вельможе, что сезонный характер приписки разрушает их личное хозяйство, поскольку в период полевых работ в деревнях остаются лишь женщины, дети, калеки и старики. Люди также жаловались на злоупотребления заводчиков и приказчиков, низкие зарплаты и длительные сроки заводских работ, удаленность заводов, за переход к которым ничего не платили, круговую поруку и прикрепление к заводу вечноотданных. Так или иначе, все они считали приписку угрозой своему традиционному образу жизни.

Из жалоб, рассмотренных Вяземским, наибольшее значение имели те, что подали приписные крестьяне Камского горного завода, поскольку именно они легли в основу подготовленных князем предложений. 9 апреля 1763 г. Екатерина издала указ, не-

³¹ Полное собрание законов Российской империи. Т.XV. № 11490.

³² Через 4 месяца после издания указа Петра его преемница Екатерина II подтвердила его 8 августа 1762 г.: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVI. №1638. Исключение было сделано для отдельных иностранных предпринимателей. В 1798 г. Павел I восстановил право недворян покупать крепостные деревни для нужд заводов, но этим воспользовались, кажется, немногие.

³³ Эта цифру назвала сама Екатерина девятью годами позже: Сборник Русского исторического общества. Т.10. С.380. Если эта цифра верна, то в таком случае примерно 35 % приписных крестьян участвовали в восстании в период его наивысшего подъема.

³⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 7. С.188-196.

³⁵ Там же. С.192 (ошибочно обозначена как 182).

³⁶ Много челобитных опубликовано в кн.: Орлов А.С. Указ. соч. С.192-263.

сколько улучшивший положение полурабочих³⁷. Признав тяжелое положение приписных крестьян, она ограничила их пребывание на заводе 3 месяцами. Заводовладельцам и приказчикам было запрещено заставлять людей трудиться сверх этих сроков и предписывалось платить приписным крестьянам столько, сколько им было нужно для внесения подушной подати. Рабочим разрешили выбирать лиц, которые будут следить за выполнением работ, выдавать заработную плату и сообщать о злоупотреблениях местным властям. В свою очередь, императрица потребовала, чтобы приписные выполняли положенную им работу в полном объеме. Т.к. эти решения ставили под угрозу слишком многое – выпуск вооружения и экспорт железа, то, приняв их, Екатерина II не сделала еще одного шага: она не пошла на освобождение приписных.

17 марта 1764 г., менее чем через год после обнародования упомянутого указа, Вяземский представил ей свое итоговое заключение. Полагая, что причиной волнений были тяжелые условия труда на частных горных заводах и увеличение в 1761 г. подати, он, тем не менее, предложил лишь отдельные косметические меры³⁸. Самым радикальным из них было предложение перевести приписных крестьян партикулярных заводов на казенные предприятия. Кроме того, Вяземский предлагал уравнивать их зарплату с вольнонаемными работниками и оплачивать сезонный переход крестьян на заводы, если он составлял свыше 200 км. Наконец, он внес предложения по регламентации труда и его организации, очерченные указом Екатерины. Как и Екатерина, Вяземский полагал, что улучшение положения приписных поможет им приспособиться к новому образу жизни.

Вяземский не хотел освобождения приписных. Он советовал императрице восстановить действие указа 1721 г., разрешавшего купцам покупать крепостных для своих заводов, очевидно полагая, что заводчики теперь смогут обойтись и без приписки. Если бы давние просьбы приписных крестьян оплачивать их труд наравне с вольнонаемными работниками (чтобы они, в свою очередь, могли нанимать себе замену) были бы реализованы немедленно и без злоупотреблений, это на время ослабило бы напряженность на Урале. Но Екатерина не решилась на это и не стала распространять на всю промышленность действие указа от 9 апреля, одобрив лишь часть рекомендаций Вяземского³⁹. Не удивительно, что приписные крестьяне были разочарованы и стали готовиться к новому, еще более крупному бунту. Условия для успеха Пугачевщины сложились.

Когда в сентябре 1773 г. донской казак Емельян Пугачев возглавил восстание, к нему присоединились и приписные крестьяне. Манифест самозванца к приписным крестьянам Авзяно-Петровского горного завода свидетельствует, что он гораздо лучше,

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 11790. Хотя указ касался только прикамских крестьян, императрица предполагала распространить его действие на всю металлургическую промышленность.

³⁸ Об итоговом докладе Вяземского см.: Орлов А.С. Указ. соч. С.158-60. Увеличение налогов, которое предлагал князь, было сделано 12 октября 1761 г. Этот закон, однако, отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи».

³⁹ В 1767 г. правительство распространило действие указа от 9 апреля 1763 г. на все казенные заводы. Он также применялся в ходе волнений на частных заводах: Portal R. L'Oural au XVIIIe siècle: étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1950. P.319; Семевский В.И. Указ. соч. Т.II. С.405-08; Madariaga Isabel de. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P.124-125. Также примечательным является то обстоятельство, что 27 мая 1769 г. Екатерина издала указ, который повышал жалованье приписным крестьянам и вводил оплату их переходов из деревень на заводы: Полное собрание законов Российской империи. Т.XVIII. № 13303. Хотя повышение заработной платы и оплата переходов на большие расстояния должны были улучшить условия существования приписных крестьян, в действительности они сказались мало, поскольку за год до этого (в 1768 г.) возрос размер подати: Там же. № 13194.

чем Екатерина или Вяземский, понял их психологию⁴⁰. Пугачев призвал заводчан поддержать истинного императора и дать ему бомбы и мортиры, а взамен даровал их «кремлем и бородою, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию»⁴¹. Приписные восприняли слова «всякою вольностию» как освобождение, в то время как фраза «рекою и землею» должно быть, покорила сердца тех, кто тосковал по своей деревне и статусу государственного крестьянина. На всем Южном Урале приписные крестьяне или присоединялись к повстанцам или уходили к себе домой. В апогее пугачевского восстания (февраль 1774 г.) 64 из 129 уральских заводов, с более чем 40000 приписных крестьян перешли на сторону самозванца⁴². Но в том же 1774 г. армия Пугачева была разбита войсками, только что вернувшимися с русско-турецкой войны.

Восстание Пугачева нанесло огромный ущерб металлургии Урала. Общая сумма убытков от разрушения и простоя заводов оценивается в 5536193 руб.⁴³ Однако предприятия удалось быстро восстановить, и заводы вскоре вновь начали работать в полную силу. Восстание повлияло на судьбу приписных крестьян, открыто выразивших свое отношение к принудительному труду. Главный следователь правительства Екатерины II на Урале капитан С.И.Маврин сообщал, что приписные крестьяне, которых он считал ведущей силой восстания, снабжали самозванца оружием. Капитан объяснял это тем, что заводчики угнетали своих приписных, вынуждая крестьян преодолевать долгий путь до заводов, запрещали им заниматься земледелием и продавали продукты по завышенным ценам. Маврин считал, что для предотвращения в будущем подобных волнений необходимо принять решительные меры⁴⁴.

Вслед за Вяземским, он уверовал в привыкание приписных к заводскому труду. Екатерина писала Г.А.Потемкину, что Маврин «об заводских крестьян что говорит, то все весьма основательно, и думаю, что с сими иною делать нечего, как купить заводы и, когда будут казенные, тогда мужиков обলেখчить»⁴⁵. В целях ликвидации наиболее отрицательных сторон приписки (без освобождения при этом людей) она издала 19 мая 1779 г. манифест об общих правилах использования приписных крестьян на казенных и партикулярных предприятиях⁴⁶. Будучи гораздо прогрессивнее всех прежних законов Российского государства, этот документ тем не менее всего лишь определял перечень работ приписных крестьян: заготовку леса, углежжение и вывоз древесного угля, перевозку руды и песка, строительство и ремонт плотин. Манифест существенно увеличил их заработную плату и вновь подтвердил право крестьян платить 1 руб. подушной подати (из 2 руб. 70 коп.) деньгами, а остальные 1 руб. 70 коп. вносить отработкой. Екатерина надеялась, что все эти меры успокоят крестьян.

Если ранее императрица прекратила процесс приписки крестьян к горным заводам, то теперь она попыталась облегчить положение уже имевшихся приписных. Сделать еще один шаг и отменить крепостное право она не могла. С ее точки зрения манифест, направленный на недопущение будущих беспорядков и обеспечение нормальной работы промышленности, был вынужденной уступкой. По мнению же рабочих, отдельных послаблений было явно недостаточно.

⁴⁰ О роли отдельных предприятий в восстании под предводительством Е.И.Пугачева см.: Пруссак А.В. Заводы Ижевский, Воскресенский и Авзяно Петровский, работавшие на Пугачева // Исторические записки. 1940. Т. 8.

⁴¹ Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М. 1975. С.30-31.

⁴² Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С.237-38.

⁴³ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С.475 и сл.

⁴⁴ Alexander J. Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773-1775. Bloomington, 1969. P.145.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. № 14878.

Хотя этот манифест не мог рассчитывать на долгую жизнь, на некоторое время он все же сумел предотвратить крупные волнения приписных⁴⁷, поскольку сократил крестьянам время заводских работ, позволив им больше заниматься земледелием. Несмотря на сохранение крепостного права, в последние 17 лет царствования Екатерины на Урале не было никаких волнений. Еще никогда материальное положение приписных крестьян не было таким хорошим. Законодательство создало стабильность, что являлось благом для горных заводов России.

Но волнения приписных крестьян не стали достоянием истории. Забастовки начала XIX в. вынудили властей провести новую реформу. Ряд членов правительства Павла I, особенно главный директор Берг-коллегии М.Ф.Соймонов, были убеждены, что практика приписки подрывает металлургию. Возражая консерваторам, Соймонов считал, что освобождение большинства подневольных работников принесет только пользу, поскольку труд, основанный на экономическом принуждении, а не на кнуте, будет более эффективным.

Если, с одной стороны, волнения рабочих подталкивали правительство к ликвидации системы приписки, то с другой военные потребности страны вынуждали ее сохранять. России вновь угрожало нашествие, но уже не Карла XII Шведского, а Наполеона Бонапарта, и правительство не хотело полностью отказываться от услуг приписных. Встав перед выбором: или устранить причины волнений приписных крестьян или сохранить военное производство, русское правительство остановилось на втором варианте. Часть бывших приписных крестьян превратились в «непременных работников», обязанных трудиться весь день на заводе. Соймонов полагал, что 58 непременных заменят 1000 приписных⁴⁸.

Хотя по предложению Соймонова Павел I указом от 9 ноября 1800 г. ввел институт «непременных работников», это встретило такое сопротивление при дворе, что реализацию закона пришлось отложить. Вместе с проблемой прекращения волнений приписных крестьян продолжал решаться вопрос об освобождении полурабочих, поскольку предложения, выдвинутые при Павле, легли в основу реформы, осуществленной императором Александром I. В 1802 г. на Урал были командированы И.Ф.Герман и А.Ф.Дерябин. Им поручалось предложить нечто лучшее, чем замена приписных крестьян непременными работниками, и реализовать указ Павла. Опираясь на данные отчетного доклада этих чиновников, император ввел в 1806 г. на уральских горных заводах военные порядки, а 15 марта 1807 г. отменил приписку⁴⁹. Хотя этот указ реализовывал рекомендации Соймонова, обратим внимание читателя на два момента. Во-первых, немедленному освобождению от приписки подлежали только приписные казенных горных заводов, а на частных предприятиях оно откладывалось до 1 мая 1813 г. Во-вторых, указ распространялся только на уральские заводы. Конечно, большинство приписных работало на Урале, но их было немало и на олонечских, алтайских, луганских и нерчинских рудниках и горных заводах. Они почти не бунтовали, и это дорого им обошлось. Считается, что указ 1807 г. освободил приблизительно 217115 приписных крестьян Пермской, Тобольской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерний. Однако то же самое законодательство сохранило для приблизительно 17850 непременных работников связь с уральской металлургией. Они, однако, не стали «вечноотданными» на предприятия: им нужно было отработать на заводе 30 лет, а их детям – 40.

⁴⁷ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. XXVII. С.174.

⁴⁸ *Кривоногов В.Я.* Указ. соч. С.110-111; *Гольденберг Л.А.* Михаил Федорович Соймонов (1730-1804). М., 1973. С.140. Эта цифра была установлена в 1807 г. для частных заводов; каждый казенный завод должен был определять ее сам: Полное собрание законов Российской империи. Т.XXIX. № 22498. Указом от 15 марта 1807 г. «непременные работники» юридически и социально были уравнены с вечноотданными: Положение для непременных работников при горных заводах // Там же.

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19641.

Как только представители этой недавно созданной категории работников становились немощными, заводы выбрасывали их за борт.

Освободив большинство приписных крестьян, Александр дал понять, что он пойдет дальше Екатерины II. В то же время, этот акт демонстрировал намерение государства надолго сохранить свою прерогативу поставки работников для металлургии. Управление горных округов, как и прежде, не верило, что свободный рынок может поставить для металлургии необходимое количество рабочей силы. Сам термин «непременные работники» свидетельствует об уверенности государства в том, что рудники и заводы не смогут существовать без них. С этой точки зрения указ 1807 г. не следует рассматривать в качестве провозвестника освобождения от принудительного труда. Частые восстания приписных крестьян в тех областях, которые не затронуло законодательство, свидетельствовали, что освобождение, дарованное им Александром I, лишь частично сняло проблему волнений. Крупные волнения прокатились в первой трети XIX столетия по Олонецку и Алтаю⁵⁰. Полагая, что полное освобождение не решит проблему, государство не распространило действие указа 1807 г. за пределы Урала. Оно опасалось, что свободный рынок не даст столько рабочей силы, и поэтому заставило олонечских и алтайских приписных крестьян, а также их посессионных собратьев дожидаться всеобщего освобождения, которое наступило только в феврале 1861 г.⁵¹

Здание, столь настойчиво возводившееся русскими царями более двух столетий, рухнуло с началом в 1853 г. Крымской войны. Не перенеся военного поражения России, Николай I умер в 1855 г., поручив своему сыну Александру II воссоздать былую мощь империи. Надеясь переломить ход войны, новый император сначала выступал за ее продолжение. Однако в январе 1856 г. на вопрос царя о возможностях этого российский военный министр генерал Н.О.Сухозанет твердо заявил, что финансовые, военные и промышленные ресурсы Западной Европы гораздо мощнее. Александру II было прямо сказано, что продолжение военных действий поставит под угрозу само существование государства. Стало ясно, что крепостничество себя изжило. Методы, которые показали свою эффективность в XVII-XVIII вв., в середине XIX в. были уже анахронизмом. В свое время военные нужды вызвали появление на металлургических предприятиях принудительного труда, и они же теперь привели к его упразднению. Взаимосвязь между войной и переменами в России была в 1856 г. достаточно условна. Военное поражение России могло привести к радикальным изменениям, равно как и военная победа способствовала бы сохранению сложившегося ранее устройства. Прогрыш в войне выявил неэффективность неменных работников, показав, что подневольный труд приводил к техническому застою, низкой производительности русского рабочего по сравнению с его западным собратом и постоянным волнениям на горных заводах, негативно отражавшимся на развитии промышленности. Возрождая идеи В.Н.Татищева, Александр II признал, что на смену принудительному труду теперь должен прийти экономический стимул.

Освобождение последних крепостных крестьян горных заводов стало неизбежным после того, как Александр II 30 марта 1856 г. заявил о своем намерении полностью отменить крепостное право. Поскольку предполагалось освободить свыше 20 млн. помещичьих крепостных, это коснулось бы и более чем 590000 «горнозаводских крестьян».

⁵⁰ Там же. Т. XXIX. № 22498.

⁵¹ О волнениях начала XIX в. см.: *Тальский О.С.* Положение и классовая борьба углеставщиков металлургической промышленности России в феодальном периоде // Вопросы истории СССР и методики преподавания истории в средней школе. Барнаул, 1972. О судьбе олонечских приписных крестьян и решении государства распространить на них законодательство 1807 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. Т. III. № 1916. Всеобщее освобождение было дано Манифестом 19 февраля 1861 г.: Там же. Т. XXXVI. № 36650. Об освобождении приписных крестьян частных заводов см.: Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов // Там же. № 36667. Освобождение несвободных работников на казенных заводах произошло 1 мая 1861 г. (этот документ отсутствует в «Полном собрании законов Российской империи»).

ян». В итоге они получили личную свободу и небольшие земельные наделы. Государство наконец-то покончило с петровским наследием в этом вопросе.

Единственной причиной отказа от принудительного труда в промышленности историки обычно считают проявленную государством мудрость, поскольку труд из-под палки якобы поставил под угрозу дальнейшее существование страны⁵². При этом роль волнений приписных крестьян в столь некорректном примере «революции сверху» часто преуменьшается, если вообще не игнорируется. Но история приписки, изложенная в данной статье, требует переосмысления этой революции, поскольку приписные крестьяне горных заводов сами способствовали ускорению реформы. 100 лет они сопротивлялись попыткам правительства изменить их образ жизни, 100 лет они бросали работу, восставали и гибли, чтобы отстоять свое право быть землепашцами. Когда в 1807 и 1813 гг. большинство их освободили от принудительного труда на горных заводах, это стало в значительной степени заслугой самих приписных. Как писал Карл Маркс, «иногда в истории человечества орудие возмездия создает не пострадавший, а его обидчик»⁵³. История принудительного труда в русской металлургической промышленности и борьба с ним приписных крестьян полностью подтверждают эти слова.

⁵² См., в частности: *The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I. Bariatinskii, 1857-1864*. Paris, 1966. P.21-30.

⁵³ См.: *Mintz S. Caribbean Transformation*. Chicago, 1974. P.150-151.